Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ

№ 17

Москва Кремль. ◇ Петроград Смольный.

Второй год издания

УСТАВ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА.

В 1864 году в Лондоне было создано первое Международное Товарищество Рабочих—Первый Интернационал. В уставе этого Международного Товарищества Рабочих говорилось:

«что освобождение рабочего класса может быть завоевано только самим рабочим классом;

что, борясь за свое освобождение, рабочие должны стремиться не к созданию новых привилегий и монополий, но к установлению равных для всех прав и обязанностей и к уничтожению всякого классового господства;

что экономическое подчинение рабочего монопольному владельцу средств производства, т. е. всех источников жизни, является главной причиной рабства во всех его формах, всего социального зла, всего духовного вырождения и политического подчинения рабочего класса;

что экономическое освобождение рабочего класса является той великой целью, которой всякое политическое движение должно быть подчинено, как средство;

что все стремления к достижению этой цели оставались до сих пор безуспешными, вследствие недостатка солидарности между рабочими различных профессий в каждой отдельной стране и отсутствия братского союза между рабочими различных стран;

что освобождение труда, являясь задачей не местной, не национальной, а социальной, затрагивает интересы всех стран, в которых существует современный общественный строй, и для своего разрешения требует теоретического и практического взаимодействия наиболее передовых стран;

что теперешнее одновременное возрождение рабочего движения в промышленных странах Европы, с одной стороны, возбуждает новые надежды, с другой стороны, серьезно предостерегает от повторения старых ошибок и требует немедленного об'единения до сих пор несвязанных друг с другом движений».

II Интернационал, основанный в 1889 году в Париже, обязался продолжать дело I-го Интернационала, но в 1914 году, в начале мировой войны, он потерпел полный крах. II Интернационал погиб, подточенный оппортунизмом и сраженный изменами вождей, которые перешли на сторону буржуазии.

III Коммунистический Интернационал, основанный в марте 1919 г., в столице Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, в городе Москве, торжественно перед всем миром заявил о том, что он берет на себя продолжение и завершение великого дела, начатого первым Международным Товариществом Рабочих.

III Коммунистический Интернационал сложился в момент, когда заканчивалась империалистская война 1914—1918 гг., в которой империалистская буржуазия различных стран принесла в жертву 20 миллионов человек.

— Помни об империалистской войне!—вот первое, с чем обращается Коммунистический Интернационал к каждому труженику, где бы он ни жил, на каком бы языке он ни говорил.—Помни о том, что, благодаря существованию капиталистического строя, небольшая горсточка капиталистов имела возможность в течение четырех долгих лет заставлять рабочих различных стран резаться между собою! Помни о том, что буржуазная война ввергла Европу и весь мир в страшнейший голод и нищету! Помни о том, что без свержения капитализма повторение таких разбойничьих войн не только возможно, но и неизбежно.

Коммунистический Интернационал ставит себе целью: борьбу всеми средствами, даже и с оружием в руках, за низвержение международной буржуазии и создание международной советской республики, как переходной ступени к полному уничтожению государства. Коммунистический Интернационал считает диктатуру пролетариата единственным средством, дающим возможность освободить человечество от ужасов капитализма. И Коммунистический Интернационал считает советскую власть исторически данной *формой* этой диктатуры пролетариата.

Империалистская война особенно тесно связал судьбы рабочих одной страны с судьбами пролетариев всех стран. Империалистская война лишний раз подтвердила то, что говорилось в уставе I-го Интернационала: освобождение рабочих является задачей не местной или национальной, а задачей *международной*.

Коммунистический Интернационал раз навсегда порывает с традицией II-го Интернационала, для которого на деле существовали только люди белой кожи. Коммунистический Интернационал ставит себе задачей освобождение тружеников *всего* мира. В рядах Коммунистического Интернационала братски об'единяются люди белой, желтой, черной кожи,—труженики всей земли.

Коммунистический Интернационал целиком и беззаветно поддерживает завоевания великой пролетарской революции в России, первой победоносной социалистической революции в мировой истории, и зовет пролетариев всего мира идти по тому-же пути. Коммунистический Интернационал обязуется всеми силами поддерживать каждую советскую республику, где бы она ни создалась.

Коммунистический Интернационал знает, для того, чтобы скорее добиться победы, Международное Товарищество Рабочих, борющееся за уничтожение капитализма и создание коммунизма, должно иметь стройную централизованную организацию. По существу дела, Коммунистический Интернационал должен действительно и фактически представлять собой единую всемирную коммунистическую партию, отдельными секциями которой являются партии, действующие в каждой стране. Организационный аппарат Коммунистического Интернационала должен обеспечивать труженикам каждой страны возможность в каждый данный момент получить максимальную помощь от организованных пролетариев остальных стран.

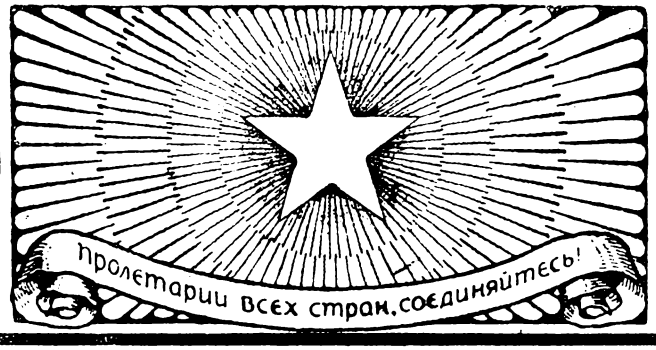
С этой целью Коммунистический Интернационал утверждает следующие пункты Устава:

Ст. 1. Новое Международное Товарищество Рабочих основано для организации совместных действий пролетариев различных стран, стремящихся к одной цели: низвержению капитализма, созданию диктатуры пролетариата и Международной Советской Республики для полного уничтожения классов и осуществления социализма, этой первой ступени коммунистического общества.

Ст. 2. Новому Международному Товариществу Рабочих присвоено название *Коммунистический Интернационал.*

Ст. 3. Все партии, входящие в Коммунистический Интернационал, носят название: Коммунистическая Партия такой-то страны (Секция Коммунистического Интернационала).

КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ

ОРГАН ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА

ВЫХОДИТ ОДНОВРЕМЕННО НА РУССКОМ, ФРАНЦУЗСКОМ, НЕМЕЦКОМ и АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Журнал выходит под редакцией **Г. Зиновьева** и при ближайшем участии Бухарина, Каменева, Ленина, Луначарского, Покровского, Раковского, Рязанова, Троцкого (Россия); Куусинена, Маннера, Сирола (Финляндия); Гримлунда, Нермана, Стрема, Хеглунда, Кильбума (Швеция); Греппа, Транмеля, Фрийса (Норвегия); Вайнкупа, Равестейна, Роланд-Хольст, Рутгерса (Голландия); Томанна, Штейнгардта, Штрассера (Австрия); М. Альберта, Пика, Радека, Тальгеймера, К. Цеткиной (Германия); Т. Квелча, Маклина, Панкхерст, Роштейна (Англия); Гильбо, Делиньера, Лорио, Лефевра, Р., Монатта, Суварина, Кашена, Перика, Садуля, Фроссара (Франция); Балабановой, Бомбаччи, Бордига, Грамши, Терначини (Италия); Герцога, Мюнценберга, Платтена, Эмбер-Дроза (Швейцария); Альпари, Бела-Куна, Рудаша, Руднянского (Венгрия); Мархлевского (Польша); Благоева, Кабакчиева, Коларова (Болгария); Джона Рида, Джима Ларкина (Америка), и мн. др.

№ 17

ГОД ИЗДАНИЯ ТРЕТИЙ

КОНТОРА ИЗДАТЕЛЬСТВА:
ПЕТРОГРАД, СМОЛЬНЫЙ, КОМНАТА 32-33 ТЕЛЕФОН 161-20 и 1-19
РЕДАКЦИЯ: ПЕТРОГРАД, СМОЛЬНЫЙ, КАБ. Г. ЗИНОВЬЕВА

Привет делегатам III Всемирного Конгресса Коминтерна!

Третий Конгресс Коммунистического Интернационала окончательно с'организует пролетарские армии мировой революции.

Великие битвы еще впереди, но победа мирового пролетариата неизбежна.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Да здравствует Коммунистический Интернационал

Да здравствует Мировая Революция.

III КОНГРЕСС КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА.

Перед собравшимся год тому назад II Конгрессом, наряду со многими другими вопросами, стояла задача точно определить и формулировать условия приема в Коммунистический Интернационал. Как это ни покажется парадоксальным, но Коммунистический Интернационал, насчитывавший всего только год существования, подвергался опасности быть наводненным нежелательными элементами: центристами, явными или тайными реформистами, эквилибристами и т. д. Основание Коммунистического Интернационала было встречено большинством лидеров старых социалистических партий с саркастической усмешкой: никогда новый Интернационал не будет настоящим Интернационалом, он останется простой демонстрацией без какого бы то ни было значения в будущем. Но рабочие массы держались другого мнения. Им были противны старые партии и II Интернационал, столь жалким образом обанкротившийся 2 августа 1914 года. И с тем же восторгом, с каким эти массы встретили Российскую Революцию, они отнеслись и к Коммунистическому Интернационалу. Их порыв был неудержим.

Центристы вынуждены были следовать за ними. Они пытались маневрировать и, провозглашая формально и публично свое желание и твердое намерение присоединиться к Москве, тайком сходились на всякие секретные совещания с целью выработать общий план действий; они, действительно, хотели присоединиться к Москве, но с условием продолжать каждому в своей стране, под предлогом автономии секций, политику «ничегонеделания», которую они практикуют до сих пор и которая сводилась к тому, чтобы восторгаться изданиями Советской России, говорить от времени до времени о революции, но поступать по-реформистски, систематически отклоняя массы от всякого революционного действия.

Эта упрощенная тактика, лицемерие которой было слишком очевидно, потерпела полный крах. И вовсе не одни формальные условия принятия закрыли центристам двери в Коммунистический Интернационал, а вся совокупность положений, принятых Конгрессом и определяющих доктрину и методы действия Коммунистического Интернационала. Тут сразу реформисты, скрывавшие за революционной фразеологией свое подлинное лицо, вынуждены были снять маски, и горячие сторонники поездки в Москву превратились вдруг в заядлых критиканов Коммунистического Интернационала и Советской России.

На национальных С'ездах, созванных по постановлению II Конгресса Коммунистического Интернационала, всюду произошел неизбежный раскол: на одной стороне оказались пролетарские массы, никогда не торговавшиеся об условиях вступления в Коммунистический Интернационал, а на другой — депутаты, адвокаты, интеллигенты, чиновники профсоюзов, и те из рабочих, которые все еще поддаются обману. Первый из этих ликвидационных с'ездов, в Галле, разделив немецких независимцев на правых и левых, явился прецедентом, за которым последовали другие, ему подобные. Центризм, как группировка вообще временная и колеблющаяся, теперь совсем расшатался: левое крыло присоединилось к коммунизму, остальные рано или поздно перейдут к правым. Франция произвела такую же операцию: разрыв между двумя группами потребовал не более одного утра. II½ Интернационал, который центристы решили создать, тщетно старается показать свою жизнеспособность. Только что произошла в Амстердаме первая встреча его со II Интернационалом и Амстердамской Федерацией Профсоюзов. Официального об'единения не последовало, хотя констатировано, что у всех трех организаций почти одинаковый образ мыслей. Соглашение, очевидно, произойдет в следующий раз, тогда положение выяснится окончательно. В этом отношении одна из задач Конгресса уже выполнена: III Конгресс будет состоять из представителей коммунистических партий, освободившихся от мертвого балласта реформистов, которые, под предлогом единства, хотели во чтобы ни стало оставаться в партии. Конгресс должен будет прежде всего рассмотреть заявление Центрального Комитета Коммунистической партии Германии против приема Коммунистической Рабочей партии Германии в качестве сочувствующей и заявление «коммунистов-унипаристов» Италии против решения Исполнительного Комитета о приеме в Коммунистический Интернационал одной только новой коммунистической партии, образовавшейся на с'езде в Ливорно.

Вероятно, эти решения, принятые Исполнительным Комитетом единогласно, будут утверждены Конгрессом без долгих дис-

куссий. Тот факт, что устав предусматривает присоединение сочувствующих партий, показывает, что предвиделись случаи существования партий, состоящих из подлинно пролетарских и революционных элементов, но не принимающих всех тезисов Коммунистического Интернационала. Таков случай с Коммунистической Рабочей партией Германии. Конгресс убедит ее в необходимости сотрудничества с Коммунистической партией Германии, и это явится наилучшей подготовкой к полному их слиянию в будущем.

Что касается Италии, то дело обстоит очень просто, так как один весьма выразительный факт главенствует там над всеми остальными: Серрати и его единомышленники, которые назвали себя «коммунистами-унитаристами», отказались порвать с Турати, Модильяни и К°, и в то же самое время нашли возможным отмежеваться от настоящих коммунистических элементов партии. Турати, который вовсе не коммунист, — он об этом и говорит и пишет,—является на самом деле главенствующим лицом в этой партии «коммунистов-унитаристов», и в то время как «коммунисты-унитаристы» отказались порвать с ним, он взял под свою защиту книгу депутатов Нофри и Поццони, озаглавленную «Преисподняя Советов», с такими, напр., подзаголовками: «Свирепая диктатура», «Торжество подкупа», «Социальная агония одного народа», и т. д.

Исчерпав эти два пункта, Конгресс сможет перейти к порядку дня, прежде всего к своему основному вопросу: всемирный экономический кризис и новые задачи Коммунистического Интернационала.

Кризис этот, достигший в настоящее время своего апогея, разразился по окончании империалистской войны не сразу. По заключении перемирия, был довольно продолжительный период, когда державы-победительницы испытали эпоху промышленного возрождения, позволившего им предаваться иллюзиям.

Но катастрофа должна была неминуемо разразиться. Промышленники сделали внезапно открытие, что у них нет покупателей; они произвели большие заготовки, пользуясь техническими усовершенствованиями, достигнутыми в области техники и организации труда в военное время, но все произведенное ими, не находя сбыта, образовало колоссальные залежи в складах. Таким образом, в обнищавшей, разрушенной войной Европе, где громадная часть населения нуждалась в пищевых продуктах, в одежде, а известная часть даже в жилищах, товары наводнили рынки, а рабочие руки не находили себе применения.

Экономические последствия войны дали знать о себе тогда с очевидностью. Произошла паника, развал в промышленных и коммерческих кругах; самые солидные фирмы были запронуты, всюду витал призрак банкротства. Ллойд-Джордж, спрошенный промышленниками, дал следующее об'яснение кризиса: наши магазины переполнены товарами, но наши клиенты—в лохмотьях и без денег.

Сразу же и сильнее всего кризиз заставил себя почувствовать в Англии. Уже в начале ноября количество безработных достигало 500.000, и кроме того, во многих отраслях промышленности рабочие были заняты только часть дня.

С другой стороны, дороговизна все возрастала. Безработица усиливалась, и вскоре число безработных дошло до миллиона.

Пробуждение было тяжким, тем более, что Англия после войны оказалась в привилегированном положении. Господствуя на угольном рынке, она имела возможность прижать и раздавить своих союзниц—Францию и Италию—продажей им по дорогой цене угля, в котором они нуждались и которого не могли достать в другом месте, и в то же самое время она по дешевой цене уступала его своим промышленникам, которые, благодаря этому, были в состоянии, не смотря на колебания денежного курса, производить более дешевые товары, чем их конкуренты на континенте.

Английская плутократия начала думать, что, вопреки всем мрачным предсказаниям, война все таки «окупается»; излишки над бюджетными исчислениями составляли значительные суммы; некоторые оптимисты заговорили о покрытии дефицита. Но этот «золотой век» продолжался весьма недолго. Не находя клиентов для покупки производимых ею товаров, она вскоре перестала находить их и для своего угля: Франция стала получать уголь из Германии в большем количестве, чем она нуждалась, а кроме того, и экспорт Соединенных Штатов быстро развивался. В то же время конфликты между предпринимателями и рабочими все учащались и принимали нередко чрезвычайно резкий характер (забастовка железнодорожников, забастовка углекопов). Призрачное благополучие исчезло, уступая место угрозе провала самого режима.

Во Франции, хотя в общем кризис представляет аналогичные черты, но происшествия развиваются медленнее и, заметно, иначе. Безработица дала себя там почувствовать уже с начала октября, все время прогрессируя, и в то же время запасы товаров нагромождались, банки уменьшали кредит, самые крупные и солидные предприятия оказывались под угрозой ликвидации.

Биржа переживала моменты серьезной паники, финансовое положение страны становилось в высшей степени грозным. Бывший министр финансов Рибо заявил: «Я не думаю, чтобы какая бы то ни была страна, в какую бы то ни было эпоху находилась в более тяжелом положении, чем мы с момента нашей победы». Дело в том, что Франция ставила свою ставку на победу, но на победу, которая что-нибудь принесет. Вся ее поли-

тика была основана на этом. Теперь же ее политика может быть формулирована в трех словах: Германия должна заплатить.

Такого рода кризис должен был быстро распространиться на все страны, и это на самом деле наступило. В странах—нейтральных, так же как и в странах воевавших, в Европе и за океаном, начали закрываться фабрики, стал замирать торговый обмен.

Удастся ли капитализму преодолеть этот кризис и выйти целым из тупика? Некоторые социалисты-центристы, а именно независимые Германии, говорят, что капитализм никогда еще не был столь могуществен, как теперь, что во время войны и в период непосредственно следовавший за войной, он сильно укрепил свою организацию. Действительно, в некоторых странах, по крайней мере, большие «тресты» разрослись еще больше и еще сильнее развили свою деятельность. Но не менее верно и то, что они работают теперь в мире, который не вернул себе прежнего устойчивого равновесия и который в любой момент может потерпеть полное крушение. Капиталисты, которые видят перед собой блестящие перспективы, и социалисты, которые считают их могущественно укрепившимся, рассуждают так, как будто бы мир прочно водворился; на самом же деле война продолжается, и сильная партия французских милитаристов требует все настойчивее, чтобы французская армия шла на Берлин, хотя бы и пришлось ей итти туда одной, когда, таким образом, угроза смерти витает повсюду.

Перепуганная размерами кризиса и постоянной угрозой, которую он в себе таит, буржуазия думала воспользоваться этим моментом и предпринять общее наступление против рабочих. Ее экономисты и журналисты одновременно сделали открытие, что причиной кризиса является высокая заработная плата и восьмичасовой рабочий день. Момент был благоприятный. Затишье позволяло произвести фильтровку среди рабочих, освободиться от «главарей», а в особенности, пересмотреть и уменьшить заработную плату. Рабочим говорили: можно возобновить работу, но с условием, что вы согласитесь на значительное понижение заработной платы. И в этот момент страшной безработицы был восстановлен десятичасовой рабочий день. Буржуазные экономисты никогда не смущаются; для них все кризисы должны разрешаться на рабочей спине; восьмичасовой рабочий день, об'ясняют они, является непосредственной причиной дороговизны, а дороговизна является причиной экономического кризиса. Рабочих лишают таким образом реформы, которую они вырвали у капиталистов, когда эти последние боялись большевистской заразы. И получается, что после войны «за право и справедливость», те, которым удалось спастись в империалистической бойне, попали в худшее положение, чем до 1914 г.

Что же сделали рабочие организации, чтобы противостоять этому капиталистическому натиску? Ведь, никогда еще международное воздействие не было так необходимо! Новому положению вещей должны соответствовать и новые приемы борьбы: в особенности необходимо сообща определить тактику, наиболее подходящую для настоящего революционного положения. Необходимо обсудить, как следует бороться за частичные и местные требования, которыми не следует пренебрегать, и как подготовиться к общему революционному приступу, чтобы опрокинуть буржуазию.

Интернационал профсоюзов, который 2 августа 1914 года потерпел такой же гнусный крах, как и II Интернационал, возобновил свое существование с дозволения правительств; главной задачей его была защита рабочих от жадности капиталистического интернационала, но он ничего не сделал, чтобы помочь рабочим в их борьбе. Наоборот, он сделал все, чтобы затемнить вопросы и ослабить повсюду сопротивление рабочих, так как политика его—не политика борьбы, а политика сотрудничества классов. Капиталисты везде организуются, они удваивают армии белогвардейцев, они всюду первыми переходят в наступление. Лидеры же Интернационала профсоюзов разоружают рабочих и проповедуют им соглашение.

Вот почему Коммунистический Интернационал об'явил Амстердамский Интернационал «желтым» отделением Международного Бюро Труда при Лиге Наций. Вот почему он начал с ним борьбу не на жизнь, а на смерть, и готовит образование Интернационала Красных Профсоюзов, который должен об'единить революционные элементы рабочих организаций всего мира.

Борьба против реформистских лидеров профсоюзов является в настоящее время очередной и необходимой задачей. Во время войны профсоюзы сделались повсюду, во всех крупных странах, благодаря двойственной политике своих лидеров, простыми придатками правительств. Молчаливый договор был заключен между правительствами и лидерами: рабочие лидеры и их креатуры не будут посланы в окопы, под условием, что они установят спокойствие в тылу и дадут возможность правительствам пользоваться рабочими и крестьянами, как пушечным мясом, сколько времени, сколько им заблагорассудится. Многие из них стали министрами. По окончании войны рабочие лидеры вместе с правительствами и предпринимателями оказались за одним столом, на котором подписывался мирный договор, а затем, в Вашингтоне, они создали сообща Интернациональное Бюро Труда, о котором один из самых реакционных парижских журналов писал, что если бы оно исчезло, то предприниматели потеряли бы от этого больше, чем рабочие. Эти-то самые лидеры и стоят теперь во главе Амстердамского Желтого Интернационала.

Прикрываясь весьма удобной формулой «профсоюзы—аполитичны», лидеры эти проводили свою политику социального мира и сотрудничества классов. Хотя большая их часть уже дискредитирована в глазах сознательных рабочих, им все же удается еще обманывать массы, которые идут в профсоюзы, в надежде найти там охрану и защиту своих интересов.

Мало-по-малу, однако, под революционным давлением они вынуждены покидать свои места. Так, в ноябре прошлого года в английских газетах можно было прочесть следующее сообщение: «Министр горной промышленности, с одобрения министра торговли, назначает главным рабочим советником Уильяма Браса. Пост, занятый Брасом, является постоянной должностью, которой он должен будет посвящать все свое время, что обязывает его отказаться от депутатских полномочий в Парламенте, а также покинуть председательствование в Федерации горнорабочих Уэльса и в Исполнительном Комитете Федерации горнорабочих Англии. Жалованье его будет равно 2.250 фунтам стерл.» (около 135.000 франков по нынешнему курсу).

У. Брас чувствовал, что горнорабочие решили от него избавиться, и он их предупредил, найдя себе более обеспеченное положение. Правители, которые находят, что рабочие получают слишком высокую заработную плату, готовы приютить и щедро оплачивать рабочих, предающих свой класс.

Этих трэд-юнионистских лидеров один социалистический депутат, Джэк Джонс, не большевик, но называющий иногда вещи и людей своими именами, в Палате общин назвал при всех «политическими проститутками труда», добавив, что правительство, находясь в затруднительных обстоятельствах, всегда может рассчитывать на них, дабы выпутаться из такого положения (дело шло об Ирландии, и «политическими проститутками труда» были в данном случае «колчаковец», «полковник» Джон Уорд, секретарь союза землекопов, и Д. А. Седден, секретарь союза служащих).

Несмотря на это, революционная пропаганда в профсоюзах все же гораздо труднее, чем в политических партиях. Коммунистический Интернационал легко сломил старые социалистические партии. Труднее будет сорвать маски и прогнать главарей профсоюзов, предателей рабочего класса. Дискредитированные лидеры старых социалистических партий хорошо это поняли и нашли себе прибежище в профсоюзных организациях. Типичнейшим примером этого рода является француз Альбер Тома, бывший министр военных снабжений, который во время войны убеждал рабочих первыми итти на смерть во славу союзного империализма и работниц—работать до полного истощения. Теперь он главный вдохновитель французской Всеобщей Конфедерации Труда и директор Международного Бюро Труда.

Однако, события, развертывающиеся в данное время, надо думать, покажут, наконец, миру настоящее лицо этих людей, и можно надеяться, что гнусное банкротство Тройственного союза в Англии будет способствовать тому, что рабочие всех стран поймут, что до тех пор, пока в союзах у власти прежние лидеры, лучшие средства борьбы, самые верные комбинации в решающий момент будут проваливаться.

Горнорабочие Англии предприняли борьбу против наступления капиталистов, стремящихся понизить заработную плату. Транспортные рабочие и железнодорожники, с которыми они образуют Тройственный союз, обещали их поддержать. Они решили объявить в назначенный срок всеобщую забастовку. И вдруг: всеобщей забастовки не будет, покинутые горнорабочие должны будут сами вести дальнейшую борьбу. Откуда же такое предательство в последнюю минуту?

Потому что Д. Томас состоит генеральным секретарем железнодорожников; потому что, несмотря на решение провести забастовку сочувствия, он ее не желал; потому что он интриговал, мутил, вызвал в некоторых железнодорожных центрах демонстрации против забастовки и, наконец, объявил, что так как Федерация горнорабочих находится под влиянием экстремистов, то железнодорожники отказываются от забастовки.

Этот именно Д. Томас и является председателем Желтого Амстердамского Интернационала. По истине, достойный председатель для такого Интернационала! Трудно было бы найти что-нибудь более символическое.

Такого рода урок, и притом столь дорого обошедшийся, должен же чему-нибудь научить. Тяжело, однако, когда подумаешь, что Д. Томас уже не в первый раз проделывает подобные штуки, что он уже несколько раз показал себя способным на предательство и что он все-таки может продолжать свое гнусное дело.

Во время предыдущей забастовки горнорабочих, в октябре прошлого года, вопрос о забастовке сочувствия также был поставлен железнодорожниками. Национальная Конференция делегатов железнодорожников высказалась за забастовку. Что же делает Д. Томас? Он поручает агенству «Press Association» сообщить о том, что он не одобряет решения о забастовке, принятого полномочным собранием. Конечно, Д. Томас—демократ, ярый противник диктатуры пролетариата. Но на этот раз он зашел так далеко, что даже умеренный журнал «New Statesman», защищающий взгляды Веббов, писал по этому поводу:

«Вопрос об отношении лидера к своим избирателям был поднят в очень острой форме на прошлой неделе, вследствие выступления Д. Томаса по поводу решения делегатов железнодорожников в пользу заба-

стовки. Нет сомнения, что действия г. Томаса, предпринятые им после принятия решения о забастовке, не только могли превратить забастовку железнодорожников в частичную, а следовательно, обреченную на неудачу, но это был в сущности призыв членов союза к тому, чтобы они не подчинялись решению о забастовке. Конечно, можно оспаривать необходимость забастовки, но это абсолютно не касается вопроса о действиях г. Томаса, как секретаря союза железнодорожников. Так как его мнение не совпало с решением, принятым его союзом, он должен был, как служащий союза, или честно подчиниться инструкциям, или же подать в отставку. Но оставаться на посту и в то же время открыто выступать против решения союза, это недопустимо, какого бы мнения ни придерживаться в вопросе о функциях секретаря союза».

Несмотря на умеренность выражений — обычный тон «New Statesman» — эта оценка роли Д. Томаса такова, что нам ничего не остается к ней прибавить.

В действительности, эта клика высших союзных чиновников, всегда готовых метать молнии против диктатуры пролетариата, навязывает пролетариату свою собственную диктатуру. Эти ярые демократы признают законом мнение большинства, когда большинство за них, но они действуют, как [illegible] автократы, лишь только большинство [illegible] другого мнения, чем они.

Назначаемые на долгий срок, окопавшиеся за могущественной бюрократией, окруженные преданными им креатурами, они образуют худшую из олигархий, Понимая свою роль в обыкновенное время, как роль дельцов при рабочих, обделывая всякого рода компромиссы и соглашения с хозяевами, они, естественно, в серьезные моменты докатываются до предательства.

III Конгресс должен будет рассмотреть вопрос о борьбе с желтым Амстердамским Интернационалом, этим убежищем предателей синдикализма и социализма, как одну из своих важнейших проблем. Напуганная и сбитая с толку стойким сопротивлением Советской России и непрерывным и быстрым ростом коммунизма, буржуазия хорошо поняла, что профсоюзы могли бы стать органами защиты старого социального строя, и она поспешила противопоставить их партиям. Буржуа Капюс, роялист Мерас, низкий политик Барту трогательно сошлись в прославлении «мудрости» и «реализма» профсоюзов, которые не поддаются влиянию «советского мифа» и «всеразрушающего коммунизма». Надо показать им, что революционный дух, который является и настоящим реализмом, может воодушевить также и союзы.

III Конгресс должен будет также определить отношение Коммунистического Интернационала к Красному Интернационалу Профсоюзов, который должен быть окончательно организован на специальном Конгрессе, созываемом на 1 июля.

Воззвание Международного Совета Профсоюзов было одобрено всеми профессиональными революционными организациями, не примыкающими к Амстердаму, а также меньшинствами центральных профессиональных организаций, которые к Амстердаму примыкают.

Делегаты, которые соберутся в Москве для образования новой организации и для выработки общей тактики, будут состоять как из коммунистов, так и революционных синдикалистов. Среди последних одни являются членами коммунистических партий, другие сохранили сильное предубеждение против всяких политических партий вообще и не принадлежат к ним; вся их революционная деятельность сосредоточивается на союзной работе. Это предубеждение находило себе полное оправдание в деятельности старых политических партий, партий реформ, а не революционной тактики; оно слабеет, по мере того как настоящая коммунистическая партия развивается и действует. Так, например, революционное меньшинство Всеобщей Конференции Труда в резолюции, предложенной Орлеанскому с'езду, после официального заявления о присоединении к Красному Интернационалу Профсоюзов, говорит, что оно готово сотрудничать с той политической партией, которая будет действовать революционно.

Задачей Коммунистического Интернационала является содействие сближению этих различных по своему происхождению элементов, а предубеждения исчезнут окончательно сами собой в процессе совместной революционной борьбы.

Поле деятельности Коммунистического Интернационала простирается по истине на весь мир, а тот отклик, какой он нашел среди народов Востока, является фактом, чреватым огромными последствиями для всей нашей эпохи. Народы эти, которые до войны английский империализм и царский империализм, каждый в отдельности, или оба вместе; когда они приходили к соглашению, держали в рабстве, были глубоко взбудоражены Российской Революцией.

Два сильных мотива толкали их в сторону Советской России: первым делом, тот факт, что впредь эта мощная соседка не только не будет их угнетать и мешать их свободному развитию, но, наоборот, будет их верной опорой в деле освобождения, а, затем, их привлекала и сама советская идея. Народы эти не находятся на одинаковом уровне развития. Когда мы читаем в газетах описание забастовок в Бомбее, описание тех инцидентов, которые имели там место, становится ясным, что коммунизм имеет там вполне подготовленную почву. В других странах, почти исключительно земледельческих, процесс освобождения, конечно, будет иным.

II Конгресс впервые осветил эти вопросы новым светом и поставил их на изучение всех коммунистических партий. III Конгресс ознакомится с результатами этого изучения и дискуссий, он получит сведения от делегатов народов Востока: его теоретическое рассмотрение вопроса будет дополнено разработкой определенной программы действий.

Коммунистический Интернационал—это Интернационал действия. Об этом свидетельствуют весь его метод и его структура. И этим он существенно отличается от II Интернационала, который был абсолютно неспособен к действию. Он был неспособен к действию потому, что ни одна из партий, к нему примыкавших, не чувствовала себя связанной постановлениями конгрессов. 1914 год ярко показал это своей, отныне знаменитой, Штутгартской резолюцией. Коммунистический Интернационал не хочет потерпеть подобного краха. Он активно следит за жизнью и деятельностью примыкающих к нему партий, он дает им опору и помощь в моменты, когда они предпринимают крупные выступления, но он не останавливается и перед прямым вмешательством и сурово осуждает, когда это необходимо, сделанные ошибки.

I Конгресс, создавая международную организацию, в которой так нуждался пролетариат, дал возможность всем революционным элементам и партиям сгруппироваться вокруг единого центра. Воззвание I Конгресса было услышано всюду и имело большой успех.

II Конгресс, дав прочную основу Коммунистическому Интернационалу, внеся в нее искренность и ясность, возбудил сильное движение в пролетарских массах. Он опрокинул и расслоил старые партии.

Воздействие III Конгресса будет не меньшим: он еще более расширит деятельность Коммунистического Интернационала в рабочих организациях, точно определит эту деятельность, координирует ее, укажет рабочим новые средства борьбы, лучше всего приспособленные к разрешению великих проблем нынешнего момента.

А. РОСМЕР.

10 мая 1921 г.

«Коммунисты отличаются от других пролетарских партий только тем, что, с одной стороны, в борьбе пролетариев различных наций они выделяют и отстаивают общие, независимые от национальности интересы всего пролетариата; с другой стороны—тем, что на различных стадиях развития, через которые проходит борьба между пролетариатом и буржуазией, они всегда представляют интересы движения в целом.

«Таким образом, коммунисты на практике представляют собою самую решительную, всегда стремящуюся вперед часть рабочих партий всех стран, а в теоретическом отношении они имеют перед остальной массой пролетариата то преимущество, что понимают условия, ход и общие результаты пролетарского движения.

Карл Маркс и Фр. Энгельс. «Коммунистический Манифест».

«Политическая власть, в собственном смысле этого слова, есть организованная сила одного класса, созданная для угнетения другого класса. Но раз пролетариат, в борьбе против буржуазии, неизбежно об'единяется в класс, делается, путем революции, господствующим классом и, как господствующий класс, насильственно уничтожает старые условия производства, то вместе с этими отношениями производства он уничтожает условия существования антагонизма классов, классов вообще, а, вместе с тем, и свое собственное господство, как класса. Место старого буржуазного общества, с его классами и классовыми противоречиями, займет ассоциация, в которой свободное развитие каждого будет условием свободного развития всех».

Карл Маркс и Фр. Энгельс. «Коммунистический Манифест».

РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ III КОНГРЕССА.

II Конгресс Коммунистического Интернационала останется памятным в истории своими, пользующимися ныне мировой известностью «Московскими тезисами». Никогда еще ни одна политическая организация не выступала на поле классовой борьбы, столь гордо поднимая свое привлекательное знамя. Открыто и смело бросившись в бой, как провозвестник истины, против всей груды буржуазной лжи, II Конгресс Коммунистического Интернационала призвал рабочих об'единиться под лозунгом Московских тезисов. Отклик раздался немедленно на огромном расстоянии. Трудящиеся массы, ранее обманутые и смущенные социал-предателями разных стран, скоро стали вступать в ряды бойцов,—вдохновленные призывом глашатая, которого они сразу признали своим. И наши враги, капиталисты и буржуазия, не могли скрыть сознания того, что против них поднялась новая сила. Из столицы рабочей республики, которую они до тех пор тщетно пытались уничтожить, до них донесся боевой клич могучего врага—мирового пролетариата; в своей бессильной ярости эта разбойничья толпа стала брящать оружием и бросать угрозы против Советской России и ее мировой армии—против Коммунистического Интернационала. В то время, как наемные армии Польши и Врангеля вели последнюю отчаянную атаку на Советскую Республику, буржуазные газеты всего мира изо дня в день, с своей стороны, вели ожесточенную борьбу против Московских тезисов. Но обе атаки потерпели неудачу. Красные солдаты стойко выдержали борьбу; «тезисы» оказались неуязвимы.

Значение дебатов по поводу этих тезисов внутри самих рабочих организаций не может быть переоцениваемо. Только Коммунистический Манифест может, как исторический документ, сравниться с тезисами. При нынешней исторической обстановке, тезисы,—поскольку они внесли свет и порядок в хаотическое состояние рабочего движения и об'единили духовно его различные органы,—быть может, имеют даже более крупное значение, чем знаменитый манифест. Впервые в истории рабочего движения политические вопросы были поставлены перед массами внутри профессиональных союзов столь ясно и определенно, что не могли быть отметены в сторону. Между тем, как раньше политические и экономические организации работали отдельно друг от друга, часто соперничая между собою и нередко даже находились в антагонизме друг с другом, они теперь должны были войти друг с другом в сношения для совместного обсуждения и нахождения общей платформы. На моей родине, в Норвегии,—и я думаю, что так же было почти во всех других странах — никогда внутри профессиональных союзов не замечалось столь живого интереса к политическим вопросам, как в прошлом году. Тезисы обсуждались на многочисленных митингах. Из сектантских, узко-экономических организаций, профессиональные союзы теперь превращаются в настоящие боевые массовые организации, охватывающие своей деятельностью всю ширь классовой борьбы. Правильность основных положений этих «тезисов» проверена самими рабочими на повседневном опыте. Я приведу лишь один пример. Осенью в Норвегии произошла железнодорожная забастовка. В течение двух дней забастовка, носившая в начале характер чисто экономической борьбы, стала важнейшим политическим вопросом дня, и рабочие, таким образом, получили наглядное подтверждение того пункта тезисов, который гласит, что «экономическая борьба пролетариата превращается в политическую в эпоху распада капитализма гораздо быстрее, чем в эпоху мирного развития капитала». В действительности, ни одна забастовка теперь уже больше не может носить характер чисто экономической борьбы: в большей или меньшей мере она всегда является политической борьбой. Профессиональный союз, поэтому, отчасти является и политической организацией. II Конгресс Коммунистического Интернационала заставил массовые экономические организации политически просветлеть.

Каковы же будут роль и значение III Конгресса?

В отношении вышеуказанных вопросов III Конгресс должен будет подвести итоги опыту рабочего движения со времени II Конгресса и сделать из них надлежащие выводы, не упуская из виду соотношения между экономическими и политическими организациями, т. е. между Коммунистическим Интернационалом и Красным Интернационалом Профсоюзов. Конгресс должен будет обсудить серьезнейшим образом эти вопросы. Я думаю, что положения, устанавливающие полное подчинение экономических организаций политическим, подлежат временному, быть может, изменению. Интернационалу Профсоюзов, как отдельной организации, должна быть предоставлена некоторая доля самостоятельности. В настоящее время политически невозможно и неудобно настаивать на формальном подчинении Интернационала Проф-

союзов Коммунистическому Интернационалу. Конечно, должно быть твердо установлено, что все члены партии, входящие в профсоюзы, подчиняются партийной дисциплине. Но сами профсоюзы, как массовые организации, должны пользоваться известной свободой действия. Экономическое развитие современем заставит их признать гегемонию Коммунистической партии. В виду полной нашей уверенности в этом, нет никакой опасности в попытках некоторого приспособления к условиям переживаемого момента. Мало вероятно, чтобы Конгресс мог притти к какому-либо окончательному решению по этому деликатному вопросу. Но я уверен, что обе стороны будут вести дискуссию с искренним стремлением принести пользу и послужить общей революционной задаче. Тезисы и постановления II Конгресса отнюдь не имели целью искусственное ускорение хода развития. И постольку, поскольку опыт прошлого года показал, что тезисы в некоторых пунктах имели целью скорее пропаганду, чем окончательное решение вопросов, нет оснований отказаться от временного изменения этих пунктов.

Основой обсуждения этого и всех других вопросов будет для Конгресса оценка мирового положения. Тов. Варга имел любезность дать мне прочесть рукопись статьи об экономическом положении, приготовленной им для Конгресса. Это мастерски написанное научное исследование. Имея в руках его брошюру, делегаты Конгресса будут в состоянии выработать ясный взгляд на все вопросы порядка дня с точки зрения марксистской науки.

Каков сейчас ход революционного развития? Когда, вообще, наступит обострение кризиса? Тов. Варга дает нам необходимый материал для ответа на эти вопросы, насколько это возможно сделать на основании научных данных. Он цитирует буржуазного экономиста, который допускает, что «результатом нынешнего кризиса должен быть распад капиталистического общества». Срок наступления этого распада зависит только от скорости развития кризиса в разных странах и от различного темперамента масс.

Благодаря этому второму фактору, «различному темпераменту масс», Коммунистическая партия имеет возможность содействовать ускорению революции. Тут мы подходим к различным тактическим вопросам, которые, вероятно, потребуют у Конгресса много времени для своего обсуждения и вызовут самые горячие дебаты. Что касается вопроса об *Италии*, то можно надеяться, что группа Серрати подчинится Исполнительному Комитету и присоединится к признанной им Коммунистической партии. Труднее будет разрешить *немецкий вопрос*. Я ничуть не опасаюсь того, чтобы кто-либо не пытался защищать явно предательский поступок Леви, выпустившего памфлет против немецких рабочих в то время когда они защищали самые жизненные свои интересы. Но, с другой стороны, тактические ошибки мартовского выступления должны быть открыто признаны, и из них следует сделать необходимые выводы. Лично я надеюсь, что Конгресс не будет слишком усердно искать ошибок немецких рабочих, самовольному выступлению которых должны сочувствовать все коммунисты, каково бы ни было их мнение насчет тактической стороны выступления. Я надеюсь, далее, что результатом обсуждения явится воззвание к французским и британским рабочим, не выказавшим в этом случае, как и во многих других, той солидарности германским рабочим, которой можно было бы от них ожидать. Если бы они более активно проявили свое сочувствие к рабочим Средней Германии, то кто мог бы тогда сомневаться в том, что восстание против Герсинга и Северинга увлекло бы за собою массы *всей* Германии, и они откликнулись бы на призыв коммунистической партии к забастовке? У рабочих Британии, Франции и Германии чувствуется недостаток интернационализма. Атмосфера войны все еще оказывает на них преобладающее влияние, несмотря на большие успехи революционного движения в так называемых «странах-победительницах». Крайне необходима большая степень интернациональной солидарности. В этом направлении Конгресс может сыграть огромную роль. И если взглянуть на мартовские события в Германии не только с германской, но и с европейской точки зрения, можно будет избегнуть всяких ненужных личных конфликтов.

Что касается организации Коммунистического Интернационала, то она все еще очень несовершенна. III Конгресс должен выполнить в этом отношении важную задачу. Прежде всего, должна быть достигнута более тесная связь Исполнительного Комитета с партиями. Исполнительный Комитет должен стать более авторитетным, непрерывно действующим органом. Буржуазные газеты в своих обвинениях по адресу Исполнительного Комитета указывают, что он отстает от событий политического или экономического движения, где бы они ни происходили. Хотя это обвинение далеко несправедливо, но положение вещей действительно таково, что Исполнительный Комитет фактически не находится в постоянном контакте с движением в различных странах в той мере, в какой это было бы необходимо. Будучи далеки от того, чтобы бояться потери своей «автономности» или бояться какого-либо вмешательства «Москвы», все коммунистические партии чувствуют потребность в более тесной связи с Исполнительным Комитетом, чем это имело место до сих пор. В частности, III Конгресс должен организовать два подразделения секций Интернационала на совершенно новых началах. Это — *коммунистическое женское движение* и движение *коммунистической молодежи*. Эти вопросы были на повестке II Конгресса, но

не обсуждались. На предстоящем Конгрессе их не должна постигнуть та же участь. Интернациональный Конгресс женщин-коммунисток, вероятно, состоится раньше общего конгресса Интернационала, который тщательно обсудит его предложения. Внутри коммунистического движения молодежи существуют в настоящий момент некоторые расхождения, которые будут рассмотрены Конгрессом и урегулированы им. Очень важно поставить коммунистическое движение молодежи на твердую почву внутри Интернационала. Конечно, не может быть и речи о том, чтобы сделать это движение независимым. Коммунистическая молодежь должна в национальном и интернациональном отношении подчиняться дисциплине и руководству Коминтерна. Руководящие принципы движения должны быть намечены Конгрессом в отдельных тезисах: в пределах этих тезисов движению будет предоставлена возможная свобода действия.

Вот те главные вопросы, с которыми будет иметь дело III Конгресс. Это очень острые и важные вопросы. Но они скорее организационного, чем пропагандистского, характера. Вероятно, поэтому III Конгресс не будет играть такой важной роли в истории, как II Конгресс. Но, с другой стороны, от удовлетворительного решения этих вопросов зависит, насколько Коммунистический [redacted] окажется достаточно стойким в [redacted], которые, как видно, наступят в ближайшем будущем. В виду того, что буржуазные правительства всех стран с каждым днем все более теряют рассудок, коммунистические партии должны быть каждую минуту готовы к революции. Экономическое развитие после войны шло с такой лихорадочной быстротой, что мир на самом деле уже опять стоит перед очень близкой опасностью новой мировой войны. Вместо того, чтобы помочь капиталистической Европе оправиться, Америка тратит миллиарды долларов, заработанные в Европейской войне, на вооружения для будущей борьбы против Европы. Через несколько лет флот Соединенных Штатов будет более, чем вдвое сильнее флота Англии. Все научные силы и лаборатории, которыми располагают Соединенные Штаты, служат для того, чтобы открывать все новые и более утонченные способы убийства. Шовинистическая пресса работает при помощи бесчисленного множества ротационных машин для создания нового боевого настроения в массах Америки. На самом деле, теперешнее мировое положение очень похоже на положение в 1914 г. Но есть одна существенная разница. В 1914 г. рабочие всего мира только с виду были организованы интернационально, на на деле у них не было заслуживающего доверия интернационала. II Интернационал был интернационалом слов и фраз. Когда началась война, обнаружилось, что он — чисто бюрократическое учреждение, лишенное силы, ума, руководителей. За ним как будто стояли рабочие массы, но эти массы не были связаны никакой активной организацией. II Интернационал был большой регистрационной конторой бумажных членов, а не боеспособной армией.

III Интернационал — революционная, боеспособная армия. Стоящие за ним массы — революционны и активны. Его руководители — революционные генералы, показавшие свои способности вождей в трудной и победоносной борьбе против мирового капитализма. Вожди победоносной Советской России — вожди III Интернационала. Дух, вдохновлявший русские рабочие массы в их революции и воодушевлявший трудящиеся массы всего мира на стойкое сопротивление против нападений их собственной буржуазии, — это дух Коммунистического Интернационала. III Конгресс покажет капиталистическому миру, что дух этот не слабеет, а со дня на день становится сильнее. Здание капиталистического общества разваливается от основания до вершины. Коммунистический Интернационал — это тот главный архитектор, который построит новый общественный строй на развалинах капитализма.

Д. ФРИИС.

Москва, май 1921 г.

«Государство ни в коем случае не есть власть, навязанная обществу извне; точно также государство не есть «действительность моральных идей», «отобраз и действительность разума», как утверждает Гегель. Государство есть продукт общества на известной ступени его развития; оно есть признание того факта, что это общество вступило с самим собой в неразрешимый конфликт, что оно раскололось на непримиримые противоположности, избавиться от которых оно бессильно. Для того, чтобы в бесплодной борьбе эти противоположности, классы, с противоположными экономическими интересами, не уничтожили всего общества, сделалась необходимой стоящая, якобы, над обществом власть, которая должна смягчать конфликты и удерживать их в рамках «порядка»; и эта власть, вышедшая из общества, но поставившая себя над ним и, мало-по-малу, обособившаяся от него, есть государство».

Фр. Энгельс. «Происхождение семьи, частной собственности и государства».

К III ВСЕМИРНОМУ КОНГРЕССУ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА.

ПИСЬМО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА КО ВСЕМ ПРОЛЕТАРСКИМ ОРГАНИЗАЦИЯМ, ПРИНАДЛЕЖАЩИМ К КОМИНТЕРНУ И ЖЕЛАЮЩИМ ВСТУПИТЬ В КОМИНТЕРН.

На 1 июня 1921 года в Москве назначен III Всемирный Конгресс Коммунистического Интернационала. Мы назначаем Конгресс на два месяца раньше предусмотренного уставом Коминтерна срока и уверены, что принадлежащие к Коминтерну партии согласятся с нами, что интересы дела требуют такого ускорения.

За 9 месяцев, прошедших со времени II Всемирного Конгресса Коминтерна, в целом ряде партий проведена обширная принципиальная дискуссия по всем тем вопросам, которые поставлены были II Конгрессом. В ряде стран дифференциация зашла уже настолько далеко, что между коммунистами и сторонниками «центра» произошел, наконец, открытый разрыв. В Германии, во Франции, в Англии, Швеции, Норвегии, Румынии, Югославии, Греции, Швейцарии, Бельгии и в других странах раскол между коммунистами и сторонниками промежуточного двухсполовинного «Интернационала» есть совершившийся факт. В других странах, как Чехо-Словакия, раскол этот — дело самого недалекого будущего. В Италии коммунисты образовали самостоятельную партию. Из нынешней «социалистической» партии, об'единяющей заведомых реформистов и колеблющихся революционеров, постепенно будут выделяться здоровые пролетарские элементы, которые примкнут к Коминтерну. В Америке об'единение всех коммунистических группировок — дело недалекого будущего.

Всем этим событиям в рядах названных партий Коминтерн должен подвести итог. Исполкому Коминтерна приходилось принимать за это время в высшей степени важные решения. В этих решениях он должен отчитаться перед всем Коммунистическим Интернационалом. III Конгресс должен прежде всего убедиться в отношении каждой из афильированных к нему партий, насколько она выполнила на деле все те условия, которые выдвинул II Конгресс Коминтерна. Заканчивается целый важный период деятельности Коммунистического Интернационала. До первого своего Конгресса Коммунистический Интернационал переживал свой утробный, подготовительный период. Между первым и вторым конгрессами Коминтерн переживал первоначальный агитационный период. В это время он еще не был оформленной международной организацией. Он был только знаменем. Период между II и III Конгрессом является периодом усиленной дифференциации и образования подлинных коммунистических партий. III Конгресс под'итожит всю проделанную работу и даст Коминтерну законченную организацию и отшлифованную тактику.

Предварительный порядок дня III Конгресса, составленный Исполкомом Коминтерна, опубликован. Первым пунктом этого порядка стоит доклад Исполкома. За девять месяцев, протекших со времени Второго Конгресса, Исполкому пришлось принять самое непосредственное участие в той борьбе и в тех расколах, которые происходили в ряде партий. В связи с этим, против Исполкома, естественно, возникали иногда протесты. Правильно ли проводил линию II Конгресса Исполком, об этом пусть скажет предстоящий III Конгресс. Но Коминтерн, во всяком случае, должен установить твердый и определенный порядок: Исполком всецело подотчетен очередному всемирному Конгрессу. К нему можно апеллировать против того или другого решения Исполкома. Но от конгресса к конгрессу вся полнота руководства принадлежит Исполкому. Его решения надо исполнять. Без этого невозможно существование Коминтерна, как централизованной и дисциплинированной международной организации. Если Коммунистический Интернационал не даром называется Интернационалом действия, то у этой международной боевой организации должен быть свой штаб и должна быть уверенность, что по отношению к штабу будет соблюдаться дисциплина не только на словах, но и на деле.

Второй пункт порядка дня озаглавлен «Всемирный экономический кризис и новые задачи Коминтерна». «Теоретики» двухсполовинного «Интернационала» — Отто Бауэр, Гильфердинг, Каутский и К°. — утверждают, что после окончания империалистической войны буржуазии ныне удастся восстановить новое экономическое равновесие, что Европа, будто бы, вступает в полосу длительного органического развития на основе мирного «обновления» капиталистической системы. Отсюда вожди двухсполовинного Интерна-

ционала, не говоря уже о представителях второго, открыто-предательского «Интернационала» — делают определенные практические выводы. Отсюда — особо наглый переход всех этих партий, в роде германских независимых или французских лонгепистов, в лагерь заведомой контр-революции. III Всемирному Конгрессу предстоит задача, на основе точного учета фактов, после тщательного анализа экономического кризиса с его ужасами небывалой еще безработицы и невиданной нищеты масс, показать трудящимся всего мира всю неверность реформистских иллюзий, все тупоумие тех, кто верит в будущность обновленного капитализма, кто проповедует международному пролетариату мелко-буржуазную мирно-обновленческую тактику.

Третьим и четвертым пунктами стоят: тактика Коминтерна во время революции и «переходной период» (частичные требования, частичные выступления и окончательная революционная борьба). В такое переходное время, какое мы переживаем сейчас, в лагере революционного движения неизбежно возникают два уклона. Если мы стоим накануне революции, то зачем мы будем выдвигать частичные требования?—говорят одни. Если мы можем выдвинуть частичные требования, то зачем же мы будем каждый раз повторять всю программу в целом?—говорят другие. «Не будем растрачивать сил в частичных выступлениях, будем копить их до последнего решительного боя» — говорят одни; «будем пользоваться каждым случаем, чтобы «выступать» — говорят другие. III Конгрессу надо будет учесть конкретный опыт русских товарищей накануне революции, опыт борьбы германских рабочих и пролетариев других стран. III Конгрессу нужно будет точно сформулировать тактическую линию коммунистических партий, одинаково чуждую и сектантству, и погоне за мимолетным успехом, одинаково ведущую и к установлению самой тесной связи коммунистических партий с широкими массами пролетариата, и к сохранению принципиальной непримиримости и верности теории революционного марксизма.

Пункты пятый и шестой посвящены международному профессиональному движению: борьба с Амстердамским желтым об'единением профсоюзов и Международный Совет Красных Профсоюзов. Это — один из самых важных вопросов порядка дня III Конгресса. Борьба в лагере профессионального движения разгорается. Она решит исход спора между II и III Интернационалами, т. е. между буржуазией и пролетариатом. В профсоюзах об'единены теперь десятки миллионов пролетариев.

Получить на свою сторону профсоюзы значит,—завоевать на свою сторону пролетариат. Тактика образования коммунистических ячеек внутри профсоюзов, выдвинутая II Конгрессом Коминтерна, оправдала себя. Она дала серьезные успехи в Германии, во Франции, в Англии и в других странах. Амстердамскому желтому об'единению нанесены первые серьезные удары. Желтые вожди Амстердама мечутся из стороны в сторону. Сегодня они готовы итти на уступки, завтра начинают исключать из профсоюзов всех сторонников Коминтерна. Это—верный признак предстоящего полного их банкротства. III Конгрессу придется подвести итог борьбе против желтого Амстердама и систематизировать эту борьбу на дальнейшее время. Но, главное, ему придется точно определить взаимоотношения Коминтерна и Международного Совета Красных Профсоюзов: будут ли это две параллельных международных организации при руководящей роли Коминтерна, или мы будем иметь только один Коммунистический Интернационал, включающий не только политические партии, но и все вообще пролетарские организации, стоящие на почве Коминтерна, в том числе и Красные профсоюзы. В этом последнем случае Международный Совет Красных профсоюзов явился бы только секцией единого Коминтерна. Много «за» и «против» можно привести в пользу каждого из этих решений. От того или другого решения этой проблемы будет зависеть очень многое в строительстве международного рабочего движения. Всем организациям, принадлежащим к Коминтерну, необходимо тщательно обдумать этот вопрос со всех сторон и принести свое точно формулированное решение на III Конгресс.

Седьмой и восьмой пункты порядка дня посвящены организационным вопросам: организационное строительство коммунистических партий, методы и содержание их работы; организационное строительство Коминтерна и его отношение к входящим в его состав партиям. Здесь должны быть обсуждены две группы вопросов. Первая о том, как должна быть построена *каждая отдельная коммунистическая партия*. В Западной Европе даже среди коммунистических партий замечается, что постоянно действующей партийной организации почти не существует. Только во время выборов или в аналогичных случаях в едином действии выступают все члены партии. А регулярно действующих, строго оформленных коммунистических ячеек на фабриках и заводах, в шахтах и на жел. дорогах, в селах и предприятиях, в профсоюзах и кооперативах партия не имеет. И нет строгой системы соподчиненности этих ячеек одному партийному центру. И нет серьезной нелегальной организации, которая могла бы дополнить легальную. С этим положением необходимо покончить. И этим займется III Конгресс. Другая группа организационных вопросов, которой он займется, это—вопросы о том, каковы пределы автономии отдельных партий по отношению к Исполкому Коминтерна, как именно построить *централизованную* международную пролетарскую организацию, действительно способную руководить интернациональной борьбой пролетариата; что надо сделать для того, чтобы улучшить между-

народные связи отдельных коммунистических партий друг с другом и всех их, вместе взятых—с Исполкомом Коминтерна. Другими словами, на каких организационных началах должен быть построен Коминтерн, чтобы он действительно мог выполнить возлагаемые на него задачи, которые растут с каждым днем.

Девятым пунктом стоит восточный вопрос. Коминтерн сделал первые успехи в работе среди народов Востока. Бакинский С'езд Народов Востока, несомненно, имел большое историческое значение. Готовящийся с'езд Народов Дальнего Востока также сыграет свою роль. III Конгрессу придется подойти к восточному вопросу уже не только теоретически, как это было ко времени II Конгресса, но и практически. Без революции в Азии нет победы мировой пролетарской революции. Эта мысль должна стать достоянием каждого пролетария-коммуниста. Только тогда рабочие-коммунисты будут в достаточной степени идейно вооружены против «европейского» оппортунизма господ Гильфердингов и др. героев двухсполовинного Интернационала, которые имеют в запасе только презрительную усмешку по адресу угнетенных народов Востока.

Громадное значение будет иметь десятый пункт порядка дня—об Итальянской Социалистической партии. Итальянская Социалистическая партия раньше принадлежала к Коминтерну. Под влиянием «центристской» агитации Серрати, с'езд этой партии в Ливорно отказался на деле провести в жизнь 21 условие, выдвинутое II Конгрессом Коминтерна для всех партий. Группа Серрати, собравшая большинство на с'езде, захотела навязать Коминтерну таких заведомых агентов капитала, как старые и всем известные реформисты: Турати, Модильяни, Даррагона, Тревес и К°, т.-е. итальянских Диттманов, Бернштейнов и Лонге. Во имя единства с этими реформистами, которые имели на с'езде в Ливорно 14.000 голосов, вожди итальянского «центра», с Серрати во главе, порвали с 58.000 пролетариев-коммунистов. Серрати изменил принятым на II Конгрессе решениям. В Ливорно моральными победителями над «центром» фактически вышли реформисты с Турати во главе. Рабочие-коммунисты образовали самостоятельную Коммунистическую партию. При таких условиях Исполком Коминтерна счел своим долгом признать *единственной* Секцией Коминтерна в Италии молодую Коммунистическую партию Италии и исключить из Коминтерна партию Серрати, которая на деле отреклась от решений II конгресса. Итальянская Социалистическая партия заявила на это протест и апеллировала на решение Исполкома к очередному Конгрессу Коминтерна. На такую апелляцию, несомненно, имеет право каждая партия. И Исполком с готовностью отдает этот спор на решение III Конгресса.

Зная обычаи и нравы «центристских» вождей, любящих увиливать от ясных ответов на проклятые вопросы, Исполком в особом письме к Ц. К. Итальянской Социалистической партии заявил: «Мы приглашаем вас на III Конгресс, но: 1) мы требуем, чтобы ваши делегаты на III Конгресс Коминтерна имели все полномочия давать окончательные ответы III Конгрессу; 2) мы требуем, *чтобы вы ответили ясно и точно*, согласны ли вы на исключение из партии Коминтерна группы «Critica Sociale» (т. - е. Турати, Тревеса и К°), ибо только об этом идет сейчас спор».

Итальянский вопрос приобрел международное значение. В Германии группа Леви, давно уже пытающаяся создать нечто в роде правого крыла Коминтерна, ухватилась за итальянский спор, стала уверять, будто Исполком Коминтерна в этом вопросе допустил «тактические» ошибки, будто Исполком проповедует «механические» расколы и тому подобное.

III Конгресс создаст полную ясность в этом вопросе, поставит его на должную принципиальную высоту, очистит спор от всего мелочного и случайного и покажет всем и каждому, что, *кто не проводит на деле 21 условие*, тот не может быть членом III Интернационала. Мартовское выступление германских коммунистов вызвало серьезные разногласия в среде Об'единенной Коммунистической партии Германии. Леви был исключен из партии, и Исполком Коминтерна одобрил это исключение. III Конгрессу, несомненно, придется заняться тактическими проблемами, возникшими в связи с мартовским выступлением.

В порядке дня III Конгресса стоят еще вопросы об отношении к К. А. Р. D. Эта партия должна будет сказать окончательно: подчиняется ли она международной дисциплине, или нет. И, далее, в порядке дня Конгресса стоят вопросы женского движения, движения молодежи и т. д.

Наконец, Исполком Коминтерна решил в той или другой форме поставить в порядок дня III Конгресса крайне важный вопрос об экономической политике и об общем положении Советской России—первой республики, в которой власть завоевана пролетариатом.

Мы просим все партии, все союзы, принадлежащие и желающие вступить в Коминтерн, немедленно открыть самую широкую дискуссию в печати и на собраниях по вопросам порядка дня III Конгресса. Мы просим их, далее, уже сейчас поставить на очередь вопрос о выборах на этот Конгресс. Исполком Коминтерна единогласно постановил предложить всем партиям: 1) чтобы делегации на Конгресс были по возможности более многолюдны; 2) чтобы среди делегатов одна треть принадлежала к Ц. К. партии, две трети были из числа членов наиболее крупных *местных* организаций, наиболее связанных с рабочими массами. Этому последнему решению мы придаем особенно большое значение. Надо, чтобы на III Конгрессе было возможно *больше рабочих*, непосредственнее всего

отражающих настроение пролетарской гущи. Исполком просит, далее, чтобы в делегациях были представители женщин-работниц и коммунистической молодежи.

Подготовительная работа к Конгрессу (предварительное обсуждение и пр.) имеет не меньшее значение, чем самый Конгресс. Решения III Конгресса должны быть подготовлены и обдуманы рабочими на десятках и сотнях собраний в различных странах. Времени остается мало. За работу!

С коммунистическим приветом

Председатель Исполкома Коминтерна

Г. ЗИНОВЬЕВ.

ЧЛЕНЫ: Россия: *Ленин, Троцкий, Бухарин, Радек.*
Франция: *Росмер.*
Англия: *Квелч, Белл.*
Австрия: *Штейнгардт.*
Венгрия: *Бела-Кун, Руднянский, Варга.*
Болгария: *Димитров, Попов, Шаблин.*
Финляндия: *Куусинен, Маннер, Рахья, Э.*
Голландия: *Янсен.*
Польша: *Валецкий.*
Латвия: *Стучка.*
Персия: *Султан-Заде.*
Норвегия: *Фриис.*
Швейцария: *Ичнер.*
Грузия: *Цхакая.*
Интернационал Молодежи *Шацкин.*

Исполком просит все партии и союзы прислать через своих делегатов письменные подробные отчеты о работе этих партий за последний год. Исполком, далее, просит все партии, чтобы они выдвинули из своей среды докладчиков по различным пунктам порядка дня Конгресса и выступили с проектами тезисов и резолюций по этим вопросам.

Возьмем просто обстоит только дело с крупным землевладением. Здесь мы имеем неприкрытое капиталистическое производство и, в этом случае, не может быть никаких сомнений. Здесь перед нами масса сельского пролетариата и наша задача ясна. Как только наша партия овладеет государственной властью, она экспроприирует крупных землевладельцев, как и промышленных фабрикантов. Произойдет ли эта экспроприация с вознаграждением или нет, это будет зависеть, в большинстве случаев, не от нас, а от тех условий, при которых мы завладеем властью и, кроме того, от поведения самих господ крупных землевладельцев. Мы, ни в коем случае, не можем считать вознаграждение недопустимым при всяких условиях. Маркс не раз говорил мне: если бы мы могли откупиться от всей этой банды, это был бы самый дешевый способ отделаться от нее. Крупные имения, возвращенные таким путем обществу, мы передадим в пользование, под контролем общества, обрабатывающим их в настоящее время сельским рабочим, организованным в товарищества; на каких условиях, об этом нельзя еще теперь говорить определенно. Во всяком случае, превращение капиталистического производства в общественное здесь уже вполне подготовлено и может быть тотчас же осуществлено, совершенно так же, как, напр., на фабриках у Круппа или господина Штумма. И пример таких земледельческих товариществ убедит последних, еще сопротивляющихся мелких крестьян,—а, может быть, и некоторых крупных—в преимуществах товарищеского производства».

Фр. Энгельс. «К крестьянскому вопросу во Франции и Германии».

ГОД БОРЬБЫ

Между вторым и третьим Конгрессами Коммунистического Интернационала лежит почти целый год—год борьбы и тяжких испытаний для передовых пролетариев всех стран, но вместе с тем и год консолидации наших сил, сплочения рядов, идейного самоопределения целого ряда рабочих партий.

Начать с *России*. Коммунистическая часть российского пролетариата с глубочайшим вниманием следит за развитием рабочего движения в других странах и с понятным нетерпением ожидает развития мировой революции. Но вместе с тем русские рабочие, передовики, прекрасно понимают, что Советская Россия сама является изрядной частью этой мировой революции. И они отдают себе отчет в том, что уже одно сохранение Советской власти и упрочение рабочей диктатуры в России является весьма большой победой мировой пролетарской революции. Российская Коммунистическая партия пережила год величайших уроков. Во время II Конгресса Коминтерна войска Советской России стояли в нескольких десятках верст от Варшавы. Затем военное счастье повернулось к нам спиной. В связи с неудачами на польском фронте окрел Врангель. Война с Врангелем стоила жизни многим тысячам лучших рабочих-коммунистов России.

Затем гражданская война кончилась, наступили новые трудности, связанные именно с переходом к мирному строительству. После четырех лет войны империалистской и трех лет войны гражданской, хозяйство России пришло в громадный упадок. Возникли неслыханные трудности в связи с продовольствием и в связи с транспортом. Борьба с этими трудностями для Российской Коммунистической партии была поистине не легка.

При этом повороте, вполне понятно, внутри Российской Коммунистической партии дело не могло обойтись без разногласий. В парт[illegible] возник великий спор о роли и задачах профсоюзов в нынешнюю переходную эпоху. В связи с этим вопросом спор на самом деле шел не только о роли профсоюзов, но и о взаимоотношениях между партией и широкими беспартийными массами, о соотношении сил между пролетариатом и крестьянством в нынешнюю революцию, о методах строительства пролетарской партии в эпоху диктатуры и т. д., и т. п. Споры эти до дна всколыхнули всю Российскую Коммунистическую партию. Но из спора, как и следовало ожидать, партия вышла еще более окрепшей и об'единенной.

Советская власть заключила за этот год целый ряд мирных и торговых договоров, дающих ей возможность с большим спокойствием приступить к мирному строительству и хотя бы отчасти восстановить международный обмен. Советская власть, вдохновляемая Коммунистической партией, еще раз пересмотрела свое отношение к крестьянству и в форме известных декретов о натуральном налоге наметила наиболее реалистическую линию в области экономической политики Советской России—страны, в которой политическая власть принадлежит пролетариату, но в которой вместе с тем преобладает мелкое крестьянское хозяйство, и которая живет в капиталистическом окружении. Сколько бы ни кричали герои второго и двухсполовинного «Интернационалов», будто эта перемена политики Советской власти означает отказ от коммунизма,—всякий честный и сознательный рабочий Европы и Америки понимает, что на деле это не есть отказ от коммунизма, а есть единственно практический и реальный путь к постепенному, но неуклонному упрочению коммунистического режима в России.

Советская власть приступает к демобилизации Красной армии. Великая моральная победа Российской Коммунистической партии заключается в том, что она сумела не только создать могучую пролетарскую армию, но и сумела при помощи этой армии победить многочисленных врагов и теперь дожить до той минуты, когда эта армия может быть распущена. Факт успешной демобилизации первой в мире пролетарской красной армии стоит для Коммунистического Интернационала иного большого выигранного сражения. Что бы там ни было, с какими бы трудностями ни пришлось бы еще встретиться Российской Коммунистической партии—а кронштадтские события показали, что трудности эти еще очень велики,—мы все-таки имеем несомненное право без всякого бахвальства сказать, что за тот год, который лежит между вторым и третьим конгрессами Коммунистического Интернационала, Советская власть, а с нею вместе Российская Коммунистическая партия окрепли и пустили еще более глубокие корни.

Выросли, окрепли и возмужали коммунистические партии в целом ряде других стран. Для мещанина, для филистера, для героя двухсполовинного «Интернационала» то, что происходило за последний год в рядах международного рабочего движения, часто кажется сплошным хаосом. Повсюду расколы—говорит такой мещанин,—повсюду ожесточенные споры, нет порядка, не слушают старших, изгоняют старых вождей и т. п. На са-

мом деле истекший год только по внешности был годом бесконечных споров, расколов, внутренней борьбы. По существу же вещей, это был год, когда дело освобождения пролетариата от старой, мертвящей, контр-революционной социал-демократической идеологии подвигалось весьма успешно. Основной итог за год: дифференциация внутри рабочего движения близка к концу, плевелы отделились от пшеницы, сор выметен, рабочий класс нашел самого себя, передовые рабочие всего мира обрели надлежащую коммунистическую ориентацию. Они освободились от тех гирь, которые висели на их ногах, они сумели создать коммунистические партии, почти окончательно освободившиеся от балласта социал-демократических, пацифистских и тому подобных мещанских и контр-революционных элементов.

В *Германии* раскол протекал в особенно классических формах. С'езд в Галле открыл целую серию таких конгрессов, на которых рабочие, раскалываясь со сторонниками «центра», тем самым создавали почву для образования действительно коммунистических партий. Значения этих расколов совершенно не поняли мещане социализма. Еще на этих днях нам довелось читать статью Ледебура, хныкающего о том, что, из-за происшедшего раскола, партия независимых и [redacted] об'единенных коммунистов в Германии, [redacted] стала бы неравненно слабее, чем год тому назад была одна Независимая партия. Бедный Ледебур! Он дожил до седых волос и так таки ничего не понял из того, что происходит под его носом. Ему и невдомек, что одна Об'единенная Коммунистическая партия Германии ныне на деле является революционным фактором, вдесятеро большим, чем год тому назад являлась «единая» Независимая партия, в которой революционные силы уравновешивались контр-революционными как будто нарочно в такой пропорции, чтобы в результате сложения +а и —а дать круглый нуль.

Раскол произошел и во *Франции*. Старая об'единенная социалистическая партия Франции потеряла с полсотни тысяч своих членов, которые ушли направо. Социал-пацифист Лонге об'единился с социал-предателем Реноделем. Но кто же не видит, что, благодаря открытому переходу в лагерь бур[redacted] лонгетистов и их союзников, партия французских коммунистов, освободившаяся от этого балласта, стала сильнее? Наиболее дальновидные французские буржуа отлично отдают себе отчет в этом. Во Франции повеяло свежим ветерком. Рабочие вновь обретают доверие к самой идее политической рабочей партии и, хотя процесс кристаллизации коммунистической партии во Франции еще далеко не закончен, но шаг вперед сделан гигантский.

А *Италия!* Здесь раскол произошел, внешним образом, в наиболее невыгодной для коммунизма форме. Большинство Итальянской Социалистической партии оказалось за пределами Коминтерна. Нашлись близорукие слабонервные коммунисты, которые в этом увидели поражение Коммунистического Интернационала. Об итальянском вопросе мы будем много спорить на предстоящем III Конгрессе Коминтерна. Но уже и сейчас ясно: прошло всего 2—3 месяца, и в рядах серратианской Социалистической партии Италии начинается глубочайший процесс брожения. С каждым месяцем на сторону Коммунистической партии Италии будут переходить новые тысячи и десятки тысяч рабочих. Только этим трудным путем можно было изжить то тяжкое и позорное наследие мирного периода старой социал-демократии, когда в рядах рабочих партий терпели таких агентов буржуазии, как Турати, Дарагона и К°. Только этим, дорого стоющим, путем можно было освободить итальянское рабочее движение от тлетворного влияния таких людей, как Серрати, который имеет бесстыдство в 1921 году доказывать рабочим, что они должны терпеть в своих рядах и тащить с собою вместе в ряды III Интернационала итальянских меньшевиков.

Такие же глубочайшие процессы дифференциации происходили в течение этого года в таких странах, как *Швейцария, Испания, Швеция, Норвегия, Юго-Славия, Румыния*, где мы имеем сейчас более или менее сильные коммунистические партии и где год тому назад мы имели в лучшем случае небольшие группы идейных сторонников коммунизма.

В *Англии* за этот год удалось об'единить все прежде враждовавшие отдельные английские коммунистические группы и партии. Аресты и другие репрессии, с которыми обрушилась английская буржуазия на наших английских товарищей, доказывают, что коммунизм в Англии крепнет. Об'единение коммунистических сил приближается и в *Америке*. Коммунистический Интернационал, во что бы то ни стало, добьется образования в Америке единой коммунистической партии.

Уже перед самым третьим Конгрессом на с'езде в Праге образовалась единая, могучая коммунистическая партия *Чехо-Словакии*, насчитывающая более 350.000 членов. В Чехо-Словакии Коммунистическому Интернационалу пришлось считаться со многими сверхкомплектными трудностями. Преодолеть национализм в этой стране было делом нелегким. Тем более ценна та великая моральная победа, какую Коминтерн одержал в Чехо-Словакии.

Всего неполный год прошел со времени II Конгресса, и мы можем смело теперь сказать: нет такого угла на земном шаре, населенного рабочими, где бы не было коммунистов. В *Аргентине* и в *Бразилии*, в *Японии* и в *Китае*, в *Бухаре* и в *Туркестане*, в *Финляндии* и в *Эстонии*, в *Польше* и в *Румынии*, в *Юго-Славии* и в *Болгарии*—повсюду и везде мы имеем теперь организованные коммунистические партии, растущие с каждым месяцем.

III Всемирный Конгресс собирается в такое время, когда реакционные тучи обложили весь европейский горизонт. Международный капитал по всему фронту переходит в наступление против рабочих. Миллионы безработных голодают, десятки тысяч коммунистов сидят в тюрьмах. Почти в каждой «передовой» капиталистической стране буржуазия заводит банды головорезов (фашисты в Италии, Оргеш в Германии, всевозможные буржуазные Лиги во Франции, наемные банды в Америке), имеющих специальной задачей перерезать как можно большее количество рабочих коммунистов. Общий фон картины: торжество мировой реакции. И уже у господ Независимых и других сторонников двухсполовинного «Интернационала» душа уходит в пятки, и уже все «теоретики» второго и двухсполовинного «Интернационала», Каутский, Гильфердинг, Бауэр, Лонге, Мартов и К° пророчат долголетие «мирно-обновленному» капитализму, и уже те самые господа, независимые, которые еще с год тому назад почти по львиному рычали о том, что они «тоже» стоят за диктатуру пролетариата, теперь припадают к стопам своих правительств.

Коммунистический Интернационал знает: наступление капитала будет отбито. Капитализм должен погибнуть, и он погибнет. Никакого длительного равновесия буржуазия восстановить не может. Мировая пролетарская революция идет,—и она придет. Это неизбежно, это незыблемо, из этого исходит III Конгресс Коминтерна.

«Но вы в течение этого года терпели только поражение за поражением»!—кричат нам филистеры всех стран. «В Чехо-Словакии во время всеобщей стачки вы были побиты, в Юго-Славии вы потерпели поражение и вас на время даже загнали в подполье, в Италии захват фабрик и заводов кончился ничем, в Англии стачка углекопов никем не поддержана, в Германии вы устроили путч и были также побиты!»

Так говорят нам господа меньшевики.

О мартовском выступлении германской коммунистической партии мы поговорим особо на Конгрессе. Здесь заметим только, что т. Мартов был совершенно прав, когда он в газете Гильфердинга в первомайской статье, вполне солидаризируясь с Паулем Леви, писал о том, что мартовское движение в Германии было только *частью* тех движений, которые Коммунистический Интернационал пережил за этот год в названных выше странах. Да, господа мещане! И в Юго-Славии, и в Чехо-Словакии, и в Италии, и в Англии, и в Германии наше движение за этот год *еще* не увенчалось успехом. Еще не раз и не два мы будем терпеть частичные поражения в той или в другой стране. Но, тем не менее, борьба кипит, борьба разгорается с каждым днем все ярче. Окидывая взглядом тот путь, который все наши партии прошли за год, мы имеем все основания гордиться нашими успехами. Поэтому нас об'единился весь буржуазный мир. На сторону буржуазной реакции целиком и без остатка перешли не только социал-демократические, но и так называемые «независимые» партии. И тем не менее, Коммунистический Интернационал растет и готовится нанести буржуазному миру тот удар, от которого капитализм уже не поправится.

На II Конгрессе Коммунистического Интернационала нам пришлось считаться с двумя оппозициями: справа и слева. Оппозиция справа была представлена главным образом делегацией тогда еще единой Независимой партии Германии. В те далекие, чрезвычайно далекие времена — прошел ведь целый год, а в наше, время год идет по меньшей мере за десятилетие!—германские независимые, французские лонгетисты, швейцарские социал-демократы, итальянские реформисты и полуреформисты и тому подобные господа надеялись, что для них найдется место в Коммунистическом Интернационале. Теперь все эти «тоже»-социалисты получили возможность убедиться в том, что «для их прогулок» им придется «выбрать подальше закоулок». Итальянский реформист, пройдоха Модильяни, был совершенно прав, когда у него на с'езде в Реджио Эмилия вырвались следующие слова: «Фетиш III Интернационала должен быть обсужден. Болонский Конгресс присоединился к III Интернационалу, *такому, каким он был тогда...* Но тот Интернационал не был сегодняшним».

Вот именно, господа реформисты!

Да, господа Модильяни всех стран, III Интернационал стал теперь не совсем тем учреждением, которое вы хотели из него сделать. Теперь все вы убедились, что войти в III Интернационал это совсем не то, что прописаться в комфортабельной гостинице на пару дней с тем, чтобы потом съехать и поселиться в какой-либо другой, столь же комфортабельной гостинице. Из тех партий, которые год тому назад стремились в Коммунистический Интернационал, мы сумели взять лишь наиболее здоровый, действительно революционный пролетарский элемент. Остальных мы выбросили или они сами выскочили, как ошпаренные. Как год тому назад среди господ реформистов и полуреформистов было почти что модой желание принадлежать к Коммунистическому Интернационалу, так теперь среди этих же элементов стало модой открещиваться и лаять на III Интернационал. Если уж надо выбирать, мы, грешные, предпочитаем последнее.

К концу отчетного года все более ясно стали обрисовываться попытки некоторых шатких сторонников Коммунистического Интернационала образовать правое крыло внутри Коминтерна. Достаточно назвать такие имена, как Серрати (Италия), Роберт Вильямс (Англия), Паульб Леви (Германия), Шмераль (Чехо-Словакия), Штрассер (Австрия): различные люди, с различными традициями, с различным подходом к делу, но есть кое-что, что об'единяет их. III Конгресс сумеет ликвидировать попытку образования

правого крыла Коминтерна в самом начале этого болезненного процесса.

Так называемая «левая» оппозиция на II Конгрессе Коминтерна была представлена голландскими марксистами, группой Сильвии Панкхерст, отчасти представителями фабрично-заводских комитетов Англии и Америки, некоторыми синдикалистскими группами и группой Коммунистической Рабочей партии Германии (K. A. P. D.). II Конгресс бережно подошел к этой оппозиции слева, он сумел терпеливо раз'яснить все ошибки этих «левых» товарищей и добился революционного сотрудничества со многими из этих групп. Прошел всего год. Очень значительная часть этих левых элементов вполне ассимилирована Коммунистическим Интернационалом. Тактика образования коммунистических ячеек внутри профессиональных союзов оправдала себя вполне и дала превосходные результаты и во Франции, и в Германии, и в Англии. Лучшая часть французских синдикалистов искренно перешла на сторону Коминтерна. То же намечается и с итальянскими и испанскими синдикалистами. Сторонники фабрично-заводских комитетов Англии и группа Сильвии Панкхерст вошли в общую единую коммунистическую партию Великобритании. С лучшей частью Союза Индустриальных Рабочих Мира—I. W. W. у Коминтерна намечается вполне дружественное сотрудничество. Наши левые английские товарищи должны были признать и, мы уверены, признали нашу правоту в вопросе о том, следует ли им участвовать в Рабочей партии Англии (L. P.). Социал-предательские вожди этой партии сами стали изгонять наших товарищей из рядов Лебур-Парти и этим лучше, чем чем-бы то ни было другим, доказали правоту нашей точки зрения.

Тем не менее, и на III Конгрессе Коминтерна нам придется еще столкнуться и с так называемой левой оппозицией, вернее, с ее остатками. Перед нами лежит брошюра под заглавием «Der Weg D-r Paul Levis—der Weg der V. K. P. D.». Брошюра эта издана Коммунистической Рабочей партией Германии (K. A. P. D.) после мартовских дней 1921 г. Брошюра эта, которая, несомненно, принадлежит перу Германа Гортера («я по ушам узнал его в минуту») показывает, что среди сторонников Коммунистической Рабочей партии Германии есть часть *неисправимых* болтунов, с которыми Коммунистическому Интернационалу поистине не по дороге. С серьезным видом Гортер и его друзья из Коммунистической Рабочей партии Германии утверждают, что *всякая* партия, «до тех пор, пока она является массовой партией», никогда не сможет быть революционной партией. Со столь же серьезным видом этот шутник упрекает Коммунистический Интернационал за то, что он в Галле, в Туре и даже во Флоренции «в погоне за рабочими массами» будто бы пошел слишком направо. Послушать Гортера, так во всем III Интернационале ни одна партия не является действительно коммунистической—«с одним только исключением» (буквально!). Гортер не сказал точно, какую именно партию он считает этим счастливым исключением: то ли Голландскую Коммунистическую партию, которая за 20 лет сумела навербовать целых 2.000 членов, то ли Коммунистическую Рабочую партию Германии, насчитывающую теперь немногим более того.

Если на этих «идеях» всерьез станут настаивать товарищи из Коммунистической Рабочей партии Германии, они безнадежно скомпрометируют себя и *сделают себя невозможными в Коммунистическом Интернационале.*

Год борьбы лежит позади нас. Громадная идейная работа близка к завершению. Принципиальная разборка, идейно-политическая дифференциация заканчивается. Наша задача теперь—*организационно* закрепить выполненную работу. От первого до второго конгресса Коминтерн был только обществом пропаганды. На втором конгрессе заложены основы тактики коммунизма. От второго до третьего Конгресса во всем мировом рабочем движении шла страстная борьба за то, чтобы отстоять эти тактические основы. III Конгресс закрепит сделанные завоевания и *даст законченную, организационно-оформленную постройку Коммунистического Интернационала.* После III Конгресса Коммунистического Интернационала каждый делегат и вместе с ним каждый сознательный рабочий-коммунист скажут: тактические основы намечены и закреплены, программа в основном выработана, коммунистические партии созданы во всем мире, организационные основы существования Коммунистического Интернационала заложены, *теперь—за работу!*

Если и дальше Коммунистический Интернационал будет расти не более медленно, чем это было до сих пор, то передышка, оставшаяся для мировой буржуазии, право, не так уж велика. Победа будет за нами, и при том скорее, чем многие из нас ожидают.

24 мая 1921 г.

Г. ЗИНОВЬЕВ.

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ В ГЕРМАНИИ *).

«Только по окончании войны, и по мере выяснения всех ее результатов, широкие массы начинают постепенно понимать ее значение, равно как и значение революции. Ничто так не характерно для этого, как совершенно бессмысленное поведение стоящих у власти вождей социал-демократии и независимых. Бессодержательный набор вымученных фраз о свободе, демократии, Вильсоновском мире, социализации и советской системе обнаруживает полнейшее смятение и беспомощность этих политиканов. Нелепые лозунги: «только работа может нас спасти», «социализация развивается», «закрепление Советов в конституции», надежда на единоспасающее учредительное собрание и тому подобные бессмыслицы, то всплывающие на поверхность, то исчезающие, обращаются в какое-то сумасшедшее паясничество.

Трагедия начинается крестным путем революционного пробуждения германского пролетариата. Для тех, кто, переживая эти времена, кто созерцал их под углом зрения научного марксизма,—выяснилась вся правильность слов Карла Маркса о ходе пролетарской революции в его «18 Брюмера». У власти стояли, «по воле народа», бессмысленные кретины и рутинеры из старой Социал-Демократической партии и профсоюзов, старавшиеся казаться хитрыми.

Они попадали из одной катастрофы в другую, потому что, лишенные какой бы то ни было революционно-творческой мысли, они, при первых же вспышках революции, когда по стране пронеслась буря массовых экономических забастовок, стали искать помощи у прежней власти и бросили против рабочего класса старую милитаристскую сволочь и применили старые капиталистические средства: осадное положение, белый террор, смерть и уничтожение. Они кричали рабочим: «Революция не должна обращаться в борьбу за оплату труда», «порядок—гражданский долг». Они создали порядок, как его создавал Галиффе. Спокойствие кладбища. 20.000 убитых рабочих, погибших от руки первого рабочего правительства Германии. Бессмысленный страх, что без буржуазии нельзя управлять и работать,—вот основная причина их подлой трусости, измены рабочему делу, их убийству рабочих. Массам недоставало революционной уверенности в своих силах, которая одна дает победу: первый с'езд рабочих и солдатских депутатов добровольно отказался от власти, передав ее «народному учредительному собранию». Старые ветераны марксизма, как Каутский и др., привыкшие всю жизнь только более или менее решительно философствовать о социализме,—также испугались, когда проблема социалистического строительства предстала перед ними жестокою действительностью. Эти марксистские попы при быстром своем отступлении натолкнулись на удравших еще раньше болтунов и рутинеров. Хаотическая путаница социал-демократической комедии достигла высшей точки. Смятением в рядах «новых людей» из «социалистического правительства» воспользовались, конечно, старые опытные управители, чтоб снова крепко взять возжи в руки. Колеблющиеся и надеявшиеся на социализм рабочие, выбравшие «новых людей», бросились в бегство из лагеря этого «социализма». И попали в лагерь открытой контр-революции.

Величайшее историческое преступление, совершенное германской Социал-Демократической партией и Независимой Социалистической партией, заключается в том, что, обратив социализм в каррикатуру, они разочаровали, всю без'идейную массу колеблющихся, мелко-буржуазно мыслящих рабочих, чиновников и служащих, а также живущих в тяжелой нужде мелких буржуа,—и, таким образом, толкнули ее в лагерь контр-революции».

«В силу этих обстоятельств, вместо разгромленной войною quasi-конституционной монархии, только и могла создаться буржуазно капиталистическая республика.

В монархии Вильгельма Последнего лишь часть буржуазии стояла у власти. В буржуазно капиталистической республике Фрица Эберта ей принадлежит вся власть над рабочим классом. При монархии рабочие еще могли кое-как переносить господство буржуазии, как совпадавшее с развитием капитализма. Но господство буржуазии при республике является невыносимым для рабочих, служащих, низших и средних чиновников, ибо оно совпадает с концом капитализма».

«Политика реформ экономических и иных была бы возможной и правильной, если бы мы жили в эпоху развивающегося капитализма, как это было перед войной. После военной катастрофы политика, стремящаяся, при сохранении капиталистического строя, создать путем реформ сносные условия существования рабочих,—является абсолютно невозможной».

«В 1919 г., говорили о социализации, обсуждали в комиссиях программы социализации. Рабочие могли тогда, в победоносной борьбе за увеличение заработной платы временно повысить, по крайней мере,

*) Мы даем здесь только несколько выдержек из статьи тов. Брандлера, посвященной анализу мартовского выступления. *Ред.*

свои тарифные ставки. Теперь никто уж больше не говорит о социализации, теперь злобой дня являются: понижение тарифных ставок, ограничение производства, закрытие предприятий».

«В настоящее время, когда занятие французами Рурской области угрожает миру новой войной и новыми неслыханными страданиями, — только одна Россия твердо стоит на ногах, победоносно отбив всех врагов, и пользуется передышкой, пока ни одного неприятельского солдата нет на ее территории, для коммунистического воссоздания своего хозяйства. Ныне, пред лицом опасности, грозящей в Верхней Силезии, и после занятия Рурской области, своевременно вопросить: каково было бы сейчас наше положение, если бы мы с декабря 1918 г. находились в союзе с Советской Россией для совместного восстановления нашего и русского хозяйства?—Не существовало бы никакого верхне-силезского вопроса, так как Польша не была бы теперь националистским разбойничьим государством, а союзной с Советской Россией и Советской Германией, дружественной нам, Советской Польшей. Чем были бы Венгрия, Австрия, Чехо-Словакия? Осмелились ли бы Франция и Англия занять при таких условиях Рурскую область?»

Реки крови, пролитые в мировой войне, [illegible] не высохли, а мы снова стоим накануне [illegible] мировая революция не положит конца оргии [illegible] победителей», то в результате предстоит война еще более ужасная, чем война 1914 года. Вот к чему ведет восстановление капитализма меньшевиками! В Италии, в Чехо-Словакии, в Австрии, даже в Венгрии восстает пролетариат. Недавнее голосование в Верхней Силезии, вместо разрешения верхне-силезского кризиса, только обострило его. Германская пресса сообщает о военных приготовлениях Польши, польская — о предстоящем наступлении на Верхнюю Силезию. В виду этого, все обостряющегося положения Центральный Комитет призвал партию к величайшей активности и боевой готовности. Центральный Комитет всеми голосами против одного постановил перейти от пропаганды к действию, постановил мобилизовать массы. Было также решено, в случае если голосование в Верхней Силезии приведет к вооруженному столкновению, призвать массы к борьбе против этой безумной авантюры. Центральный Комитет также постановил: что, если усиление «санкций», вызванное пассивным сопротивлением германского правительства требованиям Антанты или — при соглашении Германии с Антантой — результаты этого соглашения приведут к новому закрытию предприятий и сокращению производства и нужда принудит безработных и работающих к бою, — сделать все для того, чтобы повести борьбу твердо организованным порядком и привести всю массу в движение. Партия постановила дальше, в отмену прежнего решения избегать частичных боев, — помогать активной поддержкой и руководством, таким частичным движениям, как, например, борьба горнорабочих или сельско-хозяйственных рабочих за тарифные ставки. Партия единогласно решила пробуждать в рабочих, где только возможно, наступательный дух и быть впереди массы в ее боях. Для партии было совершенно ясно, что эти действия не приведут к непосредственной борьбе за власть. Но если только удалось справиться с локаутами предпринимателей путем выступления рабочих наиболее важных отраслей производства, как то, горно-рабочих, железнодорожников, то уверенность в своей силе значительно бы поднялась у масс. Центральный Комитет всюду подчеркивает, что необходимо считаться с фактическими условиями борьбы, не ставить себе недостижимых целей, а стремиться больше всего к тому, чтоб борьба велась с максимумом энергии. Центральный Комитет дальше постановил: выступления рабочих в отдельных районах распространять при малейшей возможности, на всю территорию страны для того, чтоб оказать помощь всем рабочим, находящимся в затруднительном положении.

Именно таково постановление, вынесенное Центральным Комитетом на заседании 17 марта. Величайшая активность и готовность к борьбе для того, чтобы быть впереди массы в ее борьбе, — вот смысл и содержание прений и постановлений заседания Центрального Комитета, районных секретарей и редакторов партийных газет.

Во время заседания стало известно распоряжение Герсинга о занятии Средней Германии полицией. Всему Центральному Комитету было ясно, что это распоряжение является провокацией, направленной против рабочих Средней Германии, и что правительство Северинга принимает меры для подавления рабочих. Средняя Германия, Галле, Мерзебург, Мансфельд — все эти местности, где партия получила наибольшее число голосов при последних выборах в прусский ландтаг, и Центральный Комитет единогласно постановил призвать рабочих ко всеобщей забастовке и мобилизовать партийных товарищей для организации этой забастовки, — не забастовки против рабочих не коммунистов, в чем нас нелепо обвиняют наши враги, а забастовки всех рабочих с целью поддержать подвергшийся нападению пролетариат Средней Германии и принудить убрать оттуда полицию».

БРАНДЛЕР.

ПАДЕНИЕ ПАУЛЯ ЛЕВИ.

(ПОСЛЕСЛОВИЕ К БРОШЮРЕ «ТАКТИЧЕСКИЕ РАЗНОГЛАСИЯ» В О. К. П. Г.).

I.

18 апреля, когда эта брошюра была кончена и отослана в Германию, я еще ничего не знал о брошюре Леви «Наш Путь», на которую Цека О. К. П. Г. вынужден был ответить немедленным исключением Леви из партии. Поэтому я мог относиться к Леви, как к представителю правого крыла. Правда, при чтении последних страниц моей брошюры читатели могли заметить, что я предчувствовал близкий разрыв Леви с партией. Это чувство основывалось на присланной мне копии письма Леви к тов. Ленину и на стенограмме речи, произнесенной им на собрании ответственных работников в Берлине 7 апреля. Но должен сознаться, что, предвидя возможность ухода Леви из партии, я ни на одну минуту не допускал мысли, что он уйдет из нее, *как ренегат*, что в тяжелый для партии момент он станет на сторону ее классовых врагов и будет возводить на Интернационал лживые обвинения Шейдеманов и Дитманов. Как ни тяжело признавать, что человек, которого мы считали нашим соратником, оказался способным на такую измену, я, однако, считаю, что дело Леви значительно освежит атмосферу в К. П. Г. В моей брошюре я говорил о развитии и сущности правого крыла К. П. Г., основываясь *главным образом* на цитатах из статей Леви, но было бы, конечно, ошибкой полагать, что все правое крыло состоит из одного только Леви. Кроме некоторых организаторов, признающих себя коммунистами, но на деле совершенно не способных вести революционную борьбу, за Леви стояли также надежные и испытанные товарищи, которые, строго взвешивая соотношение сил, боятся опасности поражения, но не видят, что самая большая опасность угрожает той партии, которая бездействует и, ограничиваясь агитацией и пропагандой, забывает будить среди страдающих масс веру в собственные силы,—веру, пробуждаемую только активностью, только борьбой.

Разбирая в брошюре все спорные вопросы, мы старались доказать этим товарищам, что с Леви нас разделяют не мелкие разногласия, а систематически проводимая им оппортунистическая политика, связи которой с центристами они не вполне себе уяснили. Еще до того, как брошюра попала в руки немецких товарищей, Леви доказал правильность моих утверждений с поразившей нас очевидностью. Он оказался рядом с Гильфердингом, Дитманом и Криспином, которых еще так недавно, в письме к тов. Ленину, коротко и ясно называл негодяями. Он вопит по поводу авантюристской тактики и провокации Ц. К., по поводу авантюристской политики Коминтерна. Против партии, председателем коей он состоял, у него нет ни одного аргумента, который не был бы заимствован у Шейдеманов и Гильфердингов. Прежде он весьма энергично, тоном глубочайшего убеждения оспаривал эти аргументы, теперь он носится с ними, как будто сам их выдумал. Этим самым доказывается лучше, чем какими бы то ни было теоретическими рассуждениями, правильность наших утверждений: что *спор с Леви является лишь продолжением спора с Гильфердингом.*

Мы могли бы закончить наше послесловие тем, что, вытравив из нашего сознания память о Леви, как о бывшем товарище, только попросили бы тех товарищей, которые стояли за ним, сопоставить наши выводы с фактом падения их вождя. Но если раньше, мы, не желая обострять полемику, избегали каких бы то ни было личных выпадов против Леви, то теперь политический и личный долг заставляют нас заняться *подробной характеристикой этого ренегата.*

Пауль Леви был почти совершенно неизвестен в К. П., когда смерть Карла Либкнехта и Розы Люксембург лишила партию ее вождей. Леви не являлся ни в коем случае тем человеком, который мог бы завоевать доверие широких масс; он не был и тем человеком, который знает каждый дальнейший свой шаг. Когда во время партийной дискуссии о роли партии, об отношениях к профсоюзам, к парламентаризму, он выдвинулся благодаря своим ораторским и литературным способностям, я его всячески поддерживал теоретически и практически и не раз отговаривал от намерения оставить борьбу и вернуться к частной жизни. Многие из моих ближайших политических друзей питали глубокое недоверие к Леви, считали его резонером и не верили в его качества революционного борца, и мне пришлось выдержать с ними не одну стычку из за Леви. Вот почему я считаю себя ответственным за этого человека, политический труп которого теперь перед нами. Но еще важнее, чем выполнение моего личного долга,—политический урок, который мы извлечем, проанализировав, каким образом такой одаренный человек, как Леви, мог оказаться прямым изменником делу рабочего класса, прямым помощником белой юстиции.

Похороны тов. Зильта.

Похороны тов. Зильта.

Немецкие рабочие ко многому уже привыкли по части предательства своих вождей. Они видели целый ряд вождей, погибавших политически с переходом в лагерь буржуазии. Они видели, как председатель Германской Социал-демократической партии Эберт сделался имперским рейхсканцлером; они видели, как рабочий Носке стал генералом германской контр-революции, как Гаазе и Дитман укрепляли положение буржуазии, как Дитман и Криспин, вопреки революционным фразам, вопреки признанию пролетарской диктатуры и Советской власти, обратились в помощников не раз проклятого ими Шейдемана и Эберта. Они видели, как организатор оппозиции в профсоюзах Дитман, заняв место Легина и приобретя сильное влияние, подготовляет изгнание революционных рабочих из союзов для того, чтобы предприниматели могли держать их в повиновении угрозой безработицы. Они видели, как Лауфенберг и Вольфгейм, по характеру честные и самоотверженные революционеры, теперь околачиваются по всем притонам контр-революции. И, несмотря на все это, каждое новое предательство вождя является ударом в сердце пролетариата, который не может понять, каким образом так сильно расходятся слово и дело, почему один популярный вождь за другим оказываются в буквальном смысле слова изменниками делу рабочих. Падение Леви не из последних, поэтому важно остановиться на этом частном случае, подробнее разобраться в общих и частных причинах несостоятельности верхов, в причинах падения вождей, которыми отмечается каждый шаг вперед германского пролетариата.

II.

Очень много писалось о том, почему верхи рабочего движения оказались несостоятельными во время войны и в период после войны. Старые вожди, независимо от того, были ли они рабочего или буржуазного происхождения, выросли в мирных условиях. Они агитировали, устраивали демонстрации, выступали с парламентской трибуны, писали в газетах, вели переговоры с предпринимателями,—но не руководили революционными действиями. Головы и души их были настроены на мирный лад. Многие из них помнили еще о тех героических временах, когда жилось не так легко, когда приходилось терпеть лишения и преследования, но они испытывали чувство облегчения при мысли, что эти времена, наконец, прошли, и что теперь дошло до того, что даже министры вынуждены дружески относиться к вождям рабочих. Пульс у многих вождей замирал. Неспособные к жертвам, неспособные к борьбе на жизнь и на смерть, они надеялись, что рабочие медленно, путем мирного прогресса, придут к социализму, и они, как старые ветераны рабочего движения, в мире и почестях доживут свои дни. Более молодое поколение знало о плохих временах начала рабочего движения только по рассказам. Они получили закал в различных рабочих организациях и дорожили ими, как зеницей ока. Еще до войны, когда дороговизна сводила на нет все завоевания профсоюзов, вооружения поглощали все средства государства, рассеяв всякие надежды на социальные реформы, трестирование промышленности все усиливало буржуазию, а империализм—реакцию, когда все звало в бой,—эти вожди вопили против «неспокойных», против «бунтарей», толкающих пролетариат на борьбу, в которой он рискует лишиться своих организаций. Боязнь за последние была связана с суеверным страхом перед капитализмом, который считали несокрушимым: ведь он вооружен с ног до головы, владеет всем миром. Только сумасбродные романтики могут-де полагать, что победа возможна в открытой борьбе.

Когда вспыхнула война, и все мечты о мирном развитии оказались разбитыми, эти вожди крупных рабочих организаций, конечно, не осмелились начать борьбу с разразившейся бурей. Разве не ясно, что в этой борьбе они и рабочие организации погибнут, что рабочие будут разбиты. Свою трусость они прикрывали фразами о защите отечества, о необходимости сохранения завоеваний рабочего класса, и таким образом сделались помощниками самого правого империализма: не смея бороться, они вынуждены были поддерживать его, ибо занять нейтральную позицию в таком бою невозможно. Так эти вожди защитили свои организации: ценою обращения их из орудий борьбы с капиталом в орудие борьбы за капитал. А между тем, миллионы пролетариев гибли на полях сражений или навеки оставались искалеченными, дети их рождались хилыми, а из пролетарской молодежи высасывались все соки. Когда империализм был разбит, и правительство сброшено, эти вожди были уже настолько развращены трехлетней дружбой с капиталом, что единственной их мыслью и заботой было как можно скорее помочь своим господам и начальникам, капиталистам, снова захватить власть. Капитализм, правда, обратил мир в кучу развалин, но только он, полагали они, способен восстановить его снова: разве рабочие тем, что в продолжение четырех лет давали водить себя за нос, не доказали свою неспособность к власти? Всякое выступление рабочих они считали поэтому безумием, и, как врач укрощает больного, накидывая на него смирительную рубашку, так они помогали буржуазии укротить рабочих, впавших после войны в буйное помешательство. Читайте воспоминания Носке, и вы увидите, что этот пролетарский вождь, обратившийся в палача, чувствует себя правым. Что в его книге действует наиболее угнетающим образом, это не цинизм, которым отличаются его взгляды, а именно это твердое убеждение в своей правоте.

Меньшинство вождей сознавали измену, совершенную 4 августа, но не имели достаточно мужества, чтобы протестовать. Они были из того же теста, что Шейдеман

и Эберт, так же, как эти последние, они не осмеливались вступить в бой, так же были гипнотизированы кажущимся могуществом капитала, неверием в силы пролетариата, заботой о сохранении организаций. Эти вожди не пошли вместе с Шейдеманом и Эбертом, отчасти потому, что, правильнее оценивая мировое положение, не хотели связывать себя с гибельным делом германского империализма, отчасти потому, что, по своей бесхарактерности, не могли избегнуть влияния пробуждающихся рабочих масс. Как Дитманы, которые 4 августа были горячими патриотами, а после битвы на Марне потеряли свои патриотические чувства, они не имели больше мужества сопротивляться оппозиции рабочих. Но они не имели также веры и мужества, чтобы работать для революции. Напротив того, они вопили перед капиталистическим правительством, умоляя его отказаться от чрезмерных требований, могущих вызвать революцию. Когда Дитман был обвинен в организации январской забастовки 1918 г., он клялся перед судом, что с тех пор, как покинул мастерскую, он ни разу не агитировал за забастовку. После поражения германского империализма, представители центра, Дитман и Гаазе, оказались вместе с Шейдеманом и Эбертом, единодушно признавая, что германский народ может существовать только милостью победоносного капитала и что необходимо реставрировать в Германии буржуазное правительство для того, чтобы заслужить доверие американского капитализма. Лишь после того, как Носке и Меркер убили на улицах Берлина 15.000 рабочих, Дитманы и Криспины обрели мужество заявить, что они тоже желают бороться за диктатуру и Советскую власть. Но очень скоро оказалось, что меч, которым они потрясали, картонный меч, что никакого перелома с ними не произошло, что заявления их — лишь следствие трусости. Они испугались революционных рабочих и признали все их требования с тем, чтобы заслужив их доверие, удержать рабочих от боя. В Москве маска с них была сорвана; революционные рабочие отвернулись от них. Тогда, увидев, что им удастся обмануть революционный пролетариат, они показали себя тем, что являют собою в действительности,—германской контр-революцией. Они творят дело контр-революции, стремясь всеми средствами—клеветой и преследованиями—сохранить для буржуазии последнюю ее ценность: профессиональный союз, «свободный» от коммунистов. Они творят дело германской контр-революции, стараясь перебросить мост между нею и капиталистами Антанты. Они помогают контр-революции, стремясь при каждом выступлении рабочих, — даже самом ничтожном, когда борьба ведется лишь за кусок хлеба, — сорвать, задушить движение из боязни, как бы оно не превратилось в борьбу за власть. Они помогают контр-революции, не только изменяя рабочим при каждом их выступлении, но даже стараясь доказать, что жертвы белого террора являются в действительности жертвами коммунизма. Они изменяют пролетариату, оскверняя самое святое, что у него есть: его международную солидарность. Они беспрерывно стремятся подорвать его веру в Советскую Россию, которая, истекая кровью, голодная и раздетая, является единственной цитаделью рабочего класса, единственной надеждой борющегося пролетариата.

III.

99% прежних вождей изменили рабочему классу *по неверию в его силы, из суеверного рабского страха пред всемогуществом капиталиста-рабовладельца.* И только небольшая кучка пошла путем борьбы. Лучшие из них убиты врагами. *Вейстмейер* — совершенно больной — был послан на фронт и там затравлен на смерть, в то время, как жирный *Кейль* процветал в тылу патриотическим героль-дом. Роза *Люксембург* и Карл *Либкнехт* были убиты. Иоганн *Книф* умер, окруженный цепными собаками Носке. *Иогихес* пал от пули белого убийцы. И сомкнутые ряды революционных рабочих осталась под предводительством маленькой кучки вождей, среди которых одни не обладали вовсе теоретической подготовкой, другие не имели революционного опыта, а третьи были слишком слабо связаны с массой. Революционные рабочие стояли перед врагом в сознании тысячекратных предательств вождей, ощущая, что снова и снова их окружает измена. Как бороться, как строить боевые колонны, куда итти? И не было тут никого, кто выступил бы вперед, показал им дорогу, рассеял туман, отделявший от грядущих побед. Только собственным опытом, собственными поисками, десятки раз попадая в тупик, рабочий класс Германии открыл путь к победе. Никто не мог избавить его от лишних поисков, от лишних потерь, даже если бы и существовал кто, знающий верный рецепт, как быстрее и лучше всего провести победоносную революцию: этот рецепт не помог бы, по недоверию рабочих к врачам. Преданные социал-демократическими вождями, ежедневно предаваемые независимыми, рабочие, сознавая это, вообще не доверяли больше никаким вождям. В самых широких кругах коммунистов-рабочих господствовало настроение, возводившее отказ от чего бы то ни было руководства пролетарскими массами в революционный принцип; это настроение нашло свое выражение в программе К. Р. П. Но действительность не перестает существовать от того, что против нее ополчаются фразами. Борющаяся рабочая масса нуждалась в людях, способных делать выводы из ее опыта, способных, по крайней мере, помочь ей учиться на поражениях, стоивших крови.

Каждая боевая колонна нуждается в командире. Ни одна армия не может остаться без штаба, и революционные рабочие всех направлений искали вождей. За короткое

время, новые вожди не успели еще выдвинуться в борьбе, и Коммунистическая партия Германии вынуждена была наметить из среды своих членов кого-либо, кто хоть отчасти способен был стать вождем. Среди таких на первом месте оказался *Пауль Леви*.

Не потому, что он больше всех был связан с борьбой, в которой родилась Коммунистическая партия Германии. С этой борьбой из молодого поколения больше всех был связан *Тальгеймер*, принимавший большое участие в дискуссионных беседах о каутскианстве, из которых еще до войны родилось леворадикальное направление. Не меньше связан был с прошлым партии *Пауль Фрейлих*, участвовавший в первых больших выступлениях, еще до войны доказавших необходимость полнейшей реорганизации профсоюзов. Тесно связаны с партией были также *Брандлер* и *Пик*, люди большого организационного опыта, все время войны самоотверженно агитировавшие за Союз «Спартак». Пауль Леви не принимал участия в идейных спорах, положивших основание теоретической базе для Об'единенной Коммунистической партии Германии. Перед войной молодой адвокат, он в это время только что начал оттачивать когти во франкфуртском рабочем движении. Роза Люксембург, привлеченная к суду за анти-милитаристскую пропаганду, случайно познакомилась с ним и оценила блестящий ораторский талант и диалектические способности молодого адвоката, примыкавшего тогда к левому крылу партии. Когда началась война, Леви входил в слабо организованную группу, во главе с Люксембург. Вскоре он был мобилизован и остался, таким образом, совершенно неизвестным основному ядру Союза «Спартак». В 1916 г. Леви приехал месяца на два в Швейцарию, где он, благодаря мне, завязал сношения с Лениным и Зиновьевым. И мы оценили его хорошие диалектические способности и старались, подружившись с ним, повлиять на его развитие. Но для нас не подлежало никакому сомнению, что в тактических и принципиальных вопросах, которые перед нами ставила война и грядущая революция, он разбирался недостаточно ясно, чтобы называться вождем. Начитанный, с большим кругозором, он был хорошо знаком также с историей и теорией рабочего движения. Но ему недоставало твердости убеждений человека, для которого рабочее движение является не только одной из областей, которыми он интересуется; а единственной областью, где концентрируются все помыслы и желания, все душевные силы борца. Продолжая поддерживать с Леви товарищеские отношения, мы сблизились с ним и ценили это знакомство, так как оно помогало нам собирать разбросанные силы интернационалистов.

Союз «Спартак», принадлежавший к группе «Интернационал», находился еще в то время в периоде идейного брожения, которое мешало ему стать твердо на сторону большевиков. Еще в Циммервальде спартаковцы шли вместе с Мартовым. Тов. Клара Цеткин в единственном номере «Интернационала» проявила свое пацифистское направление. Брошюра «Юниус» казалась нам полной противоречий; организационно мы вступили в конфликт с тов. Цеткин еще на Бернской Женской Конференции, когда она пыталась всеми средствами сблизиться с центром и не хотела поэтому итти политически дальше, чем то допускали пацифистки английской Независимой Рабочей партии. В результате раскола в русской и польской социал-демократии, между Лениным, Зиновьевым и мною, с одной стороны, и Розой Люксембург и Иогихесом—с другой, возникли личные разногласия. Между группой наших ближайших единомышленников в Германии, об'единившихся вокруг «Арбейтерполитик» («Arbeiterpolitik») в Бремене, и группой «Интернационал» существовали не только теоретические расхождения, которые были весьма полезны, но и полнейшая организационная отчужденность, приводившая только к распылению сил. Находясь в таком положении, мы чрезвычайно ценили связь со столь талантливым человеком, как Леви, связь, благодаря которой мы могли бы содействовать сближению обеих германских групп, а также влиять и на «Интернационал». Леви начал писать для бременской «Арбейтерполитик» и в Швейцарии выступал солидарно с нами. Но уже тогда было видно, сколь многого ему недостает, чтобы стать вождем. Для нас было совершенно ясно, что при том положении, в каком находилась в то время группа «Спартак», его долг был вернуться в Германию, где после ареста Либкнехта и Люксембург совершенно отсутствовали руководящие силы,—или же создать нелегальную базу в Швейцарии для группы «Спартак», где она могла бы черпать необходимые резервы в борьбе. Леви работал в Швейцарии, как диллетант, расходуя половину своего времени на путешествия. По возвращении в Германию он снова вступил в армию и начал проявлять активность лишь незадолго до революции. После поражения немецкого империализма, он появился в редакции «Рote Фане» («Rote Fahne») и, как блестящий оратор и журналист, приобрел известность в широких рабочих кругах. Во время январских дней ясно сказалось, насколько он мало уверенный в себе вождь. Очень критически относясь к январским событиям, он не выступил однако в Центральном Комитете с достаточной силой для внесения ясности в тактику партии. Он дал себя оттеснить, хотя уже 8 января в ответ на мое письмо, где я требовал от Центрального Комитета прекращения борьбы, он соглашался со мной.

После смерти Люксембург и Либкнехта, Леви был представителем партии в ее внешних сношениях. Иогихес, который до своей смерти, в последних числах марта, фактически управлял ею, держался, вследствие своего мало-общительного характера и немецкого происхождения, сознательно на заднем плане. Тальгеймер, осторожный тео-

ретик, не был оратором. Поэтому в Центральном Комитете и на собраниях выступал главным образом Леви. Но когда, после смерти Иогихеса, на него пала вся ответственность за руководство партией, он быстро вышел в тираж. Еще в августе 1919 г., когда мне удалось из тюрьмы восстановить связь с партией, он сообщил мне, что намерен устраниться от руководства партийной работой. Это, мол, выше его сил—нелегально работать и при этом бороться с сильным недоверием со стороны авантюристских и синдикалистских партийных элементов. То было самое тяжкое время. Партия была малочисленной и слабой, левое крыло толкало к действиям, в результате которых могли оказаться только распыленность и уничтожение слабых сил Союза «Спартак». Задача состояла в том, чтобы с одной стороны, из запутанного клубка, который тогда представлял собою союз «Спартак» создать, путем внесения ясности в теорию, единую партию, а с другой,—привести эту молодую и малочисленную партию в состояние боевой готовности. Завоевание власти казалось еще неосуществимым. 99% рабочих не были достаточно подготовлены, чтобы образовать базу для этой власти. Большинство шло за социал-демократами и даже революционное меньшинство еще не ясно осознало себя. Достаточно констатировать, что мы тогда только что приступили к созданию коммунистических фракций в рабочих советах и что в профсоюзах еще ничего не было сделано для того, чтобы об'единить там коммунистов для общих действий. Перед партией стояла задача—раз'яснять рабочим действительное соотношение сил и при том раз'яснять в форме недоктринерской, которая только оттолкнула бы от нас революционные, рвущиеся вперед элементы. Леви не сумел разрешить этой задачи. Там, где необходимо было выступать твердо и решительно, например, в вопросе о профсоюзах, он колебался. Он смутно понимал, что не следует уходить из профсоюзов, но у него не хватало принципиальной смелости, чтобы открыто провозгласить лозунг: «ступайте в союзы». Он лавировал и ставил вопрос так, как будто бы дело шло лишь о том, когда и при каких условиях мы можем из профсоюзов уйти. *Но там, где необходимо было считаться с революционным чувством масс, где нужно было щадить это чувство, даже если бы оно довело партию до безнадежной борьбы,—там он выступил резким и провоцирующим доктринером.* Достаточно напомнить про Мюнхен. Наши мюнхенские товарищи были против изолированного выступления в Баварии. Но когда Бавария была об'явлена Советской Республикой и мюнхенским пролетариям угрожали белые, тов. Левине, руководимый чувством пролетария - революционера, сказал: «*Там, где рабочие массы готовы пролить свою кровь, Коммунистическая партия не вправе удаляться в будуар для теоретических споров*». Левине остался на своем посту. Задача состояла в том, чтобы поднять весь германский пролетариат на защиту Мюнхена. Это не удалось из-за противодействия социал-демократов и независимых. Левине пошел с сотней товарищей на смерть и, над прахом этого героя, Леви начал спор: не лучше ли было бы отступить. После падения Баварской Советской республики Леви осчастливил партию подобными же филистерскими мудростями, в которых сказалась его натура резонера. Я пытался в частных письмах выровнять политическую линию Леви, а в брошюрах предлагал партии базировать свою тактику на двух основных положениях: *собирание сил партии для предстоящих боев и поддержание связи с рвущимися вперед элементами.* Но как хорошо я ни был осведомлен о слабости Леви,—я все-таки старался удержать его от ухода. Партия была так бедна силами, что я считал своим долгом сделать все для того, чтобы сохранить в ней такой крупный ораторский и писательский талант, как Леви. Я писал ему, что уход будет равносилен простому дезертирству, за что в революционное время вождя следует расстрелять. Леви уступил. Впоследствии он будет не раз ссылаться на эти угрозы дезертирством, как на аргумент в его пользу; я должен сознаться, что я, действительно, переоценивал значение интеллектуальных вождей своими стараниями во что бы то ни стало удержать Леви от ухода и влиять успокаивающим и примирительным образом то на Леви, то на товарищей, возмущавшихся его поведением. Борьба с левыми элементами обострялась. Леви вел ее самым бестактным образом. Когда я за два дня до Гейдельбергской конференции узнал, что Леви идет на открытый разрыв с левым крылом в момент, когда борьба за установление ясной тактики только что начиналась, я предостерегал его от чрезмерной поспешности. Мне тяжело было порвать с левыми рабочими, не смотря на то, что контр - революционизм Лауфенбергов, Вольфгеймов и Шредеров я понимал яснее, чем Леви; но меня интересовали не вожди, а революционные рабочие, стоявшие за ними. Леви впоследствии утверждал, что письмо мое он получил слишком поздно. Между тем в Гейдельберге произошли бесповоротные события. Чтобы все-таки еще раз попытаться удержать рабочих, которых Леви оттолкнул от себя, требуя подчинения тезисам, подлежащим еще обсуждению в будущем, я уговорил Центральный Комитет предложить новые тезисы и, таким образом, разубедить организации, будто их хотели поставить пред совершившимся фактом. Это были тезисы, которые в январе 1920 года Центральный Комитет и Западно-Европейское Бюро поставили на обсуждение партии. Этим я имел также в виду отбросить некоторые оппортунистские формулировки, вошедшие в Гейдельбергские тезисы благодаря чисто эмпирическому складу ума Леви,—его непониманию революционных перспектив.

Но разрыв был уже непредотвратим. Мне удалось только завербовать моих старых

бременских друзей и составить группу для борьбы с Лауфенбергом, которая была брошена в его об'яснения стараниями Леви. Во время Капповских дней поведение Леви носило весьма странный характер. Резко критикуя в тюрьме бездеятельность части Ц. К., он на свободе стал проводить оппортунистическую политику лойяльной оппозиции. На II Конгрессе Коминтерна я, вместе с Леви, выступил против принятия К. Р. П. Г. (К. А. Р. D.) полноправным членом Коминтерна. Но и тогда, защищая правильную точку зрения, Леви обнаружил такое отсутствие такта, резкость и неблагоразумие, что возбудил сильнейшее недоверие всего Исполкома. Достаточно сказать, что вечером, когда Исполком постановил пригласить К. Р. П. Г. на Конгресс с решающим голосом, Леви заявил мне, что он покинет Конгресс. Я задержал его и спросил: «*Куда вы хотите уйти в политическом смысле?*». Снова озабоченный за партию, я старался всеми силами привести к соглашению Леви с Исполкомом и частью немецких товарищей, полных к нему недоверия. Тов. Мейер помнит разговор, который происходил у нас перед от'ездом в Германию. Я говорил ему о своей уверенности в том, что он, Мейер, никогда из партии не уйдет, чего нельзя сказать относительно Леви. Я говорил, что до тех пор, пока у нас в пылу борьбы не выдвинулись новые лучшие вожди—такие люди, как Леви, нам необходимы, особенно в парламенте для агитации, и поэтому необходимо его удержать. Мейер согласился со мною. В письме к Ц. К. я подчеркивал, что Леви также признает необходимость усилить партийную деятельность и что необходимо работать по-братски. После своего возвращения из Галле, Зиновьев передавал мне, что Леви становится рассудительнее и полон самых добрых намерений. К большому моему удивлению, я вскоре узнаю, что Леви устал от борьбы и политики и хочет удалиться во Франкфурт. Так как Леви пользовался доверием независимых и в состоянии был, благодаря этому, устранить всякие трения при совместной работе обеих партий, находившихся накануне слияния, то я, вместе с тов. Тальгеймером, оказал на него сильнейшее давление. Мы заявили ему, что в Коммунистической партии товарищи назначаются на посты партией и не имеют права сами распоряжаться собой. Кто этому не подчиняется, тот дезертир. Мы пригрозили ему формальным исключением из партии, если он уйдет. «Нельзя силой тащить собаку на охоту», ответил он, и, после того, как он уступил нашим настояниям, мы скоро получили возможность убедиться, насколько он прав. Его участие в руководстве партией имело весьма малое значение. Изысканный эстет, в период революции имевший время и охоту для того, чтобы собирать коллекции старых ваз и изучать вопрос о Хеопсовой пирамиде,—он находил для себя слишком тягостной повседневную будничную работу в партийной кузнице. Зато он отравлял Ц. К. своим самолюбием, раздражительностью и самомнением. Не питая особенной симпатии к старым товарищам по партии, он искал сближения только с бывшими вождями независимой левой. Скоро начались конфликты из-за принятия К. Р. П. Г., как сочувствующей, в Коминтерн. Не взирая на то, что постановление Исполкома, принятое после долгого и неоднократного обсуждения, представляло собой бесповоротное решение, что это решение давало возможность начать работу по привлечению дельной группы революционных рабочих в партию, Леви заявил, что О. К. П. Г. ведет борьбу с левыми направлениями. Таким образом, он фактически саботировал возможность использования того моста, который Исполком построил между О. К. П. и К. Р. П.

И в итальянском вопросе он показал, что, желая разрушить мосты налево, он оставляет их в целости направо, в направлении к центру. Но по сравнению с этими правыми тенденциями с гораздо бо́льшей яркостью проявились в данном случае бесплодный скептицизм, неверие и недоверие к Интернационалу, присущие душе Леви. Приехав в Италию, он находит, что представитель Исполкома совершил крупную ошибку, но ничего не предпринимает, дабы ее исправить, и заявляет о своей солидарности с представителем Исполкома. По возвращении в Берлин, вместо того, чтобы воздействовать на Исполком организованным образом, путем представления своего мнения Ц. К., он открыто начинает резкую кампанию против Исполкома в «Роте Фане» («Rote Fahne»), обвиняя его в том, что Исполнительный Комитет, по собственному почину, выбросил из Коминтерна здоровую революционную партию; таким образом, Леви пытается предупредить действительное мнение Ц. К. «Только тогда, когда мы очутимся совершенно в тупике»,—заявляет он,—можно будет начать поиски к выходу». Это поведение создает против него единый фронт старых товарищей, борцов из прежнего Ц. К. Только тов. Цеткина, связанная с ним узами долголетней дружбы и благоговейными воспоминаниями о Люксембург, защищает его. Часть бывших вождей независимых, точно также начинает сознавать, после некоторых колебаний, что Леви разлагает Ц. К. и с ним всю партию, что он является вождем возникающей фракции центра. Когда в Ц. К. потребовали от него прямого ответа, он вынужден был голосовать за резолюцию, фактически осуждающую его прежнюю политику. Но как только представитель Исполкома уехал, он начал вести борьбу внутри организаций, стремясь создать из немецкой партии орудие Серрати. Тогда левая часть Ц. К., чтобы положить конец склоке и лишить его всякой возможности взорвать изнутри партию, еще более заострила резолюцию по итальянскому вопросу. Тогда Леви открыто нарушает дисциплину. В пролетарской организации, где от каждого рядового члена можно потребовать

в любой момент, чтобы он, по приказу партии, пошел на смерть, Леви подает пример полной недисциплинированности, игнорируя мандат члена Ц. К., врученный ему партией. Его разлагающая работа уже дала результаты. Пролетарии, как Брасс и Гофман, старые честные борцы, как Цеткина и Дейниг, которые прежде, в пропитанной оппортунизмом социал-демократической среде, никогда не позволили бы себе даже помыслить об оставлении партийного поста без согласия партии,—считают теперь возможным и допустимым последовать его примеру. После того, как они свой долг офицеров растоптали ногами, они заявляют, что будут выполнять его, «как рядовые солдаты». Мы увидим, как они понимали свой долг «солдат».

Теперь мы перейдем к изложению событий, представляющих для всех немецких рабочих, для Коминтерна, самые печальные, но и самые поучительные страницы их молодой истории. Принимая во внимание грозную опасность внутреннего и внешнего характера и учитывая общее мировое положение, Ц. К. партии 17 марта, после долгого и тщательного обсуждения, постановил начать активную политику, не избегая конфликтов, а, наоборот, идя им навстречу. Не о дезорганизованных действиях гласит постановление Ц. К., но о том, чтобы строиться в боевые колонны. Солдат Леви слышит боевой клич. Он успокаивает себя, что сражение начнется еще нескоро и уезжает в Италию—набираться новых сил для предстоящей борьбы. Другие рядовые солдаты партии, полмиллиона пролетариев, не уезжают лечиться в Италию; они получили приказ собрать все силы и привести партию в боевую готовность. Но Леви и в качестве солдата требует для себя сверх - паек. Являясь противником дезорганизованных действий, он, конечно, знает, что бой не начинается выстрелом из револьвера, что необходима предварительная агитация и организационная подготовка. Но он вполне уверен, что работу эту Комитет выполнит сам. Известия о начале боевых действий, которые разгорелись раньше, чем Комитет ожидал, дошли до Леви, когда он был уже в Вене. Он приносит на алтарь мировой революции великую жертву. Он не едет в Италию, несмотря на то, что проездной билет у него в кармане и возвращается обратно в Германию. Но его нет в средней Германии, его нет в Гамбурге, его не видать в Берлине за организационной и агитационной работой. Он иначе понимает свой долг «рядового солдата»; во время боя он начинает работу разложения в рядах борющихся. Никто из его единомышленников не принимает участия в событиях. Рядовые члены партии видят это, и отсутствие вождей, конечно, не повышает боевой готовности солдат. 29-го марта, когда участь боев не только не была еще решена, но когда необходимо было всеми силами продолжать борьбу,—Леви написал письмо тов. Ленину, в котором происходящие события охарактеризованы, как пагубное безумие. Что же именно он пишет по этому поводу? Жалеет о том, что он и его единомышленники вышли из Ц. К. и, таким образом, не сделали ничего для предотвращения несчастия? Наоборот, он заявляет: «Всякий, кто меня близко знает, легко поймет, что я *с радостью* отстранился от руководства Коммунистической партией». Этот же самый человек, в том же самом письме пророчествует, что «теперешние вожди через полгода приведут партию к полному крушению», а дальше заявляет: «Я не буду выступать против этой политики. Я ограничусь тем, что напишу брошюру, в которой изложу свои взгляды. *Но не буду делать никаких представлений ни соответствующим инстанциям Германии, ни Исполкому. Товарищи, несущие ответственность,* не будут себя чувствовать стесненными мною». — Брошюру, которую он предполагал написать, была отдана в печать 3 апреля. Точка зрения, которую он в ней развивает является точкой зрения Штампфера и Гильфердинга. Ц. К. обвиняется в преступлении перед партией. Он требует исчезновения из политической жизни людей,—достаточно назвать только Брандлера и Тальгеймера,—которых сам совершенно не стоит, которые всю свою жизнь отдали самоотверженной работе в рядах пролетариата. Исполком Коминтерна, ядро которого составляют вожди Р. К. П., изображаются в этой брошюре бандой бессовестных авантюристов. Товарищи, которых Р. К. П., не взирая на свое собственное тяжелое положение, выделяет в распоряжение заграничных компартий,—товарищи, преследуемые капиталистическими правительствами, как звери, но не смотря на это исполняющие свой долг интернационалистов, обливаются в этой брошюре грязью со стороны человека, который на целую голову ниже их. Но это еще не все. В тот момент, когда тысячи рабочих томятся по тюрьмам, когда сотни пролетарских трупов еще не зарыты в могилы, когда буржуазная пресса требует выдачи головою вождей К. П., когда окончательное предательство независимых возвышает кровопийц эбертской позорной юстиции до уровня законных представителей нации в ее борьбе против убийц и злодеев, подстрекаемых из за границы,—в этот момент бывший вождь К. П. и нынешний ее солдат встает и заявляет: «Да, павшие в борьбе погибли, но не в борьбе против нападения Герсинга и не за красную Среднюю Германию, а пали жертвой преступного безумия Центрального Комитета Коммунистической партии Германии. Вы, вдовы и сироты убитых, ненавидьте не капитализм, не социал-демократических лакеев и палачей, не подлецов из Независимой партии, нанесших борцам удар в спину,—ненавидьте вождей К. П.! А вы, рабочие, терзаемые в тюрьмах, но гордо поднимающие окровавленные головы в сознании, что вы попали в руки неприятеля в бою за интересы пролетариата,—вы ошибаетесь, вы не имеете права гордиться своими ранами, вы—жертвы новых Людендорфов, цинично и легкомысленно пославших вас на смерть».

Все это написано в той самой брошюре, где на 34-ой странице рассказывается, как город за городом и деревня за деревней в Средней Германии, фаланга пролетариев за фалангой шли с беззаветною храбростью в бой. «Так было угодно Ц. К.», издевается «марксист», не сознавая, что для каждого сознательного коммуниста он—лгун и клеветник. Ибо, кто же поверит тому, что в молодой партии Ц. К. пользуется таким доверием сотен тысяч пролетариев, что по одному его легкомысленно брошенному зову, они пойдут на смерть. Кто этому поверит, зная, что и без того авторитет Ц. К. был ослаблен уходом т. т. Цеткиной, Деймига и Леви? *Не безумие, а революционную борьбу немецкого пролетариата осквернил Пауль Леви!* Донес государственному прокурору, донес буржуазной прессе!

Что во всем этом действует наиболее угнетающим образом, это даже не Леви. Я думаю, что после всего сказанного о характере Леви, причины и сущность его падения совершенно ясны пролетариату. Способный интеллигент становится в удушливой атмосфере вильгельмского режима социалдемократом. Образованный, развитой, он не выносит филистерских нравов партийных жрецов. Он из богатой семьи, и их мелко-буржуазное существование отталкивает его. Наступает война, с ее волной грязи и патриотической лжи. Молодой интеллигент, с его знанием языков и мирового положения, разумеется, не верит в патриотические басни о нападении и проч. Не связанный кровно с профсоюзами и рабочими организациями, он, конечно, не последовал за многими «честными» социалдемократами, переступившими мост, ведущий к социалпатриотизму, ибо что́ для него пролетарские организации и что он для них? Сохранение их не может явиться для него самообманом, прикрывающим компромисс с буржуазией. Он против войны. Его отношения к Розе Люксембург, его эстетическое пристрастие к классицизму, к великому приводят его в Союз «Спартак». Но и Союз «Спартак» не является для него тем отечеством, которому он мог бы всецело отдаться. Освободившись от военной службы, он не уходит в подполье, чтобы пожертвовать жизнью во имя Союза. Иоганн Кнёф сделал это. Пик сделал. Карл Беккер тоже. Пауль Леви путешествует за границей, выступая, между прочим, в качестве члена Союза «Спартак». «Что это за сострадание, которым не горишь?», спрашивает Ницше. Леви не горел в огне революционных идей. Революция приводит талантливого оратора и публициста к руководству партией. Революция затихает, но работа в партии продолжает быть тяжкой, опасной, сопряженной с величайшими лишениями не только физического свойства. Необходимо от всего отказаться для того, чтобы отдаться целиком делу. Для интеллигентного диллетанта и эстета это непосильное бремя. Молодые люди на этой работе мужают, пожилые люди—становятся твердыми, как сталь. Эстет, диллетант, интеллигент чувствует себя подавленным, тысячу раз порываясь бежать. Ему приходится делать вспрыскивания для того, чтобы поднять его боевую энергию, щекотать его самолюбие, вызывать перед ним страдальческий образ Розы Люксембург. Но память о наших мучениках не хранится в его сердце, и он все чаще становится на дыбы. Проклятые эти плебеи, они даже не сознают, какую огромную жертву он им приносит, любуясь своими вазами не больше одного раза в неделю! Они еще кричат в лицо: долой жрецов! и угрожают револьвером, когда он пытается их образумить. Полный бешенства к плебейской сволочи, он вступает в конфликт с заслуженными товарищами, чувствующими в нем фальшь и слишком далекими от немецкого движения, что бы прикрывать его слабости, подобно мне, который знает, как нуждается это движение в писательских силах. Он сознает, что возбуждает недоверие, но вместо того, чтобы заставить себя подумать о собственных слабостях, оно отталкивает его вправо, и он бессознательно ищет опоры у товарищей, находящихся еще в переходной стадии к коммунизму. Он пугается, когда Интернационал временно исключает даже значительные группы рабочих, лишь бы не было в его рядах вождей, склонных к колебаниям. Централизация борьбы, помощь молодым коммунистическим партиям со стороны старых, требования, которые он сам тысячу раз предъявлял, кажутся ему невыносимым гнетом. Он кипит раздражением против Интернационала, не понимая, что борьба для него не по силам, так как идеям Интернационала он может противопоставить только идеи Гильфердинга, от которых рабочие открещиваются,—он превращается в скрытую болезнь партии. Развенченный, он уходит. Тысячу раз он пытался дезертировать, хотел удалиться в частную жизнь и на милой родине отдыхать от адвокатской работы, ухаживая за цветами и собирая вазы, но теперь он уходит, как яростный Ахилл. Никто не проронил по нем слезы, не попросил его вернуться, и облегчение, на которое он надеялся, обратилось для него в страданье. И вот наступил подходящий момент. Партия начинает бой, почти безнадежный. Он поднимает голову, он не вмешивается в это дело. Он умывает руки с невинным видом. Он сообщает в Интернационал свои предостережения, но заявляет, что бороться с партией не станет. Партия потерпела тяжелое поражение, она истекает кровью от тысячи ран, а интеллигент думает, что рабочие сделаны из того же материала, как он, что они потеряли мужество, деморализованы. Брошюра, которую он начал теоретическою полемикой, обращается в бомбу против партии. Пассивный вследствие своего бессилия, человек представляющий психологически противоречивую загадку, он весь сказался в этой брошюре, в ее отчаянном вопле: «Долой коммунистическую партию, долой Интернационал!» Буржуазный сынок, которого вонь разлагающегося класса толкнула в ряды проле-

тариата, стал ренегатом,—до того ренегатом, что он обращается к председателю Рейхстага за помощью против собственной партии, чтобы избавиться от одного из своих обязательств перед ней. Эта помощь была оказана. Блудный сын буржуазии вернулся в ее материнское лоно.

Падение Леви—обычное падение интеллигента, рассудочно постигшего идеи коммунизма, но сердце и нервы которого не отвечают требованиям революции. *Такие предательства произойдут сотни раз в тяжелой борьбе, которую нам предстоит вести еще целый ряд лет.* Путь пролетариата будет усеян не только могилами наших избранников, которых мы на своих плечах отнесем к месту их последнего упокоения, к месту паломничества борющегося пролетариата. Он будет усеян также смердящими трупами людей, которые пали не так, как изможденный борец, а как лошадь, не вынесшая тягот войны. И мы говорим: не политический труп Леви, который пролетариат отбросит презрительным пинком ноги в могилу, имеет значение,— имеют значение участники похоронного шествия, с плачем провожающие труп этот в могилу.

IV.

Тов. Клара Цеткин, тов. Деймиг, тов. Гофман и тов. Брасс,—чтобы назвать только лучших—поднимают во имя «свободы критики», протест против исключения Леви и утверждают, что взгляды Леви соответствуют взглядам Коминтерна. Относительно последнего не будем спорить. Взгляды, за которые не только Штампфер, не только Гильфердинг, но даже пресса Стиннеса возводит Леви в герои, не могут быть взглядами Коминтерна. Этот мотив настолько смешон, что на нем не стоит даже останавливаться. Мы скажем здесь только несколько слов относительно «свободы критики», потому что этот упрек может быть принят кой кем из рабочих в серьез. Чему служит критика в Коммунистической партии? Она служит для того, чтобы перед боем ориентироваться в положении, выбрать средства борьбы, — а после боя для того, чтобы изучить сделанные ошибки, во избежание их в будущем. Должен ли Коминтерн заявить, что такую критику он считает насущно необходимой? Нужно ли об'яснять, что деятельность О. К. П. Г. подвергалась внимательному обследованию? Нужно ли доказывать, что в первом серьезном бою, который вела партия, были сделаны сотни ошибок? Все это бесспорно.

Но свобода критики в Компартии сопряжена с тремя условиями: первое—ее содержание, второе—момент, третье—ее предел. Наша критика не безусловна, так же как вступление в партию не безусловно, а связано с условием признания принципов коммунизма. Ясно, что если у кого-нибудь вдруг появились сомнения, не представляется ли все таки демократия лучшим путем к социализму, чем диктатура, и не должно ли избегать гражданской войны, ясно, что с подобной критикой нечего искать в Компартии, что подобные сомнения следует разрешать с глазу на глаз в собственной комнате, а если не разрешил, то выйти из партии, потому что Коммунистическая партия есть сообщество людей, борющихся за диктатуру путем гражданской войны? Держался ли в своей критике Леви принципов коммунизма? Тот факт, что он нападает на К. П. за то, за что Гильфердинги не хотят в нее вступить—сектантство, бакунизм и диктатура Москвы, — доказывает, что его критика—*критика с точки зрения врага, с точки зрения взглядов центра.* Все рассуждения Леви сводятся, как мы это доказали в нашей брошюре, к тому, что К. П. не должна вообще предпринимать никаких крупных действий, пока она не будет иметь за собой большинства пролетариата, так как в противном случае эти действия представляли бы собою борьбу против пролетариата. Это положение Коминтерн теоретически и практически отверг. Поэтому брошюра Леви является принципиальным выступлением против основных положений Коммунистического Интернационала.

Второе условие для критики заключается в том, чтобы она помогала К. П., а не врагу. Тот, кто в момент боя выступает с критикой действий партии, или, во время отступления, когда на партию сыплются удары врагов, выступает с обвинениями против нее, тот сеет усталость в рядах борцов и недоверие в рядах отступающих. В ответ на преследования партия должна сомкнуться железной фалангой. Если совершены ошибки, требующие немедленного прекращения действий, то в партии имеются органы, кем это может быть потребовано.

7 апреля на собрании берлинских уполномоченных Леви крайне резко поносил партию. Никто ему за это ничего не сделал. Тов. Цеткин 8 апреля на заседании Центрального Комитета нападала на последний самым резким образом; ее резолюция была отвергнута громадным большинством, но Ц. К. не предпринял и против нее решительно никаких шагов. В то время, когда вся партия должна была бы об'единиться в единодушном сопротивлении для борьбы с белым террором, в то время, когда дело шло о жизни арестованных пролетариев, когда шла речь об организациях, за сохранение которых тысячи людей проливали кровь, Леви открыто нападает на партию, называя ее стадом овец, гонимых бандой авантюристов. Если даже $^{9}/_{10}$ его утверждений соответствует действительности, то и тогда его брошюра представляет собою *ни чем не прикрытое предательство.*

Тот, кто требует такой свободы критики, как Леви, тот требует распада партии, тот требует права наносить партии удары в спину при любом из ее выступлений. *Партия, допустившая подобную свободу критики, обратилась бы в игрушку для истериков или обыкновенных агентов буржуазии.* Что это само собою понятное требование, а не специально

для случая Леви построенная теория, доказывается лучше всего следующим фактом из истории самой К. П. Г.

Когда январские события 1919 г. вылились в форму борьбы за власть, я считал большой ошибкой, что партия не держалась в рамках демонстраций против смещения Эйхгорна. У партии не было никаких организаций. Громадное большинство пролетариата оставалось еще неподвижным. Когда 8 января 1919 г. мне стало известно, что Носке организует белую гвардию и что, таким образом, при полном молчании провинции, борьба рискует превратиться в кровавую баню для берлинских рабочих, я написал письмо Ц. К., настоятельно требуя: или открыто прекратить борьбу, об'яснив пролетариату, что момент для захвата власти еще не настал, или же, пользуясь тем, что само правительство чувствовало себя еще очень неуверенным, вступить с ним, как с неприятельской стороной, в форменные переговоры об условиях прекращения борьбы. После поражения, после смерти Розы Люксембург и Карла Либкнехта, я передал второй экземпляр моего письма в нейтральное место для хранения. Оно было мне необходимо в качестве документа для Ц. К. Р. К. П., но я опасался, что при возможном моем аресте письмо попадет в руки правительства и будет использовано для возбуждения недоверия против павших вождей партии. Когда меня арестовали, следователь узнал о существовании этого документа и, так как меня обвиняли в организации, совместно с Либкнехтом, январских событий, то он потребовал от меня представления этого письма. Само собой понятно, что я отклонил это требование, на том основании, что не мое дело доказывать свою невинность, а его дело доказать мою виновность. Пребывание в тюрьме продолжалось несколько месяцев, и все время жизнь моя находилась в опасности. Я не сократил его представлением письма, так как для меня было ясно, что я не должен этого делать, если не хочу обратиться для партии в *подлого изменника*. До моего ареста я написал брошюру об уроках гражданской борьбы в Берлине, где указал на все сделанные ошибки. Но я указал их таким образом, что ясны были исторические причины этих ошибок и историческое значение событий, как первого пробуждения германского пролетариата, как начала пролетарской революции в Германии. Эта критика могла только помочь партии, так как даже в ошибках указывалась ей дорога *вперед*. И точно также, мне, как коммунисту, было ясно, что необходимо изображать ошибки осмотрительно, историческим образом. Само собой понятно, с точки зрения метода Маркса, что борьба больших пролетарских масс не развивается самопроизвольно и только потому, что во главе стоят люди, которым не известен исторический рецепт. Когда об'явлена была Парижская Коммуна, Карл Маркс высказался в письме к Кюгельману весьма критически и скептически о ее надеждах на будущее, но одновременно он поддерживал ее всеми силами своей души. После того, как Коммуна была разбита, он не скрывал ее слабостей, но в то же время указывал пролетариату корни великого исторического прогресса, заложенные в ней. Тот, кто имеет в себе хоть атом революционного чувства и марксистского сознания, тот никогда не будет иначе относиться к ошибкам революционных движений.

То, что товарищи с духовным значением Клары Цеткин или с пролетарским прошлым Адольфа Гофмана, Брасса и Деймига могли хоть на один момент забыть эти само собой понятные вещи, требует, чтобы мы, более молодые товарищи,—ни в коем, разумеется, случае не имеющие права равняться с ними в заслугах,—сказали им спокойным, но решительным голосом: *до сих пор, но не дальше!* Этим товарищам труден переход от агитации к действиям. Они боятся оторваться от масс, боятся поражений и предупреждают партию. Партия выслушала эти предупреждения и ответила: мы знаем об указанных вами опасностях, но еще опаснее бездействие. Она не отдалила их от себя, а оставила на ответственных постах. Но партия должна потребовать, чтобы, толкаемые своей горечью, они не предпринимали шагов, которые могут привести к уходу из партии. Их заявление о солидарности довело уже конфликт *до такой точки, когда он грозит закончиться разрывом.* Если разрыв, как я надеюсь, не произойдет на ближайшем заседании Ц. К., если товарищи, дойдя до того, до чего они дошли, подчинятся в последний момент партийной дисциплине, то все рабочие Германии этому только порадуются. Если же к моменту, когда эта брошюра попадет в Германию, разрыв станет уже совершившимся фактом, то партия перенесет его гораздо легче, чем товарищи правого крыла. Пусть им удастся ввести в заблуждение часть рабочих и вместе с собой увлечь их из партии. *Между К. П. и шейдемановцами нет места даже правым независимым; они разлагаются и уничтожаются. Для партии левых независимых или правых коммунистов места в ней еще меньше.* Под каким лозунгом будет основана ими партия: «да здравствует борьба в территориальных границах!» или, быть может, под лозунгом: «долой туркестанцев!»? Мы им желаем в их же интересах избегнуть этой попытки. Если же они ее предпримут, то в трагической борьбе германского пролетариата сохранится веселый эпизод. Но об'единенная К. П. Г., как массовая рабочая партия, очищенная и освобожденная от всех колеблющихся элементов, будет приобретать своей борьбой, не взирая на поражения, все большее доверие рабочих, и создаст в огне битв железный отряд людей, которые забыли, что такое страх, и знают, что такое революция.

К. РАДЕК.

Москва.
1 мая 1921 г.

О ВЫХОДЕ ПЯТИ ЧЛЕНОВ ИЗ Ц. К. О. К. П. Г.

Пять членов Ц.К. Об'ед. Комм. партии Германии вышли из Центрального Комитета, вследствие своего недовольства позицией Исполнительного Комитета по вопросу о расколе в Итальянской Социалистической партии.

Для каждого мыслящего коммуниста достаточен тот факт, что центристская группа руководителей, поставленная перед разрешением вопроса: с реформистами или с коммунистами?—в угоду Серрати и 12.000 реформистов порвала с 60.000 коммунистических пролетариев Италии. Этот факт говорит больше, чем разглагольствования по поводу бестактного поведения того или другого представителя Коммунистического Интернационала. Это должно было быть ясным для всех членов германского центрального комитета. В коммунистической партии вожди, поставленные рабочими, имеют так же мало права оставить свой пост без разрешения партии, как красноармеец—оставить свой сторожевой пост. Только в буржуазных и оппортунистических партиях вождь считает себя вправе действовать самостоятельно, против воли членов партии. Во всяком случае, эти пять товарищей обязаны были заявить, из уважения к международной дисциплине, Исполнительному Комитету Коммунистического Интернационала о своем намерении выйти из Центрального Комитета. Исполнительный Комитет сожалеет об уходе этих товарищей и видит в этом:

1) недостаток дисциплины в руководящих слоях О. К. П.;

2) доказательство того факта, что среди руководителей О. К. П. есть намеки на образование правого крыла.

Исполнительный Комитет придерживается того мнения, что мотивы, побудившие товарища Леви и его группу выйти из Центрального Комитета О. К. П., не итальянский вопрос, а оппортунистическое колебание в германской и международной политике.

Всем сознательным коммунистам Германии должно быть ясно, что Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала ставит себе целью образовывать в каждой стране не секты, а активные коммунистические революционные массовые партии.

Старания Исполнительного Комитета об'единить в Германии Спартаковский союз с революционными элементами Н. С. П. (U. S. P.) и К. Р. П. (K. A. P. D.), для образования крупной коммунистической массовой партии, — достаточное тому доказательство.

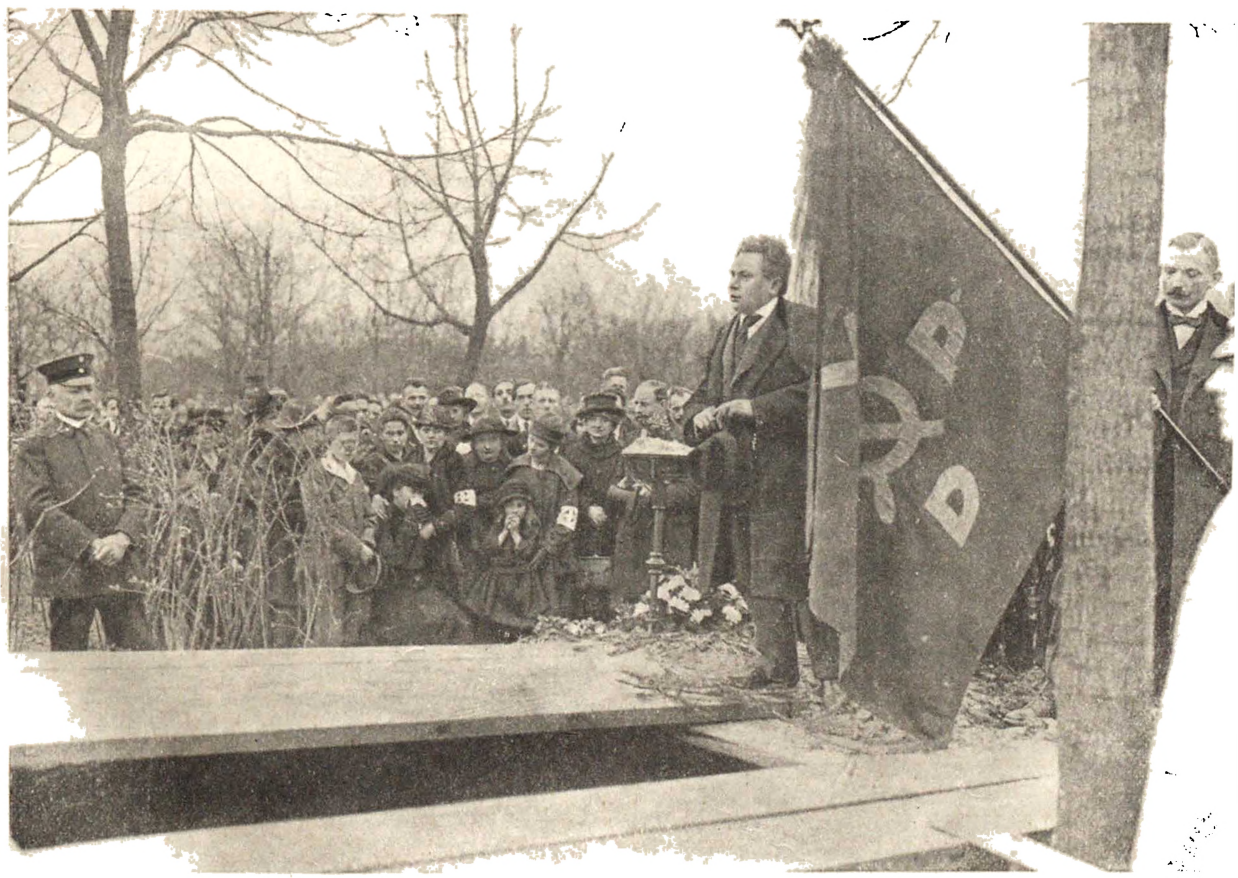
Попытка некоторых товарищей представить события в итальянской партии, как «механический раскол», доказывает, что или они недостаточно информированы о настоящем положении в Итальянской партии, или поддаются меньшевистско-реформистскому течению.

Исполнительный Комитет обращает внимание всех германских коммунистов на то, что за последние месяцы в разных странах появляются элементы, стремящиеся к образованию правого крыла коммунизма. Поэтому коммунисты должны сомкнуть ряды и в зародыше убить эти тенденции. Об'яснение тов. Леви от 23 марта показывает, что он уже вплотную подошел к разрыву с Коммунистическим Интернационалом. Этот факт должен показать товарищам, бывшим солидарными с Леви, куда ведет его путь, и помочь им сознать свое заблуждение.

Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала.

Похороны тов. Зильта.

Председатель О. К. П. Г. тов. Брандлер (ныне арестованный) произносит речь на могиле тов. Зильта.

О ПРОДНАЛОГЕ.

(ЗНАЧЕНИЕ НОВОЙ ПОЛИТИКИ И ЕЕ УСЛОВИЯ).

Вместо введения.

Вопрос о продналоге вызывает в настоящее время особенно много внимания, обсуждения, споров. Вполне понятно, ибо это, действительно, один из главных вопросов политики при данных условиях.

Обсуждение носит характер немного суетолочный. Этим грехом, по причинам, слишком понятным, страдаем мы все. Тем более полезной будет попытка подойти к этому вопросу не с его «злободневной», а с его общепринципиальной стороны. Иными словами: взглянуть на общий, коренной фон той картины, на которой теперь мы чертим узор определенных практических мероприятий политики данного дня.

Чтобы сделать такую попытку, я позволю себе привести длинную выписку из моей брошюры: «Главная задача наших дней. — О «левом» ребячестве и о мелко-буржуазности». Эта брошюра вышла в издании Петроградского Совдепа в 1918 г. и содержит в себе, во-первых, газетную статью от 11 марта 1918 г. по поводу Брестского мира; во-вторых, полемику с тогдашней группой левых коммунистов, помеченную 5 мая 1918 г. Полемика теперь не нужна, и я ее выкидываю. Оставляю то, что относится к рассуждениям о «государственном капитализме» и об основных элементах нашей современной, переходной от капитализма к социализму, экономики.

Вот, что я писал тогда:

О современной экономике России.

(Из брошюры 1918 года)

... «Государственный капитализм был бы шагом вперед против теперешнего положения дел в нашей, Советской республике. Если бы, примерно, через полгода у нас установился государственный капитализм, это было бы громадным успехом и вернейшей гарантией того, что через год у нас окончательно упрочится и непобедимым станет социализм.

Я воображаю себе, с каким благородным негодованием отшатнется кое-кто от этих слов... Как? В советской социалистической республике переход к государственному *капитализму* был бы шагом вперед?... Это ли не измена социализму?

Именно на этом пункте надо подробнее остановиться.

Во-первых, надо разобрать, каков именно тот *переход* от капитализма к социализму, который дает нам право и основание называться Социалистической Республикой Советов.

Во-вторых, надо обнаружить ошибку тех, кто не видит мелко-буржуазных экономических условий и мелко-буржуазной стихии, как *главного* врага социализма у нас.

В-третьих, надо хорошенько понять значение *советского* государства в его экономическом отличии от буржуазного государства.

Рассмотрим все эти три обстоятельства.

Не было еще, кажется, такого человека, который, задаваясь вопросом об экономике России, отрицал переходный характер этой экономики. Ни один коммунист не отрицал, кажется, и того, что выражение «Социалистическая Советская Республика» означает решимость советской власти осуществить переход к социализму, а вовсе не признание данных экономических порядков социалистическими.

Но что же значит слово «переход»? Не означает ли оно, в применении к экономике, что в данном строе есть элементы, частички, кусочки капитализма и социализма? Всякий признает, что да. Но не всякий, признавая это, размышляет о том, каковы же именно элементы различных общественно-экономических укладов, имеющиеся налицо в России. А в этом весь гвоздь вопроса.

Перечислим эти элементы:

1) патриархальное, т.-е. в значительной степени натуральное, крестьянское хозяйство;

2) мелкое товарное производство (сюда относится большинство крестьян из тех, кто продает хлеб);

3) частно-хозяйственный капитализм;

4) государственный капитализм;

5) социализм.

Россия так велика и пестра, что все эти различные типы общественно-экономического уклада переплетаются в ней. Своеобразие положения именно в этом.

Спрашивается, какие же элементы преобладают? Ясное дело, что в мелко-крестьянской среде преобладает, и не может не преобладать, мелко-буржуазная стихия: большинство, и громадное большинство, земледельцев — мелкие товарные производители.

Оболочку государственного капитализма (хлебная монополия, подконтрольные предприниматели и торговцы, буржуазные кооператоры) разрывают у нас то здесь, то там *спекулянты*, и главным предметом спекуляции является *хлеб*.

Главная борьба развертывается именно в этой области. Между кем и кем идет эта борьба, если говорить в терминах экономических категорий, в роде «государственный капитализм»? Между четвертой и пятой ступенями в том порядке, как я их перечислил сейчас? Конечно, нет. Не государственный капитализм борется здесь с социализмом, а мелкая буржуазия плюс частно-хозяйственный капитализм борется вместе, заодно и против государственного капитализма, и против социализма. Мелкая буржуазия сопротивляется против всякого государственного вмешательства, учета и контроля как государственно-капиталистического, так и государственно - социалистического. Это — совершенно непререкаемый факт действительности, в непонимании которого и лежит корень целого ряда экономических ошибок. Спекулянт, мародер торговли, срыватель монополии, — вот наш главный «внутренний» враг, враг экономических мероприятий Советской власти. Если 125 лет тому назад французским мелким буржуа, самым ярким и самым искренним революционерам было еще извинительно стремление победить спекулянта казнями отдельных, немногих «избранных» и громами деклараций, то теперь чисто-французское отношение к вопросу у каких-нибудь левых эс-еров возбуждает в каждом сознательном революционере только отвращение или брезгливость. Мы прекрасно знаем, что экономическая основа спекуляции есть мелко - собственнический, необычайно широкий на Руси слой и частно-хозяйственный капитализм, который в каждом мелком буржуа имеет своего агента. Мы знаем, что миллионы щупальцев этой мелко-буржуазной гидры охватывают то здесь, то там отдельные прослойки рабочих, что спекуляция, вместо государственной монополии, врывается во все поры нашей общественно-экономической жизни.

Кто не видит этого, тот как раз своей слепотой и обнаруживает свою плененность мелко-буржуазными предрассудками.

Мелкий буржуа имеет запас денежонок, несколько тысяч, накопленных «правдами» и, особенно, неправдами во время войны. Таков экономический тип, характерный, как основа спекуляции и частно-хозяйственного капитализма. Деньги, это — свидетельство на получение общественного богатства, и многомиллионный слой мелких собственников, крепко держа это свидетельство, прячет его от «государства», ни в какой социализм и коммунизм не веря, «отсиживаясь» от пролетарской бури. Либо мы подчиним своему контролю и учету этого мелкого буржуа (мы сможем это сделать, если сорганизуем бедноту, т.-е. большинство населения или пролетариев, вокруг сознательного пролетарского авангарда), либо он скинет нашу рабочую власть неизбежно и неминуемо, как скидывали революцию Наполеоны и Каваньяки, именно на этой мелко-собственнической почве и произрастающие. Так стоит вопрос. Только так стоит вопрос.

Мелкий буржуа, хранящий тысченки, — враг государственного капитализма, и эти тысченки он желает реализовать непременно для себя, против бедноты, против всякого общегосударственного контроля, а сумма тысченок дает многомиллиардную базу спекуляции, срывающей наше социалистическое строительство. Допустим, что известное число рабочих дает в известный срок сумму ценностей, выражаемую цифрою 1.000. Допустим, далее, что 200 из этой суммы пропадает у нас вследствие мелкой спекуляции, всяческого хищения и мелко-собственнического «обхода» советских декретов и советских распорядков. Всякий сознательный рабочий скажет: если бы я мог дать 300 из тысячи ценою создания большего порядка и организации, я бы охотно отдал триста вместо двухсот, ибо при Советской власти уменьтить потом эту «дань», скажем, до ста или до пятидесяти, будет совсем легкой задачей, раз порядок и организация будут налажены, раз мелко-собственнический срыв всякой государственной монополии будет окончательно сломлен.

Этим простым цифровым примером — который умышленно упрощен до последней степени для популярного изложения — поясняется соотношение теперешнего положения государственного капитализма и социализма. У рабочих в руках власть в государстве, у них полнейшая юридическая возможность «взять» всю тысячу, т. е. ни копейки не отдать без социалистического назначения. Эта юридическая возможность, опирающаяся на фактический переход власти к рабочим, есть элемент социализма. Но многими путями мелко-собственническая и частно-капиталистическая стихия подрывают юридическое положение, протаскивают спекуляцию, срывают выполнение советских декретов. Государственный капитализм был бы гигантским шагом вперед, *даже если бы* (и я нарочно взял такой цифровой пример, чтобы резко показать это)—даже если бы мы заплатили *больше*, чем теперь, ибо заплатить «за науку» стоит, ибо это полезно для рабочих, ибо победа над беспорядком, разрухой, расхлябанностью важнее всего, ибо продолжение частно - собственнической анархии есть самая большая, самая грозная опасность, которая погубит нас (если мы не победим ее) *безусловно*, тогда как уплата большей дани государственному капитализму не только не погубит нас, а выведет вернейшим путем к социализму. Рабочий класс, научившийся тому, как отстоять государственный порядок против мелко-собственнической анархичности, научившийся тому, как наладить крупную общегосударственную органи-

зацию производства на государственно-капиталистических началах, будет иметь тогда,—извините за выражение,—все козыри в руках, и упрочение социализма будет обеспечено.

Государственный капитализм *экономически* несравненно выше, чем наша теперешняя экономика,—это во-первых.

Во-вторых, в нем нет для Советской власти ничего страшного, ибо Советское государство есть государство, в котором обеспечена власть рабочих и бедноты.

* * *

Чтобы еще более раз'яснить вопрос, приведем прежде всего конкретнейший пример государственного капитализма. Всем известно, каков этот пример: Германия. Здесь мы имеем «последнее слово» современной крупно-капиталистической техники и планомерной организации, *подчиненной юнкерски-буржуазному империализму.* Откиньте подчеркнутые слова, поставьте на место государства военного, юнкерского, буржуазного, империалистского то же государство, но государство иного социального типа, иного классового содержания, государство советское, т. е. пролетарское, и вы получите всю ту сумму условий, которую дает социализм.

Социализм немыслим без крупно-капиталистической техники, построенной по последнему слову новейшей науки, без планомерной государственной организации, подчиняющей десятки миллионов людей строжайшему соблюдению единой нормы в деле производства и распределения продуктов. Об этом мы, марксисты, всегда говорили, и с людьми, которые даже этого не поняли (анархисты и добрая половина левых эс-еров), не стоит тратить даже и двух секунд на разговор.

Социализм немыслим вместе с тем без господства пролетариата в государстве: это—тоже азбука. История (от которой никто, кроме разве меньшевистских тупиц первого ранга, не ждал, чтобы она гладко, спокойно, легко и просто дала «цельный» социализм) пошла так своеобразно, что родила к 1918 г. две разрозненные половинки социализма, друг подле друга, точно два будущих цыпленка под одной скорлупой международного империализма. Германия и Россия воплотили в себе в 1918 г. всего нагляднее материальное осуществление экономических, производственных, общественно-хозяйственных, с одной стороны, и политических условий социализма, с другой стороны.

Победоносная пролетарская революция в Германии сразу, с громадной легкостью разбила бы всяческую скорлупу империализма (сделанную, к сожалению, из лучшей стали и потому не разбивающуюся от усилий всякого цыпленка), осуществила бы победу мирового социализма наверняка, без трудностей или с ничтожными трудностями,—конечно, если масштаб «трудного» брать всемирно-исторический, а не обывательски-кружковый.

Если в Германии революция еще медлит «разродиться», наша задача—*учиться* государственному капитализму немцев, *всеми силами* перенимать его, не жалеть диктаторских приемов для того, чтобы ускорить это перенимание западничества варварской Русью, не останавливаясь перед варварскими средствами борьбы против варварства. Если есть люди среди анархистов и левых эс-еров (я нечаянно вспомнил речи Карелина и Ге в Ц. И. К.), которые способны по-карелински рассуждать, что-де, не пристало нам, революционерам, «учиться» у немецкаго империализма, то надо сказать одно: погибла бы безнадежно (и вполне заслуженно) революция, берущая в серьез таких людей.

В России преобладает сейчас как раз мелко-буржуазный капитализм, от которого и к государственному крупному капитализму, и к социализму ведет *одна и та же дорога*, ведет путь *через одну и ту же* промежуточную станцию, называемую «общенародный учет и контроль над производством и распределением продуктов». Кто этого не понимает, тот делает непростительную экономическую ошибку, либо не зная фактов действительности, не видя того, что есть, не умея смотреть правде в лицо, либо ограничиваясь *абстрактным* противоположением «капитализма» «социализму» и не вникая в *конкретные* формы и ступени этого перехода сейчас у нас.

В скобках будь сказано: это—та же самая теоретическая ошибка, которая сбила с толку лучших из людей лагеря «Новой Жизни» и «Вперед»: худшие и средние из них, по тупости и бесхарактерности, плетутся в хвосте буржуазии, запуганные ею; лучшие—не поняли, что о целом периоде перехода от капитализма к социализму учителя социализма говорили не зря и подчеркивали не напрасно «долгие муки родов» нового общества, причем это новое общество опять-таки есть абстракция, которая воплотиться в жизнь не может иначе, как через ряд разнообразных, несовершенных конкретных попыток создать то или иное социалистическое государство.

Именно потому, что от теперешнего экономического положения России нельзя итти вперед, не проходя через то, *что обще* и государственному капитализму и социализму (всенародный учет и контроль), пугать других и самих себя «эволюцией в сторону государственного капитализма» есть сплошная теоретическая нелепость. Это значит как раз растекаться мыслью «в сторону» от действительной дороги «эволюции», не понимать этой дороги; на практике же это равносильно тому, чтобы *тянуть назад* к мелко-собственническому капитализму.

Дабы читатель убедился, что «высокая» оценка государственного капитализма дается мной вовсе не теперь только, а давалась и *до* взятия власти большевиками, я позволю себе привести следующую цитату из моей

брошюры: «Грозящая катастрофа и как с нею бороться», написанной в сентябре 1917 г.

...«Попробуйте подставить вместо юнкерско-капиталистического, вместо помещичье-капиталистического государства государство революционно-демократическое, т. е. революционно-разрушающее всякие привилегии, не боящееся революционно осуществлять самый полный демократизм. Вы увидите, что государственно-монополистический капитализм при действительно революционно-демократическом государстве неминуемо, неизбежно означает шаг к социализму.

...«Ибо социализм есть не что иное, как ближайший шаг вперед от государственно-капиталистической монополии.

...«Государственно-монополистический капитализм есть полнейшая материальная подготовка социализма, есть преддверие его, есть та ступенька исторической лестницы, между которой (ступенькой) и ступенькой, называемой социализмом, никаких промежуточных ступеней нет» (стр. 27 и 28).

Заметьте, что это писано при Керенском, что речь идет здесь *не* о диктатуре пролетариата, *не* о социалистическом государстве, а о «революционно-демократическом». Неужели не ясно, что *чем выше* мы поднялись над этой политической ступенькой, *чем полнее* мы воплотили в советах социалистическое государство и диктатуру пролетариата, *тем менее* нам позволительно бояться «государственного капитализма»? Неужели не ясно, что в *материальном*, экономическом, производственном смысле мы еще в «преддверии» социализма не находимся? И что иначе, как через это, не достигнутое еще нами, «преддверие», в дверь социализма не войдешь?

* * *

Крайне поучительно еще следующее обстоятельство.

Когда мы спорили в Ц. И. К. с товарищем Бухариным, он заметил, между прочим: в вопросе о высоких жалованьях специалистам «мы» «правее Ленина», ибо никакого отступления от принципов здесь не видим, памятуя слова Маркса, что при известных условиях рабочему классу всего целесообразнее было бы «откупиться от этой банды» (именно от этой банды капиталистов, т.-е. *выкупить* у буржуазии землю, фабрики, заводы и прочие средства производства).

Это чрезвычайно интересное замечание. Вдумайтесь в мысль Маркса.

Дело шло об Англии 70-х годов прошлого века, о кульминационном периоде до-монополистического капитализма, о стране, в которой тогда всего меньше было военщины и бюрократии, о стране, в которой тогда всего более было возможностей «мирной» победы социализма в смысле «выкупа» буржуазии рабочими. И Маркс говорил: при известных условиях рабочие вовсе не откажутся от того, чтобы буржуазию выкупить. Маркс не связывал себе—и будущим деятелем социалистической революции — рук · насчет форм, приемов, способов переворота, превосходно понимая, какая масса новых проблем тогда встанет, как изменится вся обстановка в ходе переворота, как часто и сильно будет она меняться в ходе переворота.

Ну, а у Советской России, *после* взятия власти пролетариатом, *после* подавления военного и саботажнического сопротивления эксплоататоров—неужели не очевидно, что *некоторые* условия сложились по типу тех, которые могли бы сложиться полвека тому назад в Англии, если бы она мирно стала тогда переходить к социализму? Подчинение капиталистов рабочим в Англии могло бы тогда быть обеспечено следующими обстоятельствами: 1) полнейшим преобладанием рабочих, пролетариев, в населении вследствие отсутствия крестьянства (в Англии в 70-х годах были, кроме того, признаки, позволявшие надеяться на чрезвычайно быстрые успехи социализма среди сельских рабочих); 2) превосходной организованностью пролетариата в профессиональных союзах (Англия была тогда первою в мире страной в указанном отношении); 3) сравнительно высокой культурностью пролетариата, вышколенного вековым развитием политической свободы; 4) долгой привычкой великолепно организованных капиталистов Англии — тогда они были наилучше организованными капиталистами из всех стран мира (теперь это первенство перешло к Германии)—к решению компромиссом политических и экономических вопросов. Вот в силу каких обстоятельств могла тогда явиться мысль о возможности *мирного* подчинения капиталистов Англии ее рабочим.

У нас это подчинение в данной момент обеспечено известными конкретными посылками (победой в октябре и подавлением с октября по февраль военного и саботажнического сопротивления капиталистов). У нас, *вместо* полнейшего преобладания рабочих, пролетариев в населении и высокой организованности их, фактором победы явилась поддержка пролетариев беднейшим и отчаянно разоренным крестьянством. У нас, наконец, нет ни высокой культурности, ни привычки к компромиссам. Если продумать эти конкретные условия, то станет ясно, что мы можем и должны добиться теперь *соединения* приемов беспощадной расправы с капиталистами некультурными, ни на какой «государственный капитализм» не идущими, ни о каком компромиссе не помышляющими, продолжающими срывать спекуляцией, подкупом бедноты и пр., советские мероприятия, *с приемами компромисса* или выкупа по отношению к культурным капиталистам, идущим на «государственный капитализм», способным проводить его в жизнь, полезным для пролетариата в качестве умных и опытных организаторов крупнейших предприятий, действительно охватывающих снабжение продуктами десятки миллионов людей.

Бухарин — превосходно образованный марксист-экономист. Поэтому он вспомнил, что Маркс был глубочайше прав, когда учил рабочих важности сохранить организацию крупнейшего производства именно в интересах облегчения перехода к социализму и полной допустимости мысли о том, чтобы *хорошо заплатить капиталистам*, выкупить их, ежели (в виде *исключения:* Англия была тогда исключением) обстоятельства сложатся так, что *заставят* капиталистов мирно подчиниться и культурно, организованно перейти к социализму на условии выкупа.

Но Бухарин впал в ошибку, ибо не вдумался в конкретное своеобразие данного момента в России,—момента, как раз исключительного, когда мы, пролетариат России, *впереди* любой Англии и любой Германии по нашему политическому строю, по силе политической власти рабочих и вместе с тем *позади* самого отсталого из западно-европейских государств по организации добропорядочного государственного капитализма, по высоте культуры, по степени подготовки к материально-производственному «введению» социализма. Не ясно ли, что из этого своеобразного положения вытекает для данного момента именно необходимость своеобразного «выкупа», который рабочие должны предложить культурнейшим, талантливейшим, организаторски наиболее способным капиталистам, готовым итти на службу к советской власти и добропорядочно помогать организации крупного и крупнейшего «государственного производства? Не ясно ли, что при таком своеобразном положении мы должны стараться избежать двоякого рода ошибок, из которых каждая по-своему мелко-буржуазна? С одной стороны, непоправимой ошибкой было бы об'явить, что раз признано несоответствие наших экономических «сил» и силы политической, то, «следовательно», не надо было брать власти. Так рассуждают «человеки в футлярах», забывающие, что «соответствия» не будет никогда, что его не может быть в развитии общества, как и в развитии природы, что только путем ряда попыток, из которых каждая, отдельно взятая, будет односторонняя, будет страдать известным несоответствием, — создастся победоносный социализм из революционного сотрудничества пролетариев *всех* стран.

С другой стороны, явной ошибкой было бы дать волю крикунам и фразерам, которые позволяют себя увлечь «яркой» революционностью, но на выдержанную, продуманную, взвешенную, учитывающую и труднейшие переходы, революционную работу не способны.

К счастью, история развития революционных партий и борьбы большевизма с ними оставила нам в наследство резко очерченные типы, из коих левые эс-еры и анархисты иллюстрируют собой тип плохеньких революционеров достаточно наглядно. Они кричат теперь, до истерики захлебываясь криком, кричат против «соглашательства» «правых большевиков». Но подумать они не умеют, *чем* плохо было и *за что* по справедливости осуждено историей и ходом революции «соглашательство».

Соглашательство времен Керенского отдавало власть империалистской буржуазии, а вопрос о власти есть коренной вопрос всякой революции. Соглашательство части большевиков в октябре-ноябре 1917 г. либо боялось взятия власти пролетариатом, либо хотело делить власть поровну не только с «ненадежными попутчиками» в роде левых эс-еров, но и с врагами, черновцами, меньшевиками, которые неизбежно мешали бы нам в основном, в разгоне учредилки, в беспощадном сокрушении Богаевских, в полном проведении советских учреждений, в каждой конфискации.

Теперь власть взята, удержана, укреплена в руках одной партии, партии пролетариата, даже без «ненадежных попутчиков». Говорить теперь о соглашательстве, когда быть не может даже речи о разделе *власти*, об отказе от диктатуры пролетариев против буржуазии, значит просто повторять, как сорока, заученные, но непонятные слова. Называть «соглашательством» то, что, придя в положение, когда мы можем и должны управлять страной, мы стараемся привлечь к себе, не жалея денег, культурнейшие из обученных капитализмом элементов, их взять на службу против мелко-собственнического распада, это значит вовсе не уметь думать об экономических задачах строительства социализма»...

О продналоге, о свободе торговли, о концессиях, о капитализме.

В приведенных рассуждениях 1918 г. есть ряд ошибок насчет сроков. Сроки оказались дольше, чем предполагалось тогда. Это неудивительно. Но основные элементы нашей экономики остались те же. Крестьянская «беднота» (пролетарии и полупролетарии) превратились, в очень большом числе случаев, в середняков. От этого мелко-собственническая, мелко-буржуазная «стихия» усилилась. А гражданская война 1918 — 1920 г.г. чрезвычайно усилила разорение страны, задержала восстановление производительных сил ее, обескровила больше всего именно пролетариат. К этому прибавился неурожай 1920 г., бескормица, падеж скота, что еще сильнее задержало восстановление транспорта и промышленности, отразившись, например, на подвозе крестьянскими лошадьми дров, нашего главного топлива.

В итоге, политическая обстановка к весне 1921 г. сложилась так, что немедленные, самые решительные, самые экстренные меры для улучшения положения крестьянства и под'ема его производительных сил стали неотложно необходимы.

Почему именно крестьянства, а не рабочих?

Потому что для улучшения положения рабочих нужны хлеб и топливо. Сейчас «задержка» самая большая—с точки зрения всего

государственного хозяйства — именно из-за этого. А увеличить производство и сбор хлеба, заготовку и доставку топлива нельзя иначе, как улучшив положение крестьянства, подняв его производительные силы. Начать надо с крестьянства. Кто не понимает этого, кто склонен усматривать в этом выдвигании крестьян на первое место «отречение» или подобие отречения от диктатуры пролетариата, тот просто не вдумывается в дело, отдает себя во власть фразе. Диктатура пролетариата есть руководство политикой со стороны пролетариата. Пролетариат, как руководящий, как господствующий класс, должен уметь направить политику так, чтобы решить в первую голову самую неотложную, самую «больную» задачу. Неотложнее всего теперь меры, способные поднять производительные силы крестьянского хозяйства немедленно. Только *через* это можно добиться и улучшения положения рабочих и укрепления союза рабочих с крестьянством, укрепления диктатуры пролетариата. Тот пролетарий или представитель пролетариата, который захотел бы *не через это* пойти к улучшению положения рабочих, оказался бы *на деле* пособником белогвардейцев и капиталистов. Ибо итти не через это значит цеховые интересы рабочих поставить выше классовых интересов, значит интересам непосредственной, минутной, частичной выгоды рабочих принести в жертву интересы всего рабочего класса, его диктатуры, его союза с крестьянством против помещиков и капиталистов, его руководящей роли в борьбе за освобождение труда от ига капитала.

Итак: в первую голову нужны немедленные и серьезные меры для поднятия производительных сил крестьянства.

Сделать это нельзя без серьезных изменений продовольственной политики. Таковым изменением явилась замена разверстки продналогом, связанная со свободой торговли после уплаты налога, по крайней мере, в местном хозяйственном обороте.

В чем сущность замены разверстки продналогом?

На этот счет очень распространены неправильные представления. Неправильность проистекает большей частью от того, что не вникают в сущность перехода, не спрашивают себя, от чего к чему ведет данный переход. Представляют себе дело так, как будто бы переход был от коммунизма вообще к буржуазности вообще. Против этой ошибки приходится неизбежно указывать на то, что говорилось в мае 1918 г.

Продналог есть одна из форм перехода от своеобразного «военного коммунизма», вынужденного крайней нуждой, разорением и войной, к правильному социалистическому продуктообмену. А этот последний, в свою очередь, есть одна из форм перехода от социализма с особенностями, вызванными преобладанием мелкого крестьянства в населении, к коммунизму.

Своеобразный «военный коммунизм» состоял в том, что мы фактически брали от крестьян все излишки и даже иногда не излишки, а часть необходимого для крестьянина продовольствия, брали для покрытия расходов на армию и на содержание рабочих. Брали большей частью в долг, за бумажные деньги. Иначе победить помещиков и капиталистов в разоренной мелко-крестьянской стране мы не могли. И тот факт, что мы победили (вопреки поддержке наших эксплуататоров могущественнейшими державами мира), показывает не только, на какие чудеса героизма способны рабочие и крестьяне в борьбе за свое освобождение. Этот факт показывает также, какую роль лакеев буржуазии играли на деле меньшевики, эс-еры, Каутский и К°, когда они ставили нам *в вину* этот «военный коммунизм». Его надо поставить нам в заслугу.

Но не менее необходимо знать настоящую меру этой заслуги. «Военный коммунизм» был вынужден войной и разорением. Он не был и не мог быть отвечающей хозяйственным задачам пролетариата политикой. Он был временной мерой. Правильной политикой пролетариата, осуществляющего свою диктатуру в мелко-крестьянской стране, является обмен хлеба на продукты промышленности, необходимые крестьянину. Только такая продовольственная политика отвечает задачам пролетариата, только она способна укрепить основы социализма и привести к его полной победе.

Продналог есть переход к ней. Мы все еще так разорены, так придавлены гнетом войны (бывшей вчера и могущей вспыхнуть благодаря алчности и злобе капиталистов завтра), что не можем дать крестьянину за *весь* нужный нам хлеб продукты промышленности. Зная это, мы вводим продналог, т.-е. минимально необходимое (для армии и для рабочих) количество хлеба берем, как налог, а остальное будем обменивать на продукты промышленности.

При этом надо еще не забывать следующее. Нужда и разорение таковы, что восстановить *сразу* крупное, фабричное государственное, социалистическое производство мы не можем. Для этого нужны *крупные* запасы хлеба и топлива *в центрах* крупной промышленности, нужна замена изношенных машин новыми и т. п. Мы на опыте убедились, что этого нельзя сделать сразу, и мы знаем, что после разорительной империалистской войны даже самые богатые и передовые страны лишь в течение известного, довольно долгого, ряда лет смогут решить такую задачу. Значит, необходимо в известной мере помогать восстановлению *мелкой* промышленности, которая не требует машин, не требует ни государственных, ни крупных запасов сырья, топлива, продовольствия, — которая может немедленно оказать известную помощь крестьянскому хозяйству и поднять его производительные силы.

Что же из этого получается?

Получается на основе известной (хотя бы только местной) свободы торговли возрождение мелкой буржуазии и капитализма. Это несомненно. Закрывать глаза на это смешно.

Спрашивается, необходимо ли это? Можно ли оправдать это? Не опасно ли это?

Вопросов подобного рода задается много, и в большинстве случаев они обнаруживают только наивность (выражаясь мягко) задающего такие вопросы.

Взгляните на то, как я в мае 1918 г. определял наличные в нашей экономике элементы (составные части) разных общественно-экономических укладов. Оспорить то, что налицо имеются все эти пять ступеней или составные части всех этих пяти укладов, от патриархального (т.-е. полудикого) до социалистического, никому не удастся. Что в мелко-крестьянской стране преобладает «уклад» мелко-крестьянский, т.-е. частью патриархальный, частью мелко-буржуазный, это само собой очевидно. Развитие мелкого хозяйства есть развитие мелко-буржуазное, есть развитие капиталистическое, раз имеется обмен: это бесспорная истина, азбучная истина политической экономии, подтверждаемая к тому же повседневным опытом и наблюдением даже обывательским.

Какую же политику может повести социалистический пролетариат перед лицом такой экономической действительности? Дать мелкому крестьянину *все* потребные ему продукты из производства крупной социалистической фабрики в обмен на хлеб и сырье? Это была бы самая желательная, самая «правильная» политика, мы ее и начали. Но мы не можем дать *всех* продуктов, далеко не можем и не очень скоро сможем — по крайней мере до тех пор не сможем, пока не закончим хотя бы первой очереди работ по электрификации всей страны.

Как же быть?

Либо пытаться запретить, запереть совершенно всякое развитие частного, негосударственного обмена, т.-е. торговли, т.-е. капитализма, неизбежное при существовании миллионов мелких производителей. Такая политика была бы глупостью и самоубийством той партии, которая испробовала бы ее. Глупостью, ибо эта политика экономически невозможна; самоубийством, ибо партии, пробующие подобную политику, терпят неминуемо крах. Нечего греха таить, кое-кто из коммунистов «помышлением, словом и делом» грешил, впадая именно в *такую* политику. Постараемся от этих ошибок исправиться. Непременно надо от них исправиться, иначе совсем плохо будет.

Либо (последняя *возможная* и единственно разумная политика) не пытаться запретить или запереть развитие капитализма, а стараться направить его в русло *государственного капитализма*. Это экономически возможно, ибо государственный капитализм есть налицо—в той или иной форме, в той или иной степени—всюду, где есть элементы свободной торговли и капитализма вообще.

Возможно ли сочетание, соединение, совмещение советского государства, диктатуры пролетариата с государственным капитализмом? Конечно, возможно. Это я и доказывал в мае 1918 г. Это я, надеюсь, и доказал в мае 1918 г. Мало того: я доказал тогда же, что государственный капитализм есть шаг вперед по сравнению с мелко-собственнической (и мелко-патриархальной и мелко-буржуазной) стихией. Тьму ошибок делают, сопоставляя или сравнивая государственный капитализм только с социализмом, тогда как в данной политико-экономической обстановке обязательно сравнивать государственный капитализм и с мелко-буржуазным производством.

Весь вопрос—как теоретический, так и практический—состоит в том, чтобы найти правильные способы того, как именно следует направить неизбежное (до известной степени и на известный срок) развитие капитализма в русло государственного капитализма, какими условиями обставить это, как обеспечить превращение в недалеком будущем государственного капитализма в социализм.

Чтобы подойти к разрешению этого вопроса, надо прежде всего возможно более отчетливо представить себе, чем на практике будет и может быть государственный капитализм внутри нашей советской системы, в рамках нашего советского государства.

Самый простой случай или пример того, как советская власть направляет развитие капитализма в русло государственного капитализма, как она «насаждает» государственный капитализм, это—концессии. Теперь у нас все согласны, что концессии необходимы, но не все размышляют о том, каково значение концессий. Что такое концессии при советской системе, с точки зрения общественно-экономических укладов и их соотношения? Это—договор, блок, союз советской, т.-е. пролетарской государственной власти, с государственным капитализмом против мелко-собственнической (патриархальной и мелко-буржуазной) стихии. Концессионер, это—капиталист. Он ведет дело капиталистически, ради прибыли; он соглашается на договор с пролетарской властью ради получения экстренной прибыли, сверх обычной, или ради получения такого сырья, которое иначе достать ему невозможно или крайне трудно. Советская власть получает выгоду в виде развития производительных сил, увеличения количества продуктов немедленно или в кратчайший срок. Мы имеем, скажем, сотню таких-то промыслов, рудников, лесных участков. Мы можем разрабатывать не все — не хватает машин, продовольствия, транспорта. Мы плохо разрабатываем по тем же причинам остальные участки. Из-за плохой и недостаточной разработки крупных предприятий проистекает усиление мелко-собственнической стихии во всех ее проявле-

ниях: ослабление окрестного (а затем и всего) крестьянского хозяйства, подрыв его производительных сил, упадок доверия его к советской власти, хищения и массовая мелкая (самая опасная) спекуляция и т. п. «Насаждая» государственный капитализм в виде концессий, советская власть усиливает крупное производство против мелкого, передовое против отсталого, машинное против ручного, увеличивает количество продуктов крупной индустрии в своих руках (долевое отчисление), усиливает государственно-упорядоченные экономические отношения в противовес мелко-буржуазно-анархическим. В меру ли осторожно проведенная, концессионная политика, несомненно, поможет нам улучшить быстро (до известной, небольшой степени) состояние производства, положение рабочих и крестьян,—конечно, ценой известных жертв, отдачи капиталисту десятков и десятков миллионов пудов ценнейших продуктов. Определение той меры и тех условий, при которых концессии выгодны и неопасны нам, зависит от соотношения сил, решается борьбой, ибо концессия тоже есть вид борьбы, продолжение классовой борьбы в иной форме, а никоим образом не замена классовой борьбы классовым миром. Способы борьбы покажет практика.

Государственный капитализм в виде концессий является, по сравнению с другими формами государственного капитализма внутри советской системы, едва ли не самой простой, отчетливой, ясной, точно очерченной. Мы имеем здесь прямо формальный, письменный договор с наиболее культурным, передовым, западно-европейским капитализмом. Мы точно знаем свои выгоды и свои потери, свои права и свои обязанности, мы точно знаем тот срок, на который сдаем концессию, знаем условия досрочного выкупа, если договор предусматривает право досрочного выкупа. Мы платим известную «дань» всемирному капитализму, «откупаемся» от него в таких-то отношениях, получая немедленно определенную меру упрочения положения советской власти, улучшения условий нашего хозяйствования. Вся трудность задачи по отношению к концессиям сводится к тому, чтобы все обдумать и взвесить при заключении концессионного договора, а затем уметь следить за его исполнением. Трудности тут, несомненно, есть, и ошибки тут, вероятно, на первое время неизбежны, но трудности — это наименьшие по сравнению с другими задачами социальной революции и, в частности, по сравнению с другими формами развития, допущения, насаждения государственного капитализма.

Самая важная задача всех партийных и советских работников, в связи с введением продналога, — суметь применить принципы, начала, основы «концессионной» (т.-е. подобной «концессионному» государственному капитализму) политики к остальным формам капитализма, свободной торговли, местного оборота и т. п.

Возьмем кооперацию. Недаром декрет о продналоге вызвал пересмотр положения о кооперации и известное расширение ее «свободы» и ее прав. Кооперация есть тоже вид государственного капитализма, но менее простой, менее отчетливо-очерченный, более запутанный и ставящий перед нашей властью на практике бо́льшие трудности. Кооперация мелких товаропроизводителей (о ней, а не о рабочей кооперации идет здесь речь, как о преобладающем, о типичном в мелко-крестьянской стране) неизбежно порождает мелко-буржуазные, капиталистические отношения, содействует их развитию, выдвигает на первый план капиталистиков, им дает наибольшую выгоду. Это не может быть иначе, раз есть налицо преобладание мелких хозяйчиков и возможность, а равно необходимость обмена. Свобода и права кооперации, при данных условиях России, означают свободу и права капитализму. Закрывать глаза на эту очевидную истину было бы глупостью или преступлением.

Но «кооперативный» капитализм в отличие от частно-хозяйственного капитализма является, при Советской власти, разновидностью государственного капитализма, в качестве такового, он нам выгоден и полезен сейчас,—разумеется, в известной мере. Поскольку продналог означает свободу продажи остальных (не взимаемых в виде налога) излишков, постольку нам необходимо приложить усилия, чтобы *это* развитие капитализма—ибо свобода продажи, свобода торговли *есть* развитие капитализма—направить в русло кооперативного капитализма. Кооперативный капитализм похож на государственный в том отношении, что облегчает учет, контроль, надзор, договорные отношения между государством (Советским — в данном случае) и капиталистом. Кооперация, как форма торговли, выгоднее и полезнее, чем частная торговля, не только по указанным причинам, но и потому, что она облегчает об'единение, организацию миллионов населения, затем всего населения поголовно, а это обстоятельство, в свою очередь, есть гигантский плюс с точки зрения дальнейшего перехода от государственного капитализма к социализму.

Сравним концессии и кооперацию, как формы государственного капитализма. Концессия базируется на крупной машинной промышленности, кооперация—на мелкой, ручной, частью даже патриархальной. Концессия касается одного капиталиста или одной формы, одного синдиката, картеля, треста в каждом отдельном концессионном договоре. Кооперация охватывает многие тысячи, даже миллионы мелких хозяев. Концессия допускает и даже предполагает точный договор и точный срок. Кооперация не допускает ни вполне точного договора, ни вполне точного срока. Отменить закон о кооперации гораздо легче, чем порвать договор о концессии, но разрыв договора означает сразу, просто, немедленно разрыв фактических от-

ношений экономического союза или экономического «сожительства» с капиталистом, тогда как никакая отмена закона о кооперации, никакие законы вообще не только сразу не разорвут фактического «сожительства» Советской власти с мелкими капиталистиками, но и вообще не в состоянии разорвать фактических экономических отношений. За концессионером «уследить» легко, за кооператорами трудно. Переход от концессии к социализму есть переход от одной формы крупного производства к другой форме крупного производства. Переход от кооперации мелких хозяйчиков к социализму есть переход от мелкого производства к крупному, т.-е. переход более сложный, но зато способный охватить, в случае успеха, более широкие массы населения, способный вырвать более глубокие и более живучие корни старых, до-социалистических, даже до-капиталистических отношений, наиболее упорных в смысле сопротивления всякой «новизне». Политика концессий, в случае успеха, даст нам небольшое число образцовых—по сравнению с нашими—крупных предприятий, стоящих в уровне современного передового капитализма; через несколько десятков лет эти предприятия перейдут целиком к нам. Политика кооперативная, в случае успеха, даст нам под'ем мелкого хозяйства и облегчение его перехода, в неопределенный срок, к крупному производству на началах добровольного об'единения.

Возьмем третий вид государственного капитализма. Государство привлекает капиталиста, как торговца, платя ему определенный комиссионный процент за продажу государственных продуктов и за скупку продуктов мелкого производителя. Четвертый вид: государство сдает в аренду предпринимателю-капиталисту принадлежащее государству заведение или промысел или участок леса, земли и т. п., причем арендный договор похож более всего на договор концессионный. Об этих двух последних видах государственного капитализма у нас совсем не говорят, совсем не думают, совсем их не замечают. Но происходит это не потому, чтобы мы были сильны и умны, а потому, что мы слабы и глупы. Мы боимся посмотреть прямо в лицо «низкой истине» и слишком часто отдаем себя во власть «нас возвышающему обману». Мы постоянно сбиваемся на то, что «мы» переходим от капитализма к социализму, забывая точно, отчетливо представить себе, кто именно это «мы». Перечень всех—непременно всех без из'ятия—составных частей, всех разнородных укладов общественного хозяйства в нашей экономике, данный мной в статье 5 мая 1918, необходимо иметь перед глазами, чтобы это отчетливое представление не забывалось. «Мы», авангард, передовой отряд пролетариата, переходим непосредственно к социализму, но передовой отряд есть лишь небольшая часть всего пролетариата, который, в свою очередь, есть лишь небольшая часть всей массы населения. И чтобы «мы» могли успешно решить задачу нашего непосредственного перехода к социализму, для этого надо понять, какие *посредствующие* пути, приемы, средства, пособия нужны для перехода *до-капиталистических* отношений к социализму. В этом весь гвоздь.

Посмотрите на карту Р. С. Ф. С. Р. К северу от Вологды, к юго-востоку от Ростова на-Дону и от Саратова, к югу от Оренбурга и от Омска, к северу от Томска идут необ'ятнейшие пространства, на которых уместились бы десятки громадных культурных государств. И на всех этих пространствах царит патриархальщина, полудикость и самая настоящая дикость. А в крестьянских захолустьях всей остальной России? Везде, где десятки верст проселка—вернее, десятки верст бездорожья—отделяют деревню от железных дорог, т.-е. от материальной связи с культурой, с капитализмом, с крупной промышленностью, с большим городом? Разве не преобладает везде в этих местах тоже патриархальщина, обломовщина, полудикость?

Мыслимо ли осуществление непосредственного перехода от этого, преобладающего в России, состояния к социализму? Да, мыслимо до известной степени, но лишь при одном условии, которое мы знаем теперь, благодаря одной громадной и завершенной научной работе, точно. Это условие—электрификация. Если мы построим десятки районных электрических станций (мы знаем теперь, где и как их построить можно и и должно), если мы проведем энергию от них в каждое село, если мы добудем достаточное количество электромоторов и других машин, тогда не потребуется переходных ступеней, посредствующих звеньев от патриархальщины к социализму или почти не потребуется. Но мы прекрасно знаем, что это «одно» условие требует, по меньшей мере, десяти лет только для работ первой очереди, а сокращение этого срока мыслимо, в свою очередь, лишь в случае победы пролетарской революции в таких странах как Англия, Германия, Америка.

На ближайшие годы надо уметь думать о посредствующих звеньях, способных облегчить переход от патриархальщины, от мелкого производства к социализму. «Мы» часто сбиваемся все еще на рассуждение: «капитализм есть зло, социализм есть благо». Но это рассуждение неправильно, ибо забывает всю совокупность наличных общественно-экономических укладов, выхватывая только два из них.

Капитализм есть зло по отношению к социализму. Капитализм есть благо по отношению к средневековью, по отношению к мелкому производству, по отношению к связанному с распыленностью мелких производителей бюрократизму. Поскольку мы еще не в силах осуществить непосредственный переход от мелкого производства к социализму, постольку капитализм неизбежен в известной мере, как стихийный продукт мелкого произ-

водства и обмена, и постольку мы должны использовать капитализм (в особенности, направляя его в русло государственного капитализма), как посредствующее звено между мелким производством и социализмом, как средство, путь, прием, способ повышения производительных сил.

Возьмите вопрос о бюрократизме и взгляните на него с экономической стороны. 5 мая 1918 г. бюрократизм в поле нашего зрения не стоит. Через полгода после октябрьской революции, после того, как мы разбили старый бюрократический аппарат сверху до низу, мы еще не ощущаем этого зла.

Проходит еще год. На VIII с'езде Р. К. П., 18-23 III 1919 г., принимается новая программа партии, и в этой программе мы говорим прямо, не боясь признать зла, а желая раскрыть его, разоблачить, выставить на позор, вызвать мысль и волю, энергию, действие для борьбы со злом, мы говорим о «*частичном возрождении бюрократизма внутри советского строя*».

Прошло еще два года. Весной 1921 г., после VIII с'езда Советов, обсуждавшего (XI 1920) вопрос о бюрократизме, после X С'езда Р. К. П. (III 1921), подводившего итоги спорам, теснейше связанным с анализом бюрократизма, мы видим *это* зло еще яснее, еще отчетливее, еще грознее перед собой. Каковы экономические корни бюрократизма? Главным образом эти корни двоякие: с одной стороны, развитая буржуазия именно против революционного движения рабочих (частью и крестьян) нуждается в бюрократическом аппарате, в первую голову военном, затем судейском и т. д. Этого у нас нет. Суды у нас классовые, против буржуазии. Армия у нас классовая, против буржуазии. Бюрократизм не в армии, а в обслуживающих ее учреждениях. У нас другой экономический корень бюрократизма: раздробленность, распыленность мелкого производителя, его нищета, некультурность, бездорожье, неграмотность, отсутствие *оборота* между земледелием и промышленностью, отсутствие связи и взаимодействия между ними. В громадной степени это — результат гражданской войны. Когда нас блокировали, осадили со всех сторон, отрезали от всего мира, затем от хлебного юга, от Сибири, от угля, мы не могли восстанавливать промышленность. Мы должны были не остановиться перед «военным коммунизмом», не испугаться самой отчаянной крайности: вытерпим полуголодное и хуже, чем полуголодное, существование, но отстоим, во что бы то ни стало, несмотря на самое неслыханное разорение и отсутствие оборота, отстоим рабоче-крестьянскую власть. И мы не дали себя запугать тем, чем запуганы были эс-еры и меньшевики (шедшие фактически за буржуазией в большей мере из страха, из запуганности). Но то, что было условием победы в блокированной стране, в осажденной крепости,—обнаружило свою отрицательную сторону, как раз к весне 1921 г., когда были окончательно выгнаны последние белогвардейские войска с территории Р. С. Ф. С. Р. «Запереть» всякий оборот в осажденной крепости можно и должно; при особом героизме масс это можно перенести три года. После этого разорение мелкого производителя еще усилилось, восстановление крупной промышленности еще оттянулось, отсрочилось. Бюрократизм, как наследие «осады», как надстройка над распыленностью и придавленностью мелкого производителя, обнаружил себя вполне.

Надо уметь признать зло безбоязненно, чтобы тверже повести борьбу с ним, чтобы начать еще и еще раз с начала—нам придется много еще раз, во всех областях нашего строительства начинать повторно сначала, исправляя недоделанное, выбирая разные пути подхода к задаче. Обнаружилась отсрочка восстановления крупной промышленности, обнаружилась невыносимость «запертого» оборота промышленности с земледелием,—значит, надо налечь на более доступное: восстановление мелкой промышленности. Помочь делу с этой стороны, подпереть этот бок полуразваленного войной и блокадой строения. Всячески, и во что бы то ни стало, развить оборот, не боясь капитализма, ибо рамки для него поставлены у нас (экспроприацией помещиков и буржуазии в экономике, рабоче-крестьянской властью в политике) достаточно узкие, достаточно «умеренные». Такова основная мысль продналога, таково его экономическое значение.

Все работники, партийные и советские, должны направить все усилия, все внимание, чтобы создать, вызвать большую инициативу мест — губерний, еще больше уездов, еще больше волостей и селений—в деле хозяйственного строительства именно с точки зрения поднятия немедленно, хотя бы и «малыми» средствами, в малых размерах, крестьянского хозяйства, помощи ему развитием мелкой, окрестной промышленности. Общегосударственный единый хозяйственный план требует того, чтобы центром внимания и забот, центром «ударных» работ стало именно это. Известное улучшение, достигнутое здесь, ближе всего к «фундаменту», самому широкому и самому глубокому, позволит перейти в кратчайший срок к более энергичному и более успешному восстановлению крупной промышленности.

Продовольственный работник знал до сих пор одну основную директиву: собери 100% разверстки. Теперь директива иная: собери 100% налога в кратчайший срок, затем собери еще 100% обменом на продукты крупной и *мелкой* промышленности. Тот, кто соберет 75% налога и 75% (из второй сотни) обменом на продукты крупной и мелкой промышленности, сделает более полезное государственное дело, чем тот, кто соберет 100% налога и 55% (из второй сотни) обменом. Задача продовольственника усложнятся: с одной стороны, это — задача фискальная: собери налог как можно быстрее, как можно рациональнее. С другой стороны, это — задача

общеэкономическая: постарайся так направить кооперацию, так пособить мелкой промышленности, так развить инициативу, почин на местах, чтобы увеличился и упрочился оборот земледелия и промышленности. Мы еще очень и очень плохо умеем это делать; доказательство—бюрократизм. Нам надо не бояться признать, что тут еще *многому можно и должно поучиться у капиталиста.* Сравним по губерниям, по уездам, по волостям, по селам итоги практического опыта: в одном месте частные капиталисты и капиталистики достигли того-то. Их прибыль, прибдизительно, такая-то. Это—дань, плата, которую мы отдали «за науку». За науку заплатить не жалко, лишь бы ученье шло толком. А вот в соседнем месте путем кооперативным достигнуто то-то. Прибыль кооператоров такая-то. А в третьем месте чисто государственным, чисто коммунистическим путем достигли того-то (этот третий случай будет в данное время редким исключением).

Задача должна состоять в том, чтобы каждый областной хозяйственный центр, каждое губернское экономическое совещание при Исполкоме немедленно поставило, как первоочередное дело, организацию тотчас же различного рода опытов или систем «оборота» насчет тех излишков, которые остаются после уплаты продналога. Через несколько месяцев надо иметь практические результаты, чтобы сравнивать и изучать их. Местная или привозная соль; керосин из центра; кустарная дерево-обрабатывающая промышленность; ремесло, на местном сырье дающее некоторые, хотя бы не очень важные, но необходимые и полезные для крестьянина, продукты; «зеленый уголь» (использование местных водных сил небольшого значения для электрофикации) и так далее и тому подобное,—все должно быть пущено в ход для того, чтобы оживить оборот промышленности и земледелия, во что бы то ни стало. Кто достигнет в этой области наибольших результатов, хотя бы путем частно-хозяйственного капитализма, хотя бы даже без кооперации, без прямого превращения этого капитализма в государственный капитализм, тот больше пользы принесет делу всероссийского социалистического строительства, чем тот, кто будет «думать» о чистоте коммунизма, писать регламенты, правила, инструкции государственному капитализму и кооперации, но практически оборота не двигать.

Это может показаться парадоксом: частно-хозяйственный капитализм в роли пособника социализму?

Но это нисколько не парадокс, а экономически совершенно неоспоримый факт. Раз налицо мелко-крестьянская страна с особенно разоренным транспортом, выходящая из войны и блокады, руководимая политически пролетариатом, который в своих руках держит транспорт и крупную промышленность, то из этих посылок совершенно неизбежно вытекает первостепенное значение в данный момент местного оборота, во-первых, и возможность оказать содействие социализму через сельско-хозяйственный капитализм (не говоря уже о государственном), во-вторых.

Поменьше спора о словах. Мы еще до сих пор безмерно много грешим по этой части. Побольше разнообразия в практическом опыте и побольше изучения его. Бывают условия, когда образцовая постановка местной работы, даже в самом небольшом масштабе, имеет более важное государственное значение, чем многие отрасли центральной государственной работы. И у нас как раз в данный момент, по отношению к крестьянскому хозяйству вообще и обмену излишков сельско-хозяйственного производства на продукты промышленности в особенности, условия именно таковы. Образцовая постановка дела, в указанном отношении, хотя бы для одной волости, имеет более крупное общегосударственное значение, чем «образцовое» улучшение центрального аппарата того или иного наркомата. Ибо центральный аппарат у нас за три с половиной года настолько уже сложился, что успел приобрести известную вредную косность; мы его не можем значительно быстро улучшить, мы не знаем, как это сделать. Помощь ему для более радикального улучшения, для нового притока свежих сил, для успешной борьбы с бюрократизмом, для преодоления вредной косности должна итти с мест, с низов, с образцовой постановки небольшого «целого», но именно «целого», т.-е. не одного хозяйства, не одной отрасли хозяйства, не одного предприятия, а *суммы всех* хозяйственных отношений, *суммы всего* хозяйственного оборота, хотя бы небольшой местности.

Те из нас, кто осужден на то, чтобы остаться на центральной работе, будут продолжать дело улучшения аппарата и чистки его от бюрократизма, хотя бы в скромных, непосредственно доступных размерах. Но главная помощь в этом отношении идет и придет с мест. На местах у нас, в общем стоит дело лучше,—насколько я могу обозревать—чем в центре, да это и понятно, ибо зло бюрократизма, естественно, концентрируется в центре; Москва не может не быть в этом отношении худшим городом и вообще наихудшим «местом» в Республике. На местах уклонения от среднего есть в обе стороны; уклонения в худшую сторону реже, чем уклонения в лучшую. Уклонения в худшую сторону, это — злоупотребления примазавшихся к коммунистам, старых чиновников, помещиков, буржуа и прочей сволочи, которая иногда совершает отвратительные бесчинства и безобразия, надругательства над крестьянством. Тут нужна чистка террористическая: суд на месте и расстрел безоговорочно. Пускай Мартовы, Черновы и беспартийные мещане, подобные им, бьют себя в грудь и восклицают: «хвалю, тебя, господи, за то, что я не похож на них, что я непризна-

вал и не признаю террора». Эти господа «не признают террора», ибо они выбрали себе роль лакействующих пособников белогвардейщины по части одурачения рабочих и крестьян. Эс-еры и меньшевики «не признают террора», ибо они исполняют свою роль *подведения* масс под флагом «социализма» *под белогвардейский террор*. Это доказала керенщина и корниловщина в России, колчаковщина в Сибири, меньшевизм в Грузии, это доказали герои второго Интернационала и Интернационала «два с половиной» в Финляндии, Венгрии, Австрии, Германии, Италии, Англии и т. д. Пускай лакействующие пособники белогвардейского террора восхваляют себя за отрицание ими всякого террора. А мы будем говорить тяжелую, но несомненную правду: в странах, переживающих неслыханный кризис, распад старых связей, обострение классовой борьбы после империалистической войны 1914—1918 г.г.,— таковы все страны мира—без террора обойтись нельзя, вопреки лицемерам и фразерам. Либо белогвардейский, буржуазный террор американского, английского (Ирландия), итальянского (фашисты), германского, венгерского и других фасонов, либо красный, пролетарский террор. Середины нет, «третьего» нет и быть не может.

Уклонения в лучшую сторону: успешная борьба с бюрократизмом, внимательнейшее отношение к нуждам рабочих и крестьян, заботливейшее поднятие хозяйства, повышение производительности труда, развитие местного оборота между земледелием и промышленностью. Эти уклонения в лучшую сторону, хотя и чаще, чем уклонения в худшую, но, все же, редки. Однако, они есть. Выработка новых, молодых, свежих коммунистических сил, закаленных гражданской войной и лишениями, идет повсюду на местах. Мы все еще делаем далеко и далеко недостаточно для систематической и неуклонной передвижки этих сил снизу наверх. Это возможно и необходимо делать шире и настойчивее. Некоторых работников можно и должно снимать с центральной работы и ставить на местную: в качестве руководителей уездов и *волостей*, создавая там *образцовую* постановку *всей* хозяйственной работы *в целом*, они принесут громадную пользу и сделают *общегосударственное* дело более важное, чем иная центральная функция. Ибо образцовая постановка дела послужит рассадником работников и примером для подражания, который перенять будет уже сравнительно не трудно, а мы сумеем из центра помочь тому, чтобы «перенимание» образцового примера шло широко повсюду и становилось обязательным.

Для развития «оборота» между земледелием и промышленностью, насчет излишков после уплаты продналога и насчет мелкой, преимущественно кустарной, промышленности требует по самому своему существу самостоятельной, сведущей, умной *инициативы мест*, а потому образцовая постановка уездной и волостной работы приобретает в настоящий момент совершенно исключительную важность с общегосударственной точки зрения. В военном деле, например, во время последней польской войны мы не боялись отступать от бюрократической иерархии, не боялись «понижать в чинах», перемещать членов Р. В. С. Респ. (с оставлением в этой высокой, центральной должности) на низшие места. Почему бы теперь не переместить некоторых членов В. Ц. И. К. или членов коллегий или других высокопоставленных товарищей на работу даже уездную, даже волостную? Не настолько же мы, в самом деле, «обюрократились», чтобы «смущаться» этим. И найдутся у нас десятки центральных работников, которые охотно пойдут на это. А дело хозяйственного строительства всей Республики выиграет от этого чрезвычайно, и образцовые волости или образцовые уезды сыграют не только крупную, но прямо решающую, историческую роль.

Между прочим. Как мелкое, но имеющее, все же, значение, обстоятельство, надо отметить необходимую перемену в принципиальной постановке вопроса о борьбе с спекуляцией. «Правильную» торговлю, не уклоняющуюся от государственного контроля, мы должны поддержать, нам выгодно ее развить. А спекуляцию *нельзя* отличить от «правильной» торговли, если понимать спекуляцию в смысле политико-экономическом. Свобода торговли есть капитализм, капитализм есть спекуляция, закрывать глаза на это смешно.

Как же быть? Об'явить спекуляцию безнаказанной?

Нет. Надо пересмотреть и переработать все законы о спекуляции, об'явить наказуемым (и преследуя фактически с тройной против прежнего строгостью) всякое *хищение* и всякое *уклонение*, прямое или косвенное, открытое или прикрытое, *от государственного контроля, надзора, учета*. Именно такой постановкой вопроса (в С. Н. К. уже начата работа, т.-е. Совнаркомом уже предписано начать работу по пересмотру законов о спекуляции) мы и добьемся того, чтобы направить неизбежное, в известной мере, и необходимое нам развитие капитализма в в русло *государственного* капитализма.

Политические итоги и выводы.

Мне осталось еще коснуться, хотя бы вкратце, политической обстановки, как она сложилась и видоизменилась в связи с обрисованной выше экономикой.

Уже сказано, что основные черты нашей экономики в 1921 г. те же самые, какие были в 1918 г. Весна 1921 г. принесла—главным образом в силу неурожая и падежа скота—крайнее обострение в положении крестьянства, и без того чрезвычайно тяжелом, вследствие войны и блокады. Результатом обострения явились политические колебания, составляющие, вообще говоря, самую «натуру» мелкого производителя. Самым ярким выражением этих колебаний был кронштадтский мятеж.

Характернее всего в кронштадтских событиях именно колебания мелко-буржуазной стихии. Вполне оформленного, ясного, определенного очень мало. Туманные лозунги «свободы», «свободы торговли», «раскрепощения», «советов без большевиков» или перевыбора советов, или избавления от «партийной диктатуры» и так далее и тому подобное. И меньшевики и эс-еры об'являют кронштадтское движение «своим». Виктор Чернов посылает гонца в Кронштадт; за *«учредилку»* голосует в Кронштадте, по предложению этого гонца, меньшевик Вальк, один из кронштадтских вождей. Вся белогвардейщина мобилизуется *за Кронштадт* моментально, с быстротой, можно сказать, радио-телеграфической. Белогвардейские военспецы в Кронштадте, ряд спецов, а не один Козловский, разрабатывают план десанта в Ораниенбаум,—план, испугавший колеблющуюся меньшевистски - эсеровски - беспартийную массу. Свыше полусотни заграничных белогвардейских русских газет развивают бешеную по энергии кампанию *за Кронштадт*. Крупные банки, все силы финансового капитала открывают сборы на помощь Кронштадту. Умный вождь буржуазии и помещиков, кадет Милюков, терпеливо раз'ясняет дурачку Виктору Чернову прямо (а сидящим в питерской тюрьме по их связи с Кронштадтом меньшевикам Дану и Рожкову косвенно), что **не к чему торопиться с учредилкой, что *можно и должно высказаться за советскую власть — только без большевиков.***

Конечно, не трудно быть умнее таких самовлюбленных дурачков, как Чернов, герой мелко-буржуазной фразы, или как Мартов, рыцарь подделанного под «марксизм» мещанского реформизма. Не в том, собственно, и дело, что Милюков, как личность, умнее, а в том, что партийный вождь крупной буржуазии яснее видит, лучше понимает классовую суть дела и политические взаимоотношения в силу своего классового положения, чем вожди мелкой буржуазии, Черновы и Мартовы. Ибо буржуазия есть действительно классовая сила, которая при капитализме господствует неизбежно и в монархии и в самой что ни на есть демократической республике, пользуясь также неизбежно поддержкой всемирной буржуазии. А мелкая буржуазия, т.-е. все герои второго Интернационала и Интернационала «два с половиной», не могут быть ни чем иным, по экономической сути дела, как выражением классового бессилия,—отсюда колебания, фраза, беспомощность. В 1789 г. мелкие буржуа могли еще быть великими революционерами; в 1848 г. они были смешны и жалки; в 1917 — 1921 гг. они — отвратительные пособники реакции, прямые лакеи ее, по их действительной роли, все равно, зовут ли их Черновыми и Мартовыми, или Каутскими, Макдональдами и так далее и тому подобное.

Когда Мартов в своем берлинском журнале заявляет, будто Кронштадт не только проводил меньшевистские лозунги, но и дал доказательство того, что возможно противо-большевистское движение, не служащее целиком белогвардейщине, капиталистам и помещикам, то это—именно образец самовлюбленного мещанского Нарциса. Давайте попросту закроем глаза на тот факт, что все настоящие белогвардейцы приветствовали кронштадтцев и собирали через банки фонды в помощь Кронштадту! Милюков прав против Черновых и Мартовых, ибо дает *действительную* тактику *действительной* белогвардейской силы, силы капиталистов и помещиков: давайте поддерживать кого угодно, какую угодно советскую власть, *лишь бы* свергнуть большевиков, *лишь бы* осуществить *передвижку власти!* Все равно: вправо или влево, к меньшевикам или к анархистам, лишь бы передвижку власти от большевиков; а остальное,—остальное «мы» Милюковы, «мы» капиталисты и помещики, «сами» сделаем, анархистиков, Черновых, Мартовых мы шлепками прогоним, как делали в Сибири по отношению к Чернову и Майскому, как делали в Венгрии по отношению к венгерским Черновым и Мартовым, как делали в Германии по отношению к Каутскому, в Вене по отношению к Фр. Адлерам и К°. Этих мещанских Нарцисов, меньшевиков, эс-еров, беспартийных настоящая, деловая буржуазия сотнями одурачивала и прогоняла во всех революциях десятки раз во всех странах. Это доказано историей. Это проверено фактами. Нарцисы будут болтать. Милюковы и белогвардейщина будут дело делать.

«Лишь бы передвижка власти от большевиков, все равно, немного вправо или немного влево, а остальное приложится», в этом Милюков совершенно прав. Это—классовая истина, подтвержденная всей историей революций всех стран всей многовековой эпохи новой истории, после средневековья. Распыленного мелкого производителя, крестьянина, об'единяет, экономически и *политически*, либо буржуазия (так бывало всегда при капитализме, во всех странах, во всех революциях нового времени, так будет всегда при капитализме), либо пролетариат (так бывало, в зачаточной форме, при высшем развитии некоторых из самых великих революций в новой истории, на самое короткое время, так было в России 1917—1921 гг. в более развитой форме). О «третьем» пути, о «третьей силе» могут болтать и мечтать только самовлюбленные Нарцисы.

С величайшим трудом, в отчаянной борьбе выработали большевики способный управлять авангард пролетариата, создали и отстояли диктатуру пролетариата, и соотношение классовых сил в России стало яснее ясного после проверки опытом, практикой четырех лет. Стальной и закаленный авангард единственного революционного класса, мелко-буржуазная колеблющаяся стихия, притаившиеся за границей и имеющие поддержку всемирной буржуазии Милюковы, капиталисты, помещики. Дело яснее ясного. Всякую

«передвижку власти» используют и могут использовать только они.

В приведенной брошюрке 1918 г. говорилось об этом прямо: «главный враг»—«мелкобуржуазная стихия». «Либо мы подчиним ее своему контролю и учету, либо она скинет рабочую власть неизбежно и неминуемо, как скидывали революцию Наполеоны и Кавеньяки, именно на этой мелко-собственнической почве и произрастающие. Так стоит вопрос. Только так стоит вопрос» (Из брошюры 5 мая 1918, см. выше).

Наша сила—полная ясность и трезвость учета *всех* наличных классовых величин, и русских и международных, а затем проистекающая отсюда железная энергия, твердость, решительность и беззаветность борьбы. Врагов у нас много, но они раз'единены или не знают, чего хотят (как все мелкие буржуа, все Мартовы и Черновы, все беспартийные, все анархисты). А мы об'единены—прямо меж собой и косвенно с пролетариями всех стран; мы знаем, чего мы хотим. И потому мы непобедимы в мировом масштабе, хотя этим нисколько не исключается возможность поражения отдельных пролетарских революций на то или другое время.

Мелко-буржуазная стихия не даром называется стихией, ибо это, действительно, нечто наиболее бесформенное, неопределенное, бессознательное. Нарцисы мелкой буржуазии думают, что «всеобщее голосование» уничтожает натуру мелкого производителя при капитализме, но на самом деле оно *помогает* буржуазии, при помощи церкви, печати, учительства, полиции, военщины, экономического гнета в тысячах форм, помогает ей *подчинять* себе распыленных мелких производителей. Разорение, нужда, тяжесть положения вызывает колебания: сегодня за буржуазию, завтра за пролетариат. Только закаленный авангард пролетариата способен устоять и противостоять колебаниям.

Весенние события 1921 г. показали еще и еще раз роль эс-еров и меньшевиков: они помогают колеблющейся мелко-буржуазной стихии отшатнуться от большевиков, совершить «передвижку власти» в пользу капиталистов и помещиков. *Меньшевики и эс-еры научились теперь перекрашиваться в «беспартийных»*. Это доказано вполне. И только дураки могут теперь не видеть этого, не понимать, что нам нельзя давать себя одурачивать. Беспартийные конференции—не фетиш. Они ценны, если можно сближаться с массой, еще не затронутой, со слоями трудящихся миллионов, вне политики стоящих, но они вредны, если дают платформу меньшевикам и эс-ерам, перекрашенным в «беспартийных». Такие люди помогают мятежам, помогают белогвардейщине. Меньшевикам и эс-ерам, как открытым, так и перекрашенным в беспартийных, место в тюрьме (или в заграничных журналах, рядом с белогвардейцами; мы охотно пустили Мартова за границу), но не на беспартийной конференции. Можно и должно найти другие способы проверки настроения масс, сближения с ними. Пусть едет за границу тот, кто желает поиграть в парламентаризм, в учредилки, в беспартийные конференции, отправляйтесь туда, к Мартову, милости просим, испытайте прелесть «демократии», расспросите врангелевских солдат про эту прелесть, сделайте одолжение. А нам не до игры в «оппозиции» на «конференциях». Мы окружены всемирной буржуазией, караулящей каждую минуту колебания, чтобы вернуть «своих», чтобы восстановить помещиков и буржуазию. Мы будем держать меньшевиков и эс-еров, все равно как открытых, так и перекрашенных в «беспартийных», в тюрьме.

Мы будем всеми способами завязывать более тесные связи с не затронутой политикою массой трудящихся — кроме тех способов, которые дают простор меньшевикам и эс-ерам, дают *простор колебаниям, выгодным для Милюкова*. Мы будем в особенности усердно двигать на советскую работу сотни и сотни беспартийных, настоящих беспартийных из массы, из рядовых рабочих и крестьян, а не тех, кто «перекрасился» в беспартийные, чтобы читать по шпаргалке меньшевистские и эс-еровские наказы, столь выгодные для Милюкова. У нас работают сотни и тысячи беспартийных, из них десятки на важнейших и ответственных постах. Больше проверки их работы. Больше выдвигать для новой проверки тысячи и тысячи рядовых трудящихся, испытывать их, систематически и неуклонно, сотнями передвигать на высшие посты, на основании проверки опытом. Коммунисты у нас до сих пор еще мало умеют понять свою настоящую задачу управления: не «самим» стараться «все» делать, надрываясь и не успевая, берясь за 20 дел и не кончая ни одного, а проверять работу десятков и сотен помощников, налаживать проверку их работы снизу, т.-е. настоящей массой; *направлять* работу и *учиться* у тех, у кого есть знания (спецы) и опыт налаживания крупного хозяйства (капиталисты). Умный коммунист не боится учиться у военспеца, хотя 9/10 военспецов способны на измену при каждом случае. Умный коммунист не побоится учиться у капиталиста (все равно, будет ли этот капиталист крупным капиталистом-концессионером или торговцем-комиссионером или мелким капиталистиком-кооператором и т. п.), хотя капиталист не лучше военспеца. Научились в Красной армии ловить изменников военспецов, выделять честных и добросовестных, использовывать в общем и целом тысячи и десятки тысяч военспецов. Учимся делать то же (в своеобразной форме) с инженерами, учителями—хотя делаем это много хуже, чем в Красной армии (там Деникин и Колчак хорошо нас подгоняли, заставляли учиться поскорее, поусерднее, потолковее). Научимся делать то же (опять-таки в своеобразной форме) с комиссионерами-торговцами, со скупщиками, работающими на государство, с кооператорами-ка-

питалистиками, с концессионерами-предпринимателями и т. д.

Массе рабочих и крестьян нужно немедленное улучшение их положения. Поставив на полезную работу новые силы, в том числе беспартийных, мы этого достигнем. Продналог и ряд связанных с ним мероприятий этому поможет. Экономический корень неизбежных колебаний мелкого производителя мы этим подрежем. А с политическими колебаниями, полезными только Милюкову, мы будем бороться беспощадно. Колеблющихся много. Нас мало. Колеблющиеся раз'единены. Мы об'единены. Колеблющиеся экономически несамостоятельны. Пролетариат экономически самостоятелен. Колеблющиеся не знают, чего они хотят: и хочется, и колется, и Милюков не велит. А мы знаем, чего мы хотим.

И потому мы победим.

Заключение.

Подведем итоги.

Продналог есть переход от военного коммунизма к правильному социалистическому продуктообмену.

Крайнее разорение, обостренное неурожаем 1920 г., сделало этот переход неотложно необходимым в силу невозможности быстро восстановить крупную промышленность.

Отсюда: в первую голову улучшить положение крестьян. Средство: **продналог, развитие оборота земледелия с промышленностью, развитие мелкой промышленности.**

Оборот есть свобода торговли, есть капитализм. Он нам полезен в той мере, в которой поможет бороться с распыленностью мелкого производителя, а до известной степени и с бюрократизмом. Меру установит практика, опыт. Страшного для пролетарской власти тут ничего нет, пока пролетариат твердо держит власть в своих руках, твердо держит в своих руках транспорт и крупную промышленность.

Борьбу со спекуляцией надо **превратить** в борьбу с хищениями и с уклонениями от государственного надзора, учета, контроля. Таким контролем мы направляем неизбежный в известной мере и необходимый нам капитализм в русло государственного капитализма.

Всестороннее, всемерное, во что бы то ни стало, развитие инициативы, почина, самостоятельности мест в деле поощрения оборота земледелия с промышленностью. Изучение практического опыта в этом отношении. Возможно большее его разнообразие.

Помощь мелкой промышленности, обслуживающей крестьянское земледелие и помогающей ему подняться; помощь ей, до известной степени, и раздачей государственного сырья. Преступнее всего — оставлять сырье необработанным.

Не бояться «ученья» коммунистов у буржуазных спецов, в том числе и у торговцев, и у капиталистиков-кооператоров, и у капиталистов. Учиться у них по форме иначе, а по сути дела так же, как учились и научились у военспецов. Результаты «науки» проверять только практическим опытом: сделай лучше, чем сделали рядом буржуазные спецы, сумей добиться и так и эдак под'ема земледелия, под'ема промышленности, развития оборота земледелия с промышленностью. Не скупись платить «за науку»: за науку заплатить дорого не жалко, лишь бы ученье шло толком.

Всячески помогать массе трудящихся, сближаться с ней, выдвигать из нее сотни и тысячи работников беспартийных на хозяйственную работу. А переодетых в модный кронштадтски-беспартийный наряд меньшевиков и эс-еров держать бережно в тюрьме или отправлять в Берлин к Мартову для свободного использования всех прелестей чистой демократии, для свободного обмена мыслями с Черновым, с Милюковым, с грузинскими меньшевиками.

Н. ЛЕНИН.

21 апреля 1921 г.

«Каково же наше отношение к мелкому крестьянству? И как должны мы поступить с ним в тот день, когда к нам перейдет государственная власть?

«Во-первых, следующее положение французской программы безусловно правильно: мы предвидим неизбежную гибель мелкого крестьянина, но ни в коем случае не призваны ускорять ее каким-либо вмешательством с нашей стороны.

«Во-вторых, точно также очевидно, что когда мы овладеем государственной властью, мы не можем думать о том, чтобы насильно экспроприировать мелких крестьян (безразлично, с вознаграждением или нет), как это мы принуждены будем сделать с крупными землевладельцами. Наша задача по отношению к крестьянам прежде всего состоит в том, чтобы их частное производство и частную собственность превратить в товарищества, но не насильственным путем, а примером и предложением общественной помощи для этой цели».

Фр. Энгельс. «К крестьянскому вопросу во Франции и Германии».

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ БАЗИС ИМПЕРИАЛИЗМА СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ СЕВЕРНОЙ АМЕРИКИ.

Из всех капиталистических держав мира Соединенные Штаты в настоящее время отличаются наиболее ярко выраженным империалистическим характером. В то время, как в Англии наблюдается чуть ли не всеобщий уклон в пользу ограничения военных расходов и ликвидации месопотамской и персидской авантюр, Соединенные Штаты постепенно разрастаются до размеров величайшей в мире военной державы как на суше, так и на море. Их программа морского строительства так широка, что выполнение ее должно привести в 1924 году к решительному перевесу американского флота над морскими силами как Англии, так и Японии. Что касается сухопутных сил, то проектируется формирование кадров, которые сделали бы возможной мобилизацию 7 миллионов солдат («Рote Фане», Берлин, 1 сентября 1920 г.). «Новая Цюрихская Газета» сообщила в декабре о соглашении, заключенном Португалией и Соединенными Штатами, согласно которому последние гарантируют неприкосновенность португальских колониальных владений, Португалия же, с своей стороны, предоставляет Соединенным Штатам право устроить, в случае войны, базу для американского флота в Атлантическом океане, на Азорских островах. Соединенные Штаты протестуют против полномочий, предоставленных Англии в Месопотамии, требуя права участия в добыче нефти из находящихся там нефтяных источников. Соединенные Штаты спорят с Японией о праве собственности на принадлежавшие прежде Германии телеграфные кабели и т. д. Всюду Соединенные Штаты пользуются своим военным (и финансовым) превосходством, чтобы добиться распространения своего военного и экономического могущества на весь мир. Такая эволюция американской политики произошла лишь в самое недавнее время. Правда, уже война против Испании, закончившаяся завоеванием испанских владений в Вест-Индии и Филиппинских островов, показала, что американский капитал стремится направить политику Антанты по пути империализма. Но лишь последние 2—3 года выявляют полное развитие такой тенденции.

Наша задача поэтому заключается в том, чтобы определить те перемены в экономической политике Америки, которые вызвали указанную политическую эволюцию.

Основы экономической системы.

Отличительной чертой американского хозяйства с давних пор являлась громадная продуктивность труда. Мы, к сожалению, не в состоянии привести здесь статистических данных, подтверждающих этот факт,—впрочем, он общеизвестен и общепризнан *). Равным образом известен факт, что американские рабочие белой расы отличаются наиболее высоким уровнем материального благосостояния.

Большая продуктивность труда в Америке обусловливается тремя главными факторами:

1) благоприятными природными условиями страны,

2) значительным скоплением средств производства, и

3) более рациональной системой производства.

1. *Благоприятные природные условия* могут быть резюмированы так: большая сравнительно с населенностью площадь плодородной земли, на которой могут быть культивированы, в виду благоприятного климата, все европейские, равно и важнейшие, растущие под тропиками растения,—прежде всего хлопок. Колоссальные богатства в недрах земли, как уголь, нефть, железо, медь, светильный газ и т. д. Большие судоходные реки и удобная для постройки железных дорог страна, могущая к тому в своих пределах обрабатывать все важнейшие виды сырья, необходимые культурному народу.

2. В Соединенных Штатах *существует наиболее высокое соотношение постоянного капитала и валового капитала.* Другими словами, рабочий в Америке следит за работой гораздо большей массы машин, чем в Европе. Этот факт можно особенно наглядно наблюдать в сельском хозяйстве, где почти все работы исполняются при помощи машины (употребляемые в России земледельческие машины по преимуществу американского изобретения); в горном деле, где применение машин гораздо значительнее, чем в Европе; наконец, и в самом процессе промышленного производства, равно как и в транспорте

*) Отсылаем читателя к интересной книге Шэдвелля о продуктивности промышленности, в которой он исследует и сравнивает продуктивность труда в Америке, Англии и Германии.

(число изготовляемых автомобилей в Соединенных Штатах увеличивается с бешеной быстротой. «Таймс» от 20 октября 1920 г. сообщает, что это число достигнет к 1922 г. 12 миллионов). К сказанному следует прибавить, что, как общее правило, машины в Соединенных Штатах не подвергаются «моральному изнашиванию», как говорит Маркс: в то время, как в Европе с машинами вообще обращаются бережно, непрестанно их ремонтируя, стараясь, насколько возможно, продлить время их функционирования,—в Америке принят обычай сдавать устаревшую машину поскорее на слом, заменив ее более усовершенствованной. Поэтому в Соединенных Штатах промышленность пользуется всегда новейшей и лучшей техникой.

3. *Рациональность труда в Соединенных Штатах* гораздо выше, чем в Европе, что теснейшим образом связано с социальным развитием Америки. Ее население является, если не считать негров, отборным элементом, извлеченным из населения Европы. Эмигрировать решаются только люди, которые менее всего консервативны,—люди, сумевшие порвать свою духовную связь с традициями, с семейством и с отечеством словом, просвещеннейшие люди данной среды. Это обстоятельство приводит к тому, что вся интеллектуальная жизнь Америки отличается гораздо меньшим консерватизмом, чем жизнь европейская. Здесь никогда не было феодализма, не было дворянства, не было ни титулов, ни почетных должностей. Пропасть, разделяющая интеллектуальный и физический труд, здесь тоже далеко не так глубока, как в Европе. В Америке нет отсталого неграмотного крестьянства, подобного живущему в Восточной Европе,—крестьянства, упорно отвергающего всякое разумное нововведение в сельском хозяйстве. Там нет цеховой обособленности интеллигенции. Рабочие превращаются в интеллигентов, а слушатели высших учебных заведений работают, когда нужно, на фабриках, как простые рабочие. Следствием всего этого является господство в производстве рационализма, не сдерживаемого консерватизмом, что сильно повышает продуктивность труда.

Рассматривая результаты этой продуктивности за время до войны, мы находим, что до конца истекшего века особенно сильно сказалось влияние первого из названных нами факторов, т. е. влияние благоприятных природных условий. Соединенные Штаты были страной, вывозившей огромное количество сырья, главным образом, зерна, шерсти и керосина, и ввозившей фабричные изделия. Центр тяжести народного хозяйства заключался в земледелии. Обработанная площадь увеличилась с 536 миллионов акров в 1880 году до 839 милл. — в 1900 году (и до 878 милл. в 1910 г.), а стоимость продуктов сельского хозяйства с 22 милл. долл. повысилась до 47 милл. долл. в 1900 г. и 86 милл.—в 1910 г. *). На европейский рынок было выброшено колоссальное количество зерна: в Европе тогда был «аграрный кризис». Еще в 1905 г. при общем вывозе на 1718 милл. долл. было вывезено готовых фабричных изделий лишь на 460 милл. долл., полуфабрикатов—на 226 милл., продовольствия же и сырья—более, чем на 1000 милл. долл. **), причем вывезено: на 401 миллион долл. хлопка, на 4186 долл. хлебн. продуктов, на 211 милл. продовольствия (мяса и т. д.). Мы видим, что, не смотря на быструю индустриализацию,—к которой мы еще вернемся,—перед нами, в общем итоге, характерная картина колониальной страны. К этому следует прибавить, что в американскую промышленность была вложена не малая доля европейского капитала; что судоходство было всецело в руках Англии и Германии, что Соединенные Штаты не имели колоний и не занимались мировой политикой,—основой внешней политики служила американская континентальная доктрина Монроэ.

Однако, с того времени процесс индустриализации Америки сделал крупные шаги, что иллюстрирует промышленная статистика по данным американских переписей

Год.	В миллион. Капитал	Рабочие и служащие.	Стоимость продукта.	Стоимость использованного материала.
1870	2.128.2	2.05	4.232.3	2.488.4
1880	2.790.3	2.73	5.369.7	3.396.8
1890	6.525.2	4.71	9.372.4	5.162.0
1900	9.817.4	5.71	13.004.0	7.345.4
1905	13.872.0	6.72	16.866.7	9.497.6
1910	18.490.7	7.43	20.767.5	12.195.0
1915	22.790.9	8.00	24.246.4	14.368.1

Наблюдается необычайно бурный темп развития горного дела и промышленности. Ясно, что не далеко то время, когда Соединенные Штаты превратятся из страны, вывозящей сырье, из страны-должника в империалистически-капиталистическую державу. Пусть цифры эти слишком общего характера; тем не менее, они показывают, что в то время, как в 1880 г. на каждого рабочего приходилось приблизительно 1000 долл. капитала и 2000 долл. выработанного в год продукта,—в 1915 г. приходилось уже 3000 долл. капитала и 3000 долл. выработанного продукта. В то время, как в 1880 г. стоимость вырабатываемого в год продукта составляла величину, равную удвоенной сумме капитала, в 1915 г. обе цифры почти равны. Оборотоспособность капитала замедляется, органическое накопление его быстро растет, что является типичной иллюстрацией к учению Маркса.

Экономическое развитие во время войны.

В то время, как в других воюющих странах народное хозяйство подверглось, вследствие войны, глубокому изменению, сказавшемуся главным образом в уменьшении материального благосостояния,—бумажной валюте, колоссальной дороговизне, приостановке роста населения или даже уменьшения

*) The Statesman's Yearbook 1907 и 1920 гг.
**) Ibidem.

последнего,—Америка не только не пострадала от войны, но, напротив, выиграла, благодаря ей. Правда, цены во время войны сильно возросли и здесь, но это было следствием не уменьшения производительности и вытекающего отсюда недостатка товаров, как в других воюющих странах,—это было вызвано превосходной кон'юнктурой, создавшейся для Соединенных Штатов, как поставщика Антанты.

Вот несколько цифр, иллюстрирующих этот факт:

Производительность Соединенных Штатов равнялась в миллионах *):

Год.	Угля в тоннах	Жел. руды в тоннах.	Меди в двойн. центн.	Свинца в двойн. центн.	Керосина в тоннах.	Хлопка тюками.	Пшеницы в квартерах.
1913/1914	517	31.5	5.40	4.90	32.3	14.89	
1914/1915	466	23.7	5.26	5.68	42.3	15.07	111.4
1915/1916	482	30.4	6.46	5.82	44.7	12.95	124
1916/1917	552	40.1	8.81	6.06	40.1	12.97	86
1917/1918	570	39.3	8.56			11.91	82
1918/1919	586	39.5			49.1		116
1919/1920						12.12	

Некоторые факты из области обрабатывающей промышленности общеизвестны: так, колоссальное развитие судостроения в Америке и необычайный размах в фабрикации пассажирских автомобилей **).

Число официально зарегистрованных автомобилей Соединенных Штатов: (по «Scientific American» 1/1920).

Год.	Число.
1915	2.445.664
1917	4.983.340
1919	7.558.848
1920	9.000.000
1922	12.000.000

Из этого числа—лишь 4% грузовиков остальные—пассажирские, преимущественно частные. Из 50 милл. тонн керосина, добываемого Соединенными Штатами, половина расходуется автомобилями.

Наконец, укажем на гигантское развитие хлопчато-бумажной промышленности в миллионах фунтов:

Год.	Потребление внутри страны.	Вывоз.
1910	2.250	3.106
1915	3.583	4.404
1918	3.863	2.320

*) Данные эти взяты из «Statistiches Jahrbuch für das Deutsche Reich 1919» и из «Statesman's Yearbook» 1920 г.; для продуктов горной промышленности взят календарный год, для сельско-хозяйственной — операционный.

**) В весьма интересной статье, помещенной в «Contemporary Review» ноябрь, 1920 г. Е. Баркер пишет по вопросу о керосине, ныне самом животрепещущем для англо-саксонской прессы.

Для Соединенных Штатов война было временем небывало благоприятной кон'юнктуры. Все производительные силы страны были напряжены. «Все рабочие были заняты трудом, все машины работали. Фабриканты посылали агентов в сельские местности, чтобы извлечь рабочую силу из фермерских хозяйств. От 30 до 50% рабочих (в среднем) ежемесячно меняли место работы, находя другое, лучшее в смысле условий труда», как пишет выдающийся американский капиталист (Г. Е. Робертс, вице-президент National City Bank of New-York, в статье: «Современные цены и экономическое положение» (The Economical World, 1920, ноябрь).

Быстро развивающаяся индустриализация сказывается в изменении форм внешней торговли. Известно, что превышение американского вывоза над ввозом составляло в 1919 г. более 3 милл. долл. т.-е. почти половину всего вывоза. А экспорт готовых фабричных изделий уже превышал вывоз продовольственных продуктов. Соответствующие цифры в миллионах долларов.

	Ввоз.	Вывоз.	Экспортный излишек.
Пищев. продукты в сыром виде .	545,3	678,5	123,2
Пищев. продукты в обработанном виде	555,7	1.963,7	1.408,0
Сырье	1.674,3	1.610,1	—
Полу-фабрикаты .	610,3	922,4	312,1
Фабрикаты	492,3	2.564,6	2.072,0

По окончании войны Соединенные Штаты уже являются промышленной страной, экспортирующей, главным образом, фабрикаты *).

Земледелие также не пострадало от чрезмерного потребления, вызванного военным временем, как это было в воюющих странах Европы. Лучшее тому доказательство—развитие скотоводства. В этой области мы наблюдаем следующую картину («Statesman's Yearbook», 1920).

	Миллионы штук. 1910 г.	1920 г.
Лошадей	19,8	21,6
Рогатого скота	61,8	68,1
Овец	52,0	48,8
Свиней	58,2	72,9

Общая стоимость продуктов фермерского хозяйства в милл. долларов составляла:

в 1910 году	8,56
» 1917 »	19,33
» 1918 »	22,48
» 1919 »	24,98

По истечении 10 лет продажная стоимость утроилась; в виду того, что вздорожание далеко не достигло такого размера, ясно, что произошло довольно значительное увеличение производства.

Поэтому под'ем цен в Америке должен быть рассматриваем в иной плоскости, чем

*) Такое изменение характера вывоза сказывается также в движении населения: перепись 1920 г. впервые обнаруживает перевес городского населения Соединенных Штатов над сельским.

в Европе. В последней дороговизну следует приписать недостатку товаров, вызванному резким падением продуктивности производства, причем государственная нормировка цен не в силах была уничтожить вздорожание. В Америке же под'ем цен и колоссальные барыши капиталистов были обусловлены конкуренцией воюющих стран из-за продуктов американской промышленности, не смотря на то, что последняя работала *при повышенной продуктивности* *).

Барыши эти получены были капиталистами Соединенных Штатов в двояком виде. Во-первых, американские ценные бумаги, находившиеся до войны в руках граждан стран Антанты, были истребованы американским правительством и возвращены Соединенным Штатам. Во-вторых, стали стекаться в Соединенные Штаты огромные массы золота. В результате получилось следующее: общее количество наличного золотого фонда, принадлежащего государственным и эмиссионным банкам всего капиталистического мира, равняется к концу 1920 года — 1501,3 милл. фун. стерл., из которых не менее 853,4 милл. следовательно, более половины принадлежат Соединенным Штатам («The Economist», 19/II, 1921 г.).

Но Соединенные Штаты не только выплатили все, что были должны Европе, не только урвали себе более половины золотого запаса капиталистического мира, но, кроме того, приобрели на многие миллиарды долговые требования на европейские страны и, особенно, на Англию. Из государства-должника Соединенные Штаты стали государством-кредитором, мировым заимодавцем. Соответственно и курс американской валюты доллара сохранил свой золотой паритет. Бумажные деньги в Соединенных Штатах имеют одинаковое хождение с золотой монетой.

Причины, которые в других государствах вызвали глубокое изменение структуры народного хозяйства, в Америке имели лишь ничтожное влияние. Соединенные Штаты поздно приняли фактическое участие в войне, притом со столь малыми, сравнительно, силами, что ущерб для производства, при наличности их богатых рессурсов не имел никакого значения **). Развитие Штатов из колониально-земледельческого, задолженного государства в империалистическую промышленную державу не только не было задержано войной, но было ею, несомненно, ускорено.

*) Несмотря на то, что между дисконтным % и уровнем капиталистической прибыли существует лишь слабая связь, мы, все же, отметим, в качестве показателя высоты капиталистической прибыли, что учетный % в Соединенных Штатах равнялся до 1 мая 1920 г.—6%, но с этого дня все время удерживается на уровне 7%.

**) Военные расходы Соединенных Штатов, все же, были значительны, государственные расходы поднялись с 7,4 долларов в 1913 г. до 70 долларов на душу населения в 1920 г.

Период от конца войны до весны 1920 г.

Благоприятная кон'юнктура держалась и по окончании войны, приблизительно до весны 1920 г. В американских покупках стали участвовать, прямо или косвенно, государства средней Европы, находившиеся до того под бойкотом. Но вскоре выяснилось, что Европа, включая и страны Антанты, экономически обессилена и лишена покупной силы. Даже Англия не обладала резервным фондом, — золотым или бумажным из американских ценных бумаг, — чтобы надлежащим образом финансировать закупочные операции в Соединенных Штатах; курс английского фунта упал в сравнении с долларом на 20%, валюта остальных европейских государств упала до 1/10 и даже до 1/100 номинальной расценки в золотой монете. Это необходимо повлекло за собой ослабление покупной способности этих стран по отношению к Соединенным Штатам и вызвало перепроизводственный кризис, который, впрочем, и без того был на очереди именно потому, что народное хозяйство Соединенных Штатов не было расстроено войной *).

Интересно, как разыгрался кризис. Капиталистические круги, как обычно, и верить не хотели, что высокая кон'юнктура прошла. Самое интересное, что, согласно сообщению финансового контролера (Controller of Currency), общая сумма кредита, оказанного всеми банками Соединенных Штатов, равнялась **):

	милл. долл.
в 1919 июня 30	25,086
» 1920 » 30	30,892

Увеличение кредита на 20%—и это в один год, да еще при явном падении производства. Вот на этот счет цифровые данные проф. Ледерера, причем среднее производство за период от 1911 до 1913 г. принято за 100%.

Данные о продуктах сельского хозяйства согласно рыночной статистике:

	Октябрь 1919 г.	Весной 1920 г. (максим.) цифры).	Октябрь 1920 г.
Скота (всего) . . .	151	139	116
Хлеба и муки . . .	127	102	122
Шерсти	124	132	89
Сахара	127	184	59
Угля	152	131	137
Железа	102	159	146

Тот же самый процесс замечается и относительно многих других товаров, а также в транспортных предприятиях. Далее, несмотря на сокращение производства, запасы товарных складов сократились лишь незначительно, а именно составляли, например, в феврале 1920 г.—534%, в октябре 1922 г. 504% товарного оборота за последний месяц в то время, как, наоборот, еще невыполненные

*) См. упомянутую статью Робертса.

**) «Wirtschaftliche Correspondenz» 7/II 1921.

заказы с 32% оборота в феврале 1920 г.—приблизительно до 10% оборота в октябре 1920 г. Можно сказать, исключая частные случаи, что количество выработанных продуктов, начиная с осени 1919 г. до весны 1920 г., в общем значительно сократилось.

Имеются некоторые признаки, указывающие, что возникновение кризиса искусственно ускорено крупным американским капиталом. Концентрация имуществ и централизация трестами фактического руководства предприятиями нигде не зашли так далеко, как в Соединенных Штатах, почему нигде рынок и не может быть так учтен господствующим над ним капиталом, как там. Следовательно, здесь имеются условия, позволяющие ускорить кризис. К сожалению, у нас не имеется соответствующих американских данных, на основании которых мы могли бы судить, в какой степени наше предположение фактически имело место. В упомянутой статье проф. Ледерер пишет следующее:

«Когда весной 1919 г. одновременно с падением американских цен упал европейский вексельный курс, следовательно, и покупательная способность европейских стран, крупные организации американского капитала, банки, постановили ограничить *впредь кредит и потребовать возвращения ссуд*, что вскоре и было проведено в крупном масштабе. Ограничение и отказ в кредите поставили промышленные и торговые предприятия в крайне стесненное положение, заставили их скорее сбывать свои товары для урегулирования своих долгов, они не могли хранить свои запасы, должны были отчасти с убытком для себя развязаться с ними. Правда, они получили большие барыши в условиях военной кон'юнктуры, но, тем не менее, смотрели на свои потери, как на угрозу своему существованию, ибо они должны были—это было вторым последствием положения, столь наглядно изображенного вышепомещенными цифрами — сокращать производство, следовательно, рассчитывать рабочих, аннулировать заказы на полу-фабрикаты и сырье и т. д. Так кризис перебросился на всю область народного хозяйства в то время, как весь мир чувствовал еще величайшую, чрезвычайно острую потребность в американских товарах, производство их насильственно сокращалось, чтобы избежать худшего—скопления залежалого товара, безнадежного в смысле сбыта. С капиталистической точки зрения, такое ограничение кредита было, конечно, вполне целесообразно, предотвращая катастрофическое перепроизводство».

Знаменательно, что учетный % был повышен 1 мая до 7% и с тех пор держится на этом необычайно высоком уровне.

Нынешний экономический кризис—сокращение производства и падение цен.

Изображая течение кризиса, мы, вследствие недостатка американского статистического материала, должны основываться почти исключительно на английских источниках. Судя по данным журнала «Экономист», кризис развивался довольно медленно, капитал стремился поместить излишек своих товаров на мировом рынке, почему экспорт Соединенных Штатов продолжает еще до октября 1920 г. увеличиваться, возможность более крупной экономической катастрофы была предотвращена организованными действиями крупного капитала. Все же, регресс цен и безработица достигли чудовищных размеров.

Мы выше уже сообщали резюмирующие цифры о размере сокращения производства за период от весны до осени 1920 г. В сентябре «Экономист» пишет: «Торговля и промышленность обнаруживают большую нерегулярность». В октябре «число аннулированных заказов быстро увеличивается, запасы вместо того, чтобы уменьшаться, увеличиваются. Публика отказывается от покупок». В ноябре потребление хлопка упало, как никогда еще с августа 1914 г. (см. разные №№ «Экономиста»). Кризис сильно отражается на хлопчатобумажной промышленности. Текстильные фабрики закрываются одна за другой (Таймс 23 XII).

Резко отразился кризис на автомобильной промышленности, которая во время войны поразительно развилась.

Пользующиеся мировой известностью предприятия Форда были закрыты в начале года, потому что на складах имелось готовых, но не проданных, автомобилей на 25 милл. долларов.

Газета «L'Information» от 20/XII 1920 г. следующим образом изображает общее положение дел на рубеже нового года.

«Европейцы испытывают ныне чувство удовлетворения при мысли, что Соединенные Штаты — страна, изобилующая золотом и продуктами, кредитор всего мира, единственная страна, в которой имеет хождение золотая монета,—начинает испытывать затруднения, подобно всем другим народам, но—о ирония судьбы!—не вследствие нищеты, а вследствие своего богатства. Соединенные Штаты страдают ныне от острого упадка своей торговли, обнаруживающего в связи с приближающейся зимой все симптомы прогрессивного ухудшения. *Число банкротств увеличивается день за днем. Биржа деморализована.* Вывоз, находившийся в расцвете во время войны, быстро падает,—правда, за исключением вывоза пищевых продуктов и сырья,—произошло катастрофическое падение цен во всех отраслях народного хозяйства, приведшее в отчаяние не только фабриканта, но и земледельца. Кризис особенно повлиял на промышленность; она, в свою очередь, еженедельно рассчитывает рабочих и сокращает производство, в виду сокращения спроса не только в самой стране, но и за границей. Баснословные суммы, помещенные в ценных бумагах по курсу шесть месяцев тому назад, иммобилизованы, так как эти бумаги не находят покупателей даже по значительно пониженным ценам».

Падение цен на американском рынке приняло в 1920 г. большие размеры. Общие показательные числа дают следующую картину:

Год.	Месяц.	«Statist Index».	Bradstreet.	Bureau of Labor.
1913		100	100	100
1920	Январь	225	2272	248
»	Май	215	216.4	272
»	Август	200	195.7	262
»	Сентябрь . . .	183	184	250
»	Октябрь . . .	170	170	242
»	Декабрь . . .	—	141	—

Более показательных чисел у нас нет, но по отметкам «Таймса» можем проследить путь стремительного падения цен отдельных товаров:

	Пшеница № 2	Маис	Мука	Сало	Кофе	Сахар	Хлопок	Медь	Железо
1920 г. ноября 14	202	93.5	8.70	20.40	7.23	5.12	15.85	15	44.50
1921 г. марта 19	179.5	84	7.00	12.55	5.34	5.13	11.45	12	29.—

Роды товаров обозначены не по известной системе, а лишь в порядке, принятом ежедневными отчетами «Таймса». Числа показывают чудовищное падение цен, особенно на медь, железо и хлопок.

Готовые изделия не поддаются такой сравнительной статистике. Но и здесь падение цен было, по меньшей мере, такое же, в особенности на платья, обувь, мебель и т. д., где особенно остро сказалась «забастовка покупателей».

И вот интересно, что американский капиталист перед фактом такого колоссального падения цен проявил необычайно упорную силу сопротивления. Правда, число банкротов увеличилось вдвое, зато не было крахов банков и крупно-капиталистических предприятий. Некоторые банки, правда, вынуждены были прекратить платежи, потому что фермеры отказались доставлять на рынок свои продукты по пониженным ценам. Число банкротов и величина обанкротившихся капиталов осенью 1920 года были приблизительно в три раза больше, чем в 1919 году, но тут мы совершенно не видим того гигантского краха, который прежде обыкновенно сопутствовал подобному падению цен. Колоссальные организации американского капитала, тесная связь банковского капитала с капиталом промышленным не допустили более сильных потрясений. Что касается мелкой торговли и промышленности, то следует подчеркнуть, что в области мелкой торговли цены падали несравненно медленнее, чем в крупной.

Согласно «Federal Reserve Board Bulletin» за январь, цены, например, с'естных припасов понизились в ноябре 1920 г.: в крупной торговле—на 8½%, в мелкой же лишь на 2½%; это дало возможность мелкой торговле избавиться от своих запасов без чрезмерных убытков. Но вся тяжесть кризиса падает на рабочий класс.

Кризис и рабочий класс.

Американский рабочий класс пережил во время войны период благоприятной кон'юнктуры. Все указывает на то, что уровень *материальных условий жизни американского рабочего класса за это время повысился*. Я не имею в своем распоряжении точных данных по этому вопросу. Большую роль при этом играет тот факт, что иммиграция необученных рабочих, т. е. дешевой рабочей силы, фактически прекратилась. Тем тяжелее новый кризис обрушился на американский рабочий класс.

Кризис этот проявляется главным образом в колоссальной *безработице*. Число безработных к концу года исчислялось в 4 миллиона. В виду отсутствия в Соединенных Штатах страхования от безработицы, мы не имеем о ней столь достоверных данных, как относительно Англии и Германии. Во всяком случае, безработица в Соединенных Штатах колоссальна. Наряду с полной безработицей, имеется также значительный слой пролетариев, работающих лишь в течение половины рабочего времени.

В связи с безработицей американский капитал резко *понизил заработную плату*.

Вся американская и английская пресса пестрит сообщениями о понижениях заработной платы в размере от 10 до 40%. Параллельно идет восстановление сдельной работы в таких отраслях, где до сих пор труд оплачивался по времени, напр. в портняжном деле. Далее, капиталисты произвели наступление на систему «closed shops» (закрытых мастерских), обязывавшую их принимать в некоторые предприятия только профессионально организованных рабочих. Наконец, закон против свободы стачек. Полного текста этого закона, который вошел в силу в начале апреля, у нас не имеется. Он был принят сенатом в декабре прошлого года под именем «Пойндекстерского закона против стачек». Согласно данным Интернационального Бюро Труда, этот закон вызвала и защищала, главным образом, *военная промышленность*. Следовало, мол, создать специальную законную «защиту» для рабочих, желающих работать, и, главным образом, в целях обеспечения нормального функционирования транспорта. Закон предусматривает драконовские наказания—до 10 лет тюрьмы.

Постановления закона (которого мы по недостатку места здесь не приводим) таковы, что их неуклонное применение позволит возбуждать судебное преследование против каждого руководителя забастовки и забастовщика. Другими словами, американский капитал предпринял против рабочего класса борьбу на всех фронтах, и притом—с успехом.

Какова же позиция рабочего класса в этой борьбе?

Следует сказать, что среди американских рабочих не замечается того единодушного, организованного сопротивления, которое проявляет теперь рабочий класс в

Англии. Мы ежедневно находим в английской капиталистической прессе сведения о спокойно принятых рабочими понижениях заработной платы, а иной раз эти понижения предлагаются даже по собственной инициативе рабочих. Капиталистическая пресса, естественно, ищет прежде всего факты, могущие быть полезными капитализму; но в доступных нам американских газетах*), мы, хотя и находим известия об отдельных случаях острой борьбы, но тоже не нашли указания на организованную борьбу, захватившую, как в Англии, весь рабочий класс. Классовое самосознание пролетариата Соединенных Штатов, не смотря на сильнейшее развитие капитализма, стоит на очень низком уровне; иначе, как могло бы случиться, напр., что миллионы пролетариев отдали свои голоса на последних президентских выборах такому ярко выраженному типу реакционера, каким является Гардинг? Как иначе могло бы случиться, что вождем организованных рабочих был *С. Гомперс*,—человек, чьи антипролетарские сентенции печатаются курсивом в капиталистической прессе: тот самый Гомперс, который ушел из желтого Интернационала, так как последний для него «слишком революционен»; Гомперс, который публично порицал воззвание транспортных рабочих за протест против посылки военного снаряжения для Польши.

«Вполне возможно,—заявляет Гомперс,—что польское наступление было предпринято, как единственное средство предотвратить организованное советским правительством нападение. Более того, нынешнее польское правительство, быть может, самое демократическое в Европе» (New Republic, 15 ноября 1920 года).

Как иначе могло случиться, что герой американской социал-демократии, сидящий в заключении *Е. Дебс*, которого «гуманный философ» Вильсон не выпустил из тюрьмы, даже как кандидата в президенты, как мог бы Дебс иначе публично заявить: «если бы вы привели американскую социалистическую партию к программе Ленина, вы совсем убили бы партию»? Как мог бы он выступать против всякой попытки вооруженной классовой борьбы? Как могло бы случиться, что в стране самых беспощадных классовых противоречий, в стране, где *Де Лион* предвосхитил важнейшие элементы большевистской доктрины,—существуют три коммунистических секты, но нет коммунистической массовой партии?

Откуда это противоречие между фактом колоссального классового антагонизма, с одной стороны, и столь слабым классовым самосознанием американского пролетариата—с другой?

Не легко дать ответ на этот вопрос, столь важный для всего хода мировой революции. Мы думаем, что его дают внутренний разлад пролетариата, резкое различие бытовых условий и идеологии отдельных рабочих слоев.

Постараемся вкратце указать это.

Американский пролетариат обладает *рабочей аристократией*. Это организованные в «юнионах» обученные рабочие; они пользуются монопольным положением в «closed shops», затрудняют путем высоких вступительных взносов вступление в свой профсоюз; презирают «неорганизованный лумпен-пролетариат». Они считают себя аристократами, ведут жизнь мелких буржуа, отмежевываются от общей массы трудящихся. Второй слой, отмежевывающийся от общей массы пролетариата,—это слой временно иммигрировавших иностранцев, не имеющих намерения закончить свою жизнь в качестве американских наемных рабочих, но, во что бы то ни стало, стремящихся наскоро набрать достаточно средств, чтобы купить у себя дома кусок земли и крестьянствовать на ней в качестве мелкого земельного собственника. Третий обособленный слой заключает в себе самые боевые элементы,—это слой акклиматизировавшихся иммигрантов, необученных или лишь наскоро приученных рабочих. Негры и цветные рабочие поставлены в совершенно особое положение; их до самого последнего времени принципиально не принимали в юнионы. Условия оплаты труда и жизненные условия указанных слоев пролетариата так разнятся между собой, что весьма трудно сплотить эти группы на почве единой общеклассовой политики.

Рост классового самосознания затрудняется тем обстоятельством, что способнейшим представителям американского рабочего класса не так трудно попасть в мелкую буржуазию или в среду лиц, занимающихся «свободными» профессиями,—гораздо легче, чем в Европе. Отсутствие ценза для занятия любой из должностей, множество учебных заведений, дающих подготовку по разным специальностям: инженера, адвоката, врача, возможность подняться над уровнем рабочего класса путем какой-нибудь ловкой спекуляции или какого-либо изобретения,—все это побуждает лучшие умы американского пролетариата искать своего благополучия не в условиях классовой борьбы в рядах пролетариата, а в стараниях перейти по индивидуалистическому пути на высшую ступень общественной лестницы.

В заключение, следует отметить, что высокий уровень материального благополучия американских квалифицированных рабочих, беспрерывно повышавшийся в течение десятилетий (за исключением, разве, первого десятилетия XIX века), может быть, более всего содействовал тому, что в Соединенных Штатах классовое революционное сознание не получило должного развития. Правда, были случаи частых ожесточенных и упорных столкновений, но не было революционного пролетариата, как единого класса. В настоя-

*) Мы перелистали «The Communist», «The Toiler», «Industrial Worker», «The World», «Advance» и радикально-буржуазную «Nation».

щее время кипит ожесточенная борьба прежде всего по вопросу о «closed shops». Показателем той ожесточенности, с которой буржуазия ведет борьбу, может служить факт, что Вифлеемская компания сталелитейных заводов (Bethlehem Steel Company) отказывается совершать торговые сделки с теми из своих контрагентов в Нью-Йорке и Филадельфии, которые не соглашаются с принципом «open shops» (открытых мастерских) *). Капитал пробует разрушить ненавистную систему «closed shops». Желаем ему успеха, ибо этим был бы сделан важный шаг на пути к об'единению пролетариата. Но американский пролетариат станет революционным лишь тогда, когда Соединенные Штаты будут вовлечены в европейский капиталистический кризис, когда *американский капитал не сможет больше обеспечить пролетариату привычный высокий уровень материальных условий существования*, когда настоящий кризис нельзя будет изжить безболезненно.

Империалистическая попытка разрешения кризиса.

Причины современного экономического кризиса двоякого характера. С одной стороны, они вытекают из «нормального» хода капиталистического производства. Кризис — обычно следует за периодом высокой кон'юнктуры. С другой стороны, кризис обостряется экономической разрухой континентальной Европы,—разрухой, которая описана нами в № 14 «Ком. Интер». Положение С.-Штатов сравнительно с Европой аналогично положению Англии сравнительно с континентальной Европой. С.-Ш. не могут сбыть свои товары на европейском рынке, потому что страны, разоренные войной, желали бы лишь *покупать*, но не имеют ничего для продажи. Отсюда — обесценение валюты всего мира, колоссальный лаж на американскую валюту, это ведет к тому, что американские товары не могут конкурировать на мировом рынке, даже, более того, товары стран с низкой валютой сами конкурируют в пределах С.-Ш. с американскими товарами. Ажио на американскую валюту очень поднялось после войны и продолжается и поныне, несмотря на острый кризис, переживаемый Штатами.

Курс доллара сравнительно с валютой других главнейших стран равнялся 21 марта 1921 г. («Таймс»).

Монета, размен.	Таксиров. единица.	Паритет.	Курс дня.
Лондон, на срок . . .	1 ф.	4.8623	3.92
Амстердам, кратко-срочн.	100 д.	40.20	34.7/16
Русск. рубли	100 р.	61.46	0.50
Париж, краткосрочн. .	100 фр.	19.30	5.95
Берлин (телегр.) . . .	100 мрк.	23.80	1.60
Христиания »	100 кр.	26,80	16.05
Стокгольм »	100 »	26.80	22.90
Копенгаген »	100 »	19.30	17.30
Рим »	100 лир.	19.30	4.05
Монреаль на Лондон (телегр. перевод) . .	1 ф.	4.86.23	4.48

*) «The Nation» 1921 г. 19 января.

Мы видим, что валюта всех европейских стран, даже богатой нейтральной Голландии, испытала сильное понижение сравнительно с долларом; для фунтов оно составляет более 20%, итальянская лира котируется всего в 18% ее стоимости, марка — около 7%; курс валюты восточно-европейских стран, напр., Австрии, Венгрии, Польши, упал до 1% номинальной стоимости.

Вполне понятно, что при этих условиях нормальная продажа американских товаров в означенные страны стала почти невозможной. Из всех государств мира лишь Япония и Швейцария имеют по сравнению с С.-Ш. полноценную валюту; паритета почти достигает валюта Канады и некоторых южно-американских государств. Но численность населения и покупная способность этих стран слишком незначительны для экспорта С.-Штатов.

Американский капитал сделал попытку, на манер английского, поддержать покупную силу чужих стран путем помещения американских капиталов в заграничные предприятия. С.-Штаты стали мировым банкиром. Во время войны это выражалось преимущественно в государственных займах союзных стран: долги стран Антанты равны приблизительно 15 миллиардам долларов. После войны почти все страны и города, равно и крупные акционерные общества стучались к американскому денежному рынку и клянчили деньги в долг. Если мы пересмотрим сообщения «Economist'a» за последнее полугодие, то найдем в нем названия почти всех стран мира в качестве должников Америки: южно-американские государства, бельгийские жел. дороги, датские города, английские банки, «вполне надежные предприятия платят 8% по займу»! Но и непосредственное помещение американского капитала получило широкое применение. Прежде европейские капиталисты владели американскими ценностями, ныне же американские капиталисты скупают во всей Европе акции и предприятия, при том по баснословно дешевой цене. Ведь, один миллион долларов равняется в средней Европе 25 миллионам лир, или 60 миллионам марок, или 600 миллионам австрийских крон и т. д.

Таким образом, американскому капиталу удалось, вопреки дурной кон'юнктуре и неблагоприятным валютным условиям, добиться того, что экспорт остался непокобленным даже в первое время кризиса. В октябре 1920 г. он был больше, чем когда либо. Только в ноябре началось резкое падение, вывоз был на 67 миллионов долларов ниже, чем в 1919 г., С тех пор дела идут все так же, из месяца в месяц.

Помещение капиталов в заграничные предприятия, опасность потери европейского рынка вследствие растройства европейского хозяйства,—все это заставляет С.-Штаты, не смотря на сопротивление, чинимое некоторыми консервативными кругами, *вести мировую политику*. Все попытки возвращения к старой американской континентальной политике, попытки «отмежеваться» от Европы,

претерпят крушение перед требованиями экономической необходимости. В настоящее время С.-Штаты — наиболее империалистическая держава в мире!

Чтобы дополнить картину, мы должны подробнее остановиться на фактах, характеризующих этот американский империализм, и на тенденциях последнего. По существу, он ничем не отличается от английского и германского империализма,—разве, только сохранившейся до сих пор лживой пацифистской фразеологией. В течение последних пяти лет, с тех пор, как американцы заняли остров Гаити, американские солдаты и матросы убили там 3.250 чел., согласно официальным данным морского министерства. Под звуки патетических речей Вильсона о «правах народов», они заняли Никарагуа и Костарику и ввели там военную диктатуру («The Labour Leader» 21/X. 1920). Все резче выступает милитаризм сухопутный и военный. С.-Штаты ушли из Лиги Наций, не желая подчиниться гегемонии Англии. Ныне они на кратчайшем пути к достижению положения сильнейшей в мире военной державы. Они вступают в конфликт, все более обостряющийся, с двумя другими мировыми державами: Англией и Японией (Францию мы не можем считать мировой державой, не смотря на всю ее широковещательную политику). Дошло до того, что в Америке серьезно считаются с возможностью англо-американской войны.

В чем же причина англо-американского антагонизма?

Прежде всего в вопросе о военных долгах. Осторожные С.-Штаты давали деньги на ведение войны *непосредственно* Англии—преимущественно Англии, а та уже снабжала ими Францию, Италию, Бельгию и т. д. При настоящем неблагоприятном курсе валюты эти долги ложатся крайне тяжелым бременем на континентальные страны Антанты. Требования Англии к этим государствам подвергаются довольно значительному риску. Франция отчасти потому относится так беспощадно к Германии, что ее угнетают долги по займу, заключенному в Англии. Поэтому английский политик Кейнс, в своей часто цитируемой книге о версальском мире, предложил в качестве единственного решения вопроса, чтобы Америка аннулировала свои требования ко всем союзникам и должникам, то же пусть сделает Англия по отношению к континентальным странам, а Франция сократит свои требования о возмещении военных убытков до размера, приемлемого для Германии. И вот полуофициальная попытка Англии добиться согласия С.-Штатов на проведение этого финансового плана натолкнулась на решительный отказ. *Капиталистические руководители С.-Штатов отнюдь не склонны приносить в жертву свои миллиарды для того, чтобы оздоровить европейский капитализм.* Что ж, нам это выгодно, но Англию такое фиаско расстроило.

С другой стороны, С.-Штаты не довольны Европой: «Европа упала в глазах всех «порядочных американцев», в виду ее непрерывных войн и революций и в виду ее нежелания насаждать мирную промышленность» и т. д. («The Nation» 6/XI—1920).

Еще большее неудовольствие вызывает у С.-Штатов деятельность Лиги Наций, в особенности, мандат, данный Англии на Месопотамию, и мандат, данный Японии на владение прежней германской кабельной станцией на острове Яп, а также на владение германскими кабелями. С.-Ш. заинтересованы Месопотамией, главным образом, из-за имеющихся там нефтяных источников. 26 ноября прошлого года С.-Ш. заявили решительный протест против месопотамского мандата Англии. На первый взгляд непонятно, почему С.-Ш., самый крупный в мире производитель керосина, заговорили столь резким языком, по поводу Месопотамии. Но дело в том, что в настоящее время керосин—единственный товар, которого, не смотря на кризис, не хватает на рынке; поэтому цена его все повышается не взирая на общее резкое падение цен на мировом рынке. *Американское* производство керосина совершенно не в состоянии поспевать за быстрым увеличением количества автомобилей. Дело еще осложняется тем, что английский капитал под шумок скупил или же завладел лежащими за пределами С.-Штатов нефтяными областями, включая мексиканские. Создавшееся положение было обрисовано сенатором Мак Келларом в Сенате 6 января 1921 г.

«Великобритания получает из Соединенных Штатов около 8% керосина для своего торгового и военного флота по цене, колеблющейся от 10 шилл. до 13 шилл. 4 пенс. за бочку, в то время, как сама она снабжает американские корабли на Ближнем Востоке по цене от 2 фун. до 3 фун. 6 пенс. Америка владеет лишь 1/6 мировых запасов керосина, но на ее долю приходится приблизительно 3/4 мировой добычи этого продукта». Мак Келлар представил перечень британских нефтяных владений: «большие области» в Персии, Месопотамии, Египте, Индии и более мелкие участки в Канаде, Восточной Индии, производящие почти 1/4 часть мировой добычи. Он добавляет: «Великобритания или ее граждане чрезвычайно заинтересованы в нефтяных областях Мексики, Соединенных Штатов, России, Китая, Восточной Индии и других стран», это дает ей возможность контроля чуть ли не над половиной всей мировой добычи нефти. Оратор замечает, что при теперешнем распределении добычи американские запасы иссякнут приблизительно через 15—30 лет, ибо Англия набрасывается на быстро уменьшающиеся американские запасы, в то же время оставляя в сохранности собственную нефть. Соединенные Штаты обладают достаточным могуществом, чтобы «прижать Англию к стенке», отказав ей в разрешении приобретать американский керосин. Англия заявляет, что не может платить процентов по своим долгам Америке, но в

то же время скупает нефтяные промыслы всего мира.

Но мистер Мак Келлар был превзойден м-ром Филаном (Phelan), который заявил, что мы, мол, англичане, «подражаем гуннам». Когда во время войны мы призвали Америку на помощь, говоря, «мы прижаты к стенке», мы одновременно стали скупать нефтяные участки в чужих странах; получили от Америки 4 миллиарда долларов (1 миллиард фунтов) и употребили собственные деньги, чтобы захватить монополию мировой добычи керосина».

Затем мистер Филан перешел к японскому вопросу. В Калифорнии японцы покупают керосин у английской компании по цене 10 шилл. за бочку, а калифорнийцы должны платить ей 13 шилл. 4 пенса. Приобретению англичанами калифорнийских нефтяных участков будет положен предел принятием общего билля «против иностранцев». Оратор таинственно упомянул о «подпольном источнике», из которого он почерпнул сведения о состоявшемся недавно собрании английских и японских представителей; на последнем японцы были натравливаемы против этого билля, их учили, что это повод к войне».

При столь обострившемся положении дел неудивительно, что одна из самых аристократических американских газет — «The Nation» открыто говорит о возможности англо-американской войны («The Times», 5 февраля 1921 г.).

Англичане всеми силами стараются смягчить раздражение Соединенных Штатов из-за нефтяного вопроса,—но, повидимому, безуспешно (см. ст. Баркера «Мировые нефтяные запасы и Соединенные Штаты»—в ноябрьском № «Contemporary Review» и разные английские газеты).

Это раздражение усилилось под влиянием заключения англо-японского союза. Последствия налицо—все растущие вооружения на суше и на море. Вначале мы уже упомянули о гигантской судостроительной программе Америки; она выполняется без передышки, особенно после того, как предложение Америки (сделанное, вероятно, только для видимости) о приостановке на год военного строительства было отклонено Японией. В конце 1920 г. Сенат постановил укрепить Панамский канал сооружениями, снабженными сильнейшей в мире артиллерией («Frankfurter Zeitung», 31 декабря 1920 г.). Не прекращается работа по усовершенствованию военно-технических средств, изготовляются как жидкости, так и газы, оказывающие абсолютно смертельное действие. Соединенные Штаты стремятся создать морские базы на всех морях и ведут империалистическую мировую политику в духе старого времени. Они протестуют против предоставления о. Ява Японии, заключают договор с Португалией о создании на Азорских островах американской морской базы и т. д.

Но главное свое внимание они обращают на те страны, которые стоят еще на пороге капиталистического развития, не будучи в то же время колониями какой-либо европейской державы, главным образом, на Южную Америку и Китай. Америка желает обеспечить себе владение этими областями, как колониями, а потом не только отдалиться от «больной» Европы, но стеной высоких таможенных пошлин или, если нужно, запрещением ввоза, оградить себя от импорта из стран с низкой валютой. Такова экономическая подоплека победы республиканской партии на выборах, таков внутренний смысл политики Гардинга, т. е. политики крупного американского капитала, имеющей ныне, подобно Англии и Германии до-военного времени, лишь один исход: политику империализма.

Каков прогноз экономического будущего Соединенных Штатов?

Полагаем, что высшая точка кризиса теперь уже достигнута, наблюдаются уже симптомы улучшения экономической кон'юнктуры. Можно сказать с уверенностью, что империалистическому капитализму, принимая во внимание колоссальное богатство страны, удастся справиться с кризисом. Но, не смотря на это богатство, не смотря на целесообразность проводимой политики, ищущей в Южной Америке и Китае компенсаций за потерю европейских рынков, оздоровление американского хозяйства невозможно, если распадение европейского капитализма будет продолжаться прежним темпом. Будущее неизбежно должно привести к столкновению трех мировых держав: Соединенных Штатов, Англии и Японии,—столкновению, вызванному стремлением каждой из них овладеть еще здоровыми элементами мирового хозяйства. Эта вторая мировая война вызовет тогда развал и этих капиталистических стран, подобный нынешнему, охватившему континентальную Европу.

Э. ВАРГА.

МИРОВОЙ ЖИЛИЩНЫЙ КРИЗИС.

В *Англии* число недостающих жилищ рабочих определено было недавним подсчетом местных властей круглым счетом в 200.000; министерство здравоохранения считает эту цифру преувеличенной, но и приводимая в официальном отчете статистического ведомства цифра не далеко ушла от этого — 140.000*) квартир.

В *Соединенных Штатах* число недостающих жилищ определяется различно, а именно: между 1 и 3 миллионами. В особенности критическое положение переживает Нью-Йорк, где в 1920 г. количество недостающих квартир вычисляли по меньшей мере в 40.000.

В *Канаде*, по последним подсчетам, недостает 50.000 квартир. От февраля 1919 г. до июля 1920 г. выстроены были дома с 16.000 квартир.

В *Новой Зеландии* (даже здесь!) недостает 5.700 квартир.

В *Швейцарии* число недостающих квартир определяли в июле 1920 г. в 30—35.000. Сумму, необходимую для постройки соответственного количества домов, оценивали в 700—800 миллионов франков.

В *Норвегии* жилищный кризис очень остер; в одной Христиании (260.000 жителей) недостает жилищ для 8.000 семей. Для ближайших 5—6 лет потребуется 20,000 новых квартир. (Цифры взяты из последнего номера официального английского журнала «Housing»).

В *Германии*, по сведениям министерства здравоохранения, ощущается недостаток в одном миллионе квартир. До войны требовалось ежегодно 200.000 новых квартир. В течение последних пяти лет строительные работы совсем не производились. Во вторую четверть 1920 г. в городах с населением в 100.000 нехватало 27% жилых помещений, в городах с населением в 50.000 нехватало 12%, а в Рейнской области в городах с населением в 10.000 *нехватало 30% квартир*. При требовании в 85.647 квартир удовлетворено было только 16 449, т. е. менее 20% («Leipziger Volkszeitung», 20. III. 1921).

В *Австрии*, как констатирует посланная в Вену комиссия Амстердамского интернационала профсоюзов, «рабочие находятся в самой ужасающей нужде. Ощущается острая нужда в одежде и жилых помещениях» (венская «Rote Fahne», 12. III. 21).

*) Это в стране, в которой еще недавно «в промышленных округах, где крупная индустрия совмещалась с маленькими рабочими домиками, каждый семейный работник обладал отдельным домиком» (Энгельс «Жилищный вопрос», стр. 27) и где «дома строят так дешево, что дом дрожит при проезде повозки и ежедневно несколько из них разваливается» (стр. 61).

В *Бельгии*, в Брюсселе, на демонстрации 20 марта, в которой участвовало 50.000 рабочих, в числе прочих требований на плакатах значилось: здоровые жилища для рабочих разрушенных провинций («Le Peuple», 21. III. 21).

В *Праге*, по сообщению «Красного Права», находится 40.000 человек, не имеющих квартир. Ночуют они по вокзалам, коридорам гостиниц, в подвалах и казенных будках на бульварах. Теперь они организовали «Союз бесквартирных», который издает «Газету бесквартирных». На-днях они отправили депутацию в парламент с требованием издания закона против спекуляции квартирами со стороны домовладельцев и отстранения всех чиновников квартирных комиссий (Б. К. И. 23. II. 1921).

В Брюнне (в Моравии) совет рабочих депутатов выставил между другими требованиями также следующее: аристократические замки, помещичьи усадьбы, монастыри должны быть национализированы и отданы под квартиры трудящимся; большие квартиры должны быть реквизированы и переданы бедноте (см. «Интернационал» № 17. Борьба за коммунизм в Чехо-Словакии).

Что касается *Франции*, то ее цифры, надо полагать, еще внушительнее: война разрушила здесь до тла целый ряд северных департаментов, буквально не оставив камня на камне. Разрушено 304.191 здание и сожено 290.000, всего на 25 миллиардов франков золотом.

У нас нет под рукой цифровых данных для других стран; впрочем, думаем, что достаточно и приведенных. Жилищный кризис простирается на весь мир; страны, оставшиеся во время войны нейтральными, страдают от него не менее других.

На первый взгляд этот кризис кажется непонятным: ведь, война унесла десятки миллионов человеческих жизней. Истинное число людей, погибших в мировой войне, до сих пор усиленно скрываемое, очевидно, никогда не будет известно. «Копенгагенское общество изучения социальных последствий войны» дает следующие статистические сведения: Европа с начала войны до средины 1919 г. потеряла 35.000.000 людей; на уменьшение рождаемости выпадает 20 милл., остальные 15 являются непосредственными жертвами войны и увеличившейся смертности. Почему же оставшимся в живых стало тесно? Не следует забывать, что за это время подросло новое поколение, причем, по не раз испытанному статистическому закону, после войны всегда увеличивается число заклю-

чаемых браков. Главное же—*с начала войны во всем свете сократились, а потом большей частью и совсем прекратились постройки новых домов.* [1]). В воюющих странах причиной этого прежде всего был призыв строительных рабочих на военную службу или в индустрии, работающие на войну. В том же направлении действовала впоследствии дороговизна строительных материалов и рабочих рук. Кроме того, прилив населения в столицы и торговые центры (беженцы!) сразу, с самого начала войны поднял цены на квартиры, и во избежание дальнейшей катастрофической спекуляции домовладельцев даже ультракапиталистические правительства прибегли к радикальной мере: *запретили выселять жильцов и повышать квартирную плату* в сравнении с до-военными цифрами. А это, в свою очередь, сделало постройку новых домов убыточным предприятием, так как строительные расходы возросли в 10—15 раз. Впрочем, если бы даже разрешено было взимать удесятеренную квартирную плату, капиталист воздерживался бы теперь от новых построек: ведь, он не гарантирован, что в более или менее близком будущем падут цены на строительные материалы, и его дорого построенные дома не смогут конкурировать с новыми, дешевыми [2]).

Мы видим, таким образом, что жилищный кризис, охвативший весь мир, есть верное чадо капитализма, плоть от плоти его, кость от кости. При этом характерно, что даже там, где капитализм решается—под давлением военного времени — на столь радикальную для него меру, как установление максимума квартирной платы, этот шаг в результате лишь усиливает, в высокой степени потенцирует квартирную нужду. «Сила, которая, даже желая блага, вынуждена творить зло», можно сказать о нем, перефразируя слова Мефистофеля (die Kraft, die stets das Böse will und stets das Gute schafft). Проклятие тяготеет над издыхающим старым строем...

Так как от частно-капиталистической инициативы нельзя ожидать постройки новых домов, то приходится прибегать к помощи государства и города (т. н. коммун). В *Англии* строительная деятельность почти всем своим бременем ложится на города; государство, с своей стороны, поддерживает их, а также так называемые «строительные общества» [3]) значительными субсидиями. Тем не менее, достигнутые результаты крайне ничтожны. В *Германии* союзное правительство ассигновало для этой цели на 1921 год полтора миллиарда марок, прусское—400 миллионов и т. д.; со времени войны имперское правительство и города дали на это 4 миллиарда, но не достигли результата, сколько нибудь отвечающего такой цифре. В *Австралии* особый закон предусматривает субсидии для постройки небольших (рабочих) домов [4]). В *Британской Колумбии* отпускаются безвозмездно участки под постройки домов для демобилизованных. В *Италии* государство субсидирует домостроительство городов и товариществ. В *Швейцарии* правительство помогает субсидиями и ипотечными займами. В *Голландии* за первую половину 1920 г. было выстроено 14.500 квартир с помощью государственных субсидий в 70 миллионов гульденов; в последнее время здесь, как и в Германии, в ходу эксперименты с т. н. «социализированными» строительными обществами, работающими без предпринимательской прибыли и с привлечением рабочих к непосредственному участию в предприятии; таким путем надеются удешевить стоимость новых построек. В *Америке* штаты не оказывают домостроительству никакой поддержки, но отдельные города уже назначили для этого значительные суммы. В *Норвегии* и *Швеции* государство помогает субсидиями и займами городам, товариществам и отдельным лицам, последним в особенности в тех случаях, если дом строится только для себя, в одну квартиру.

Этот перечень — красноречивая иллюстрация к той тревоге, которая охватила старый, буржуазный мир на почве жилищного кризиса. Буржуазия мечется из стороны в сторону, от одной полумеры к другой, но, разумеется, не в состоянии пособить злу такими определенными *паллиативами*, как субсидирование частного и городского домостроительства. Субсидии выплачиваются, как мы видели, уже годами (на этом поприще подвизался, впрочем, еще Луи Бонапарт в период своих «социалистических» экспериментов) [5]). А между тем, жилищный кризис все растет, все обостряется и в настоящее

---

[1]) В Германии, например, из 12.000 кирпичных заводов довоенного времени работают теперь только 1.800.

[2]) Уже Энгельс («Жилищный вопрос», стр. 17) констатирует даже для своего более спокойного времени: «строительная промышленность, которой дорогие квартиры представляют более удобное поприще для спекуляции, лишь в исключительных случаях будет заниматься постройкой рабочих жилищ». В настоящее время эти слова блистательно оправдываются: по частной инициативе строятся лишь сугубо дорогие дома-дворцы.

[3]) Английские building societies следовало бы на нашем языке назвать скорее союзами для приобретения домов. В Англии более 2.000 подобных союзов и таким путем уже около 100.000 рабочих семейств приобрели себе собственный очаг. Но полное решение вопроса этим не достигнуто. Едва ли эта форма товарищеской самопомощи сможет в близком будущем играть главную роль в решении жилищного вопроса. Цитируя эти слова буржуазного экономиста, Энгельс добавляет от себя: «Эти общества вовсе не рабочие общества и главная их цель вовсе не доставление жилищ рабочим. Спекулятивный характер присущ, как маленьким building societies, так и крупным их подражателям» (стр. 58).

[4]) Строительная промышленность в Австралии особенно пострадала от забастовки матросов. Последняя заставила угольное ведомство закрыть на три месяца все кирпичные заводы.

[5]) Государственные субсидии для постройки рабочих домов—старая идея. Вот, что писал еще Энгельс:

«Для континентальной буржуазии Мюльгаузенский рабочий городок представляет предмет гордости... Это был один из социалистических экспериментов Луи Бонапарта, причем была дана государственная ссуда в размере ⅓ капитала. В течение 14 лет (до 1867 г.) выстроены были 800 маленьких домиков по плохой системе... и эти домики предоставляются рабочим в собственность после платежа в течение 13—15 лет повышенной ежемесячной квартирной платы» (стр. 55).

Эти капиталистические субсидии берут одной рукой то, что дают другой...

время принимает чисто катастрофические, угрожающие размеры. *Точно так же, как всеобщая дороговизна, он поражает главным образом пролетариат.* Лица из имущего класса, поскольку и они попадают в неприятное положение ищущих квартиры, всегда так или иначе добьются за деньги того, что им нужно. Жилищный вопрос оказывается, таким образом, чисто-рабочим вопросом; даже официальная статистика (например вышеприведенная английская), отмечая цифры недостающих жилищ, употребляет термин: *жилищ рабочих.* Жилищный кризис относится к той же категории явлений, как безработица; их надо поставить на одну доску: и тот, и другая—провозвестники окончательного краха буржуазного общества. И не даром буржуазия бьется, как рыба об лед, стараясь наложить заплаты на Тришкин кафтан своего в конец износившегося хозяйства. Нет, *субсидиями ей не удержать надвигающейся во всем мире социальной революции, как не удержать ее и субсидиями для безработных.* Решетом моря не вычерпаешь...

Безработица и жилищный кризис не только одного поля ягоды. Конкретно связь между ними проявилась, между прочим, в проекте Ллойд-Джоржа: дать работу безработным путем постройки 200.000 домов для рабочих, проект этот однако провалился, потому что Ллойд-Джорж требовал включить в число работников по этой постройке 20.000 военных инвалидов,—этому воспротивились строительные рабочие. Ллойд-Джоржу не удалось убить сразу трех зайцев: безработицу, жилищный кризис и призрение инвалидов.

«Бессмысленно — говорит Энгельс — желание решить жилищный вопрос, сохраняя современные крупные города. Он разрешим лишь тогда, когда преобразование общества достигнет той ступени, которая позволит приняться за уничтожение противоположности между городом и деревней... Капиталистическое общество, напротив, принуждено с каждым днем увеличивать эту противоположность... В образцовых учреждениях Оуэна и Фурье противоположности города и деревни не существует... Не решение жилищного вопроса влечет за собой решение социального вопроса, а лишь после решения социального вопроса, т. е. после уничтожения капиталистического способа производства, сделается возможным решение жилищного вопроса» (стр. 48).

Жилищный кризис не только следствие общего кризиса. В свою очередь, он становится в известной степени и причиной его. Так, например, в Германии невозможность немедленного восстановления горнозаводской и угольной промышленности в до-военном размере об'ясняют прежде всего недостатком жилищ для рабочих. То же самое в России относительно Донецкого бассейна.

В бесчисленных проектах и прениях на тему о том, как бороться с жилищным кризисом, старый капиталистический мир развивает то «социальное знахарство», о котором писал тот же Энгельс. Так, например, одни предлагают «социализацию» земельной ренты в городах *) и поземельного кредита. Другие проектируют товарищеское управление домами, причем все квартиронанимателя данного участка выбирают из своей среды товарищескую администрацию; баденское правительство уже склонялось было на сторону этого плана (осуществленного у нас, в России), но в результате испугалось «столь опасных экспериментов со случайно подобранной публикой». Третьи, наконец, надеются оживить заглохшую строительную промышленность разрешением поднять цены на квартиры. Но тут является следующая трудность: если допустить—примерно в Германии—это повышение для миллиона новых жильцов, для которых теперь не хватает квартир, то это немедленно отразится и на 15 миллионах старых жильцов; последним, поскольку они (в деревнях) не являются сами домовладельцами, придется тоже платить повышенные цены за наем квартиры, а «это было бы в Германии равносильно отягощению населения сотнями миллиардов, в сравнении с которыми ростовщические требования Антанты оказались бы сущими пустяками» (ведь, квартирная плата и в до-военное время составляла около трети бюджета рабочей семьи). Как видим, трудность непреодолимая. Нашлись, впрочем, и такие «знахари», которые считают возможным поднять квартирную плату не соответственно общему обесценению денег, а лишь на 200%, т. е. соответственно задолженности национального имущества (речь идет о Германии); они исходят из предположения, что дороговизна, поскольку она носит не преходящий характер, закрепится в будущем именно в этой пропорции. Есть еще другая версия, предлагающая отдать излишек, имеющий получиться от повышения квартирной платы, не домовладельцам, а в специальный фонд для оживления *строительной промышленности.* Все это, конечно, вилами на воде писано... Надо принять во внимание еще следующее: раз установившись, дороговизна квартир могла бы быть в будущем устранена только перепроизводством домов, т. е. пустующими квартирами, а последние равносильны потере доли национального богатства. Куда ни кинь—все клин!

А как просто вопрос о квартирной плате разрешен у нас в России! Никакой платы—и баста. На нет и суда нет, нечего ломать себе голову.

В жилищном вопросе старый капиталистический строй, попал в беспощадный тупик. В сущности он уже вплотную подошел к вопросу об экспроприации домовладельцев, к мере, от которой он, естественно, отка-

*) Вся территория Лондона принадлежит полдюжине лордов с чрезвычайно громкими историческими фамилиями. Сотни тысяч домов Лондона выстроены и стоят на чужой земле.

зывается и открещивается с ужасом и трепетом. *Фактически домовладельцы оказываются уже экспроприированными,* ибо какой им прок от их домов, если квартирная плата сведена законом (т. н. законы в защиту квартиронанимателей) почти на-нет; право собственности подорвано очень чувствительным для них образом. Здесь тоже кризис ведет к революции... Жилищная нужда нисколько не устранена, законодательство остановилось на мертвой точке и не находит выхода из лабиринта противоречий капиталистического хозяйства.

А между тем, как быстро и легко разрубили этот гордиев узел у нас в России: *уплотнение,* домовые комитеты, переселение рабочих из окраин в центр. Ларчик просто открывался.

«Прежде всего—говорит Энгельс—всякая социальная революция принуждена брать вещи такими, какими она их находит, и тотчас же уничтожать самое вопиющее зло. Жилищная нужда может быть удовлетворена отчасти путем экспроприации роскошных жилищ, принадлежащих господствующим классам, и принудительным заселением свободных квартир» (стр. 49). Наша практика в России предсказана, таким образом, еще патриархом социализма.

Старый мир ни за что не допустит уплотнения жилищ. Это для него чуть ли не самый страшный жупел коммунизма. Уплотнение бьет его по самой живой струнке его мещанского благополучия, его «мещанского счастья», нашедшего себе выражение в английской пословице: «my home—my castle» (мой дом—моя крепость). А между тем, ведь *уплотнение практикуется и в капиталистических странах,* даже в самых широких размерах: ибо куда же деваются те десятки и сотни тысяч семейств, которые, согласно вышеприведенным официальным данным, нуждаются в квартире? Где находят они хотя бы временное убежище? Если не считать фактов насильственнаго захвата общественных зданий бесприютными безработными (они имели место в недавнее время в Лондоне, но остаются пока единичными), то ясно, что эти миллионы людей размещаются в переполненных и без того жилищах рабочей бедноты, усугубляя этим антисанитарные, антикультурные условия этих последних. Такого рода уплотнение буржуазия считает вполне естественным делом. А когда правительство Бела Куна—это было одним из первых шагов его—реквизировало великолепные дворцы будапештской буржуазии для детей пролетариата, «сливки общества» ужаснулись перед таким осквернением «святости семейного очага».

Нет, только *социальная революция в состоянии разрешить мировой жилищный кризис.*

В заключение приведем одну историческую справку. После франко-прусской войны 1870—1871 г. в Германии, несмотря на полученную последней громадную для того времени контрибуцию, несмотря на то, что страна была буквально залита французским золотом, тоже разразился острый жилищный кризис. Вздорожание новых построек привело к вздорожанию всех домов и квартирной платы вообще, наступила бешеная игра на повышение, биржевая спекуляция охватила край, и лица, купившие втридорога дома, слишком задолжались и скоро были вынуждены прибегнуть к кредиту; произошел штурм на ипотечный рынок—в результате в насыщенной деньгами стране нельзя было раздобыть строительный кредит, и строительная деятельность все более глохла. Это, в свою очередь, опять усиливало дороговизну и давало толчек бирже, спекуляции и грюндерству. Тогда игра начиналась сызнова, та же сказка про белого бычка, тот же порочный круг диалектики капитализма. Кончилось все это, как известно, крахом 1873 г., самой крупной экономической катастрофой капитализма до нашего времени, и если этот всемирный крах был как бы предостережением, то теперь «роковые слова» сбываются, осуществляется мене-текель-перес осужденного на погибель старого мира *).

Ф. Капелюш.

*) «Время, когда старая культурная страна совершает переход от мануфактуры и мелкого производства к крупной индустрии, является по преимуществу временем *жилищной нужды*», писал Энгельс в предисловии к «Жилищному вопросу». Не является ли жилищный кризис всегда спутником и симптомом крупных исторических переворотов в области народного хозяйства?

«Океан человеческой нужды и темноты не имеет дна. За каждым поднявшимся слоем открывается новый, который только собирается подняться. Но авангард не должен дожидаться тяжелого хвоста для того, чтобы вступить в бой. Работу пробуждения, под'ема и воспитания наиболее отсталых своих слоев рабочий класс совершит лишь после того, как станет у власти».

«Манифест II Конгресса Коммунистического Интернационала».

ДВЕ ПРОБЛЕМЫ.

I.

Наша стратегия.

Главная цель нашей международной стратегии в области политики заключается в следующем: во-первых, расстроить все попытки капиталистического мира вновь укрепить свое положение, способствуя всему, что ведет к его дезорганизации; во-вторых, организовать и вести к победе силы пролетарской революции.

Тенденции, ведущие к укреплению капиталистического мира, носят, по моему мнению, двоякий характер. Обычно имеют в виду только тенденции к восстановлению разрушенного. Но существуют также и тенденции к дальнейшему развитию капиталистического мира. Обе эти тенденции далеко не тождественны и даже не однородны. Первые представляют собой реакционные тенденции реорганизационного характера, последние носят капиталистически-прогрессивный характер.

Имеются-ли вообще капиталистически-прогрессивные тенденции?

Несомненно, таковые существуют. Мало того. Можно указать также на серьезные результаты этих тенденций. Таковым, прежде всего, оказался непосредственный результат капиталистической мировой войны. Я имею в виду не сущность Версальского мира, а самый факт победы Антанты, т. е. *англосаксонскую гегемонию* в системе мирового капитализма. Прежняя система равновесия империалистических великих держав уступила место гегемонии Англии и Соединенных Штатов. Правда, это—преходящая и непрочная гегемония, с грозными трещинами и плохо замаскированными противоречиями, с чрезмерно большой самостоятельностью наиболее могущественных вассалов, Франции и Японии, с назревающей опасностью новой войны между обоими властелинами и против великой пролетарской революции в России.

Таким образом, тут перед нами весьма несовершенная гегемония, но, во всяком случае, это—крупный шаг вперед от прежнего состояния политической «свободной конкуренции» великих держав к новой цели: к Imperium Mundi, с единой властью во главе.

Международная централизация политических сил обозначает, вместе с тем, международную централизацию экономических сил. Мировое господство английского флота и армии выражает непосредственно сферу влияния английского капитала. Наряду с этой международной централизацией политически-экономической силы капитала, произошла столь же глубокая централизация внутри *отдельных государств*. С одной стороны, мы наблюдаем здесь централизацию политического классового господства, которая непосредственно выражается в таких же формах, как и концентрация экономического господства. Другими словами, высшая бюрократия, правительственная власть, превратилась в суверенно-властного владыку во всех областях общественной жизни. С другой стороны—централизация экономического классового господства, которая непосредственно выражается также в концентрации политического господства. А это означает: могучий рост капиталистической монополизации, которая, вместе с тем, выражается в виде непосредственного решающего влияния господствующих групп финансового капитала на правительственную власть и высшую бюрократию.

Эту централизацию, в отличие от всемирно-капиталистической, можно назвать *государственно-капиталистической централизацией*. Третья тенденция обнаруживается в изменении состава господствующей бюрократии капиталистического мира: включение *желтой бюрократии профсоюзов и партийной бюрократии старого рабочего движения* в ряды господствующей капиталистической бюрократии. Верхние бюрократические слои рабочих организаций, принадлежащих ко II Интернационалу и к Амстердамскому об'единению профсоюзов, во всех капиталистических странах превратились теперь de facto, а отчасти даже de jure в чиновников капиталистического класса. Это—новый становой хребет в организме государственной и промышленной бюрократии святого Маммоны.

Эти тенденции дальнейшего развития классового господства капитализма идут далеко за пределы самых крайних тенденций, проявившихся до войны, в период господства финансового капитала. Империалистические стремления к разделу мира, к мировой конкуренции и ко всеобщему вооружению превратились уже в фактическое стремление к централизованному единодержавию над всем миром. Стремление финансового капитала к монополизации в отдельных отраслях производства направлено уже против самостоятельности каждой отрасли производства, а также каждого предприятия, против всякой свободной конкуренции и вообще против капиталистической частной собственности, в интересах единого централизованного господства, абсолютно

единой монополии. И, наконец, взаимная конкуренция капиталистических и рабочих бюрократов превратилась в общее стремление к брачному союзу во имя интересов Маммоны.

Правда, эти «маммонистические»,—я не могу подыскать лучшего названия,—тенденции проявляются довольно слабо и нерешительно при всяком конфликте с консервативными реставрационными тенденциями капитала. А результат, благодаря этому, получается всегда самый плачевный. Из победоносного окончания войны возникает самый наивный раздел добычи среди ловких версальских разбойников. Стремление к мировой империи капитала приводит к этому жалкому детищу — «Лиге Наций». Борьба государственной власти против свободной конкуренции ограничивается в большинстве случаев нерешительным регулированием цен или ввоза и вывоза там, где этого нельзя уже избежать. Стремление к национализации капиталистических предприятий привело, в лучшем случае, к некоторым полумерам в форме капиталистической системы промышленных советов, как это было, например, в Германии. В Англии же все ограничилось до сих пор лишь робкими попытками либералов реформировать свою *программу*. Самые скромные проекты реформ буржуазного прогресса, проекты «социализации» и «промышленной демократии», имеют обыкновенно еще меньше шансов на осуществление. Даже самые отважные апостолы маммонистического прогресса, герои II Интернационала, не решаются серьезно и открыто высказаться против капиталистической частной собственности. Наконец, формальное определение всех этих героев на службу капиталистического государства подвигается вперед очень туго. Даже бюрократы из рядов английской Рабочей партии, чающие «рабочего правительства», бойкотируются большинством буржуазии, как опасные« социалисты».

Тенденции к дальнейшему развитию капитализма, следовательно, слишком слабы, чтобы пробиться вперед среди теперешнего хаоса капиталистического мира. Быть может, исторически они были предопределены к тому,—это допущение можно принять,—чтобы проложить путь новой и последней эпохе капитализма. Предыдущая эпоха, эпоха финансового капитала и империализма, недостаточно подготовила условия существования последней эпохи капитала. Великий кризис — в виде капиталистической мировой войны—пришел слишком рано и носил слишком насильственный характер.

Кризис стал неизбежен, как только стало неизбежно повышение цен на жизненные припасы, вызвавшее повышение издержек производства (1900—1914), и как только, вследствие переполнения мирового рынка во всех конкурирующих главных странах, стало неизбежно значительное понижение нормы прибыли. Система относительного равновесия империалистических великих держав была возможна лишь до тех пор, пока Центральная и Западная Европа получали дешевый хлеб, благодаря американскому и русскому экспорту, и пока Европа могла экспортировать все возрастающую массу капитала и средств производства — без уменьшения прибылей. Основным условием существования развившегося капитализма было международное разделение труда между земледельческими и промышленными странами. На ускоренное индустриальное развитие России, на опасность прекращения вывоза пшеницы из Соединенных Штатов Америки и на трудности, сопряженные с расширением экспорта средств производства в различные колониальные страны,—на все это система финансового капитала реагировала весьма резко: об'явлением войны великими державами.

Для грядущей исторической эпохи буржуазного классового господства, для эпохи единого мирового треста не было еще жизнеспособных корней.

Экономическая и политическая централизация не развилась еще в достаточной мере как в интернациональном, так и в национальном масштабе, чтобы стала возможной экономико - политическая мировая монополия.

Правда, дальнейшее существование капитализма на прежних основаниях сделалось невозможным. Неизбежное падение нормы прибыли дошло в некоторых важнейших отраслях до последнего предела, за которым следует гибель капиталистического производства. Ибо капиталистическое распределение прибыли—пропорционально затраченному капиталу — стало невозможным. Это распределение создавало в тех отраслях, где органическое строение капитала было высоко (особенно в тяжелой индустрии), более высокие цены производства, нежели то соответствовало ценности товаров. Оно происходило за счет тех отраслей промышленности, где строение капитала было низко (особенно в земледельческой промышленности). Поддерживать далее такое соотношение не представлялось возможным. Благодаря индустриализации мирового хозяйства, некоторые важные земледельческие отрасли получили возможность присвоить себе большую долю капиталистической прибыли, нежели это следовало бы по основному закону капитала. Капиталистическая доходность стала совершенно невозможной в технически наиболее развитых отраслях. Дальнейшее техническое развитие приостановилось, отныне было возможно лишь падение общественных производительных сил внутри капиталистической оболочки. Пробил час капиталистической частной собственности.

Дальнейшее развитие промышленности требовало уничтожения основного капиталистического закона путем уничтожения частной собственности. Само по себе это

не обозначает еще непосредственного уничтожения классового господства. Напротив, не только пролетарское, но и буржуазное классовое господство могло бы еще сохранить**ся** некоторое время при национализации и «интернационализации» частной собственности и производства. Но это предполагает, конечно, существование мирового треста, который был бы в состоянии руководить распределением общественных производительных сил в соответствии с потребностями технического прогресса, независимо от реакционных тенденций закона капиталистической прибыли.

Но этот единственный путь для спасения капиталистического классового господства существовал только в абстракции, ибо исход этот не был исторически намечен прежним развитием,—в тот момент, когда вспыхнула война. Капиталистическая оболочка производительных сил общества содрогалась от грома пушек, но в ее недрах не было жизнеспособного зародыша мирового треста, — там зародился юный бог пролетарской диктатуры.

Поэтому в настоящее, переходное время — при последних предсмертных судорогах капитала — жизнеспособность нового наследника буржуазного классового господства проявляется так необычайно слабо. Он родился преждевременно, а к тому еще был искалечен в тесных окопах французских фронтов. Столкновение его жизненных тенденций с противоречащими им реставрационными судорогами старого капиталистического господства лишь усиливает хаос и ускоряет агонию лежащего на смертном одре капитала. Или, выражаясь проще, это столкновение действует теперь, *как постоянный источник дезорганизации капиталистического порядка.*

Этот источник мы должны использовать в своей международной стратегии, в целях ускорения процесса капиталистической дезорганизации. Необходимо натравить друг на друга буржуазные тенденции дальнейшего развития и реставрационные тенденции, т.-е. надо уметь сделать так, чтобы одни капиталисты высекли других капиталистов и их прислужников.

В каждой стране вытекающие отсюда стратегические задачи различны, в зависимости от исторически достигнутого уровня и исторически определившихся форм названных тенденций, а также в зависимости от их отношения к подобным же тенденциям в метрополиях англо-саксонской мировой гегемонии. Тенденции одной и той же категории имеют, таким образом, совершенно различное значение в Париже или в Берлине, в Лондоне или в Токио. Внимательное изучение этих политико-экономических созвездий, определение их удельного веса и их изменений представляет собой очень серьезную задачу. Поэтому, политическая стратегия Коммунистического Интернационала должна покоиться на систематической информации. Без такой информации директивы Коминтерна не могут быть в должной мере подробными, как это было бы желательно, или же они рискуют быть очень неточными.

* * *

В современном капиталистическом мире, наряду с вышеуказанными источниками дезорганизации, действуют еще другие общеизвестные источники той же дезорганизации. Важнейшими факторами здесь являются, с одной стороны, стремления к независимости угнетенных наций, с другой—«демократические» стремления мелко - буржуазных масс. Столкновение реставрационных попыток капитализма с этими различными, исполненными противоречий, противоположными тенденциями обрекает на полную неудачу все его попытки спасения. Но, в то же время, все это сильно затрудняет разрешение проблем нашей политической стратегии. Мы не можем останавливаться здесь более подробно на этих важных проблемах. Здесь невозможно также выяснить произведенные войной разрушения материальных основ капиталистического производства или осветить политическое значение этого явления. Еще лишь несколько слов о самом крупном источнике дезорганизации капиталистического мира: о силах *пролетарской революции.*

Рабочий капиталистического мира—несознательное большинство рабочих—стоит еще в нерешительности перед смертным одром капиталистического господства. Он прислушивается, гадая, действительно ли старая «госпожа» находится при смерти, и пробудится ли к жизни несчастный зародыш, последний «законный» наследник. Если оба они умрут, то останется он—крепостной рабочий — единственным наследником всего имущества. Если же они выживут, то он должен еще ждать...

Традиции многих поколений тяжелым бременем лежат на его плечах. Эта традиция знает лишь римское право эксплуататоров, право частной собственности и товарное производство. Перед лицом этого древнего наследственного права в его мозгу с большим трудом пробуждается мысль о его собственном историческом праве, праве на будущее производство. Этот процесс революционизирования сознания рабочих масс представляется нам часто чрезвычайно загадочным. Вчера еще рабочий был ярым противником коммунизма, сегодня он, быть может, уже внимательно прислушивается к нашим лозунгам. Ну, а завтра? Завтра этот же рабочий, несмотря на нашу коммунистическую пропаганду, поддавшись увещаниям социал-предателей, может выступить активным врагом коммунистов. Но еще один день, гляди: он обращает уже свое оружие против капиталистов и их приспешников. Как понять это? Как должны мы действовать, чтобы быть уверенными, что наше влияние на революционизирование рабочих масс идет, действительно вперед?

Процесс революционизирования сознания рабочих масс, в действительности, очень редко идет по прямой линии. Чаще всего мы наблюдаем в этом случае *диалектический* процесс. Историческая тенденция пролетарской революции вначале проникает в сознание рабочих слабо и робко, в виде небольшой коммунистической ячейки в «производственном совете» сознания рабочего. Это незначительное революционное меньшинство вначале сильно колеблется под влиянием столкновения различных буржуазных тенденций. Компактное большинство еще до сих пор, вероятно, образует там реакционное направление капиталистической реставрации или прогрессивное стремление государственного капитализма; значительное меньшинство образует, быть может, напр., буржуазный демократизм, который бессознательно стремится к дезорганизации капиталистического строя. Лишь в результате внутренней борьбы, под влиянием революционизирующих переживаний, сможет сознательная тенденция пролетарской революции завоевать нынешнюю позицию господствующего большинства в этом «производственном совете».

Наша задача заключается в том, чтобы поддержать в умах рабочих эту тенденцию в их собственной борьбе против всех буржуазных тенденций. Как при нашей пропаганде, так и в нашей организационной работе, во всех наших выступлениях мы обязаны выяснять, какие сочетания происходят в «производственных советах» рабочих умов, на которые мы можем оказать коммунистическое влияние. В противном случае, нам не избежать печальных ошибок: результат наших усилий может оказаться диаметрально противоположным тому, что мы наметили себе.

Это одинаково относится и к непосредственному тактическому ведению классовой борьбы на местах, и к высшему, интернациональному руководству путем политических директив. Естественно, что эти директивы должны покоиться на серьезной фактической основе. Для этого, по моему мнению, необходимо, прежде всего, возможно полнее и систематически осведомлять руководящие органы Коминтерна. Центральные комитеты партий и другие наиболее важные партийные органы и организации должны присылать в Коминтерн исчерпывающие доклады. В тесной связи с этим стоит дальнейшее развитие уже функционирующего при Коминтерне аппарата для действительного использования всевозможной информации и для систематической разработки поступающих материалов.

Ни одна из партий, примыкающих к Коммунистическому Интернационалу не станет подвергать сомнению сугубого значения *интернациональных* интересов в революционном рабочем движении. Принцип национальной независимости и самостоятельности каждой партии является для нас пережитком старины. Необходимая внутренняя самостоятельность каждой партии покоится на целесообразности разделения труда: для нас миновали безвозвратно прежние времена, когда над всемогуществом высшей инстанции собственной партии не было никакой земной власти.

Массы без руководителей могут произвести преходящие беспорядки; партизанские отряды могут на свой страх и риск беспокоить врага и наносить ему вред. Армия же, которая поставила себе целью завоевание стран и целых частей света, должна руководиться директивами высшего единого командования.

Да будет Коммунистический Интернационал могучим завоевателем!

II.

Наследственный грех.

В организации прежнего рабочего движения существовал дуализм того же рода, что и в организации капиталистического государства: дуализм между бюрократией и «народом».

В продолжение десятилетий в рабочих партиях и в главнейших профессиональных организациях различных стран развилась и выросла сильная, разветвленная бюрократия, сконцентрировавшая в своих руках все нити рабочего движения. Можно думать, что здесь обнаруживалась определенная тенденция капиталистического общества к новой, последней форме господства буржуазного класса, к бюрократически управляемому мировому государству, к мировому политико-экономическому тресту, без частного капитала, и что епископы II Интернационала были заранее предназначены к образованию иерархии этого нового католического мирового государства. Конечно, вопрос о том, существовала ли в мире эксплуататоров сознательная тенденция к новым формам развития,— в данном случае не имеет существенного значения. Великий кризис мира эксплуататоров, выразившийся в империалистической мировой войне, сделал эти тенденции совершенно безнадежными.

Но образование бюрократии в прежнем рабочем движении представляет собою явление, которое в настоящее время переживает свой полный расцвет, в определенных кругах.

В организациях подобного типа активной частью является только бюрократия. Фактически, она ведет все «предприятие». Ей противостоит масса пассивных членов. Последняя покрывает материальные и политические издержки аппарата тем, что регулярно платит взносы и участвует в периодических голосованиях; другого значения в организации она не имеет. Чем меньше она вмешивается в партийную или в профессиональную работу, тем лучше для традиционного хода аппарата. Итак, два совершенно отдельных слоя: верхний и нижний, с совершенно различными ролями в организации.

Само собой разумеется, что основная причина этого явления—влияние окружаю-

щей капиталистической среды. Капитализм обратил все общественные отношения в формальный обмен ценностями. Политика является при капитализме политическим «предприятием». Как буржуазными государствами, так и различными политическими партиями, она ведется по-коммерчески, посредством чиновничьего аппарата, звонкой монетой и политическими банкетами, т. е. полученными от обложений денежными средствами и купленными избирательными бюллютенями. Развивающееся рабочее движение также не могло противостоять этому влиянию.

Пока еще движение было очень молодо, все вопросы обычно обсуждались путем непосредственных переговоров между отдельными членами, а окончательные решения принимались на общих собраниях. Но с ростом числа членов и с ростом потребности собрать распыленные организации в единый союз или партию, появилась необходимость заменить частично прежнюю примитивную демократию выборным представительством и постоянными органами, выполняющими отдельные функции. Движение нуждалось в людях, которые в качестве выборных и сотрудников все свое время отдавали бы службе рабочему движению. Отсюда при капиталистических отношениях—возможность и опасность, что эти выборные и сотрудники оторвутся от массы остальных членов организации.

Работа представителей в парламентах, сотрудников больничных касс и профессионального движения, редакторов газет была такова, что они никогда или очень редко и на короткие сроки,—во время выборных кампаний, на собраниях,—соприкасались с массой членов организации. Как своей деятельностью, так и социальным положением, — они сильно отличались от большинства членов. Их отношения к этому большинству были чисто формальными: по формальному уполномочию организации, они выполняли свои функции независимо от воли избирателей, действуя так, как им казалось разумным и удобным, и время от времени появлялись мельком перед своими избирателями, для того, чтобы возобновить свои мандаты и, может быть, дать формальный отчет. Они стояли в таком же формальном отношении к своей организации, как директора акционерного общества к этому последнему или как правление потребительного общества к членам его. К тому же их положение было часто в материальном и социальном отношениях более выгодным, чем положение большинства членов и личные интересы часто отделяли их от остальных рабочих. Они обратились *в чиновничество* рабочего движения, в затверделый организм. Хорошо ли, плохо ли это чиновничество выполняло свои функции,—во всяком случае, оно являлось консервативным элементом, тормазом для развития революционного движения, так как в условиях революционного движения прочность положения этих чиновников может легко поколебаться, они рискуют потерять все, что им дорого и мило, даже свободу и драгоценную жизнь.

Было бы слишком просто рассматривать этот бюрократизм, как импорт из мелкобуржуазных кругов, пронесенный контрабандным путем интеллигентами, работающими в пролетарских организациях. Конечно, интеллигенты много способствовали развитию этого движения, но в атмосфере буржуазной легальности оно возникло бы и при сотрудниках из одних рабочих. Не раз случалось наблюдать в прежнем легальном рабочем движении, как рабочие, перешедшие прямо от станка к выполнению функций профессионального работника, депутата или журналиста и пр., быстро перерождались и усваивали без всякого труда все отрицательные черты бюрократических методов: грубый канцелярский формализм, слепой произвол и наглый эгоистический деспотизм.

Наивно, — хотя мы с этой наивностью часто встречаемся, — видеть бюрократизм только там, где он проявляется в самой отвратительной форме господства чиновников, как в Американской Федерации Труда или Германской Социал-Демократической партии. Это гораздо более распространенное зло. Отчужденность сотрудников, замена живого сотрудничества формальными правовыми отношениями и разделение организации на активных сотрудников и пассивные массы — наследственные грехи современного рабочего движения. Даже революционное рабочее движение, даже коммунистическая партия проявляют склонность поддаться заражающему влиянию окружающей буржуазной среды.

Мы не должны закрывать глаза на это зло. Мы должны стараться освободиться от него, прежде всего, на пути нашего организационного строительства.

Ведь, конечно, недостаточно для партии, бывшей до сих пор социал-демократической, переменить свое название, принять коммунистическую программу и 21 условие, установленные Коммунистическим Интернационалом. Недостаточно места социал-демократических сотрудников занять коммунистически мыслящими, в партийной прессе, на собраниях, в торжественных речах и резолюциях на месте социал - демократической фразеологии выступить коммунистической доктрине. Каждому из нас известно, что и под коммунистически позолоченным куполом могут уживаться в различных формах идолопоклонство оппортунизма и суеверие доктринерства, в новых, быть может, формах, и очень искренних, но тем более вносящих путаницу и тем более опасных для коммунистической деятельности, т. е. для руководства пролетарским революционным движением.

Коммунистическая программа может слишком легко оказаться еще до начала периода выступлений только изображением в зеркале. При условиях буржуазной легально-

сти «зеркальный» коммунизм является фактически самой серьезной опасностью заболевания для нашего движения: все внешние признаки могут при этом точно соответствовать, как в зеркале, настоящему коммунизму, но место левой части занимает правая, т. е. вместо коммунистического действия имеется только его изображение в зеркале. *Пассивное* отношение ответственных работников к действительному ускорению революционного движения встречается в легальных коммунистических партиях гораздо чаще, чем явно-оппортунистическая деятельность.

Само собой разумеется, что эта пассивность не проявляется в форме игнорирования всеми партийными обязанностями; она может очень легко совмещаться с самой ревностной деятельностью при выполнении различного рода текущих дел,—в партийных канцеляриях, в редакциях газет, в парламентских фракциях и пр.

Но эта деятельность — *непродуктивного* характера, бесплодная Сизифова работа. Она *может* легко оказаться бессознательным саботированием, так как силы, ею занятые, отвлекаются от деятельности другого рода, где они были бы чрезвычайно необходимы, как на тех же самых постах, так и в других областях.

Например, в отдельных странах может происходить весьма отрицательное чрезмерное расточение сил в области газетной работы. Партия обладает уже сравнительно большой прессой; но она стремится издавать все новые и новые газеты, хотя ни одна из уже существующих не удовлетворяет справедливым требованиям, которым должна отвечать коммунистическая газета.

Масса бумаги, чепухи, редакторов, долгов, абонентов и разносчиков производит впечатление, что сила коммунизма увеличивается; в действительности же, судно переобременено этой тяжестью и в корме колеса уже наполовину вышли из воды и рассекают пустой воздух.

Мы выражали обыкновенно основной характер нашей партийной организации формулой: демократический централизм. Идея очень правильна, но выражение ее недостаточно ясно и точно. Прежде всего, эта формула допускает слишком широкое толкование. Даже самый отвратительный бюрократизм (напр. в Американской Федерации Труда или даже в бонапартизме) характеризовался, как демократический централизм. Во-вторых, эта формула не выражает основного момента коммунистической организации; единая, органическая,—а не формальная,—связь между демократизмом и централизмом.

Вышеупомянутая формула выражает большей частью только требование, чтоб компартия в отличие от рабочей партии нереволюционного типа, была централизована при сохранении внутри партии демократизма, по скольку таковой не противоречит централизму. Это может быть понято только формально и поверхностно и потому совершенно неправильно. Эта опасность фактически угрожает при каждом переходе массовой партии из социал-демократической или «социалистической» формы в коммунистическую. Партия может ограничиться при своей реорганизации тем, что предоставит широкие полномочия своему руководящему органу, сохраняя в остальном большей частью старые порядки. Что из этого последует? В простейшем случае—ничего: централизация останется на бумаге, так как руководители партии, из слабости и нерешительности, во избежание внутренних конфликтов, ничего не сделают для того, чтобы использовать свои большие полномочия. Или, наоборот, руководители партии начнут решительно применять предоставленные им широкие права и в самый короткий срок окажутся в остром конфликте с целым рядом подчиненных организаций и партийных учреждений. Одной властной меры с их стороны, как перемещение партийного редактора с одного поста на другой или отмены постановления какой-либо местной организации, достаточно будет для того, чтобы вызвать бесконечные дрязги, иногда даже ряд нарушений партийной дисциплины и соответствующие наказания. Так как взаимоотношения между руководителями партии и членами остались по-прежнему формальными и отчужденными,—члены партии, не усвоив истинной сущности централизма, не понимают, что он вызывается самой сущностью работы, необходимостью единого руководства, а считают его лишь формально обоснованным сосредоточением власти в руках немногих. Поэтому каждое применение этой власти кажется им не мерой, вызываемой делом, а несправедливым вмешательством в их право демократического самоопределения, следовательно—злоупотреблением властью, насилием начальства над большинством членов.

Рабочий всю свою жизнь знал власть и гнет начальства. Несмотря на формальный договор между ним и покупателем его рабочей силы, вернее, именно вследствие этих формальных отношений, на фабрике всякая рабочая дисциплина и руководство, даже технически необходимое, казалось ему враждебным гнетом, деспотическим распоряжением его личностью. Он не в состоянии отличить общественно-необходимую функцию руководства процессом труда, необходимую для целесообразного производства, от капиталистической формы этой функции—гнета и эксплуатации, так как обыкновенно в капиталистическом обществе эта функция встречается лишь в указанной форме. Эти основные переживания, дополненные всем опытом политического гнета, делают то, что рабочий и в своей собственной организации относится отрицательно и недоверчиво к централизации власти. Итак, проведение руководителями своей воли путем приказов, основанных на формально-предоставленных им полномочиях, когда необходимость их не ясна рабочим,—кажется последним

бюрократическим гнетом, несправедливым применением власти немногих.

Конечно, в коммунистической партии централизация и строгая партийная дисциплина не противоречат интересам рабочих, а наоборот, необходимы для осуществления их революционных классовых интересов. Но рабочий не может живо почувствовать эту цель и необходимость до тех пор, пока его отношения к руководящему партийному органу остаются чисто формальными. Поэтому вопрос о целесообразной централизации функций представляется ему вопросом о централизации власти,

Члены партии хорошо знают, что все товарищи на ответственных постах прямо или косвенно выбраны ими; они ничего не могут возразить против данного способа выборов, не могут себе представить лучшего; за партийным с'ездом, постановившим ввести новый централизованный порядок, все признают право высшего, решающего голоса во всех партийных вопросах. Несмотря на это, введенный централизм кажется им на практике бюрократическим давлением, против которого возмущается как демократический институт пролетария, так и индивидуализм мелко-буржуазного интеллигента. За дрязгами последуют борьба и разложение. За борьбой могут последовать массовые выступления и исключения. Партия будет слабеть от этих внутренних трений, а бюрократизация верхушек только усиливается.

Оппозиция против бюрократизма в партии выступает также на почве вопроса о власти: как борьба против власти немногих за «равную власть» для всех членов, иначе говоря, за формальную демократию. Но борьба эта направлена не только против власти немногих, но также против функций немногих, иными словами, не только против формального централизма, но и против централизации в распределении работы. Этому нечего удивляться, так как партийные руководители не сумели провести централизацию таким образом, чтоб она не показалась простой автократизацией партии, оппозиция же бессознательно переходит все невидимые логические границы. Борясь с партийной бюрократией, она нападает и на необходимую централизацию партийных функций, на всякое руководство, на всякий твердый порядок и дисциплину.

Одним словом—оппозиция выступает как анархическая оппозиция.

Анархизм — противоположный бюрократизму полюс рабочего движения. Один вызывает всегда другой. Формальная демократия в организации не может побороть ни бюрократизма, ни анархизма, так как именно на ее основе они развиваются, как наследственный грех буржуазии. Поэтому организационный централизм, т. е. стремление к созданию твердого руководства, не может никогда достичь цели, если он строится только на основе формальной демократии. Правда, формалисты—централизаторы стремятся к уничтожению в партийной жизни анархии, к уничтожению необузданно бесплодного произвола. Но своими неправильными методами они достигают только обратного увеличения разногласия и анархии.

Бюрократизация руководящего органа коммунистической партии, легальной или нелегальной, еще не означает, что этот орган неспособен сделать попытку решительного революционного выступления. Конечно, он это способен сделать, но, так как дорога к сердцу революционного пролетариата для него закрыта, он не находит другого пути вне бланкистских заговоров и «путшизма». Когда же руководители коммунистической партии собственно еще не обюрократились, но в то же время лишены всякой органической связи с революционными пролетарскими массами, им особенно угрожает опасность увлечения этим дешевым, вредным метанием фейерверков, вместо серьезной, революционной работы.

Неспособность войти в органическую связь с массами приводит еще к другим извращениям революционного рабочего движения. Как прямая противоположность бюрократизму выступает доктринерское сектанство или доктринерский радикализм. В действительности же, при более внимательном рассмотрении оказывается, большей частью, что сектантство состоит в близком родстве с бюрократизмом, является его младшим братом. Как бюрократ, так и сектант могут успешно проявлять свои таланты, только изолируясь от мира греховных, несовершенных пролетариев. Бюрократ считает свой канцелярский приказ, а сектант — каждый догмат своей чистой веры настолько безупречным и священным, что по отношению к рабочим-революционерам, не постигшим еще полностью этой святости, они не знают другого «революционного метода», как изгнание в вечный ад. Но от этого выигрывает буржуазный ад, а не пролетарская революция.

О. В. КУУСИНЕН.

МОРСКОЙ ТРАНСПОРТ,

ЕГО ОРГАНИЗАЦИЯ, ЗАДАЧИ И ВОЗМОЖНОСТИ.

До начала европейской войны первое место в области морского транспорта занимала Англия, и в последнее время успешно с ней соперничала Германия. Окончание войны принесло с собой полное изменение в этом отношении. Мирный договор лишил Германию большей части ее флота, оставив ей, главным образом, лишь суда водоизмещением менее 1000 регистр. тонн; австро-венгерский же флот, водоизмещением в полтора миллиона тонн, был захвачен целиком и распределен между итальянцами и другими союзниками.

Потери, наносимые Англии подводной войной, не уравновешивались лихорадочной деятельностью британских верфей; так, мы видим, что тоннаж торгового флота Соединенного Королевства понизился с 18.892.000 тонн в июне 1914 г. до 18.111.000 тонн в июне 1920; потери равняются 781.000 тонн. Сюда включены многие германские пароходы и грузовики, захваченные после войны. С другой стороны, судостроение в Соединенных Штатах шло вперед гигантскими шагами; в течение 1916—20 г. тоннаж Соединенных Штатов возрос с 2.027.000 тонн в июне 1914 г. до 12.406.000 тонн в июне 1920 г., т. е. увеличился на 10.379.000 тонн. Морской департамент Соединенных Штатов надеется иметь 18.000.000 тонн судов, на которых будут развеваться «звезды и колосья» (из статьи устава Мейера в «New York Times Current History» за январь 1921 г.). Японцы тоже участвовали в морской войне, но, благодаря отдаленности от места военных действий, им удалось обойтись без больших потерь. Их верфи также были сильно заняты и их тоннаж возрос чудовищно; в последние дни войны им была предоставлена монополия—без всякой конкурренции—быть фрахтовщиком на Востоке. «Восходящее солнце»—флаг японской буржуазии — стал повседневным зрелищем, обычным явлением во всех значительных портах.

Мировой тоннаж за время 1914 по 1920 г. возрос с 49 миллионов тонн до 57 миллионов тонн в 1920 г. Соединенное Королевство обладало в 1914 г. 41,6% всех судов мира, в то время, как Соединенным Штатам принадлежало за тот же период времени менее чем 5% океанских пароходов. В 1920 г. соотношение меняется: в Соединенном Королевстве тоннаж падает до 34%, а в Соединенных Штатах возрастает приблизительно до 30%. Это равняется 1/5 всех океанских судов. Британская Империя вынудила германский торговый флот покинуть океаны во время войны, но ей пришлось к концу ее встретиться с более сильным и могущественным соперником, нежели в первые кровавые дни августа месяца 1914 г.

Морской департамент Соединенных Штатов.

Две самые крупные морские организации—это «The Chamber of Shipping» (Навигационная Палата) в Соединенном Королевстве и «Shipping Board» (Морской Департамент) Соединенных Штатов. Первое представляет собою трест больших пароходных компаний, заинтересованный не только в области перевозки товара и пассажиров, но и в области судостроения и ремонта судов, затем в вопросах нефти, стали, железа и угля, в кабельных обществах товарных складов, в чайных компаниях и других бесчисленных обществах всех уголков земного шара.

Морской департамент в Соединенных Штатах был учрежден Конгрессом (актом от 7 сентября 1916 г.). Он учрежден не только на время войны, но условия военного времени с'играли при этом известную роль. Со вступлением Америки в мировую войну в апреле 1917 г. необходимо было перевозить миллионы солдат с одной стороны Атлантического океана на другую, равно как продовольствие, оружие и снаряжение. Конгресс ассигновал 3.671.000.000 долларов на постройку 3.164 судов водоизмещением в 17.515.000 тонн брутто. Не прошло и 1½ года, как число американских судостроительных верфей возросло с 61 до 341, число рабочих на верфях с 75.000 до 350.000. В 1918 году на американских верфях было построено более чем 3.000.000 тонн брутто океанских судов, что на 25% превышало общее количество судов, строившихся во всех других странах, вместе взятых, за тот же период времени.

«Shipping Board» является ныне самой большой во всем мире организацией в области морского транспорта. Она в три раза крупнее Стального треста (Steel Cooperation) и в шесть раз богаче Пенсильванской жел. дор.

В настоящее время происходит интенсивная борьба между странами, принимающими активное участие в международном транспорте. Главная битва произойдет между «Shipping Board'ом» и «British Chamber of Shipping». Угольный экспорт Соединенных Штатов все увеличивается. В течение 1914 г. Соединенные Штаты вывезли в 22 государства около 940.000 тонн угля, а в течение 1920 г. экспорт возрос до

7.690.000 тонн и более, в том числе 27.000 тонн американского угля было вывезено в Соединенное Королевство.

Интересы американских пароходных и угольных обществ тесно связаны между собою; все растущий вывоз угля увеличит заработки американских пароходных компаний, которые смогут возить уголь вместо балласта (песку); английские же пароходства потеряют свою гегемонию в международной торговле углем. Английские суда вынуждены возить в трюмах балласт, причем их доходы равны нулю. В эту борьбу будут вовлечены и менее значительные государства.

Росту американского судостроения способствовали и другие факторы. Открытие Панамского канала сократило на миллионы миль пробеги судов, что явилось большим плюсом для Соединенных Штатов. Оно уменьшило на 50% расстояние между Чили, откуда вывозится селитра, и Северным побережьем Атлантического Океана. Оно сократило расстояние между Буэнос-Айресом и Сан-Франциско, между Новым Орлеаном и Иокагамой. Кильский канал также создал теперь новую торговую базу, перестав быть стратегическим пунктом германского капитализма и империализма. Нефтяное топливо дешевле угля. 65% всех построенных во время войны американских судов отапливается нефтью. К концу года это процентное отношение превысит 75%. Суда с нефтяными топками могут поднять больше груза, чем суда, пользующиеся углем, и требуют меньший командный состав в машинном отделении. Английские суда большею частью старой конструкции и большинство из них идет на угле. Пароходство Соединенных Штатов будет в этом отношении иметь сильное преимущество над английским. Англия тоже строит теперь пароходы, отапливаемые нефтью, снабжает многие суда нефтехранилищами и оставляет старые методы. Добыча нефтяного топлива в достаточном количестве является великой задачей как для американских, так и для английских капиталистов. Уже одно присутствие английских войск на Кавказе и в Месопотамии в прошлом году показало, как английское правительство печется о шансах английских капиталистов в предстоящей борьбе с Америкой.

Переход судов на нефть должен вызвать катастрофическую безработицу в угольной промышленности.

Английские судовые рабочие получают в настоящее время около $^2/_3$ того, что получают американские. Английский моряк работает 12 часов в день в то время, как американский только восемь. Английские судовладельцы, заметив попытки своих американских соперников уменьшить жалованье, чтобы сравняться с ними в этом направлении, тоже начали кампанию с целью уменьшения жалованья *своим* рабочим с 14 ф. ст. до 10 ф. в месяц. Все другие государства делают то же самое.

Со времени войны произошли крупные усовершенствования в способах погрузки и разгрузки. В сентябре 1920 г. пароход «Lewis Luckenbach» погрузил в Балтиморе 12.516 тонн угля, подвезенных в 273 железно-дорожных вагонах в 6 час. 15 мин.

Вот пример уменьшения штата, потребного для снаряжения парохода: в прошлом году в гавань Христиании вошел очень большой пароход «Африка». Команда его бастовала. Ее отправили обратно в Данию. Пароход был об'явлен рабочими Христиании под бойкотом. И вот старшие служащие и инженеры не прибегая к помощи хотя бы единого машиниста, смазчика или матроса, привели его из Норвегии в Лиссабон. Восемь человек вели пароход, который потребовал бы, если б шел на угле, минимум 40. Мы видим, таким образом, что настанет день, когда самые большие суда превратятся почти в автоматы.

У Соединенных Штатов было очень мало опыта в области перевозки пассажиров. Американских пассажирских пароходов, плавающих в Великом Океане, можно сосчитать по пальцам. Всего два парохода поддерживают движение между Нью-Йорком и западным побережьем, и один пароход совершает путь между побережьем Атлантического Океана и городами, лежащими на реке Ла-Плате. Между Австралией и Сан-Франциско только три американских пассажирских парохода, в то время, как у одной только Новой Зеландии пять, занятых регулярной перевозкой пассажиров. Но союз с Гамбургско-Американской линией будет содействовать широкому опыту американцев по перевозке пассажиров.

Война кончилась в ноябре 1918 г., но целых полтора года океанские линии были заняты. Надо было возвращать на родину в Соединенные Штаты, в Англию и ее владения миллионы солдат, а также перевозить продовольствие для голодающей Европы. Союзы моряков воспользовались своим положением и потребовали более высокого вознаграждения и лучших условий. Судовладельцы наживались невероятным образом и легко уступали.

В середине 1920 г. началось падение фрахтов. Фрахт на уголь из американских портов понизился очень быстро. Фрахты из портов Атлантического Океана до гаваней Франции упали с 25 фун. в ноябре 1919 г. до 13 фун. — в октябре 1920 г. От этих же портов до Роттердама—с 23 ф. до 9 ф.; одновременно фрахт до итальянских портов был понижен с 27 ф. до 14 ф. К концу 1920 г. миллионы пудов груза лежали свободными. В таких отдаленных портах как Веллингтон (Wellington, Новая Зеландия) образовались залежи заокеанской клади не менее чем в 200.000 тонн. Однако, во всех гаванях Соединенных Штатов множество пароходов стояло без дела; команда была распущена и питалась из походных кухонь на улицах больших портов. Люди, не страшившиеся подводной войны, тысячу раз рисковавшие жизнью

ради эксплуататоров, спали теперь на скамейках в парках. Правящим классам нет об этом заботы—для этого есть полицейские. Тюремные камеры полны этими людьми.

Морской транспорт является в настоящее время уязвимой точкой в броне капиталистического класса. Это—тот стратегический пункт, на котором передовые рабочие должны организоваться для того, чтобы приступить к переустройству мира на коммунистических основах. При огромном недовольстве среди рабочих всех портов и всех судов, нетрудно создать новую форму промышленной организации, члены которой с энтузиазмом и с самопожертвованием пойдут навстречу Мировой Коммунистической Республике. Хорошие в смысле заработка, времена прошли навеки.

Капиталисты—хозяева Океанского Транспорта—сильно укрепили свое могущество и влияние за последние 10 лет. Преследуя свои хозяйские интересы, они душат экономически отсталые страны Востока и Южной Америки. А влияние и престиж организации портовых и судовых рабочих пали. Со дня об'явления войны с трудом было создано лишь одно передовое движение в кругах морского союза. Желтая Международная Федерация Моряков не привлекла к себе никого. Это — организация на бумаге, она принадлежит хозяевам и их институту—Лиге Наций. Портовые рабочие примкнули к Международной Федерации Транспортных рабочих. Оба этих учреждения являются частью Амстердамской Федерации Профсоюзов.

По мере того, как будет надвигаться великая война между судовладельцами различных стран, положение рабочих станет еще более плачевным, нежели даже теперь, в эти черные дни безработицы и нужды. Эту войну выиграют те корпорации, которые смогут с пользой для себя расходовать наибольшее количество рабочей силы. Вследствие перехода на нефть будет расчитано огромное количество людей. Автоматическая разгрузка и краны сокращают необходимость в докерах и грузчиках угля. Для кораблей с дизелями не нужны ни паровые котлы, ни котельщики, ни рабочие по ремонту котлов. Существующие союзы и их федерации не имеют ни малейшего понятия о том, как справиться с этими глубокими переменами в промышленности. Единственное, что они предлагают своим членам, это—требовать для безработных их долю у соответствующих правлений. Эти федерации поощряют международную нищету и не могут указать ни на одно дело, в котором их поступки оправдали бы их претензии. Если и бывали случаи солидарных действий, то это являлось делом рядовых членов, бравших в свои руки разрешение того или другого насущного вопроса. Не предпринималось никаких попыток, чтобы выработать условия вознаграждения для судов, находящихся в чужих странах, и ничего не было предпринято для выработки в заграничных портах устава или положения для иностранных судов. Выступление «Веселого Джорджа», например, было единственным проблеском, результатом воодушевления рабочих, которые взялись за это по собственному почину, не взирая на Федерацию.

В Англии недавно был случай, когда моряки и докеры Бристольского канала боролись друг с другом, хотя принадлежали к одной и той же Федерации Транспортных Рабочих. Мы видели во время прошлогодней забастовки судовых рабочих в Дании, что датские корабли обрабатывались в заграничных портах организациями Международной Федерации Моряков и Международной Транспортной Федерацией. Эти международные «общества пирующих», — назовем их так по заслугам, — тратят на банкеты деньги, собранные с их голодающих и безработных членов. Они являются скандалом в рабочем движении, и долг Временного Совета Красных Профсоюзов — бороться с ними и с их неспособностью до самого конца. Тут не может быть никаких компромиссов. Мы должны бороться не с одним осторожничаньем этих организаций, а с полнейшим отсутствием в них социального элемента, с их полнейшей бесполезностью в революционные дни.

Они насаждают национализм. У их вождей нет идеалов выше бокала шампанского и хорошо откормленной индейки. Когда мы читаем о банкете с меню в девять блюд, устроенном Амстердамским Интернационалом в Хольборнском ресторане в Лондоне и об обеде, данном мистером Хевлок Вилльсоном (Havelock Wilson), членом парламента и «Национального Союза Великобританских Моряков и Кочегаров», командором ордена Британской Империи, когда читаем о приглашениях, разосланных мистером Дамм, секретарем Международной Федерации Моряков или об обеде, на котором присутствовали светила международной плутократии и мистер Кэсберт Лаус, эсквайр, секретарь Федерации Судовладельцев, мы знаем, что для таких организаций нет места в пролетарском движении.

Собирание статистических сведений о тоннаже, о таможенных свидетельствах, о корабельных милях—все это является теперь для рабочих настоятельной потребностью, так как капитализм становится бездеятельным. Это доказывают огромные армии безработных в каждой стране.

Вопрос о морском транспорте является проблемой, совершенно непохожей на проблемы других отраслей промышленности. Море—это цель, к которой стремятся все нации. Люди, работающие на море, являются наиболее космополитической разновидностью рабочего класса. Национальные организации и желтый федерализм не могут помочь этим людям. Иногда на одном и том же корабле имеется десяток разных должностей, распределяемых между пятью организациями: матросов, кочегаров, механиков, штурманов, радио-телегра-

фистов, поваров и стюардов. На ином корабле можно найти от шести до четырнадцати национальностей. В портах часто пользуются иностранными рабочими для переноски угля. Они являются в таких случаях членами международного союза на одном и том же корабле. Желтый федерализм не об'единяет этих рабочих. Им необходимо состоять в *одной* организации. Эта организация должна быть центральным механизмом, облеченным широкой властью на случай международных кризисов, бойкотов и на случай принятия мер для избежания войн. Она должна быть более чем обычным союзом, должна быть воспитательным учреждением. Она должна стремиться захватить власть и создать *новый контроль* на океанских путях.

Она должна стать сильнее Американского Морского Управления (American Shipping Board) и создать свою силу из дезорганизованных и панически настроенных элементов, образующих ныне основу желтых федераций.

Создание такой организации возможно в настоящий момент. Умы судовых рабочих могут ее воспринять. На каждом шагу вы слышите, как люди говорят о необходимости международного союза для всей промышленности. Я хорошо знаком с этими людьми, с их идеями, с их надеждами. Они уж не в таком восхищении от существующих союзов, как это предполагают некоторые вожди коммунистов. Их промышленность и их образ жизни, кочевой характер их работы, множество посещаемых ими стран, все это придает особую окраску их требованиям. А флирт с дискредитированной и безнадежной Лигой Наций является лишь пустой тратой драгоценного времени. Наступил час для создания воинственного Морского Интернационала на революционной основе. Это — единственная организация, которая сулит судовым рабочим надежду на лучшее будущее. Они устали от похоронных погребальных обществ, существующих под фирмой «союзов» и «федераций».

Главное противодействие прогрессу исходит, конечно, из Великобритании. Великобритания владеет в настоящий момент 34% мирового судоходства. Ее союзы моряков являются господами положения. Национальный союз моряков и кочегаров в Великобритании является чуть ли не самым большим из существующих национальных союзов. Он самый реакционный в мире и построен так, что нет никакой возможности изменить его работой изнутри. Рядовые члены его не имеют ни власти, ни прав. По крайней мере, сорок процентов всех членов всегда находятся в открытом море. Этот, так называемый «союз» держит в своих руках не только британских судовых рабочих, но и всех рабочих европейского континента. Вся без исключения транспортная промышленность ненавидит Вильсона, его союз, и пресловутую Международную Федерацию Моряков, коей он является председателем и диктатором. Он заставил конгрессы в Генуе, Лондоне и Брюсселе служить выгодам судовладельцев. По своем возвращении из Генуи он держал речь перед французскими моряками в Марсельском порту и обещал им всякого рода чудеса в будущем. Но ни одно из них не свершилось. И их не будет, пока он, его союз и его федерация будут нам мешать.

Хозяевам предоставлена теперь возможность извлекать все выгоды из современного экономического кризиса. Существующий союз не может воспрепятствовать им. Вильсон предоставил Судовой федерации все козыри. Но в настоящее время в Великобритании с каждым днем растет революционное движение. В каждом порту имеется какая-либо часть, находящаяся в открытом конфликте с седовласым изменником. Морские союзы Дании, Швеции, Италии, Норвегии, Германии, Бельгии, Франции и Голландии будут приветствовать тот день, когда исчезнет со сцены мошенническая автократия. Этот тип организации пора разрушить. Нет смысла починять его. Жизнь слишком коротка, чтобы врачевать ее, отрезывая мертвый сук от гнилой ветви. Если у нас нет достаточно энергии, знаний и искренности, чтобы правильно поставить дело, нам остается только расписаться в собственном банкротстве.

Основанием для организации на самом корабле должен служить судовый комитет. Он должен быть представителем трех отделений: палубы, механиков и стюардов. Каждое отделение должно иметь своих собственных делегатов; они, в свою очередь, должны назначать судового делегата, который в каждом порту будет представителем от рабочих корабля, будет давать отчет Береговому Управлению о распорядках на корабле и о состоянии экипажа. Желательно на этот пост коммуниста.

С возникновения Морского Интернационала начнется открытая война против остатков Федерации Моряков и мелких автономных союзов.

В каждом порту будут открыты бюро, причем нужно стараться соединить в две секции организацию портовых и судовых рабочих. Каждое судно, плавающее под вымпелом Морского Интернационала, будет иметь один и тот же устав в любом порту, независимо от своего флага или национальности экипажа. Должно стремиться установить, как правило, что ни одно судно не может быть нагружено или разгружено, снабжено углем или вычищено, пока делегат экипажа не донесет, что судно в порядке.

Необходимо, чтобы делегаты от организаций, примкнувших к Морскому Интернационалу, посещали рабочих на верфях и внушали им, что они строят корабли не только для перевозки пассажиров и грузов, а также и для экипажа, который будет жить на них. Такими разговорами можно было бы повлиять на рабочих, чтобы они потребовали у судостроительных компаний устройства хоро-

ших жилых помещений с отдельными каютами, столовыми, гостиными, а также ваннами с горячей и холодной водой. За последний год я посещал крупные верфи в окрестностях Глазго и, как старый матрос, беседовал с ними по этим весьма важным вопросам. До сих пор они не думали о своей работе с этой точки зрения; их очень заинтересовала перспектива, что рабочие откажутся строить суда, где не будут предусмотрены соответствующие удобства для экипажа. Пропаганда такого рода научает рабочих мыслить коллективно, дает им ту *классовую* сознательность, без которой возможны мелкие бунты, но немыслима настоящая революция.

Морской Интернационал находится теперь в стадии созидания.

Старые формы организаций рушатся, так как не могут устоять в борьбе. Это особенно заметно теперь в Англии. Докеры и судовые рабочие Ливерпуля, Глазго, Гулля, и Лондона находятся в открытом конфликте со своими союзами. Хевлок Вильсон приносит извинения по поводу своего отсутствия на митингах, ссылается на болезнь, но он достаточно здоров для того, чтобы пировать с судохозяевами на их годичном обеде Федерации Судовладельцев. Лидером Союза докеров является Бен Тиллет, член парламента.

Этот джентльмэн, похожий скорее на отставного актера, чем на человека, в руках которого сосредоточены интересы докеров, является посетителем Букингемского дворца и, повидимому, одним из знакомцев второго разряда английской королевской семьи. Нужно нечто большее, чем красная одежда для того, чтобы этот джентльмэн разжился на рабочем классе; имея состояние, великолепный дом и прекрасное платье, он массирует свою обрюзгшую физиономию, чтобы привести себя в надлежащий вид после дорогих выпивок. Хевлок Вильсон получает в год 1.400 фунтов или 27 фунтов в неделю, к этому прибавьте всякие приношения ловких политиканов.

Морской Интернационал стремится взять на себя контроль над морями. Он понимает всю грандиозность задачи, но это не удерживает его. Он учитывает силу противной стороны, хорошо знает немощь и безнадежность существующих организаций. Но он ясно видит тот путь, который нужно пройти. Он знает рабочих, их потребности, их образ мысли и их психологию. Они думают не о высоких материях, а об условиях жизни на корабле, о часах работы, о жаловании, о под'емном вороте, о пристанях, о канатах, о мачтах, о фонарях, лопатах, насосах, машинах, телескопах, о трюме, грузе, угле, нефти, секстантах, портах и других вещах, с которыми им приходится сталкиваться. Возможно, что среди сотни судовых рабочих ни один не слыхал о Карле Марксе, но это не изменяет того факта, что они представляют восхитительный материал с революционной точки зрения. Они знают свою профессию, знают ее хорошо. Кто на суше знает их работу и их жизнь? Кто на суше умеет говорить на столь многих языках, как наш брат моряк? Судовые рабочие самых различных национальностей понимают друг друга. Без моряков не может существовать никакое международное рабочее движение, никакая федерация коммунистических республик. И основываясь на своем долголетнем опыте, приобретенном в заграничных портах, я могу сказать, что моряки и портовые рабочие достаточно для этого созрели.

Морские рабочие не витают мыслью в высотах политики, не увлекаются лозунгами, но они чувствуют, что могут выйти из проклятого положения, в котором находятся, лишь одним путем, а именно: захватив в свои руки контроль над судоходством. Дайте только Морскому Интернационалу срок для создания *единой* организации докеров и моряков в каждом порту и на каждом корабле всего мира — куда денется тогда высшая власть капитализма! Организация, которая не стоит за передачу всей власти в руки рабочих, совершенно бесполезна в наши дни. Мы нуждаемся в воинствующем меньшинстве. В Германии, Аргентине, Италии, Голландии, Финляндии, Австрии и России мы будем иметь официальные организации. Мы можем рассчитывать на большой успех среди существующих союзов в Скандинавии, Бельгии, Греции, Франции, Испании. Мы привлечем к себе борющееся меньшинство из Великобритании, Северной Америки, Бразилии и Перу. С нами будут докеры Аргентины, Чили и некоторых портов Северной Америки, Австралии, Новой Зеландии и большинства портов Европы.

Мы знаем цену тому делу, за которое боремся. Мы предвидим его неизбежную силу и учитываем его слабости. Мы знаем, что время на нашей стороне. Мы знаем, что мир должен перейти в наши руки. Мы не в состоянии ждать, пока свалится фундамент капитализма.

Морской Интернационал является настоятельной потребностью данного времени. В Петрограде, в августе с/г. состоится первый с'езд революционных морских сил для того, чтобы создать эту столь жизненную и необходимую организацию. Совет Красных Профсоюзов и III Коммунистический Интернационал найдут в Морском Интернационале решительного и полного надежд товарища в деле разрушения капитализма и свержения желтых союзов Амстердама.

Том БАРКЕР.

Делегат рабочих морского транспорта Буэнос-Айреса и Нью-Йорка, Федерации портовых рабочих Аргентины.

Москва, 26 апреля 1921 г.

О ПОЛИТИКЕ К. А. Р. D.

РЕЧЬ, ПРОИЗНЕСЕННАЯ НА ЗАСЕДАНИИ ИСПОЛКОМА КОМИНТЕРНА 24 НОЯБРЯ 1920 г.

Программной речи, как сказал тов. Зиновьев, я не могу, произнести экспромтом—мне придется ограничиться критическими замечаниями на ту программную речь, которую тов. Гортер произнес здесь в виде назидания Коммунистическому Интернационалу. Начну с нескольких предварительных замечаний. Тов. Гортер не просто формулировал свою особую тенденцию,—он обличал и просвещал нас, пасынков Восточной Европы, якобы, от имени Западной Европы. Я, к сожалению, не видал мандата тов. Гортера и не знаю точно, действительно ли он послан Западной Европой, чтобы прочесть нам свою назидательную лекцию. Но насколько я могу судить, речь тов. Гортера является не чем иным, как повторением той критики, тех обличений и тех формулировок, которые делались им не раз в противовес программным и тактическим основам III Интернационала, которые, как известно, формулируются нами — восточными социалистами — не изолированно, а совместно с нашими многочисленными и все растущими западноевропейскими друзьями и единомышленниками. С другой стороны, мы не можем не помнить, что т. Гортер говорит от имени очень небольшой и мало влиятельной группы в рабочем движении Западной Европы. Вот что, во избежание недоразумений, должно быть установлено прежде всего.

Если бы я захотел уподобиться тов. Гортеру и производить оценку революционно-политических взглядов по культурно-национальным границам, то я сказал бы прежде всего, что тов. Гортер рассуждает не то, чтобы очень по западно-европейски, а скорее... по-голландски. Он выступает не от имени Франции, Германии, Англии с их богатым опытом пролетарской борьбы, а прежде всего от имени части небольшой голландской партии, у которой есть свои заслуги, но которая лишена была до сих пор возможности действовать во главе широких масс, в качестве руководящей революционной силы. Это—скорее пропагандистская группа, чем боевая партия. В этой группе имеются работники, которых мы очень высоко ценим, но они мало повинны в том грехе, в котором тов. Гортер с таким высокомерием обвинял тов. Зиновьева (в связи с его выступлением на партейтаге в Галле)—в «погоне за массами». Партия, которая в течение нескольких десятилетий приобрела 2000 сторонников, действительно не может быть обвинена в погоне за массами, по крайней мере в успешной погоне. Но оказывается, по словам самого тов. Гортера, что среди тех 2000 голландских коммунистов, которых воспитывал и вместе с которыми воспитывался тов. Гортер, не оказалось единства в оценке основных событий: во время войны одна часть обвиняла другую в поддержке Антанты. Голландия прекрасная страна, но пока она еще не арена тех могучих революционных боев, для которых и на почве которых формируется мысль Коммунистического Интернационала.

Тов. Гортер обвинял нас в том, что мы слишком русские. Конечно, никому не дано перепрыгнуть через себя. Но мы, все же, думаем, что он слишком географически подходит к вопросу и политически слишком сближается при этом с оппортунистами и желтыми социалистами, когда говорит нам: «если бы китайцы захотели предписывать вам, русским, методы и формы борьбы, вы, вероятно, сказали бы им, что их предложения звучат слишком по-китайски и не могут иметь для вас обязательной силы». Здесь тов. Гортер впадает в чрезвычайную национальную ограниченность—только с другого конца. С нашей точки зрения, мировое хозяйство есть некоторое органическое целое, на почве которого развивается мировая революция пролетариата, и Коммунистический Интернационал ориентируется по всему мировому хозяйственному комплексу, анализируя его научными методами марксизма и пользуясь всем опытом прошлой борьбы. Это, разумеется, не исключает, а предполагает особенности развития отдельных стран, особенности отдельных моментов и пр. Но эти особенности, чтобы их правильно оценить, надо рассматривать в международной связи. Тов. Гортер этого не делает, и отсюда его жестокие ошибки.

Так, когда он утверждает, что пролетариат в Англии стоит одиноко, тогда как в России он ведет за собой крестьянские массы, то в таком голом виде это обобщение односторонне и потому неправильно. Английский пролетариат далеко не так изолирован, ведь Англия — мировое государство. Великобританская промышленность и положение английского капитала всецело зависят от колоний, а, следовательно, и борьба английского пролетариата зависит от борьбы колониальных народных масс. Задача английского пролетариата в его борьбе против английского капитала требует ориентировки

также и по линии интересов и настроений индусского крестьянства. Английские пролетарии не смогут победить окончательно, пока не восстанет народ в Индостане, и пока английский пролетариат не даст этому восстанию цель и программу; а в Индостане нельзя победить без помощи и руководства английского пролетариата. Вот вам революционное сотрудничество пролетариата и крестьянства в пределах Великобританской империи.

Мы, русские, находимся—как в социальном, так и в географическом отношении—на грани между странами, у которых есть колонии, и странами, которые сами представляют колонии. Мы являлись колонией в том смысле, что самые большие фабрики Петрограда, Москвы и Юга мы получали готовыми из рук европейского и американского финансового капитала, который увозил к себе прибыль. Тот факт, что русский промышленный капиталист являлся только третьестепенным агентом мирового финансового капитала, сразу придавал борьбе русского пролетариата интернациональный революционный характер. Русские рабочие видели перед собой, с одной стороны, об'единенный денежный капитал России, Франции, Бельгии и пр., а с другой,—отсталые крестьянские массы, опутанные полукрепостническими земельными отношениями. Мы имели, таким образом, у себя одновременно и Лондон и Индию. Это, при всей нашей отсталости, сблизило нас с европейскими и мировыми задачами в их наиболее развернутом историческом виде.

К нашему пониманию вопросов революционной борьбы мы пришли, однако, не на одной лишь нашей национальной почве. Ведь, почти с первых наших шагов мы получили в руки учение Маркса, насыщенное всем опытом последних десятилетий мировой пролетарской борьбы, и условия нашей собственной борьбы мы анализировали при помощи марксистского метода. Для того, чтобы хоть отчасти снять ответственность за нашу русскую закоснелость, я позволю себе напомнить, что многие из нас были в течение ряда лет участниками западно-европейского рабочего движения. Большинство из вождей Российской Коммунистической партии жило и боролось в Германии, Австрии, Франции, Англии, Америке, работая там рука об руку с лучшими пролетарскими борцами. Разобраться в наших русских условиях и связать их с ходом мировой революции помогла нам не какая-либо самобытная русская теория, а теория марксизма и — тот факт, что целым поколениям русских революционных борцов приходилось проходить через западно-европейскую революционную школу. К этому я позволю себе только прибавить, что когда Маркс и Энгельс формулировали, «Манифест Коммунистической партии», они также принадлежали к самой отсталой в промышленном отношении стране Европы Но (вооруженные ими же созданным методом), они опирались для оценки немецких условий на анализ опыта французских революций и английского капитализма.

Повторяю еще раз, когда тов. Гортер говорит, что в отличие от России пролетариат на Западе будет стоять совершенно обособленно, он задевает этим несомненное различие в положении русского и западно-европейского крестьянства. Но вместе с тем он проходит мимо другого не менее, а более важного факта, именно—международного характера самой революции и мировых связей. Он подходит к делу с островной английской точки зрения, забывая об Азии и об Африке, упуская связь пролетарской революции Запада с национально-аграрными революциями Востока. В этом ахиллесова пята тов. Гортера.

В вопросе о профессионально-производственных союзах его позиция крайне сбивчива. Иногда кажется, что вопрос идет у него лишь об изменении форм организации. Но на самом деле он гораздо глубже. Из всей речи тов. Гортера сквозит страх перед массою. По существу своих воззрений, он пессимист. Он не верит в пролетарскую революцию. Недаром он с таким высокомерием говорил о погоне III Интернационала за массами. О социальной революции тов. Гортер говорит, как солист, как лирик, но к материальной основе революции—к рабочему классу—он не питает доверия. Его точка зрения индивидуалистична и аристократична в высшей степени. А с революционным аристократизмом неизбежно связан пессимизм. Тов. Гортер говорит, что мы, люди Востока, не знаем, до какой степени «обуржуазился» рабочий класс, и что поэтому чем больше масс мы захватываем, тем это опаснее. Вот подлинный лейт-мотив его речи: он не верит в революционность рабочего класса. Он не видит толщи пролетариата сквозь кору его привилегированной бюрократизированной верхушки.

Что же предполагает тов. Гортер? Чего он хочет? Пропаганды! В сущности, в этом весь его метод. Революция, говорит тов. Гортер, зависит не от нужды, не от экономических условий, а от сознания масс; сознание же масс формируется пропагандой. Здесь пропаганда понимается в совершенно идеалистическом духе, близком к пониманию просветителей-рационалистов XVIII столетия. Если революция зависит не от условий жизни масс или не столько от этих условий, сколько от пропаганды, то почему же вы не сделали ее в Голландии? Теперь вы хотите по существу заменить действенное развитие Интернационала методами пропагандистской вербовки отдельных рабочих. Вы хотите иметь какой-то чистый Интернационал избранных, но именно ваш голландский опыт должен вам подсказать, что при таком подходе к делу в наиболее избранной организации вскрываются острые разногласия.

Вследствие своей идеалистической точки зрения тов. Гортер попадает из одного противоречия в другое. Он начал с пропаганды, как

с всеоб'емлющего средства воспитания масс, а затем пришел к утверждению, что революция совершается «делами, а не словами». Это ему нужно для борьбы с парламентаризмом. Не лишено поучительности, что тов. Гортеру пришлось произнести полуторачасовую речь для доказательства того, что революции совершаются не речами, а действиями. Раньше мы слышали от него, что для действия массы могут быть подготовлены пропагандой, т. е. опять таки речами. Но суть в том, что тов. Гортер хочет иметь избранную группу агитаторов, пропагандистов, писателей, которая не оскверняет себя вульгарными действиями, в роде парламентских выборов или участием в жизни профессиональных союзов, а путем безукоризненных речей и статей «воспитывает» массы до тех пор, пока они окажутся способными совершить коммунистическую революцию. Повторяю, это представление насквозь пропитано индивидуализмом.

Безусловно неверно и в корне антиреволюционно утверждение тов. Гортера, что западно-европейский рабочий класс в целом обуржуазился. Если бы было так, это было бы равносильно смертельному приговору для всех наших ожиданий и надежд. Бороться с могуществом капитала, которому удалось обуржуазить пролетариат, при помощи пропаганды некоторых избранных,—безнадежная утопия. На самом деле обуржуазилась лишь верхушка, хотя бы и довольно многочисленная, рабочего класса.

Возьмем профессиональные союзы. До войны они об'единяли 2—3 милл. в Германии и в Англии, около 300,000 во Франции и т. д. Теперь они охватывают около 8-9 миллионов в Германии и Англии, во Франции свыше 2 милл. и т. д. Как же мы можем пытаться воздействовать на массу помимо этих могущественных организаций, в которые благодаря потрясениям войны вовлечены новые миллионы? Тов. Гортер указывает, что за пределами союзов осталось гораздо больше рабочих, чем внутри них. В общем это совершенно верно. Но каким путем тов. Гортер надеется добраться до этих наиболее отсталых слоев, которые, даже под влиянием величайших потрясений войны, не примкнули к организованной экономической борьбе рабочего класса? Или он думает, что в союзы слились только обуржуазенные пролетарии, чистые же остались за порогом союзов? Это наивно. Кроме сотен тысяч привилегированных и развращенных рабочих, в союзы вошли миллионы наиболее боевых и сознательных элементов, мимо которых мы не найдем дороги к более отсталым, угнетенным и темным слоям пролетариата. Создание в профессиональных союзах коммунистических ячеек означает внедрение нашей партии в наиболее активную, наиболее сознательную и потому наиболее доступную нам часть рабочего класса. Кто этого не понимает, кто за корой рабочей бюрократии и привилегированного слоя не видит в профессиональных союзах пролетарской массы, кто хочет действовать в обход союзов, тому грозит опасность остаться проповедником в пустыне.

Тов. Гортер рассматривает профессиональные союзы и парламентаризм, как внеисторические категории, как раз навсегда данные величины. И так как социал-демократическое использование профессиональных союзов и парламентаризма не привело к революции, то тов. Гортер предлагает повернуться спиной к профессиональным союзам и парламентаризму, не замечая, что этим он поворачивается в данный момент спиною к рабочему классу.

На самом деле, социал-демократия, с которой мы порвали в лице II Интернационала, была известной эпохой в развитии рабочего класса, это была эпоха не революции, а реформации. Будущий историк, сравнивая ход развития буржуазии и пролетариата, скажет, что и рабочий класс имел свою пролетарскую реформацию.

В чем было существо этой последней? Пробудившаяся к самостоятельному историческому действию, буржуазия не ставила себе с самого начала задачу завоевания власти, а пыталась в рамках феодального общества обеспечить за собой более удобные, более приспособленные к ее потребностям условия существования. Она расширяла для себя рамки феодального государства, видоизменяла его, превращала его в бюрократическую монархию. Она перелицовывала религию, индивидуализируя ее, т.-е. приспособляя к буржуазному складу. В таких тенденциях выражалась относительная историческая слабость буржуазии. Обеспечив за собой эти позиции, буржуазия перешла к борьбе за власть. Социал-демократия оказалась неспособной претворить марксизм в социально-революционное действие. Роль социал-демократии свелась к использованию буржуазного общества и государства в интересах рабочих масс. Цель завоевания власти хотя формально и была поставлена, но практического влияния почти не оказывала. Работа состояла не в революционном использовании парламентаризма, а в приспособлении рабочего класса к буржуазной демократии. Это приспособление еще недостаточно сознающего свою силу пролетариата к социальным, государственным и идеологическим формам буржуазного общества было, очевидно, исторически неизбежным процессом, но именно *историческим* процессом, т.-е. ограниченным определенными условиями эпохи. Эта эпоха пролетарской реформации создала свой аппарат рабочей бюрократии с особыми навыками мысли, со своей рутиной, крохоборством, приспособленчеством, близорукостью. Тов. Гортер отождествляет этот бюрократический аппарат с пролетарскими массами, на спине которых аппарат поднялся. Отсюда его идеалистические иллюзии. Его мышление не материалистично, не исторично. Он не понимает взаимоотношений между классом и временными историческими аппаратами, между прошлой эпохой и нынешней. Тов. Гортер об-

является: профсоюзы обанкротились, социал-демократия обанкротилась, коммунизм обанкротился, рабочий класс обуржуазился. Нужно начать с головы, с группы избранных, которые мимо всех старых форм организации принесут пролетариату чистую истину, омоют его от буржуазных предрассудков и подготовят, наконец, к пролетарской революции. Как я уже сказал, такого рода идеалистическое высокомерие является оборотной стороной глубочайшего скептицизма.

И сейчас по отношению к той эпохе, в которой мы живем, по отношению, в частности, к германской революции тов. Гортер сохраняет все особенности своего анти-материалистического, анти-диалектического, анти-исторического мышления. В Германии революция длится два года. Мы наблюдаем в ней смену известных группировок, настроений, методов и пр. В этой смене есть своя планомерность, которую можно и должно было предвидеть, и которую мы, на основании нашего анализа и опыта, предвидели и предсказывали. Между тем, тов. Гортер не имеет ни малейшей возможности попытаться доказать или хотя бы заявить, что представляемая им точка зрения систематически и планомерно развивается в Германии и усиливает свое влияние, обогащаясь опытом революции.

Тов. Гортер с величайшим презрением говорит о расколе в среде немецкой независимой социал-демократии. Для него это не стоящий внимания эпизод в среде оппортунистов и мелко-буржуазных болтунов. Но этим только доказывается вся поверхностность его точки зрения, ибо Коммунистический Интернационал, еще в период своего возникновения, до своего формального основания, в лице своих теоретических представителей, предвидел неизбежность как нарастания независимой партии, так и ее дальнейшего перерождения и раскола. Для нас этот раскол не пустой эпизод, а многозначительнейший этап в революционном развитии германского пролетариата. Мы предсказывали его в начале революции. Мы стремились к нему. Мы его подготовляли рука об руку с немецкими коммунистами. Теперь мы его достигли. Создание в Германии об'единенной Коммунистической партии не пустой эпизод, а величайшей важности историческое событие. На этом историческом факте, помимо всего прочего, снова обнаружена правильность нашего исторического прогноза и нашей тактики. Тов. Гортеру, с его формально-пропагандистскими, рационалистическими речами, следовало бы десять раз подумать, прежде чем предавать анафеме то направление, которое растет вместе с революцией, которое само предвидит свой завтрашний и послезавтрашний день, ставит себе ясные цели и умеет их добиваться. Но вернемся к парламентаризму. Тов. Гортер говорит нам: «вы, восточные люди, не искушенные в вопросах буржуазно-демократической политики и культуры, не отдаете себе отчета в том, что̀ означает для рабочего движения парламент и парламентаризм». И в интересах нашего хотя бы частичного просвещения тов. Гортер об'ясняет нам развращающее влияние парламентского реформизма. Да, если ограниченный разум людей Востока не способен вообще ориентироваться в этих вопросах, то незачем и разговаривать с нами. Но я очень опасаюсь, что устами тов. Гортера говорит вовсе не последнее слово западно-европейской революционной мысли, а лишь одна ее сторона: консервативная ограниченность. «Коммунистический Манифест», разумеется, казался в свое время, да и сейчас представляется многим французским и великобританским «социалистам» продуктом немецкой культурной и политической отсталости. Нет, довод от меридиана недостаточно убедителен. Хотя мы и спорим сейчас на меридиане Москвы, но считаем себя участниками мирового опыта рабочего класса, мы знаем — и не только по книжкам, — эпоху борьбы реформизма и марксизма в международном рабочем движении, мы близко и критически наблюдали социал-демократический парламентаризм в ряде стран и с достаточной ясностью представляем себе его место в развитии рабочего класса.

В сердцах рабочих — по словам тов. Гортера — слишком велико раболепие перед парламентаризмом. Это верно. Но к этому нужно прибавить, что в сердцах иных идеологов это раболепие дополняется мистическим страхом перед парламентаризмом. Тов. Гортер думает, что если он обойдет на километр здание парламента, то раболепие рабочих перед парламентаризмом ослабеет или уничтожится. Такая тактика покоится на идеалистических суевериях, а не на реальностях. Коммунистическая точка зрения берет парламентаризм в связи со всеми политическими отношениями, не фетишизируя парламентаризм ни со знаком плюс, ни со знаком минус. Парламент есть средство политического обмана и усыпления масс, распространения предрассудков, поддержания иллюзий политической демократии и т. д., и т. д. Все это бесспорно. Но разве парламент в этом отношении стоит особняком? Разве со страниц газет и, прежде всего, социал-демократических не распространяется мелкобуржуазная отрава? Не нужно ли нам отказаться от печати, как от орудия коммунистического воздействия на массы? Или, может быть, самый факт, что группа тов. Гортера повернется спиной к парламенту, скомпрометирует парламентаризм? Если бы это было так, это означало бы что, в глазах массы идея коммунистической революции, представляемая группой тов. Гортера, стоит выше всего. Но тогда пролетариат, разумеется, без труда разогнал бы парламент и взял бы в свои руки власть. Но, ведь, этого нет. Сам тов. Гортер не только не оприцает но, наоборот карикатурно преувеличивает уважение и раболепство масс перед парла-

ментаризмом. А какой он делает вывод? Нужно сохранить «чистоту» собственной группы, т. е. секты. В конце концов, доводы тов. Гортера против парламентаризма могут быть направлены против всех форм и методов классовой борьбы пролетариата, ибо все эти формы и методы оказались глубоко зараженными оппортунизмом, реформизмом и национализмом. Воюя против использования профсоюзов и парламентаризма, тов. Гортер игнорирует отличие III Интернационала от II-го, коммунизма от социал-демократии и, главное, не уясняет себе различия двух исторических эпох и двух мировых обстановок.

Сам тов. Гортер признает, впрочем, что до революции парламентские речи Либкнехта имели большое значение. Но, говорит он, после начала революции парламентаризм теряет всякий смысл. К сожалению, тов. Гортер не поясняет нам, о какой революции у него идет речь. Либкнехт произносил свои речи в рейхстаге накануне *буржуазной* революции. Теперь в Германии буржуазное правительство, и страна идет навстречу своей пролетарской революции. Во Франции буржуазная революция произошла давно, а пролетарской революции все еще нет, и нет гарантии, что она наступит завтра, через неделю или даже через год. Тов. Гортер признает, как мы от него слышали, что использование парламентаризма допустимо и полезно до революции. Прекрасно, но, ведь, и Германия, и Франция, и Англия и, увы, все вообще цивилизованные страны мира еще не вошли в пролетарскую революцию. Мы переживаем подготовительную к ней эпоху. Если в период до революции парламентские речи Либкнехта могли иметь революционное значение, то почему тов. Гортер отвергает парламентаризм для нынешней подготовительной эпохи? Или он проглядел разницу между буржуазной и пролетарской революцией в Германии, не заметил между ними двухлетнего промежутка, который может затянуться и дольше? Тут у тов. Гортера явная недодуманность, приводящая к противоречиям. Он, повидимому, считает, что так как Германия «вообще» вступила в период революции, то нужно «вообще» отказаться от парламентаризма. Но как быть в таком случае с Францией? Только идеалистические предрассудки могут диктовать нам отказ от парламентской трибуны, которую мы можем и должны использовать именно для того, чтобы подорвать в среде рабочих суеверия парламентаризма и буржуазной демократии.

Вполне возможно, что каждое парламентское слово Либкнехта в до-революционной Германии находило гораздо больше слушателей, чем нашло бы теперь. Целиком признаю вообще, что в эпоху надвигающейся революции парламентские речи, хотя бы и самые революционные, не могут производить такое действие, какое производили или могли бы производить несколько лет тому назад, в момент наивысшего господства милитаризма. Мы вовсе не говорим, что парламентаризм имеет всегда и везде одно и то же значение. Наоборот, парламентаризм и его место в борьбе пролетариата должны расцениваться с точки зрения конкретных условий времени и места. Но именно поэтому чистейшим суеверием является огульное отрицание парламентаризма. В последнем счете такое отрицание равносильно страху добродетельного человека, который не выходит на улицу из опасения подвергнуть свою добродетель каким-либо искушениям. Если я революционер и коммунист, работающий под действительным руководством и контролем централизованной пролетарской партии,—то я могу действовать в профессиональной организации, на фронте, в газете, на баррикадах, в парламенте, но остаюсь тем, чем должен быть, не парламентарием, не газетным писакой, не профессионалистом, а революционным коммунистом, который использует все пути, средства и методы во имя социальной революции.

Наконец, последняя глава тов. Гортера: «Масса и вожди». В этом вопросе его идеализм и формализм находят не менее яркое выражение, чем в других. «Не гоняйтесь за большими массами—поучает нас—тов. Гортер. Лучше иметь небольшое количество, но хороших товарищей».

В таком виде этот рецепт бессодержателен. Во-первых, мы видим на примере Голландии да и других мест, что небольшое, строго законсервированное число членов организации отнюдь не спасает от идейных шатаний, а в известном смысле способствует им, ибо организация сектантского типа не может обладать необходимой устойчивостью. Во-вторых—и это главное—нельзя забывать, что нашей целью является не что иное, как революция. Революцией же может руководить только массовая организация. Гортеровская борьба против «культа вождей» имеет чисто идеалистический, почти словесный характер, при чем он впадает в противоречия на каждом шагу. Нам не нужно вождей—говорит он—центр тяжести должен быть перенесен на массы. А, с другой стороны, он же предупреждает нас: не гоняйтесь за массами. Связь между партией и классом определяется—по Гортеру—чисто-педагогическим взаимоотношением между небольшим пропагандистским обществом и зараженным буржуазностью пролетариатом. Но как раз в таких организациях, где царит страх перед массами, где нет к ним доверия, где хотят заполучить членов путем индивидуальной пропаганды, где работа происходит не на основе классовой борьбы, а на основе идеалистического просвещения, как раз там вожаки должны играть непропорционально большую роль. Мне нет надобности приводить примеры. Тов. Гортер сам найдет их немало (Возглас: «Германская Коммунистическая партия!»). История Германской Коммунистической партии еще слишком свежа. Она до сих пор еще слишком мало вела массы за собой, чтобы на опыте можно было сколько-нибудь

полно определить взаимоотношение масс и вождей. Только теперь, после раскола независимой социалистической партии, который произошел, благодаря работе коммунистической партии (несмотря на ее несомненные отдельные ошибки, на которых вы так настаиваете), лишь теперь начинается новая эпоха в жизни германского пролетариата и германского коммунизма. Воспитание масс и отбор вождей, развитие самодеятельности масс и установление соответственного контроля над вождями,—все это взаимно связанные и взаимно обусловленные явления и процессы. Я не знаю такого рецепта, при помощи которого можно было бы искусственно перенести центр тяжести с вождей на массы. Гортер указывает на пропаганду избранных. Допустим на минуту. Но пока эта пропаганда овладеет массами, поднимет их, центр тяжести действия будет, очевидно, среди тех, которые ведут пропаганду, т. е. среди инициаторов или вождей. Сплошь да рядом в борьбе против вождей находит свое выражение демагогическая форма борьбы против идей и методов, представляемых данными вождями. Если эти идеи и методы правильны, тогда влияние данных вождей равносильно влиянию правильных методов и идей; от имени же массы выступают те, которые не умеют массой овладеть. Вообще говоря, отношение между вождями и массой обусловлено культурно - политическим уровнем рабочего класса, зависит от того, есть ли у него революционные традиции и навыки массового действия и какой толщины слой пролетариата прошел школу классовой организации и марксистского воспитания. Самостоятельной проблемы «вожди и массы» нет. Расширяя арену своего идейного влияния, проникая во все сферы жизни и борьбы рабочего класса, вовлекая все более широкие рабочие массы в активную борьбу под знаменем революционного переворота, — коммунистическая партия тем самым расширяет и углубляет самодеятельность рабочих масс, и, отнюдь не уменьшая роли вождей, наоборот, придавая ей небывалый исторический размах, делает, однако, эту роль более тесно связанной с самодеятельностью масс и подчиняет ее их организованному и сознательному контролю.

Тов. Гортер говорит, что нельзя начинать революции, пока вожди не поднимут умственный уровень рабочего класса так, чтобы он окончательно уразумел свою историческую задачу. Но, ведь, это чистейший идеализм! Как будто бы, момент наступления революции действительно зависит только от степени просвещения рабочего класса, а не от целого ряда других факторов—внутренних и международных, экономических и политических и, в частности, от влияния нужды наиболее обездоленных трудящихся масс, ибо нужда—с позволения тов. Гортера—остается важнейшей пружиной пролетарской революции. Очень может быть, что при дальнейшем ухудшении экономического положения Европы в Голландии разразится революция в такой момент, когда голландская коммунистическая партия все еще будет представлять собою лишь небольшую по численности группу. Вовлеченные в революционный водоворот, голландские рабочие не станут себя спрашивать, не нужно ли им подождать, пока коммунистическая партия успеет подготовить их для вполне сознательного и планомерного участия в событиях. Вполне вероятно, что Англия вступит в эпоху пролетарской революции, имея лишь сравнительно малочисленную коммунистическую партию. Тут ничего не поделаешь, ибо пропаганда идей коммунизма не есть единственный фактор истории. Отсюда следует лишь тот вывод, что рабочий класс Англии — если он пересечением больших исторических причин окажется уже в ближайший период вовлеченным в открытую пролетарскую революцию— должен будет в процессе своей борьбы за власть и сейчас же после завоевания власти создавать себе свою массовую партию, расширять и укреплять ее, а в первую эпоху революции малочисленной коммунистической партии придется, не отрываясь от общего движения и считаясь с данным уровнем сознательности и организованности пролетариата, стремиться вносить в фактически развертывающуюся революцию максимум коммунистической сознательности.

Вернемся к Германии. Во главе германского пролетариата в момент, когда открывалась эпоха, не оказалось боевой партийной организации. Рабочий класс оказался вынужден строить свою действительно революционную партию в самом ходе открытой борьбы. Отсюда—крайне затяжной характер этой борьбы, связанной с большими жертвами. Что мы наблюдаем в Германии? Ряд наступлений и отступлений, восстаний и поражений, переходы от нападения к защите, критический самоанализ, самоочищение, расколы, переоценку вождей и методов, новые расколы и об'единения. В этом горниле борьбы, на основе небывалого революционного опыта вырабатывается настоящая коммунистическая партия. Пренебрежительное отношение к этому процессу, как к склоке «вождей», как к семейным дрязгам оппортунистов между собою и пр. и пр., свидетельствует только о чрезвычайной близорукости, чтобы не сказать—о слепоте. Когда видишь, как германский рабочий класс позволял своим «вождям»—Шейдеманам, Эбертам и др.—закабалять себя во славу империализма, как потом широкие массы порывали со своими империалистическими вождями и, ища новой ориентировки—создавали временные условия для влияния Каутских и Гильфердингов, как затем лучшая и наиболее боевая часть этих масс создала коммунистическую партию, на первых порах малочисленную, но твердо и правильно рассчитывающую на дальнейший процесс революционизирования пролетарских масс,—когда наблюдаешь, далее, расслоение внутри независимой партии и фактический

раскол между оппортунистическими вождями, между рабочей демократией и революционными массами, увлекающими за собою лучшую часть вождей,—когда оцениваешь этот процесс в полном его об'еме не с точки зрения педанта, а с точки зрения материалистически мыслящего революционера, — то говоришь себе: здесь, в рамках об'единенной коммунистической партии создается новая основа в новой обстановке для подлинного развития революционной партии пролетариата. Если тов. Гортер не видит этого, то его можно только пожалеть. Если представляемая им здесь организация К. А. Р. D. (Коммунистическая Рабочая партия Германии), в которой есть несомненно большое число прекрасных рабочих - революционеров; если эта малочисленная организация боится вступить в Об'единенную Коммунистическую партию, которая создается не путем поверхностного рекрутирования, а в муках революции, после проделанной глубокой борьбы, после расколов и очищений,—то этот страх означает лишь, что вожди К. А. Р. D. играют в ней пока еще слишком большую роль и заражают руководимых ими рабочих тем недоверием к пролетарским массам, которым была насквозь проникнута речь тов. Гортера.

Л. ТРОЦКИЙ.

«Коммунистический Интернационал есть международная партия пролетарского восстания и пролетарской диктатуры. У него нет других целей и задач, кроме целей и задач самого рабочего класса. Притязания мелких сект, из которых каждая собирается спасти рабочий класс на свой образец, чужды и враждебны духу Коммунистического Интернационала. Он не создает универсальных рецептов и заклинаний, он опирается на мировой опыт рабочего класса в прошлом и настоящем, очищает этот опыт от его ошибок и уклонений, обобщает его завоевания, признает и усыновляет только те революционные формы, которые являются формулами массового действия.

Профессиональная организация, экономическая и политическая стачка, бойкот, парламентские и муниципальные выборы, парламентская трибуна, легальная и нелегальная агитация, тайные опорные пункты в армии, кооперативная работа, баррикада—ни одна из форм организации или борьбы, созданных развитием рабочего движения, не отвергается Коммунистическим Интернационалом и ни одна из них не освящается им, как панацея».

«Манифест II Конгресса Коммунистического Интернационала».

«Во время появления Коммунистического Манифеста мы не могли его назвать социалистическим манифестом. Под именем социалистов в 1847 г. разумелись два разряда людей. С одной стороны, приверженцы различных утопических систем, особенно овенисты в Англии, фурьеристы во Франции, причем те и другие выродились тогда в простые, постепенно вымиравшие секты. С другой стороны,—разнообразнейшие социальные прожекторы, которые своими различными панацеями и всевозможными заплатами стремились устранить общественные бедствия, не причиняя ни малейшего неудобства ни капиталу, ни прибыли.

«В обоих случаях это были люди, стоявшие вне рабочего движения и искавшие поддержки больше у «образованных классов». Напротив, та часть рабочего класса, которая, убедившись в недостаточности одних политических переворотов, требовала коренного переустройства общества, называла себя тогда коммунистами. Это был только начерно выработанный, лишь инстиктивный, подчас несколько грубый коммунизм, но он был достаточно силен для того, чтобы породить две системы утопического коммунизма: во Франции «икарийский» коммунизм Кабэ, в Германии—коммунизм Вейтлинга. Социализм означал в 1847 г. буржуазное движение, коммунизм—рабочее движение.

«Социализм, по крайней мере, на континенте был салонным, коммунизм представлял как раз обратное. А так как мы уже тогда твердо держались того убеждения, что «освобождение рабочих должно быть делом самого рабочего класса», то мы не могли ни на минуту колебаться относительно того, какое из этих двух названий нам следует выбрать. Впоследствии нам тоже никогда не приходило в голову отказаться от этого названия».

Карл Маркс и Фр. Энгельс. «Коммунистический Манифест».

III ИНТЕРНАЦИОНАЛ И ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ.

Вряд ли западно-европейские товарищи нуждаются в приведении доказательств теоретических, или почерпнутых из почти четырехлетнего опыта советской практики в России, относительно того, что завоевание пролетариатом интеллигенции есть одна из существеннейших задач великого социального переворота. Дело идет в полном смысле слова о завоевании, ибо, до результатов империалистической войны, интеллигенция в Западной Европе в огромном большинстве,—в России за исключением известной части молодежи и единиц, примыкавших к революционному движению, в общем и целом погрязала в обывательском море и была, прямо или косвенно, связана с буржуазией и старым режимом. Та часть интеллигенции, которая политически не мыслит (а к стыду этой общественной группы, претендующей быть солью земли, политически мыслящих среди них очень немного), являлась как бы об'ектом социального воздействия. Политически активные классы,—помещики, буржуазия, пролетариат—боролись за них так же, как боролись за машины или железные дороги. Но и мертвым инвентарем, которым овладевает пролетариат в процессе революции *физически*, надо научиться владеть *духовно*, а это сугубо верно для того живого инвентаря, какой представляет собою политически—инертная часть интеллигенции.

Настроенная антипатично к низам, осмелившимся сделаться «начальством», потрясенная разложением быта, совершенно не привыкшая удовлетворять тем новым требованиям, которые поставлены были новыми жизненными условиями, — эта интеллигенция вначале пыталась проявить, так сказать, активность пассивности, т. е., в более или менее организованной форме, саботаж. Пролетариат в России сумел ответить на это с достаточной энергией, и активный саботаж был сломлен; нельзя того же сказать о саботаже пассивном. До сих пор еще интеллигентская обывательщина ворчит против власти, сплетничает за плечами у коммунистов, радуется всякой их неудаче, вплоть часто даже до таких неудач, которые бьют всю страну, огорчаются успехами, вплоть до таких успехов, которые, по существу говоря, выгодны для всего народа в целом.

Научиться владеть этой массой, это значит, во-первых, привлечь к политике коммунистов симпатии возможно большего количества аморфно-обывательских элементов; во-вторых, суметь побудить их к реальной и плодотворной работе в духе их специальности, создав для этого соответственный план их использования; в-третьих, суметь создать такой режим, который, не превращаясь в нечто каторжное, отталкивающее для интеллигенции, был бы тем не менее достаточным контролем работы тех, на чью симпатию никак полагаться нам невозможно. В этом направлении коммунистическая партия в России и ведет свою политику по отношению к вышеуказанным обывательски-интеллигентским массам. И в Западной Европе общее обнищание интеллигенции, особенно в таких странах, как Германия и Австрия, может толкнуть значительную ее часть в резкую оппозицию по отношению к буржуазному миру, что уже и становится заметным. Там положение, вообще, может облегчиться, и социальная революция в политическом торжестве своем может найти оппозицию интеллигентских обывателей весьма ослабленной, а в значительной части ее может встретить даже привет и содействие.

Противоположным полюсом этой части интеллигенции является остро-политически сознательная интеллигенция, так сказать,—интеллигенция, проникнутая своеобразным классовым инстинктом, облеченным в своеобразную же классовую теорию. Не надо в этом отношении делать себе иллюзии. Если в Западной Европе тамошние меньшевики, т. е. правые социалисты, часто являются выразителями развращенной буржуазией части квалифицированного пролетариата, то у нас в России только небольшое количество квалифицированных пролетариев налипло на дне так называемой социал-демократической партии. Это — партия интеллигентская; ее подоплека совершенно ясна. Это — молодая, еще не оперившаяся буржуазия, лишенная возможности самостоятельно совладать с самодержавием и завоевать для себя и буржуазии почетное место; она играла роль соглашателей между промышленной буржуазией, как таковой, и наиболее образованной, технически квалифицированной частью пролетариата. Быть прикащиком, притом доверенным и обласканным прикащиком буржуазии и быть «руководителем» пролетариев в воротничках—вот по существу идеал меньшевика. Это, конечно, идеал Шейдеманов всех языков, с той только разницей, что у Шейдеманов есть уже значительная рабочая аудитория, а у меньшевиков она при первых громах революции растаяла и рассеялась.

Нечто подобное представляют собою и интеллигенты, примыкающие к эсерам. В эсеровскую партию, как мусор, вваливались целые горы интеллигентской обывательщины в 1917 г. Эсеровская программа ни к чему их не обязывала. Это, так сказать, была мода прикрепить эсеровский красный бантик к

петлице. Какая-то российская неразбериха, где рядом могли оказаться разгульно-анархическая натура, педантический «критик» Маркса и чуть-чуть подкрашенный черносотенец, пёрла к власти в России в качестве внеклассовых интеллигентов и под знаменем партии эсеров. Конечно, эта рыхлая громада распалась в прах, когда получила серьезный удар рабочей руки. Можно ли назвать партию эсеров крестьянской? — да, поскольку она, в параллель меньшевикам, старавшимся опираться на рабочую аристократию, опирается на *крестьянскую* аристократию; но рабочий аристократ, все-же рабочий; крестьянский-же аристократ есть кулак и, в сущности говоря, настоящий буржуа. Это и придает право-эсеровской партии совершенно заметный привкус средне-буржуазного кулацкого характера. Прибавьте к этому ту интеллигенцию, которая, без социалистического фигового листка, претендовала на вышеуказанную роль любимого прикащика буржуазии, т. е. интеллигенцию, примыкавшую к кадетской партии, и вы будете иметь так называемый *авангард* русской интеллигенции. Подобное, конечно, будет заметно и в Европе, и в этом отношении интеллигенция, как часть мелкой буржуазии, как своеобразные головные ремесленники, попытаются создать свою партию или конгломерат партий, который будет своеобразной же разновидностью наших русских меньшевиков, эсеров и кадетов-интеллигентов.

Примиряться с этими людьми и не надо и невозможно. Они до сих пор остаются в самой резкой оппозиции. Они все еще мечтают повернуть колесо истории назад, они ведут вредную пропаганду среди беспартийной интеллигенции и в беспартийных массах вообще. Они должны, так сказать, политически вымереть. Лучшие элементы (а среди них есть, конечно, много талантливых людей), в конце-концов, вероятно, поймут свою ошибку и какими-то длинными окольными путями подойдут к нам. Есть, конечно, и такие, которые оказываются Савлами, внезапно с полною ясностью видят, как бес кружит их возле правильной дороги, и возвращаются. Мы имеем целый ряд чрезвычайно уважаемых друзей и коммунистов, пришедших к нам таким путем. Здесь дело в значительно большей степени идет не о борьбе за душу этой части интеллигенции, а о борьбе за душу всей интеллигенции против этой ее части.

Наконец, надо сказать несколько слов о высоко квалифицированной интеллигенции. Я вообще не претендую в этой статье на особенно тонкий анализ и, может быть, вернусь к моей теме в более подробном сочинении, но, во всяком случае, эту высоко-квалифицированную интеллигенцию мне придется разложить на два особенно важных для нас элемента: на группу, так сказать, европейских или всероссийских знаменитостей и на наиболее квалифицированную часть инженеров, профессоров и техников вообще.

Начну с последней группы. Нет никакого сомнения, что главный штаб технического персонала в области индустрии и сельского хозяйства, включая сюда и профессоров высших технических школ, представляется для нас столь необходимым, что ни запасы нашего золота, никакое другое государственное достояние не может быть сравнимо с ним. Волею судеб это — монополисты знания — и притом того знания, без которого мы не можем двигаться вперед. Нельзя, конечно, относить эту группу просто к буржуазии, но, вместе с тем, надо сказать, что группа эта была сбласкана буржиазией.

На что можем мы расчитывать по отношению к ней?

Прежде всего, не могу не указать на известную опасность. Группа эта настолько сильна, что если инженерам в России или за границей (там они еще несравненно сильнее), удалось бы сплотить вокруг себя весь квалифицированный технический персонал в области агрономии и индустрии, если бы группы эти оказались настолько умны, что дошли бы до своеобразного полукоммунизма и, так сказать, предложили бы нам свои услуги на договорных началах, то, несмотря на свою малочисленность по сравнению с пролетариатом, они могли бы занять в переходный к коммунизму период слишком даже выдающееся положение. Я слышал от некоторых глубоких аналитиков нашего положения опасения, связанные с известной речью знаменитого инженера-профессора Соди в Англии, о том, как бы таким переходным периодом не оказалась в некоторой степени гегемония технического персонала, который невольно пришлось бы поддерживать коммунистической партии, как представительнице политически мощного, но технически и теоретически довольно беспомощного пролетариата.

Думается, что эти опасения преувеличены; но никто не станет отрицать, что при правильном понимании своей линии, при, так сказать, более или менее поголовном переходе на советскую позицию и хорошей организации, эти люди могли бы одновременно принести нам и огромную помощь и претендовать на очень серьезную роль частичных определителей всего движения.

Есть ли симптомы, одновременно отрадные и беспокоющие, в этой ориентации технического персонала? — Есть. Какое то промежуточное и еще невыясненное, но серьезное влияние приобрел в Германии соответственный союз Арфа. Речь Соди (заявившего, что инженер и ученый это *все*, между тем, как буржуазия делает их почти *ничем*), намекавшая на возможность для инженеров сойтись с рабочими для создания своего рода сен-симонистского торжества людей умственного и физического труда над тунеядцами, очень симптоматична.

А разве не симптоматично, что в эпоху больших забастовок в Италии, техни-

ческий персонал почти всюду оказался на стороне рабочих?

Пролетарии безусловно могут только приветствовать самоорганизацию инженеров. Русские инженеры и ученые слишком рыхлы, слишком баричи, слишком малочисленны для того, чтобы с энергией провести или хотя бы усмотреть возможность некоторой гегемонии для себя. Однако, все же технический персонал и техническая профессура легче идет на сговор с Советской властью, чем другие части интеллигенции. Естественно, они находят и более радушный прием с нашей стороны.

Теперь относительно той действительной соли земли, какой являются крупнейшие единичные представители культуры, как в области науки, так и в области искусства. На этой вершине интеллигенция приобретает особый характер. Здесь, в силу широты разумения, непосредственной даровитости, остроты анализа или глубины синтеза, люди действительно перерастают часто свои личные интересы или интересы своих групп. Ведь отсюда пришли к нам Маркс, Энгельс, Лассаль и Ленин. И мы с удовольствием можем констатировать, что недостатка в пророках, которые обернулись бы лицом к нашему восходящему солнцу, не замечается. Когда вспомнишь, что величайший русский ботаник Тимирязев, отходя в могилу, буквально—последними словами перед вечным покоем,—благославлял Ленина и его дело, когда узнаешь о горячей симпатии идеям коммунизма таких людей, как величайший физик нашего времени Эйнштейн, как величайший его педагог Наттор, когда узнаешь о позиции, занятой такими светилами интернационала ума и творчества, как Бернард Шоу, Ромэн Роллан, Анри Барбюс, Анатоль Франс, когда получишь милое, полное искренности письмо от такого типичного вождя высоко этически настроенной интеллигенции, как Август Форель, и т. д. и т. п., когда видишь, как просачивается горячая симпатия к перевороту в сердцах подающей надежды молодежи в кругах художественных, литературных экспрессионистов в Германии и им подобных направлений повсюду,—то приходишь к выводу, что интеллигенция, морально разбитая войной, истерзанная обнищанием средних классов, создает достаточную почву для этих самых больших умов и самых чутких сердец к переходу на правильную дорогу.

И в России люди, подобные Горькому, Брюсову, Серафимовичу, Маяковскому, принадлежащие к разным направлениям, к разному возрасту, разным, так сказать, прослойкам интеллигенции, но являющиеся, тем не менее, руководителями целых фаланг писателей, пришли прямо к самому знамени коммуны. Другие идут с колебаниями, но идут. Оценка революции, какая дана в некоторых поэмах Блока, Макса Волошина, находившегося за рубежом Советской России, типичного представителя не только интеллигенции, но интеллигентщины, Иванова-Разумника, свидетельствует о возможности весьма близкого подхода все новых и новых интеллигентских кругов к восприятию коммунистического евангелия.

Но на пути к этому стоит, конечно, много препятствий. Нет сомнения, что переход корифеев к коммунизму, что понимание лучшими умами и сердцами, особенно, теми, которые обладают художественным талантом, т. е., по определению великого Толстого, талантом, могущим зажигать другие сердца, нет сомнения, что переход их на нашу сторону имел бы могущественное влияние и на политику настоящего момента, и более всего, может быть, на молодежь, которая—в некоторой своей части—все еще враждебна к нам, но которая, конечно, поддается лечению от не слишком еще просочившихся ее буржуазных ядов. Но, повторяю, тут есть много препятствий; и острый индивидуализм интеллигенции в ее лучших представителях, их этическая толстовщина, их ужас перед всяким насилием, без которого революционная хирургия не может обойтись, и их смятение перед разрушением, часто затрагивающим культурное достояние, отсутствие умения говорить с тем новым слушателем, который наполнил у нас в России и наполнит скоро по всему миру театры, аудитории и библиотеки, бытовая разруха, ставящая их в тяжелые условия физического существования, и другие еще неприятные обстоятельства, которых всех не упомянешь и не перечислишь.

Мы далеко не можем сказать, что мы, заваленные военными задачами, стоящие перед грозной экономической разрухой, сделали все, что нужно для того, чтобы устроить несколько сотен крупнейших представителей интеллигенции так, как надо бы для того, чтобы избавить их от чрезмерного давления той же разрухи. Нам некогда было особенно внимательно заботиться о спорах с ними и о пропаганде среди них, как и среди остальной массы интеллигенции. Я думаю, однако, теперь, когда рука войны отброшена нами с нашего горла, по крайней мере, на некоторое время,—теперь, когда мы целиком отдались нашему экономическому строительству, у нас найдется немного досуга и немного средств, чтобы вплотную заняться борьбою за интеллигенцию.

В настоящей статье я хотел только приблизительно набросить картину состояния различных слоев интеллигенции и перспективы, которые перед нами открываются. Она нужна нам,—нужна нам в области техники, сельского хозяйства, в области просвещения, а главным образом, она нужна нам, как главный контингент, так сказать, государственной агентуры; она нужна нам и очень в области искусства, которое в лучшей своей части и теперь есть облагораживающий души элемент, благоприятный коммунизму, и которое должно стать—по мере роста *нового* искусства—могучим ассимилятором старого к новому. Интеллигенция нужна нам, а между тем в большей своей части, она все еще на-

ходится на разных ступенях враждебности к нам. Тем более драгоценны для нас те, которые целиком перешли к нам или находятся на пути, и тем более важно употребить нам все усилия, чтобы собрать возможно большие интеллигентские силы вокруг новой оси мира—коммунизма.

Не нужно, думается мне, при создании своего рода интернационала интеллигенции, требовать от них четкости, коммунистичности или, хотя бы, марксистского мышления. Не нужно ставить им чрезмерные политические требования. До высоты дисциплины и политического сознания пролетариата интеллигентские элементы дорасти не могут. Надо помнить, что красное знамя, с которым интеллигенция все в большей массе будет присоединяться к нашему шествию, всегда будет играть розовыми оттенками, и было бы безрассудно сказать: «Или с нами, или против нас» (по поводу запросов теории или выдержанности в дисциплине этих элементов и их пролетарской этике и т. д.). Нет: «Кто против буржуазии, тот с нами»,— вот лозунг, который должен быть поставлен в основу при организации интернационала интеллигенции.

Пусть не подумает читатель, что я, действительно, хочу предложить такого рода параллельную с нашим интернационалом организацию, но было бы желательно, чтобы международная интеллигенция, более или менее к нам примыкающая, перекликнулась между собою, с'ехалась, быть может, на какой-нибудь с'езд, выкрикнула перед всем миром свое проклятие буржуазии и свой привет нам. Тогда, быть может, мы—III Интернационал, пролетарский,—могли бы оказывать более организованное влияние в международном порядке на ту человеческую породу, которой предстоит жить, как особой части общества, в течение еще большого количества лет,—которая является для нас необходимой и которая не отделена от нас (как буржуазия или кулацкое крестьянство) непроходимыми дебрями, а все же является ближайшим соседом пролетариата.

А. ЛУНАЧАРСКИЙ.

«Не следует только составлять себе неверного представления, будто мелкая буржуазия в принципе стремится проводить эгоистические классовые интересы. Она полагает скорее, что особые условия ее освобождения являются общими условиями, внутри которых, единственно, современное общество может быть спасено, и классовая борьба—устранена. Не следует также воображать, будто представители демократии сами поголовно принадлежат к классу мелких лавочников, или особенно расположены к ним. По своему образованию и по своему личному положению они могут стоять от лавочников так же далеко, как небо от земли. Представителями мелкой буржуазии их делает лишь то, что теоретически они не выходят дальше тех пределов, за которые мелкий лавочник не выходит в своей жизни, так что теоретически они приходят к тем же самым задачам и решениям, к каким практически приходит мелкий лавочник в силу своих материальных интересов и общественного положения. Таковы вообще отношения политических и литературных представителей какого-нибудь класса к классу, который они представляют».

Карл Маркс, «18 Брюмера».

«Правительственные и полуправительственные социалисты разных стран имели много поводов обвинять коммунистов в том, что они непримиримой тактикой провоцируют выступления контр - революции, помогая ей сплачивать свои ряды. Это политическое обвинение является не чем иным, как запоздалым перепевом жалоб либерализма. Именно последний утверждал, что самостоятельная борьба пролетариата толкает имущих в лагерь реакции. Это бесспорно. Если бы рабочий класс не посягал на основы ее господства, буржуазия не нуждалась бы в репрессиях. Самое понятие контр-революции не существовало бы, если бы история не знала революции. Если восстания пролетариата неизбежно влекут за собой сплочение буржуазии для самообороны и контр-наступления, то этот факт означает лишь, что революция есть борьба двух непримиримых классов, которая может закончиться только окончательной победой одного из них.

Коммунизм с презрением отметает политику, сводящуюся к тому, чтобы удерживать массы в неподвижности, пугая их дубиной контр-революции».

«Манифест II Конгресса Коммунистического Интернационала».

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ В АМЕРИКЕ.

Настоящая статья представляет собой лишь беглый набросок общей картины Соединенных Штатов. Огромная страна, пространством более чем в миллион квадратных миль, с могучими горными хребтами, с необ'ятным простором полей и лугов, с обширными лесами, с большими озерами, чудесными водопадами и многочисленными реками, с колоссальными залежами железной руды и угля, огромными нефтяными промыслами, богатейшими жилами благородных металлов, меди и свинца, придающими этой стране сходство с Офиром и Голкондой, с народонаселением свыше ста миллионов душ, — Америка это — конгломерат предприимчивых людей всего мира, составивших в целом великолепную однородную массу.

Почти все они, какова-бы прежде ни была у них вера, поклоняются теперь золотому тельцу; их святыня, их фетиш—«всемогущий доллар», пред которым они склоняют колени. Этот безнравственный инстинкт породил уродливую систему биржевой игры и спекуляции пищевыми продуктами и другими предметами первой необходимости. Он создал живого «осьминога», с главной штаб-квартирой в Нью-Йорке, на Уолл Стрите. Там помещается почернелая разлагающаяся голова капитализма, оттуда протягиваются могучие щупальцы, охватывающие каждую отрасль промышленности не только в Соединенных Штатах, но и за морем. Они охватывают каждый город, повсюду находятся органы чудовища: в виде торговых палат, торговых и мануфактурных ассоциаций, составленных из таких же спекулянтов, воров и эксплуататоров, как и те изверги, которые сидят в центре, на Уолл Стрите и которые могущественнее всех королей, вместе взятых.

Благодаря их попустительству и интригам, эта система дала возможность одному изношенному, лысому, старому человеку, по имени Джон Рокфеллер, стать единоличным владельцем биллиона долларов народного достояния и управлять делами Нефтяной Компании (Standart Oil Company) и субсидируемого ею Об'единенного Медного Товарищества (Amalgmated Copper Company) и родственных видов промышленности.

Другой образчик зловонных испарений Уолл Стрита — Пир-Пойнт Морган, глава большого банковского предприятия, унаследовавший свои владения от отца спекулянта, начавшего свою карьеру с мошеннической продажи правительству старых ружей во время гражданской войны. Эти-то господа, в компании с Куном, Лебом и прочими, им подобными, составляют сердце и мозг чудовища, помещающегося на Уолл Стрите; печень его находится в Вашингтоне, в округе Колумбия, где машина капиталистического класса действует то под именем Республиканской партии, то под названием, теперь, повидимому, дискредитированным, Демократической партии, пославшей во время мировой войны своего председателя Вудро Вильсона и его жену, в сопровождении большой свиты и 16 военных судов, с невероятным великолепием, в завоевательную экскурсию в Париж. Эти политические партии, которые подбирают в сенат и палату членов совета директоров крупных промышленных предприятий, всегда следуют приказам своих повелителей-хозяев.

Политические машины того же рода и вида находятся во всех 48 штатах Союза, но меньших размеров.

Эти политические организации законно и легально предоставили американским капиталистам большие концессии на естественные богатства страны. Так, наприм., Тихоокеанской Железнодорожной Компании были даны обширные земельные пространства, в 20 миль по обе стороны вдоль всей линии железной дороги, черезполосными участками, так, что один участок до сих пор еще принадлежит правительству, а смежный с ним, шириною в 20 миль,—железнодорожной компании, что в общем составляет миллионы акров.

Огромные пространства угленосной земли приобретены были капиталистами столь же беззастенчиво. Напомню пример, когда Давид Моффат, директор I-го Денверского Национального Банка в Колорадо, овладел почти всеми угленосными землями графства Рут (Routt) в Колорадо.

Этот грабеж был совершен следующим образом: были подобраны лица, сделавшие заявку на эти земли, а Моффат потом их скупил у них по номинальной цене. Моффат уже умер, но барыши с угольных копей и по сей час поступают в карманы наследников.

Другим разительным примером того, как грабят у народа его достояние, является приобретение Генри Миллером, представителем фирмы Миллер и Люкс, огромного пространства земли в 4 миллиона двести тысяч акров, с бесчисленными пастбищами на ней. Миллер рассказывал как то пишущему эти строки, что он начал свою карьеру разнощиком мяса с корзинкой в руке, что он добыл три состояния: одно для своего партнера Люкса, одно, «для проклятых воров и юристов», и одно для самого себя; что, начни он раньше свою карьеру, он владел бы теперь всем штатом Калифорнии, который можно назвать Бакинской областью Америки.

Подобным же образчиком этих колоссально-богатых людей является вдова Кинг, в Техасе, которой принадлежит такая огром-

ная площадь земли, что главные ворота ее имения находятся на расстоянии 50 миль от парадного крыльца ее дома.

Этих примеров достаточно, чтобы показать ненасытную алчность отдельных лиц, внедрившуюся в умы капиталистического класса вообще и даже проникающую в мозг занятого у станка рабочего. Их учили, что каждый мальчик, родившийся в Соединенных Штатах, может сделаться президентом и что всякий может стать богачем. Линкольн, бывший в молодости дровосеком, и Рокфеллер—Крез Америки—ставятся в пример молодежи.

Капиталисты, крупные и мелкие, считают, что все, что они захватили, принадлежит им лично в течение жизни и может быть завещано их наследникам после смерти. Чтобы оградить свои интересы при таком понимании частной собственности, они создали вокруг разных отраслей промышленности, коими управляют, собственные армии из штрейкбрехеров, душителей и вооруженных людей, которым умело помогает так наз. Департамент Юстиции, разославший на всякий случай колоссальное количество агентов в рабочие организации в качестве шпионов и готовых к бою защитников капитала.

Капиталисты Америки, как общее правило,—мужественные, предприимчивые люди. Они создали в целях эксплоатации богатств страны удивительную систему промышленности, при которой труд рассматривается только как средство для того, чтобы производить возможно больше при минимальной оплате. Часто в Америке жилищные условия и питание рабочих так же ужасны, как в трущобах Дублина, Глазго и Уайтчепеля в Лондоне. А наряду с этим, капиталисты живут в роскоши и изобилии, во дворцах своих огромных имений, летом на дачах в Бар Гарборе в Мэне, в Ньюпорте на Род-Айленд, на водах или морских купальях во Флориде или на побережьи Атлантического Океана. Они лениво плавают на роскошных яхтах, наслаждаясь богатством, созданным рабочим классом.

Кратким периодом благополучия явилось для рабочих военное время, когда некоторые из них были в состоянии получать немножко больше, чем нужно для удовлетворения текущих потребностей. Но теперь американские капиталисты устроили колоссальный заговор с целью вернуть уровень жизни рабочего класса к до-военному периоду. Об этом заговоре было впервые упомянуто в печати Алленом, представителем Ассоциации Торговцев и Фабрикантов. Газеты Америки призывали на своих столбцах к усилению производительности, как вдруг появилось заявление Аллена о том, что предполагается сокращение работы. Он просто об'являл, что заработная плата будет уменьшена и рабочая сила сведена до минимума; где нужно, будет установлена система открытых (для не-членов трэд-юнионов) мастерских, и что производительность не должна падать.

В некоторых крупных отраслях промышленности началось уже проведение в жизнь этого ужасного заговора. Американская Шерстяная Компания закрыла свои фабрики. Фабриканты рассчитали тысячи мужчин и женщин. Железнодорожные компании сократили штаты. Резиновые компании в Акроне (в штате Огайо) закрылись. Кливленд и Толедо, Огайо, Детройт и Мичиган—центры автомобильного производства—выбросили на улицу тысячи людей; большое Фордовское предприятие закрылось вовсе.

Подобные действия капиталистов совершаются по всей стране, вплоть до лесорубных компаний Северо-Запада. Эти действия развернулись в таком широком масштабе, что в Соединенных Штатах разразилась безработица, не имеющая себе подобных в прошлом, даже во времена периодически наступавших промышленных и финансовых паник. Ужасны, действительно, теперешние социальные условия, так как 6—7 миллионов рабочих лишились заработка; их не допускают до орудий производства и лишают, таким образом, возможности прокормиться; они сделались об'ектами благотворительности и принуждены стоять в очередях за выдаваемым из милости хлебом. И это бедственное положение создано в стране, с бесчисленными богатствами, которых при коммунизме было бы достаточно, чтобы весь народ находился в довольстве и благополучии.

Этих фактов достаточно, чтобы читатель мог уяснить себе всю ожесточенность классовой борьбы в Соединенных Штатах, где капитализм молод, отважен и, быть может, более зверски груб, чем где-либо на свете, не исключая даже дикой тирании в Британии. Для победы над таким могущественным капитализмом понадобятся геркулесовые усилия со стороны об'единенного рабочего класса. Это звучит странно, но среди американских рабочих в настоящее время мало революционно-мыслящих людей, за исключением сравнительно небольшого числа членов Индустриальных Рабочих Мира и Коммунистической партии.

Говорят, что Американская Федерация Труда—вождь рабочего движения Америки, но фактически это буферная организация капитализма; эта Американская Федерация Труда состоит из слабо связанных между собой 122 интернациональных союзов, платящих небольшой подушный налог для содержания Исполнительного Совета, помещающегося в Вашингтоне, в Южном здании. Этот Исполнительный Совет состоит из председателя, девяти вице-председателей, секретаря и казначея. Никогда еще, за время почти сорокалетнего существования Американской Федерации Труда, он не сделал ни шага в интересах рабочего класса.

Сам Гомперс, этот проглодит, тупица, человек карликового роста и еще меньшего ума, состоит на должности председателя за жалованье в двенадцать тысяч долларов в год. Его главная обязанность—подписывать

В. Д. ХЭЙВУД.

подлые статьи, направленные в настоящее время по большей части против Российской Рабочей Республики и против всякого движения, имеющего хотя бы малейшую радикальную тенденцию. Эти статьи главным образом изготовляются социалистами-ренегатами.

Можно, строго придерживаясь истины, сказать, что исполнительный совет Американской Федерации Труда немногим лучше, чем сборище лакеев с крупными окладами, толпящихся вокруг отелей и зала Конгресса, и иногда обращающихся к народным законодателям с просьбой провести какую-нибудь меру в интересах организованных рабочих. Гомперс и его сподвижники до сих пор воображают, что класс хозяев будет законодательствовать в интересах своих рабов.

Перед выборами, Гомперс неизменно кличет клич: «Поражайте наших врагов, вознаграждайте наших друзей!» Насколько успешна бывает избирательная кампания Гомперса, показывают последние выборы, когда демократическая партия, возглавляемая губернатором штата Огайо, Коксом, за которого горою стоял Вудро Вильсон (друг и земляк Сэмми-Жабы),—потерпела жесточайшее, со времени Тильдена, поражение.

Интернациональные союзы, из которых состоит Американская Федерация Труда, суть автономные организации, действующие независимо друг от друга; было, может быть, одно исключение, во время стальной забастовки, когда соединились 24 интернациональных организации стальной промышленности. Тут необходимо отметить, что, несмотря на кажущееся единство, на отряд из 200 организаторов и фонд в 500.000 долларов, забастовка кончилась печальной неудачей. При этом совсем не использована была возможность революционной пропаганды на громадных митингах. Наоборот, велась даже патриотическая пропаганда, и членская карточка печаталась окрашенной в национальные цвета: красный, белый и синий.

Ежегодные с'езды Американской Федерации Труда, происходящие теперь, в июне, в разных городах Америки, последний раз состоялись в Монреале, в Канаде. На них присутствуют должностные лица интернациональных союзов, и из года в год это все те же, давно знакомые лица. Их главная цель—проведение ничего незначущих резолюций и переизбрание своих должностных лиц; большая часть времени посвящается оживленным дебатам по вопросу о юрисдикции. Такие споры обычно возникают в *строительной промышленности*, где профессиональные разграничения доведены до мелочей.

Союз Об'единенных Горнорабочих—численно сильнейшая организация Американской Федерации Труда. Она состоит из людей, занятых вокруг копей и в самих угольных копях, и число ее членов доходит до полумиллиона. По форме—это производственная организация. Яд цеховых союзов проник в ее кровь и разделил организацию на 29 отдельных округов; каждый округ вступает со своими хозяевами там, где это возможно, во временные соглашения или контракты на разные сроки, что совершенно исключает всякую солидарность секций.

Надо заметить, что владельцы копей обязывают углекопов покупать инструменты, которыми они работают, и не только инструменты, но и керосин для предохранительных лампочек, а также порох и фитили для взрывов.

Чтобы привести пример, могущий об'яснить убыточные результаты временных контрактов, достаточно описать стачку угольных рабочих в штате Колорадо в 15-м округе.

Союз Об'единенных Горнорабочих Америки умолял главный штаб о средствах, то же делали несколько округов в целях поддержки бастующих. И в то же время члены той же организации в соседнем штате Уайоминг (Wyoming) по контракту добывали уголь, ранее поставлявшийся бастующими. В сущности, также отвратительно действовали и рабочие «Северных копей» Колорадо по отношению к их бастующим собратьям из «Южных копей»—того-же штата.

Редко бывало,—почти никогда,—чтобы члены Союза Об'единенных Горнорабочих перестали поставлять уголь, когда другие члены организованного труда бастуют, даже в тех случаях, когда такое действие с их стороны могло бы оказаться решающим для битвы. На деле оказывается, что дух товарищеского согласия и солидарности почти совершенно отсутвует среди членов *цеховых союзов* Американской Федерации Труда.

В настоящее время бастуют углекопы Западной Виргинии. Многие из них убиты; другие терпят неслыханные бедствия от сыщиков и *душителей*, нанятых капиталистами-владельцами копей; в то же время члены того же рабочего союза—Об'единенных Горнорабочих Америки—спокойно работают на прилегающих копях соседних штатов в Пенсильвании и Кентукки, позволяя использовать себя в качестве орудий для поражения своих собратьев. Они делают это, понимая, если они вообще способны мыслить, что, после поражения углекопов в Западной Виргинии, они будучи призваны или вынуждены к забастовке, тоже должны будут бороться в одиночку, так как поражение в Западной Виргинии будет разгромом союза.

Одно время председателем Союза Об'единенных Горнорабочих был покойный Джон Митчель. Митчель был человеком, о котором капиталистическая пресса Америки говорила, что это «величайший рабочий вождь», каких когда-либо видел свет. Джон Митчель сделался членом и был избран председателем К-та Соглашений Гражданской Федерации (Trades Agreement Committee of the civil Federation) с щедрым жалованием в шесть тысяч долларов в год. Он, однако, принужден был отказаться от этой должности; в противном случае его исключили бы из числа членов Союза Об'единенных Горнорабочих Америки (U. M.

W. of A.), где он одно время тоже был председателем. Это уничтожило бы его престиж в рабочем движении, а потому он ушел с выгодного поста. Он оставил после смерти имение ценой более чем в *триста тысяч долларов)*; факт, достаточный для того, чтобы показать, что этот важный деятель Американской Федерации Труда служил своим хозяевам-капиталистам кое-чем другим, а не только на посту в Гражданской Федерации.

Другим образцом Гомперсовой школы является *Роберт Бриндэль*. Этот господин повел свои эгоистические делишки несколько иначе, и, не поладив с законом, теперь отбывает наказание в тюрьме. Бриндэль был главой строительного союза, известного под названием Building Wreckers Union, но в то же время он был членом строительной фирмы, и, таким образом, вел двойную игру. Преступление, за которое его осудили, состояло в том, что он заставил организацию предпринимателей, желавшую построить какое-то здание, уплатить ему до возможного начала работ 20.000 долларов. Ссоры между официальными представителями строительных союзов во время постройки зданий—явление обычное. Цель этих столкновений—вынудить у заказчика взятку для быстрого улажения затруднений. Эта система так распространена, что строительные фирмы к смете на постройку здания прибавляют определенный процент на взятки, которые, как они знают, будут потребованы представителями Американской Федерации Труда, в роде рабочего вождя *Стива О-Доннэля*, про которого говорят, что он за время своего председательствования в Строительном Совете Чикаго, в штате Иллинойс, набрал достаточно денег для того, чтобы выстроить доходные дома ценой свыше 300.000 долларов на шикарном бульваре, известном под названием «Шеридан Род».

Другой образчик этой почтенной породы *П. М. Артур*, умер в бытность свою главой Братства Машинистов, организации, которую он титуловал «рабочей аристократией». Умирая, этот вождь рабочих, оставил имение, приносящее его наследникам большой доход.

Но виноваты, главным образом, не эти люди, которые только выдвинулись путем попрания своего долга по отношению к рабочему классу. Вина, скорее, на стороне рабочих союзов, которые уж построены так, что создается возможность подобных злоупотреблений со стороны должностных лиц, и даже вызываются такие злоупотребления. *Профессиональные или цеховые союзы*, составляющие часть Американской Федерации Труда вещь весьма своеобразная, которая должна быть тщательно описана, чтобы стать понятной членам рабочих организаций других стран, считающих рабочие союзы настоятельной необходимостью для жизни и прогресса рабочего класса.

В Соединенных Штатах профессиональные союзы не задаются целью организации рабочего класса, но существуют для того, чтобы воздвигать стены вокруг немногих избранных, ограничивая число своих членов различными комбинациями и превращаясь в монополии для выгодных сделок:

1) Они требуют, чтобы каждый новый член отбыл ученичество, срок которого различный для разных профессий.

2) Некоторые союзы требуют, чтобы мальчик, принятый учеником, был сыном человека, бывшего рабочим этой профессии. Но эти союзы, тем не менее, примут и сына хозяина.

3) Некоторые союзы требуют огромный вступительный взнос. Например, выдуватели зеленого бутылочного стекла определили обычный вступительный взнос в 500 долларов. С выдувателей богемского стекла взимают вступительный взнос в 1.000 долларов. Изготовители движущихся картин (the moving picture operators) назначили плату в 300 долларов с каждого вступающего в союз. Электрические рабочие № 134 платят 250 долларов. Союз плотников и столяров в некоторых местах назначил 75 долларов вступительного взноса. Член союза, переезжающий в местность, где вступной взнос выше, чем в том союзе, в котором он состоял, обязан уплатить разницу.

4) Иногда требуется экзамен, и желающие вступить в члены должны прослушать строгий курс механики до зачисления. Это имеет место в Союзе художников и декораторов, в Союзе электрических рабочих и во многих других.

5) Многие ремесленные союзы Американской Федерации Труда ограничивают число учеников, принимаемых для изучения ремесла. Обычно один ученик должен приходиться на 7 или, в некоторых ремеслах, на 10 рабочих. Таким образом выходит, что рабочие союзы, вследствие некоторых постановлений устава, не имеют возможности учить сыновей своему ремеслу. Например, если 8 из 10 рабочих женаты и имеют семью, то можно предполагать, что у этих 8-ми будет 8 или больше сыновей. Эти мальчики, по достижении ими соответственного возраста, большей частью, естественно, последуют примеру отцов и придут стучаться в дверь союза, к которому принадлежит отец, и просить о привилегии — изучить его профессию. Всем этим мальчикам, кроме одного, отцы в профессиональных союзах откажут в принадлежащем им праве и толкнут своих собственных сыновей на то, чтобы они стали чернорабочими, были насильно забраны в капиталистическую армию или во флот, в тюрьмы и исправительные дома. Как бы то ни было, а Индустриальные Рабочие Мира принимают этих лишенных наследства сыновей с распростертыми об'ятиями.

6) Существуют союзы, как Союз художников и декораторов, и Союз пекарей и пирожников, которые окончательно отказа-

лись принимать новых членов; их книги закрылись, поскольку это касается приема новых членов, правда, на время.

7) Некоторые интернациональные союзы Американской Федерации Труда отказываются допускать женщин в число членов. Пример — Интернациональный Союз парикмахеров.

8) Другие ремесленные союзы требуют, чтобы вступающий в члены был американским гражданином.

9) Многие профессиональные или ремесленные союзы держатся разделения на расы: чернокожие, китайцы и японцы не допускаются в число членов.

Эти правила организаций, входящих в состав Американской Федерации Труда ясно показывают невозможность для названного об'единения сделаться когда-либо классовой организацией; и, фактически, она породила не классовое самосознание, а определенно *эгоистическое цеховое самосознание.* Гомперс делается другом хитрых капиталистических политиков Вашингтона. Его близкая связь с «демократическим» правительством в период войны — доказательство этого. Его дружба с Вильсоном (созданием столь подлым, что не существует ругательства, достойного его) показывает, сколь низко Гомперс пал. А его сикофантство стоит жизни многим мужественным рабочим Америки.

Американская Федерация Труда заявляет, что число ее членов возросло более чем вдвое за время великой войны. Но заслуживает внимания то обстоятельство, что рост этот не был вызван обычными усилиями пропаганды или трудом самой организации. Он был насильно вызван правительствами Соединенных Штатов и Канады, так как политические машины этих двух стран заставляли горнорабочих, кораблестроителей и других рабочих вступать в члены Американской Федерации Труда. Это было наградой за помощь Гомперса в дьявольской работе, которую они проделали для поддержки ужасной капиталистической оргии смерти. Тот же Гомперс, этот политический лизатель плевков, был ответствен, как говорили автору, в соучастии сперва с Военным Департаментом, где он встретил отказ, потом с Департаментом Юстиции в устройстве ужасных преследований Индустриальных Рабочих Мира, из которых многие лишились жизни и сотни которых до сих пор томятся в тюрьмах и исправительных домах Соединенных Штатов.

Вообще, зверство Гомперса, буржуазных политиканов и капиталистов по отношению к Индустриальным Рабочим Мира происходит от боязни их перед этой организацией. Хотя и немногочисленная, она полна непокорства, которого не сломить. В этой организации царит чувство братства более смелое и глубокое, чем вообще где-либо видел автор в других организациях.

Индустриальные Рабочие Мира организованы, согласно указаниям науки, по производственному принципу. Они участвовали в схватках более серьезных, чем все политические и так называемые рабочие организации Соединенных Штатов вместе. Тысячи их членов были арестованы за участие в классовой борьбе. Индустриальные Рабочие Мира провели много крупных забастовок и никогда не были вынуждены свернуть знамя победы. Индустриальные Рабочие Мира несут весть о промышленной свободе в самые отдаленные уголки земли. Сотни их членов вернулись в Россию и приняли участие в величайшей в мире Революции. Индустриальные Рабочие Мира никогда не склоняли послушно чела пред капиталистическим классом; они преклоняются перед героями революции, наметившими путь к промышленному миру и к счастью великого народа. Да здравствует же Революция, пока промышленная свобода не станет достоянием каждого рабочего во всем мире!

Вильям Д. ХЭЙВУД.

БОРЬБА ЗА КОММУНИЗМ В ЧЕХО-СЛОВАКИИ.

Чехо-словацкая, так называемая, «демократическая» республика есть детище мировой войны. Империалисты Антанты вели мировую войну, между прочим, во имя «самоопределения народов». Существование Чехо-Словакии является прекраснейшим доказательством того, как понимают и проводят в жизнь это самоопределение англо-французские капиталисты. По Версальскому договору, не менее, как *шести* (!), национальностям приказано было «самоопределиться» в границах этой новой тюрьмы народов, построенной из старых кирпичей развалившейся Австро-Венгрии. Чехи, словаки, немцы, мадьяры, русины и поляки составляют теперь основную часть «самоопределившегося» чешского и словацкого народов...

Понятно, что в таком национальном вулкане медленнее, чем где бы то ни было, воспринимаются пролетариатом идеи интернационального коммунизма. Чувство международной солидарности трудящихся и понятие о необходимости образования единого пролетарского, коммунистического фронта в таком разношерстном государстве появляются и крепнут только тогда, *когда призыв к такому классовому об'единению исходит от пролетариата господствующей в нем национальности*, и, само собою разумеется, *лишь при том условии, если этот пролетариат вместе с тем начинает по-коммунистически бороться со своей буржуазией, стоящей у власти, и ее лакеями.*

Такой момент переживает ныне Чехо-словацкая республика. События последних месяцев доказывают это ясно. На призыв чешского пролетариата, с оружием в руках борющегося против чешской буржуазии, горячо откликается пролетариат других национальностей, населяющих республику; и мы находимся теперь накануне образования чехо-словацкой секции Коммунистического Интернационала.

Чехо-словацкая „демократия".

Но почему же только теперь, на третий год существования Чехо-Словакии, родится коммунистический авангард всего ее пролетариата?

Ответ на этот вопрос мы получим, когда рассмотрим, хотя бы в самых беглых чертах, двухлетнюю историю существования чехо-словацкой «демократии».

Мы, коммунисты, целых два года говорили, теперь повторяем и будем повторять рабочим, что под маской «демократий» везде и всюду проводится диктатура буржуазии. Нам, конечно, не сразу верили, и многие еще теперь не верят, особенно среди чешских рабочих. В этом нет ничего удивительного. Потребовалось целых два года практической работы «демократии», чтобы прозрели самые сознательные элементы рабочего класса Чехо-Словакии. Долгим, мучительным опытом они убеждались и только недавно убедились, что его «старые, испытанные» вожди — социал-демократы и прочие «социалисты» — не что иное, как лакеи буржуазии. Они убедились, что погибающая, утратившая всякое доверие среди рабочих буржуазия ныне проводит свою диктатуру уже не прямо и не непосредственно, а под маской «демократии», через перешедших к ней на службу рабочих вождей и бюрократов. Надо было проделать двухлетний опыт, чтобы рабочие пришли к тому же выводу, который мы все время им внушали: *буржуазия сохраняет свое господство исключительно при помощи сознательных и бессознательных предателей рабочего класса.*

В других государствах Европы пролетариат убедился в этом гораздо раньше. Понятно, не везде буржуазия имеет таких хитрых и замаскированных руководителей, как в маленькой республике средней Европы. В Чехо-Словакии неизбежный крах ее господства задерживает умный буржуазный философ, гуманист и «почти социалист», президент Массарик, популярный «освободитель родины», сын рабочего, сам бывший рабочий. Здесь она сумела прикрыть свое отвратительное, жестокое и кровавое лицо почти непроницаемым вуалем гуманности и миролюбия. *В этом — весь секрет двухлетнего обмана рабочих массариковской „демократией".*

Рабочие вожди и умные «почти-социалисты» в роде Массарика спасают теперь чехо-словацкую буржуазию. И она им весьма благодарна, ибо опыт научил ее дорожить теми выходцами из враждебного ей пролетариата, которые *лучше ее* и, что самое главное, *лучше и умнее* сумеют защищать ее же интересы.

Но не всегда было так!

Сначала в Чехо-Словакии осуществляла свою диктатуру одна чешская буржуазия, руководимая миллионером доктором Крамаржем. Она бесцеремонно стремилась подчинить себе не только пролетариат, но и буржуазию всех других национальностей республики. Чешский пролетариат получил 8-часовой рабочий день и трех соц.-демократических министров.

Ему обещали латифундии немецкой и венгерской буржуазии и аристократии. Он должен был чувствовать себя в роли соправителя республикой, в которой, как будто, проводилась диктатура всей чешской нации.

Но этот обман продолжался недолго. Парижские и лондонские буржуа поумнее своих чешских вассалов. Они скоро сумели растолковать им, что какое бы то ни было нарушение священного принципа частной собственности, хотя бы даже из национальной вражды, хотя бы для удовлетворения и примирения чешских рабочих за счет немецкой и венгерской буржуазии, во имя спасения собственной шкуры, — очень опасная вещь, которая, в конце концов, неминуемо приведет к экспроприации тех, кто ее затевает. Получив этот элементарный урок об интернационализме капитала и частной собственности, чешская буржуазия в своих же интересах не могла решиться на экспроприацию земель немецко-венгерских аристократов, обещанную уже чешскому пролетариату. Рабочие довольно скоро убедились в этом нежелании. Они быстро начали понимать, что министр-президент Крамарж проводит в республике диктатуру чешской буржуазии, которая *только на словах ненавидит буржуазию других национальностей, не трогая ее на самом деле.*

В стране начались волнения. В конце мая 1919 г. во всей Чехо-Словакии рабочие вышли на улицу. Во главе демонстрации несли виселицы, на которых подвешивали изловленных по пути спекулянтов и буржуев. Некоторые торговые дома и магазины были разгромлены.

Чешская буржуазия растерялась. Если вспомнить, что тогда по соседству, в Венгрии, у власти стоял победивший пролетариат, станет понятным тот страх, который охватил чешскую буржуазию и ее лакеев. Глупость и национальная вражда молодой, алчной чешской буржуазии, как господствующего в государстве класса, грозили погубить дело буржуазии всех национальностей республики.

Крамарж, уже обещавший в это время Парижу выступление Чехо-Словакии против Советской Венгрии, разрешил кризис довольно просто: усилением шовинизма в рабочих массах он стремился победить укреплявшееся чувство классового сознания. Началось нападение на Венгерскую Рабоче-Крестьянскую республику. В газетах печатались «страшнейшие» картины о вторжении венгерской красной армии в Словакию. Правительство, во главе с Крамаржем, провозгласило лозунг «спасения республики».

Но одновременно надо было убеждать бунтующих рабочих, что в Чехо-Словакии тоже произойдет социальная революция, но без кровопролития и гражданской войны, и потому, мол, надо обороняться против тех, кто «хочет навязать ее посредством оружия, как венгерские большевики». Отсюда стало очевидным, что Крамарж республику спасать не может, что трудящиеся массы ему больше не верят. Умная часть чешской буржуазии прекрасно понимала, что он окончательно скомпрометировал ее дело в глазах большинства населения республики. В роли «спасителя родины» начинает выступать опять «освободитель» Массарик.

Философ, гуманист, которого народные массы считают социалистом, он достаточно умен, чтобы хотя на время спасти буржуазию, и достаточно хитер, чтобы хотя не время суметь обмануть рабочие массы. Он стал единственной надеждой чешской буржуазии.

Массарик знал, конечно, что дела ее из рук вон плохи. Он сразу понял, что спасать буржуазию могут только те, кто уже до войны стремился к соглашению с ней, кто во время войны, предав и запродав рабочий класс, перешел к ней на службу, и кто после войны проповедует рабочим примирение труда с капиталом, хотя иногда и в оболочке революционной фразеологии — т. е. социал-патриоты и социал-оппортунисты всех мастей и оттенков. Рабочие пока еще им верят, ибо, творя предательство, они умеют говорить большевистские слова.

Вот почему Массарик в июне 1919 г. мог провозгласить лозунг: «Вся власть трудящемуся народу городов и провинций!». Вот почему можно было этим большевистским лозунгом почти два года обманывать рабочие массы.

Крамарж ушел в отставку, и Массарик поручил вождю социал-демократии Туссару сформировать «рабоче-крестьянский» кабинет.

Туссар, сразу конечно, понял, в чем дело. Он составил правительство из 3 соц.-демократов, 3 чешских социалистов (национальных) и 3 кулаков-аграриев (республ. партии), помимо отдельных беспартийных. Крамаржевская буржуазия совсем не участвовала в правительстве.

Во время формирования кабинета были арестованы все вредные для «спокойствия» страны коммунисты, во главе с тов. Муна, и брошены в тюрьму.

Так благополучно началась в Чехо-Словакии эпоха «власти трудящегося народа».

Программа ее, как и подобает, была народная: социализация латифундий всей аристократии и крупных помещичьих земель, рудников, крупной промышленности, металлургической, сахарной и пр.

А чтобы можно было осуществить эту программу, надо, во-первых, спасать отечество — говорили «социалистические» министры, с Массариком во главе...

Нет ничего удивительного, если рабочие массы еще раз позволили заманить себя в ловушку обороны «отечества», которое, как им казалось, не сегодня,—завтра станет социалистическим. И чехо-словацкие рабочие как бы видели себя уже в царстве социализма. Они верили, что социал-демократические вожди приведут их к социализму не кровавым, а «демократическим» путем.

Ведь, в правительстве большинство состояло из «социалистов» и «почти сициалистов», и «захват власти» совершился без единого выстрела, без единой капли крови, по призыву самого президента Массарика!

«Республика теперь наша, и мы бескровно сделали ее социалистической» — говорили в 1919 г. далеко не рядовые рабочие в Чехо-Словакии. Этому верили очень многие их руководители в провинции и в центре, которые сегодня уже борются в наших коммунистических рядах.

Осуществить свою программу эта «власть трудящихся», конечно, не могла и не хотела,—не в том была ее задача. Но ей удалось спасти республику, а тем самым и буржуазию, переименованую тогда в «демократию»...

Больше того, почти целых два года удавалось более или менее ловко обманывать рабочих, безземельных крестьян и батраков и затормозить создание их авангарда—коммунистической партии. В течение почти двух лет эта «власть трудящихся» расширяла свое социалистическое большинство, по мере все усиливавшегося разочарования в ней трудящихся, и сумела, таким образом, играть свою роль. Такая «демократия» вынуждена была после войны скрывать от взоров трудящихся свое истинное лицо.

Мы постараемся, в дальнейшем, выяснить всю суть практиковавшегося обмана.

Чехо-словацкая буржуазия, как и всякая другая буржуазия, понимает, что ее господству приходит конец. Экономический фундамент, на котором покоится духовно-правовая и культурная надстройка человеческого общества, создан буржуазией, но принцип частной собственности быстро идет к своей гибели. Под ударами революционных рабочих надстройка шатается, трещины в ней углубляются. Буржуазия ищет и находит спасителей в лице меньшевиков и прочих «социалистов»,, которые хотя на время сумеют приостановить штурм рабочих. Этим своим спасителям буржуазия дает в руки власть. Рабочий штурм, действительно, временно ослабевает.

Но жизнь идет своим чередом, и волей-неволей заставляет рабочего подводить итоги «демократии». Рабочий разочаровывается в возможности осуществления социализма «демократическим» путем и переходит к нам, коммунистам.

Нашего полку стало прибывать по мере того, как продолжалось существование «правительства трудящихся». Руководимая Массариком буржуазия сочла нужным расширить рамки «демократии». Тов. Муна и других коммунистов выпустили из тюрьмы. К четырем меньшевистским министрам присоединили еще троих. Теперь в правительстве большинство уже состояло из социал-демократов. И все они стояли за социализацию!

Меньшевики сумели еще на полгода удержать около себя рабочих.

Социализацию, не осуществили, конечно и семь меньшевистских министров. Изо дня в день рабочие массы все больше убеждались в неправильности того пути, на который их завлекают меньшевистские верховоды. И своему разочарованию в «рабоче-крестьянском» правительстве рабочие дали верное выражение: на с'езд тогда еще единой Соц.-демократической Чехо-Словацкой Рабочей партии, созванный, под давлением левого крыла, на 25 сентября 1920 г., они избрали около 80% левых делегатов, обязав их потребовать немедленного ухода вождей с министерских постов.

Положение создалось для реформистов незавидное. Левое крыло партии, имеющее в своих рядах всех вернувшихся из Советской России коммунистов, грозило победить на с'езде, захватить всю партию в свои руки, выбросить из нее всех меньшевистских вождей и привести чехо-словацкий пролетариат под знамена III Интернационала. Меньшевистские министры и бюрократы были преисполнены ярости в виду такой черной «неблагодарности» рабочих...

И с этого момента подготовляется заговор против революционного чехо-словацкого пролетариата, который посмел ослушаться своих министерских вождей-лакеев буржуазии, — заговор, целью которого, несомненно, было утопить в крови все коммунистическое движение Чехо-Словакии.

Заговор меньшевиков и буржуазии.

Меньшевистским верхам, во главе с Массариком, стало ясно, что борьба чешских рабочих против буржуазии и ее лакеев вызовет горячий отклик среди пролетариата всех других национальностей республики. Быть может, эту борьбу, из-за национальной вражды, будут поддерживать полупролетарские слои и, до известной степени, и буржуазии других национальностей Чехо-Словакии, по крайней мере, та ея часть, которой руководит немецкий Крамарж—доктор Лодгман. Ведь Крамарж и Лодгман все еще не понимают теперешней смертельной схватки буржуазии с пролетариатом и, как будто, ставят национальные интересы выше классовых. Вот почему меньшевистский министр-президент Туссар начал вести переговоры с немецкими меньшевиками республики. План был ясен: опять «расширить» рамки демократии в целях дальнейшего обмана пролетариата. Немецкие меньшевики вместе с чешскими должны были создать социал-демократическое правительство. Массарик в это время вел переговоры с доктором Лодгманом и некоторыми вождями аграрно-промышленного лагеря, понимавшими классовые интересы чешской буржуазии (доктор Энглиш и другие), дабы оппозиция их партий против такого чисто «социалистического» кабинета не выходила из рамок лойяльности.

Однако, несмотря на все старания Массарика и Туссара, план этот рухнул. Немецкие меньшевики убоялись такого же уси-

ления левых элементов в немецкой соц.-демократии, какое уже наблюдалось в чешской. Немецкая буржуазия не менее чешской боялась неизбежного тогда союза революционного пролетариата чешской и немецкой национальностей. Словацкий, венгерский и русинский пролетариат давно уже заразился большевизмом, еще во время существования Советской Венгрии и Советской Словакии, и на него нечего было надеяться.

Тогда меньшевики и буржуазия решились на открытую борьбу с самым многочисленным пролетариатом в республике, именно—чешским. Они сделали это с болью в душе и со страхом, ибо понимали, что такой их шаг должен был открыть глаза самым отсталым чехо-словацким рабочим. Массарик санкционировал это решение, ибо другого исхода не было.

Борьба эта была, во-первых, необходима, с точки врения международной политики и тех разбойничьих шаек, которые связаны с Чехо-Словакией и Малой Антантой. Во-вторых, меньшевики, нисколько уже не сомневавшиеся в неизбежности раскола в Соц.-демократической партии, решили с самого начала бороться с левым большинством при помощи всего государственного аппарата капиталистической республики.

Меньшевистские министры решили уйти в отставку. В половине сентября 1920 г. кабинет «трудящегося народа» распался. Он стал больше ненужным, ибо рабочие перестали ему верить. В этот момент маски сбрасываются, и начинает осуществляться тот искусно подготовленный план, при помощи которого буржуазия и ее лакеи надеялись покончить с большевизмом в Чехо-Словакии.

Меньшевики, с согласия Массарика, вручили власть кабинету бюрократов, во главе с министр-президентом Черным, личным другом Туссара. Этот чиновничий кабинет имел своей задачей *покончить* с большевизмом в подходящий момент и всеми доступными для того средствами.

Покинув министерские посты, меньшевистские «вожди» оказались в незавидном положении генералов без войска. С кучкой верных им рабочих бюрократов, занимавших руководящие посты в соц.-дем. партии, они подвергли переголосованию коммунистов и отложили партийный с'езд на два месяца. В то же время они исключили из партии всех сторонников III Интернационала, во главе с т. т. Шмераль, Скалак, Муна, Гоусер и др. Мало того, они добровольно, безо всякой борьбы, покинули центр жизни партии—пражский рабочий дом,—когда его захватили в свои руки, на правах большинства, левые рабочие и коммунисты. Ведь, меньшевистские заговорщики уже тогда прекрасно знали, что буржуазия, которую они спасают от захватов, спасет для них рабочий дом, ибо юридически он являлся частной собственностью председателя Ц. К. Чехо-слов. партии меньшевиков, Ант. Немеца.

С'езд Чехо-Словацкой Соц.-Дем. партии, все же, состоялся, но без меньшевиков, при участии одних левых, которые избрали новый Ц. К., во главе с рабочим тов. Гавлином и под идейным руководством тов. Шмераля, и санкционировали захват рабочего дома в Праге. Была выработана новая временная программа партии, и вопрос о присоединении к III Интернационалу решено предварительно обсудить по ячейкам.

Так раскололась чехо-словацкая социал-демократия на правицу и левицу *).

Затем правые усиленно занялись реорганизацией остатков партии, подготовляя свой с'езд и вырабатывая план заговора против рабочих масс, идущих за левицей. С'езд правых состоялся 26 и 27 ноября 1920 г. На него с'ехались все вожди II Интернационала, дабы помочь погибающей в борьбе за интересы буржуазии чехо-словацкой социал-демократии. Тут были Вандервельде и Гюисманс, Крамп и Мюллер; присутствовал и представитель русской партии эс-еров гражданин Сухомлинов.

Делегаты на этот знаменитый с'езд в большинстве случаев не избирались, а назначались. Очень многие представляли ячейки от 5—20 человек, были даже делегаты, буквально никем не уполномоченные и никого не представлявшие. Каждый должен был дать письменное обязательство, что он против III Интернационала,—только тогда он утверждался делегатом.

К этому, с позволения сказать, «с'езду» обращались столпы II Интернационала, призывая чехо-словацких пролетариев к работе по его восстановлению и не скупясь на ругань по адресу Коминтерна и тов. Шмераля, того старого социал-демократического вождя, который ныне прилагает все усилия к уничтожению социал-демократии. Коминтерн изображался, конечно, в виде кучки авантюристов, разбивающей единство пролетарского фронта.

Бывший министр Соцкуп изрек даже такую премудрость: «Из Москвы в ряды пролетариата всего мира был брошен тот факел, который зажигает кровли международной социал-демократии и ставит мировой пролетариат перед роковым вопросом: куда итти—по путям ли, указанным Марксом, путям международной социал-демократии, или же по старым путям, давно отброшенным, по путям коммунизма...(!) Борьба идет на крупную ставку—на разум чехо-словацкого пролетариата. Это не новая борьба, она уже однажды происходила, Маркс вел ее против Бакунина, и социал-демократия поведет ее против коммунизма».

Второй «вождь», меньшевик Бехине, сказал: «Судьба наших рабочих связана с судьбой республики. Хотите нашу республику?

---

*) Описание раскола и программу с'езда левых можно найти в статье тов. Гулы, помещенной в № 15 «Коммунистического Интернационала».

Если да, то знайте, что без вашей поддержки она не может существовать».

Председательствовавший меньшевик Антон Немец превзошел всех: «Программа Массарика—это наша программа... Чехо-словацкая республика,—это мы, это—чехо-словацкая социал-демократия» («Право Лиду», от 28 и 30 ноября 1920 г., №№ 281 и 282).

Эти краткие цитаты лучше всего свидетельствуют о «марксизме» ораторов. Играя на шовинизме некоторой части чешских рабочих, изображая коммунистов, как анархистов, они своими речами подготовляли почву для осуществления выработанного ими плана разгрома коммунистов. Им сыграли на руку и возвратившиеся из Советской России как раз в день с'езда делегаты профсоюзов, Питак и Полах. В длинных речах они забрасывали грязью Советскую республику и русский героический пролетариат, поддерживая буквально погромное настроение в зале заседания. Под аплодисменты всей чешской буржуазии, с'езд высказался за присоединение ко II Интернационалу.

Это должно было обозначать водворение II Интернационала в Чехо-Словакии и во всей Средней Европе. Буржуазия с большим удовольствием печатала в своих газетах речи его вождей, сказанные на с'езде, как и речи чешских меньшевиков. Погромные «доклады» Питака и Полаха распространялись в 100.000 экземплярах.

Еще до с'езда меньшевиков в Чехо-Словакии было издано на средства секретного отделения министерства национальной обороны около сотни брошюр против Советской России. Теперь поток погромной литературы особенно усилился. Всякий проходимец, авантюрист, агент - провокатор, иногда и побывавший в России «коммунист» пишет за хорошие деньги свои «впечатления» о Советской России, громя большевиков и забрасывая грязью пролетариат Советской Республики. Этим и об'ясняется то погромное настроение среди обывательской массы против настоящих коммунистов, в котором так нуждаются меньшевики и стоящая за ними буржуазия.

Создав, таким образом, нужное настроение, подсчитав и реорганизовав свои довольно скромные силы, меньшевистские вожди выжидали удобного момента.

Проведение заговора.

Начать атаку должно было правительство Черного.

Один из меньшевистских вождей, сенатор Свеценый, неосторожно выболтал это перед двумя свидетелями, т. т. Черным и Кудерой, на второй день после отставки меньшевистских министров («Руде Право», от 11 декабря 1920 г., № 69).

Конфликт, из-за которого коммунисты неизбежно должны были столкнуться с государственным аппаратом республики, был налицо—захват рабочего дома. Немец обратился за помощью к буржуазной юстиции, и она, конечно, не замедлила присудить дом депутату-меньшевику.

Во время с'езда это дело прошло как раз третью инстанцию, и в декабре конфликт неминуемо должен был разразиться.

Не подлежит сомнению, что Туссары, Немцы и Бехине пригласили вождей II Интернационала на с'езд, между прочим, и для того, чтобы «посоветоваться» с ними насчет осуществления заговора. Больше того: *вся левая печать откровенно писала, что центр европейской реакции, Париж, приказал всем своим мало-антантовским вассалам покончить с большевизмом и очистить тыл к будущей весне...*

Вожди II Интернационала были приняты президентом Массариком. Они вели переговоры с бывшими меньшевистскими министрами, из которых Туссар был постоянно заместителем Бенеша и стоял в курсе всей иностранной политики.

Несомненно, что все переговоры и заседания, которые в конце ноября 1920 г. велись в Праге, происходили с ведома Парижа. *Это были заседания штаба европейской контр-революции, вырабатывавшей планы кровавой расправы с большевизмом в Средней Европе, а прежде всего, в Чехо-Словакии, где движение революционного пролетариата начало принимать грандиозный характер.*

Первый свет на результаты пражских совещаний бросило интервью Массарика, данное им корреспонденту венгерской газеты «Аз Ест» и опубликованное 2 декабря 1920 г. в «Прагер Тагеблат». Говоря о России, Массарик сказал: «Я замечаю, что везде в Европе поняли, что такое большевизм... Политика России грубо ошибочна... Агитация и пропаганда за границей не поможет России. *Кажется, что Европе уже надоела политика равнодушия, и она полагает вступить на путь твердости*». («Чешское Слово», от 3 декабря 1920 г., № 283).

Эти слова главы государства были сигналом к незаметному началу атаки. В первых числах декабря начались конфискации левых газет, в том числе центрального органа социал-демократической левицы «Руде Право», органа левой молодежи «Млады Пролетарж» и женского органа «Женски Лист». Конфискации скоро стали практиковаться ежедневно как в Праге, так и в провинции.

В это время меньшевики одобрили в парламенте 14-миллиардный бюджет, в котором 2½ мил. крон было ассигновано на армию («Руде Право», от 5/XII, № 64).

Кладненские горнорабочие в это же время в особом воззвании заклеймили позором клеветников Советской России и ее героического пролетариата.

Когда выяснилось, что конфискация левых органов мало помогает поставленной задаче, государственная комиссия по распределению газетной бумаги приостановила с 1-го декабря отпуск бумаги центральному органу левицы.

В это время количество анти-большевистских статей, брошюр и литературы во-

обще увеличилось. Красной нитью через всю печатную грязь проходили сообщения о «московских приказах» и «большевистских рублях».

Меньшевикам казалось, что почва достаточно подготовлена и коммунистическая печать достаточно уже разгромлена, чтобы начать действовать, даже не ожидая, когда приговор буржуазного суда возвратит рабочий дом А. Немецу. Они особенно спешили, потому что коммунистические рабочие днем и ночью стали караулить пражский рабочий дом; на смену пражским рабочим приезжали караульные отряды из Кладна, Нимбурга и других окрестных городов.

Меньшевистские депутаты в парламенте начали отказываться от всякой работы в комиссиях, настаивая на том, чтобы раньше им был возвращен рабочий дом. Они, ведь, знали, что когда настанет пора привести приговор в исполнение, рабочие в Праге уж будут сконцентрированы и грудью станут отстаивать рабочее имущество.

Им важно было застать рабочих врасплох. Они стремились найти повод для преждевременного вмешательства органов власти. *Меньшевистские „демократы" прибегли к провокации.* Директором в типографии рабочего дома был депутат-меньшевик Гумельганс. На его имя было выдано разрешение на открытие типографии. Несомненно, по указаниям меньшевистских заговорщиков, Гумельганс после с'езда стал вести себя в типографии, как настоящий владелец: игнорировал заказы Ц. К. левицы, исполняя одновременно в срочном порядке все заказы меньшевиков, и т. д. Ц. К. левицы, не замечая провокаторской игры Гумельганса, уволил его и его заместителя-меньшевика. Это, конечно, было ошибкой: меньшевикам только того и нужно было: повод для вмешательства властей был, таким образом, налицо. Государственный аппарат, так долго ожидавший необходимого толчка, сразу заработал.

Меншевистские предатели, провокаторы и заговорщики потирали руки от удовольствия.

В тот самый день, когда был уволен Гумельганс, после обеда, в рабочем доме появился наряд полиции в полном вооружении и, опечатав типографию, воспретил дальнейшие работы, под тем предлогом, что из предприятия ушел-де его владелец. Поставив часовых у типографии, полиция разместилась во дворе. Новый наряд полицейских образовал кордон перед главным входом в дом. Во двор рабочих пропускали исключительно по партийным билетам Соц.-дем. партии только *с отметкой левицы.* А так как до появления полиции пропускались рабочие обеих фракций Соц.-дем. партии, то полиция очень старалась, чтобы в подготовлявшуюся кровавую баню не попался никто из сторонников меньшевиков. Даже такая мелочь была предусмотрена заговорщиками.

Полиция была усилена жандармерией, вооруженной винтовками; в количестве 300—500 чел., она заняла весь двор и сад рабочего дома. Надо заметить, что для борьбы с коммунистами полицейские и жандармы подбирались специально, их отряды тщательно формировались по всей республике. То же самое было и с теми частями легионеров и армии, которые впоследствии устраивали убийства среди бастующих рабочих. Формировались *настоящие карательные отряды* из особо суровых, жестоких и надежных полицейских, жандармов, солдат и легионеров.

Известие о том, что в рабочем доме расположилась полиция и жандармерия, быстро разнеслось по всем пражским фабрикам, и толпы народа повалили к дому. Кроме того, к 8 час. вечера того же дня, 9 декабря, уже раньше было назначено собрание уполномоченных фабрично-заводских организаций и ячеек всех участков Праги, которое насчитывает около 600 человек. Полиция и жандармерия не хотели допустить делегатов на собрание, пустив в ход резиновые палки и приклады. Однако, делегатам и части рабочих сильным напором удалось прорвать вооруженный кордон и войти в здание. Собрание состоялось. Полиция и жандармерия получили приказ, во что бы то ни стало, разогнать собрание и «очистить» дом от коммунистов. Во время доклада тов. Скалак жандармы ворвались в зал заседания и прикладами, штыками и резиновыми палками выбили рабочих из помещения. Рабочие сосредоточились во дворе, обороняясь от штыков и прикладов палками, камнями и обломками кирпичей. В результате, в зале заседания, во дворе и у входа в дом остался лежать десяток тяжело раненых, много раненых рабочих скрылось.

Таким образом, рабочий дом был совершенно «очищен» от рабочих, и жандармские офицеры и полицейские чиновники немедленно же телефонировали об этом меньшевистским вождям, которые с минуты на минуту нетерпеливо ожидали приглашения вернуться «к себе».

Коммунистические редакторы, во главе с т. т. Шмераль, Муна и Скалак, были избиты до крови, вынесены из дома и буквально выброшены на улицу.

Первым, под прикрытием жандармов, поспешил к «очищенному» дому член II Интернационала, юридический «собственник» дома, депутат *Антон Немец. Попирая своими ногами только-что пролитую свежую кровь раненых рабочих, этот предатель и убийца торжественно направлялся, улыбаясь, ко входу в «свой» дом. Выстроенный кордон жандармов и полицейских вытягивается и отдает ему честь.*

Столь же торжественно и победоносно входили туда и другие меньшевистские вожди в то время, как санитары и товарищи подбирали с окровавленного тротуара и выносили со двора стонавших от боли раненых и укладывали их в кареты скорой помощи.

Вот вам и II Интернационал
Вот вам и «демократия»!

Не напрасно же чешские рабочие назвали его *Жандармским Интернационалом.* Это — Интернационал спасителей буржуазии, Интернационал убийц рабочих! Его членов лучше всего охарактеризовала та чешская работница, которая, встретив после того на улице меньшевика Немеца, публично показала на него проходящим: «Вот идет предатель, по нем течет рабочая кровь!»

Чешские рабочие ответили на кровавое насилие, организованное меньшевиками, немедленной забастовкой-протестом. Рабочие ближайших окрестностей Праги, Кладна и др. близлежащих городов присоединились к забастовке. Куда удалось сообщить о пражских событиях по телефону, там рабочие начали бастовать уже 10 декабря. Эта мера была обдумана заранее на рабочих собраниях, на случай захвата рабочего дома.

Всеобщая забастовка.

Бастовавшие рабочие собирались по фабрикам и районам. Устраивались митинги, на которых обсуждалось создавшееся положение.

Ц. К. левицы, выброшенный из рабочего дома, собрался утром 10 декабря в помещении парламентского клуба. Когда об этом узнали рабочие, все направились к зданию парламента для получения дальнейших указаний. Собралось около 3 — 5.000; около 11 час. был устроен митинг. Говорили ораторы из среды рабочих и один сибирский легионер, *призывая ко всеобщей забастовке.*

Полиция, отряды которой стояли густою цепью перед парламентом, получила приказ разогнать митинг, во что бы то ни стало. Как только отряд полиции, человек в 40, вооруженных револьверами и резиновыми палками, бросился на толпу, рабочие начали страстно упрекать их, что они, те же пролетарии, служат лакеями буржуазии и ее прихвостней. Между отдельными рабочими и полицейскими дошло до рукопашной схватки; полиция начала поголовно всех избивать резиновыми палками. Люди падали под ударами, словно подкошенные. Тогда и рабочие начали оборонятся палками. Вдруг один полицейский выхватывает револьвер и стреляет в окружающих. Это было сигналом для других; они *начали расстреливать рабочих в упор.* Через несколько минут на площади перед парламентом лежало около 30 тяжело раненых рабочих. Много десятков легко раненых скрылись.

Во время стрельбы из парламента вышли т.т. из Ц. К. левицы, во главе с тов. Шмералъ, и призывали рабочих начать всеобщую забастовку и разойтись для агитации по фабрикам, которые еще работали.

В тот же день и во многих других местах Праги дело доходило до кровопролития. Отряды полиции, в 30—40 человек, нападали по улицам на отдельные группы рабочих и расстреливали или избивали их.

Эти планомерные убийства, конечно, крайне взволновали рабочих. Они инстинктивно почувствовали заговор против себя; по адресу меньшевистских вождей и полиции раздавались возгласы: «Предатели! провокаторы! убийцы!».

Несколько тысяч рабочих соединились в одну массу и демонстративно прошли по улицам Праги, закрывая магазины, останавливая трамваи, об'являя всеобщую забастовку и обезоруживая одиночных полицейских и жандармов.

Вечером 10 декабря летучками «Руде Право» Ц. К. левицы об'явил всеобщую забастовку. В прокламации были выставлены следующие требования:

1. немедленное прекращение террора против революционного рабочего движения;

2. немедленное очищение рабочего дома от полиции и жандармерии и возвращение его в руки рабочих;

3. освобождение арестованных и пособие раненым и пострадавшим рабочим;

4. отставка правительства Черного, показавшего, что оно является только исполнителем стоящих за его спиной меньшевиков Туссара, Мейснера и агрария Швегли;

5. прекращение конфискации газет и немедленное восстановление свободы печати и собраний;

6. контроль над производством в помещичьих имениях и в больших капиталистических предприятиях в лице уполномоченных рабочих советов или фабрично-заводских комитетов, немедленная проверка отчетов и торговых книг. Там, где рабочий контроль обнаружит наличие средств, он вправе требовать немедленного, по меньшей мере, 30% повышения заработной платы. Оно должно быть уплачено в размере 14-дневного заработка уже к Рождеству;

7. распределение продуктов должно находиться под контролем рабочих. Превышающие норму квартиры и пустующие комнаты должны быть предоставлены не имеющим квартир.

Самое интересное место прокламации, ярко иллюстрирующее нерешительность и разногласия среди членов Ц. К. левицы, гласит:

«Так как парламент и правительство решительно изменили в вопросе о социализации как помещичьих хозяйств, так и крупных промышленных предприятий, то рабочие везде и всюду должны серьезно подумать о том, каким образом рабочая масса могла бы немедленно приступить к социализации предприятий, бесспорно созревших для этого.

«Рабочие! Положение, в которое загнали нас правительство и правительственные социал-предатели, чрезвычайно серьезно, ибо приведет в движение рабочие массы...»

Итак, началась всеобщая забастовка, которая *должна была выявить силу, решительность и выдержку революционного пролетариата Чехо-Словакии.*

Как показали события, рабочие массы, приведенные в движение, *не* могли остаться и *не остались в рамках требований Центрального Комитета левицы.* Помимо желания и против воли большинства Центрального Комитета левицы, рабочие массы *начали борьбу за власть...*

Это чрезвычайно важно и знаменательно! Забастовка распространилась очень быстро, но не везде она была одинаково успешна. Иначе пока и быть не могло. Ведь, если Центральный Комитет левицы действовал неуверенно, то, все враги рабочих умели нападать решительно и организованно. Меньшевики и в этом случае задавали тон. Центральный Комитет этих убийц рабочих издал большую прокламацию, в которой призывал решительно бороться с забастовками: «Действия коммунистов обозначают начало гражданской войны, в которой должна погибнуть наша молодая республика». Но лучше всего разоблачают себя меньшевики в конце прокламации:

«Граждане республики! Охраняйте нашу Прагу, нашу республику! Это наш долг! Мы все вместе ответственны за будущее нашего чехо-словацкого народа».

В этом же духе завопили все чешские газеты, от «социалистических» до органа доктора Крамаржа:

«Все на оборону республики!»

«Смерть коммунистам!»

Таковы были лозунги всех врагов рабочего класса.

Совет профессиональных союзов об'явил «нейтралитет» и предлагал свои услуги для переговоров. На самом же деле, меньшевистские вожди союзов явно содействовали предателям рабочего класса.

В острый момент всегда сбрасываются маски и исчезают разногласия среди лакеев, ибо общая опасность угрожает делу их буржуазных господ. Даже *немецкие* меньшевики на этот раз тоже стали спасать свое *чехословацкое* отечество, в виду большевистской опасности.

Центральный Комитет немецких меньшевиков особым воззванием запретил немецким рабочим участвовать во всеобщей забастовке. Зато левица Немецкой Социал-демократической партии, точно так же, как и левые словацкие и венгерские товарищи, призывала рабочих бороться за коммунизм вместе с чешскими рабочими.

Лозунг всеобщей забастовки расколол все народы Чехо-словацкой республики на два классовых лагеря: пролетариат и буржуазию с ее лакеями.

Забастовочное движение во многих местах началось раньше, чем была об'явлена всеобщая забастовка. Бастовали в округах Кладно, Колин, Рокицаны, Нимбург и в столице Моравии, Брюнне, где остановилась буквально вся трудовая жизнь, вплоть до трамвая, водопровода и электрической станции.

О призыве к забастовке провинциальные рабочие узнали, в большинстве случаев, только из буржуазных и меньшевистских газет. Центральный орган левицы, «Руде Право», вышел в виде летучки и был конфискован. Телеграммы Центрального Комитета левицы саботировались. Но, несмотря на это, забастовка принимала все большие размеры, захватывала новые округа республики и проникала в деревни.

Полиция, жандармерия и солдаты-новобранцы, по приказу начальства, стремились всячески мешать забастовке. Так, в Брюксе, арестованы ораторы, призывавшие к забастовке, среди них тов. Вайтауер, только-что вернувшийся из России. Против рабочих, пытавшихся освободить арестованных, новобранцы пустили в ход оружие. В результате было убито 9 человек, из которых три случайно попавших мальчика, и около 30 тяжело раненых. Такие кровавые налеты устраивались и в других городах.

Во многих местах всеобщая забастовка являлась продолжением забастовки-протеста. Так было в Чехии. Рабочие Моравии, потерявшие связь с Прагой, временно возобновили было работу, не зная о всеобщей забастовке, но затем вновь примкнули к ней. В Словакии и в Прикарпатской Руси известия о пражских событиях совпали с призывом Центрального Комитета левицы.

Многие провинциальные газеты сразу же откликнулись на призыв из Праги боевыми лозунгами. Так кладненская «Свобода» писала

«Рабочие и солдаты, соединяйтесь!

«Долой белую армию буржуазии, да здравствует красная армия пролетариата!

«Пролетариат без оружия—ничто, вооруженный—все!»

По городам и селам начались митинги бастовавших. Почти везде избирались революционные советы или комитеты, из пяти или семи человек, формировались рабочие отряды, вооруженные охотничьими ружьями. Они обезоруживали местную полицию и жандармерию и, вооружившись ее винтовками и револьверами, сравнительно легко разоружали иногда и небольшие местные гарнизоны. Были и такие случаи, когда солдаты отдавали рабочим ключи от воинских складов и, несмотря на приказ начальства разгонять бастующих, бросали винтовки (в Кенигреце). Революционный порядок поддерживали вооруженные рабочие патрули с красной повязкой на руке. Продажа спиртных напитков была воспрещена ревкомами. Рабочие, вооружившись кое-чем, забирали ратуши, окружные земства, почтово-телеграфные и телефонные конторы, занимали железнодорожные станции и телеграфы, останавливали и контролировали поезда. Иногда им удавалось разоружать ехавшие к ним воинские и жандармские отряды.

Автомобили и другие средства передвижения реквизировались под расписки. Занимались фабрики, сахарные заводы, паровые мельницы, а также помещичьи усадьбы, железнодорожные мастерские, электрические, газовые и водопроводные станции. Управление брали на себя фабкомы или управляющие.

Во многих местах проводилась мобилизация трудового населения 16—60 лет для красной гвардии. Патрули красногвардейцев рассыпались по селам и деревням в помощь земледельческому пролетариату и бедному крестьянству. У кулаков отбирались под расписки охотничьи ружья и спрятанные винтовки. Были случаи перестрелок с кулацкими бандами. В некоторых местах были срезаны электрические провода, соединявшие маленькие города с центром.

В Кладно рабочие забирали на станции ежедневные буржуазные и социал-предательские газеты и тут же жгли их на кострах. Правительство послало туда аэропланы, которые сбрасывали над кладненским совдепом целые кипы правительственного органа: «Чехо-Словацкая Республика».

В некоторых городах местные советы и ячейки выставили дополнительные требования. Так, совет рабочих депутатов Гросс-Брюнна в Моравии требовал:

1) Немедленные выборы фабкомов во всех больших, капиталистических предприятиях, с правом контроля над производством и распределением товаров. Повышение заработной платы рабочим должно быть проведено одновременно.

2) Латифундии должны стать народным достоянием, подлежат социализации и должны управляться трудовым крестьянством и легионерами.

3) Аристократические замки, помещичьи усадьбы и монастыри должны быть национализированы и отданы под квартиры трудящимся.

4) Большие квартиры должны быть реквизированы и переданы бедноте.

5) Создание социального обеспечения.

6) Роспуск парламента и назначение новых выборов в целях выявления воли масс.

7) Немедленные выборы в больничные кассы.

8) Гарантии, что за солдатами будут сохранены все права, особенно избирательные.

В Словакии и Прикарпатской Руси также были выставлены дополнительные требования.

Почти везде всеобщая забастовка приняла характер борьбы за власть.

В этой борьбе участвовали все коммунистические рабочие чешской, немецкой, словацкой и венгерской национальностей. К ней присоединились и левые элементы из партии чешских социалистов, участвовали и рабочие анархисты, союз инвалидов мировой войны, и беспартийные массы трудящихся. На стороне революционных рабочих была и часть легионеров.

Всего бастовало около миллиона трудящихся всех национальностей республики.

Главными очагами революционной борьбы были:

в Чехии округа: Кладно, Прага, Пильзен, Немецкий Брод, Будвейс, Млада Болеслав, Кенигсберг, Рейхенберг, Аусиг, Брюкс и Литомерицы;

в Моравии: Брно, Требич, Годонин, Иглава, Трешт, Ославаны, Мор. Острава;

в Словакии: Прессбург, Трнава, Врутки, Глоговец, Нитра, Лученец, Жупа, Спишская, Тековская, Гемарская и город Кошицы.

в Прикарпатской Руси: Мункач и Ужгород.

В центрах меньшевизма: Пильзене, Моравской Остраве и Теплицах была частичная забастовка. В Пильзене бастовала половина всех металлистов, в Моравской Остраве 24 рудника из 38.

Правительство и стоящие за ним меньшевики с буржуазией были поражены быстрым ростом движения не меньше, чем Центральный Комитет левицы. Все эти события чрезвычайно испугали буржуазию и ее прихвостней.

Вот почему уже 12 декабря, на третий день всеобщей забастовки, Массарик подписал декрет об осадном положении в республике. Были отменены все, так называемые, демократические свободы: свобода слова, печати, собраний и личности, выключены все частные телефоны, запрещено принимать частные телеграммы, установлена цензура частной корреспонденции, запрещено пользоваться значками даже не политических союзов. В стране начались повальные обыски среди рабочих. Коммунисты были поставлены вне закона...

Подготовив, таким образом, почву для полнейшего административного произвола, меньшевики начали руководить той кровавой вакханалией, которая должна была стереть с лица земли весь коммунистический пролетариат. Вокруг них, как авангарда контр-революции, сплотились все те элементы буржуазной и обывательской белогвардейщины, которые так или иначе кровно связаны с капиталистическим режимом. Буржуазия, торговцы, кулаки и трусливый обыватель,—вот армия, которую об'единили меньшевики вокруг полиции, жандармерии, новобранцев и реакционной части легионеров.

Против коммунистов были пущены в ход все средства обмана, лжи и провокации.

Все «честные» граждане республики считали своим долгом спасать «отечество», способствуя произволу белогвардейщины. Легионерская дружина особым воззванием в газетах предлагала свои услуги жандармам буржуазного порядка. Вооруженные отряды «прогрессивных» соколов соединились с бандами клерикальных «орлов» и кулацких союзов. Немецкие полевые сторожевые отряды из кулаков и аграрных магнатов присоединились к белой армии чешских «спасителей республики».

Вся эта белогвардейская сволочь соединилась в одну сплошную цепь, которая, под руководством „демократических" офицеров и патриотов, прошла в качестве карательных отрядов по всей стране, с севера на юг и с запада на восток, очищая ее от коммунистических элементов, и, по указанию и донесениям меньшевиков, расстрели-

вала, калечила, избивала, разгоняла и арестовывала советы, ревкомы и рабочих революционеров всех народов Чехо-Словакии!

Все это делалось планомерно, быстро и решительно, с целью натравить одних на других, массы рабочих—против руководителей, а вождей—против масс, внести недоверие и провокацию в революционную среду, запугать трусливых и нерешительных, обезвредить наиболее опасных, внести хаос и моральное разложение в еще неорганизованные пролетарские ряды.

Жандармский Интернационал истреблял сторонников Коммунистического Интернационала!

Десятки товарищей были расстреляны в Брюксе, Праге, Кладно, Брюнне, Остраве, Годонине, Глоговцах, Врутках и Кошицах. Сотни были тяжело ранены и искалечены. Многие раненые умерли.

Доказано, что чехо-словацкие „демократы" стреляли пулями дум-дум.

Количество арестованных росло не по дням, а по часам. Все тюрьмы были переполнены.

Ликвидация забастовки.

Когда стало ясно, что вооруженная до зубов белогвардейщина затопит движение в крови, члены Ц. К. левицы, депутаты Скалак и Ванек, обратились к президенту Массарику, с целью вести с ним переговоры об условиях прекращения борьбы. Но Массарик отказался вступить в переговоры...

Тогда 15 декабря Ц. К. левицы издал прокламацию к бастующим с призывом прекратить забастовку.

В прокламации говорилось:

«Момента этого конфликта мы не выбирали. Он был искусно навязан нам буржуазией и правительственными социалистами; правительство было для них лишь исполнительным органом. В целом ряде событий мы видели только новую, искусно подготовленную *попытку реакции*, при помощи которой нас хотели спровоцировать, дабы затем насилием и террором, разгромить, как партию, уничтожить, стереть с лица земли...

«Некоторое время мы, наверное, будем залечивать нанесенные нам раны... Но *это было первое чистое и действенное проявление пробужденных революционных сил сознательного пролетариата Чехо - словацкой республики, которое встряхнуло индиферентных и ясно показало нашу общую цель: завоевание политической власти пролетариатом и уничтожение классового господства буржуазии!* Самое ценное для нас то, что мы на практике узнали силу врага. Но мы узнали—и не боимся открыто в этом сознаться—и свои слабые стороны. Бесспорно, что последние события усилили международный фронт пролетарской борьбы; первый раз с момента основания республики чешские рабочие воевали на одном фронте с немецкими.

«О меньшевиках говорить излишне. Они вычеркнули себя не только из рядов социалистического фронта, но и вообще из рабочего движения Чехо-Словакии.

«Рабочие! Вернитесь на работу с гордым челом, в сознании собственного достоинства, с надеждой на великое будущее.

«Победа за нами!

«Сознательные рабочие всех партий, соединяйтесь!

«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

«Да здравствует III Интернационал!»

Как подействовал на рабочие массы этот призыв к прекращению борьбы? Не везде одинаково и не сразу. Во многих местах рабочих вовсе не склонны были сдавать завоеванных ими позиций, в особенности там, где до них еще не докатилась волна карательных отрядов белых банд. В некоторых местах между рабочими и белогвардейцами происходили настоящие сражения, при которых с обеих сторон действовали пулеметы. В Ославанах, где рабочие захватили большую электрическую станцию, правительственные войска пустили в ход пушки...

Белый террор.

Можно сказать, что ликвидация забастовки продолжалась почти до Рождества. Все это время число арестованных товарищей ежедневно увеличивалось.

В начале настоящего года заключенных «мятежников» было всего около 3.000, почти все они обвиняются в «государственной измене».

Конечно, дело не обошлось без «большевистских рублей» и «секретных приказов» из Москвы. Меньшевики настолько обнаглели, что их орган «Право Лиду» вышел даже с надписью: «Советская интервенция в Чехо-Словацкой республике». Сообщалось о миллионах, присланных правительством Советской России...

Но все это—уже старые басни; надо только удивляться, как чешские меньшевики еще не додумались до другого. Впрочем, они тем только и занимаются, что забрасывают грязью героический пролетариат Советской России.

Буржуазия, конечно, ликует.

Она добилась того, что «мятежников» будут судить не присяжные, а сенат, и требует смертных приговоров. Меньшевики, конечно, еще раз предали пролетариат и спасли буржуазию. Но им радоваться нечему. Между ними и революционным пролетариатом лежит море рабочей крови. Такой ценой отстояли они свое лакейское существование...

В Чехо - Словакии воцарился белый террор, который своими ужасами наверное, хочет превзойти самый жестокий и бесчеловечный режим в Европе — Венгрию Хорти. Меньшевикам это выгодно. Они потому и голосовали в парламенте за 4½-миллиардный дополнительный бюджет военного министерства...

Образование коммунистического авангарда.

Но террор является лучшей школой для всего чехо-словацкого пролетариата. Это доказывают и получаемые из Чехо-Словакии радостные известия.

Чешские революционные рабочие на партийной конференции левых 1 и 2 января с. г. уже подводят общие итоги борьбы и в результате решают призвать пролетариат всех других национальностей к об'единению в единой коммунистической семье под знаменем III Интернационала.

В половине января немецкие товарищи, на конференции в Рейхенберге, решили порвать партийную связь с своими меньшевиками.

В конце января в Прессбурге произошло об'единение коммунистических рабочих Словакии и Прикарпатской Руси—словаков, немцев и мадьяр.

В феврале произошло об'единение революционных чешских и немецких пролетариев в очень многих городах Чехии и Моравии.

Немецкая революционная молодежь еще в конце прошлого года присоединилась к Коминтерну. В начале февраля ее примеру последовала и чешская рабочая молодежь.

В половине марта будет созван с'езд немецких левых, которые, несомненно, выскажутся за III Интернационал.

На чрезвычайном с'езде в конце марта, 26 числа, станет под знамена Коминтерна самый многочисленный пролетариат Чехо-словацкой республики—чешский.

Сейчас же после этого состоится учредительный с'езд Чехо-словацкой секции Коминтерна.

Нашего полку прибудет!

Буржуазия и ее лакеи хотели покончить с большевизмом в Чехо-Словакии. Они *в течение двух лет самым искусным образом обманывали рабочие массы „гуманитарным демократизмом", дабы, в конце концов, беспощадно расстреливать их за то, что те не разгадали своевременно их игры.*

Чехо-словацкая «демократия» разоблачила себя, как жестокая и кровавая диктатура буржуазии.

Этот двухлетний мучительный и кровавый опыт чрезвычайно дорог и поучителен для пролетариата всех других «демократий».

Пусть раскроют глаза все те, кто сегодня еще верит жандармам II Интернационала!

Чехо-словацкие рабочие, чехи и немцы словаки и мадьяры, руссины и поляки, спаянные кровью, пролитой в общей борьбе, на этих днях соединятся в боевой отряд Коммунистического Интернационала, дабы начать последний и решительный бой!

Ярослав Салат
Эдвард Бреннер.

«Коммунистический Интернационал есть партия революционного восстания международного пролетариата. Он отметает все те организации и группы, которые в открытой или прикрытой форме усыпляют, деморализуют и ослабляют пролетариат, побуждая его не склоняться перед фетишами, прикрывающими диктатуру буржуазии: легальность, демократия, национальная оборона и пр.

Коммунистический Интернационал не может также допустить в свои организации те организации которые, вписав в свою программу диктатуру пролетариата, продолжают вести политику, явно рассчитанную на мирное разрешение исторического кризиса. Признание советской системы не решает вопроса. В советской организации нет никакой чудодейственной силы. Революционная сила — в самом пролетариате. Нужно, чтобы он поднялся на восстание и завоевание власти,—только тогда советская организация обнаружит свои качества, как незаменимое орудие в его руках».

«Манифест II Конгресса Коммунистического Интернационала».

НОВАЯ ВОЕННАЯ ГРОЗА.

Лишь недавно прекратился смертоносный гул орудийных залпов; еще беспомощно мечется, как раненый зверь, умирающая Европа в мучительных судорогах страшной разрухи; еще не успела победоносная Франция справиться с ураганом смерти, который уносит ежегодно на 220.000 жизней больше, чем их рождается; еще слышны грозные призывы миллионов безработных, выброшенных на мостовую гигантским розмахом послевоенного кризиса,—а уже пресса обоих полушарий серьезно обсуждает вопрос о будущей войне. Кровожадная буржуазия Англии и Франции стращала до сих пор всех пугалом германского империализма, но вот чудовище это раздавлено,—а мира в Европе, все же, нет.

Союзники, особенно их военные клики, дабы оправдать продолжение своих вооружений, умудрились вновь вызвать к жизни национализм и германофобство. Буржуазия Антанты, словно сорвавшаяся с цепи, путается в бесконечных противоречиях в своем отношении к несчастному германскому народу. С одной стороны, она требует строгого выполнения невыполнимого Версальского договора, с другой,—она связывает свою судьбу с вождями разрушенной империи и совместно с баварскими монархистами хочет вернуть на престол бывшего кронпринца Рупрехта. С одной стороны, она требует выплаты огромной контрибуции, с другой,—настаивает на уничтожении двигателей Дизеля, которые должны сыграть колоссальную роль в деле восстановления германской промышленности и ее платежеспособности.

Все это, однако, нисколько не трогает жадных магнатов союзного капитала; их не трогает также и то, что, рядом с Германией на смертном одре находится умирающая от голода несчастная Австрия, которая завтра же может превратиться в одно сплошное кладбище. И в этой стране антантовские правители об'единились с злейшей реакцией, в образе христианской социалистической партии, в надежде, что партия эта помешает присоединению Австрии к Германии.

А венгерским магнатам, убившим в течение нескольких месяцев 5 тысяч коммунистов, разрешается держать армию, втрое многочисленнее той, какая обусловлена мирным договором. Черное правительство Франции только и ждет благоприятного случая, чтобы восстановить Габсбургов на австрийском престоле, а также и в Будапеште.

Вместе с тем, французские капиталисты, в целях предохранения своих миллиардов, помещенных в нефтяной промышленности Галиции, от воображаемой большевистской опасности, об'единяют в Малую Антанту, Чехо-Словакию, Юго-Славию и Румынию, которые едва справляются с собственными внутренними противоречиями.

На Востоке турецкие националисты отказываются подписать Севрский договор. Союзники никак не могут поделить между собою Малой Азии. В Сирии, Месопотамии, Персии и Индии вспыхивают восстания и крупные беспорядки, направленные против англичан и французов. И им не предвидится конца.

Таким образом, после перемирия никакого мира, по существу, не последовало, и измученные народы Европы сидят у разбитого корыта, а усиленные вооружения во всех государствах продолжаются попрежнему.

Снова заключаются военные союзы, намечаются военные коалиции и реорганизуются армии—применительно к новым условиям войны; безостановочно работает тайная дипломатия капиталистических стран, и гроза военной катастрофы снова нависла над несчастной землей.

Лига Наций, последний рессурс буржуазной идеологии, последняя иллюзия тех, кто еще верил в способность капитализма к возрождению и мирному труду, внезапно сошла со сцены, пораженная на смерть победой республиканцев на выборах в Америке. Мировая буржуазия на этот раз стремится разыграть патриотическую комедию из-за господства на Тихом океане. Здесь лицом к лицу столкнулись интересы двух великих держав, и для осуществления своих замыслов они лихорадочно вооружаются.

В течение своей полутора-вековой истории Соединенные Штаты распространяли свое влияние через Великий океан по направлению к азиатскому материку. Пределом распространения их в эту сторону являются теперь Филиппинские острова. Последние тесно связаны со всей системой обороны и расширения Америки с помощью Панамского канала, представляющего собою самый удобный морской путь из Нью-Йорка в Сан-Франциско, и с помощью морской базы на островах Гаваи и Гуам.

В этой жестокой борьбе за преобладание на Тихом океане Соединенные Штаты сталкнулись с Японией, молодой и сильной, также стремящейся к расширению своих пределов. Отсюда проистекает все возрастающая натянутость в отношениях между обеими странами.

Непрестанно растущая промышленность Соединенных Штатов сильно заинтересована в делах Китая, Кореи и Сибири.

Желая оградить эти страны от японского влияния, американское общественное мнение отстаивает независимость Кореи и предпочло бы видеть Сибирь, Манчжурию и о. Сахалин в руках русских, а не японцев. Кроме того, американцы понимают, что Япония, стремясь получить обширные части китайской территории, только следует примеру Великобритании, Германии, России и Франции и хочет, в конце концов, закрепить за собой эти области.

Соединенные Штаты, сами имеющие в Китае сферу влияния, неожиданно стали большими друзьями Китая. Эта дружба вылилась в определенную доктрину, окрещенную «политикой открытых дверей». Она гласит, что ни одной нации не должно быть дозволено приобретать себе исключительные экономические права в какой-либо части китайской территории. Так возникли трогательные дружеские отношения между нацией трестов и «нацией желтых кули».

Несмотря на то, что Америка в течение нескольких лет находилась с Японией в коалиции против центральных держав, антияпонское движение в Америке нисколько не ослабело от этого. Новым в нынешней игре является только то, что Соединенные Штаты, выступив против Германии, с места в карьер двинулись по пути милитаризма. Теперь над Японией уже нависает колоссальная угроза в лице Соединенных Штатов, с их бюджетом более, чем в полтора миллиарда долларов, и с их неимоверно растущим торговым флотом.

План Даниельса, статс-секретаря по морским делам, создать в Соединенных Штатах самый могущественный в мире флот, произвел коренной переворот во всей японской военной политике. Прежде в Японии армия и флот постоянно соперничали между собой, стремясь получить в свое распоряжение возможно большую долю бюджета. На почве этого соперничества, при князе Кацура и графе Ямамото, голоса депутатов в парламенте покупались оптом и в розницу от 300 иен за голос и дороже. Соперничество между армией и флотом было даже крупным фактором развития партийной политической борьбы внутри страны.

Теперь этого уже нет.

Перед лицом нависшей опасности, в 1918 г., произошло примирение между армией и флотом. На постройку военного флота морское министерство потребовало миллиардных ассигнований, и военное министерство решительно поддержало это требование.

Намечается постройка береговых укреплений и установление связи острова с материком. В виду надвигающейся грозы, Япония собирается превратиться в укрепленный лагерь.

Война это—своеобразный кризис капиталистического производства и очень доходное предприятие для помещения накопившихся капиталов. Пока существует капитализм, возможность войн между капиталистическими нациями нельзя устранить. Однако, с большой степенью вероятности можно сказать, что ближайшая война должна произойти именно между Соединенными Штатами и Японией.

Население последней растет с необычайной быстротой. В 1872 г. в Японии было 33.111.000 чел., в 1909—50.170.000, а в 1920 г.—уже около 70.000.000, не считая 13½ миллионов жителей во вновь присоединенных за период 1905—9 г.г. землях. С 1886 г. по 1903 г. число пунктов с населением свыше 10000 увеличилось 189 до 284. Маленькая Япония не может вместить в себе столь быстро растущего населения, к тому же проявляющего все усиливающееся стремление выйти на путь европейской культуры. Эмиграция, главным образом, в Америку сильно растет, но последний закон о переселении служит барьером для японцев. Эмиграция перекидывается на о. Формозу, в Корею, в Китай, особенно сильно на Филиппины и Гавайи. Все побережье Тихого океана (в Северной Америке) от Ванкувера, Сан-Франциско и далее к югу, включая и берега Мексики, сплошь заселено японцами. Японское население в штатах Калифорнии и Вашингтоне достигает 91.332. Общее число японцев на Гавайских островах составляет 42,7% всего населения. С 1900 г. по 1910 г. на этих островах оно увеличилось на 30,1%; всего японцев насчитывается там 109.269 человек.

Особенно остро стоит вопрос о японской эмиграции в Калифорнию.

В ноябре 1920 г. японский посол в Вашингтоне, Шидерахо, предъявил формальное требование к правительству Соединенных Штатов о заключении нового договора между обоими странами касательно эмиграции японцев и их прав на земельную собственность в западных штатах. Здесь наблюдается рост антияпонских настроений в связи с тем, что уже 10% земель в Калифорнии, принадлежат японцам.

Японцы напряженно ожидают референдума в Калифорнии. На голосование ставится там новый закон, в значительной степени аннулирующий закон 1913 г. и сильно ухудшающий положение японских эмигрантов. Во изменение закона 1913 г. предполагается лишить права натурализации даже тех родителей, дети которых родились в Америке, запретить японцам какое бы то ни было участие в предприятиях, эксплоатирующих землю и ее богатства, лишить их права аренды недвижимости и пр. Обратной силы закон не должен иметь, но, конечно, это не может успокоить общественного мнения Японии. Пресса единодушно утверждает, что японцы никогда не примирятся с этим законом, и что 64 года дружеских отношений пойдут на смарку в один день.

Японское правительство пока сдерживает проявления народного недовольства, тем

более, что выдвигается новый повод для конфликта—а именно, вопрос об островке Жап в группе Каролинских островов, который, согласно Версальскому договору, должен перейти от Германии к Японии. Но этот островок является превосходной базой на пути к Филиппинам. Поэтому американцы не считают возможным примириться с его переходом к Японии и предлагают интернационализировать остров. Япония, конечно, вряд ли согласится на это.

Таким образом, поводов для будущего столкновения более, чем достаточно.

И не надо думать, что вражда американцев к японцам ограничивается только одной Калифорнией. Каждый американец видит в Японии угрозу и будущего врага. В Америке все считают, что война с Японией не только возможна, но и в высшей степени вероятна.

В самой Калифорнии живет около 85.000 японцев, что составляет немного более $2^1|_2{}^0|_0$ населения. Казалось бы, что такое ничтожное количество не может считаться опасным для белой расы, но американцы придерживаются на этот счет прямо противоположного мнения. Они ставят в вину японцам, во-первых, то, что они не ассимилируются с белыми, а, во-вторых, то, что постепенно они захватывают земли, хозяйство и промышленность Калифорнии. Американцы ставят в упрек Англии, что она заключила союз с Японией, благодаря чему последняя чувствует под собой более твердую почву и стала значительно смелее.

Япония же, пока что, интригует в Мексике, выступает против России и враждует с Германией. Но ясно, что, в конце концов, она непременно заключит с нею соглашение, чтобы осуществить свои затаенные планы, направленные в совершенно другую сторону.

Сибирь также может послужить яблоком раздора между Америкой и Японией. В 1918 г. обе державы произвели здесь интервенцию, с целью очистить сибирскую железную дорогу для чехо-словаков. Тогда они взаимно обязались не пользоваться этим предприятием в своих эгоистических целях. Но Япония не сдержала своего слова и заняла Владивосток, как только последние американские солдаты были посажены на суда для возвращения на родину, весной 1920 г. Значительная часть Восточной Сибири до последнего времени все еще находилась в руках Японии и теперь очищена ею только потому, что японские военные власти пришли к выводу, что эта оккупация потребует от них слишком большой затраты сил. Но сибирское побережье все еще находится во власти Японии. Кроме того, Япония заняла также северную часть Сахалина, принадлежащую России, что вызвало резкий протест со стороны американского правительства.

Японцы ведут свою политику в духе Людендорфа. Гражданское правительство вначале не очень одобряло то, что совершалось в Сибири. Но когда генералы в империалистической стране заявляют о необходимости военных гарантий, то дипломатам приходится с этим, в конце концов, соглашаться.

Угроза же, которой боится Япония, исходит со стороны Америки, и американцы здесь, действительно, не без греха. В Соединенных Штатах наговорили не мало громких фраз о задачах Америки в Сибири. Денег у Америки достаточно, и она уж совсем было собралась восстанавливать и эксплуатировать всю Сибирь, но японцы никогда не потерпят того, чтобы Сибирь стала американской колонией. Хотя в Сибири достаточно простора как для приложения американской энергии, так и для удовлетворения жизненных потребностей Японии, но империалисты обладают ненасытными аппетитами и вместе ужиться не могут.

Наконец, интересы японских и американских капиталистов столкнулись самым резким образом в Китае.

Когда началась война, существовавший до того в Китае международный банковский консорциум, в котором участвовали и Россия, и Германия, прекратил свое существование. Япония, которой за время войны удалось окончательно наложить свою руку на Китай, сумела этим воспользоваться. Благодаря золотому потоку, приливавшему в Японию во время войны, Китай заключил в Японии большое число займов, служивших, главным образом, для ведения гражданской войны и гарантированных различными концессиями и привилегиями.

В июне 1918 г. американское правительство подняло вопрос о создании нового консорциума, который имел своей задачей помочь Китаю в его государственных предприятиях в проведении железных дорог, в реформе денежного обращения и пр. Кроме Америки, в консорциуме должны были принять участие английские, французские и японские банковские группы. Представители этих групп собрались в мае 1919 г. в Париже, чтобы установить принципы организации консорциума. Предположено было, что каждая группа участников передаст в распоряжение консорциума приобретенные ею отдельно привилегии и концессии, дабы тем самым воспрепятствовать созданию новых сфер влияния.

Но Япония поставила условием своего вступления в консорциум закрепление за нею тех частей Манчжурии и Китая, где она уже обладала значительными концессиями. Этим создавалась угроза всему плану нового консорциума, ибо основой американского плана было именно желание затруднить эгоистическую политику Японии, направленную на территориальное и хозяйственное подчинение Китая,—политику, которую она вела при помощи правящей в Пекине и северном Китае военной партии «Анфу».

Консорциум без Японии не имел никакого смысла. Естественно, что Америка не успокоилась на этом. Независимо от своих поли-

тических интересов в Восточной Азии, она сильно заинтересована в создании консорциума также и по чисто торговым соображениям, так как, вследствие крупных товарных закупок на Востоке во время войны, торговый баланс Америки по отношению к Дальнему Востоку стал пассивным на 65 миллионов долларов. Америка предпочла бы уплатить эти 65 миллионов не золотом, а товарами; для осуществления этой цели ей и нужен консорциум.

11 мая 1920 г. представителем американской фирмы «Морган'а», Дамотоном, был заключен с японской банковской группой договор о создании кредитного синдиката для эксплоатации Китая, с согласия японского правительства. 16 мая американское правительство уже сочло возможным публично заявить о создании консорциума, в котором приняли участие Англия, Франция, Япония и Соединенные Штаты. Америка была представлена в синдикате 37 банками.

Тем не менее, очень скоро стало ясно, что во взаимоотношениях между Японией и Америкой есть много неясного и недоговоренного. Между обеими странами стали возникать крупные недоразумения. Японский премьер-министр, Гара, в середине июля 1920 г., в интервью с одним американским журналистом, основываясь на соглашении 1917 г. между Японией и Америкой, заявил, что все державы признали особое положение Японии, как соседки Китая, в консорциуме, по отношению к Манчжурии и Монголии. С подобной же речью выступил министр иностранных дел, виконт Ушида, 3 июля в палате депутатов. Он, между прочим, указал на следующее: «в компетенцию консорциума входят лишь займы, гарантированные китайским правительством, займы же, заключаемые китайскими капиталистами или частными группами, остаются вне сферы влияния консорциума». Таким образом, по мнению Ушида, заключение Китаем частных займов возможно и впредь помимо консорциума.

И не только далеко еще не выяснено окончательно положение Японии в консорциуме, но также не установлена еще с достаточной определенностью и сфера влияния самого консорциума в Китае.

Консорциум не имеет в виду монополизировать все хозяйственные предприятия Китая. Он думает заняться лишь основными предприятиями, имеющими крупное значение для возрождения страны. В частности, он позаботится о наиболее целесообразном распределении денег в целях возрождения страны. Контроль консорциума не должен касаться, однако, политики китайского правительства.

Но китайцы очень опасаются потери своей финансовой самостоятельности при учреждении международного контроля, могущего повести к разделу страны на сферы влияния. Большинство китайцев чрезвычайно опасается исключительного влияния Японии и с недоверием смотрит на возникновение консорциума.

Перечисленных причин вполне достаточно для того, чтобы империалистическая буржуазия эпохи финансового капитала приступила к серьезной «подготовке». Согласно традициям капиталистической дипломатии, параллельно с военной подготовкой идет и обработка общественного мнения в форме печатной агитации, которая начинается с того, что война, правда, вещь ужасная, но она, повидимому, неизбежна, и надо, на всякий случай, быть готовым к ней.

Так, ведь, началась и мировая война: в то время, как официальная Германия постоянно заявляла о своей лойяльности в отношении к соседям, германская военщина серьезно готовилась. Воинствующий националист, генерал Бернгарди, открыто проповедывал необходимость усиления мировой гегемонии Германии путем войны и захватов. «Для нас существует лишь две альтернативы», говорил он: «и третьего не дано — власть над миром, или гибель» («Weltmacht oder Niedergang»). Вслед за книгой Бернгарди вскоре появилась в свет еще более воинствующая книга подполковника Фробениуса, которому германский кронприц счел нужным по этому поводу засвидетельствовать свое благоволение. А вся буржуазная пресса остальных стран Европы захлебывалась от патриотических выкриков по поводу растущего военного могущества Германии.

Точь в точь такая же картина наблюдается сейчас в Японии. Вместе со своей союзницей — Англией, она хорошо знает, что в 1923 г., с выполнением намеченной морской программы, американский флот станет сильнейшим в мире, а потому надо торопиться.

Японский «союз национальной обороны», во главе которого стоит бывший премьер-министр Окума, издал книгу, под заглавием: «Война между Японией и Америкой». Последние строки ее гласят: «Для осуществления нашего великого плана — завладения Калифорнией, Сандвичевыми островами, Самоа и Филиппинами — нам следует сберегать каждую иену: наши жены должны носить вместо шелка хлопчато-бумажные ткани; вместо вина, мы должны пить воду; все свои лишние сбережения мы должны отдавать на армию и флот; наши профессора должны внушать своим слушателям, что Соединенные Штаты — наш злейший враг».

Но этот враг — не единственный. От Филиппинских островов до Зондских, принадлежащих Голландии, всего несколько верст. И, конечно, не слабой Голландии помешать аннексионистским замыслам Японии: Зондский пролив пока находится в руках Англии, владеющей Сингапуром, этим Гибралтаром Зондского залива. Поэтому Голландия ищет заступничества у Англии, противницы Германии. Зондские острова, это — мост, перекинутый с берегов английской Индии на берега другой английской колонии — Австралии. Теперь становится понятным, почему еще

так недавно весь мир говорил о тайных переговорах между Японией и Германией.

Во время празднеств по случаю коронации микадо, манифестанты носили глобус, на котором принадлежащие Нидерландам острова были заштрихованы красной краской японских владений. Сделать Тихий океан своим японским морем—вот стремление Японии.

Один из популярнейших деятелей Японии, Танок-Ши, в своей книге: «История и управление островом Формозой» пишет: «В каком же направлении следует Японии расширять свои владения? Как и всем другим народам, по направлению к югу, а не к северу! Далее границ Манчжурии мы не должны продолжать нашего расширения на север. Все наше внимание нам следует обратить на юг! Япония должна выполнить взятые ею на себя обязанности по отношению к Корее и Манчжурии, но итти далее на север было бы непростительной ошибкой! В результате нашей войны с Германией наш флот занял основную колониальную группу этого государства—Маршальские и Каролинские острова. И хотя наш народ радуется их присоединению, но, на самом деле, они не имеют большого значения. Мы не можем гордиться обладанием несколькими островами Южно-Китайского моря, пока мы не имеем Явы и Суматры».

Японские империалисты собираются завладеть всем Востоком, а то, что предлагается в только-что цитированной книге, это, повидимому, лишь программа-минимум; в программе-максимум еще значатся, кроме перечисленного: Сибирь, Манчжурия, Китай, Сахалин и др. Одновременно с этим обсуждаются способы и методы будущей войны. Очень любопытные материалы по этому вопросу можно найти в английском специальном военном журнале («Journal of the Royal United Service Institution»). В этих материалах интереснее всего взгляд фельдмаршала сэра Генри Вильсона, начальника английского генерального штаба. Он заявил в кругу офицеров, что мнение, высказываемое даже многими специалистами военного дела, будто мировая война 1914 — 18 гг. была последней войной в истории человечества, является ошибочным. Напротив, нужно ожидать дальнейших войн, и будущность Британской империи вызывает с этой стороны серьезные опасения. Правда, военный министр — Черчиль—старался ослабить впечатление, произведенное заявлением Вильсона на общественное мнение Англии, об'ясняя, что высказанный последним взгляд имеет целью только подчеркнуть необходимость для Англии быть всегда достаточно вооруженной. Но раз'яснение Черчиля ни на чем не основано, ибо заявление Вильсона исходило из специальных данных и имело вполне практическое значение.

Знакомясь с «Военным Еженедельником», невольно приходишь к выводу, что английский руководящий командный состав отнюдь не придерживается мнения, будто Европа стоит перед более или менее длительным периодом мира; напротив, штабы неутомимо работают над изучением результатов, добытых опытом последней войны, с целью воспользоваться ими в случае возникновения нового гигантского конфликта. Из отчетов, сочинений и докладов офицеров ясно вырисовываются два основных положения: во-первых, новая очередная большая война по своим ужасам оставит далеко позади войну 1914 г., а, во-вторых, эта «цивилизованная война», которая может вспыхнуть в недалеком будущем, по мнению всех специалистов военного и морского дела, потребует такого массового истребления человеческих жизней, какое в последнюю войну считалось бесчеловечным и варварским.

По этому вопросу морской офицер, лейтенант Кинг Холл, пишет в «Военном Вестнике» следующее: «Мое личное мнение сводится к тому, что употребление газов произведет в методах ведения будущих войн такой же переворот, какой в свое время произвело изобретение пороха. Береговые полосы неприятельской территории могут быть обстреляны газами на далекое расстояние. Насколько мне известно, в последнюю войну существовал проект такого обстрела бельгийских берегов. Но план этот был оставлен, в виду необходимости считаться в то время с общественным мнением Бельгии. Но если понадобится использовать газы в этом направлении, то подводные лодки, при носовой газовой атаке, имеют большие преимущества, особенно при употреблении невидимых газов».

Английские офицеры не сомневаются, что в деле ведения войны наступила новая эпоха—химическая.

Полковник Фуллер, бывший начальник корпуса танков во Франции, высказывается по поводу будущих новых методов ведения войны следующим образом: «Мы стоим перед большой революцией в области ведения войны на море и на суше—перед газовой войной. Необходимо отдать себе ясный отчет во всех возможностях, которые даст военному делу этот новый метод. Лет 500 тому назад к пороху тоже отнеслись скептически, с легкой насмешкой, считая его изобретением дьявола, ибо это было нечто совершенно новое, до тех пор невиданное и неслыханное. Тогда тоже никому не мерещился тот колоссальный переворот, который внесет это нововведение в военное дело».

Полковник, в общем, приходит к выводу, что в грядущих войнах большую роль будут играть подвижные танки, непроницаемые для извергаемых ими газов, приводимые в движение аккумуляторами и везущие с собой кислород и сжатый воздух для своих команд.

Непосредственное назначение этих танков будет состоять в уничтожении всякой жизни в пределах полосы, определяемой радиусом их действия. Все будущие пограничные укрепления будут уничтожаться «газометами» (подобными минометам), и всякое продви-

жение неприятеля в пределах обстрела этими новыми смертоносными орудиями будет немыслимо. Будет создан газовый «иммунитет» местности, «атмосфера смерти»; всякая осада будет сведена к тому, что население осажденной крепости или укрепленного пункта будет подвержено удушению...

Генерал-майор Свинтон идет еще дальше в предвидении возможных методов истребления человечества во время будущих войн. «Успехи, достигнутые в прошлом», говорит он, «приводят нас к заключению, что в грядущем для ведения войн будут использованы не только газы, но, насколько это будет зависеть от нас, вообще все силы природы. Линия, по которой движется современный прогресс, направлена к использованию всевозможных смертоносных лучей. Мы имеем икс-лучи, световые, тепловые лучи, и, несомненно, будут изобретены новые лучи, своего рода «лучи смерти», которые будут испепелять человеческое тело, отравлять или замораживать человеческий организм, если только он не будет надлежащим образом защищен от них. Конечной формой в деле ведения человечеством войн я считаю войну при помощи бактерий, и до этого дело безусловно дойдет; я не вижу причин, почему бы не применять и этого метода, раз дело доходит до решительной борьбы. В таком случае, танки потеряют значительную долю своего значения. Ибо, кроме предупредительной прививки от распространения смертоносной эпидемии, не будет другого средства спасения—какие бы непроницаемые ставни ни устраивались на помещениях, какие бы доспехи на свои тела ни надевала команда».

Интересно, что против этого кошмарного проекта, изложенного в публичном докладе, на котором присутствовало достаточно много сытых английских буржуев, не поднялся ни один протестующий голос.

Война, которую имеют в виду все перечисленные военные специалисты,—это, без сомнения, будущая война с Америкой, в которой Англия выступит в роли союзницы Японии. Европейский конкурент уничтожен, и, в порядке последовательности, очередь теперь за конкурентом американским, которого нужно одолеть раньше, нежели центр Европы успеет окрепнуть и воспрянуть.

В этой войне Англии надо будет иметь к своим услугам Европу, которая работала бы для нее так же, как несколько лет тому назад Америка работала для последней мировой войны. Для Англии поэтому весьма важно установить мир и спокойствие в Европе и, в особенности, в промышленной Германии. Мирный договор можно будет использовать так, чтобы заставить Германию работать по дешевой цене.

Неизбежность войны с Америкой давно уже сознается английскими политическими деятелями и давно ими учитывается. Необходимость эта вытекает из всей экономической конъюнктуры и становится с каждым днем все острее. Иначе Англия окажется позади Америки на мировом рынке.

Тем временем Япония тоже усиленно вооружается. 50% ее громадных расходов идут на военные надобности. Правительство собирается разработать план военной мобилизации японской промышленности по образцу, указанному Людендорфом. Японские гавани укрепляются. Министерство Гара высказало сожаление, что финансовые «соображения» мешают заменить военное управление гражданским в отнятых у Германии островах Полинезии. Японская же судостроительная программа колоссальна для этой маленькой страны, обладающей все же, весьма ограниченными средствами. К концу 1927 г. Япония надеется, однако, выполнить всю свою программу. В Курэ заканчивается отделка грандиозного линейного корабля «Нагато» в 33.800 тонн; там же одновременно строится броненосный крейсер «Акаги» в 30.900 тонн. Все прочие государственные и частные верфи также завалены работой, либо по постройке новых, либо по исправлению старых судов. Особое внимание уделяется постройке подводных лодок. Япония и здесь учится у Германии. В качестве добычи она получила от союзников германский подводный крейсер самого новейшего типа, в 2.158 тонн, который в состоянии удалятся от своей базы на 20.000 морских миль, т. е. чрезвычайно пригоден для Тихого океана. Это полученное ими судно японцы стараются теперь воспроизвести, а они, как известно, большие мастера по части подражания.

Вооружается и Америка. Бюджет ее морского министерства доведен до 436 миллионов долл. В эту сумму не включены 2 миллиарда на воздушный флот. Численность армии на 1920 г. установлена в 17.800 офицеров и 280.000 нижних чинов. Обсуждается также вопрос о создании на Филиппинах, на Гавайских островах и в Сан-Франциско новых морских баз для американского флота, без которых, в случае войны с Японией, он был бы бессилен и почти бесполезен. Специальное бюро морского министерства разработало проект устройства этих баз. Но потребует больших строительных работ, которые продлятся от 3 до 5 лет. Приблизительная их стоимость достигнет 158.000.000 долл. Отчет специального бюро по этому поводу гласит: «Гавайские острова являются ключем ко всему Тихому океану. Здесь предположена постройка базы, которая обойдется в 27.000.000 долл. Морское министерство просило ассигновать на немедленное начало работ в 1920 г. 1.407.000 долл., из которых Конгрессом утверждено пока 890.000 долларов. К югу от Сан-Франциско, в Сан-Федре, предполагается устройство базы для подводных лодок, могущей вместить в мирное время до 12 подводных лодок, а в военное—24. Работа по постройке и оборудованию этой базы обойдется в 5 миллионов долларов. Министерство испрашивает на начало работ 1.500.000 долл.; кроме того, предполагается

постройка оперативной станции и многих других баз».

Американский морской министр, Даниельс, опубликовал официальное сообщение, из которого видно, что в настоящее время военный флот Англии состоит из 538 единиц, с водоизмещением в 1.500.000 тонн.

В Соединенных Штатах 330 единиц в 300.000 тонн.

Японский военный флот обладает водоизмещением в 340.000 тонн.

В 1925 г., согласно судостроительным программам, водоизмещение этих трех флотов будет следующее: Англии — 1.600.000 Америки — почти такое же, а Японии — 1.060.000.

Что касается числа боевых единиц, то Соединенные Штаты будут иметь преимущество перед Англией в разрушителях, легких крейсерах и подводных лодках. Америка будет иметь одинаковое с Англией количество бронированных крейсеров. Что касается соотношения между американским и японским флотом по тоннажу и количеству боевых единиц, то в настоящее время американский флот вдвое сильнее японского; единственное превосходство на стороне Японии в линейных крейсерах, быстроходных боевых судах, которые должны описывать круги вокруг дредноутов. Япония кончает постройку 4 таких крейсеров и строит еще 4. Америка начала постройку 6 и пока еще не имеет их.

В то время, как народные массы Европы, при одной мысли о войне, приходят в ужас и отчаяние, расчетливая, трестированная буржуазия в тайниках своих кабинетов уже подсчитывает ожидаемые от войны барыши. Капиталисты не так глупы, чтобы не видеть новых громадных выгод, которые получат некоторые страны Европы от этой войны, ибо Америка и Япония должны будут не только прекратить дальнейший вывоз товаров и направить всю свою энергию на производство амуниции и военных припасов, но и приобретать весьма многое у европейских трестов.

Здесь в первую очередь выиграют английские предприниматели. Все те рынки, куда в ближайшее время будут ввозиться японские и американские товары, временно достанутся Англии. Кроме того, в случае победы Японии, Англия освободится от своего нового страшного конкурента и тогда сможет безраздельно господствовать над большею частью земного шара. Поэтому англо-японский союз, который недавно был возобновлен, диктуется экономическими интересами финансового капитала Англии и отвечает интересам Японии, желающей, при помощи своей союзницы, утвердиться на Тихом океане.

Что касается Франции, то она ходом событий вынуждена будет стать на сторону Америки. По этому поводу американский корреспондент «Chicago Daily Tribune» недавно телеграфировал из Парижа: «Франция еще не оправилась от великой войны и желает мира. Но если начнется японско-американская война, то Америка будет отстаивать в ней белую расу, составляющую меньшинство на земном шаре. Если бы она была разбита, то это отразилось бы повсюду на положении белых. Франция, как вторая величайшая колониальная держава, не может допустить этого. Она должна будет вступиться и помочь Америке, как Америка помогла ей в 1917 г. Франция нуждается в сильной и могущественной Америке, как в своей союзнице». Дело, конечно, не только в этом. Французские капиталисты, будучи последовательными империалистами, мечтают о безраздельной диктатуре над всей Европой. А, при существовании сильной, могущественной Англии гегемония над Европой неизбежно будет находиться в ее руках. Франция, на всякий случай, через голову «Лиги Наций», уже обеспечила себе военно-оборонительный союз с Бельгией, Польшей, и организует Малую Антанту. Вообще, она принимает в этом отношении все необходимые и возможные меры.

Но Англия тоже не дремлет. Она заигрывает с Германией и представляет дело так, как будто в жестокости Версальского договора повинна только Франция, и что она, с своей стороны, не прочь была бы его пересмотреть, но французские шовинисты этому, якобы, препятствуют. Одновременно с этим она заявляет через адмирала Джеллико требование Австралии о создании флота такой силы, чтобы он с успехом мог защищать австралийские порты и берега, пока не придет на помощь английский флот, и к нему не перейдет инициатива наступательных действий, в случае неприятельского нападения.

Итак, четыре самые крупные империалистические державы мира готовятся к новой кровавой схватке. На одной стороне — англо-японская коалиция, на другой — франко-американская. Каждая из них включает в сферу своего влияния целый ряд мелких шакалов империализма, которые готовы броситься в бой при первом зове своих хозяев.

Остальные капиталистические страны, находящиеся вне этих двух сфер, «самоопределятся», когда развернутся события и перейдут, конечно, на сторону той коалиции, которая пообещает им больше выгод, а, в случае, если нейтралитет будет выгоднее вмешательства, они останутся нейтральными.

Разумеется, эта война, как и война 1914—18 гг., не может кончиться половинчатыми договорами, а лишь полной победой одной коалиции над другой.

Такова уж природа финансового капитала.

Черные тучи истребительной войны снова нависли над человечеством.

И вот, в то время, как в кабинетах военных министерств разрабатываются планы новых вооружений и новых мобилизаций, когда вся капиталистическая пресса от-

крыто обсуждает возможность предстоящей войны, когда страшный экономический кризис порождает нищенские условия для громадной части Европы и Америки, — в это самое время герои II Интернационала, господа Гендерсоны, Макдональды, Гюисмансы и другие, выпускают манифест к пролетариату всех стран, с призывом отказаться от насильственных методов борьбы и диктатуры, бороться за идеалы «демократического социализма» и не препятствовать созданию «экономической демократии».

На деле это означает: «пребывайте покорно в цепях капиталистической военщины и довольствуйтесь крохами со стола своих господ. А когда снова начнется война, гг. Гендерсоны и К°, захлебываясь от патриотических чувств, призовут вас на защиту «дорогой родины» от нашествия «варваров».

Что бы ни случилось, руководители желто-лакейского интернационала дальше этого не пойдут, так как всякий насильственный переворот нарушил бы принцип «экономического социализма», а, прежде всего, сильно повредил бы интересам капиталистов.

Но рабочий класс, наученный горьким опытом четырехлетней войны, на этот раз не так то легко будет обманут сладкими тирадами социал-шовинизма.

В эти дни величайшей мировой катастрофы, когда еще свежи следы вчерашнего преступления, когда миллионы рабочих, гонимые нуждой и голодом, ищут спасения в беспрерывных стачках, когда борьба за хлеб неотвратимо превращается в борьбу за власть, когда небывалый хозяйственный развал выбрасывает на улицу все новых и новых кандидатов на голодную смерть, — в такое время революционный пролетариат не может допустить свои правительства до устройства новой бойни в интересах финансовой олигархии. Пролетариат, через головы своих желтых вождей, вынужден вести отчаянную борьбу за элементарное физическое существование, которое, помимо пролетарской диктатуры, никем и ничем не может быть обеспечено. Борьба за хлеб неминуемо должна превратиться в борьбу за диктатуру, и только пролетарская диктатура способна будет положить конец неслыханным бедствиям рабочего класса и покончить раз навсегда с воинствующим империализмом и преступным хозяйничаньем трестированной буржуазии.

А. СУЛТАН-ЗАДЕ.

О КОММУНИСТИЧЕСКОМ ДВИЖЕНИИ В ТУРЦИИ.

Земельный вопрос.

Турция—страна преимущественно земледельческая. Преобладающее большинство ее населения составляют крестьяне.

Хотя в некоторых частях, как, например, в Курдистане, еще сохранились остатки прежнего феодального строя, но в общем земля юридически принадлежит государству, под видом государственных и вакуфных земель, и фактически находится в пользовании частных земледельцев. Несмотря на отсутствие крупного частного землевладения и на наличие свободных государственных земель, значительная часть турецких крестьян, свыше 30%, не имеет собственной земли и вынуждена работать в качестве арендаторов, батраков и городских чернорабочих и поденщиков. Благодаря крайнему разорению, крестьяне вынуждены оставлять свои участки в руках ростовщиков или даже по просту бросать их на произвол судьбы не имея возможности продолжать хозяйство за полным отсутствием средств производства. Основной причиной разорения турецких крестьян является непомерно тяжелое бремя налогов, в течение столетий выколачиваемых из крестьян самым беспощадным и разорительным образом, путем откупов.

Сановники, паши, беки, жандармы, сборщики податей, скупщики зерна, менялы и ростовщики в конец разорили турецкое крестьянство и создали для него невыносимо тяжелое существование, которое вызывает у крестьянства жгучее недовольство настоящим положением и страстную жажду найти из него выход.

Турецкая буржуазия.

Ни в одной стране Европы противоположность интересов крупной торговой буржуазии, с одной стороны, средней и мелкой буржуазии—с другой, не носит столь резкого характера, как в Турции.

Турецкая крупная торговая буржуазия, выросшая и окрепшая еще до империалистической войны, состоит, главным образом, из греков, армян и левантинцев. Она является агентом европейских банкиров и фабрикантов и, участвуя в деле извлечения прибылей, получаемых последними, не заинтересована в сохранении независимости Турции. Крупная торговая буржуазия уверена, что ее интересы, как агента международного капитала, не пострадают и после раздела Турции; поэтому она стремится к скорейшему заключению мира, не смущаясь даже обращением Турции в англо-французскую или американскую колонию. В своем пресмыкательстве пред хищническим европейским капиталом, крупная буржуазия доходит до того, что поддерживает Севрский договор и, вообще, все требования Антанты.

Сгруппировавшись вместе с частью крупных бюрократов вокруг партии «Свободного соглашения», турецкая крупная буржуазия готова отдать Константинополь, Смирну, Адану, Яффу, лишь бы не ссориться с европейской и американской буржуазией. Эти последние всегда смотрели на Турцию, как на рынок для покупки сырья по дешевым ценам и для выгодного сбыта предметов своего фабричного производства.

Совершенно иначе относится к попыткам международного капитала превратить Турцию в свою колонию средняя и мелкая турецкая торговая буржуазия. Возникшая внутри страны за последние 15 лет, окрепшая и развившаяся главным образом во время мировой войны, устранившая конкуренцию европейской, греческой и армянской буржуазии, она является руководителем турецкого народа в борьбе за *„сохранение независимости и нераздельности Турции в ее этнографических границах"*. Представители этой мелкой и средней буржуазии прекрасно понимают, что, в случае раздела Турции, им придется очистить завоеванные ими экономические позиции под натиском международного капитала, и что их место займут греки, армяне, левантинцы и другие представители международной индустрии и торговли. Для мелкой и средней турецкой буржуазии борьба за независимость Турции есть борьба за свое собственное существование.

Этот класс является в данный момент ярым врагом крупной турецкой буржуазии, поддерживающей Антанту. Она стремится об'единить вокруг себя все турецкое трудовое крестьянство и даже городские рабочие массы. Последние представлены в лице разоряющихся, благодаря ввозу дешевых предметов европейской фабричной промышленности, мелких ремесленников, а также промышленных рабочих, каковых ныне не мало в Константинополе, Бруссе, Смирне, Адане, Самсуне и т. д.

И нужно признать тот факт, что трудовые рабоче-крестьянские массы Турции в своем подавляющем большинстве охотно идут за этой мелкой и средней буржуазией, которая является идейным руководителем и вождем в анатолийском национально-повстанческом движении.

Турецкая Коммунистическая партия.

Вследствие таких условий, на долю Коммунистической партии в Турции выпадает чрезвычайно трудная и сложная задача. С одной стороны, поскольку речь идет о борьбе с Антантой, Турецкая Коммунистическая партия должна поддерживать самым энергичным образом национально-освободительное движение и руководящую последним мелкую и среднюю буржуазию, ибо каждый лишний день сохранения власти хищнического европейского капитала в Турции обостряет народную нищету, ускоряет процесс пауперизации ремесленников и крестьян, отрываемых от производительного труда, не дает возможности несчастной стране вырваться из огненного кольца непрерывной войны с иноземными армиями и контр-революционными бандами, организуемыми агентами Антанты.

С другой стороны, поддерживая мелкую и среднюю буржуазию в борьбе последней с Антантой, турецкие коммунисты должны создать отдельные, независимые от буржуазии организации трудовых рабоче-крестьянских масс. Собрав вокруг своего знамени стойкие кадры преданных работников и бойцов, они должны утвердить свое существование в качестве независимой партии, защищающей интересы трудящихся масс Турции под знаменем III Интернационала.

Эту задачу стремится осуществить группа турецких коммунистов, работающая весьма энергично. Ею издается в Баку еженедельная газета «Ени Дуниа», распространяемая в Турции. Группа эта перевела на турецкий язык и частью издала ряд брошюр, в том числе: 1) Коммунистический манифест К. Маркса; 2) Биография Ленина; 3) Конституция Р. С. Ф. С. Р.; 4) Азбука коммунизма Бухарина; 5) Программа коммунистов большевиков Бухарина; 6) Труд и капитал; 7) Что такое большевизм?; 8) Что такое советская власть?; 9) Программа Российской Коммунистической партии; 10) Программа Турецкой Коммунистической партии 11) Тезисы Ленина о буржуазной демократии и пролетарской диктатуре.

Уже один перечень этих брошюр дает представление о физиономии группы и показывает, что она стоит на почве III Интернационала. Однако, работа ее наталкивается на серьезные препятствия. Благодаря тому, что турецкие рабочие даже в наиболее промышленных районах еще не сознают своих классовых интересов и не умеют разбираться в подлинном характере выступающих перед ними различных партий, рабоче-крестьянские массы Турции легко попадаются на удочку всяких самозванцев и лицемеров, подлинных волков в овечьей шкуре.

Зеленое яблоко.

Желая использовать в своих партийных целях начавшееся в Турции и вообще на всем Востоке сильное коммунистическое движение и прочнее удержаться у власти, партия «Единение и прогресс» не только присвоила себе название турецкой коммунистической партии, равно как и ее организационный устав, но и создала в Ангоре центральный комитет коммунистической партии.

Таким образом, эта группа не только создала лже-коммунистическую партию, *но и начала преследовать коммунистов, зарегистрированных в ячейках, созданных группой Субхи и Исмаила Хакки*, и имевших с последними связь и сношения. Между тем, истинная сущность программы этой лжекоммунистической партии сводится к пантюркистской и панисламистской пропаганде, под лозунгом «Зеленое яблоко».

Основоположником этой программы является представитель партии «Единение и прогресс», бывший помощник министра продовольствия во время всемирной войны, Кара-Али-Бек. Газета «Яни Гюнь» называет его турецким Карлом Марксом и присовокупляет к этому эпитету следующее пояснение: Али-Бек проделал над историей Турции то же самое, что было проделано Карлом Марксом над историей мира. Те самые очки, через которые Карл Маркс исследовал историю мира, были применены Али-Беком к исследованию и изучению истории Турции. Маркс, изучая историю, определил будущее человечества. Али-Бек, изучая оттоманскую историю, старался открыть судьбу и будущность Анатолии. Затем газета следующим образом характеризует программу Али-Бека:

«Программа может быть названа коммунистической, хотя в момент ее возникновения в России не существовало большевизма. Али-Бек и его товарищи просто изучили историю страны, и в результате своих исследований нашли, что такая программа избавит страну от всех бедствий. Али-Бек обратил большое внимание на капитал и хозяйство. *Он не из числа верующих в конечное торжество коммунизма во всем мире*, но вместе с тем он не утверждает решительно и противоположного. Вернее сказать, он видит в таком рассмотрении вопроса бесполезное теоретическое занятие».

Не уделяя этой стороне вопроса излишнего внимания и не придавая ей особого значения, он занят выработкой для Анатолии политической и административной программы, соответствующей условиям данного момента. «С точки зрения Али-Бека, крупная торговля и концентрация капиталов совершенно не будут допущены. Он не об'являет войны частным капиталам. Путем постепенной национализации он желает их ликвидировать».

Таким образом, наиболее выдающимся достоинством программы является отсутствие в ней подражательного характера. Первый набросок программы отличался от нынешнего ее вида. Впоследствии она приняла настоящую свою форму.

Истинный характер коммунистической партии, основанной в Ангоре партией «Единение и прогресс», выясняется из статьи «Зеленое яблоко», напечатанной в «Яни-Гюнь»

20 октября 1920 г., и принадлежащей перу одного из лидеров Ангорской коммунистической партии, делегата от Смирны, Махмуда Асада.

В этой статье автор развивает следующие взгляды:

«*Наша несчастная страна,* противопоставлявшая свою грудь различным бедствиям и невзгодам, *ныне стоит лицом к лицу со страшным бураном, несущимся с севера, большевизмом.* Мы должны изучить это явление с политической, экономической и отчасти социальной стороны. Но с какой точки зрения, с точки зрения какого идеала подойдем мы к этому изучению? По нашему убеждению, с точки зрения интересов нашей страны и нашего *национального* идеала. Правда, об этом говорят всегда, и мы об этом говорили. Раз'ясним точнее свои мысли. Вопреки мнению некоторых из нас,-*я высказываюсь совершенно категорически и всецело против принятия русской формы коммунизма,* т. е. русского национального коммунизма, еще точнее, большевизма. Правда, необходимо приноровиться к условиям современной цивилизации. Это—жизненная необходимость. С этой целью, в случае нужды, мы можем принять еще более левое течение социализма, чем современный коммунизм,—если только такое течение существует. Но мы не можем принять ту форму этих течений, которую та или другая нация выработала для себя в соответствии с окружающими жизненными условиями, ибо Турция не есть Россия, и турки—не русские.

«Нет другой нации, которая столько пострадала бы и перенесла столько бедствий и несчастий в результате сильного подражания чужим образцам, как Турция.

«Всякая нация, желающая проглотить другую нацию, навязывает последней свои учреждения и общую схему своей культуры. Эта операция поглощения, в зависимости от силы и устойчивости его об'екта, кончается успешно или безуспешно. Так, например, арабская культура, подчиняя себе различные племена и расы северной Африки и некоторые народности Сирии, не сумела поглотить турецкую нацию, обладавшую высокой культурой, славной историей и независимым духом.

«Однако, слепое подражание многим образцам Запада имело крайне отрицательное влияние на организм Оттоманской империи. Так, вред, причиненный Турции революционной Францией, под влиянием которой были введены у нас не соответствующие духу страны «благодетельные реформы», был крайне велик.

«Русские вынуждены были урезать принципы и основы учения Карла Маркса, и даже те из них, которые носят общий характер. Тем более мы не можем слепо пересаживать на нашу почву большевизм, выработанный в соответствии с условиями и нуждами России и русской национальности. Даже в религии немцы встретились с той же опасностью подражания. Лютер, создавая протестантское религиозное учение, сохранил принципы и основы евангельского учения, но придал последнему наиболее терпимую для германской нации форму. В настоящее время в стране Лютера религия служит орудием национального об'единения немцев и помогает сплочению нации. В первоначальный период существования нашего государства наши государственные деятели, чрезвычайно хорошо уловившие все тонкости мусульманского шариата, не упустили из виду этой стороны дела. Священные идеи великого Джелал-Эдина-Руми возникли до основания оттоманской государственности, но, к сожалению, впоследствии идеи эти не получили распространения.

«С моей точки зрения, *турецкий коммунизм является орудием, обслуживающим счастье, благополучие и усиление мощи тюркской нации.*

«Национальный коллективизм,—путь ведущий к об'единению тюркской нации.

«Маркс, излагая свою философию, имел в виду весь мир. Но он не отрицал существования национализма и не мог отрицать.

«В случае, если бы он отрицал существование последнего, он отрицал бы существование естественного факта. Коммунизм не есть превращение всего мира в единую нацию. Поскольку необходимо признать существование разнообразия и различия в характерах местностей, географических условий природы, психологии, образа мышления, жизненных исторических условий отдельных народов,—постольку же нужно примириться и с различием и разнообразием национальностей. С моей точки зрения, *турецкий коммунизм является орудием, служащим счастью и усилению тюркской нации. Национальный коллективизм является дорогой к будущему единству тюркской нации. Это—траншея, путь к красному яблоку.* Так поняли коллективизм и русские для России.

«В этом направлении русские коммунисты работают и даже пошли несколько далее. Коллективизм есть сегодняшняя необходимость. Эта необходимость, согласно жизненным условиям общества, завтра может принять иную форму. *Это—программа, которая завтра может быть исправлена, изменена и урезана, национализм же неизменим.* Его изменение равносильно гибели. Для того, чтобы коллективизм приносил соответствующую пользу, он должен непременно и неизбежно принять национальную окраску. Тюркизм должен постоянно иметь национальный идеал, национальное самосознание. Поэтому все программы должны обслуживать интересы этого идеала, должны быть соподчинены ему. Необходимо надлежащим и достойным образом понять тот факт, что важнейшим экономическим фактором современности являются конкуренция и борьба за существование.

«*Коммунизм не—идеал, а средство для тюрков. Идеалом же их является единение тюркской нации. Золотое яблоко.*

«Национальное единство является единственным и самым дорогим идеалом для человека. И большевики не утверждают противного; наоборот, они вполне сознательные сторонники этого направления. Иначе и быть не может. Тюркизм не является противником ислама, как почему-то думают некоторые. Наоборот, он выгоден и полезен как тюркам, так и всем мусульманским нациям. Это—необходимость века, необходимость обоснованная и научная. Единство тюрков является единством обширной части мусульманства. Это единство должно встретить поддержку и одобрение всего панисламистского мира.

«Если бы идея единства тюрков являлась праздной мечтой, то тем худшую участь потерпел бы панисламизм. Под идеей единства тюрков мы не подразумеваем идеи единства короны и государя.

«Мы всецело являемся противниками того политического национального единства, которое до сих пор существовало в Европе и приводило к империализму.

«Мы желаем социального и культурного единства тюрков.

«Мы желаем для всего тюркского мира единства языка, литературы, воспитания и коллективизма.

«Необходимо достигнуть осуществления на земле красного яблока. Справедливый принцип итальянца Маццини, который в XIX веке выдвинул на первый план национальную сторону и национальные принципы декларации прав человека и гражданина, восторжествует в XX веке в такой форме.

«Мы ждем восхода солнца из-за золотых гор; оно одно рассеет этот ночной мрак.

«История и жизнь повторяются».

Такова сущность этой программы, выдвинутой под лозунгом зеленое яблоко, которое иногда называется золотым или даже красным чтобы угодить революционным симпатиям народных масс.

Из этой программы мы видим, что партия «Единение и прогресс», скрывавшаяся в последнее время под различными названиями, стремится ныне путем создания Ангорской коммунистической партии, защищающей принципы зеленого яблока, восстановить свое прежнее положение в качестве руководительницы турецкого общества. Она стремится использовать коммунизм, как орудие и мост для достижения весьма старого идеала младотурецкой партии, именно пантюркизма и панисламизма. Коммунизм в руках этой партии является прикрытием империалистических вожделений, как бы лидеры ни нападали на европейский империализм.

Чтобы поднять авторитет своих членов в глазах народных масс, газета «Яни-Гюнь», пропагандирует, с одной стороны, коммунизм согласно своему пониманию, пишет о влиянии Талаат-паши в кругах III Интернационала и уверяет, что последний, будто бы вверил ему и Энвер-паше руководство всей восточной политикой III Интернационала.

III Интернационал не будет, конечно, поддерживать партию, защищающую программу «зеленого яблока». Он будет считать своим сочленом только ту турецкую коммунистическую партию, которая и словом и делом проводит в жизнь основные принципы III Интернационала, принятые на II Конгрессе для восточных стран и осуждающие все реакционные и буржуазно-националистические течения, в том числе панисламизм и пантюркизм.

Михаил ПАВЛОВИЧ.

Baky.

«В стачках и восстаниях воспитывается и закаляется новое поколение немецких рабочих. Оно оплачивает свой опыт тем большим числом жертв, чем дальше в Независимой Социалистической партии сохраняется влияние социал - демократических консерваторов и рутинеров, которые оглядываются назад, на социал-демократию времен Бебеля, не понимают характера нынешней революционной эпохи, сторонятся гражданской войны и революционного террора, плетутся в хвосте событий и надеются на чудо, которое должно прийти на помощь их несостоятельности. Партия Розы Люксембург и Карла Либкнехта в огне борьбы учит немецких рабочих находить истинный путь».

«Манифест II Конгресса Коммунистического Интернационала».

МЕНЬШЕВИКИ ГРУЗИИ И ДАШНАКИ АРМЕНИИ.

ГАЛЛЕРЕЯ ГЕРОЕВ ЖЕЛТОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА.

Меньшевики Грузии и дашнаки Армении, как партии, выражают интересы мелкой и, частью, даже средней буржуазии, плетущейся за крупной. С момента своего появления (в конце прошлого и в начале текущего века) они носят столь популярное у пролетариата всего мира звание — «социалистов», чтобы тем вернее обеспечить себе сочувствие авангарда трудящихся этих стран. Довольно долгое время это отчасти им удавалось. Почему? и как?

Чтобы дать более яркое представление о грузинском меньшевизме, возьмем его вождей, известных не только широким массам России, но и Западной Европы, в особенности теперь, когда некоторые из них пообивали пороги героев Версальской империалистической конференции—Клемансо, Ллойд-Джорджа, Керзона, Мильерана и др.

Эти вожди — бывшие депутаты Российских Государственных Дум: Чхеидзе, Церетелли, Чхенкели, Гегечкори, Рамишвили (старший) и Жордания.

Начнем с последнего, признанного и популярного вождя и идеолога грузинских меньшевиков.

* * *

Я впервые познакомился с ним в то время, когда он поступил в Тифлисе в то средне-учебное заведение, которое я тогда (1885—1886 гг.) кончал. В числе других учеников, начинавших серьезно заниматься самообразованием, был и Жордания. Он, наряду с некоторыми другими, произвел на меня хорошее впечатление. После пятилетнего невольного отсутствия, я снова очутился (нелегально) в Тифлисе — работником на заводе Сараджева и частным репетитором. Это было в 1888—1889 гг. Я заинтересовался судьбою тех молодых людей разных учебных заведений и некоторых рабочих, с которыми в свое время вел знакомство. Жордания был уже молодым человеком, оканчивающим среднюю школу.

Начинался период II Интернационала (1888 — 1889 гг.), царствование кайзера Вильгельма II, ухаживавшего за рабочим классом Германии, чтобы оторвать его от популярных вождей социал-демократии — Августа Бебеля и Вильгельма Либкнехта.

Зарождались гиганты — политические тресты — франко-русский союз и германо-австро-итальянский. Словом, формировался будущий империализм, создавалось господство финансового капитала, виновника современной анархии во всем мире.

И вот, чтобы быстро и легко распознать этих молодых людей, я затеял в одно из их посещений, так называемую, «научную игру»: на вопросы давались ответы письменные и анонимные, а один из участников игры (в качестве редактора) знает и ту и другую сторону. Я задал вопрос Жордании: какое решение социального вопроса лучше—Вильгельма Либкнехта и Бебеля (т. е. с.-д.) или нового кайзера, с его затеей устроить в Берлине, вместо Берна, с'езд по социальному страхованию рабочих? На мой вопрос Жордания дал такой ответ: ему кажется, что Вильгельм II—добрый человек, молодой монарх, заменивший железного канцлера Бисмарка либеральным Каприви и так хорошо начавший свое царствование стоит на верном пути.

Я глубоко был возмущен таким ответом, который был дан с большим апломбом. Громко прочитав эту записку и, конечно, не указывая, кому принадлежит вопрос и кому ответ, я предложил собранию сделать его предметом обсуждения. Опровергая ответ и указывая на лицемерие господствующих классов и их приказчика—кайзера, я рисовал молодой аудитории перспективы нового периода в истории человечества. Ответа Жордании никто не защищал. Но он, краснея, все же, взял слово. Эклектически начал он обходить острые вопросы момента и, не смея, в заключение, повторить ответа «анонимного» автора, все же, оставил во мне скверное впечатление. Предо мною стоял будущий пошлый и опасный оппортунист.

Через три года, в 1892—1893 гг., мы встретились снова. Теперь это был приехавший из Варшавы студент-ветеринар, окунувшийся в идеологию польского П. П. С.-овства.

Начинался рассвет легального марксизма в России. Подполье должно было хоть кончиком показаться наружу. Жорданию привел ко мне живший тогда со мною многообещавший революционер, который, несомненно, был бы одним из самых боевых революционеров-коммунистов ленинского типа,—покойный мой друг Игнатий Ингорокуа (известный грузинский беллетрист Ниношвили). Игнатий предупредил меня: «Ты его знаешь, но имей в виду, если этот суб'ект не сделается нашим, то он много нам напортит: у него крупная голова, а, быть может, и перо у него будет

незаурядное». Он показал мне первую рукопись Жордании под заглавием: „*Что делать?*". Действительно, работа была как бы не начинающего, а очень опытного писателя. Но, по содержанию, она нас не совсем удовлетворила. Несмотря на это, мы хотели, чтобы она была напечатана в единственно выходившей тогда ежедневной грузинской газете. Но статья не была напечатана. Отчасти мы этому обрадовались и посоветовали молодому автору так переделать ее, чтобы статья была еще более непримирима и неприемлема для буржуазно-националистически-демократических газет, и резче ставила бы вопросы.

У нас имелся уже, после двух небольших с'ездов, ответственный (инициативный) центральный кружок, который должен был заниматься разрешением программных и теоретических вопросов в связи с пропагандой и агитацией. В кружке этом были не одни грузины, но и армяне, русские и др.

Важно здесь же отметить следующее: вернувшийся из Варшавы Жордания на первом из упомянутых выше с'ездов (Квирилы, Кутаисской губ., рождество 1892 — 1893 гг.), представил нам проект «национально-демократической программы». Такое название, по его и его сторонников мнению (С. Джибладзе), нужно для легальности, а на самом деле, мы будем с.-д., марксистами и пр. галиматья. Я с покойным Игнатием (Ингорокуа) резко возражал, но автор и Джибладзе стояли на своем. Чхеидзе признал себя некомпетентным и занял нейтральную позицию. Остальные участники с'езда как старик Рамишвили и др. мало разбирались в программно-теоретических вопросах.

Все же, мы, левые, проект целиком провалили, и единогласно были приняты два нижеследующих положения: 1) мы всегда и везде социалисты, и легально и нелегально, и 2) абсолютные противники всякого национализма, беспощадно бичующие и местных националистов всякой масти, и националистов всех народов.

Жордания подчинился.

Отправившись за границу, он прислал оттуда новому национал-демократическому журналу свою работу, почти ничего не изменив в ней, кроме заглавия. Мы за нее уже не отвечали. В это же время он часто писал в демократическом еженедельнике «Квали» («Борозда»), издававшемся Церетелли-отцом. Живо и талантливо написанные статьи на демократические темы подкупали новых читателей из низов, до того времени не избалованных. Имя Жордании прогремело и затмило имена старых публицистов националистического лагеря. Это как будто нам льстило, но меня не особенно удовлетворяло, впрочем, как и вся почти легально-марксистская публицистика.

Конечно, она не удовлетворила бы и Игнатия... Но он не дождался. На его похоронах наше подполье выявило себя, и, вопреки нашему желанию, мы получили легальную кличку «Месаме Даси» — «третья партия»,— т. е. старые националисты, новые—из демократов с народническими и либеральными настроениями и мы—«представители чистого труда», как окрестил нас в легальной прессе Церетелли-отец.

* * *

А подполье шло своей дорогой...

К концу 1897 года, по распоряжению тогдашнего царского министра Горемыкина и главноначальствующего на Кавказе кн. Голицына, я был выслан на 5 лет во внутренние губернии России.

Незадолго перед этим вернулся из-за границы Жордания, и два-три раза мы виделись с ним в Кутаисе, где я жил.

Тогда у нас был уже не просто инициативный центральный кружок марксистов, а группы передовых рабочих в Батуме, Тифлисе и даже Кутаисе, где помещалась общая центральная библиотека марксистов.

Это было в октябре 1897 г. На первом же собрании у меня, кроме Жордании, присутствовали почти все товарищи местного центрального кружка марксистов и т.т. Лузин и Козыренко. Лузин видел Жордания еще в Батуме у Чхеидзе и из разговоров с ним вынес впечатление, что Жордания не даст по-товарищески работать в Грузии русским и другим революционерам. Действительно, мы заспорили серьезно с моим давнишним, казалось бы, другом. Он доказывал, что рабочее движение должно вести в национальных рамках. Я же, с фактами в руках, доказывал, что не только в Баку и Тифлисе, но даже в Батуме и Кутаисе это невозможно. Ибо тут вместе работают рабочие разных национальностей и за основу нужно брать не нацию, а класс. Жордания сознался, что за пять лет его отсутствия жизнь сильно полевела. Стало быть, заключил я, другой линии в рабочем движении, кроме интернациональной, нет; кроме чисто классовой, другой точки зрения быть не может. И собрание приняло заготовленную нами с тов. Лузиным резолюцию, написанную на русском языке. В состав членов редакции и сотрудников переходившего к нам (с 1 января 1898 г.) от Церетелли-отца органа «Квали» я вписал, наряду с грузинскими, русские и армянские имена. Жордания снова подчинился. Новой редакции было поставлено условие руководствоваться нелегальной программой, которую даст ей предстоявший большой с'езд марксистов Закавказья.

Меня скоро выслали. С'езд при мне не состоялся. Но он не состоялся и после меня, так как организации Батума и Тифлиса были разгромлены. Жордания устроил небольшое совещание, на котором, как он мне писал, многие с ним не были согласны, но, все же, признали его единоличным редактором «Квали».

Жордания не прерывал со мной сношений. Он не только присылал мне первые нумера первого легально-марксистского органа на грузинском языке, но и писал довольно

длинные письма, прося меня дать отзыв о газете. Но я ушел уже глубоко в подпольную работу в Южном районе (Харьков, Екатеринослав и Донбас). Не имея времени для правильной и регулярной переписки, я послал ему первые два номера подпольной рабочей газеты «южный Рабочий», который, во всяком случае, был дальнейшею ступенью от киевского «Вперед» (издававшагося «экономистами») к заграничной революционной «Искре» первого периода.

Снова встретился я с Жордания ровно через пять лет, весною 1903 г., на первом с'езде кавказских с.-д. рабочих организаций (Баку, Тифлис и Батум). Оба мы приехали в Тифлис нелегально—я из Кутаиса, а он из Елизаветполя. Мы как будто очень обрадовались друг другу и на этот раз были во многих отношениях солидарны, ибо, действительно, самый этот с'езд, настоящий рабочий с'езд, где были представители передового пролетариата разных наций, опровергал его прежние взгляды. Он только смущался тем, что, все же, нет программы, которой следовало бы руководствоваться в работе. Я указал на об'явленный тогда проект программы «Искры» и «Зари», который, нет сомнения,—говорил я—сделается общепартийной программой после общепартийного (II) с'езда Р. С.-Д. Р. П. Из его нелегальной рукописи, которую предстояло напечатать и которая была представлена мне для редактирования, я целиком удалил вторую половину о Тифлисском сейме, об автономии, федерации и др. тогдашних мудрствованиях пошлого оппортунизма. Он снова подчинился.

Но в это время Жордания опять уехал за границу. Он принял там участие с правом совещательного голоса во II с'езде, где были представлены другие три делегата с решающими голосами, посланные из Баку, Тифлиса и Батума.

Наше российское рабочее подполье к этому времени превращалось постепенно в стройно и грозно организованное целое и держало твердый революционно-марксистский курс на революцию 1905 г. Это, хотя не так ярко, но, в общем, принципиально верно отразилось на дебатах по программным, организационным и тактическим вопросам на II с'езде Р. С.-Д. Р. П.

Конец его ознаменовался почти расколом и появлением нового крыла партии — меньшевистского. Это обрадовало и утешило многих интеллигентских работников. Утешился и Жордания, ибо он убедился, что в России, кроме нашей суровой конспиративной организации, возможно существование более эластичного крыла рабочего движения, тем более, когда на его сторону стали такие известные в то время имена, как Павел Аксельрод, Вера Засулич, Потресов, Мартов и под конец даже Плеханов. Это окрылило Жорданию. И, вместе с мартовцами, он за границей строил против нашего подполья провокационные козни. Российское подполье еще не было расколото, а Кавказ тем менее. «Кавказский союз Р. С.-Д.» был самым передовым из российских организаций, вплоть до думского периода, т. е. до второй половины 1905 г., и позже, когда началося господство меньшевизма в Закавказьи.

* * *

Жордания вернулся из-за границы как раз в тот момент, когда, после 9 января 1905 года, по всей России прокатилась волна стачек, в большинстве своем политических, и заговорили о булыгинской Думе. В это время мы устроили за границей имевший большое принципиальное значение III с'езд Р. С.-Д. Р. П. Наше отношение к булыгинской (равно и к витгевской) Государственной Думе было отрицательное, бойкотистское. Революция еще нарастала, развившись октябрьской всеобщей политической стачкой от «хладных финских скал до пламенной Колхиды» и вооруженным декабрьским восстанием в Москве.

В этот период (1905—1907 г.г.) Жордания едва ли не первый из российских меньшевиков, известный под именем Кострова, оказался на стороне «земской кампании». Он стоял за об'единенные действия с либеральной буржуазией и за булыгинскую Думу, даже за Земский Собор и всецело за витгевскую Думу, куда и прошел в депутаты вместе с другими кавказцами. Вся партия, даже меньшевистское ее крыло, до стокгольмского об'единительного с'езда 1906 г., бойкотировала думскую работу.

И во второй, и в третьей, как и в последней, четвертой Думе меньшевики, в лице Церетелли, Чхенкели, Гегечкори и Чхеидзе, выступали от лица правого крыла Р. С.-Д. Р. П.

Здесь появляются на сцену наряду со старыми новые персонажи современной меньшевистской Грузии: Сильвестр Джибладзе, Исидор Рамишвили, Церетелли, Чхеидзе, Гегечкори, Чхенкели.

Об их прошлом до думского периода, кроме, быть может, старика Джибладзе, мало что можно сказать. Все они, в общем приспособлялись к своему признанному идеологу и вождю—Жордании. Чхеидзе из седьмого класса гимназии попал вольнослушателем в Харьковский университет. После одного выступления на студенческой сходке он был выслан на родину. В 90-х годах, при обсуждении в кружках программных вопросов и направления легального марксистского журнала, он всегда считал себя некомпетентным и занимал нейтральное положение между мною и Игнатием Инкорокуа и Лузиным, с одно стороны, и Жордания с Сильвестром Джибладзе—с другой. Поселившись в Батуме, он в первые месяцы до провала организаций в этом городе и в Тифлисе, помогал батумским рабочим в деле самообразования. Но беседы его касались больше неба и земли, нежели классовой борьбы и социализма. Избегнув тюрьмы, он с того времени сидел у моря и ждал погоды, скре-

стив руки и ничего не делая. Впрочем, занимая хлебное место и будучи гласным высокоцензовой городской думы царистской России, он имел большое влияние в батумском мещанско-интеллигентском обществе, оказывал влияние на кандидатуры и проводил в городские головы князей (как напр., агронома Андронникова). В думский период, не взирая на то, что раньше во время японской войны, после моего доклада осенью 1904 г. в Батуме «о текущем моменте» (Цусима и пр.), он признал большевистскую тактику более верной, он стал на сторону Жордании и конечно, попал в третью Государственную Думу, затем и в четвертую. А тифлисский (кажется, и батумский) архибуржуазный муниципалитет об'явил его отцом города, избрав в почетные граждане.

Первоумец Исидор Рамишвили—народный учитель из семинаристов, политически мало развитой и мало образованный, но красноречивый говорун на либерально-народнические темы.

С. Джибладзе,—мой и покойного Игнатия школьный товарищ, а после школы друг и однокашник,—по своему политическому развитию и, вообще, по воспитанию выше всех грузинских меньшевиков. Это—человек с большим революционным пылом. Но грузинский национализм, даже уездный патриотизм—«гуризм», всегда в нем сильно чувствовался (он, как и большинство меньшевиков-правителей Грузии,—гуриец).

С момента появления на литературно-политической арене Жордании, на которого я с Игнатием Ингороква имели, казалось большое влияние, Джибладзе всегда и во всем соглашался с ним, а не с нами, за что в последующее время, 1903—1905 г.г., я называл его большим ноеманией (имя Жордании—Ной).

У меньшевиков он является, как сам себя называет, Симеоном Восприемником, т. е. восприемником Жордании — спасителя меньшевистско-дворянско-буржуазной Грузии.

* * *

Что касается Ираклия Церетелли, не менее известного, чем Чхеидзе, депутата второй Государственной Думы, то будучи сыном талантливейшего буржуазно-демократического писателя и фанатичного борца за независимую Грузию, он перекрасился в социал-демократический цвет, выступая в Москве на студенческих сходках 1901—1902 г.г. Присоединившись к правому крылу партии, он, конечно, попал во вторую Государственную Думу, где в борьбе со Столыпиным прогремел, наряду с кадетами Родичевым и Милюковым, на всю Россию. После разгрома второй Думы, скорее вследствие мести Столыпина, нежели из-за ее революционной тактики, он попал на каторгу. Во время новой революции в 1917 г., которая произошла, конечно, вопреки его и его друзей меньшевистской тактике, Церетелли первые месяцы был окружен ореолом мученика-каторжанина, подобно кадету Караулову, в глазах трудящихся масс, еще неразбиравшихся в сложнейших вопросах тактики и стратегии Великой Революции. На демократическом совещании в сентябре 1917 г. его поддерживала вся мелко-буржуазная масса «делегатов» - кооператоров, земцев, представителей городов и меньшевики. Несмотря на это, он провалился вместе с Керенским. Он перебрался из Петрограда на родину, чтобы содействовать ускорению контр-революции в Закавказьи и, в особенности, в Грузии. Он доказывал, что большевизм несет реакцию Европе, что в войне побеждает кулак кайзера, и никакой революции нигде не будет. Так он ораторствовал на первом с'езде грузинских железнодорожников накануне падения Вильгельма и начала германской революции (ноябрь 1918 г.). Он становится ярым националистом-шовинистом, требуя во время армяно-грузинской войны 1918 — 1919 г.г. расширения границ Грузии дальше известной нейтральной зоны и перенесения ее на территорию, бесспорно, армянскую. Он всеми силами способствует освобождению из тюрьмы крупных спекулянтов-шантажистов, разбойников-князей из породы зубров—самых черных реакционеров, и антантовских агентов—взрывателей мостов на закавказских железных дорогах.

В то же самое время он вдохновлял своего друга, Ноя Рамишвили, министра внутренних дел,—этого Носке Грузии,—на террор по отношению к коммунистам и сочувствующим им из среды рабочих и крестьянских масс. Последний разрушал всякие профессиональные союзы, раз они проявляли сочувствие к коммунистам, и заполнял все каторжные тюрьмы демократической республики Грузии, где месяцами не пред'являли никакого обвинения, ибо не могли пред'явить такового.

Вот чем занимался известный втородумец—каторжанин Церетелли. Позор ему Своеобразный Бриан разложившейся российской контр-революции, член желтого II Интернационала и пасынок-паразит трудящихся пламенной Колхиды, позор тебе, позор!

* * *

Далее в нашей галлерее следуют Гегечкори и Чхенкели. Оба—депутаты третьей и четвертой Думы, примазавшиеся к рабочей партии, как и многие другие из мелкой дворянской интеллигенции, в целях карьеризма и национализма. Они надеялись с помощью социализма лучше и вернее разрешить национальный вопрос—вопрос о сепаратной и независимой буржуазно-дворянской Грузии, как завещал папаша-Церетелли своему пасынку Каки (Ираклию)...

Практически, оба эти героя — Гегечкори и Чхенкели — сильнее и решительнее всех вышеуказанных грузинских меньшевиков. В корниловские дни 1917 г. и позже Гегечкори диктаторствовал то во главе кавказских рабочих и солдатских советов, то во главе закавказского комиссариата, помогая контр-

революционерам Северного Кавказа и Дона, Каледину и другим, разрушать советы и насаждать национальные и реакционные союзы из беков и царских генералов. Он вместе с Жордания создал шамхорскую и елизаветпольскую трагедии разоружения и резни десятков тысяч возвращавшихся с кавказского фронта бедных солдат России. Он вместе с Жордания и Чхенкели пропускал турецко-германские войска по железным дорогам для разгрома Советской власти в Баку и организаций бакинских рабочих. Он—виновник расстрела в феврале 1918 г. мирного митинга в Александровском саду в Тифлисе, где было убито десятка полтора безоружных рабочих и ранено до пятидесяти женщин, детей и стариков. Блюдолиз местной буржуазии и немецко-антантовских империалистов, он в качестве министра иностранных дел Грузии шлялся прошлым летом по Европе, обивая пороги Джиолитти, Мильерана и Черчиля.

* * *

Еще последнее сказание об одном «герое». Это — Акакий Чхенкели. Он—главный комиссар Кавказа при временном правительстве Милюкова-Керенского. Затем, в качестве премьер-министра при Закавказском сейме, он разрывает связь с революционной Россией и заключает договор с Вехиб-пашей, т. е. с султанской Турцией. Он — вдохновитель и злой гений меньшевистской реакции буржуазно-националистической Грузии.

Частный поверенный, никогда не бывший социалистом, но всегда бывший националистом чистой воды, он пристает к правому—жордановскому крылу, и, конечно, попадает в третью, а затем в четвертую Государственную Думу. Вышколенный в кулуарах Думы в среде Марковых, Пуришкевичей, Гучковых,—впрочем, как и все меньшевики депутаты, — он оказался наиболее активным дельцом по созданию независимой (от революции и социализма) Грузии.

Он—«европеец», учившийся многие годы национализму в Вене, Берлине, Париже и Лондоне.

Споря с Жордания насчет проведения автономии в Грузии, он победил, увлекши его на крайнюю правую, к грузинским зубрам.

Он — виновник батумско-джеарской и сухумско-Абхазской трагедий, преследовавший жесточайшими репрессиями революционных крестьян и рабочих, боровшихся за Советскую власть.

Характерная деталь: вся эта галлерея грузинских меньшевиков—дети помещиков и дворян (Чхеидзе, Жордания и т. д.), ничего общего с бунтующими плебеями не имеющих.

* * *

Как я писал («Коммунистический Интернационал» № 15), после поражения революции 1905—1907 г.г., Жордания, первый из всех российских меньшевиков об'явил о ее ликвидации. Он и его собратья по партии в Грузии, в продолжение всего темного периода реакции до войны и во время войны, издавали газеты и журналы на грузинском языке, внедряя в мелко-буржуазной Грузии самый гнусный оппортунистический реформизм и обосновывая его (o, sancta simplicitas!) диалектическим методом Маркса и Энгельса.

Во время войны Жордания — самый правый из оборонцев правого крыла Р. С.-Д. Р.П., плехановец. И его сторонники немножко пофрондировали против него за это, как говорится, для «очистки совести», но во время революции 1917 г. безоговорочно снова признали его своим идеологом и вождем. Грузинские меньшевики до войны и во время войны вплоть до Великой Революции отвергали какую бы то ни было серьезную, революционную подпольную политическую работу. Они жгли первомайские прокламации наших, крайне тогда малочисленных, уцелевших от расстрела карательных экспедиций, каторги и Сибири, большевиков, часто предавая их вольно и невольно агентам царской охраны. Они были против лозунгов и «Всероссийской Демократической Республики», и «восьми часового рабочего дня». И это делалось в России, в с.-д. рабочей партии, после революции 1905 г.! Кроме красивой фразеологии, якобы революционной и марксистской, столь заманчивой для мелко-буржуазной среды, эти господа, по существу, ничем не отличались от радикального крыла либеральной буржуазии. В самую темную реакцию царизма они располагали внушительными силами не только в прессе, но и в городских думах Грузии.

Получив по телеграфу известия из Петрограда о свержении Николая II и вообще о революции рабочих и солдат, для которой они палец о палец не ударили, а, наоборот, всеми силами мешали ее рождению,—грузинские меньшевики, во главе с Ноем Жорданией, идут сепаратно, тайно от большевиков,—которых, впрочем, на свободе еще и не было, которые сидели еще в царских тюрьмах «посоветоваться о ситуации»... С кем бы вы думали? — с самим наместником Кавказа, великим князем Николаем Николаевичем Романовым! И это вместо быстрого освобождения сидевших в тюрьмах, нескольких десятков большевиков, подлежавших ссылке в Сибирь. Царский выродок обрадовался, конечно, и использовал их в том отношении, что, спокойно снарядившись в царском поезде, наполненном драгоценностями, под видом от'езда на фронт, укатил из Тифлиса, а после, когда выяснились тенденции начавшейся великой революции 1917 г. и окончательно скрылся.

* * *

Если в первой половине 1917 г. в России меньшевики и правые эсеры господствовали во всех советах фронта и тыла, то на Кавказе и в Закавказье и, в частности, в Грузии их влияние положительно преобладало даже до конца года и далее на всем Кавказском фронте империалистической войны. Оно задерживало всякое наше движение, всякую работу по углублению революции.

Как бы то ни было, на выборах во всероссийское Учредительное Собрание они по-

лучили более 2/3 голосов! Демократические иллюзии были еще прочны в Грузии среди городских и деревенских трудящихся масс! Внедренные в них десятилетней работой меньшевиков и угашением всякого революционного духа, они приучали к крохоборству мелкого реформизма, ожидавшего, как манны небесной, осуществления социализма помимо гражданской войны. Мы — большевики, несмотря на свою кошмарную малочисленность в начале революции, вернувшиеся с каторги, из эмиграции, уцелевшие от тифа и освобожденные из тюрем, росли со дня на день... Так, например, в Тифлисе, в августе 1917 г. на городских выборах мы получили до 6.000 голосов, а в конце того же года, стало быть, через 3—4 месяца, на выборах во всероссийское Учредительное Собрание мы собрали до 21.000 голосов.

Таков результат этой кампании, при очень слабой работе, которую мы считали второстепенной, обращая все свое внимание на другие важнейшие революционные задания момента конца 1917 г.

* * *

В корниловские дни меньшевики Грузии свергли Озаком (Особый Закавказский Комитет из кадетов, во главе с «с.-д.»—Чхенкели) и об'явили Кавказский Совет Рабочих и Крестьянских Депутатов единственной властью Кавказа при диктатуре одного лица—Гегечкори. Конечно, они поступили так не вследствие признания Советской власти вообще, а для того, чтобы выжидать событий, как свойственно трусам оппортунистам, и устраниться от возможной гражданской войны в России. Грузинские меньшевики, вместо Кавказского Рабочего Совета, создали Кавказский Комиссариат, на первое учредительное собрание которого созвали с правом решающего голоса, наряду с рабочими организациями, все буржуазные и мелкобуржуазные профессиональные, кооперативные и муниципальные органы. Это была хорошо организованная копия сентябрьского (в Петрограде) всероссийского демократического совещания и пресловутого «предпарламента» Керенского, Дана, Церетелли, Потресовых, Милюковых и Гучковых. Там на первом заседании присутствовали представители иностранных буржуазных правительств, царского генералитета и т. д., чего никогда не было до того времени ни на одном заседании Советов 1917 года. Мы, тоже приглашенные с правом решающего голоса, явились единственными представителями пролетарской партии и, прочитав свою декларацию, беспощадно осуждавшую окончательную измену грузинских меньшевиков революции, квалифицировали такое их поведение, как поворот к контр-революции, к национализму и к отделению от России—и ушли при гробовом молчании ошеломленного собрания.

Этим шагом меньшевики и эсеры ускорили развал кавказского фронта, имея наглость пред всем миром кричать и обвинять в этом нас. Фронтовики, узнав, что Закавказье отделилось от России, после трехлетнего мучительного пребывания в окопах наиболее тяжелого восточного фронта, двинулись на родину. Они проникались большевизмом только в дороге, так как меньшевики и правые эсеры не допускали к ним ни нашей литературы, ни наших агитаторов. И это делалось при, якобы, абсолютной свободе февральской демократической революции в правление Керенского, Чернова и Церетелли!

* * *

В период Брестского мира грузинские меньшевики окончательно разрывают с российским революционным фронтом, созывая кавказский сейм и заключая сепаратный мир с Вехиб-пашей, отдав туркам Карс, Батум и Ардаган. А в оправдание своей измены российской революции эти лицемеры прокричали пред всем миром, что, якобы, большевики их продали, передав Турции названные районы.

Затем последовала дальнейшая эволюция. Ведь, у всех трех главных национальностей, на которые разделилось Закавказье (грузин, азербейджанцев и армян), были свои национальные Советы, державшиеся почти нелегально, в тайне от рабочих и даже от Комиссариата и сейма. И в этот Совет у грузин входили, наряду с зубрами типа Маркова 2-го и либералов типа Гучкова-Милюкова, и наши меньшевики, — правда, вначале шито-крыто, через согласительное бюро.

И вот, в один прекрасный майский день 1918 года, они распускают Закавказский сейм и в том же помещении в тот же час об'являют Национальный Грузинский Совет парламентом, предоставив убраться из Тифлиса и сделать то же самое на своей родине дашнакам в Эривани и мусаватистам в Елизаветполе или Баку, который бекам и ханам нужно было еще отвоевать у бакинского пролетариата.

Гора Казбек, затрудняющая сообщение с Северным Кавказом и дальше с Россией, и постоянная дезорганизация бакинско-владикавказско-ростовской железной дороги, где свирепствовали контр-революционеры Карауловы, Каледины, Красновы со своими национальными советами из царских генералов, беков, ханов и казаков-кулаков, — все это, вместе взятое, облегчало грузинским меньшевикам тепло устраиваться,—тем более, что с Запада, со стороны Черного моря, двигались турецкие и германские империалисты, пред которыми меньшевики поползли на брюхе и приняли оккупаторов в качестве спасителей от красного большевизма, предоставив турецким войскам свободный пропуск по железным дорогам для разгрома советского Баку. И им как будто везло; после торжества Антанты и ухода немцев, грузинские меньшевики также безболезненно приспособляются к англо-французским империалистам, пустив антантовские отряды и во всем со-

глашаясь с бесцеремонными империалистами, лишь бы, как выражались Жордания и Церетелли, сохранить физическое существование, а, главное, быть далеко, далеко от начавшейся борьбы за социалистическую революцию на обширных равнинах России.

* * *

Все как будто шло хорошо и гладко. Но горе им! Мы, большевики, не дремали, несмотря на свою вначале малочисленность. Да и история начала им изменять. Вернувшиеся с империалистического фронта «солдатики» Грузии, зараженные большевизмом и закаленные в боях, внесли в деревни и города Грузии дух особаго «русофильства», об'единения с Россией, Россией рабочих, крестьян и солдат, какова бы ни была сегодня она вообще. Большевистская, — ну, и пусть большевистская!—тем лучше, — добавляли они. И вот крестьяне и рабочие Грузии, в шинелях фронтовиков, в большинстве случаев без руководства, особенно военно-технического, а подчас и политического нашей партии, крайне дезорганизовали меньшевистские ряды. С конца 1917 г. вплоть до весны 1919 г. они совершили до десяти вооруженных восстаний, как-то: в Цхинвалах, Душецком уезде, Тифлисской губернии, в Сачхерах, в Лечхуме, Мингрелии, Абхазии и пр. В некоторых из них восставшие, об'явив власть революционного крестьянства и рабочих, держались не неделями, а месяцами совершенно изолированно от центральной власти Грузинской демократической республики ее парламента, и сменившего его Учредительного Собрания.

Правда, и позже Кавказскому Краевому Комитету Р. К. П. даже из подполья, до заключения мирного договора Грузии с Советской Россией (7 декабря 1920 г.), удалось подготовить довольно серьезные вооруженные выступления повсеместно в деревнях и городах Грузии в октябре — ноябре 1919 года. Но хорошо организованным в военно-техническом и административно-полицейском отношениях меньшевикам удалось, с помощью антантовских империалистов, подавить это движение,—но только на время, и даже на очень короткое.

Кратковременное наше легальное существование в Грузии, после ухода английских оккупационных войск из Батума, позволило партии (теперь Коммунистической партии Грузии) испытать и исчерпать до конца легальный путь... Коммунистические газеты на грузинском и русском, а под конец и на армянском языках в Тифлисе нанесли много неизличимых ран меньшевикам на почве идейной борьбы. И это во время посещения Грузии главными героями западно-европейского желтого Интернационала с Каутским во главе!.. У масс, которые еще шли за меньшевиками, раскрылись глаза. И все это, несмотря на жесточайшие репрессии против коммунистов и сочувствующих им, даже против профессиональных союзов, которые закрывались в случае проявления в них сочувствия к большевикам.

Даже союз железнодорожников Грузии — этот спинной хребет Грузинской демократической республики в последнее время — и тот начал шататься, явно вовлеченный в русло нашего движения. Конечно, меньшевики с помощью полицейских скорпионов сумели переполнить бывшие царские тюрьмы не только коммунистами и сочувствующими, но даже многочисленными членами профессиональных союзов, а под конец и членов своей партии, ставших в оппозицию господствующей клике Жордания-Рамишвили.

Наконец, последняя тень законности — единственные, выходившие легально в Тифлисе газеты — к концу 1920 г. были разгромлены, типографии наши опечатаны, а помещения редакций заняты меньшевиками для своих присных, вплоть до господ антантовских и врангелевских агентов.

Поневоле, почти стихийно, без всякой даже организационно-партийной подготовки (ибо легальное существование Коммунистической партии, как таковой, в пределах Грузии стало абсолютно невозможным), в порядок дня для наших товарищей, еще скрывавшихся среди рабочих и крестьян Грузии или вне ее пределов, в эмиграции,—стал вопрос: что же дальше? Прежняя нелегальная работа в обще-кавказском масштабе исчерпана бывшим Краевым Комитетом Р. К. П. (Северный Кавказ, Азербейджан и Армения — уже Советские республики). Теперешняя легальная Коммунистическая партия Грузии, которой особый отряд господ Жордания и Рамишвили за три четверти года «легального» существования ни разу не дал возможности устроить с'езд или конференцию партии,—не существует. А массы в деревнях и городах находятся в тисках нищеты и голода, стонут и ропщут. И коммунистам Грузии ничего не оставалось, как стать во главе этих масс и, хочет или не хочет этого Москва,—быть может, не хочет, в виду начавшегося хозяйственного фронта, — осветить Грузию, превратив ее в действительно независимую от антантовского империализма и гнусного меньшевизма социалистическую республику. Тем самым будет выровнен фронт всей советской великой Федерации от Черноморского побережья через Абхазию, Сухум, Аджарию, Батум, Кутаис — Тифлис (т. е. настоящую Грузию), Азербейджан, Армению и Северный Кавказ с Украиной и всей Россией в целом. Это будет не только облегчением для угнетенных масс крестьян и рабочих Грузии, но большим шагом вперед в мировой революции, освобождением наряду с Каспийским морем и Черного от разбойников-пиратов антантовского империализма.

М. ЦХАКАЯ.

1 марта, 1921 г. Москва.

ЯПОНСКИЙ РАБОЧИЙ.

Японский рабочий при новом строе.

Феодальный период японской истории закончился революцией 1868 г., которая была произведена низшим слоем военного класса. Простой народ не принимал в ней участия.

При революционном правительстве японскому рабочему пришлось приспособляться к новым и постоянно-меняющимся условиям жизни.

В течение последних 60 лет судьба не баловала японского рабочего. Он совершенно не был знаком с различными новыми видами промышленности, возникавшими в стране время от времени. Фабричное, машинное производство было ему чуждо. Раньше его труд представлял собой применение прошлого опыта,—и вместе с новой, сложной техникой Запада перед ним встала трудная задача. Но в течение нескольких десятков лет он научился обращаться с новыми машинами, благодаря общей практической подготовке, полученной им в прошлом. Он быстро освоился со всеми отраслями труда, с которыми ему приходилось сталкиваться. Кузнецы, плотники и др. старые работники первыми явились на новые заводы, построенные правительством. Простые рабочие научились обращаться с паровым молотом и машинами для постройки паровозов и пароходов — задолго до того, как окончившие политехнический институт и императорский университет стали поступать на заводы инженерами и техниками. Благодаря этому рабочим была предоставлена полная возможность самим усовершенствовать технику современной промышленности. И, действительно, многие усовершенствования и изобретения, патенты на которые были получены инженерами военных и морских заводов, были, на самом деле, сделаны рабочими.

Реакционная бюрократия. — Положение работницы.

В начале новой эры правители Японии старались своим управлением угождать народу, Но как только новая власть утвердилась, они стали применять к противникам своей политики военные и репрессивные меры. Чтобы закрепить свою власть, они стали создавать учреждения, которым щедрой рукой предоставляли всякого рода льготы. Так, например, были созданы привилегированные учебные заведения для образования бюрократии, которая затем была связана экономически с богатыми классами.

Бюрократии были предоставлены не только экономические преимущества, но и сословные привилегии и высокое положение в обществе. Таким путем создавалась новая знать, и субсидировались все те, кто верой и правдой служил бюрократии. Без сильной поддержки со стороны богатых и имущих классов бюрократия не имела бы никакой власти над народом. Поэтому бюрократия, лишь скрепя сердце, дала народу конституцию с представительным законодательным органом. Но она так искусно составила эту конституцию, что, благодаря подтасованному избирательному праву, капиталисты и монархисты всегда имели перевес. Это ограниченное избирательное право окончательно закрепило экономическую мощь имущих классов, забравших в свои руки всю законодательную власть. В довершение всего, кабинет министров был ответствен лишь перед императором, а не перед законодательным собранием или народом. Чтобы сделать его еще более безответственным, министерству было предоставлено право назначать новых пэров в любом числе, с целью сохранить перевес на стороне верхней законодательной палаты и ее членов, назначенных императором. Они создали, наконец, конечно, вопреки конституции, группу *генро*,—старших сановников, которые вершили судьбы народа и тормозили всякое движение вперед.

При господстве этой дальновидной реакционной бюрократии японские рабочие подвергались все большей и большей эксплуатации во всех вновь развившихся отраслях промышленности. Им не только была запрещена организация союзов, но был издан также закон, об'явивший преступлением всякое рабочее движение. По этому закону стачка каралась 6-месячным тюремным заключением или принудительными работами.

Жены и дочери японских рабочих—самые несчастные существа. Они работают днем и ночью на прядильных и шелковых фабриках—по 14 часов в день, имея лишь два свободных дня в месяц. Они набираются из деревенских округов; их соблазняют большим жалованьем и хорошими условиями жизни. Но, в действительности, их помещают в общие казармы, принадлежащие компании владельцев и напоминающие тюрьмы. Казармы окружены высокой кирпичной стеной, и капиталисты кормят работниц хуже свиней.

Теперь на бумажных и других фабриках насчитывается около 700.000 таких бедных девушек. Большинство их очень юно, свыше

70%—моложе 20 лет. В текстильной промышленности работает больше девушек, чем мужчин. В 1908 г.—190.000 девушек работало на шелковых фабриках и 230.000 на бумажных. Девушек на этих фабриках эксплуатируют больше мужчин. Заболеваемость среди женщин была в пять раз больше, нежели среди мужчин, и половина из них страдала туберкулезом. В 1909 г. из семи северных провинций ушло на прядильные фабрики 16.989 девушек, и из них 7.220 вернулись домой из-за болезни, 107 заболело серьезно, 279—умерло. В том же году 1.324 девушки лишились здоровья или умерли. Можно привести еще более поразительные статистические данные о девушках работницах в префектуре Нигата (Nigate). Каждый год свыше 6.000 девушек отправляются на работы из провинции, и из них только 3.000 возвращаются домой; половина их возвращается по болезни. Известно также, что о 120.000 девушек нет никаких сведений. На 16 фабриках была констатирована кратковременность их пребывания.

	Мужчин.	Женщин.	Всего.
Меньше 6 мес. . .	1.586	5.281	6.849
» 1 год . .	1.054	3.960	5.014
» 2 лет .	943	3.507	4.452
» 3 » . .	644	2.294	2.938

Девушки покидают фабрику обычно через полгода по поступлении из-за чрезмерно тяжелой работы или по болезни. Они работают по 12 часов днем или ночью, и через каждые 7 или 10 дней им приходится работать по 18 часов днем или ночью, чтобы уравнять дневные или ночные смены. В 1912 г. 515.217 девушек работали на фабриках, 45.441 девушка работали в качестве кули и 29.670 работали на правительственных фабриках. Большинство этих девушек очень молоды. На частных фабриках работало 54.518 девушек моложе 14 лет, а на правительственных 2.127. Даже теперь еще на некоторых фабриках, в особенности, на бумажных и спичечных, работает небольшое количество девочек моложе 12 и даже 10 лет. Все приведенные статистические данные несколько устарели, но и в настоящее время условия жизни и работы не лучше. Г. Тойхара, которому правительством было поручено исследовать условия жизни девушек в промышленности в западной части Японии, говорит, что улучшение условий существования фабричных работниц, о котором так много говорилось, есть фикция, а не действительность. На каждой фабрике реформа проводится по своему, но, впрочем, так, что она вообще утрачивает всякое значение. Девушек обучают, как подавать чай, делать букеты и т. п. вещи, относящиеся к этикету. Но после 14-часового рабочего дня в грязной прядильне, девушки выходят оттуда смертельно усталые и неспособны ничего воспринимать. В настоящее время из 200.000 девушек 80.000 возвращаются домой больными и измученными. Вот перечень заболеваний среди этих несчастных (на тысячу).

Род работы	Туберкулез легких.	Туберкулез других органов.	Желудочн. и кишечные заболевания.
Бумагопряд. фабрики	266	217	67
Шелкопрядильные фабр. .	34	47	284
Ткацкие »	210	280	20
Пеньков. »	114	114	114

Так они губят свое здоровье и гибнут от болезней. Тот же чиновник говорит, что 30 из 1000 девушек, покинувших дом для фабрики, умерли от чахотки в течение года и 138 заболели туберкулезом в тяжелой форме («Oriental Economist», еженедельник от 15 апреля 1919 г.).

Женщина, работающая на рисовом поле, везущая повозку или подталкивающая вместе с мужем тяжелый воз, находятся в гораздо лучших физических и моральных условиях, нежели женщина, работающая в промышленности, где применяются культурные методы, со всеми современными усовершенствованиями, напр., на бумажных фабриках. Ибо женщина, везущая повозку — вполне независима. В большинстве случаев телега принадлежит ей; иногда она продает свои собственные продукты. А, между тем, ее положение вызывало сильное возмущение среди гуманных посетителей-иностранцев.

Японская женщина,—действительно, существо, достойное любви и сострадания; она легко приспособляется к условиям своего существования и хорошо сживается с этим положением. Но быстрый рост современной промышленной системы, порождающий особенно сильную эксплуатацию очень юных девушек, вырывающий их из родного дома или привычной обстановки и заставляющий их поступать на ниточную фабрику-тюрьму, превращает японскую женщину в рабыню. Тем не менее, наше капиталистическое правительство узаконило эти ужасные условия существования на фабриках в форме «фабрично-заводского законодательства», которое вступило в силу с 1 сентября 1918 г. Тем самым было закреплено современное положение фабричной работницы еще на следующие 15 лет.

Да, условия экономической жизни японской работницы представляют собой наиболее отрицательную сторону современной японской промышленности.

Что касается японского милитаризма, то можно сказать, что он совершенно подавляет свободу японцев. Японец всегда считается состоящим на военной службе; кроме того, трудящиеся обязаны покрывать значительные военные и морские издержки, а в военное время они служат пушечным мясом.

В Японии нет трудящегося, который не ненавидел бы военную службу; многие стараются избежать ее самокалечением. Тем не менее, их призывают, тогда как сыновья богатых освобождаются и имеют в этом отношении различные льготы. Так, например, студенты учебных заведений 2 ступени осво-

бождены от военной повинности в течение всего времени обучения. Юноша, который желает уехать за границу для своего образования или для наслаждения праздной жизнью, точно также освобождается от ненавистной военной повинности. Но трудящемуся не избавиться от нее.

Японский рабочий при современном промышленном капитализме.

Со времени революции японские работники-земледельцы все более и более эксплуатируются, благоларя развивающемуся в сельском хозяйстве капитализму. Богатые всюду скупают годную для обработки землю, ибо это дает землевладельцу особые политические права и преимущества. Платящие наивысший земельный налог выбирают своих представителей в верхнюю палату, что обеспечивает им наилучший способ помещения капитала. За последние 60 лет, по мере роста населения, особенно сильно возросла цена на землю. Таким образом, благодаря капитализации земли, труд на фермах превратился в настоящее рабство.

В промышленности рабочий эксплуатируется еще больше, нежели его собратья на ферме, ибо он еще в большей мере лишен политических прав и не может создавать союзов. Поэтому, несмотря на то, что рабочий до крайней степени обременен налогами, он не вправе добиваться увеличения заработной платы, когда цены возрастают; он не состоит членом союза, который мог бы пред'явить коллективное требование. Так что при настоящем социальном строе положение его во всех отношениях безнадежно.

Но, несмотря на все это, японский рабочий за последние десять лет сделал громадные успехи. Конечно, рабочий класс находится в периоде развития, точно так же, как и промышленность находится еще только в стадии приспособления к современным методам хозяйства. Он, действительно, не успел еще приспособиться к новым экономическим условиям. Но он делает, все же, все для него доступное, чтобы улучшить свое положение. Он прибегает к стачкам или возмущениям, создает тайные союзы «лени» (саботаж на фабриках), которые теперь широко распространены. Это—его естественное право, ибо ему запрещены всякие союзы. Тем не менее, он и открыто бастует, несмотря на законодательные запреты. А с августа 1918 г. он научился прибегать и к открытому мятежу и саботажу. Тактика саботажа теперь сильно распространена среди японских рабочих. До издания в 1890 г. полицейского закона (police law) о «спокойствии и порядке» японские рабочие в течение пяти лет беспрепятственно принимали участие в рабочем движении; закон и после его издания не применялся до тех пор, пока движение не сделалось сильным.

Японский рабочий вынужден теперь вести себя мирно и тихо, ибо указанный закон запрещает всякие стачки и волнения. Но, несмотря на это, в 1907 г. вспыхнуло сильное восстание в медных рудниках в *Ашио* в и *Бессиминесе*.

Стачки и восстания рабочих.

Японская история повествует о многих восстаниях, главным образом, на почве голода. Кроме восстаний на почве голода, мы встречаем в прошлом Японии бесчисленные революции, неизменно оканчивавшиеся созданием нового правительства с прежним микадо во главе. Однако, за последние годы восстания несколько изменили свой характер. Условия существования фермеров весьма улучшились. В течение последних 20—25 лет в Японии почти не было голода. Это об'ясняется улучшением искусственного орошения и дренажем рисовых полей. Но, благодаря применению западно-европейских методов хозяйственной жизни, вспыхнули беспорядки в промышленности. Неорганизованные рабочие стачки часто превращались в разрушительные бурные восстания. Они чаще всего случались на фабриках и в рудниках, где рабочие испытывали особенно сильный политический гнет. Но, в общем, рабочий только выигрывал от восстаний.

Август 1918 г. был месяцем восстаний: вспыхнули возмущения на экономической почве против богатых спекулянтов и покровительствовавших им властей. Из 142 восстаний, в различных городах, местечках и деревнях на протяжении недели или десяти дней, в 25 местах восставшие жгли дома и разрушали имущество, а в 38 местах оказалось невозможным подавить восстание силой оружия. Жандармы и полицейские власти ничего не могли поделать с восставшими. Многие из них были убиты и ранены. Восставшие требовали понижение цен на рис топливо и одежду. Они восстали против имущего класса, но затем это восстание превратилось в конфликт между восставшими, с одной стороны и полицейскими властями и солдатами—с другой. В некоторых случаях восставшие заставили продавцов риса уступать свой им товар по более низким ценам. 90% восставших, как утверждают, были рабочие, а класс «эта» руководил ими.

Эти восстания служили проявлением недовольства рабочих и приняли весьма серьезный характер на фабриках и в рудниках. С 1-го по 19-е августа в одних токийских газетах и в газетах Осака было сообщено более чем о 40 восстаниях. Некоторые из восставших требовали увеличения заработной платы на 180%; многие требовали 50% прибавки и добились своего.

Прошлогодние восстания были первыми восстаниями в широком масштабе, давшими толчок к общему пробуждению рабочего класса. Рабочие испробовали свои силы и убедились в своей мощи в борьбе с дисциплинированной полицией и войсками. С тех пор правительство утратило прежнюю власть над народом. Оно пытается выработать но-

вые проекты реформи, пытается оказывать покровительство рабочим, но это только еще яснее обнаруживает его слабость.

Современное положение труда в Японии и Русская революция.

Русская революция оказала сильное влияние на японского рабочего. Действительно, японцы многим обязаны русским, которые способствовали их духовному просвещению. В Японии с восторгом изучали великих русских художников-мыслителей, Толстого, Достоевского, Горького. В сущности, японцам понятнее русское искусство, литература и музыка, нежели англо-саксонское. Мы чувствуем, что русское искусство близко нашему сердцу, оно до известной степени восточное. Японские рабочие сочувствовали русским революционерам, которые постоянно боролись за свободу. Мы вдохновлялись их идеями и героическими подвигами. Японские социалисты всегда посылали им приветствия, благодаря чему завязались международные сношения между обоими народами.

Первое публичное приветствие было послано социалистами 20 марта 1904 г., когда обе страны находились в состоянии войны.

Нет необходимости комментировать этот обмен приветствиями; надо добавить лишь, что мои японские товарищи продолжали непоколебимо свою борьбу в течение всех годов гнета и преследований, хотя и были лишены той свободы слова и союзов, какою обладали раньше. Их современное положение напоминает положение русских товарищей до революции, когда их преследовали сыщики на каждом шагу. В 1904 г. я имел честь быть представителем японских рабочих на Международном Социалистическом Конгрессе в Амстердаме. На конгрессе я имел высокую честь встретиться с русскими товарищами и публично пожать руку тов. Г. В. Плеханову, который в этот день находился на трибуне в качестве товарища-председателя. Плеханов был тогда лидером русской секции. В противоположность тому, что позже произошло во время войны 1914 г., мы выражали свою интернациональную солидарность, несмотря на войну между Россией и Японией. Дружеские отношения все время поддерживались и время от времени возобновлялись. В мае 1917 г. японские социалисты вновь послали приветствие русским товарищам революционерам. Оно поразительно по своей смелости: «В настоящее время,—говорилось в нем,—рабочие должны попытаться положить конец этой кровавой войне, и, в то же время, пролетариат воюющих стран должен повернуть дуло ружей, направленных против чужеземных врагов, на правящие классы своих собственных стран. Ответственность за эту войну падет не только на русских социалистов, но и на социалистов всего мира». Позже было тайно отправлено послание к русским товарищам во время оккупации Сибири японцами.

«С бьющимся сердцем и с напряженным вниманием следим мы за развитием русской революции и с глубоким сочувствием наблюдаем за успехами русского пролетариата, которые производят неизгладимое впечатление на душу японского народа.

«Мы в высшей степени возмущены предательским выступлением японского правительства, которое под незначительным предлогом послало свои войска в Сибирь, пытаясь подавить свободное развитие русской революции.

«Мы бесконечно сожалеем, что у нас нет еще достаточно сил, чтобы помешать опасной интервенции нашего империалистического правительства, которое угрожает вашей свободе, добытой со столь великим трудом; но будьте уверены, что, не взирая на нынешние преследования со стороны нашего империалистического правительства, знамя свободы скоро взовьется над японской землей».

Разумный оптимизм японских социалистов, звучащий в этой резолюции, вполне оправдывается в Японии. Недавнее развитие японского рабочего и социалистического движения ясно показывает, что русские большевики оказали на них сильное влияние. «Рисовые бунты» в августе 1918 г. явились отчасти протестом против интервенции японского милитаристического правительства в Сибири. Причина протеста против интервенции экономического характера, ибо война с Россией вызвала повышение и без того высоких цен на съестные продукты и повлекла бы за собой дальнейшее разорение японского рабочего класса. С тех пор стачки всюду развиваются, а теперь они приняли форму саботажа. Только что закончился саботаж, проведенный 15.000 судостроительных рабочих на корабельных верфях в Кобе и Нагасаки. Это был первый случай саботажа в японском рабочем движении. Каждое утро рабочие регистрировались на верфях, но ничего не делали. Такое положение продолжалось в течение 10 дней, с 18—28 сентября. Тогда вожди произвели референдум среди рабочих, в результате которого было решено продолжать саботаж. Между тем, вожди рабочих вели переговоры с председателем компании, г. К. Матсугата — сыном маркиза Матсугата. Но переговоры ни к чему не привели.

Две других однородных фабрики той же компании также высказались за саботаж, из солидарности к товарищам. В то же время, 500 инженеров и их помощников и 800 техников, работавших на верфях, выразили свое полное сочувствие саботировавшим рабочим и просили председателя удовлетворить требования рабочих. Это заставило, наконец, упрямого Матсугата, скрепя сердце, пойти на существенные уступки.

Этот способ добиваться своего—весьма удобен для японских рабочих, так как они не пользуются свободой союзов, а потому у них нет также и забастовочного фонда.

Указанным же путем рабочий имел право добиваться осуществления своих требований. Полицейский закон не мог его коснуться. Ни управляющие, ни инженеры ничего не могли поделать с рабочими, которые свели скорость своей работы к нулю; управляющие могли бы расчитать рабочих, но они, относились к ним, скорее, сочувственно. Вдобавок, невозможно было бы распустить 15.000 рабочих сразу, даже если бы управляющим было предоставлено это право. Благодаря саботажу, рабочие добились 8-ми часового рабочего дня с оплатой за 10 часов труда. Вот один из способов, каким японские рабочие приспособляются к современному положению вещей.

Большевистские идеи и японские рабочие.

Влияние русского большевизма на лучшие японские элементы очень велико. Что касается нашей прессы, то она еще не совсем заразилась капиталистическим лицемерием, ибо обязательства русских по отношению к японцам были полностью приняты японским правительством и выплачены в государственных бонах. Таким образом, японцы не имеют никаких оснований тревожиться за свои денежные интересы.

Япония, поэтому, первая из союзных стран завязала непосредственные сношения с русскими, находящимися как в России, так и в самой Японии. Следствием этого явилось более тесное соприкосновение с большевистскими идеями, нежели у других народов. В Сибири много большевиков. Говорили, что японские резервы, в которых насчитывалось около 70.000 чел., были спешно отозваны из Сибири. Ибо начальники убедились, что эти солдаты, у которых на родине были жены и семьи, и у которых был уже некоторый житейский опыт, легко воспринимали большевистские идеи. Мы только что узнали, что около 30 или 35.000 солдат в Сибири усвоили идеи большевизма и записались в партию. Большевики нередко пропагандировали в Японии свои идеи среди японских солдат и распространяли среди них партийную литературу, которая издавалась в Японии. Они особенно успешно работали во Владивостоке, расклеивая всюду свои плакаты и листки и распространяя свою литературу среди японских солдат. Еще энергичнее такая работа велась японцами и русскими в самой Японии. В конце концов, русские партийные работники были высланы из Иокагамы в пятидневный срок. В Японии сейчас находится около 10000 русских большевиков, бежавших из армии Колчака и из других контр-революционных армий. Японские социалисты также распространяют большевистские идеи среди рабочего класса. Некоторые из них заключены в тюрьму, но многие еще на свободе. Стачки происходят весьма часто и носят очень революционный характер. Часто рабочие проводят саботаж. Они уже требуют контроля над фабриками и заводами и добиваются платы и за непроработанный воскресный день. Требование 8-часового рабочего дня несколько месяцев тому назад казалось почти неосуществимым. Теперь же это право предоставляется все большему и большему числу рабочих. Несмотря на агрессивную политику правительства и на законодательные запреты, возникло большое количество организаций. Наиболее желтая из рабочих ассоциаций — *Ю-Ай-Кай*, председателем которой был Бунжи Сузаки, превратилась в мощный радикальный союз. Прежнее автократическое правление Сузаки было смещено, и на собрании в прошлом сентябре было решено придать управлению самый демократический характер. Ассоциация *Кай* соединилась с союзом печатников, единственной организацией, существовавшей без перерыва и в период репрессий. Недавно союз печатников вновь возродился и окреп, и оба союза теперь работают вместе, энергично добиваясь свободы организаций и отмены полицейского закона. Политическое направление *Ю-Ай-Кай* очень изменилось с тех пор. Недавно его официальный орган выпустил биографию Карла Маркса.

Мои друзья пишут мне из Японии, что там теперь усердно переводят и издают классические социалистические произведения, как, напр.: «*Капитал*» Маркса, «Экономическое учение Маркса» Энгельса, «Заработная плата и Капитал» Маркса и многие другие произведения, и что они хорошо расходятся (журналы и периодические издания, в которых ничего не печатается о Марксе и социализме, не имеют успеха).

Реакционная политика нынешнего правительства.

За последний год стали раздаваться голоса о необходимости второй революции, и недавно была бразована партия — *Койзо Домей* (Союз Возрождения), которая требует осуществления многих радикальных реформ. В настоящее время Япония переживает тревожный период, так как распространился слух, что Озаки и Гете хотят образовать рабочую партию; оба они бывшие министры.

Хотя вся страна охвачена новым прогрессивным движением, самовластное и хорошо организованное бюрократическое правительство, поддерживаемое очень сильными людьми, упрямой и фанатической милитаристской кликой, со старым принцем Ямагата во главе,—становилось все более и более могущественным. Правда, принц Ямагата вынужден был уступить некоторым настойчивым требованиям народа и даже вступил на весьма рискованный путь лицемерной защиты интересов народа в вопросах социального и рабочего законодательства. Правительство старается все крепче и крепче забрать народ в свои руки, хотя само становится все более реакционным. Например, в целях борьбы с распространением большевизма среди народа, пра-

вительство допустило внесение социалистов, анархистов и большевиков в черные списки Так, со времени последнего рисового бунта департамент жандармерии, работая совместно с департаментом полиции, составлял черные списки большевиков. Правительство заявило, что оно отменило жандармское управление в Корее, но в Японии оно еще усилило его. При таких условиях социалистов не—шейдемановскаго типа и не являющихся сторонниками Спарго — преследуют еще с большей жестокостью, нежели когда-либо раньше. Как замечает «Eastern Review», такая политика, несомненно, вызовет пробуждение народных масс. Японские газеты и журналы, одни со смущением, другие с удовольствием, отмечают, что великая европейская война, пробудившая умственные интересы японских народных масс, способствовала распространению идей большевизма. Заявления Франции, Великобритании и Америки о моральных мотивах войны,—по откровенному признанию журналистов, произвели очень слабое впечатление на японцев. Стихийное же восстание «безграмотной» русской массы вызвало сильнейший интерес.

Заключение.

Принимая во внимание ход истории и современные условия, а также внешние влияния и все возрастающий гнет, мы думаем, что японский рабочий пойдет своим собственным путем к созданию нового общественного строя. Он всегда умел приспособляться ко всякой новой обстановке, в которую попадал. И теперь он не будет отставать, а пойдет нога в ногу с остальными освобожденными народами мира. Я уверен—говорю это на основании прошлой истории Японии,—что правящий ныне класс не уступит требованиям народа и не предоставит своего места людям, более способным к управлению государством. Поэтому лозунг, в последнее время раздающийся все громче и громче — «*Необходимость второй революции*»—рано или поздно осуществится.

Нью-Йорк.

29 октября 1919 г.

Сен КАТАЯМА.

«Государство не вечно существовало. Были общества, обходившиеся без него и не имевшие никакого понятия о государстве и о государственной власти. На определенной ступени экономического развития, неизбежно связанной с распадением общества на классы, государство, благодаря этому распадению, делалось необходимостью. Теперь мы быстро приближаемся к той стадии развития производства, когда существование этих классов не только перестает быть необходимостью, но становится положительным тормозом производства. Классы падут с такой же неизбежностью, с какой они раньше возникли. С ними неизбежно падет государство. Общество, которое организует производство на основе свободных и равных ассоциаций производителей, поставит государственную машину туда, где ей тогда будет место: в музей древностей, рядом с веретеном и бронзовым топором».

Фр. Энгельс. «Происхождение семьи, частной собственности и государства».

Международный Совет Красных Профессиональных Союзов

ПРОФСОЮЗЫ В ЭПОХУ ДИКТАТУРЫ ПРОЛЕТАРИАТА.

На протяжении долгих лет своего существования профсоюзы не ставили перед собой тех задач, которые сейчас стали перед профессиональными союзами России. Это происходило потому, что они имели дело с системой капиталистической эксплоатации, и наиболее революционные из союзов всех стран в процессе самозащиты пришли к необходимости бороться не только с отдельными капиталистами, но и со всей капиталистической системой. Если изучать столетнюю историю борьбы рабочих союзов, мы увидим на протяжении XIX ст. зачаточные организации взаимопомощи — цеховые корпоративные союзы, возникшие, как элементарные формы об'единения, как первичные организации самозащиты, которые постепенно, под давлением концентрированного капитала об'единились в более широкие и крупные организации и в отдельных странах дошли до создания мощных производственных об'единений, охватывающих сотни тысяч и миллионы рабочих. История профессионального движения—история превращения распыленных рабочих в организованные звенья большой машины, которая сплотила рабочих разных отраслей труда в органы взаимопомощи на почве повседневных экономических задач, в органы непосредственной самозащиты.

По мере их борьбы с капиталом союзы приходили в столкновение со всей капиталистической системой, с самим капиталистическим государством. Коллективные договоры, бывшие на заре развития профдвижения идеалом для союзов, быстро себя пережили. Они показали, что применение коллективного договора, хотя и является шагом вперед, но менее всего способно разрешить основные противоречия капиталистического строя. Союзы под ударами об'единенного капитала вынуждены были превратиться в органы борьбы с капиталом, в революционные организации, которые совместно с политическими партиями должны взорвать буржуазное общество.

Но к этой ступени пришло не все профессиональное движение. Профсоюзы разных стран еще и в настоящее время стоят на разных стадиях этого длинного исторического пути. Еще и сейчас есть громадные рабочие организации, которые находят, что задачи союзов не выходят из рамок капиталистического общества, и что вся деятельность их должна быть приспособлена к капиталистическим отношениям, устойчивость которых для них стоит вне всякого сомнения. Для большинства этих союзов, поскольку они не ставили перед собой вопроса о социальной революции и диктатуре пролетариата, будущая роль союзов не представляла интереса. Союзам этого типа будущее представлялось в виде постепенного развития демократических масс на основе равноправия труда и капитала, на основе широкого развития демократизма. Если профсоюзы англо-саксонских стран такого вопроса перед собой совсем не ставили, то социал-демократические союзы Германии занимались вопросом о будущей роли союзов, но, проникнутые духом реформизма и постепеновщины, они подходили к задачам союзов так же, как трэд-юнионистские организации. Дальше идеи равноправия труда и капитала, коллективных договоров и постепенного внедрения в капиталистическое общество, дальше этих реформистских принципов профсоюзы Германии тоже не шли. Когда разразилась война, вся идеология германских профсоюзов стала, как две капли воды, похожа на идеологию английских трэд-юнионов: и те, и другие не думали о будущей роли союзов, а связывали самое бытие профессионального движения с победой национального оружия.

Профсоюзы Франции, в противоположность английским и германским, ставили вопрос о своей роли на другой день после социальной революции. Революционные синдикалисты Франции мыслили союзы единственной организацией, которая сделает революцию и осуществит ее задания. Основные принципы революционного синдикализма заключаются в том, что союзы в центре и на местах примут на себя управление про-

изводством, причем, кроме органов, управляющих производством, никаких других органов не будет, ибо социальная революция непосредственно связана с разрушением государства и с установлением безвластной формы человеческого общежития. Правда, война сравняла французских синдикалистов с их германскими и английскими антагонистами. Французские синдикалисты, бывшие ярыми противниками всякого государственного строя, стали верными слугами буржуазного государства и трубадурами национального единения.

Естественно, что в этот период перед ними уже не было вопроса о будущей роли союзов; их настоящее было связано с буржуазным обществом, и из этого настоящего они делали практические выводы для будущего.

Впервые вопрос о роли профсоюзов в переходную эпоху был поставлен в России. Молодые союзы, возникшие в 1905 году и раздавленные в период реакции, возродившиеся снова в 1917 году, через восемь месяцев после начала Революции, стали лицом к лицу с разгромом буржуазии и с необходимостью наложить руки на фабрики и заводы. Октябрьская революция была прежде всего и больше всего революцией экономической; самая форма советской власти, вызвавшая бешеную ненависть со стороны международной и российской контр-революции, была тесно связана не только с политическим, но и экономическим уничтожением старых господствующих классов. Вооруженной рукой русский пролетариат выбил буржуазию из ее позиций. Свержение коалиционного правительства сопровождалось одновременно свержением буржуазии на фабриках, изгнанием хозяев, захватом предприятий и обращением их в коллективную собственность. Экономическая борьба, начавшаяся уже с первых дней февральской революции, привела к октябрьской революции, ибо политика, как говорит программа Р. К. П., есть концентрированная экономика.

С первых дней октябрьской революции перед союзами встал вопрос о том, что им делать и как им быть дальше. Союзы стали лицом к лицу с грандиозным массовым рабочим движением и взрывом революционной энергии на колоссальном пространстве России. Рабочие фабрик и заводов непосредственно расправлялись с хозяевами. «Вся власть Советам, вся власть рабочему классу» была понята, и правильно понята, как захват в свои руки цитадели буржуазного общества—фабрик и заводов. Но когда буржуазия уже была изгнана, перед русскими союзами возникли практически три вопроса:

1. Взаимоотношения между фабрично-заводскими комитетами и профсоюзами.

2. Взаимоотношения между союзами и Советами, и

3. Место профсоюзов в общей системе советского государства.

Что касается фабрично-заводских комитетов, то здесь с самого начала было ясно, что революционные союзы должны строиться на базисе фабрично-заводских комитетов. В самом деле, что представляли собой эти последние? Органы борьбы, созданные всеми рабочими данного предприятия для того, чтобы в первый период преодолевать наступление капиталистов, а во второй—изгнать капиталистов и утвердить диктатуру пролетариата. Если бы в предприятии были две организации: фрабрично-заводские комитеты и профсоюзы, то в результате они должны были бы прийти к взаимным столкновениям, соперничеству, параллелизму и растрате сил. Это еще имело бы свое историческое оправдание: если бы мы были накануне социальной революции, тогда фабрично-заводские комитеты центр тяжести своей работы видели бы в контроле над производством, а профсоюзы—в организации труда. Но Октябрьская революция поставила перед фабрично-заводскими комитетами и союзами одни и те же задачи.

Логика развития привела бы к столкновению этих двух организаций, и перед профсоюзами еще накануне первого с'езда профсоюзов встал вопрос о перестройке российского профдвижения, о переходе от системы делегатов и делегатских собраний к системе фабрично-заводских конференций и к построению всего аппарата союзов на базисе фабрично-заводских комитетов. Таким образом низшими ячейками союзов являются фабрично-заводские комитеты.

Сумма их представляет собой суверенный орган, выбирающий правление союзов. Исчезли параллелизм и соперничество, и вопрос разрешился без особых трений постановлением I Всероссийского с'езда профсоюзов в начале января 1918 г.

Гораздо труднее и сложнее вопрос о взаимоотношении между профсоюзами и Советами. Что представляют рабочие Советы? Это—органы диктатуры пролетариата, те органы, которые в принудительном порядке в общегосударственном масштабе осуществляют основные требования рабочего класса. Совет, избирательной единицей которого является фабрика и завод, есть та новая форма государственного образования, которая лучше всего подходит к переходному от капитализма к коммунизму времени.

Но к чему ведет логика развития Советов? Она ведет к тому, что по мере укрепления власти рабочего класса, по мере распространения самой социальной революции, Советы, как органы государственной власти, преобразуются. Их государственные функции отмирают, тогда как хозяйственные растут, поглощая все остальные административно-технические функции советского аппарата. Если Советы представляют собою признанную форму пролетарской диктатуры, то какую же роль при утверждении Советов играют профсоюзы? Ведь, профсоюзы после социальной революции не имеют перед собой капитала.

Из органов борьбы с капиталом они превращаются в органы хозяйственного строительства, но само хозяйственное строительство и та сумма функций, которая лежит здесь на союзах, переплетаются с теми хозяйственными функциями, которые лежат на Советах.

В государстве, где власть в руках рабочего класса, каждая рабочая организация должна, с одной стороны, брать на себя государственные функции, а с другой—государственные органы не могут не брать на себя функций, лежащих на профсоюзах.

Таким образом самый процесс развития всех форм рабочего движения после социальной революции приводит к тесному переплетению наличных рабочих организаций, к тому, что хозяйственные органы и профсоюзы, проникнутые коммунистическим духом, все более и более сплетаются между собою, и на определенном этапе такого сплетения создается единый орган, который осуществляет как руководство самим производством, так и организацию труда.

Этот процесс сращивания очень длительный, это—целая историческая полоса. Самый темп переплетения и сращивания профсоюзов с соответствующими хозяйственными органами зависит, с одной стороны, от развития международной революции и удельного веса промышленности в общей экономике страны, с другой,—эта линия развития рабочих организаций после социальной революции дает практическое указание на роль союзов в рабочем государстве и ключ к установлению нормальных взаимоотношений между союзами и Советами.

Советы проводят обще-классовые интересы пролетариата в государственном порядке; союзы, в порядке добровольного об'единения рабочих, проводят те же самые обще-классовые интересы пролетариата своими методами. Для бессильных, не проникнутых коммунистическим духом союзов, невозможны ни пролетарская диктатура, ни самое существование советов.

Союзы организуют труд в производстве и для производства. Подходя к производству с точки зрения класса-хозяина, с точки зрения того класса, которому на данной территории принадлежит производство, профсоюзы являются фунтаментом пролетарской диктатуры. Само развитие и укрепление пролетарской диктатуры ставит перед союзами все более и более широкие задачи, а момент отмирания государственных функций у Советов приводит к сосредоточению в руках союзов всех хозяйственных и производственных функций.

Таким образом уже в переходный период союзы являются основными элементами, на которых в развернутом обществе складывается аппарат управления производством и аппарат учета и распределения.

Из этого следует, что самое тесное сотрудничество между союзами и советами, постоянная совместная деятельность, совместное обсуждение и проведение мероприятий, взятие на себя союзами общегосударственных функций и т. д. являются необходимой предпосылкой победного развития революции, необходимым условием пролетарской диктатуры. Отсюда совершенно ясно, какое место занимают союзы в общей системе советского государства. Союзы—не государственные органы; они—свободные об'единения производителей; но, так как союзы являются органами тех же самых производителей, которые выбирают Советы, то они об'единяют тот же самый рабочий класс для специальных задач, которые не разрешаются Советами.

Союзы дополняют Советы и делают самую советскую систему более устойчивой, ибо рабочие об'единены не только как граждане своей страны, как осуществляющие свою диктатуру над другим классом, но и как производители, что делает из них социальную единицу, создающую определенные производственные, общественно-необходимые ценности.

Вот почему союзы являются и опорой, и дополнением Советов. Эта своеобразная специфическая форма об'единения рабочих имеет свою особенность в строительстве союзов и Советов.

Советы строятся рабочим классом горизонтально, по районам: от фабрик к уездам, от уездов к губерниям, от губерний ко всей России. Каждый Совет есть собрание рабочих всех производств. Союзы об'единяют рабочих не только горизонтально (уездные Бюро, губернские Советы, В. Ц. С. П. С.), но и вертикально — по производствам (металлисты, текстильщики, деревообделочники, транспортники и т. д.). Это вертикальное об'единение рабочих вызывается потребностью самого производства.

Руководить общегосударственной работой можно и через районные и губернские об'единения Советов, руководить же производством нельзя только через горизонтальные об'единения, здесь нужны вертикальные об'единения по производствам.

Самый строй народного хозяйства и потребности его организации приводят к своеобразным организационным формам, в которые отливаются союзы. Если до революции они организовывались по производствам, чтобы бороться с организованным по производству капиталом; если каждый союз, по мере роста классового сознания рабочих, охватывал все больше и больше категорий труда, чтобы противопоставить их об'единенному капиталу, что и являлось главной причиной возникновения производственных союзов,—то после пролетарской революции создание производственных союзов и их укрепление вызывается уже потребностями народного хозяйства и невозможностью правильно организовать его без профсоюзов. Но здесь возникает один вопрос, на который приходится дать ответ уже с первых шагов революции. Если само народное хозяйство

не может быть организовано без профсоюзов, то, может быть, лучше всего, чтобы каждый союз взял на себя организацию всего производства, иначе говоря—передать управление соответствующими отраслями производства в руки соответствующих союзов?

Этим был бы разрешен основной вопрос о формах и способах управления производством. Некоторые так и мыслят роль союзов в эпоху диктатуры пролетариата; им кажется, что союзы начнут с этого: вместе с политической партией разобьют капитализм и, как только будет водворена пролетарская диктатура, возьмут на себя управление производством.

В такой абсолютной форме это положение неприемлемо—прежде всего потому, что посоюзная организация производства привела бы к распылению его; правда, для координации производства и для его регулирования существуют межсоюзные об'единения, как советы союзов и общенациональные об'единения, но, тем не менее, такая передача управления производством в руки отдельных союзов привела бы к вертикальному разрезу всего производства, к взращиванию профсоюзного эгоизма и к конкуренции отдельных производств между собой.

В первый период строительства необходимо, чтобы регулирование производства было обще-классовым, чтобы советы стирали те углы, которые неизбежно создаются между разными категориями труда, если им передаются в полное ведение соответствующие отрасли народного хозяйства.

Как это сделать? Достигается это тем, что в переходной период создаются органы управления отдельными отраслями промышленности, в которых представлены как Советы, так и союзы; на почве совместной, постоянной, каждодневной работы союзов и Советов создается связь между Советами и союзами.

Хозяйственные органы, совместно с союзами, с одной стороны, организуют производство, а с другой,— подходят ко всем вопросам производства не с узко корпоративной или цеховой точки зрения, а с общеклассовой, понимая под производством не только технику управления, но и организацию труда. По мере развития самой революции, все большего захвата ею новых стран и исчезновения класса эксплуататоров и связанных с этим классом межеумочных элементов, спайка между хозяйственными органами и союзами становится все крепче; и на определенной стадии развития, вместе с отмиранием Советов, как органов государственных, хозяйственные органы и союзы сливаются. Союзы переходят к сосредоточению, как говорит программа Российской Коммунистической партии, в своих руках всего народного хозяйства, как единого целого. Это—длительный процесс, и потому нельзя мыслить себе немедленной передачи союзам управления соответствующими отраслями промышленности целиком. Народное хозяйство, особенно социалистическое, не может не быть централизованным хозяйством.

План всего народного хозяйства, согласованность его частей, тщательный учет всех производительных сил, в том числе рабочей силы, научный учет потребностей,— все это предполагает совершенно научный и организованный в обще-национальном и мировом масштабе аппарат, что несовместимо с передачей управления производством в руки отдельных союзов. Нужно дальше иметь в виду, что народное хозяйство не исчерпывается промышленностью, сюда же входит и земледелие, которое играет громадную роль в общей экономике страны, особенно в странах аграрного типа, как Россия, Италия и т. д. Передача управления каждой отраслью промышленности в руки соответствующих союзов предполагает превращение отдельных производственных союзов в секции общенационального об'единения профсоюзов, что опять таки может быть только лишь результатом длительного процесса, организации масс, с одной стороны, и организаци административно-технического и хозяйственного аппарата—с другой.

Таким образом, в ответ на вопрос о том, какую роль должны играть профсоюзы в эпоху диктатуры пролетариата, мы можем не только на основании чисто теоретических выводов, но и на основании уже имеющегося у нас русского опыта, сказать: 1) Профсоюзы являются фундаментом диктатуры пролетариата, ибо они организуют труд в процессе производства и само производство в его связи с трудом. 2) Союзы являются необходимым дополнением Советов, осуществляющих через союзы и вместе с союзами общеклассовые задачи пролетариата. 3) Профсоюзы являются важнейшим орудием самой социальной революции, они вместе с коммунистической партией и под руководством ее экспроприируют экспроприаторов и захватывают средства производства. 4) В момент социальной революции профсоюзы и их органы на местах, фабрично-заводские комитеты, являются единственными организациями, на которых лежит забота об обеспечении непрерывного процесса производства и подчинения цеховых и корпоративных тенденций обще-классовым задачам пролетариата. 5) Охватывая широкие беспартийные массы, профсоюзы воспитывают рабочий класс в его целом на практике социалистического строительства, являясь тем самым школой коммунизма.

Из этого схематического изображения роли профсоюзов в эпоху диктатуры пролетариата можно и нужно сделать следующий простой, но глубоко практический вывод: завоевание союзов является предварительным условием социальной революции и установления диктатуры пролетариата.

А. ЛОЗОВСКИЙ.

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ.

На какие выдающиеся факты можно указать в истории рабочих организаций Соединенных Штатов?

Два обстоятельства больше других обратят на себя внимание серьезного исследователя:

1) Медленный, но непрерывный рост профессиональных союзов. Начиная с гражданской войны 1861—65 г., наблюдается постоянное, при незначительном в некоторые моменты понижении—возрастание числа членов: от нескольких десятков тысяч до двух с половиной миллионов перед началом песледней войны; во время-же войны феноменальный скачок до цифры свыше пяти миллионов. Наряду с количественным ростом соответственно растет влияние и сила союзов.

2) Явно реакционный характер лидеров огромных народных масс, вошедших в профессиональные союзы, в то время, как радикалы и революционеры формируют союз за союзом, имеющие целью вместо профессиональных организаций создать производственные союзы под руководством революционных лидеров. Жизнь всех этих новых союзов недолгое время поддерживается энтузиазмом своих основателей, а затем они постепенно замирают, задыхаясь от равнодушия или враждебности масс, соединенной с резкой оппозицией со стороны предпринимателей и государства. Из массы вновь образованных союзов осталось три общих производственных союза с несколькими союзами в отдельных производствах, и, кроме того следующие организации: Союз Индустриальных Рабочих Мира, Международный Индустриальный Рабочий Союз и Единый Большой Союз с об'единенными рабочими по металлу, об'единенными рабочими табачного производства и т. д., с общим числом членов от 75 до 150.000 человек.

Реакционный характер руководителей профессионального движения довольно полно выразился в выступлении Федерации Труда (представляющей главную массу профессиональных союзов), порвавшей с Амстердамским Интернационалом вследствие его «революционной деятельности» и непризнания им «национальной автономии центров профессионального движения», а также в недавно выпущенном Гомперсом воззвании против Российского Советского Правительства; с этим документом, по всей вероятности, ни один ответственный лидер рабочих в любой другой стране не мог бы соединить свое имя, не навлекая на себя грома и молний. Но внутри профессиональных союзов Соединенных Штатов радикалы и революционеры так слабы, что это воззвание не возбудило даже сколько-нибудь значительных споров, хотя оно появилось как раз в тот момент, когда союзы изыскивают средства борьбы против стремления работодателей к «открытию дверей мастерских» и средства борьбы против безработицы.

Почему реакционные лидеры остаются у власти? Отчего так слабо революционное движение среди масс? Каков был ход развития такого положения вещей?

Обыкновенно даются различные об'яснения, как например: расовые различия, незнакомство эмигрантов с языком, «свободная страна», еще недавно принципиально доступная для недовольных рабочих, процветание промышленности и т. д. Эти факторы, несомненно, оказывали некоторое влияние на ход развития, но их значимость представляется весьма малоценной при обсуждении практических вопросов революционной стратегии и тактики. Однако, каково бы ни было влияние и других факторов, налицо имеются об'ективные условия для сильного рабочего движения под руководством революционных лидеров, и если оно недостаточно проявляется, то причину следует искать в тактике революционного меньшинства и занятой им позиции. Революционное движение в капиталистической стране никогда не может рассчитывать на рост своих сил,—политических или промышленных,—пока оно не имеет «здравой» программы в отношении рабочих союзов и активных руководителей масс, входящих в эти союзы. Вот в чем причина неудач, постигающих до настоящего времени профессиональное движение в Соединеных Штатах: не в том, что союзам не придавали достаточно значения, а в том, что применялась в корне ошибочная тактика.

Нормальное развитие рабочего движения выражается в приобретении революционерами и сочувствующими им постепенно расширяющегося влияния и руководства; это происходит неизбежно (если не мешают особые условия), вследствие того, что аггресивные элементы обладают в гораздо большей степени, нежели консервативные, необходимыми для руководителей качествами, каковы: энергия, честность, мужество, знания и рассудительность. Даже в периоды мирного развития капитализма, растущая классовая борьба все более и более выдвигает вперед таких лидеров. Постоянно развивается антагонизм внутри союзов между консерваторами и революционерами, оспаривающими друг у друга руководство, но на почве этого антагонизма, за редкими исключениями, никогда не возникает разделения рабочего движения, раздробления массовых организаций. Таков нормальный ход развития, из которого усматривается, что деятельность революционеров и радикалов является как бы дрожжами, на которых поднимается консервативное тесто всего рабочего движения.

Именно в этом пункте американские революционеры сошли с твердой земли и развили новую «утопию»—«идеальные» союзы, выдвигаемые в качестве оппозиции для ведения войны против профессиональных союзов, равно и против капитализма. С 1895 года эта «утопия» владычествовала над революционным движением; неприязненное отношение к профессиональным союзам стало одним из признаков принадлежности к революционному вероучению, а, чтобы сделаться «настоящим» революционером, надо было стоять за полное и немедленное их уничтожение. Начиная с основания Социалистического Профессионального союза и Рабочего союза в 1895 году, продолжаясь у Индустриальных Рабочих Мира, у Международного Союза Индустриальных Рабочих, Единого Большого Союза, в первых программах коммунистической партии 1919 и 1920 гг., везде только и слышен был боевой клич: «истребляйте профессиональные союзы!»

Каковы же в итоге результаты этой политики после двадцати-пяти летних чрезвычайных усилий?

Во-первых: у нас есть двойственные, — отколовшиеся и производственные союзы, основанные революционерами и радикалами. Эти союзы насчитывают в общем от 75 до 150.000 членов; точную цифру установить трудно. Революционеры сформировали множество отдельных союзов, для отдельных производств и общих для всех производств; в конечном результате, в смысле промышленной и экономической силы, не получилось ровно ничего. Во всех двойственных,—отколовшихся и производственных союзах, вместе взятых, общее число членов составляет очень небольшую часть членов профессиональных союзов.

Во-вторых: систематический выход передовых рабочих из профессиональных союзов замедлил ход развития последних и ослабил их, сокращая рост состава членов и лишая союзы революционных и агрессивных лидеров; они были отданы в руки самой реакционной бюрократии, какую только видело какое либо рабочее движение во всем мире. Однако, в виду агрессивной враждебности передового пролетариата следует удивляться не тому, что профессиональные союзы сделали такие небольшие успехи, но тому, что они вообще развиваются. То обстоятельство, что американское рабочее движение до сих пор находится под властью «консервативных» лидеров старого направления, открыто реакционных, вытекает непосредственно из того факта, что американское революционное движение не успело еще оправиться после тридцатилетних приступов детской болезни.

Почему производственные союзы, основанные в качестве оппозиции профессиональным союзам, не сумели повести массы за собою?

Во-первых: они нарушили главный принцип «рабочей солидарности», на котором однако сами предполагают базироваться. Союзы, по своей природе, должны принимать к себе всех рабочих данной экономической категории, независимо от их умонастроения. Католики, протестанты, евреи, анархисты, социалисты, коммунисты,—все должны состоять в одной и той же экономической организации; цель, которую каждый союз должен себе ставить, состоит в организации *всех* рабочих в пределах данной отрасли производства. Это ясно сознано в странах, где союзы образовывались по вероисповеданиям (христианские и католические), что здесь признается реакционным делом. По существу, последствия получаются те же, что и при устройстве союзов по интеллектуальному признаку, положенному в основание образования революционных промышленных союзов. Раз революционеры допустили первоначальную ошибку тем, что покидали старые союзы, стремясь к устройству союза на идейной основе, то ничего нет удивительного, если «идеальные союзы» расскалывались каждый раз, как возникала новая идея. В результате, в производствах, в роде текстильного, где радикалы были всех сильнее, мы видим в настоящее время четыре или пять производственных союзов, из которых каждый отстаивает рабочую солидарность, а сам ведет борьбу со всеми остальными, равно как и с профессиональными союзами.

Во-вторых: они не были знакомы с процессом развития союзов под гнетом капитализма; этот прогресс неизбежно направлен против рабочего революционного идеала, но идет медленно, иногда кружными и косвенными путями, и вообще переживает несколько стадий; они пытались заставить отсталые массы чуть ли не в одну ночь перейти из стадии изолированных местных ремесленных единиц в законченные промышленные союзы. В профессиональных союзах виден весь процесс развития, идущий от изолированных местных ремесленных единиц к окружным и национальным ремесленным союзам, затем к ремесленным федерациям в пределах той или другой отрасли промышленности и, наконец, к полному об'единению той или другой отрасли промышленности. Вот этот процесс развития, который легко усмотреть в профессиональном движении, несмотря на реакционность его лидеров, не обратил на себя внимания революционеров. Они ничего не видели, кроме своих «идеальных» производственных союзов, и просили рабочих уходить из старых союзов, созданных многолетней борьбой, и переходить в новые союзы, имеющие все признаки теоретического совершенства, но существующие только на бумаге. Этого рабочие, разумеется, не будут делать.

Является ли неудача, постигшая «идеальные» производственные союзы, признаком отсталости американского рабочего класса? Разве американские рабочие не восприимчивы, почему бы то ни было, к революционной пропаганде? Даже поверхностное

изучение истории американского рабочего движения опровергает такое предположение.

В развитии американской промышленности замечается беспрерывный ряд больших забастовок, особенно в сталелитейном, горном и транспортном деле, проводимых с крайними насилиями и озлоблением с обеих сторон. Рабочее движение в Америке пролило, вероятно, не меньше крови, чем в любой другой стране перед великой войной. В этих стихийных массовых движениях рабочих мы видим тот же ответ на гнет капиталистической эксплуатации, служащий основанием для пролетарского революционного движения всюду. И в начале 80-х годов американское движение было несомненно самым революционным и воинственным во всем мире. В Америке впервые установилось революционное празднование 1 мая, пущено в ход движение за восьмичасовой рабочий день, впервые получила широкое применение всеобщая забастовка.

В начале, движение было воинствующим по той простой причине, что участие в профессиональных союзах воюющих элементов—революционеров и передового пролетариата—было нормальным явлением. У них еще не было «идеальных», «чисто» революционных союзов в стороне от общего движения, союзов, от которых они требовали безусловной верности; они брали рабочие организации такими, какими находили их в готовом виде, и преобразовывали их в воинствующие, боевые организации. В те дни действительными вождями крупных восстаний часто были выдающиеся революционеры, в роде Парсонса, Спайса, Энгеля, Лингга и др. Рыцари Труда, стоявшие тогда в сознании своей силы, были самой выдающейся рабочей организацией, какую когда либо знал мир. Профессиональные союзы были также насквозь пропитаны радикализмом; профессиональные союзы, в действительности, были той силой, которая пустила в ход движение в пользу 8-часового рабочего дня в 1886 году.

Нельзя не подчеркнуть особенно резко, что в то время радикалы были численно совершенно незначительны, по сравнению с теперешним положением. Где тогда был один революционер, там теперь их сотни. Но где же в настоящее время их влияние на массовые действия? Правда, у нас были Сиэтльская и Виннипегская всеобщие забастовки (обе, кстати сказать, вне большой промышленной области), служащие подтверждением того, что несколько радикалов все же находились в профессиональных союзах,—хотя Виннипег отделился во время забастовки. Можно привести еще несколько таких примеров. Но какое громадное число примеров можно привести, когда упускались благоприятно сложившиеся обстоятельства вследствие того, что революционеры из-за искусственно созданных войн между профессиональными и «идеальными» союзами оказывались отрезанными от масс. Где были они во время забастовок железнодорожников, «об'явленных вне закона?» Какой прогресс явился последствием этих крупных массовых движений? Практически—никакого, потому что революционеры боялись осквернишься прикосновением к реакционерам.

Воинствующий период американского рабочего движения пришел к концу, когда революционеры коренным образом изменили свою экономическую политику, когда вместо работы внутри профессиональных союзов начали создавать новые союзы вне их и пустили в ход политику «идеальных» союзов. Эта перемена окончательно определилась одновременно с началом карьеры Даниила Де-Леона, в течение многих лет бывшего пророком введенной революционерами двойственности союзов. Он был непримиримым врагом профессиональных союзов, как и их бюрократии, полагая, что у профессиональных союзов нет ничего общего с революционным движением. Он обладал большой силой ума и сильно влиял на революционное движение, стремясь к выполнению рабочей программы. Влияние его в этой области пережило его «личное влияние», которое проявлялось даже на тех, кто впоследствии были его самыми заклятыми врагами в движении. О силе его влияния свидетельствуют доселе оставшиеся в живых его первоначальные последователи, прогательно оберегающие остатки «Международного Союза Индустриальных Рабочих»

СОЮЗ ИНДУСТРИАЛЬНЫХ РАБОЧИХ МИРА.

1. Организация союза.

Рабочее движение в Соединенных Штатах С. Америки в начале XX века представляло собой очень печальную картину. Социалистическая партия, никогда не бывшая в С. Ш. революционной организацией, в то время была глубоко пропитана оппортунистическим и мещанским духом II Интернационала. Она всецело находилась под контролем желтых вождей, в роде Хилквитов, Бергеров, Ли, Спарго, Росселя, ныне открыто перешедших в лагерь врагов рабочего класса. Американская же Федерация Труда, равно как и некоторые крупные профсоюзы, не входившие в ее состав (Братство Железнодорожных Служащих, Об'единенный Союз Шахтеров, Об'единенный Союз Портных и др.), являли собой подобное же духовное убожество и не были способны ни на какие революционные выступления. Американская Федерация Труда построена на узко цеховом начале, и цеховые союзы, хотя и обединенные в центре, вечно враждовали между собой. Во время забастовок они выступали в качестве штрейкбрехеров по отношению к членам той же центральной А. Ф. Т. Воспитывали расовую, национальную

ную и цеховую ненависть среди своих членов; развивали аристократию труда, совершенно игнорируя не квалифицированных и «кочующих» (migratory) тружеников, составляющих значительный процент рабочих Америки. В целях более успешной конкуренции с теми, кто стоит вне союзов, установили всевозможные испытания, ритуалы, высокие вступительные взносы, закрыли двери союзов для женщин, иностранцев (до недавнего времени) и чернокожих. Вся деятельность союзов ограничена слабой борьбой за немедленное повышение заработка и за сокращение рабочего дня только для своих членов. Весь смысл рабочего движения усматривается в достижении «справедливой поденной платы за справедливую поденную работу» («a fair day's wages for a fair day's work»). В то же время, А. Ф. Т. (да и другие профсоюзы), совместно с некоторыми организациями промышленников, главным образом, с пресловутой Гражданской Федерацией (Civic Federation), вела усиленную агитацию за признание рабочими общности их интересов с интересами предпринимателей. «Классового деления—говорили и говорят деятели А. Ф. Т.—по крайней мере, в Соединенных Штатах не существует; мы все работаем на пользу нашего общества, нашей страны,—одни в качестве квалифицированных и не квалифицированных рабочих, другие в качестве управляющих, руководителей, капитанов промышленности (captains of industry). Но у нас у всех один и тот же интерес: улучшить и облегчить жизнь своего общества». Исходя из этого принципа, А. Ф. Т. враждебно относилась к стачкам, демонстрациям и, вообще, к борьбе, считая, что все спорные вопросы можно полюбовно разрешить с промышленниками за чашкой чая. И одним из излюбленных методов А. Ф. Т. было заключение договоров рабочих с предпринимателями, причем договоры эти заключались цеховыми союзами самостоятельно, без ведома других союзов, а иногда и самих заинтересованных членов, что связывало рабочих по рукам и ногам. Немудрено, что при подобных условиях 9/10 стачек в Соединенных Штатах проигрывались, и Америка справедливо названа «страной проигранных стачек».

Яркое исключение в этом отношении представляет независимая, боровшаяся с А. Ф. Т., Западная Федерация Шахтеров (Western Federation of Miners). Она находилась под влиянием социалистов Вилльяма Хейвуда, Литтля и Мейера (ныне перешедшего в лагерь консерваторов) и синдикалиста Винсент Сейнт Джона (William Haywood, Little, Meyer, Vincent St. John). Далее, нужно назвать: независимый от А. Ф. Т., численно слабый, но боевой Союз Американских Рабочих (American Labor Union), находившийся под влиянием бывшего католического священника Хаггерти (I. G. Haggerty), редактора официального органа этого союза «Голос Труда» (The Voice of Labor); организованный в 1896 году «отцом американского социализма», тов. Даниэль де Леон (De Leon), Американский Социалистический Профессиональный Союз (American Socialist and Labor Alliance), а также Об'единенный Союз Пивоваров (United Brewery Worker's Union). Последний хотя и входил в А. Ф. Т., но считался сильным социалистическим союзом, который под влиянием Траутмана (Trautman), редактора официального органа союза: «Вестник Пивоваров», уничтожил в своей среде почти все недостатки профессиональных союзов и предполагал выйти из состава А. Ф. Т.

Но главную роль в деле революционизирования профессионального движения Америки сыграла Западная Федерация Шахтеров. В течение 10 лет смутно стремившаяся к немедленному свержению капиталистического строя, хотя и не имевшая определенных планов будущего общества, она вела гражданскую войну в целом ряде западных штатов Америки (Колорадо, Калифорния, Юта, Невада, Айдахо). Эта борьба, о которой до сих пор с трепетом и ужасом вспоминает желтая капиталистическая пресса, привела деятелей З. Ф. Ш. к мысли о необходимости создать единую организацию тружеников на производственных началах и привлечь в ряды организованного пролетариата не квалифицированных рабочих, иностранцев, чернокожих, женщин и детей.

В конце 1904 г. в Чикаго на частном совещании собрались шесть активных деятелей профессионального движения и обменялись мыслями о положении рабочего движения в Америке. Однако, совещание это не наметило новых путей для рабочего движения, и в январе было созвано новое, более многолюдное совещание (профессионалистов и социалистов). Из социалистов, принимавших активное участие в организации Индустриальных Рабочих Мира, следует отметить: от Социалистической партии (не представлявший, однако, ее)—Дебса, участвовавшего и в первом совещании, и вождя Социалистической Рабочей партии—Даниэля де Леона, представлявшего на втором совещании Американский Социалистический профсоюз. Двое видных, но уже в то время желтых социалистов: М. Гайс и Виктор Бергер (Hays, Berger) отказались участвовать в совещании. Это второе совещание выпустило к рабочим Америки воззвание и созвало все-американский с'езд своих сторонников, т. е. союзы Американской Федерации Труда и независимые союзы, стоявшие в оппозиции к официальному направлению А. Ф. Т. Воззвание это, распространенное на разных языках, призывает рабочих отказаться, наконец, от «изношенной и гнилой системы» построения боевых организаций на цеховой основе. Эта система создает лишь вечную борьбу за незначительные улучшения в положении рабочих масс:

> «Она бессильна установить промышленную демократию, где не будет наемного рабства, и трудящиеся будут сообща владеть орудиями труда...
>
> «Всемирное экономическое порабощение, от которого страдает рабочий класс, может быть уничтожено лишь путем всемирного же рабочего движения...
>
> «Движение, которое могло бы выполнить эту задачу, должно состоять из одного большого промышленного союза, охватывающего все производства...
>
> «Оно должно быть основано на классовой борьбе,—и его общая линия поведения должна быть согласована с признанием безудержно растущего столкновения между капиталистическим и рабочим классами.
>
> «Союз должен быть основан в качестве экономической организации рабочего класса, вне всякого отношения к существующим политическим партиям»...

2. Программа союза.

С'езд состоялся в том же, 1905 году. На нем присутствовало около 200 делегатов, представлявших 84 рабочих организации с общим числом членов около 100.000. Это были самые разнородные организации. Были представлены и Социалистическая партия, и Социалистическая Рабочая партия, и анархисты, и остатки Рыцарей Труда (The Knights of Labor), некогда революционная организация, полу-легальная, полу-подпольная, полу-социалистическая, полу-анархическая, начавшая умирать после чикагской трагедии (1886 г.) и окончательно сошедшая со сцены лишь в начале XX в. Были и некоторые консервативные профсоюзы, и Американский Рабочий союз и Американский Профессиональный Социалистический союз, и задававшая тон на с'езде Западная Федерация Шахтеров. Примирить все эти течения было трудной задачей. «Какое-то бессознательное тяготение к единству руководило собранием, делегаты всячески старались обойти острые вопросы»—пишет один из историков I. W. W. (*Harold Lord Varney*, «History of the I. W. W.» One Big Union Monthly). Все же, лишь спустя 12 дней неустанной работы, после долгих, горячих прений была выработана, наконец, программа и создан союз. Программа, авторами которой были представители разных течений, носит компромиссный характер. Впоследствии это привело к борьбе в союзе, которая закончилась расколом. Программа 1905 г. гласит, между прочим:

> «Рабочий класс и класс хозяев не имеют между собой ничего общего.
>
> «Между ними не может быть мира до тех пор, пока голод и нищета царят среди миллионов трудового народа, а маленькая кучка хозяев пользуется всеми благами жизни.
>
> «Борьба между этими двумя классами должна продолжаться до тех пор, пока все рабочие не об'единятся как в политической, так и в инду-

стриальной области и не захватят в свои руки при помощи экономической организации рабочего класса, — но не сливаясь с политическими партиями, — все то, что производится их трудом...

«Трэд-юнионы приводят к тому, что в одной и той же отрасли промышленности одна категория рабочих может быть противопоставлена другой, способствуя тем самым обоюдному поражению в борьбе за заработную плату...

«...интересы рабочего класса могут быть обезпечены лишь в том случае, если организация будет построена таким образом, что все ее члены в одной отрасли промышленности или во всех отраслях, если это необходимо, прекращают работу, всякий раз, как стачки или локаут возникают в одной какой-либо части промышленности...»

С'ездом создан был таким образом союз, и основатели его считали, что как самый союз, так и его программа носят революционный характер. И, действительно, в условиях американского рабочего движения того времени программа нового союза являлась в высшей степени революционным актом. В то же время и самый союз с первых же дней своей жизни занял определенно-революционную позицию. Но если присмотреться внимательно к приведенной выше программе, то мы не найдем в ней ничего определенного и конкретного. Единственным пунктом который может, с точки зрения революционного опыта наших дней, претендовать на революционность, является третий, гласящий, что классовая борьба «должна продолжаться до тех пор, пока все рабочие... не захватят в свои руки... все то, что производится их трудом». Но этот пункт так эластично формулирован, что представители всех течений считали организацию «своей».

В указании на то, что рабочие должны об'единиться не только в индустриальной, но и в «политической области», социалисты и сторонники политического действия усматривали крупную победу своих идей. В то же время сторонники прямого действия, антипарламентаристы, вокруг которых группировались анархисты и анархо-синдикалисты и все находившиеся под влиянием одного из вождей Западной Федерации Шахтеров—Винсент Сейнт Джона, человека с необыкновенно широкой практикой в рабочем движении, — считали, на основании того же третьего пункта, что организация I. W. W. является союзом непосредственного прямого действия и уже, вследствие этого, носит революционный характер.

Вокруг третьего пункта программы завязалась внутренняя борьба между сторонниками де Леона и С. Джона. Борьба эта в течение нескольких лет парализовала организационную работу и лишала возможности вести борьбу против капитализма. На каждом из последующих с'ездов этот вопрос выдвигался вновь, и в 1908 г., на четвертом с'езде, произошел раскол. Индустриалисты одержали верх, все дела союза перешли в их руки, и программа союза была изменена. Спорный третий пункт был формулирован так:

«Между этими двумя классами борьба должна продолжаться до тех пор, пока рабочие всего мира, организованные как класс, не завладеют землею и всеми средствами производства и не уничтожат системы наемного труда».

Кроме того, в конце программы был добавлен, между прочим, такой пункт:

«Армия производителей должна быть организована не только для повседневной борьбы с капиталистами, но также и для того, чтобы продолжать производство, когда капитализм будет низвергнут.

«Организуясь индустриально, мы организуем ячейки нового общества в лоне старого».

Такова, в общих чертах, программа союза I. W. W. в ее настоящем виде.

Критики союза настаивают, главным образом, на том, что программа не отмечает необходимости политической борьбы. В ответ на это тов. Винсент С. Джон говорит:

«Тем, кто думает, что рабочие должны об'единиться в политическую партию, мы говорим: «об'единяйтесь, но не пытайтесь использовать экономическую организацию для достижения целей политической партии .....»

Этого последнего лозунга Индустриальные Рабочие Мира придерживаются до сего времени. Любой из их членов может входить в любую из политических партий, но представители и ответственные работники союза не могут занимать ответственных постов и быть представителями политических партий. В то же время организация, как таковая, ни разу не прибегала к политическому выступлению.

Сказав о приведенном выше дополнении к программе, необходимо заметить, что этот пункт вызвал горячие споры в среде I. W. W. после Российской Октябрьской Революции. До 1917 г. И. Р. М. обращали мало внимания на эту часть своего учения. Хотя союз и его отдельные деятели всегда и везде призывали к немедленному свержению капитализма, однако, от конкретных вопросов: «Каким способом произвести социальную революцию? Что будет после свержения капиталистического строя?»—они отделывались неопределенными ответами. После Октябрьской Революции в России вожди союза стали задумываться над этим вопросом более серьезно, и здесь наметилось три течения.

Одно из них отрицало всякую необходимость создавать ячейки, во-первых, потому, что переживаемое время чревато всякими неожиданностями; во-вторых, потому, что «русскому пролетариату следует помогать делом», т. е. надо произвести революцию *в своей собственной стране сейчас же*, и, в-третьих, потому, что невозможно заранее определить, какую форму примет и во что выльется революция в Соединенных Штатах, даже если она произойдет в ближайшем будущем.

Другое крайнее течение, истолкователем которого был секретарь Союза Металлистов Гарольд Лорд Варни (Harold Lord Varney), указывало:

«Та революция, о которой говорят I. W. W..., не есть внезапно начинающаяся кровавая резня... *она есть, напротив того, логический, здравый и научный акт, совершаемый обществом*». Революция для I. W. W. есть не что иное, как акт организации.... должен наступить момент, когда растущий индустриальный организм окажется более сильным, нежели существующий в настоящее время режим. И когда придет этот момент, I. W. W. сотрут с лица земли капитализм....

«Когда пролетариат свергнет капиталистический строй, то организация I. W. W. окажется вполне готовым; заранее созданным, правительством нового режима. Тогда не будет уже надобности созывать учредительное собрание; не придется создавать советов..., ибо та самая организация I. W. W., которая доведет революцию до конца, сохранится и после нее в качестве остова нового коммунистического строя... Главный Исполнительный Комитет организации будет верховным исполнительным органом нации, который возьмет в свои руки заведывание как политическими, так и индустриальными функциями будущего общества» («Индустриальный коммунизм и I.W. W.»,—*Гарольда Лорда Варни*, «Трудовая Мысль», № 4, стр. 30—31 курсив принадлежит Варни).

Наконец, третье течение — компромиссное гласит:

«Развитие рабочего движения и коммунистической революции совершается таким ускоренным темпом, развязка так близка, что с какой бы энергией, с каким бы упорством и настойчивостью делегаты и члены I. W. W. ни организовали тружеников, им не поспеть за ходом событий, приближающих нас к краху капиталистической системы...

«Кажется невероятным, чтобы капитализм без боя отдал свои твердыни даже при полной организованности пролетариата. И мечтать об этом, при виде разгулявшейся реакции, надеяться на это—не имеет смысла» («Кое-что о программе I. W. W. *Вл. Лосьева*, «Трудовая Мысль», № 7, стр. 10).

Огромное большинство членов пошло по «компромиссному» пути,

3. Строение и тактика союза.

Деятели Индустриальных Рабочих Мира считают, что их организация является результатом «брачного союза между социалистической теорией и экономической практикой». Союз возник на с'езде 1905 г., где встретились две родственные, стремившиеся к одной цели, революционные организации. Одной из них были теоретики коммунизма, социалисты, отрицательно относившиеся к политике и пытавшиеся создать производственные союзы. Они предложили на с'езде разработанную ими, в общих чертах, теорию союза, построенную на принципах учения Маркса. На с'езде они встретились с другим родственным им элементом—с опытными, закаленными в боях практиками экономического движения [1])». В результате этой встречи возникла ныне существующая организация I. W. W. Каково же строение союза?

Оно было разработано одним из наиболее выдающихся деятелей профессионального движения Америки, тов. Траутманом из Союза Пивоваров. Анализируя развитие современной промышленности и ее нынешнее положение и имея в виду, что «новый общественный строй вырастает из капитализма, беря за образец соответствующую экономическую структуру современного общества»,—он приходит к выводу, что лучшей экономической организацией может быть лишь такая, которая построена на тех же принципах, что и современная промышленность. Благодаря сторонникам Траутмана, была проведена следующая производственная форма организации.

Союз делится на шесть отделов: 1) Агрикультуры; 2) Горный 3) Транспорта и путей сообщения; 4) Мануфактуры и общего производства; 5) Строительный и 6) Общественной службы. В свою очередь, каждый из отделов подразделяется на под'отделы *).

Индустриальные же Рабочие Мира охватывают рабочих всех отраслей промышленности, и все их отделы постоянно связаны между собой и всегда и во всем оказывают друг другу помощь и поддержку.

Индустриальные Рабочие Мира придают большое значение своей организационной схеме и справедливо указывают, что их система стремится об'единить всех честных и полезных рабочих, занятых как физическим, так и умственным трудом. Они считают, что только подобная форма организации способствует развитию и укреплению солидарности трудящихся, облегчает борьбу в настоящее время, в пределах капиталистического строя, и дает возможность уже теперь создавать «ячейки будущего общества».

---

[1]) *Harold Lord Varney*, The History of the I. W. W. (цитирую по русскому переводу в «Трудовой Мысли», № 4 стр. 29).

*) Необходимо иметь в виду, что союз I. W. W. не есть единственный *промышленный* союз Северной Америки. Есть много других промышленных союзов, из которых мы укажем только наиболее крупные: Союз Об'единенных Сапожников Америки, Союз Об'единенных Портных, Союз Об'единенных Плотников, Федерация Пищевиков Нью-Йорка, Единый Большой Союз Канады, Об'единенная Ассоциация Железнодорожных Служащих, Союз Об'единенных Текстильщиков, Союз Об'единенных Металлистов и др. (United Shoe Workers of America, Amalgamated Clothing Workers, United Carpenters Foodstuff Workers Federation of New York, one Big Union of Canada, United Association of Railway Employees, Amalgamated Textile Workers, Amalgamated Metal Workers).

Но из того факта, что союзы эти также построены на *производственных* началах, еще не следует делать вывода, что они *революционны*. Многие из них (почти все) пришли к мысли о производственных формах союза только в целях ведения более успешной *повседневной борьбы* рабочего класса. В то же время, они *не верят* в необходимость уничтожения капитализма и не стремятся к этому. Помимо того, все перечисленные промышленные союзы да и многие другие, ничем не связаны между собой, живут самостоятельной жизнью, интересуясь лишь своей отраслью промышленности.

Из того факта, что в I. W. W. существует сильное течение за создание «ячеек будущего общества в лоне настоящего», читатель не должен делать вывода, что I. W. W. забывает главную задачу рабочего класса свержение капитализма. Наоборот, вся их повседневная борьба происходит под этим лозунгом; вся их пресса пропитана этим духом.

С капитализмом I. W. W. не идут ни на какие сделки, как указывает тов. Винсент Сейнт Джон в своей брошюре: «Строение, тактика и методы борьбы I. W. W.». Они требуют одного: *«полной передачи всего контроля над производством в руки организованных рабочих»*. В виду этого, I. W. W. не очень разборчивы в своей тактике. «Будучи революционной организацией, они стремятся к применению всякой тактики и способов борьбы, могущих дать желательные результаты с наименьшей затратой времени и сил. Вопросы «права» или «бесправия» их мало интересуют. И в своей борьбе они прибегают ко всему: вызывают стачки, устраивают демонстрации, применяют саботаж, разжигают восстания, иногда переходящие в гражданскую войну (в Сант-Диего, Эвереттс, Сентралии), массами заполняют тюрьмы маленьких городов, вызывая этим недовольство платящих за их содержание обывателей, превращают судебные процессы в революционные трибуналы и т. д., и т. д.

Ведя свою борьбу, главным образом, с предпринимателями, с крупными американскими трестами и ассоциациями, I. W. W., в ходе борьбы, неизбежно сталкиваются с государством, постоянно становящимся на сторону промышленников. В таких случаях Индустриальные Рабочие Мира не отказываются от борьбы с правительством, хотя всеми силами стараются избежать ее, считая, что правительство, являющееся лишь ставленником класса капиталистов, падет, когда падет экономическое господство хозяев. Но, как это часто случается с I. W. W., их практика нередко расходится с теорией, и они, по крайней мере, в прошлом, неоднократно резко выступали против правительства, против государства.

4. Отношение И. Р. М. к социалистическим и коммунистическим партиям.

Невероятные преследования, каким неустанно подвергался союз Индустриальных Рабочих Мира с первых же дней своего существования, героическая борьба за свободу собраний, за свою прессу, за свободу слова и за самую жизнь своей организации развили в членах I. W. W. глубокую преданность, доходящую иногда до слепого фанатизма. В любом из отделов союза можно встретить старых, закаленных в боях товарищей, которые, не задумываясь, готовы отдать свою жизнь за союз, но которые, в то же время, ни за что не согласятся уступить ни одной буквы из программы союза и его основных принципов,—даже если уступки эти диктуются интересами революционного движения и борьбы. Такого подозрительного отношения ко всем предложениям, исходящим извне, от сочувствующих, от друзей, от революционеров других стран, трудно встретить где-либо в другой организации.

С первых дней своей жизни союз I. W. W. вел борьбу на два фронта: с буржуазным миром, с одной стороны, и с консерватизмом в рабочем движении (с Американской Федерацией Труда и социалистическими партиями)—с другой. Обе социалистические американские партии (Социалистическая партия и Социалистическая Рабочая партия), как таковые, не принимавшие участия в создании I. W. W., пытались с момента ее организации захватить союз в свои руки. I. W. W. усматривали в этом попытку «подчинить экономическое движение политическому, и экономическую организацию превратить в придаток политической партии». Борьба длилась, как мы указывали, целых четыре года, и во время ее были пущены в ход все способы. С момента раскола (1908 г.) И. Р. М. оказались изолированными от политических партий рабочего класса и политического движения пролетариата. Они и в чем не помогали им и, в свою очередь, не просили у них и не ожидали от них ни поддержки, ни помощи. Хотя открытых и резких столкновений с социалистическими партиями не было, но взаимная неприязнь поддерживалась время от времени выступлениями отдель-

ных деятелей в печати и на трибуне. В результате члены I. W. W. проникись трудно вообразимым недоверием ко всем «политикам» обеих партий.

Помимо того, самый состав членов союза (главным образом, рабочие иностранцы и батраки), не пользовавшихся избирательными правами, не только не выдвигал перед организацией конкретно вопроса о необходимости политической борьбы в рядах той или другой из социалистических партий, но постоянно оттенял ненужность для членов I. W. W, подобной борьбы. Отсюда делался вывод, что политическая борьба рабочего класса в рамках капиталистического общества не является необходимостью, и польза, приносимая ею, может быть с большим успехом и легкостью достигнута путем экономической борьбы. Нужно иметь в виду, что перед организацией, обладающей, к сожалению, очень скудными теоретическими силами и выводящей, благодаря этому, все свои идеи из ограниченного круга житейского опыта, никогда не стоял остро вопрос о захвате власти, вопрос о переходном периоде,—периоде борьбы за утверждение нового строя против еще неподавленных элементов старого общества. Трудно поэтому сказать, каково будет, в дальнейшем, отношение I. W. W. к диктатуре пролетариата. Несомненно лишь одно: сдвиг влево, в сторону переоценки ценностей, совершается и можно рассчитывать, что союз поймет, наконец, необходимость совместной работы с коммунистическими элементами, под красным знаменем Коммунистического Интернационала.

А пока приходится отметить, что все недоверие, какое I. W. W. питало к социалистическим партиям, перенесено и на коммунистические партии Америки. И в них союз усматривает политикан, быть может, более левых, но, все же, политикан, т. е. лиц, как им думается, заинтересованных исключительно в завоевании и сохранении за собой власти. Трения и разногласия, происходящие в коммунистических партиях Америки, их нежелание или неумение об'единиться, а также высокомерное отношение некоторых элементов американского коммунистического движения к I. W. W.,—все это не только не дает I. W. W. возможности сообща работать с коммунистами, но побуждает их выносить резолюции против совместной с ними деятельности.

Предложенные недавно коммунистами условия об'единения, несомненно, вновь пробудили у I. W. W. боязнь за целость и независимость своего союза и вызвали старые опасения, что «политическое движение хочет подчинить своему влиянию экономическое». Другими словами, в I. W. W. начинается старая борьба, которая раз уже внесла раскол в организацию, но которая в настоящее время более важна, *ибо она ведется не только на почве американского движения, но на почве общемировой революции.*

5. И. Р. М. и Коммунистический Интернационал.

Вопрос о присоединении к Коммунистическому Интернационалу вызвал самые оживленные и горячие дебаты. Был сделан ряд докладов, в печати появился ряд статей. Под влиянием старых понятий, Коммунистический Интернационал представлялся различным деятелям I. W. W. в виде органа, стремящегося подчинить своим решениям и действиям союз И. Р. М. Несмотря на это отрицательное отношение к вопросу о присоединении к Москве, в среде I. W. W., все же, можно было заметить серьезный сдвиг в сторону согласования своих действий со сторонниками других движений. В этом случае положительную роль сыграли товарищи, находившиеся в заточении и представлявшие собой все лучшие силы союза. Большая заслуга в этом отношении принадлежит только-что вернувшемуся в то время из России тов. Джону Риду. Хотя он и не был членом I. W. W., но считался одним из лучших друзей организации. Наконец, не остались без положительного влияния и происходившие в социалистическом движении расколы и выделение из рядов Социалистической партии коммунистических элементов. При умелом подходе к делу со стороны американских коммунистов об'единение возможно было уже в 1919 г. Но этому помешало желание сохранить в целости организацию, желание освободить, путем амнистии или путем внесения залога, сидевших в тюрьме товарищей и остаться легальной организацией. Возможно, что, скорее всего, удалось бы, в этом случае, сохранив обе организации пролетариата—и экономическую (I. W. W.), и политическую (Коммунистическую партию) — действовать во всем сообща. Но этого не случилось, и с'езд I. W. W. в 1919 г. ограничился поручением своему Исполкому немедленно войти в сношения с Коммунистическим Интернационалом, как и вообще официально вступить в сношения с международным революционным профессиональным движением.

После этого с'езда, благодаря халатности Исполкома I. W. W. и секретаря его, старого, обремененного работой, тов. Вайтхеда (Whitehead), вопрос о международных отношениях как бы замер. А вскоре это затишье сменилось агитацией против присоединения к III Интернационалу. Вождем ее был Джон Сандгрен (Sandgren), редактор «Ежемесячника Единого Большого Союза» («One Big Union Monthly») [1]).

В это время Исполком Коминтерна опубликовал свои известные 21 условие приема. Исполком I W. W. решил, что, «в виду величайшей важности вопроса, он не может брать на себя ответственности за то или иное решение, не выяснив предварительно желаний всей организации». Таким образом, вопрос был поставлен на референдум, причем в прессе вновь поднялась агитация за и против присоединения.

В одной из лучших статей сторонников присоединения: «Куда мы идем? Москва или Амстердам?» (One Big Union Monthly, N 10, Vol. II, стр. 25) тов. Андрейчин (Geo Andreytchine) справедливо указывает на проникновение в их среду шовинизма, на то, что члены союза забыли, что «нет ничего в мире совершенного, что организация должна быть гибкой, легко приспособляться к изменяющимся событиям».

Он заканчивает призывом к членам союза: «I. W. W. ничего ни остается делать, как последовать примеру дружеских организаций в Европе, присоединившихся к III Интернационалу».

Противники присоединения придерживаются старых понятий и верований и главным своим аргументом выставляют резолюцию по вопросу о политических партиях, вынесенную в первые годы существования I. W. W.

На референдум было предложено: 1) признание III Интернационала, 2) непризнание Коминтерна, но присоединение к Красному Интернационалу Профсоюзов, 3) признание III Интернационала со следующей оговоркой: «Мы не будем принимать никакого участия в парламентской борьбе и оставляем за собой право развивать свою собственную тактику, в зависимости от существующих условий».

Не надо быть пророком, чтобы предсказать, что второй пункт референдума будет принят членами союза, т. е. они откажутся войти в Коммунистический Интернационал и станут частью Международного Совета Красных Профсоюзов, принимая активное участие в его делах и борьбе и *подчиняясь всем решениям конгрессов этого последнего.*

Вл. Лосьев.

---

[1]) Воздавая должное Сандгрену, нужно сказать, что до последнего времени он ни разу не выступал против Советской России и Рабоче-Крестьянской власти. Время от времени он выступал в печати с резкими нападками на те или иные мероприятия пролетарского правительства и на Коммунистическую партию. Но в последнее время он стал переносить свои нападки и на Советскую власть. К чести I. W. W. нужно отметить, что Исполком этой организации лишил Сандгрена редакторства и даже закрыл самый журнал. Вместо него, как сообщает «Workers' Dreadgnout», выходит теперь, под новой редакцией, журнал «Industrial Pioneer». *В. Л.*

ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКИЕ СТАРОСТЫ В АНГЛИИ.

В конце 1920 г. движение «Фабрично-заводских Комитетов» в Англии, казалось, совершенно замерло. За исключением нескольких активных групп в Ковентри, Шеффильде и Гулле, а также групп, об'единенных в Лондоне под названием «Солидарность», а в Глазго — под названием «Рабочий», не было заметно, собственно говоря, никаких признаков движения среди рабочих механической промышленности.

Имелись, правда, сведения об оживлении движения среди фабричных рабочих в Клайде, но и это оживление было незначительным.

В сентябре 1920 г. состоялось собрание Национального Административного Совета Фабрично-заводских Комитетов. Но вся работа этого собрания свелась лишь к обсуждению вопросов, связанных с назначением инструкторов-организаторов.

9 декабря в Шеффильде снова состоялось собрание Национального Административного Совета. Обсуждался вопрос о том, как оживить рабочее движение в механической промышленности, а также—как согласовать действия революционных комитетов углекопов и транспортных рабочих. Было решено созвать на 27 января 1921 г. конференцию, в которой кроме Национального Административного Совета должны были принять участие представители Комитета Реформ рабочих угольной промышленности и Наблюдательного Комитета транспортных рабочих. Конференция должна была упразднить все эти комитеты и выработать общую программу деятельности.

Кроме того, собрание Национального Административного Совета решило обсудить совместно с Шотландским Комитетом вопрос о централизации в своих руках всего промышленного рабочего движения. Дело в том, что в последнее время шотландское и английское движения развивались совершенно независимо друг от друга, и параллелизм в деятельности обоих комитетов приводил иногда к трениям и разногласиям между ними.

Собрание избрало также комитет для выработки порядка дня для предстоящей конференции. В виду того, что цели и задачи рабочего движения были еще весьма неясны, комитет решил рассматривать предстоящую конференцию лишь как первый шаг по пути к окончательному выяснению политического характера деятельности вне-юнионистских рабочих организаций в Англии. Она должна была предшествовать Национальной Конференции всех революционных индустриальных комитетов, как тех, которые являются органами трэд-юнионов, так и тех, которые об'единяют рабочих отдельных фабрик (фабрично-заводские комитеты) и т. п.

Эта, так называемая, предварительная конференция состоялась 27 января 1921 г. В ней участвовали Нациоальный Административный Совет фабрично-заводских комитетов, делегаты Шотландского Рабочего Комитета, Комитеты Реформ рабочих угольной промышленности Южного Уэльса, Иоркшира, Дёргэма, Нортумберлэнда, Файфшира, а также делегаты Наблюдательного Комитета портовых рабочих Ливерпуля и Глазго.

Конференция постановила предложить на обсуждение созываемой на 31 марта Национальной Конференции, помимо общих организационных вопросов, следующий порядок дня:

1. Обзор промышленного движения и специальный доклад о текущем моменте и о стоящих перед трэд-юнионами задачах.
2. Об юнионизме и революции.
3. Роль трэд-юнионов в осуществлении диктатуры пролетариата.
4. Отношение к Красному Интернационалу.
5. Безработица.
6. Государственная собственность и контроль над промышленностью.

Некоторые высказались за практическое применение коммунистических принципов к разрешению этих проблем, вместо того, чтобы преподносить конференции одни абстрактные теории, которые сами по себе не могут содействовать дальнейшему росту рабочего движения.

Свое отношение к Коммунистической партии конференция определила в следующей резолюции (которая была уже ранее принята собранием Национального Административного Совета 28 декабря 1920 г.):

«Конференция революционных индустриальных комитетов признала необходимым действовать в полном контакте с Коммунистической партией и вместе с ней стоять на страже интересов революции в целом. Она настаивает на том, чтобы ее активные участники входили в Коммунистическую партию, и надеется, что рабочие-члены партии будут, в свою очередь, принимать активное участие в движении фабрично-заводских комитетов. Фабрично-заводским и Рабочим комитетам и Коммунистической партии надлежит выработать условия, при которых будет возможна полная согласованность в деятельности обеих организаций. Члены нашей организации, состоящие членами К. П., естественно, подчиняются дисциплине партии; точно также, как члены партий и фабрично-заводские и рабочие комитеты подчиняются дисциплине Красного Международного Совета Профессиональных и Индустриальных Союзов. Все вышеизложенное остается в силе до созыва интернационального конгресса. По вопросу о взаимоотношениях между нашей организацией и партией может быть допущено изменение, в соответствии с решениями конгресса.»

Соответственно с этим конференция избрала под-комиссию для сношений с вновь избранным Исполнительным Комитетом Коммунистической партии, в целях согласования деятельности обеих организаций.

Были также избраны делегаты на Об'единенную Коммунистическую Конференцию, назначенную на 29 января.

По поводу разногласий между Английским и Шотландским комитетами были приняты следующие решения:

1. Шотландский Рабочий комитет немедленно посылает 3 делегатов в Национальный Административный Совет (еще до созыва Национальной Конференции).
2. В Национальном Административном Совете, который должен быть вновь избран на Национальной Конференции, каждая из следующих областей будет представлена 3 делегатами: 1) Шотландия, 2) Северная Англия, 3) Уэльс и 4 Южная Англия.
3. Шотландский Комитет назначает редактора органа «Рабочий» («Worker») и следит за проводимой им политикой.
4. Товарищи Мессер и Кэмпбель должны выполнять обязанности организаторов движения в национальном масштабе: первый — в качестве секретаря-организатора, второй—в качестве организатора.

Затем было сделано сообщение о возникшем недавно союзе машинистов Ирландии, который был создан отчасти вследствие недовольства преобладающим влиянием английских союзов, отчасти же в результате господствующего в Ирландии сильного националистического под'ема. Союз этот насчитывает около 5.000 членов; четыре пятых их составляют рабочие Южного Бэльфаста. Они страстно желают примкнуть к движению фабрично-заводских комитетов. В союзе много революционных элементов; поэтому развитие его представляет известное значение. Но, в виду неполных сведений, полученных Конференцией, об отношении Союза Машинистов к Ирландскому Союзу Транспортных Рабочих и об его позиции в вопросе об юнионизме, Конференция ограничилась тем, что решила послать ему братский привет и просила его избрать делегатов на конференцию 31 марта.

Из писем и сообщений, оглашенных на конференции, выяснилось, что движение в пользу образования комитетов началось в Уэльсе, Бредфорде, Мунидоне,

Рочдэле, Плимуте, Лондоне, Ливерпуле, Ковентри и Гуле.

Конференция решила всеми доступными ей способами оказывать содействие Британскому Бюро Международного Совета Профсоюзов, а также проводить на всех собраниях и совещаниях во всех отделах союза резолюцию, требующую вступления в Коммунистический Интернационал. Согласно этому решению, нортумберландские и дургемские углекопы уже созвали в Ньюкэстле конференцию, на которой были представлены 400 делегатами от 62 союзов и которая приняла внесенную нашими делегатами резолюцию.

На конференции 27 января впервые встретились представители всех угольных копей Великобритании, комитеты других отраслей промышленности и наблюдательные комитеты портовых рабочих. С нее начинается новый, очень важный, период в революционной деятельности британских союзов. Основные черты этого нового периода: 1) централизация революционной деятельности всех индустриальных рабочих комитетов и 2) сближение с Коммунистической партией, что даст возможность британскому рабочему движению выяснить и оформить свои стремления и отрешиться от реформизма.

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ В ЧЕХО-СЛОВАКИИ.

Наряду с чертами, общими для всего рабочего движения в средней Европе после войны, чехо-словацкое профессиональное движение представляет некоторые особенности, которые являются результатом национальных взаимоотношений в новом государстве. Захваченные волной революционных событий, воодушевленные бурной жаждой деятельности, исполненные гнева и ожесточения против старых властителей и всех тех, кто нажился от войны, пролетарские массы устремились к концу войны в профсоюзы. В Чехо-Словакии, как и повсюду, бюрократия профсоюзов не сумела организовать эти массы для целей пролетарской революции. Напротив, она всячески стремится к тому, чтобы задушить революционный порыв рабочих ивпречь их в колесницу социал-патриотизма.

В конце 1919 года Пражская комиссия профсоюзов (Odborové sdruzêni çeskoslovenské) об'единяла 54 союза с 727.000 членов, а сепаратистская Рейхенбергская немецкая комиссия представляла 22 союза с 299.000 членов. До войны чешские союзы насчитывали 105.000 членов (эта цифра упала во время войны до 24.000 в 1916 г.). Таким образом рост числа членов, в сравнении с довоенным временем, составляет не менее 595%. Самые крупные союзы—это союзы земледельческих рабочих с 180.000 чл., металлистов с 117.000, фабричных рабочих с 78.000, горнорабочих с 65.000, железнодорожников с 55.000, текстильщиков с 55.000, деревообделочников с 21.000, общинных и государственных служащих с 21.000 и каменщиков с 16.000 членов.

Среди немецких союзов самые крупные союзы: текстильщиков с 73.000, металлистов с 42.000, горнорабочих с 28.000, железнодорожников с 26.000 и рабочих химического производства с 17.000 членов.

В Чехо-Словакии, как и повсюду, война и события после-военного периода вполне выявили *реакционный* характер политики, которую вела бюрократия профсоюзов. Во время войны австрийским профсоюзам была совершенно чужда всякая мысль о революционном восстании пролетариата. После поражения и полного экономического краха старого государства, профсоюзы тащились на буксире у социал-патриотических политиков, которые тотчас же постарались придать революции националистический характер. Нисколько не задумываясь над тем, что социальные условия жизни Чехословацкой республики снова обрекают пролетариат на голод и безработицу, вожди профсоюзов с дерзкой откровенностью взяли на себя роль охранителей государства. Они считали своей первейшей обязанностью содействовать тому, чтобы в глазах иностранцев чешское буржуазное государство явилось как бы «базисом демократии и социального прогресса». Все свое влияние они отдали в распоряжение националистической клики; которая изо всех сил старалась сделать новое государство верным рабом международного капитализма. Этим они открыли себе свободный доступ в желтый Амстердамский Интернационал. С другой стороны, вожди немецких профсоюзов, следуя указаниям идущих рука об руку с немецкой буржуазией германских социал-демократов, считали важнейшей своей задачей добиваться *национальной автономии* немецкой области. Уже в старой Австрии господствовавший в профсоюзах реформизм. Особенно ярко выявил себя в факте распада их на *национально обособленные профсоюзы*. Наблюдающаяся теперь перемена ролей между немецкими и чешскими социал-патриотами представляет собой и самый комический, и самый возмутительный из «геройских» подвигов социал-демократии. В старой Австрии Венский Центральный Комитет профсоюзов, состоявший исключительно из немцев, как известно самым упорным образом противился созданию национально-самостоятельных чешских организаций. За их принципом единства профдвижения скрывалось стремление подчинить его австрийским охранительным тенденциям немецкой социал-демократии и помешать проникновению в ряды профессиональной бюрократии разрушительных элементов. С другой стороны, требование автономии, выдвигавшееся чешскими профсоюзами, покоилось отнюдь не на каких-либо соображениях целесообразности. Напротив, здесь только сказывалось желание, чтобы организованный пролетариат служил делу осуществления националистических стремлений чешской социал-демократии. *Со времени основания чешского государства прежние передовые борцы за автономию выставляют против немцев все аргументы старого Венского Центрального Комитета профсоюзов, а немцы, в свою очередь, изумительно легко стали пользоваться всеми аргументами чешских социал-патриотов, которых они некогда называли «сепаратистами».* Однако, среди рабочих замечается сильное течение в сторону интернационального об'единения; они относятся отрицательно к патриотическим и националистическим тенденциям, которые всячески поддерживаются бюрократией профсоюзов. Вожди как чешских, так и немецких профсоюзов стоят на той точке зрения, что урегулирование национальных вопросов должно исходить из центра, что оно должно быть проведено именно *центральными органами*, которые и у немцев, и у чехов одинаково являются очагами социал-патриотизма и классового предательства. Они опасаются, что иначе в отдельных союзах может прорваться наружу революционное стремление рабочих к интернациональному об'единению, что разрушит их тонкую игру. Ибо для бюрократии профсоюзов национальная рознь является превосходным средством, позволяющим им об'яснять массам свои неудачи в борьбе против все более и более наглеющей буржуазии. Чешские социал-патриоты указывают на опасные для государства стремления немецких рабочих, немецкие же, в свою очередь, указывают на нежелание чехов бороться,—и так те и другие доказывают нетерпеливым рабочим невозможность вести активную борьбу. Бюрократия профсоюзов делает вид, что она стремится к интернациональному соглашению и ловко пользуется всякими приемами чтобы возложить вину за неудачи на другую сторону, которая лишена-де социалистического миросозерцания. В действительности же, бюрократия саботирует революционную классовую борьбу, которой она боится. Все же, отдельные профсоюзы нашли путь для совместной работы, в форме федерации, несмотря на противодействие бюрократии. В особенности это следует сказать о *Словакии* с ее пестрым национальным составом. Ее пролетариат, еще мало «дисциплинированный», но одушевленный здоровым революционным инстинктом, быстро пошел по пути интернационального об'единения.

Социал-демократические политики коалиции, стоящие во главе профсоюзов обеих национальностей, одинаково саботируют как интернациональное соглашение, так и требование *создания производственных советов* Рабочие выставили это требование со времени оконча-

ния войны. Их толкнула на этот путь безработица, саботаж предпринимателей и их произвол. Бюрократия профсоюзов игнорировала это требование. А когда тактика проволочек оказалась уже недостаточной, они прибегли к обману и пытались извратить революционное значение этого требования. Они начали с «обучения»; толковали о том, что практике производственных советов нужно много и долго обучаться, дабы сделать их надлежащим оружием в руках рабочих: организовали школы с явной целью создать кадр право-социалистических, лишенных воли и энергии, представителей рабочих, всецело подчиненных их влиянию. А впоследствии они стали бы их рекомендовать рабочим при выборах в производственные советы, как единственно подходящих кандидатов. Кое-где был выдвинут даже план ограничить выборы только такими, соответственно подготовленными людьми. Наряду с этой внутренней борьбой против идеи советов, бюрократия профсоюзов вступила и на путь *законодательной борьбы*. Чешские и немецкие социал-демократы представили Пражскому Национальному Собранию законопроекты о производственных советах, которые составлены по германскому и австрийскому образцам и не пытаются даже расширить власть рабочих. Неприятное революционное требование рабочих должно быть только для видимости удовлетворено, дабы создать для бюрократии столь дорогой ее сердцу покой.

Мотивировка представленных чешскими и немецкими социал-патриотами законопроектов чрезвычайно характерна. Они указывают на то, что требование образования производственных советов отвечает «духу времени»(!). А это означает, что существование производственных советов в соседних странах настоятельно требует создания таковых приличия ради и в Чехо-Словакии. Какова истинная роль подобным образом созданных производственных советов, рабочие могут узнать на примере *«горнозаводской промышленности»*. Производственные советы созданы здесь законом 25 февраля 1920 г. Общее мнение горнорабочих таково, что этим законом доверенные лица низведены до роли производственных полицейских, которые с каждым днем все больше и больше утрачивают доверие рабочих. Все эти законодательные акты в отношении производственных советов—если при подобном шарлатанстве вообще можно говорить о законодательных актах являются следствием *социал-демократической политики*, которая для бюрократии профсоюзов гораздо важнее интересов рабочего класса. Чрезвычайно комично, когда при таком положении вещей, те же самые социал-демократические политики профсоюзов стараются во что бы то ни стало рассматривать вопрос о производственных советах, как «чисто профессиональное явление». Таким путем они хотели бы избавить социал-демократическую партию от необходимости преждевременно разоблачить свои реакционные намерения.

Между тем, экономическое положение рабочих заметно ухудшается. Непрерывное возрастание цен на предметы первой необходимости вынуждает рабочих начать борьбу за повышение заработной платы. А буржуазия, вполне уверенная в том, что вожди профсоюзов желают во что бы то ни стало избежать борьбы, оказывает энергичное сопротивление. Прибыли необычайно растут и позволяют буржуазии и ее паразитам вести роскошную и разгульную жизнь. Дивиденды в 20 и 30% явление обычное. Пролетариат борется против неслыханного роста дороговизны путем требования *прибавок на дороговизну*, при помощи закупочных взносов и т. п., так как предприниматели совершенно несклонны повышать основную заработную плату. В этом отношении они встречают молчаливое согласие со стороны вождей профсоюзов, которые уклоняются от всякого столкновения с буржуазией по вопросам принципиальным. Буржуазная идеология, заключающаяся в мечтании о возвращении «нормальных» условий, есть также идеология вождей профсоюзов. Как истые мещане, они, ждут, что вот-вот начнется падение цен и в мечтах своих они готовы уже способствовать неизбежному тогда «понижению заработной платы». Вполне учитывая такое настроение, предприниматели выдвигают уже сейчас в порядок дня вопрос о понижении заработной платы. Кое-где им оказывают добрые услуги созданные, на паритетных началах согласия и по желанию профсоюзов, комиссии для определения высоты заработной платы. Вообще, предприниматели прекрасно умеют впрягать рабочих, при содействии профсоюзов, в повозку, так называемых, «общих промышленных интересов». Хотя утверждение тов. Лозовского (в его брошюре об интернациональном совете ремесленных и промышленных союзов) о том, что принадлежность к профсоюзам в Чехо-Словакии предписывается законом, ошибочно, но все же жизнь профсоюзов протекает в рамках полной *легальности*.

Уклонение от всякого конфликта с буржуазией, искоренение в пролетариате всякого духа борьбы—вот лозунги деятельности бюрократии профсоюзов. Достаточно бросить беглый взгляд на бюджеты профсоюзов, чтобы убедиться в справедливости сказанного. Чешские союзы в 1919 г. имели приход в 17½ миллионов крон, а расход выразился в цифре 11½ миллионов, их имущество оценивалось в 11½ миллионов. Самые богатые союзы—это союз металлистов, горнорабочих и фабричных рабочих, и союзы рабочих графической промышленности. Немецкие союзы имели доход в 7½ миллионов, расход их достигал 4½ миллиона, и имущество оценивалось в 8 миллионов. В то же время, чешские союзы израсходовали 1 миллион на вспомоществование, почти 2 миллиона на содержание служащих в профсоюзах, 1½ миллиона на печать, между тем, как расходы, связанные с экономической борьбой, составляют незначительную долю. Немецкие союзы израсходовали на поддержку забастовок не более полумиллиона, причем эта поддержка стачек коснулась только 2 союзов: горнорабочих и деревообделочников.

Могучим средством господства над рабочими массами служит для бюрократии профсоюзов пресса. Чешские газеты выходят в количестве более полу-миллиона экземпляров, немецкие около 300.000. Наиболее распространенными являются: «Zajmy kovodelniku», «Zemedelec», «Na zdaz», «Delnik» и «Textilnik» — на чешском языке, и «Textilarbeiter», «Metallarbeiter», «Glückauf» и «Eisenbahner»—на немецком языке. Этот громадный аппарат прессы используется систематически для того, чтобы поносить всякое революционное движение пролетариата и воспитывать рабочих в слепом доверии и послушании к бюрократии. Если в статье говорится о хозяйственном положении, то это делается всегда таким образом, что рабочий не в состоянии сделать из нее ясного вывода для своей практической деятельности. Мировой промышленный кризис не представляется для них неразрешимым при капиталистическом строе, он не служит могучим фактором в деле развития социальной революции. Нет, мировой кризис есть нечто такое, что рано или поздно вынудит капиталистов стран - победительниц пересмотреть мирные договоры, а чехо-словацкое правительство заставит вести более разумную хозяйственную политику. В этой прессе пролетариат систематически воспитывается в духе мещанского образа мыслей. Как на особенно яркий пример можно указать на одну статью в органе немецкого центрального комитета профсоюзов, автор которой доказывает, что капиталисты Антанты в своей борьбе на Востоке не столько стремятся уничтожить большевизм, сколько обеспечить за собой русский рынок против немецкой конкуренции (!). Все попытки рабочего класса изменить направление своей профессиональной прессы остаются бесплодными, так же, как и старания избавиться от опеки бюрократии. Рабочий класс наталкивается в этом случае на крепкую сплоченность этой бюрократии, которая борется за свою жизнь. А кроме того, до возникновения коммунистической партии все эти попытки предпринимались часто весьма неумело, без определенного плана.

Для вождей чешских профсоюзов создалось весьма неприятное положение в тот момент, когда чешская социал-демократия раскололась, и все элементы, не соглашавшиеся с правительственной политикой партии, об'единились в так называемой левой группе: коммунисты, центровики и настоящие, но скрытые, социал-патриоты. Вожди профсоюзов всем своим существом и взглядами принадлежали к *правой* группе. Но они желали сохранить свое положение в профсоюзах по отношению к рабочим, находившимся под влиянием «левой»; поэтому, они об'явили себя сторонниками «нейтральности», не думая, конечно, отказываться от своей прежней право-социалистической политики. Они полагали, что этим об'явлением нейтралитета они раз на-

всегда избавились от необходимости давать дальнейшие раз'яснения о своей деятельности в профсоюзах.

В тяжелом положении оказались те из них, которые были членами Национального Собрания, как, например, представитель железнодорожников Бродецкий. Под руководством этого лукавого демагога образовался, наряду с клубом правых и левых в Национальном Собрании, новый клуб представителей профсоюзов, который, повидимому, превратится в центристскую партию.

Деятельность этих людей практически ничем, разумеется, не отличается от деятельности правосоциалистических политиков. Разница лишь та, что своими радикальными речами они в еще большей мере вводят в заблуждение рабочих и еще больше, нежели явные социал-предатели, тормозят развитие ясного коммунистического понимания. Вожди немецких профсоюзов образовали в социал-демократической партии крайнюю правую; во время прений на Карлсбадском с'езде они выступили с декларацией, которая была направлена против взглядов товарищей коммунистов и которую они имели наглость выдавать за выражение воли многих тысяч рабочих, состоящих в профсоюзах. Коммунисты не оставили, конечно, без ответа эту наглую попытку оказать давление на делегатов с'езда, которые отчасти были совершенно незнакомы с рассматривавшимися вопросами. Со времени раскола в немецкой партии, главари профсоюзов пытаются всяческими хитростями и насилиями силой вернуть обратно рабочих под иго социал-демократической бюрократии профсоюзов. Они распространяют направленные против коммунистов брошюры, основывают социал-демократические газеты на средства профсоюзов и стараются *очистить* бюрократию профсоюзов от всех причастных к коммунизму элементов. При этом они разыгрывают комедию, стараются казаться очень радикальными, ни в чем, однако, не изменяя своей политики, любят называть себя «независимыми», даже «истинными» коммунистами, которые отвергают только «московскую» диктатуру и хотят сохранить «организационное единство». А в то же время они своей работой лишь подрывают пролетарскую активность, и этим патентованным демократам не приходит даже в голову признать, в качестве высшего закона, революционную волю громадного большинства рабочих, которая не раз ясно выявлялась. Они бессовестно отождествляют *себя* с профсоюзами. Не подлежит никакому сомнению, что чешские союзы также начнут гонение на коммунистов, и именно в тот момент, когда в недрах чешской левой возникнет настоящая коммунистическая партия.

Из сказанного само собой вытекает, что такие профсоюзы, как профсоюзы Чехо-Словакии, чувствуют себя как дома в *желтом Амстердамском Интернационале*. Рабочим рассказывают небылицы о могуществе и величии этого Интернационала, наименование которого желтым бюрократия профсоюзов пытается—правда, с малым успехом — представить, как оскорбление, наносимое пролетариату. После возвращения делегатов из Лондона стало очевидным—по внезапно начавшейся планомерной травле коммунистов,—что эти предатели пролетариата, главным образом, обсуждали там не вопрос о борьбе против мирового капитала, а вопрос о борьбе против большевизма. Мировому капиталу они доставили большое удовольствие, противопоставив ему пару смешных и напыщенных резолюций, а против большевизма они начали действительную борьбу с несвойственной им энергией.

Возмущение рабочих против контр-революционной деятельности бюрократии профсоюзов достигло кульминационного пункта во время декабрьской забастовки. Спровоцированная государственной властью, значительная часть чешского и немецкого пролетариата была вовлечена во всеобщую политическую забастовку. Профсоюзы обеих национальностей занимали в этой борьбе нейтральную позицию, т. е. играли гнусную роль штрейкбрехеров. Это сильно содействовало выяснению их истинной природы.

Теперь положение вещей таково, что масса рабочих относится с *глубоким недоверием* к нынешним профсоюзам. Взаимоотношения между бюрократией и массами носят резкий и непримиримый характер, словно здесь стоят друг против друга буржуазия и пролетариат. Задачей коммунистической партии будет помочь рабочим ясно осознать это недоверие, сломить власть профессиональной бюрократии и привести профсоюзы Чехо-Словакии к Московскому Красному Интернационалу, к этой *единой международной пролетарской боевой организации*, сделав их, таким образом, соратниками Армии Всемирной Революции.

И мы ждем от Московского Конгресса нового энергичного импульса для деятельности коммунистов в профсоюзах Чехо-Словакии.

Да здравствует Красное профессиональное движение в Чехо-Словакии!

Да здравствует Красный Интернационал профессиональных союзов!

Антон ГАНКЕ,
секретарь союза железнодорожников.

Рейхенберг.

ПРЕСЛЕДОВАНИЕ КРАСНЫХ ПРОФСОЮЗОВ В ЧИЛИ.

Волна реакции и белого террора докатилась и до Чили. Буржуазия этой маленькой республики, по примеру своих северо-американских друзей, решила покончить с красными профсоюзами и, в первую очередь, с местной администрацией союза Индустриальных Рабочих Мира.

В письме, опубликованном в газете «The New-York Call» (от 11 января 1921 года), указывается, что «доминирующим фактом в кампании истребления, которую ныне ведут правящие классы, является уничтожение рабочих изданий и типографий, сожжение помещений для собраний, разгон митингов пролетарских организаций и избиение всех пойманных революционеров». Быть членом какой-либо прогрессивной рабочей организации считается «преступлением», и обвиненные в принадлежности к ним ставятся вне закона. В тюрьмах Чили томится бесчисленное множество товарищей из красных профсоюзов: в тюрьме Сант-Яго сидят более 100 чел.; в Вальпарайсо около 25 и столько же в Конценсионе, Иквике, Калета-Буэна, Антофагаста, Тосопилла, Пунта Аренас и др. местах

Представители власти вместе с толпой патриотов-добровольцев разрушили типографию и редакцию органа либералов «Numen», анархо-синдикалистов «El Surco» в Иквике и «La Batalla» в Вальпарайсо коммунистического органа «La Commune» в Вильна де Мар, органа социалистов «El Socialista» и ежедневного органа Магелланской Рабочей Федерации «El Irabajo» в Пунта Аренас. Разрушены также контора Федерации студентов Сант-Яго и отделения союза Индустриальных Рабочих Мира в Сант-Яго и Вальпарайсо. Большинство заключенных принадлежит именно к этой последней организации, и они привлекаются к ответственности за принадлежность к союзу, стремившемуся к ниспровержению власти и законного порядка.

В настоящее время, в ожидании суда в Сант-Яго, сидят почти все члены Административного совета Индустриальных Рабочих Мира в Чили и представители этого совета в Нумене и Варба Роджа, товарищи Валиени и Соза. Редакторы многих рабочих газет арестованы за «призыв к бунту и ниспровержению существующего строя». Сидят тов. Хуан Шаморо и Сантос Арансибиа, редакторы газеты «Mar y Tierra»; в Вальпарайсо сидит тов. Жуан Вергара, редактор газеты «El Surco». В данный момент происходит судебный процесс тов. Селедино Аренас и Рокабарен, из редакции «El Socialista», и тов. Джорквера и Хернандеса, членов редакции «La Gorada». Из арестованных в Сант-Яго студен.

тов особенной популярностью пользуются тов. Педро Гандульфа и Ригоберто Сото, которые принадлежат к Индустриальным Рабочим Мира, и самоотверженно и героически защищали студенческий клуб и библиотеку от попыток хулиганов предать здание огню. Во время нападения на клуб студентов толпа заставляла революционных студентов целовать национальный флаг и за отказ избила нескольких, в том числе профессоров политической экономии и философии Эвариста Молина и Педро Леона.

В нападении на помещения рабочих организаций в Вальпарайсо принимали участие солдаты и полиция. Они ворвались в зал Индустриальных Рабочих Мира, когда в нем происходило совещание, и, избив всех присутствовавших, арестовали их. На следующий день буржуазная пресса утверждала, что в зале Индустриальных Рабочих Мира были найдены револьверы и взрывчатые вещества, и что поэтому патриоты должны покончить с революционными союзами. Толпа патриотов, конторских служащих и лиц из духовного звания вновь ворвалась в помещение Индустриальных Рабочих Мира, уничтожив на этот раз всю мебель и все документы.

Облава на грандиозное здание Магелланской Рабочей Федерации была совершена в полночь, во время массового митинга. Произошло вооруженное столкновение с солдатами, в результате которого 30 рабочих было убито, а 50 ранено. Толпа, состоявшая из членов Католической Федерации, Патриотической Лиги Чили и представителей военной и гражданской власти, среди которых выделялся губернатор провинции,—расставила пулеметы у здания и подожгла его в нескольких местах одновременно. Пожарной команде запрещено было тушить пожар, и все здание сгорело до основания. Много трупов было найдено потом среди развалин; те же, кому посчастливилось вырваться из огня, были тут же, у горящего здания, схвачены и расстреляны или арестованы.

В ответ на этот и ряд других погромов рабочие всей области, члены красных профсоюзов, об'явили всеобщую забастовку-протест в память погибших. Она продолжалась четыре дня.

„Требовать от пролетариата, чтобы он в последней схватке, не на жизнь, а на смерть, с капиталом, благочестиво соблюдал требования политической демократии — то же самое, что требовать от человека, защищающего свою жизнь и существование против разбойников, чтобы он соблюдал искусственные и условные правила французской борьбы, установленные его врагом, и этим врагом не соблюдаемые".

„Манифест I Конгресса Коммунистического Интернационала".

„Во всей своей работе: как вождь революционной стачки, как организатор подпольных групп, как секретарь профессионального союза, как агитатор на массовых митингах или депутат, как кооператор или баррикадный боец, коммунист остается самим собой, дисциплированным членом коммунистической партии, беззаветным борцом, смертельным врагом капиталистического общества, его экономической основы, его государственных форм, его демократической лжи, его морали, самоотверженным солдатом пролетарской революции и неутомимым провозвестником нового общества.

Рабочие и работницы!

На земле есть только одно знамя, заслуживающее того, чтобы бороться и умирать под ним. Это—знамя Коммунистического Интернационала"!

Манифест II Конгресса Коммунистического Интернационала".

ДОКУМЕНТЫ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОГО КОММУНИСТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ

РЕЗОЛЮЦИЯ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ ВСЕРОССИЙСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ „БУНДА“, СОСТОЯВШЕЙСЯ В МОСКВЕ 5—11 МАРТА с. г.

Обсудив проект слияния «Бунда» с Российской Коммунистической партией, выработанный Комиссией Коминтерна и утвержденный Исполкомом Коминтерна, Чрезвычайная Конференция «Бунда» заявляет:

1. Весь Бунд проникнут единой и твердой волей сомкнуть ряды всего еврейского коммунистического пролетариата под знаменем той партии, программа и тактика которой являются программой и тактикой Бунда,—партии, которую каждый член Бунда считает руководительницей мировой революции, и с которой мы все теснее и теснее сплачивались в совместной борьбе и совместном строительстве Российской Коммунистической партии.

2. Вся конференция проникнута единодушным и твердым убеждением в том, что если бы еврейский коммунистический пролетариат был организован в рядах Коммунистической партии на основе той об'единительной платформы, которую выдвинули XII конференция Бунда и второе общепартийное совещание Об'единенной Евр. Соц. Раб. партии и которая лежит в основе предложений, какие делались во время происходивших в течение года переговоров с Центральным Комитетом Бунда; если бы в Коммунистической партии было сохранено имя Бунда,—это создало бы наиболее благоприятную почву для коммунистического воспитания самых широких еврейских трудовых масс в Советской России, для живой самодеятельности и развития всего еврейского пролетариата, для осуществления пролетарской диктатуры в еврейской жизни и для всестороннего приобщения еврейского пролетариата всех стран к идеям коммунизма.

3. Вся конференция проникнута единодушным и твердым убеждением, что проект комиссии, которая отвергла предложения Бунда и дала отрицательный ответ по вопросу о сохранении в той или иной форме имени Бунда, и создает в настоящий момент недостаточно благоприятные условия для дальнейшего развития еврейского коммунистического движения в рамках Российской Коммунистической партии и может на известное время задержать окончательное приобщение к коммунизму Польского Бунда.

4. Но в то же время конференция считает необходимым установить:

а) Необходимость осуществления действительного единства всех коммунистических сил каждой страны в рамках интернациональной коммунистической партии, постановленная решением II Конгресса Коммунистического Интернационала, должна быть для нас в эпоху социальной революции высшим законом, которому надлежит подчинить все остальные, хотя бы очень важные потребности и требования.

б) При создавшихся условиях, при той позиции, которую по данному вопросу занимает Р. К. П., дальнейшее самостоятельное существование Бунда вне рамок Р. К. П. или привело бы его об'ективно, помимо его воли, к необходимости вести открытую борьбу с Р. К. П., которая позже, в процессе своего развития, могла бы сгруппировать вокруг себя недовольные, не вполне коммунистические, националистически настроенные элементы еврейского рабочего класса; или, при стремлении избежать какой бы то ни было борьбы с Р. К. П., убило бы его политическую активность, парализовало бы его влияние на еврейские рабочие массы, превратило бы его в замкнутый кружок и тем самым лишило бы его возможности исполнить свой коммунистический долг по отношению к еврейским массам как в Советской России, так и в прочих странах.

в) Как ни трудны и неблагоприятны условия коммунистической работы среди еврейских рабочих масс вне организационных форм, предложенных Бундом, работа эта может вестись с успехом только в том случае, если она целиком входит в общий единый план деятельности единственной носительницы Советской власти в России—Российской Коммунистической партии.

5. Проникнутая твердой верой в жизненные силы еврейского рабочего класса, пробужденные к новому творчеству социальной революцией и оплодотворенные действительным единством со всем интернациональным пролетариатом, Конференция убеждена, что еврейское рабочее движение в рамках Р. К. П., рано или поздно, выльется в нормальные и правильные формы, которые ему дал Бунд, и что дальнейшая эволюция партийного строительства Р. К. П., наряду с общим укреплением положения коммунизма, сделает осуществление этих форм неизбежной необходимостью.

Принимая все это во внимание, Конференция постановляет:

Предложение комиссии при Коминтерне о слиянии Бунда с Российской Коммунистической партией—принять.

Этим решением Бунд Советской России вступает в Российскую Коммунистическую партию.

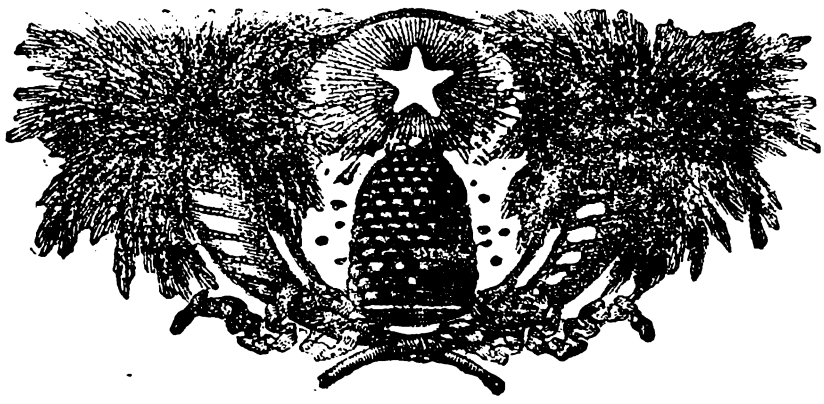
Проведение решения и осуществление об'единения возлагается на Центральный Комитет Бунда.

Конференция уполномочивает Ц.К. предложить Центральному Комитету Р. К. П., чтобы при осуществлении об'единения им была принята во внимание настоятельная необходимость расширения организационных форм, существующих ныне в Российской Коммунистической партии, и чтобы еще раз был пересмотрен вопрос о названии.

Конференция призывает всех членов Бунда об'единиться вокруг решения о вхождении в Р. К. П., дабы внести в Р. К. П. весь коллективный опыт поколений пролетарской борьбы, дабы вновь об'единенный авангард еврейского пролетариата мог рука об руку со всем коммунистическим пролетариатом, в повседневной напряженной работе, при проведении общих и специально еврейских коммунистических задач, фактически создать в Р. К. П. наиболее широкие формы своей самодеятельности и своего влияния на еврейские трудовые массы, а также содействовать тому, чтобы эти формы, как можно скорее, нашли себе открытое признание в рядах Р. К. П.

Конференция призывает всех членов Бунда провести это решение в жизнь с твердой единой волей, с воодушевлением, с полной верой в силы всего еврейского пролетариата, с полным доверием к творческой мысли всего интернационального пролетариата России и нашей единственной руководительницы—Российской Коммунистической партии.

Принята в окончательной форме 47 голосами при 28 воздержавшихся.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА

ИЗ ПРОТОКОЛОВ ИСПОЛКОМА.

РЕЗОЛЮЦИИ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА, ПРИНЯТЫЕ В ЗАСЕДАНИЯХ 17 МАРТА и 29 АПРЕЛЯ 1921 ГОДА.

Заслушав доклад Об'единенной Коммунистической партии и Коммунистической партии Америки, Исполком Коминтерна заявляет: отказ от об'единения этих двух коммунистических групп является преступлением по отношению к Коминтерну.

В то время, как в Соединенных Штатах Америки разразился грандиозный экономический кризис (4,000.000 безработных) и свирепствуют преследования, создающие столь благоприятную почву для коммунистической пропаганды и организационной работы, — в это время несколько тысяч коммунистов растрачивают свои силы на взаимные раздоры организационного характера, раздоры, не имеющие никакого политического основания, и этим подрывают лишь авторитет Коминтерна.

Если обе группы не об'единятся до III Конгресса, Исполком предложит Конгрессу не допускать к участию в нем представителей ни той, ни другой группы.

Исполком приветствует выраженное отдельными членами обеих партий желание об'единиться и предлагает товарищам, в случае продолжения саботажа со стороны вождей, произвести об'единение помимо них.

Исполком заявляет, что нынешнее представительство Американской партии в Исполкоме считается аннулированным впредь до об'единения обеих групп.

ЗАСЕДАНИЕ 29 АПРЕЛЯ 1921 ГОДА.

Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала в заседании 29 апреля подробно обсудил положение, создавшееся в Об'единенной Коммунистической партии Германии. Относительно пресловутой брошюры Пауля Леви царило полное единодушие. С пламенным негодованием говорили о ней все члены Исполкома. Паул Леви—предатель,—таково было общее мнение. От имени Малого Бюро и всего Исполкома тов. Зиновьев заявил: «Это—гнусная ложь, будто Исполком или его представители вызвали мартовское выступление. Эта басня нужна германской контр-революции, на сторону которой стал Леви».

Борющимся и томящимся в тюрьмах немецким братьям были выражены чувства горячей симпатии и любви.

По заключении прений была единогласно принята следующая резолюция:

Обсудив созданное мартовским выступлением положение в Об'единенной Коммунистической партии Германии, Исполком Коминтерна заявляет:

1) Что касается тактических разногласий, возникших по поводу мартовского выступления, Исполком считает нужным, в виду важного международного значения этого вопроса, представить его на обсуждение III Конгресса Коммунистического Интернационала и предлагает германским товарищам озаботиться, чтобы весь материал был предоставлен в распоряжение III Всемирного Конгресса.

2) Исполнительный Комитет лишен возможности решить, должен-ли состоятся чрезвычайный с'езд Об'единенной Коммунистической партии Германии до созыва III Всемирного Конгресса. Исполнительный Комитет полагает, однако, что при господствующем ныне в Германии белом тер-

роре серьезная подготовка и самая работа такого с'езд может, пожалуй, в данный момент оказаться невыполнимой задачей. Если *Центральный Комитет* Об'единенной Коммунистической партии Германии держится такого же мнения, то Исполнительный Комитет приглашает всех немецких товарищей последовать этому решению.

3) Ознакомившись с брошюрой Пауля Леви: «Наш путь против вспышкопускательства», Исполнительный Комитет Коминтерна одобряет решение исключить Пауля Леви из Об'единенной Коммунистической партии Германии, а, следовательно, и из III Интернационала. Если бы даже Пауль Леви был на $^{9}/_{10}$ прав в своих суждениях о мартовском выступлении, то и в таком случае он подлежал бы исключению из партии, в виду неслыханного нарушения дисциплины и в виду того, что своим *выступлением при данных условиях* он нанес партии удар в спину.

4) В виду тех преследований, каким партия подвергается со стороны правительства, Исполнительный Комитет считает безусловной обязанностью всех членов Об'единенной Коммунистической партии Германии, не взирая на все разногласия, сплоченными рядами, при строжайшей дисциплине, вступить в упорную борьбу со свирепствующей реакцией.

Председатель: **Г. ЗИНОВЬЕВ.**

Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала:

Россия: *Н. Ленин, Л. Троцкий, Н. Бухарин, К. Радек.*

Франция: *Россмер* (Rossmer).

Англия: *Квелч* (Quelch), *Белл* (Bell).

Венгрия: *Бела-Кун* (Bela-Kun), *Руднянский, Варга* (Warga).

Польша: *Валецкий* (Walezky).

Болгария: *Димитров, Попов, Шаблин.*

Финляндия: *Куусинен* (Kuusinen), *Маннер* (Manner), *Рахья* (Rahja).

Норвегия: *Фриис* (Friis)

Австрия: *Штейнгардт* (Steinhardt).

Голландия: *Янвен* (Jansen).

Грузия: *Цхакая.*

Латвия: *Стучка.*

Швейцария: *Итчнер* (Itschner).

Персия: *Султан-Заде.*

Коммунистический Интернационал Молодежи: *Шацкин.*

К этой резолюции присоединились также недавно прибывшие из Америки и принимавшие участие в работах Исполнительного Комитета представители Союза Индустриальных Рабочих Мира, товарищи *Д. Хэйвуд* (Haywuud) и *Джек Гросби* (Jack Grosby).

К III КОНГРЕССУ КОМИНТЕРНА.

Малое бюро Исполкома Коминтерна постановило:

III Всемирный Конгресс начнет свои работы не позднее 2 июня 1921 года в Москве.

Исполком публикует настоящий приблизительный список приглашаемых на Конгресс организаций, указывая при этом на его неполноту.

На Конгресс имеют право приехать и те коммунистические организации, которые почему-либо не перечислены ниже.

Россия: Коммунистическая партия. *Германия:* Об'единенная Коммунистическая партия. Коммунистическая Рабочая партия (с совещательным голосом). *Франция:* Французская Социалистическая партия. Революционное меньшинство синдикатов. *Италия:* Коммунистическая партия Унионе Синдакале. Союз железнодорожников. Союз моряков. Социалистическая партия (с совещательным голосом). *Болгария:* Коммунистическая партия. *Польша* и *Восточная Галиция:* Коммунистическая Рабочая партия Польши. Коммунистическая партия Восточной Галиции. Бунд еврейских рабочих (с совещательным голосом). *Чехо-Словакия:* Коммунистическая партия Немецкой Богемии. Марксистская левая чешских социалистов. Словацкая Социалистическая партия (с совещательным голосом). Интернационалистская Социалистическая партия русинского населения (с совещательным голосом). *Англия:* Об'единенная Коммунистическая партия. Левая Независимой Рабочей партии. *Америка:* Коммунистическая партия (об'единенная). Индустриальные Рабочие Мира. *Австрия:* Коммунистическая партия. *Венгрия:* Коммунистическая партия. *Юго-Славия:* Коммунистическая партия. Социалистическая партия автономной области Фюнфкирхена. *Украйна:* Коммунистическая партия. *Финляндия:* Коммунистическая партия. *Швеция:* Коммунистическая партия. *Норвегия:* Рабочая партия. *Испания:* Коммунистическая партия Конфедерацион де лос Трабажадорес. *Дальневосточная Республика:* Коммунистическая партия. *Япония:* Коммунистические группы. *Аргентина:* Коммунистическая партия. Коммунистическая Рабочая Федерация (с совещательным голосом). *Азербейджан:* Коммунистическая партия. *Армения:* Коммунистическая партия. *Грузия:* Коммунистическая партия. *Греция:* Коммунистическая партия. *Бельгия:* Коммунистическая партия. *Голландия:* Коммунистическая партия. *Дания:* Коммунистическая партия. *Швейцария:* Коммунистическая партия. Рабочие союзы швейцарских городов (с совещательным голосом). *Румыния:*

Коммунистическая партия. *Латвия:* Коммунистическая партия. *Эстония:* Коммунистическая партия. Независимая Социал-Демократия. *Персия:* Коммунистическая партия Ирана. *Австралия:* Коммунистическая партия. *Канада:* Коммунистические группы. *Куба:* Коммунистические группы. *Мексика:* Коммунистическая партия. *Центральная Америка:* Коммунистические группы. *Уругвай:* Социалистическая партия. *Чили:* Социалистическая партия. *Ява:* Коммунистическая партия. *Южная Африка:* Международная Социалистическая Лига. *Литва:* Коммунистическая партия. *Португалия:* Коммунистические группы. *Люксембург:* Коммунистическая партия. *Ирландия:* Коммунистические группы. *Исландия:* Коммунистическая партия. *Турция:* Коммунистическая партия. *Хива:* Коммунистическая партия. *Бухара:* Коммунистическая партия (с совещательным голосом). *Палестина:* Коммунистическая партия (с совещательным голосом). *Индия:* Коммунистические группы (с совещательным голосом). *Китай:* Левая Социалистической партии (с совещательным голосом). Коммунистические группы (с совещательным голосом). *Корея:* Коммунистическая партия (с совещательным голосом). Социально-Революционная партия (с совещательным голосом).

Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала предлагает следующим, близко к нему стоящим группам послать делегации в Москву, на III Конгресс Коммунистического Интернационала, чтобы в качестве гостей, в целях информации, как заинтересованным группам, присутствовать на заседаниях Всемирного Коммунистического Конгресса:

Финской Социалистической Рабочей партии; Итальянской Всеобщей Конфедерации Труда; Федерации русских рабочих Южной Америки; Всеобщему Союзу Профсоюзов Греции; Национальному Рабочему Секретариату Нидерландов; Об'единению оппозиционных Профсоюзов Дании; Левой Социалистической партии Бельгии (Брюссельской Федерации); Союзу Анархо-Коммунистов Голландии.

ВОЗЗВАНИЯ И ПИСЬМА.

II и II½ ИНТЕРНАЦИОНАЛЫ, КАК ПОСОБНИКИ РУССКОЙ КОНТР-РЕВОЛЮЦИИ.

Победы Красной армии и все растущее движение протеста со стороны английских и французских рабочих заставили Антанту прекратить открытую войну против Советской России. Руководящая сила всемирной контр-революции, Англия, вынуждена была подписать торговый договор с Советской Россией, так как английские рабочие ожидали от этого сокращения безработицы. И вот государства Антанты изыскивают всяческие способы, как бы свергнуть Советскую власть. Агенты Антанты рыщут по всей России и стараются вызвать крестьянские восстания.

Они заявляют крестьянам, что их земле больше не угрожают ни дворяне, ни белые генералы и что им нет никакой надобности снабжать рабочих хлебом. Крестьянские волнения должны прервать железнодорожную связь между промышленными центрами и хлебными областями, а голод заставит тогда отсталые рабочие массы подняться против Советского правительства — таков план Антанты. Капиталистическая контр-революция спекулирует на том, что в стране, имеющей за собою три года империалистической и четыре года гражданской войны, в стране, которая многие годы была лишена всякого ввоза из-за границы, которая вынесла неслыханные страдания, — часть рабочих должна быть утомлена и истощена и потому склонна поддаваться нашептываниям контр-революции. Рядом с обычными шпионами Антанты, рядом с агентами монархических организаций работают в этом направлении и подпольные организации партии социалистов-революционеров, а также часть меньшевиков, принадлежащих ко II Интернационалу.

Этой агитации удалось вызвать 2-го марта восстание части кронштадтских матросов. Для об'яснения самой возможности подобного восстания нужно принять во внимание, что старые матросы Кронштадта, герои Октябрьской революции, либо пали на многочисленных фронтах гражданской войны, либо служат, занимая ответственные посты в Красной армии или в советских учреждениях. Кронштадтский гарнизон матросов состоял большей частью из крестьян южной России или из буржуазных и мещанских сынков, техников, которые не закончили своего образования и поступили во флот, привлеченные туда сравнительно хорошими условиями жизни.

Недовольные, раздраженные дисциплиной, царившей в крепости и на судах, — без нее Петербург легко мог бы стать добычей для флота Антанты, — эти матросы дали увлечь

себя эсерам, анархистам и монархистам, действовавшим втихомолку под невинно звучащими лозунгами переизбрания Советов. То, что они не осмелились пойти под девизом Учредительного Собрания или монархической реставрации показывает, что, по их же собственной оценке, даже эти отсталые матросы ни в коем случае не стали бы сознательно служить делу контр-революции. Чтобы сделать невозможным соглашение между восставшими и советским правительством, контр-революционеры побудили матросов арестовать коммунистов и представителей правительства, что и повело к разрыву. За спиной матросов они обратились за помощью к капиталистическим правительствам и к контр-революционным организациям за границей, и те тотчас же поняли в чем дело. Начиная с органа эсеров «Воля России», продолжая органом главы кадетской партии Милюкова и кончая генералом Врангелем, все они, об'явили себя солидарными с восставшими, так как отлично понимали, что для контр-революции безразлично, через какие ворота совершит она в'езд в Россию—через правые или левые. Они знали, что единственной возможной формой пролетарской диктатуры в России является диктатура самых испытанных и революционных рабочих и крестьян, принадлежащих к партии коммунистов. Беспартийное советское правительство не могло бы просуществовать и двух недель, так как это было бы правительство наиболее отсталых и наименее сведущих слоев. Оно уступило бы свое место открытому контр-революционному правительству. Поэтому орган Милюкова, парижские «Последние Новости», в номере от 11-го марта, решительно высказался за то, что лозунг «Учредительное Собрание» надо временно устранить и удовольствоваться лозунгом: «долой коммунистов, да здравствует истинно беспартийная советская власть», так как этот лозунг в критический момент, по всем вероятиям, был бы равносилен переходу власти от большевиков к умеренным социалистам. Это правительство, по мнению названной газеты, подготовило бы почву для буржуазного парламента и, так как это мнение кадетского органа отвечает действительному положению вещей, то русские заграничные банки с монархистским вождем Гучковым и б. царским премьером Коковцовым во главе, немедленно послали в Финляндию значительные суммы для поддержки кронштадтского движения. По той же причине французское и американское правительства немедленно мобилизовали помощь Кронштадту под флагом своего Красного Креста. Эта помощь пришла, однако, недостаточно скоро. Красные войска, предводительствуемые коммунистами, перешли в наступление прежде, чем живущим за границей контр-революционным элементам удалось прибыть через Финляндию в Кронштадт и привезти с собой запасы продовольствия. Кронштадтское контр-революционное выступление ликвидировано, и на ряду со многими уроками, которые оно оставило международному рабочему классу, оно помогло ему снять, наконец, маску со II и II½ Интернационала.

Вся пресса II Интернационала,—пресса палача германского пролетариата, Носке, как и королевского бельгийского министра Вандервельде, сейчас же стала на сторону контр-революции, замаскированной радикальными фразами. Но это еще не самое достопримечательное. Ведь, шейдемановцы поддерживали и монархическую контр-революцию в лице Бермонта. Если эти принципиальные противники пролетарской диктатуры высказались за кронштадтских матросов, выступивших, якобы, за действительно Советское правительство, то это вытекало из ясного понимания, что в случае падения в России Советского правительства, королевский бельгийский министр Вандервельде и шейдемановцы увидят воплощенной свою мечту о возвращении единственного законного буржуазного правительства в России.

Гораздо более важным для оценки истинного положения вещей в международном рабочем движении является тот факт, что органы II½ Интернационала, которые, на словах, высказываются за русскую революцию, за диктатуру пролетариата, за советское правительство, на деле тоже пели хвалу кронштадтскому восстанию. В то время, когда сознательные пролетарии России тысячами падали на льду Финского залива в бою против тяжелой артиллерии кронштадтских фортов и своими телами заполняли брешь, образованную кронштадтским восстанием в валу, который защищает Петроград от Антанты, независимая «Фрейхейт» не нашла ничего лучшего, как выставлять тов. Зиновьева губителем русского пролетариата и, таким образом, окружать кронштадтское контр-революционное восстание ореолом мученичества.

Жан Лонге в своем органе «Populaire» напечатал статью в честь кронштадтского восстания. Венская «Рабочая Газета», орган Бауэра и Фридриха Адлера, решительно стала на сторону кронштадтцев. Таким образом, Гильфердинг, Криспин, Диттман, Жан Лонге, Фридрих Адлер, Отто Бауэр, в момент всемирно-исторической важности, перед лицом нового удара со стороны капиталистической контр-революции, стояли рука об руку с Врангелем, Милюковым, Коковцовым и с героями английского и французского шпионажа. Этот факт должен войти в сознание широких пролетарских масс всего мира. Они, без сомнения, поймут теперь, что восстание, за которое высказалось все русское контр-революционное движение, так же, как и все штабы международной контр-революции—есть восстание контр-революционное, хотя бы оно прикрывалось красными флагами и прибегало к лозунгам, под знаком которых была свергнута в России в 1917 году власть буржуазии. Герои II½ Интернационала либо не знают, чего хотят, и как фра-

зеры, при своей полной неспособности разобраться в истинном положении вещей и своей ненависти к Коммунистическому Интернационалу, могут сделаться, как и матросы Кронштадта, орудием контр-революции; либо они сознательные приспешники мировой реакции. Третьего быть не может. И в обоих случаях революционные рабочие должны поставить себе задачей сорвать маски не только с Интернационала Шейдемана, Вандервельде и Гендерсона, но также и с II½ Интернационала Лонге, Гильфердинга, Бауэра и Гримма. Революционные рабочие всего мира, которые все четыре года с замиранием сердца разделяли героическую борьбу русского рабочего класса, последовали за русскими коммунистами и поспешили на помощь Советской России, эти рабочие теперь, при новом походе, предпринимаемом мировым капиталом против Советской России, чтобы взорвать ее извнутри, должны отбросить в сторону не только II, но и II½ Интернационал.

Поэтому долой II и II½ Интернационалы, долой открытых и замаскированных лакеев буржуазии!

Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала.

ПЕРВОМАЙСКОЕ ВОЗЗВАНИЕ.

Рабочие и работницы всех стран!

Снова прошел год, и ни в одной стране мира, за пределами России, рабочий класс не может похвастаться победой—так ликуют капиталисты всех стран. Они чувствуют себя тверже, нежели в прошлом году, и делают вид, словно верят в свою окончательную победу. Снова прошел год, а мы еще не сбросили своего ярма,—отвечают рабочие.

Прошел год, в течение которого власть находилась в руках буржуазии, и она могла показать, что именно в состоянии она сделать. А мир более, чем когда-либо, являет собой картину разрушения. В побежденных капиталистических странах—в Германии, Австрии, Венгрии—нужда возросла; эти страны все больше и больше становятся жертвой международных хищников, скупающих за бесценок последнее добро побежденных. Отечественные эксплуататоры делают при этом хорошие дела, а нужда рабочих все растет и растет. Цены давно уже обогнали высокие заработки—и, взирая на наполненные товарами магазины, миллионы людей не знают, чем накормить своих детей, чем прикрыть наготу своего тела.

А что видим мы в странах победительницах? Четыре миллиона безработных в Америке, два миллиона безработных в Англии, возрастающая хозяйственная разруха во Франции. В Англии, победоноснейшей из стран европейского капитализма, одна стачечная волна сменяет другую, и Ллойд-Джордж вынужден мобилизовать целые армии, дабы иметь наготове свинец и железо для бастующих углекопов, к которым присоединяются железнодорожные и транспортные рабочие.

Властелины парижской, лондонской и нью-йоркской бирж полагали, что они могут обратить в нищих пол мира и, все таки, продолжать спокойно господствовать. Они ошиблись. Нищие не в состоянии покупать, а Армстронг, Виккерс, Шнейдер-Крезо и Вифлеемская Стальная Компания не могут сами потреблять производимых ими стальных болванок и при этом еще жиреть. Прошло более 2½ лет,—*и мировой капитал не смог найти пути к организации мирового хозяйства.* Наоборот, единственное, чего они достигли,—это то, что к старым противоречиям присоединились новые.

Фош переходит Рейн, дабы схватить за шиворот немецкую буржуазию и опустошить ее карманы. Это должно послужить искуплением за ее военные грехи, в которых капитал Антанты чувствует себя столь же неповинным, как новорожденное дитя. Еще не засыпаны окопы мировой войны, а уже роют новые окопы. С возрастающим беспокойством и недоверием следит английская буржуазия за *морскими вооружениями Соединенных Штатов Северной Америки.* Против кого вооружаются они? Против Англии или Японии? И в ответ на это Англия и Япония также вооружаются.

Зверь мировой войны готовится к новому прыжку, он оттачивает свои когти и протягивает свои лапы за новыми пролетарскими жертвами.

Если мировой пролетариат не поднимется, если он не схватит за горло капитализм,—то его ждет не только нищета и порабощение. Этого мало: он увидит, как его вновь потащат на поля битв, и как кровь его вновь будет литься во имя интересов мирового капитала. Предатели пролетариата, Шейдеманы, Ренодели, Гендерсоны вновь заявят, что дело идет «о защите отечества и демократии». Ведь, Вандервельде, вождь II Интернационала и королевский бельгийский министр, еще недавно открыто и цинично согласился, чтобы Франция повела своих сенегальских негров за Рейн против истекающего кровью немецкого народа. И герои II½ Интернационала снова будут иметь случай заняться исследованием вопроса о том, какие «особые условия» в каждой из стран делают понятной и извинительной эту измену пролетариату, и почему пролетариат должен приберечь свой порох до луч-

ших времен,—вместо того, чтобы всадить пулю в сердце умирающего капитализма.

Но будет не так, как думают господа капиталисты и социал-демократы. *Мировой пролетариат не побежден, мировая революция идет вперед.* Правда, пока ее успех состоит лишь в том, что капитализм все в большей и большей мере обнаруживает свою неспособность обеспечить пролетариату хотя бы только сносное рабское существование, — и, в то же время, вокруг знамени Коммунистического Интернационала собираются все более мощные и более сознательные силы.

Но именно потому, что буржуазия изо дня в день вновь доказывает, что она не в состоянии заново организовать мир,—именно поэтому на путь революции устремляются все новые и новые массы, и все крепче смыкаются их боевые ряды.

Советская Россия, этот оплот революции, победоносно отразила натиск войск мировой реакции. Англия, эта цитадель контр-революции, оказалась вынужденной заключить торговый договор с «московскими разбойниками и грабителями». И если 7 лет войны неслыханно ослабили Россию, если нужда среди ее пролетарских масс велика,—то, все же, ее передовые ряды неуклонно стоят под знаменем Советского правительства. Они сумеют мобилизовать из рядов колеблющихся и усталых масс новых бойцов, они сделают все, чтобы путем невероятных усилий, путем создания героической организации, побить новый козырь в руках контр-революции—утомление русского народа. Белый террор, царящий в *Испании* и *Сербии,* показывает, как неуверенно чувствуют себя тамошние властелины.. *В Италии* буржуазия сеет бурю, разнуздывая банды *фашистов.* Немецкая Оргеш служит непрестанным напоминанием для немецких рабочих: «Вооружайтесь! Не падайте духом, какое бы поражение ни постигло вас! Отвечайте на удар ударом, если не хотите быть побежденными! *В Польше* 7000 коммунистов сидят в тюрьмах,—но стачки следуют одна за другой и доказывают, что не быть покою до тех пор, пока не будет переброшен мост между революционной Россией и революционной Германией. Во *Франции,* упоенной победой и охваченной националистическим угаром, сотни тысяч рабочих спали под знамя коммунизма, и никакие преследования не остановят победоносного шествия коммунистической идеи в стране, где эта идея не только была рождена, но и была освящена кровью июньских жертв и мучеников Парижской Коммуны.

Коммунистический Интернационал подготовляет свой *Третий Конгресс.* Этот конгресс будет посвящен не меланхолическим размышлениям по поводу успехов мировой реакции, которым предавались в Вене переживающие похмелье вожди II½ Интернационала, все эти Аддеры, Бауэры, Лонге, Дитманы, Гильфердинги, Вальхэды. Нет, мы будем *оттачивать на нем свое оружие,* мы выбросим все элементы, которые пытаются притупить его. *Не смягчение наших атак,* а нападение более широким фронтом, более глубокими колоннами — вот тот лозунг, с которым мы обращаемся к вам в день 1 мая.

Необходимо повсюду становиться во главе широких, некоммунистических масс в их борьбе за улучшение своего положения. В этой борьбе рабочие массы убедятся, как изо дня в день их предают реформисты и центровики. Они увидят, что Шейдеманы и Гильфердинги, Турати и Даррагона, Ренодели и Лонгэ, Гендерсоны и Макдональды не могут и не хотят бороться не только за диктатуру, но даже за кусок черствого хлеба для пролетариата. Они убедятся, что коммунисты не являются людьми, вносящими раскол в ряды пролетариата, но что, наоборот, именно они суть об'единители пролетариата в борьбе за его лучшее будущее. Они убедятся, что капитализм не хочет и не в состоянии предоставить рабочим хотя бы того, что даст крестьянин своей лошади: достаточно хлеба и достаточно отдыха, дабы рабочий мог собраться с силами для нового труда. Таким образом, воля рабочих к ниспровержению капитализма, к разрушению капиталистической мощи будет возрастать с каждым днем. В любой день может наступить момент, когда широкие массы рабочих не захотят более переносить страданий и мучений, на которые их обрекает умирающий капитализм. *В любой день может создаться такое положение вещей, когда отважное выступление передовых коммунистических рядов увлечет за собой широкие рабочие массы, и задачей дня станет последняя борьба за завоевание власти.* Коммунистический Интернационал призывает вас к величайшей сплоченности и готовности к борьбе. *Мы идем навстречу не периоду медленной подготовительной работы, периоду агитации и пропаганды, а периоду обостряющихся революционных массовых битв.*

Растущая безработица, возрастающая наглость контр-революции, военные опасности уже позаботятся о том, чтобы революционное брожение в массах не прекращалось. Таким образом, задача коммунистов всего мира заключается в том, чтобы быть ударным отрядом пролетариата, кадрами, об'единяющими рабочие массы для битвы. Таким образом, задача нашего, кровью пропитанного, знамени заключается не в том, чтобы служить символом далеких грядущих битв—нет, мы должны нести его впереди в великих массовых битвах, которые породит нынешний и завтрашний день. В день 1 мая мы хотим выявить перед мировой буржуазией эту нашу готовность к борьбе, в день 1 мая мы хотим водрузить наше красное знамя на фабриках, мы хотим нести его впереди наших массовых демонстраций, дабы начертанные на нем слова, как сигналы, сверкали далеко кругом, взывая к порабощенным пролетарским массам:

Сомкните ряды, порабощенные и презираемые, эксплуатируемые и изнуряемые!

Долой открытых и замаскированных прислужников буржуазии!

Да здравствует Коммунистический Интернационал, Красная армия Мировой Революции!

Долой капиталистическое государство, долой буржуазию!

Да здравствует Советская Россия, незыблемая твердыня Мировой Революции!

Да здравствует Мировая Революция и Международный Союз Пролетарских Советских Республик!

Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала.

ВСЕМ КОММУНИСТИЧЕСКИМ ПАРТИЯМ, ВСЕМ КОММУНИСТИЧЕСКИМ ОРГАНИЗАЦИЯМ МОЛОДЕЖИ, ВСЕМ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫМ ОРГАНИЗАЦИЯМ, ПРИНАДЛЕЖАЩИМ К КОММУНИСТИЧЕСКОМУ ИНТЕРНАЦИОНАЛУ И К ИНТЕРНАЦИОНАЛУ КРАСНЫХ ПРОФСОЮЗОВ ИЛИ СОЧУВСТВУЮШИМ ИМ. ВСЕМ РАБОЧИМ И КРЕСТЬЯНАМ ВСЕГО МИРА

Существование Р. С. Ф. С. Р. не дает покоя европейским и американским капиталистам и бандитам.

Им не удалось победить рабочих и крестьян при помощи организованных на английское и французское золото банд чехословаков, Колчаков, Деникиных, Юденичей и Врангелей, не удались их попытки втянуть в войну против Советской России маленькие соседние государства; глубокое разочарование принесла им также попытка восстановления господства русских капиталистов и помещиков при помощи Польши. Мировые разбойники трепещут перед все растущей силой рабочего государства и перед революционным движением рабочих в их собственных странах. Разруха народного хозяйства вызвала во всех капиталистических странах безработицу, которая растет с каждым днем и охватила миллионы трудящихся. Безработные не в силах терпеть дольше. Перед ними, как и перед пролетариатом всего мира, стоит жгучий вопрос: медленная голодная смерть или свержение буржуазного господства и эксплуатации? Никогда еще этот вопрос не был таким животрепещущим, как теперь. Яркий светоч революционной России, в которой пролетариат является вершителем своей судьбы, указывает порабощенным массам путь в их борьбе за освобождение. Для поддержания своего господства английские, французские и прочие империалисты Антанты и Лиги Наций, прежде чем прибегнуть к кровавой расправе с рабочими в собственных странах, могут предпринять новые решительные попытки погасить факел пролетарской революции.

Товарищи! Для того, чтобы обмануть вашу бдительность и отвлечь ваше внимание от их адских замыслов, правительства Антанты, поддерживаемые всеми реакционными и контр-революционными силами Европы, избрали об'ектом своего нового нападения на пролетарскую революцию не прямо территорию Советской России,—она оказалась для них недосягаемой,—а Балканские страны. Это—не случайный выбор. Балканские страны граничат непосредственно с Советской Россией. Революционное движение балканского пролетариата и крестьянства перешло в массовое коммунистическое движение, обнимающее все слои трудящегося населения города и деревни и твердыми шагами идущее вперед под стягом Коммунистического Интернационала. Выборы в парламенты Болгарии, Юго-Славии и Греции показали, каким огромным влиянием пользуются в этих странах коммунистические партии и созданная ими Коммунистическая Балканская Федерация. На этих выборах пролетариат и трудовое крестьянство Балкан проявили свою солидарность с рабочими и крестьянами Советской России и свою твердую волю—сбросить иго балканской буржуазии и учредить свою Социалистическую Федеративную Балканскую Советскую Республику.

Поражение Врангеля, распространение и упрочение революции на Кавказе, усиление националистического движения в Анатолии и поражение греческих войск в Малой Азии, привели в ужас империалистических хищников Антанты. С одной стороны, Балканская Советская Республика составит вместе с Советской Россией единый непоколебимый блок, а с другой, — навсегда освободит Малую Азию и ближний Восток от пагубного влияния английских и французских хищников и вызовет восстание среди порабощенных народов Турции и Персии. Чтобы предотвратить это, правительства Антанты вынуждены были «унизиться» и искать помощи у обанкротившейся балканской буржуазии, присоединившейся к так называемой «Малой Антанте».

Малая Антанта, образованная в Париже и Лондоне из правительств Юго-Славии, Румынии, Чехо-Словакии, Польши, вероятно, также Болгарии и Греции, преследует цель,

посредством незначительных взаимных территориальных и экономических уступок, об'единить балканскую и дунайскую буржуазию для борьбы против революционного коммунистического движения во всех балканских странах и для вооруженного нападения на Советскую Россию.

Товарищи! Осуществление этого замысла уже началось.

Черные силы контр-революции и реакции уже соединились и заняли боевые позиции. Остатки армии Врангеля, тайно поддерживаемые французскими империалистами, заняли различные стратегические пункты во Фракии, Македонии и Югославии. Все буржуазные партии на Балканах об'единились при поддержке социал-предателей (в Румынии—социал-патриоты; в Болгарии—«широкие» социалисты; в Юго-Славии—центровики и социалисты) и в союзе с балканскими правительствами, образовали блок против красного призрака пролетарской революции. Во всех балканских государствах начался дикий террор против коммунистической партии и профсоюзов. В Греции арестуются, преследуются коммунистические агитаторы и создаются всяческие помехи развитию коммунистической печати. Представителей национальных меньшинств истязают и высылают за то, что они на выборах голосовали за коммунистических кандидатов. В Румынии террор не поддается никакому описанию. Рабочие клубы закрываются. Рабочих и их коммунистических вождей арестовывают и истязают. Недовольство крестьян подавляется путем военных экспедиций и жестокого полицейского режима. В Болгарии выдающихся рабочих и коммунистов арестовывают и истязают в полицейских участках. Распускают городские управы, а членов их арестовывают и высылают. Цензура уничтожает коммунистические газеты и журналы. Вожди профессионального движения, несмотря на то, что они состоят членами «демократического» парламента, предаются этим же самым парламентом военному суду по обвинениям в организации вооруженного восстания против государства. Но высшей своей точки буржуазный террор достиг в Юго-Славии. Коммунистическая партия Юго-Славии министерским приказом об'явлена распущеной. Все ее клубы, народные дома, типографии, книжные лавки, газеты и журналы конфискованы. Бастующие рабочие насильно мобилизуются, арестовываются и подвергаются истязаниям. В Загребе, Вуковаре, Белграде и Македонии арестованные коммунисты и вожди профессионального движения избиваются полицией. Русские контр-революционеры и врангелевские бандиты помогают полиции и жандармерии при арестах и избиениях юго-славских большевиков. На каждом шагу—террор, политические убийства коммунистов. Все это с молчаливого согласия учредилки, в которой, за исключением коммунистов, не нашлось ни одного депутата, ни одного представителя юго-славских «демократов», который заявил бы протест против министерского декрета, ставящего вне закона деятельнейших граждан страны. Для трудового населения Юго-Славии это служит лишним доказательством, что учредилка является выражением не народной воли, а воли убийц и насильников народа. Она сама обнаруживает свою истинную природу, свое лицемерие и жестокость. Пролетариат и трудовое крестьянство видят теперь, что чистая демократия и «народный» парламент—только ширма, за которой скрывается гнуснейшая диктатура монархистов, буржуазии и капиталистических насильников.

Товарищи! Пролетариат Юго-Славии и Балкан не уклонится от предстоящей ему борьбы, он не устрашится многочисленных жертв, которые возложит на него эта тяжкая борьба. Он поднимет брошенную ему перчатку и соберет все силы, чтобы отразить подлый удар балканского и мирового империализма. Но, товарищи, эта борьба—лишь звено в общей цепи великой классовой борьбы против буржуазии и поэтому дело не одного только балканского пролетариата. Сегодня очередь дошла до него, завтра она дойдет до вас; если балканский пролетариат будет побежден, то ваше поражение неизбежно. Вы должны воспрепятствовать этому преступлению. Напрягите все ваши силы, все ваше внимание! Изобличайте перед своими трудящимися массами преступное коварство ваших империалистических правительств, которые хотят задушить русскую революцию и революционное движение на Балканах, чтобы заковать вас еще крепче в цепи капиталистического рабства.

Сомкните теснее ряды коммунистических партий и приготовьтесь к борьбе против господства капиталистов! От обороны перейдите в наступление! Пролетариат может победить только так.

Восстаньте к борьбе на защиту балканского пролетариата!

Восстаньте на защиту русской революции!

Восстаньте против господства и диктатуры буржуазии!

Смело поднимите знамя вашего освобождения!

Да здравствует братская солидарность пролетариата всего мира!

Да здравствует мировая революция!

Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала.

К ПРОЛЕТАРИЯМ ВСЕХ СТРАН.

Рабочие и работницы!

Антанта — с французским правительством во главе — собирается затянуть петлю на шее Германии, дабы заставить ее согласиться на требования, означающие экономическое самоубийство шестидесяти-миллионного народа.

Германская буржуазия, корыстная, кровожадная и зверски-жестокая, когда она, под защитой пушек, владычествовала почти над половиной мира, — теперь не в состоянии защищать жизненных интересов германского народа. Не только потому не может она отклонить требований Антанты, что допустила разоружение германского народа, но, главным образом, потому, что, боится безоружных германских рабочих еще больше, чем с ног до головы вооруженных антантовских солдат, — потому что погруженная по колено в кровь германского пролетариата, она знает, что потерявшие к ней доверие рабочие других стран точно также ненавидят ее. Если же она примет условия антантовских ростовщиков, то экономическое положение Германии ухудшится настолько, что доведенные до отчаяния рабочие вынуждены будут восстать против хищнической Антанты и ее германских приказчиков.

Взывая к вам в настоящий момент, мы не знаем, не согласилась ли уже германская буржуазия склониться под иго Антанты, чтобы предотвратить оккупацию Рурской области. Ведь, удар ей уже нанесен!

Подняв смуту в Верхней Силезии с помощью возглавляемых Корфанти партизанов, шайка польских империалистов нанесла удар в спину. Но, будет ли Германия оккупирована новыми сотнями тысяч французских солдат или нет, положение ясно: германский народ не должен оставаться хладнокровным.

Германские рабочие! Если вы станете терпеть правительство капиталистов и юнкеров, правительство, которое, защищая наглых негодяев императорских разбойничьих банд, громоздит из рабочих горы трупов, то вы вместе с тем поможете хищникам империалистской Антанты заковать Германию в цепи рабства. Русский народ, прогнавший царя с его приспешниками и буржуазный сброд вслед за ними, не только нашел в себе силы для защиты своих прав против Антанты, но и сумел привлечь на свою сторону рабочих всего мира. Опираясь на Красную армию и ее героизм, он с помощью пролетариев всех стран победил вооруженные Антантой контр-революционные войска и принудил гордую Англию — этот оплот мировой контр-революции — заключить мир с Советской Россией. Лишь в сокрушении классового правительства Стиннеса, в установлении господства рабочего класса и в союзе Советской Германии с Советской Россией пролетариат может найти свое спасение, если он не желает погибнуть в двойных цепях германской и антантовской буржуазии.

Но вам, пролетарии Франции, Англии и всех вассальных государств Антанты — Италии, Бельгии, Чехо-Словакии и Польши, — мы говорим: восстаньте решительно против грабительского похода, затеваемого вашими правительствами — не ради буржуазной юнкерской Германии, но ради самих вас! Если вы позволите главарям вашей буржуазии послать новые войска против Германии, то, недолго ждать, и вы увидите, как торжествующий в оккупированных провинциях белый террор будет шагать в кровавом тумане по вашим трупам.

Если вы позволите удушить Германию, то скоро убедитесь, что тяжкий труд германских илотов нужен вашим хозяевам для понижения вашей заработной платы и для вашего же порабощения. Предотвратите это! К пролетариям Антанты и всех союзных с ней стран обращаемся мы с призывом: всеми средствами боритесь против нового похода!

Когда германские пролетарии выступят с лозунгом:

«Долой германское правительство капиталистов!

«Да здравствует Советская Германия!

«Да здравствует Союз с Советской Россией!»

Пусть по ту сторону Вислы и Эльбы, по ту сторону Рейна и Ламанша раздастся живой отклик:

«Долой версальских разбойников!

Мир хижинам — война дворцам!»

Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала.

Москва, 7 мая 1921 г.

ВОЗЗВАНИЕ ИСПОЛКОМА КОМИНТЕРНА К ПРОЛЕТАРИЯМ ВСЕХ СТРАН.

Долой рабское иго Антанты!

Рабочие и работницы!

Войска Антанты, нарушив Версальский мирный договор, и без того возмутительно жестокий, заняли важные промышленные области Германии, чтобы вынудить германский народ согласиться на условия, которые, будучи проведены в жизнь, означали бы полнейшее порабощение германского рабочего класса. Два с половиной года прошло со времени заключения Версальского мира, два с половиной года Антанта имела возможность показать, на каких основах она будет заново организовывать победоносную мировую буржуазию; два с половиной года имела она случай показать, в состоянии ли победоносный капитал обеспечить пролетариату, терпящему его господство, работу и хлеб. Четыре миллиона безработных в Америке, два миллиона безработных в Англии, растущая безработица во Франции рядом с ненаходящими сбыт запасами товаров—вот первый ответ Антанты на вопрос, как победоносный капитал будет устраивать мир! Растущая нищета в Германии, вымирание Австро-Венгрии—вот второй ответ! Победоносные капиталистические страны производят массу товаров, которые не находят сбыта потому, что Средняя и Восточная Европа разорены Антантой и не в состоянии ничего покупать. Отсюда безработица. С другой стороны, средняя и восточная Европа задыхаются от недостатка необходимейших товаров, потому что политика Антанты убивает их покупательную силу или же, как она это сделала с Советской Россией, произвольно отрезывает их от всего мира. Правительства победоносного капитализма чувствуют угрозу растущей безработицы, которая должна вызвать революционные движения, и видят только один выход из этого положения: поставить Германию на колени, наложить иго на германский народ, заставить его выплачивать Антанте невероятную контрибуцию, несмотря на всю нищету и голод. Если бы этот план удался, то единственным его результатом было бы переполнение Франции, Англии и Америки германскими промышленными изделиями, увеличение безработицы в странах Антанты и полнейшее порабощение германских рабочих, которые должны были бы томиться под двойным игом: под игом собственных капиталистов и капиталистов Антанты. Германское капиталистическое правительство не могло и не может защитить германский народ от этого порабощения, а мировой пролетариат от дальнейшего расстройства мирового хозяйства.

II.

Правительство нынешней Германии воздвигло свое господство на костях 20,000 убитых ими рабочих и боится германской рабочей массы больше, чем всех скорпионов Антанты. До сих пор оно все еще надеялось на возможность компромисса между германским и антантовским капиталом,—компромисса, который позволил бы германскому капиталу удержать возможно большую часть прибыли в своих руках и выжать из германских рабочих контрибуцию для Антанты.

Ради милости жить на хлебах у антантовского капитала, в качестве его приспешника по эксплуатации германских рабочих, германская буржуазия не только была согласна на всякое унижение, она готова была продать Антанте германских рабочих в качестве пушечного мяса против Советской России. Но парижские и лондонские ростовщики настояли на своем векселе; им нужна была последняя капля крови и пота германского пролетариата. Прижатая к стенке решением парижской конференции, германская буржуазия валится с ног и не знает, как выйти из этого положения.

II Интернационал, выступавший некогда за освобождение народов, также виноват в создавшемся положении. Во-первых, потому, что во время империалистической войны он отдал пролетариат в полное подчинение капиталу и, таким образом, сделал возможной победу капитализма, которая принесла народным массам безработицу и бесправие. Во-вторых, потому, что он непосредственно участвовал в парижских и лондонских постановлениях, этих преступных посягательствах на жизнь германского народа. Когда германская социал-демократия участвовала в правительстве вместе с германскими капиталистами, она помогла им обезоружить германский рабочий класс, она вместе с ними ставила препятствия союзу германских рабочих с русскими рабочими, а, между тем, этот союз заставил бы Антанту не играть судьбой германских рабочих масс. Если германская социал-демократия расчистила дорогу, приведшую сначала к Версалю, а теперь к парижским постановлениям, то Бельгийская социал-демократическая партия, член II Интернационала, непосредственно участвовала в этих последних. Господин Вандервельде, председатель, а теперь член II Интернационала, является соучастником парижских решений. Он стоит заодно с ренегатами II Интернационала, Брианом и Ллойд-Джорджем: требует с обнаженным мечом принятия парижских решений, и в подкрепление своего требования посылает в рейн-

скую Вестфалию батальоны сенегальских негров.

III.

А что делает II½ Интернационал, жалкий Интернационал глупцов, который недавно собрался в Вене? Обращается к разуму умирающего капиталистического мира, болтает о защите против «невыполнимых» требований Антанты.

Они не могут быть названы невыполнимыми. Возможность их выполнения, возможность порабощения 60 миллионов кликой парижских и лондонских банков, именно эта возможность является результатом войны, против которой герои II½ Интернационала не могли выдвинуть ничего, кроме покорного лепета о соглашении капиталистов. Эта возможность является результатом политики Адлера, Гильфердинга, Лонге и Валлхеда, которые после войны вели борьбу с капитализмом только на словах и всячески тормозили рост революционных сил.

Рабочие и работницы всех стран! Коммунистический Интернационал не взывает к разуму умирающего старого строя, ибо знает, что капиталистический строй не в состоянии организовать мир на сколько-нибудь разумных началах. Коммунистический Интернационал не надеется на то, что можно сдержать победоносную буржуазию парламентскими протестами. Коммунистический Интернационал расчитывает только на революционную энергию пролетарских масс во всех странах. Он говорит французским, английским, американским, бельгийским и итальянским рабочим: если вашим хозяевам удастся наложить на Германию ярмо и выжать из нее контрибуцию, то это принесет не только растущую нищету в Германии, но и растущую нищету во Франции, Англии, Америке, Бельгии и Италии, так как переполнение ваших рынков германскими товарами обречет вас на все возрастающую безработицу и нужду. Поэтому пролетарии стран Антанты не должны довольствоваться словесными протестами; могущественные уличные демонстрации должны внушить буржуазии, что вы не будете спокойными зрителями их позорной игры. Коммунисты всех тех стран, войска которых находятся сейчас на германской земле, обязаны развить усиленную агитацию среди солдат и об'яснить им, что они действуют, как палачи германского народа, что их долг отказаться от этой позорной роли.

А к германским рабочим Коммунистический Интернационал обращается с призывом оставить всякую надежду на то, что капиталистическое правительство Германии в состоянии так или иначе защитить интересы германского народа перед Антантой. Это правительство старых лакеев Вильгельма, это правительство грабителей и вешателей Бельгии, северной Франции, Сербии и России лишь на руку Антанте. Чтобы быть в состоянии дать отпор Антанте, германский пролетариат должен послать свое правительство к чорту... Он должен показать, что разрывает всякую связь с этими преступными рабами Вильгельма II. Свержение капиталистического правительства Германии, учреждение пролетарского правительства — первое условие, чтобы защититься от хищнических планов Антанты. Вторым шагом должен быть союз германской пролетарской республики и русской Советской Республики. Своей трехлетней геройской борьбой Советская Республика заставила победоносную капиталистическую Англию заключить с ней мир; она показала международному пролетариату, что он,—если только пожелает,—не окажется безоружным перед международным капиталом. Образование Германской Советской Республики, ее Союз с Российской Советской Республикой показал бы Антанте, что власти тиранов есть предел; симпатии пролетариев всех стран были бы на стороне борящихся за свои права и за свое существование рабочих. Это ускорило бы революционное развитие во всем мире и создало бы почву для совместной работы по восстановлению потрясенного, обнищавшего и истекающего кровью мира.

Пролетарии всех стран! Каждый день, в который вы не подвинулись вперед в борьбе против капитализма, несет вам все большую хозяйственную разруху, с каждым таким потерянным днем растет опасность, что, когда, наконец, истощится ваше терпение, и вы почувствуете себя вынужденными воссоздать своими руками расшатанный мир, вы увидите себя стоящими перед грудой развалин.

Пролетарии всех стран! Коммунистический Интернационал призывает вас отбросить ваши колебания и удесятерить свои усилия для натиска на Бастилию капитализма.

Долой рабское иго Антанты! Долой германское капиталистическое правительство!

Да здравствует Германская Советская Республика!

Да здравствует ее союз с Российской Советской Республикой!

Да здравствует мировая революция!

Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала.

РЕВОЛЮЦИОННЫМ РАБОЧИМ ГЕРМАНИИ.

Впервые после январских и мартовских дней 1919 г. революционные пролетарии Германии вступили в борьбу против капиталистического правительства не только для того, чтобы получить от него кусок хлеба, чтобы выразить протест против свирепствовавших белых банд, но и для того, чтобы подготовить конец господству германских эксплуататоров. Впервые вступили они в борьбу сплоченной массой, движимые единой волей. Они доказали всей Германии, что миллионы пролетариев готовы жертвовать своей жизнью, чтобы освободиться от господства капитала.

Этот первый организованный приступ революционного германского пролетариата не увенчался успехом. Пролетариат потерпел поражение благодаря *бессовестному предательству* Социалистической партии Германии, члены которой—все эти Герзинги и Северинги играют роль Носке, даже теперь, при чисто-буржуазном правительстве. Далее, благодаря открытому переходу Независимой Социалистической партии Германии в лагерь контр-революции, пролетариат не сумел создать единого фронта против об'единенной буржуазии. Опираясь больше на разброд среди пролетариата, чем на свои штыки, германская буржуазия еще раз торжествует победу. Но ее торжество кратковременно. В своей борьбе пролетариат приобрел большой опыт. Он сумеет лучше, чем до сих пор, подготовить предстоящую борьбу, и его призыв к оружию найдет отклик в более широких массах, ибо буржуазия еще меньше будет склонна, еще меньше будет в состоянии удовлетворить самые незначительные требования пролетариата.

Герзинг победил, но Фош стоит на Рейне; и победители на полях гражданской войны чувствуют на своей шее петлю победоносного мирового капитала. Буржуазия, чувствуя, что она не может опираться на побежденные рабочие массы, будет уступать требованиям победоносного мирового капитала, чтобы свалить все тяжести, возлагаемые Антантой на спину германского пролетариата.

Скоро настанет минута, когда рабочие, бессовестно обманутые С. П. Г., Н. С. П. Г. и профессиональной бюрократией, поймут, что нужно сделать выбор между позорным прозябанием под двойным гнетом германского и антантовского капитала и смелой об'единенной борьбой за власть, за Советскую Германию. Мы вместе с вами оплакиваем геройски погибшие жертвы пролетарской освободительной борьбы. Мы вместе с вами с гневной горечью думаем о страданиях арестованных товарищей, которые отданы на произвол черствой гильотины демократического военного суда.

Первый приступ авангарда германского пролетариата потерпел поражение. Буржуазия и ее лакеи попытаются внести разложение в ряды отступающего войска.

Коммунистический Интернационал говорит вам: Вы поступили правильно! Рабочий класс никогда не может победить одним ударом. Вы открыли новую страницу в истории германского рабочего класса. Готовьтесь к новым боям, изучайте опыты вашей борьбы, учитесь по этим опытам! Сомкните свои ряды, усильте свою легальную и нелегальную организацию, пролетарскую дисциплину и коммунистическое единство борцов!

Думайте о жертвах нового марта!

Да здравствует об'единенный коммунистический пролетариат Германии!

Да здравствует пролетарская революция в Германии!

Да здравствует Коммунистический Интернационал!

Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала.

Москва, 6 апреля 1921 года.

ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА С'ЕЗДУ ЛЕВЫХ ЧЕХО-СЛОВАЦКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ

Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала, посылая братский привет вашему С'езду, надеется, что он станет учредительным с'ездом Чехо-Словацкой Коммунистической партии.

Два с половиной года прошли с тех пор, как Чехо-Словакия стала самостоятельным государством. Чешские рабочие с величайшим доверием и надеждой взирали на независимую Чехию. Освободившись от притеснений чуждой им австрийской бюрократии, они считали себя хозяевами в своем доме. Но скоро им пришлось убедиться, что хозяевами в Чехии являются не пролетарские массы, а чешские и немецкие капиталисты, землевладельцы и ростовщики. В управлении страною

принимали участие чешские социал-демократы (Туссар, Неметц и Сукуп), от которых чешские рабочие ждали помощи в борьбе со все возраставшей нуждой. Но в коалиционном правительстве социал-демократы были лишь пленниками буржуазии и предателями чешского и мирового пролетариата. Рабочая масса,—под влиянием националистических настроений, смотревшая на коммунистов, как на русских агентов, и не пожелавшая их защищать, когда правительство вместе с социал-демократами, подняло дикую травлю против Муна и других товарищей,—стала постепенно отрезвляться; среди старой социал-демократической партии все более и более росло число рабочих, пришедших к убеждению, что не в соглашательстве, а в борьбе с буржуазией интересы рабочего класса могут найти себе защиту, — что, лишь разрушив капиталистический строй и установив пролетарское советское правительство, чешские рабочие станут хозяевами своей страны. В среде прежней социал-демократии произошел раскол. Революционные рабочие отделились от соглашателей-социалистов и во время большой декабрьской забастовки доказали, что их преданность коммунистической идее—не пустые слова.

Но декабрьская забастовка обнаружила не только смелость и энергию чехословацких революционных рабочих, но и те организационные и политические недостатки, которые укоренились в основанной ими партии левых социалистов. В декабрьской забастовке было заметно полное отсутствие не только организационного, но и политического руководства. Это обусловливалось достаточно весскими причинами, ибо верхи партии изобиловали элементами, которые, сознательно или бессознательно, саботировали коммунистическое движение.

Если эти элементы до сего времени не имели смелости открыто примкнуть к Коммунистическому Интернационалу, ссылаясь на националистические настроения среди рабочих; если они до сего времени не смели открыто об'единиться с коммунистами немецкой части Чехо-Словакии,—то это ясно доказывает, что они неспособны решительно порвать с чешской буржуазией, ответить беспощадным ударом на ее удары и в благоприятный момент перейти в наступление.

Мы надеемся, что С'езд примет название «Коммунистической партии» не только для того, чтобы внешне отмежеваться от позорной соглашательской тактики социал-демократов, но и для того, чтобы на деле ясно и определенно присоединиться к основным положениям и тактике Коммунистического Интернационала.

Исполнительный Комитет Коминтерна, не упускал из виду, что нужно прибегать к мерам предосторожности, если этим обусловливается привлечение больших рабочих масс. Но кто не понимает, что побороть национализм можно, лишь открыто противопоставляя ему знамя интернационализма и об'единяя рабочих всех наций в одно государство—в одну партию; кто не понимает, что нелегальная организация в период мировой революции является необходимостью для подготовки борьбы с буржуазией, тот не осторожный коммунист, а центрист, который слишком осторожен, чтобы выступать открыто сторонником II½ Интернационала.

Время половинчатых решений миновало. II½ Интернационал доказал, что тот, кто хочет лавировать между революцией и контр-революцией, должен в решающий момент очутиться в лагере контр-революции: германская независимая партия в мартовские дни сражалась на стороне контр-революции; во Франции партия Лонге, которая перед тем демонстрировала свои заслуги в борьбе за Советскую Россию, во время кронштадтского мятежа всецело об'единилась с главарями русской контр-революции: Милюковым, Гучковым и Врангелем. Этим обнаруживается стремление быть и тут, и там, стремление образовать в Коммунистическом Интернационале правое крыло, которое, в сущности, было бы не чем иным, как II½ Интернационалом.

Исполнительный Комитет твердо надеется, что, наученные опытом декабрьской забастовки, чешские коммунисты не пойдут за Серрати и Леви, а присоединятся к тезисам и тактике Коминтерна; из последних же явствует, что лишь тот, кто готов об'единить коммунистов в одну партию для борьбы не на живот, а на смерть за диктатуру пролетариата против капитализма, в партию решительных сознательных и революционных рабочих,—лишь тот может считаться коммунистом и принадлежать к Коммунистическому Интернационалу. Только в этих пределах возможны уступки лицам и традициям. Всякий дальнейший шаг уже ведет в болото центризма.

Коммунистическому Интернационалу известна революционная энергия, проявленная чешскими рабочими даже в то время, когда они стояли на ложном пути национализма. Он твердо уповает, что эта революционная энергия в соединении с коммунистическим сознанием приведет к образованию в Чехо-Словакии Коммунистической партии народных масс и революционного действия.

Да здравствует же об'единение немецких, чехо-словацких и венгерских пролетариев в Чехо-Словакии!

Да здравствует об'единенная, готовая к борьбе коммунистическая партия народных масс в Чехо-Словакии!

Да здравствует Коммунистический Интернационал!

Да здравствует мировая революция!

Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала.

КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ ЧЕХО-СЛОВАКИИ.

Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала, получив сообщение о решении вашего с'езда, шлет братский привет рабочим Чехо-Словакии и их отныне окончательно сложившейся коммунистической партии. Передовые пролетарии Чехо-Словакии сумели преодолеть и пережитки нацианализма и колебания шатких вождей и гнет буржуазной реакции. Ваша партия, насчитывающая не одну сотню тысяч членов, мы уверены, сумеет занять одно из первых мест в Коминтерне. Мы шлем особо горячий привет нашим славным товарищам, томящимся в тюрьмах Чехо-Словакии. Мы ждем от вашей партии возможно более многочисленную делегацию на III Всемирный Конгресс Коминтерна.

Да здравствует единая могучая Коммунистическая партия Чехо-Словакии!

Да здравствует мировая революция!

Председатель Исполкома
Коминтерна **Г. ЗИНОВЬЕВ.**

23 мая, 1921 г.

ВОЗЗВАНИЕ К ИТАЛЬЯНСКОМУ ПРОЛЕТАРИАТУ.

Дорогие товарищи!

Указом королевского правительства распущен парламент, и назначены новые выборы. Правительство Джиолитти, которое все называют последним королевско-буржуазным правительством, пытается организовать новое парламентское представительство, противопоставляя революционному пролетариату единый буржуазный фронт, подкрепляемый партизанской борьбой продажных террористических групп фашистов.

Товарищи рабочие! Вам придется итти к урнам в несколько иной обстановке, чем на предыдущих выборах: буржуазия теперь обнаглела. Со времени перемирия Италия является страной, остро переживающей революционный кризис. Все побывавшие у власти буржуазные партии доказали свою полную неспособность вывести страну и народные массы из тяжкого экономического положения. Из всех стран-победительниц Италия наиболее остро чувствует результаты этой «победы». Всем ясно, что и Нитти и Джиолитти обманывали и обманывают народ, чтобы только выиграть время, делая бумажные уступки, отнимая левой рукой то, что они дают правой. Все мероприятия бывших правительств свелись к созданию новой армии для защиты порядка и собственности (королевская гвардия), усилена жандармерия, повышена цена на хлеб, налоговое обложение доведено до максимума, бумажный денежный поток становится все грознее, дороговизна все растет, безработица увеличивается, и закрытие фабрик и сокращение рабочих часов начинают принимать катастрофический характер. Итальянская буржуазия чует свой последний час, и потому-то она с таким злобным бешенством провоцирует и терроризирует рабочие массы наемными бандами из отставных, оставшихся без дела офицеров, из студентов, папенькиных сынков, разрушает народные дома, редакции газет. Гражданская и партизанская война стали в Италии бытовым явлением.

Наступление буржуазии предшествовало наступлению пролетариата. И это случилось только потому, что старая Социалистическая партия, состоявшая из разнородных и разномыслящих элементов, не смогла использовать несколько раз представлявшуюся возможность для решительного боя против буржуазии, для победы пролетариата. Как и всюду, оппортунистические и реформистские элементы Италии делали и делают одно и то же: сознательно или бессознательно помогают буржуазии восстановить капиталистическое хозяйство.

Товарищи рабочие! Начиная с перемирия, вам уши прожужжали о необходимости поднять производительность труда, сократить потребление предметов первой необходимости и т. д., и т. д.

И так поступали и поступают не только буржуазные писатели, сколько, так называемые, социалисты-реформисты, которые, оставаясь в старой Социалистической партии, продолжают свою пропаганду против революции, за сотрудничество с буржуазией. Очевидно, история последних лет ничему не научила этих господ, но зато многому научила рабочих, которые умеют ныне отличать друзей от врагов. Ваши же реформисты плакались и плачутся при каждом случае, когда фашистские банды орошают кровью рабочих и крестьян улицы итальянских городов и деревень; они только и делают, что призывают всех к примирению, к успокоению и к разоружению. А что означает это в теперешних условиях для итальянского пролетариата? Да не что иное, как капитуляцию, как разоружение рабочего класса в то время, как буржуазия остается в полном вооружении. Нет! Не слезливыми речами можно унять сорвавшегося с цепи бешеного пса, — буржуа-фашиста, а

только организованной и сплоченной борьбой. В ответ на зверства жандармерии и фашистов итальянский рабочий класс должен поставить своим лозунгом разоружение фашистов и вооружение рабочих.

Товарищи рабочие! Впервые в выборах принимает участие молодая Коммунистическая партия, секция Коммунистического Интернационала. Вы помните, конечно, историю ее возникновения, вы помните, как на Ливорнском с'езде реформисты, благодаря защите Серрати и его группы, остались в партии и заставили уйти из нее наиболее революционное крыло Социалистической партии—коммунистов. Дальнейшие события как во внутренней жизни партии, так и в политической жизни Италии, показали и доказали, что, так называемые, «об'единенцы», с Серрати во главе, фактически содействовали и содействуют тлетворному и развращающему влиянию оппортунистов на пролетариат, т. е. в конечном счете, буржуазии. И на это, собственно, расчитывает хитрая лиса итальянской буржуазии, Джиолитти. Он прекрасно знает, что в старой Социалистической партии очень сильны всякие парламентские, профессиональные, кооперативные и муниципальные деятели-реформисты, которые не скрывали и не скрывают одного своего желания: итти в правительство, сотрудничать с буржуазией или, как они говорят, заняться «конструктивной» работой. При таких обстоятельствах мы верим и надеемся, что хотя и коротка политическая жизнь молодой Коммунистической партии, но она уже сумела своей беззаветной и безграничной преданностью и защитой рабочих интересов завоевать симпатии всего итальянского пролетариата. Только Коммунистическая партия шла рука об руку со всеми теми рабочими, которые боролись и пали во Флоренции и др. итальянских городах. Только эта партия об'являет прямо и открыто свою революционно-коммунистическую программу, только она ставит своей задачей подготовку и организацию вооруженного восстания, только она не скрывает своего лозунга: *насилию буржуазии нужно противопоставить организованное насилие пролетариата.*

Товарищи рабочие! Депутаты профессионалистской бюрократии из старой Социалистической партии станут, конечно, давать, как это всегда бывает во время парламентских выборов, всякого рода несбыточные обещания. Но Итальянская Коммунистическая партия, секция Коммунистического Интернационала, имеющая на своем знамени символ Советской Республики, говорит вам без всякой дипломатии, что она идет в парламент не для «органической работы», а для коммунистической пропаганды и агитации, для использования парламентских возможностей и трибуны в интересах еще большего сплочения и организации пролетариата для решительной схватки с буржуазией, для революции.

Товарищи рабочие! Помните о своем братском долге солидарности и помощи по отношению к Советской России, которая уже четвертый год, отбив все атаки мировой буржуазии, готовится к мирной работе, необходимой не только рабочим и крестьянским массам Советской России, но и пролетариям всего мира. А свою любовь, свою братскую солидарность с российским пролетариатом, с Российской Социалистической Федеративной Советской Республикой вы можете показать и проявить, послав в цитадель буржуазии, в ее парламент, наибольшее количество коммунистов-революционеров. Они уже позаботятся о том, чтобы помочь вам, чтобы помешать планам буржуазии оседлать пролетариат, закрепостить его, и своими решительными пардаментскими выступлениями, комбинированными с массовыми выступлениями на улице, они сумеют приблизить момент полной победы пролетариата—торжества коммуиизма в Италии.

Голосуйте же только за кандидатов Итальянской Коммунистической партии!

Голосуйте за Коммунистический Интернационал и за его Итальянскую секцию!

Голосуйте за Советскую Россию и ее братскую партию, Коммунистическую Итальянскую партию!

Да здравствует итальянский пролетариат и его представительница, Итальянская Коммунистическая партия!

Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала.

ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА С'ЕЗДУ БОЛГАРСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ.

Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала шлет свой братский привет С'езду Болгарской Коммунистической партии.

Идя по стопам храбрых и стойких тесняков, Болгарская Коммунистическая партия является одной из лучших партий народных масс в рядах Коммунистического Интернационала. Одной из первых она стала на почву основных принципов коммунизма и, примкнувши к коммунизму, сумела тесными узами связать себя со страданиями рабочих

и крестьянских масс. Она сумела завоевать новые могучие позиции и стать угрозой для правительства капиталистов и деревенских ростовщиков.

Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала питает надежду, что Болгарская Коммунистическая партия на своем С'езде усердно займется вопросами своей организации и своей революционной активности, — обсудив самым тщательным образом, соответствуют ли эти два фактора тем задачам, которые история вменяет в обязанность Коммунистической партии.

Участие в парламенте и муниципальных советах не должно иметь своей целью достижения мелких реформ, но служить пробуждению и революционизированию народных масс. Эти революционные действия обусловливаются существованием нелегальных организаций, ибо легальные организации в любой момент борьбы будут уничтожены буржуазией. Революционные действия не падают с неба, и их предпосылки не могут быть созданы с помощью одной только агитации и пропаганды. Напротив, они рождаются лишь тогда, когда партия смело и решительно старается использовать каждый социальный конфликт, обостряя и расширяя его пределы. Только таким путем борьба за частичные улучшения может превратиться в борьбу за политическую власть.

Эта борьба за политическую власть на Балканах легче, так как буржуазия балканских стран менее организована, чем в Западной Европе. Завоевание власти рабочими и крестьянской беднотой в одном балканском государстве отзовется сильным эхом во всех соседних странах, в которых везде правительства испытывают величайшие затруднения. Революция на Балканах означает не только избавление балканских рабочих от ига капитализма и освобождение крестьян из когтей хищных ростовщиков, но и необычайно приближает победу пролетариата в Средней и Западной Европе.

Революция в земледельческих странах юго-восточной Европы ослабила бы опасность угрожающей Германии и Италии блокады, направленной против доставки хлеба из Америки. Она же приблизила бы революцию среди азиатских народов, куда до сего времени революционные искры проникали только из одной России.

В твердой надежде, что сознательное отношение С'езда к задачам, возложенным на Болгарскую Коммунистическую партию вдохновит его к новым усилиям, Исполнительный Комитет приветствует успешную, энергичную его работу.

Да здравствует Болгарская Коммунистическая партия!

Да здравствует революция в балканских странах!

Да здравствует Коммунистический Интернационал!

Да здравствует мировая революция!

Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала.

Москва,
4 мая 1921 г.

ПРОЛЕТАРИАТУ ЮГО-СЛАВИИ И БАЛКАН.

Товарищи!

С возмущением узнали мы об отвратительном преступлении, совершенном югославской буржуазией против коммунистической партии и профессиональных союзов Юго-Славии.

Испуганные вашей энергичной и смелой борьбой за торжество коммунизма, юго-славское буржуазное правительство, об'единившееся с монархистами и поощряемое Антантой, решилось, вопреки законам страны и белградскому учредительному собранию, об'явить роспуск Коммунистической партии Юго-Славии и профессиональных союзов, об'единяющих сотни тысяч рабочих и работниц.

Не довольствуясь гнусным нарушением законов страны, юго-славское правительство зверски предало арестам, избиениям и убийствам невинных рабочих и крестьян. Захвачена касса профессиональных организаций, закрыты клубы и народные дома, запрещены газеты и журналы; отменено право собраний. Вам не позволено обсуждать правительственный произвол. Одним словом, вы поставлены вне закона, вы об'явлены врагами народа.

Что же это значит, товарищи?

Когда сербские националисты затеяли пятилетнюю братоубийственную войну, и вы, насильно завербованные в ряды войск, истекали кровью на полях сражений, когда ваши жены и дети терпели издевательства чужих оккупационных властей, когда вы и ваши близкие отдавали жизнь будто бы за «национальное» об'единение сербского народа, а в самом деле для осуществления завоевательных планов сербских монархистов, тогда вы считались патриотами, достойными гражданами юго-славского отчества.

Теперь же, когда вы об'явили свою волю и сказали, как по вашему должна управляться страна, орошенная кровью десятков тысяч ваших братьев; когда вы через посредство вашей защитницы—Коммунистической пар-

тии Юго-Славии—заявляете, что желаете сами быть хозяевами своей земли, что желаете сами управлять страной по своему и устроить свою судьбу: когда вы провозгласили свою братскую солидарность с болгарскими, румынскими и греческими рабочими и крестьянами, когда вы твердо пошли под знаменем коммунизма на защиту Балканской Советской Республики,—вы сразу превратились в опаснейших врагов Юго-Славского государства, вас преследуют, арестовывают и убивают.

Товарищи, врагами юго-славских народов являются буржуазия и монархические партии. Они—«патриоты», потому что государство дает им господство, богатство и роскошь. Они не способны жертвовать чем либо на благо народа: это они доказали во время войны, послужившей для них лишь источником бессовестной наживы. И теперь, чтобы сохранить богатства, награбленные за счет разоренного народа, они, эта ничтожная и гнусная кучка людей, об'являют вас, рабочих и крестьян, врагами народа.

Но, товарищи, если юго-славское правительство позволяет себе совершать подобные насилия, то только потому, что оно чувствует за собой опору в правительствах других балканских стран, входящих в состав Малой Антанты, и сочувствие империалистов Антанты. Большой задачей Малой Антанты является об'единить балканскую буржуазию: во-первых, для борьбы против революционного движения балканского пролетариата и, во-вторых, для вооруженного нападения на Советскую Россию. И то насилие, которое ваше правительство совершает теперь против вас и ваших организаций, является первым шагом к реализации плана, составленного в Лондоне и Париже для удушения пролетарской революции и Советской России.

Но как все нападения со стороны империалистов на Советскую Россию до сих пор разбивались о крепкую солидарность и единодушие русских рабочих и крестьян, так и всякое нападение на Советскую Россию, расчитанное на помощь буржуазных Юго-Славии и Балкан, разобьется о единодушие балканского пролетариата.

Товарищи, юго-славы, борьба, которую вы ведете за свое освобождение, есть священная борьба всего балканского пролетариата. Насилия правительства вызовут новый взрыв возмущения рабочих и крестьянских масс Юго-Славии и Балкан, и вскоре будет положен конец господству юго-славской и балканской буржуазии. В этой борьбе на жизнь и смерть вы должны держаться крепко и сплоченно с вашей партией, с коммунистической партией Юго-Славии, под знаменем Балканской коммунистической федерации, и не поддаваться обманам центристов и социал-предателей, которые не верят в революцию и в освобождение пролетариата от ига капитализма. Насильническое правительство Юго-Славии само опровергнуло утверждение Драгиши Лапчевича и других социал-предателей, что освобождение рабочего класса может быть достигнуто путем мирного подчинения буржуазии. Буржуазия, бессильная бороться даже на почве своей «буржуазной» законности, сама сбросила маску и прибегла к насилию и террору, чтобы сокрушить вашу солидарность и разбить ваши организации. Заклеймите своим презрением этих новых пособников буржуазии, вчерашних борцов, но сегодняшних изменников и предателей вашего дела.

Товарищи, будьте стойки! Весь пролетариат, организованный под знаменем III Коммунистического Интернационала, солидарен с вами. О сплоченность пролетарских сил всей Европы и Балкан разобьются отвратительные планы насилия и террора мирового капитализма.

Выражая вам симпатии и привет борющегося русского пролетариата и пролетариата всего Коммунистического Интернационала, мы восклицаем:

Да здравствует юго-славский пролетариат!

Да здравствует балканская революция!

Да здравствует международная пролетарская революция!

Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала.

ПАРТИЙНОМУ С'ЕЗДУ ВСЕОБЩЕГО ЕВРЕЙСКОГО РАБОЧЕГО СОЮЗА В ПОЛЬШЕ.

Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала с удовлетворением узнал о желании вашей организации, выраженном через особого делегата вашего Центрального Комитета, вступить в Коминтерн вместе с тем, согласно вашему желанию, он постановил дать в письме, обращенном к вашему партийному с'езду, более подробные раз'яснения относительно применения к вашей организации условий приема выставленных на II Конгрессе.

Мы с величайшим интересом следим за происходящим, под давлением рабочих масс, внутри вашей организации процессом развития, который выражается в образовании левого крыла, борющегося, как с явно контрреволюционным правым крылом, так и с колеблющимся центром. Мы с радостью узнали

также, что левое крыло уже склонило к своим взглядам большинство членов партии, заявило о выходе из II Интернационала и высказалось за вступление в Коммунистический Интернационал. Вместе с тем, однако, ваш представитель сообщил нам, что ваш Центральный Комитет, рассмотрев 21 условие приема, постановил обратиться к Исполнительному Комитету Коминтерна с ходатайством разрешить вам сохранить в ваших рядах членов центра. Он основывается на том, что ваш центр состоит из вполне искренних социалистов, хороших, испытанных во время борьбы с царизмом, революционеров и лойяльных товарищей, которые подчиняются коммунистическому большинству.

Но этого желания Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала не может исполнить, ибо оно противоречит духу и смыслу основных положений Коминтерна, опирающихся на опыт рабочего движения во всех странах, а также подтверждающихся и практикой вашей собственной организации. Мы не можем отказаться от требования об исключении правого крыла и центра. И мы поступаем так не только в интересах Коммунистического Интернационала, но и в интересах той части вашей организации, которая проникласъ уже коммунистическим настроением, равно как и в интересах всего коммунистического движения в Польше.

До недавнего времени вашей организацией руководили люди, открыто проводившие политику социального предательства и борьбы с коммунизмом (Медем с товарищами), или занимавшие промежуточную реформистскую позицию (Михалевич, Эрлих). Вся бундистская печать обнаруживала, например, колебания, по вопросу об отношении к Советской России — между явно выраженной враждой и двусмысленно-доброжелательной об'ективностью. В рабочем движении (в Польше и особенно в рабочих советах 1919 г.) «Бунд» играл роль буфера между социал-предательской Польской Социалистической партией и революционной Коммунистической партией. Указание на то, что ваше правое крыло само собой ликвидировалось, что оно уже более не существует, ибо несколько человек из виднейших его представителей эмигрировали или удалились в частную жизнь, что вы, таким образом, освободились от этого крыла вашей партии, — это указание не выдерживает критики. Ряд его приверженцев, частью влиятельных, остались в партии, ничем не проявив своей изменившейся позиции, и продолжают занимать ответственные посты.

Ваш центр, как правый, так и левый, состоит из людей, хотя и приемлющих диктатуру, но не отказывающихся и от демократии; хотя и приемлющих мировую революцию, как факт, но ничего не делающих для ее развития и ускорения; следовательно, он состоит из открытых и сознательных сторонников принципов III Интернационала, из людей, которые не годятся в вожди решительной революционной партии. А эти-то люди занимают еще и ныне в вашей организации — после победы левого крыла — самые ответственные посты. Из них составлены ваши представительства в городских советах, ваши редакционные коллегии, они оказывают значительное влияние на профессиональные союзы, потребительские общества. Достаточно назвать имена Эрлиха, Михалевича, Шаумана, Лихтеншейна, Мейера, Шафрана, д-ра Бросса, чтобы всякому стало ясно, что вы и сейчас еще отдаете знамя вашей партии в руки людей, ничего общего с коммунизмом не имеющих, более того, — отчасти страстно с ним борющихся. Достаточно также указать на то, что под руководством этих людей ваша организация, которая во время нашего летнего наступления открыто выражала свои симпатии к Советской России, осенью вновь заколебалась, и ваш центральный орган поместил статью, в которой из исхода битвы под Варшавой делались заключения о «похмелье», пережитом вашей партийной тактикой.

Мы знаем, что ваше левое крыло, состоящее почти исключительно из рабочих, недостаточно сведущих в журналистике, в ораторском искусстве, а также в местном языке, думает, что оно не может отказаться от услуг центровиков, высоко-квалифицированных в вопросах политики; тем более, что оно надеется на полную их лойяльность. Но в подобном же положении находятся или до недавнего времени находились и многие другие партии и страны, и пункт 2-ой условий приема определенно высказывается против иллюзии, что можно, будто бы, сохранить таких политиков на «более или менее ответственных постах рабочего движения» без ущерба для развития революционной борьбы.

Одним словом, мы должны настаивать на том, чтобы все условия выставленные на II Конгрессе, были выполнены также и вашей организацией, в особенности пункты:

«1. Всеми органами печати должны руководить надежные коммунисты.

«2. Со всех более или менее ответственных постов реформисты - центровики должны быть удалены и заменены испытанными коммунистами, даже в том случае, если бы дело шло о замене «опытных» оппортунистов простыми рабочими.

«7. Ультимативное требование разрыва в кратчайший срок с явными оппортунистами.

«11. Личный состав партийных фракций в публичных представительных органах, как общинные советы и т. д., должен быть подвергнут пересмотру, и из него должны быть удалены все ненадежные элементы, что является не только формальным, но и крайне важным политическим вопросом.

«17. Следует изменить название партии

«20. Не менее двух третей членов центрального комитета и всех важнейших центральных учреждений должны состоять из испытанных коммунистов.

«21. Те из партийных членов, которые принципиально отвергают эти 21 условие приема, а именно голосующие против этого делегаты партийного с'езда, должны быть исключены из партии».

Установленные II Конгрессом руководящие положения и условия предусматривают исключение из постановлений 7 пункта (исключение всех центров) и 20 пункта (состав руководителей партии, с согласия Исполнительного Комитета). После того, как условия приема будут принципиально проведены через вашу организацию, Исполнительный Комитет сочтет, разумеется, своим долгом подвергнуть тщательному рассмотрению возможные, предложенные вами, индивидуальные исключения, считаясь со всеми могущими быть приняты во внимание соображениями.

Пункт 15-ый условий приема требует отказа от старой социалдемократической программы, следовательно, и от содержащегося в вашей прежней программе требования культурно-национальной автономии в рамках капиталистического государства, т. е. об'единения и обособления всех классов еврейского населения в качестве культурной общины: требование это мы отвергаем, не как преждевременное, а как националистическое.

По выполнении этих условий, выставленных в качестве обязательных постановлений II Конгресса и вытекающих из духа революционного коммунизма, после того, как ваша организация сделается членом Коммунистического Интернационала, можно будет приступить к организационному вопросу—к об'единению вашей партии с Коммунистической партией Польши в одну централизованную партию. При этом, само собою разумеется, будут обеспечены как особые нужды еврейского движения, так и общие интересы всего коммунистического польского движения в целом. Не подлежит сомнению, что тогда возможно будет найти организационные формы, которые наиболее удачно и практично разрешат эту проблему в интересах пролетарской революции в Польше.

1 июня откроется III Всемирный Конгресс Коммунистического Интернационала. От имени Исполнительного Комитета мы приглашаем вашу организацию прислать на этот Конгресс своих представителей, дабы они имели возможность вступить в более тесное соприкосновение с Коммунистическим Интернационалом в его целом и тем самым ускорить окончательное присоединение вашей организации к армии мировой революции. Центральный Комитет надеется, что еврейский рабочий класс, сыгравший, вопреки оппортунизму своих прежних вождей, крупную революционную роль в борьбе с царизмом, выступит также и в роли одного из передовых бойцов пролетарской революции против капитализма. Исполнительный Комитет надеется, что пролетарская «храбрость и верность», всегда отличавшая еврейских рабочих, победит все остатки оппортунистских форм профессиональных союзов, и он вскоре увидит, как еврейские рабочие массы, об'единенные в Бунде, будут выступать рука об руку с польскими пролетариями в качестве единой армии великой мировой революции, которая восстановит связь между немецким и русским пролетариатом. Разорвав с оппортунистами и центровиками, вы сделаетесь беднее специальными политическими и техническими силами, но станете в тысячу раз крепче, благодаря освобожденному в вас от пут революционному духу и благодаря единению с польским и мировым пролетариатом. Еврейские рабочие, являющиеся не только рабами капитализма, но и париями среди эксплуатируемых, имеют все основания, в ответ на преследования польской контр-революции, в ответ на эксцессы каннибальского антисемитизма, вступить в ряды Коммунистического Интернационала, этого прибежища международного освобождения.

Да здравствует революционный еврейский пролетариат!

Да здравствует единение еврейского и польского пролетариата!

Да здравствует Коммунистический Интернационал!

Да здравствует мировая революция!

Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала.

СЕКЦИИ КОМИНТЕРНА.

СОВЕЩАНИЕ БАЛКАНСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.

24—28 февраля 1921 года в Вене происходило Совещание Балканской Коммунистической Федерации. От К. П. Б. (тесняков) в нем участвовали: члены Ц. К.—секретарь партии товарищ Коларов и товарищ Димитров, от К. П. Ю. члены Центрального Совета—товарищи Клеменчич и Цвиич и делегат К. П. Ю. при Исполкоме Коминтерна—товарищ Милкич *). Румынская К. П. запоздала с присылкой делегации и лишь к концу Совещания переслала по телеграфу мандат, для представительства на этом Совещании, товарищу Марку, который в начале, за неимением такового, активного участия в работах не принимал, хотя и присутствовал на большинстве заседаний. Член К. П. Р., депутат парламента—товарищ Гера, находясь случайно в Вене, принял также участие в работах Совещания. От С. Р. П. Греции пришло телеграфное извещение о невозможности, вследствие технических трудностей, прислать делегата на Совещание **).

Совещание открылось 24 февраля. После выборов т.т. Коларова и Милкича председателями, первый осведомил присутствующих о цели и задачах настоящего Совещания. Указав на историю возникновения Балканской Социалистической Федерации, образовавшейся еще до войны и после войны вызванной к жизни Балканской Конференцией, тов. Коларов, в согласии с манифестом Исполкома Коминтерна, помещенным в № 9 журнала «Коммунистический Интернационал», так определил задачи Б. К. Ф.: координация действий пролетарских коммунистических партий на Балканах в целях сопротивления происках империалистических стран, стремящихся, путем стравливания балканских народностей друг с другом, использовать национально-территориальную вражду последних в своих интересах. При этом он сослался на резолюцию, принятую 15 января 1920 г. Балканской Коммунистической Конференцией в Софии и опубликованную в свое время в № 10 «Коммунистического Интернационала». К сожалению, констатировал он, Б. К. Ф. фактически еще не существует. Для этого необходимо устроить конференцию, о которой в свое время уже велись переговоры.

Тов. Д. сделал дополнительное раз'яснение по поводу организации настоящего Совещания. В конце ноября 1920 г., он об'ехал балканские страны для осуществления нижеследующих технических задач: 1) организации коммунистических издательств; 2) собирания информационного материала общего и партийного характера; 3) установления связи между балканскими странами и Веной, дабы, таким образом, дать возможность Исполкому Коминтерна быть всегда осведомленным относительно положения на Балканах.

Тов. А. указывает на важность дополнительных раз'яснений тов. Д., и между прочим говорит следующее. Хотелось получить необходимые сведения о положении на Балканах, о силе партий и, между прочим, об их отношении друг к другу. Он ни в коем случае не намеревался соорудить в Вене что-либо вроде «Юго-Восточного Бюро», с которым сам в свое время вел ожесточенную борьбу, пока это Бюро не прекратило своего существования. Другое дело — Б. К. Ф., являющаяся необходимостью, вследствие сходных экономических и политических условий на Балканах. Наша задача сделать Б. К. Ф. дееспособною, так как до сих пор она существует только на бумаге. Если действия отдельных партий недостаточно координированы, то нужно принять за организацию связи. Необходимо на Балканах быть готовыми к борьбе с Антантой. Антантовские империалисты стараются на Балканах раздуть войну между различными народностями и этому должна помешать Б. К. Ф. Но в таком случае необходимо тесное единение коммунистических партий балканских стран, и задачей Конференции является поэтому создание Б. К. Ф., как жизнеспособного организма. В качестве такового она явится органом Коминтерна, при чем каждая партия останется совершенно автономной.

После обмена мнений, участвующие соглашаются считать настоящее Совещание подготовительным по отношению к Конференции, которая должна состояться в ближайшем будущем в одной из балканских стран.

Делается перерыв и пополудни Совещание возобновляется.

Во вторую половину дня на заседании 24 февраля, Совещание занималось вопросом о связи между отдельными партиями на Балканах и постановило: 1. Каждая партия назначает корреспондента, который информирует партийную прессу других стран не менее одного раза в месяц, при чем одна копия каждой корреспонденции посылается в Исполком Коминтерна. Корреспонденции могут составляться на родном языке корреспондента. 2. Каждая партия назначает товарища для связи между отдельными балканскими странами. 3. Каждая партия присылает другим балканским партиям все свои издания и список выпущенной ею литературы и обслуживает своими изданиями, в случае надобности, партии других балканских стран. 4. Названные решения должны быть приведены в исполнение в течение марта месяца.

В заседании 25 февраля, товарищ Коларов, осветив настоящее положение на Балканах и еще раз указав на необходимость Балканской Федерации, предлагает заняться организационными вопросами. Необходимо определить состав Б. К. Ф. По его мнению, в состав Б. К. Ф. должны пока входить лишь партии Болгарии, Юго-Славии, Румынии и Греции. Надо постараться создать коммунистические партии в Албании и Константинополе. В последнем уже намечается в этом смысле движение вперед: организация профессионального союза, хотя бы и аполитического, в ближайшем будущем непременно приведет к организации компартии, так как необходимые для этого предпосылки там на-лицо. Что касается Австрии и Венгрии, то, по его мнению, с этими странами и коммунистическими в них партиями, особенно Венгрии, необходимо находиться в самой тесной связи, но принятие их в состав федерации он считает нецелесообразным. Поэтому, при организации Б. К. Ф. тов. Коларов советует исходить из следующих соображений: что, во 1-х, Балканские страны представляют собою экономически единое целое, что все они пользуются одним и тем же Эгейским морем, как наиболее для них удобным; что, во 2-х, этнографически эти страны тесно связаны между собою и существующие там национальные вопросы, как македонский, добруджанский и другие, могут быть раз-ре-

*) Приехавший в Вену на это совещание член Ц. К. К. П. Ю., товарищ Филиппович, к сожалению, опасно заболел и, помещенный в больницу, не мог принять участия в работах Совещания.

**) Ко времени составления этого отчета делегат от С. Р. П. Греции находится в Вене, и свое мнение по различным вопросам, обсуждавшимся в Совещании, он обещал дать в письменной форме.

В качестве гостей присутствовали: от К. П. А.—тов. Вертгейм, от К. П. В. — тов. Лукач. Кроме того, от Исполкома Коминтерна — тов. А. и тов. А.

шены только в Б. К. Ф.; что, в 3-х, все эти страны—почти на одинаковом уровне культуры и, наконец, в 4-х, что нельзя делать революционные выступления в одной из этих стран без координирования всех сил и помощи других стран.

Тов. Клеменчич указывает, что для того, чтобы Федерация не оказалась одной лишь манифестацией, как это происходило до сих пор, необходимо считаться с фактами. Поэтому он предлагает прежде всего выяснить состав Б. К. Ф. Он против того, чтобы в лице Б. К. Ф. создавать новый орган Коминтерна на Балканах. Задачи Б. К. Ф. должны быть обрисованы менее широко, но зато более конкретно, и что цель Б. К. Ф.—руководство пропагандой отдельных балканских партий и общее руководство их действиями.

Тов. Вертгейм заявляет от имени К. П. А., что последняя, вследствие своеобразного положения своей страны, не может принимать участия в технических бюро Коммунистического Интернационала, будь они организованы для Западной Европы, Балканских стран или стран бывшей Австро-венгерской монархии. В создании таких бюро К. П. А. видит опасность для тесной связи отдельных партий с Московским Исполкомом и, руководствуясь этими соображениями, К. П. А. в Б. К. Ф. участвовать не может.

Тов. Лукач от имени К. П. В. приветствует собравшихся организаторов Б. К. Ф., цели и необходимость которой он вполне разделяет. К. П. В. сознает, что венгерскому пролетариату необходимо выступать сообща с пролетариатом балканских стран. Но, с другой стороны, экономические, политические и культурные условия Венгрии связывают ее менее тесно со всем Балканским полуостровом, чем с отдельными его странами. Кроме того, положение Венгрии делает необходимой совместную работу венгерского пролетариата с пролетариатом Чехо-Словакии, поэтому К. П. В. полагает, что совместная работа с Б. К. Ф. должна простираться только на те отдельные случаи, когда это необходимо, и что вступление ее в Федерацию не является нужным или желательным. Задача Федерации: войти в связь с К. П. В., установить и осуществить возможность совместной работы. С своей стороны К. П. В. сделает все возможное для того, чтобы эту связь наладить.

После краткой дискуссии, избирается комиссия для выработки устава Б. К. Ф.

Комиссия занималась этой работой в течение 26 и 27 февраля. На пленарном заседании Совещания 27 вечером проект устава Б. К. Ф. был принят единогласно.

Заседанием 28 февраля, на котором партии представили свои доклады и было постановлено о месте и времени Балканской Коммунистической Конференции, Балканское Коммунистическое Совещание закончилось.

ПРОЕКТ УСТАВА БАЛКАНСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.

§ 1. Для проведения в жизнь резолюций и постановлений Балканской Коммунистической Конференции, состоявшейся в Софии 15 января 1920 г., организуется Балканская Коммунистическая Федерация.

§ 2. а) Балканская Коммунистическая Федерация есть федерация балканских секций Коммунистического Интернационала, а именно: Болгарии, Юго-Славии, Греции и Румынии.

Примечание: Когда в Албании будет организована секция Коммунистического Интернационала, она входит в состав Балканской Коммунистической Федерации.

б) По мере образования на Балканах новых секций Коммунистического Интернационала, принятых Коммунистическим Интернационалом, они входят в состав Балканской Коммунистической Федерации, причем принятие их утверждается очередной конференцией Балканской Коммунистической Федерации.

§ 3. Для осуществления указанных в § 1 задач и целей Балканская Коммунистическая Федерация создает следующие органы:

1. Балканскую Коммунистическую Конференцию.
2. Исполнительный Комитет Балканской Коммунистической Федерации.
3. Секретариат Балканской Коммунистической Федерации

К 1. а) Балканская Коммунистическая Конференция является верховным органом Балканской Коммунистической Федерации и созывается каждые шесть месяцев, а в случае необходимости и чаще.

б) Участвуют в Балканской Коммунистической Конференции делегаты, избранные центральными комитетами балканских секций Коммунистического Интернационала, входящих в состав Балканской Коммунистической Федерации.

Каждая секция высылает определенное число делегатов, причем каждый делегат голосует по убеждению.

Примечание: В случае невозможности для какого-нибудь центрального комитета послать полное число делегатов, Балканская Коммунистическая Федерация может признать и за неполным числом делегатов право на число голосов данной секции.

в) О каждой конференции Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала извещается заблаговременно для присылки им своей делегации на конференцию.

г) Конференция созывается Исполнительным Комитетом Балканской Коммунистической Федерации, который определяет место, время и проект порядка дня Балканской Коммунистической Конференции.

д) Балканская Коммунистическая Конференция вырабатывает директивы для деятельности Балканской Коммунистической Федерации в пределах директив и решений Коммунистического Интернационала.

е) Балканская Коммунистическая Конференция избирает Исполнительный Комитет Балканской Коммунистической Федерации и определяет местонахождение Секретариата Балканской Коммунистической Федерации.

Примечание: В случае невозможности для какого-либо члена Исполнительного Комитета Балканской Коммунистической Федерации или для секретаря Балканской Коммунистической Федерации участвовать в работах и заседаниях Исполнительного Комитета Балканской Коммунистической Федерации, Центральный Комитет соответственной секции Коммунистического Интернационала назначает ему заместителя.

К 2. а) Исполнительный Комитет Балканской Коммунистической Федерации является исполнительным органом Балканской Коммунистической Федерации и состоит из 5 или 7 членов, представителей всех балканских секций Коммунистического Интернационала, входящих в состав Балканской Коммунистической Федерации.

б) Исполнительный Комитет Балканской Коммунистической Федерации определяет место для своих заседаний, которые должны происходить один раз в месяц.

Примечание: В экстренных случаях Секретариат Балканской Коммунистической Федерации имеет право назначить заседание в другом месте.

в) Исполнительный Комитет Балканской Коммунистической Федерации имеет право руководства и контроля над всею деятельностью Балканской Коммунистической Федерации, а также деятельностью входящих в ее состав секций Коммунистического Интернационала, поскольку эта деятельность находится в связи с целями и задачами Балканской Коммунистической Федерации,—руководствуясь при

этом всеми решениями и директивами Исполнительного Комитета и Конгресса Коммунистического Интернационала.

г) Исполнительный Комитет Балканской Коммунистической Федерации заботится о достижении и укреплении единой формы организации отдельных секций Коминтерна, входящих в состав Балканской Коммунистической Федерации в духе демократического централизма и согласно устава Коминтерна.

д) Исполнительный Комитет Балканской Коммунистической Федерации оказывает всевозможное содействие входящим в состав Балканской Коммунистической Федерации секциям Коминтерна в развитии их деятельности в области коммунистической пропаганды и просвещения; организует и руководит общими действиями на Балканах.

е) Исполнительный Комитет Балканской Коммунистической Федерации находится в постоянной организационной связи с Балканским Секретариатом профсоюзов и заботится о проведении в жизнь решений Коммунистического Интернационала в отношении к профсоюзам.

Примечание: Исполнительный Комитет Балканской Коммунистической Федерации при обсуждении вопросов, касающихся деятельности профсоюзов, должен привлечь в свои заседания представителей Балканского Секретариата профсоюзов.

ж) Исполнительный Комитет Балканской Коммунистической Федерации может принимать решения, если на его заседаниях присутствуют, представители по крайней мере, трех секций.

К 3. а) Секретариат Балканской Коммунистической Федерации является постоянным органом Исполнительного Комитета Балканской Коммунистической Федерации. Во главе Секретариата Балканской Коммунистической Федерации находится секретарь, избираемый Исполнительным Комитетом Балканской Коммунистической Федерации, который несет всю ответственность за деятельность Секретариата перед Балканской Коммунистической Конференцией и Исполнительным Комитетом Балканской Коммунистической Федерации.

б) Исполнительный Комитет Балканской Коммунистической Федерации назначает, по предложению секретаря, его помощников.

в) Центральный комитет секции Коминтерна той страны, где находится Секретариат, должен оказывать секретарю полнейшую поддержку и содействие.

г) В случае невозможности созыва экстренного заседания Исполнительного Комитета Балканской Коммунистической Федерации, важные и спешные вопросы разрешаются секретарем Балканской Коммунистической Федерации и Центральным Комитетом Секции той страны, где находится Секретариат Балканской Коммунистической Федерации.

д) Секретарь управляет делами Исполнительного Комитета Балканской Коммунистической Федерации, исполняет его решения и ведет корреспонденцию. Он организует информационную службу связи между секциями Балканской Коммунистической Федерации, между Балканской Коммунистической Федерацией и Коминтерном и между Балканской Коммунистической Федерацией и партиями соседних стран. Он подготовляет материал для работ Исполнительного Комитета Балканской Коммунистической Федерации и ему же представляет отчеты о своей деятельности.

е) Центральные комитеты секций Коминтерна, входящие в состав Балканской Коммунистической Федерации, обязаны представлять через Секретариат Исполнительному Комитету Балканской Коммунистической Федерации отчеты о своей деятельности.

ж) Расходы Балканской Коммунистической Федерации возлагаются на отдельные секции Коминтерна, входящие в состав Балканской Коммунистической Федерации, пропорционально их представительству.

§ 4. Балканская Коммунистическая Федерация вступает в сношения с отдельными коммунистическими партиями, не входящими в состав Балканской Коммунистической Федерации, согласно устава Коминтерна, только через посредство Исполкома Коминтерна.

§ 5. а) Балканская Коммунистическая Федерация, как федерация входящих в ее состав секций Коминтерна, является частью Коминтерна и для нее обязательны все решения и постановления последнего.

б) Вследствие этого органы Балканской Коммунистической Федерации, а именно: Балканская Коммунистическая Конференция и Исполнительный Комитет Балканской Коммунистической Федерации, находятся в непосредственной связи с Коммунистическим Интернационалом и его Исполнительным Комитетом и проводят в жизнь его решения и предписания.

§ 6. Решения и предписания Балканской Коммунистической Федерации и Исполнительного Комитета Балканской Коммунистической Федерации обязательны для отдельных секций Коминтерна, входящих в состав Балканской Коммунистической Федерации.

§ 7. Партии, входящие в состав Балканской Коммунистической Федерации, остаются самостоятельными секциями Коминтерна с правом непосредственного сношения с Коминтерном и самостоятельного представительства на конгрессах и в Исполкоме Коминтерна.

§ 8. Устав этот входит в силу после принятия его Балканской Коммунистической Конференцией, которой принадлежит право его дополнения и изменения.

§ 9. Устав этот должен быть предложен на утверждение Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала.

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ БОЛГАРИИ.

I. Организация Болгарской Коммунистической партии.

Болгария представляет собой мелкобуржуазную и преимущественно крестьянскую страну, с малочисленным и разбросанным повсюду пролетариатом. Типичные пролетарские организации, а именно, профессиональные союзы, не могут развиться здесь до крупных массовых пролетарских размеров. Слабое индустриальное развитие и отсутствие крупного земледелия ставят очень узкие рамки для развития профессиональных союзов, а наступившая после войны хозяйственная разруха, приостановка строительства и массовая безработица еще больше суживают эти рамки. С другой стороны, угнетенные городские и сельские массы, неспособные к профессиональной организации, являются чрезвычайно ценным революционным элементом, который должен быть перевоспитан, сорганизован и дисциплинирован для предстоящей революционной борьбы; а это может быть сделано только в Коммунистической партии. По этой причине в Болгарии Коммунистическая пар-

тия, как исключение, представляет более крупную и более многочисленную организацию, нежели Общий Профсоюз союзов. И нет основания думать,что это соотношение может измениться:Коммунистическая партия не только по своим целям и задачам, но и как организация масс, останется гораздо более важной организацией,чем профсоюзы. Именно это обстоятельство, которое еще больше увеличивает роль и значение Коммунистической партии, придает партийным организационным вопросам исключительную важность и сосредоточивает на них внимание партийных инстанций. Прошло несколько более года, как партия стала массовой. За это время прилагались большие усилия, чтобы развить и внутренне наладить ее организацию. Вот что достигнуто в этом отношении:

1) *Центральный Комитет* обладает широкими прерогативами в рамках партийной программы и решений партийных с'ездов и пользуется огромным авторитетом в партии. Его решения обязательны для всех, подлежат безусловному исполнению и фактически исполняются. Он состоит из 7 членов, избираемых партийным с'ездом, из них один—секретарь и один—кассир, выбираемые непосредственно с'ездом. Центральный Комитет действует, как единая коллегия, и решает все партийные вопросы.

При секретариате партии существуют следующие отделы, комиссии и комитеты: а) финансовый, б) организационно-статистический, в) комиссия для пропаганды в деревне, г) центральная женская комиссия, д) центральная комиссия коммунистического представительства в коммунальных (общинных) правлениях, окружных правлениях и школьных комитетах, е) школьный комитет, ж) комитет помощи жертвам капиталистической диктатуры, з) комитет печати, и) библиотечный комитет, к) комитет пролетарской культуры, л) партийная инспекция.

Центральному Комитету подчинены полностью периодическая печать, партийное издательство, парламентская группа, коммунистические группы в коммунальных правлениях и других местных выборных учреждениях. Он контролирует также профессиональное движение, организацию коммунистической молодежи, организацию инвалидов, рабочую кооперацию «Освобождение», организацию бывших пленных и заложников и русскую коммунистическую секцию.

Местные партийные организации, — в каждой местности по одной, — также всецело и непосредственно подчинены Центральному Комитету.

Для всестороннего руководства движением на местах они избирают местный партийный комитет, который пользуется широкими прерогативами и ответствен за состояние партийных дел в местности как пред местной партийной организацией, так и перед Ц. К. партии. При местных комитетах имеются также специальные органы для пропаганды и агитации среди женщин, эмигрантов, коммунистической молодежи, для помощи жертвам капиталистической диктатуры, комитет пролетарской культуры, комитет печати и др.

В каждом округе учрежден окружной комитет, но эти комитеты являются, скорее, органами Ц. К. для ведения агитации и пропаганды в округах и для руководства организационной и просветительной деятельностью преимущественно в сельских партийных группах и лишены самостоятельной политической инициативы. В окружных комитетах решающее значение имеют местные комитеты больших городских центров, и их задача состоит главным образом в том, чтобы слабое сельское движение оказалось под благотворным влиянием массового коммунистического движения больших городов. В каждом округе при окружных комитетах имеются по одному или больше окружному организатору. Кроме того, окружные комитеты созывают часто окружные, уездные и районные конференции, решения которых подлежат утверждению Ц. К. партии. В целях более успешной партийной агитации и пропаганды, каждый округ разделен на несколько уездов, и каждый уезд—на несколько районов. В каждый район входит от 10—15 партийных сельских групп. Таким образом, руководящий партийный аппарат Болгарской Коммунистической партии строится на началах полного *демократического централизма*. Благодаря здоровым партийным традициям, этот централизм не только не наталкивается на какие-либо федералистические и другие тенденции, но, наоборот, воспринимается массою партийных членов, как единственно целесообразная форма организации. Благодаря этому, партийная дисциплина стоит на подобающей высоте.

2) *Контроль* проведен во всех партийных учреждениях. Он также централизован. Контроль над Центральным Комитетом осуществляется контрольной комиссией из 5 членов, выбираемых партийным с'ездом. Контрольная комиссия контролирует всю деятельность Ц. К., и для этой цели имеет право присутствовать на его заседаниях с совещательным голосом. О результатах своего контроля она докладывает партийному с'езду.

На местах также существуют местные контрольные комиссии, выбираемые местными партийными организациями. Эти комиссии осуществляют контроль над деятельностью всех партийных органов и учреждений данной местности. Они также имеют право участвовать в заседаниях местного партийного комитета с совещательным голосом и докладывают как местной партийной организации, так и Ц. К. партии.

3) Партийный совет состоит из: а) членов Ц. К. партии и контрольной комиссии; б) 13 представителей партийных округов, выбранных партийным с'ездом. Партийный совет собирается регулярно раз в три месяца для обсуждения важнейших партийно-поли-

тических вопросов, касающихся всей партии.

4) В целях распространения и усиления влияния Коммунистической партии во всех рабочих и других кругах и группах, создана организация коммунистических ячеек. Коммунистическая ячейка организуется, под руководством местных комитетов, во всех промышленных заведениях, крупных мастерских и др. Ячейки создаются в каждом государственном и общественном учреждении, в каждой профессиональной секции, в каждом отделении кооперации, в обществах запасных офицеров и унтер-офицеров и др.

5) Институты сочувствующих, кандидатов в члены партии.

6) Большое значение имеет партийная инспекция. Ц. К. располагает 10 разъездными партийными инспекторами, каждый из них имеет свой район. Инспекторами назначены самые опытные и авторитетные партийные деятели, большинство которых состоит, в то же время, депутатами парламента. Инспектора ведут дневники, делают доклады Ц. К. и собираются на совместные совещания.

7) Многочисленные аресты, преследования и процессы, возбуждаемые против партийных членов, и необходимость оказывать помощь преследуемым товарищам и их семьям, заставили создать особую организацию помощи жертвам капиталистической диктатуры. Для этого образован также особый фонд. Во главе этой организации стоит центральная комиссия при Ц. К. партии, а на местах местные комиссии при местных комитетах партии. Эта организация ведает партийную защиту преследуемых товарищей. Специальный же фонд пополняется добровольными пожертвованиями и регулярными взносами партийных организаций.

8) Проникновение Коммунистической партии в органы местного самоуправления и, особенно, полное завоевание некоторых из них выдвинули необходимость создать центральный орган для руководства в этой специальной области. При Ц. К. партии была создана центральная комиссия коммунистического представительства в местных общинных самоуправлениях и пр. Главная ее задача состоит в том, чтобы иметь наблюдение за деятельностью коммунистических групп в коммунальных (общинных) и др. правлениях, об'единять их деятельность и следить за точным исполнением партийных директив.

9) Комитет пролетарской культуры при Ц. К. партии основан недавно. Он должен об'единять и вносить коммунистический дух в культурно-просветительную деятельность местных партийных организаций. При каждой местной партийной организации также образованы комитеты пролетарской культуры.

10) Для ведения коммунистической пропаганды среди многочисленных эмигрантов из соседних стран, которые до сих пор были жертвой буржуазного национализма, создана при Ц. К. партии центральная эмигрантская комиссия, а при местных комитетах партии местные комиссии. Благодаря их деятельности, влияние старых националистических организаций среди эмигрантов совершенно парализовано, и много ценных элементов из эмигрантской среды привлечено на сторону Коммунистической партии.

11) Особых организаций национальных меньшинств в Болгарской Коммунистической партии нет. Существует единая Коммунистическая партия, в которую входят все, без различия национальности и языка. Однако, для работы среди национальных меньшинств местные партийные организации создают специальные комитеты.

12) Литературной пропагандой руководит комитет печати при Ц. К. партии, а издательство возложено на рабочую кооперацию «Освобождение», организованную, по инициативе Ц. К., главным образом, с этой целью.

Кооперация «Освобождение», имеющая отделения во всех городах и во множестве деревень, является ныне сильнейшей кооперацией и крупнейшим книгоиздательством в Болгарии. Беспрерывно расширяя литературную партийную пропаганду, Ц. К. уже принял меры к изданию на болгарском языке журнала «Коммунистический Интернационал», хотя и в сокращенном виде.

13) Для организации бывших пленных и заложников создан специальный комитет, который поставил себе задачей организовать сóюз бывших пленных и заложников. В скором времени союз превратится в могучую внушительную организацию, которая работает в самой тесной связи с Коммунистической партией.

14) Под контролем Коммунистической партии находится также коммунистическая организация инвалидов, вдов и сирот, жертв войны.

15) В Болгарии нет отдельной женской организации. Женщины наравне с мужчинами входят в организацию партии. Однако, для ведения систематической пропаганды среди женщин, при Ц. К. партии существует центральная женская комиссия, которая, между прочим, редактирует и центральный печатный орган женщин-коммунисток — журнал «Равенство». Точно также при каждом местном комитете существует местная женская комиссия.

Эти комиссии организуют женские просветительные группы для коммунистической пропаганды.

16) Союз коммунистической молодежи существует, как отдельная организация, но он признает высшее руководство Коммунистической партии.

Ц. К. партии делегирует своего представителя в его руководящий орган. Точно также и организации молодежи на местах находятся под руководством местных партийных комитетов.

17) В связи с партийной организацией и под ее контролем находилась со времени своего возникновения учительская коммуни-

стическая организация. Согласно решения Ц. К. партии и комитета профсоюзов, начиная с 1 января 1921 г., эта организация, как профессиональная, вошла в общий рабочий союз профессиональных союзов. Ряды этого союза быстро растут, и скоро он превратится в могучую организацию с большим влиянием.

18) Для подготовки партийных агитаторов Ц. К. открыл в Софии партийную школу с одномесячным курсом. Уже сделано два выпуска. В программу курсов входят следующие предметы:

а) Организация Советской России в связи с возможностью создания Советского строя в Болгарии.

б) Болгария в хозяйственном отношении в связи с возможностью осуществления социализации в Болгарии.

в) Новейшая политическая история Болгарии и программы политических партий.

г) История рабочего движения в Болгарии, партии, профсоюзы, кооперация.

д) Программа, тактика и организация Болгарской Коммунистической партии.

е) История Интернационала и различные течения в современном рабочем движении.

ж) История революций новейшего времени.

В провинциальных городах открыты также курсы, читаются вечерние лекции и созданы подвижные кафедры для изучения теории и практики коммунизма.

2. Об'единение коммунистических сил.

После политического разгрома «общедельской» (меньшевистской) партии, раскол в ее рядах стал в порядок дня. В партии было три течения. Правое, представляемое [illegible] авторитетными членами партии; оно было господствующим и имело в своих руках центральный комитет и центральный печатный орган партии. Но поражение партии было, прежде всего, поражением правого течения, следствием чего его представители временно поблекли. Центристское течение верило, что общедельская партия в своей деятельности может быть сдвинута событиями влево, может порвать с оппортунизмом и приблизиться к Коммунистической партии, и таким образом, путем взаимных уступок со стороны обеих партий будет достигнуто об'единение социалистических сил в стране. Это течение поддерживалось и правыми, так как только под маской сдвига партии влево они могли господствовать в ней. Оно приобрело большинство в партии. Левое течение сначала робко, а позже более решительно выдвинуло лозунг раскола и присоединения левицы к Коммунистической партии.

На с'езде партии в июне 1920 г. победила примирительная политика центра. Но вскоре левые рабочие элементы разглядели обман: на собрании, созванном для выяснения взглядов общедельской партии на международное положение, Ц. К. назначает докладчиком от'явленного контр-революционера, поставщика оружия Деникину и убийцу рабочих, бывшего министра Пастухова. Рабочие возмутились и устроили скандал в самом собрании. Это обстоятельство послужило сигналом к более решительным действиям левицы.

Коммунистическая партия стояла на той точке зрения, что она ни в коем случае не может об'единиться с общедельской партией, что надеяться завладеть партией изнутри и изгнать опозоренных вождей-оппортунистов — полнейшая иллюзия. Напротив, она полагала, что единственный путь, могущий открыть доступ для левицы в Коммунистическую партию,—это поднять бунт в партии, расколоть ее организации и присоединиться к Коммунистической партии без всяких условий. Эта точка зрения была воспринята левицей. Первыми присоединились к общему союзу профессиональных союзов общедельские профсоюзы. Позже откололась и партийная левица и присоединилась к Коммунистической партии. В настоящее время в Болгарии имеется единственный союз профсоюзов — это красный Коммунистический союз. Что касается общедельской партии, то она окончательно разложилась. Не только рабочие, но и малосознательные сельские массы покинули ее ряды. Ныне она представляет собой партию без организации и штаб без войска. Ликвидирована окончательно и формально, так называемая, Рабочая Коммунистическая партия. Несколько ее групп в провинции перешли полностью к Коммунистической партии против воли своего центрального комитета, а недавно ее Софийская группа, за исключением руководящего партийного штаба, также примкнула к Коммунистической партии.

3. Межбалканская конференция профсоюзов.

3 и 4 ноября 1920 г. в Софии состоялась Межбалканская конференция профессиональных союзов, созванная по инициативе Совета профессиональных союзов Болгарии. Присутствовали делегаты от профсоюзов Юго-Славии, Румынии и Болгарии. К сожалению, греческая Конфедерация Труда не была представлена. Но это не было следствием ее принципиального отказа участвовать в подобной конференции, а следствием препятствий политического характера. В конференции принял участие и делегат Международного Совета Красных профсоюзов, тов. *Глебов-Авилов*.

На конференции было достигнуто полное согласие относительно роли и задач профессиональных союзов, были положены основы Балкано-Дунайской профессиональной федерации и провозглашено формальное присоединение к Международному Совету Красных профсоюзов.

4. Межбалканское коммунистическое совещание.

Предположенная к этому времени вторая конференция Коммунистической партии Балкано-Дунайских стран не могла состояться. Греческая партия, занятая избирательной борьбой, не смогла прислать делегата, коммунистическая левица Румынской Социалистической партии, из-за наступивших в Румынии событий, не успела еще формально сконструироваться, чтобы участвовать в конференции в качестве представительницы румынского пролетариата.

Поэтому, вместо конференции, каковая будет созвана в ближайшее благоприятное время, состоялось только совещание, в котором обсуждалось положение партии в разных балканских странах.

Греческая Коммунистическая партия, правда, очень слабая, стоит, однако, на правильном пути.

К сожалению, нельзя сказать того же о Румынской партии. В Румынии революционное движение переживает тяжелый кризис. Социалистическая партия больна неизлечимо. Это—единственная партия в мире, которая со времени окончания войны не созвала своего с'езда. Социал-патриоты и центровики, господствующие в партии, систематически саботируют созыв с'езда, который выявил бы истинное положение и внес бы ясность в сознание масс. Нет силы, которая могла бы наладить созыв с'езда. Тем коммунистам, с которыми Болгарская Коммунистическая партия имеет связи, были даны следующие инструкции: во-первых, проявить инициативу по созыву частной конференции известных и преданных коммунистов, из которых должна сконструироваться коммунистическая левица в Румынской Социалистической партии; эта левица должна, далее, немедленно приступить к изданию еженедельного коммунистического органа, ряда коммунистических брошюр и воззваний, листовок и летучек к румынскому пролетариату; во-вторых, начать борьбу за немедленный созыв партийного с'езда. Дальнейший способ действий будет зависеть от обстоятельств. То же самое было указано и делегатами румынских профессиональных союзов. После некоторых колебаний они приняли все это к руководству. Но до сих пор ничего серьезного не сделано. Всеобщая стачка, которая была использована правительством в целях провокации, имела своим последствием сильнейшие репрессии, преимущественно, против наиболее деятельных коммунистов. Теперь старая партия в Румынии являет собой груду развалин, и нет даже зачатков новой партии. Без активной поддержки со стороны коммунистических партий соседних стран коммунистическому движению в Румынии трудно преодолеть переживаемый им ныне кризис. Болгарская Коммунистическая партия прекрасно учитывает это обстоятельство и делает все от нее зависящее.

5. Чествование трехлетия русской пролетарской революции в Болгарии.

Ц. К. партии дал лозунг, чтобы 7 ноября, день годовщины пролетарской революции в России, чествовалось повсеместно достойным и внушительным образом. Вместе с тем необходимо было демонстрировать и протестовать против контр-революционной политики болгарского правительства.

Страна продолжала стонать под режимом военной диктатуры, и контр-революция безудержно шла походом против коммунистов. Можно было ожидать столкновений. Правительство, искавшее повода запретить коммунистические собрания, нашло таковой в оккупации сербами Цареброда, состоявшейся 6 ноября. По этому случаю оно об'явило всенародный траур. Ц. К. энергично протестовал против этого произвола и не подчинился ему. Не подчинились также и местные комитеты.

В София на следующий день все партийные клубы, как и театр «Ренессанс», где должен был произойти митинг, были окружены жандармерией. Не было возможности туда проникнуть. Произошли столкновения между жандармами и коммунистами, которые не хотели разойтись. В конце концов, было решено, что митинг состоится вблизи партийного клуба. Массы народа быстро заполнили смежные с клубом улицы, и под носом полиции была произнесена краткая протестующая речь и прочтена и распространена в громадном количестве резолюция. В этот момент прибыл новый отряд жандармерии, который открыл стрельбу. Полицейской пулей был убит один рабочий, а со стороны полиции было ранено трое. В провинции годовщина также была отпразднована достойным образом, вопреки запретам полиции. Во многих деревнях были устроены митинги под открытым небом, а кое-где состоялись уличные демонстрации, но кровавых столкновений не произошло.

Все это привело в ярость правительство. Оно ответило массовыми арестами, особенно в Софии, организовало погром в квартале, где произошел митинг, возбудило преследования против целого ряда коммунистов, среди которых был и тов. Георгий Дмитров, депутат парламента и секретарь Центросовета профсоюзов. Но скоро правительство увидело себя вынужденным освободить всех арестованных товарищей и вернулось к своей старой практике—организации подлых нападений и убийств.

6. Мир и дружественные отношения с Советской Россией.

10 декабря Коммунистическая парламентская группа внесла в парламент запрос по поводу правительственной политики по отношению к Советской России. 11 декабря была получена в Софии, по радио, нота тов. Чичерина к болгарскому правительству, с предложением начать переговоры

о восстановлении дружественных отношений между обеими странами. 15 декабря была получена нота о том же тов. Раковского. Затем последовала вторая нота тов. Чичерина болгарскому правительству, в которой был заявлен протест против расхищения русского народного достояния, награбленного разбитыми бандами Врангеля.

Все это вызвало повсюду сильное возбуждение. Болгарская Коммунистическая партия предприняла по всей стране энергичное выступление под лозунгом: «Мир и дружественные отношения с Советской Россией».

На многолюдных собраниях и митингах массы требовали от правительства, чтобы оно порвало всякую связь с русскими контрреволюционерами и начало политические, торговые и культурные сношения с Советской Россией. Буржуазия и правительство увидели себя вынужденными занять ясную позицию по этому вопросу.

Буржуазные партии попытались, было, сначала прибегнуть к увертках. Болгария — говорили они — ничего не имеет против России, но мирный договор с Антантой не позволяет ей вступать в какие-либо сношения с Советской Россией. Однако, в конце концов, они открыли свои карты и самым недвусмысленным образом заявили, что пока в России у власти будут стоять большевики, Болгария не может поддерживать с нею никаких сношений. Мелко-буржуазные партии, в свою очередь, в каком-то истерическом исступлении, стали вновь осыпать русскую Советскую Республику самыми фантастическими клеветами и отвратительными мерзостями. В общем контр-революционном хоре участвовали также и «широкие социалисты», которые в каждом номере своей газеты обнаруживали ненависть к большевикам и не скупились на брань против Советской России.

Правительство, которое в своей ответной ноте ограничилось лишь протестом против обвинения, что оно помогает русским контр-революционным бандам, в парламенте, в ответ на запрос коммунистов, открыто заявило, что с большевистской Россией дружественных отношений оно не завяжет.

Коммунистическая партия заявила в парламенте, что братская рука русского трудящегося народа протянута не к правительству и не к буржуазии, а к болгарскому трудящемуся народу, и что последний горячо пожмет ее, лишив власти ныне господствующие эксплоататорские и угнетающие классы.

Таким образом, ноты т.т. Чичерина и Раковского сыграли значительную революционную роль хотя бы уже тем, что сорвали маску с болгарской буржуазии и заставили ее, вопреки внутренним раздорам и несогласиям, сплотиться в единый контр-революционный блок против большевизма и большевистской России.

Секретарь Болгарской Коммунистической партии **В. Коларов.**

София,
5 января 1921 г.

ИНСТРУКЦИЯ ПАРЛАМЕНТСКОЙ ГРУППЫ БОЛГАРСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ (ТЕСНЯКОВ).

1) Группа состоит из всех депутатов Болгарской Коммунистической партии.

2) Депутаты подлежат исключению согласно устава и регламента партии. В случаях, не терпящих отлагательства, до решения конгресса, они могут быть временно устранены из состава группы Центральным Комитетом партии.

3) Кандидатуры депутатов намечаются согласно устава Б. К. партии. Кандидаты в народные представители выдвигаются окружными комитетами и утверждаются Ц. К. партии, который имеет право включать в кандидатские списки новых лиц, исключать уже включенных туда или изменять порядок кандидатур.

4) После выборов созывается парламентская группа, и конструируется Ц. К. партии, который все время руководит и контролирует ее деятельность.

а) Выборное бюро группы (председатель, два товарища председателя, два секретаря и кассир) утверждается Ц. К. партии.

б) Специальный представитель Ц. К. в группе имеет право делать возражения, высказывать свои мнения и давать директивы по всем вопросам, разрешаемым группою.

в) Назначенные группой ораторы могут быть сменяемы Центральным Комитетом, который имеет право требовать от каждого предварительного изложения как основных положений речи, так и полного ее текста.

г) Каждый член группы дает Ц. К. официальное письменное обязательство вернуть свой мандат по первому его требованию.

д) Ц. К. распоряжается парламентской и внепарламентской деятельностью коммунистических депутатов. Когда последние не имеют поручений от Центрального Комитета, то окружные комитеты равным образом могут возлагать на них партийную работу.

е) Во время рабочих демонстраций, и других революционных выступлениий коммунистический депутат обязан находиться во главе рабочих масс там, где укажет ему местный комитет.

ж) За все свои действия коммунистический депутат ответствен не перед избирателями, а перед Ц. К. партии.

з) Парламентская трибуна должна быть использована не только для борьбы с буржуазией и ее открытыми защитниками, но для изобличения социал-предательства буржуазных реформистов, оппортунистов и других замаскированных врагов рабочего класса.

Коммунистический депутат должен говорить в парламенте таким языком, который был бы понятен каждому рабочему, крестьянину, каждой прачке и каждому пастуху.

и) Не только на словах, но и всеми своими поступками в парламенте коммунистический депутат должен проявлять свою непреклонную враждебность к капитализму.

5) На обязанности бюро лежат: руководство заседаниями и деятельностью парламентской группы, распределение парламентской работы между отдельными секциями и их членами, представительство группы перед Б. К. партией, парламентом, другими партиями, учреждениями и лицами; устройство библиотеки, составление и опубликование отчетов о деятельности парламентской группы и, в экстренных случаях, решение вопросов от имени группы.

Отчеты Центральному Комитету представляются после каждой сессии парламента. Они принимаются предварительно группой.

6) Бюро заботится о том, чтобы все члены группы принимали участие в парламентской работе; оно непосредственно контролирует их деятельность.

7) Парламентская группа подразделяется, соответственно вопросам, на следующие семь секций: 1) общеполитических вопросов, 2) экономических и финансовых, 3) военно-полицейских, 4) социального рабочего законодательства, 5) судебно-юридических, 6) народного просвещения и 7) народного здравия.

8) Каждая секция изучает вопросы своей области, составляет законопроекты, заготовляет запросы и интерпеляции, определяет ораторов и докладчиков. По каждому важному вопросу она докладывает общему собранию группы.

По важным специальным вопросам секция может выслушивать мнения сведущих партийных товарищей, хотя и не членов группы.

9) Каждая секция избирает секретаря, который созывает заседания секции и руководит ими. Секретарь представляет ее в Бюро парламентской группы.

10) По всем принципиальным и тактическим вопросам парламентская группа созывается в полном составе, причем в своих решениях она обязана руководиться партийной программой, решениями конгрессов, директивами Совета и Ц. К. партии. Если кто-либо из депутатов отклонится в своей речи от принятых группой партийных положений, Бюро или Ц. К. поднимают вопрос об этом в парламентской группе для обсуждения и выяснения. Это могут делать через Ц. К. или Бюро и отдельные депутаты, если они усмотрят подобное уклонение.

11) Группа созывается на заседания Бюро, а секции—их секретарями. Решения принимаются большинством голосов.

12) Члены группы обязаны регулярно посещать заседания группы и секций и активно участвовать в деятельности группы, выполнять всякую работу, какая будет на них возложена группой, Бюро или Центральным Комитетом.

13) Каждый член делает определенный Центральным Комитетом взнос в пользу парламентского фонда, которым распоряжается Ц. К. и расходует его на нужды партии.

14) На канцелярские и другие расходы, а также на нужды библиотеки члены делают особый взнос, определяемый группой.

15) Члены группы могут отсутствовать только с разрешения Бюро. Отсутствующие без разрешения, независимо от тех дисциплинарных мер, какие найдет нужным принять Бюро, обязаны вносить в кассу группы свои суточные деньги за все время отсутствия.

Отсутствующие по партийным делам, после возвращения, должны представить письменный доклад—через Бюро группы Центральному Комитету.

Депутаты обязаны давать регулярные отчеты Центральному Комитету и о своей внепарламентской деятельности. Для этого они должны вести особые дневники, в которых в хронологическом порядке отмечается все ими сделанное.

16) Личные недоразумения, не улаженные при содействии Бюро, передаются товарищескому суду.

Секретарь Парламентской Группы **РАДЕВ.**

Секретарь Болгарской Коммунистической партии (тесняков) **В. КОЛАРОВ.**

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЮГО-СЛАВИИ.

I.

Из всех государственных новообразований наших дней Юго-Славия представляет наиболее пестрое создание. Провинции, входящие в состав королевства сербов, хорватов и словенцев, хотя сплошь населены юго-славянами, до войны были разделены на шесть государственных частей: 1) королевство Сербия, 2) королевство Черногория, 3) королевство Хорватия, входившее в состав Венгрии, 4) Воеводина, составная часть южной Венгрии, 5) Словения и Далмация, принадлежавшие Австрии, 6) Босния и Герцоговина, бывшие на положении колоний Австро-Венгрии. Юго-Славия, занимающая территорию в 252.254 кв. км., насчитывала в 1910 г. 12.792.913 жителей, с плотностью 51 чел. на кв. км. Из этих, круглым числом, 13.000.000 жителей 85%, т. е. 11.000.000, юго-славян, а 15% албанцев, венгерцев, немцев, румын, турок, цыган, евреев и др. У юго-славян два литературных языка: 92% пользуются сербско-хорватским а 8% словенским. По религии—православных 55%, католиков 38% и мусульман 6%.

Юго-Славия—страна земледельческая, и 80% ее жителей занимаются сельским хозяйством и только 20% промышленностью, торговлей, государственною службою и свободными профессиями. В земледелии преобладает мелкое хозяйство. Из 1.530.443 хозяйств—468.000 имеют меньше 2 десятин; 565.000 от 2 до 10 дес., 206.600 от 10 до 50 дес., и только 8.192 хозяйства имеют больше 50 дес. Крупных землевладельцев (свыше 50 дес.) только 0,6%, а владеют они 2.478.000 дес., т. е. 27% всей плодородной площади

Аграрный вопрос почти в каждой провинции носит особый характер. В Македонии существуют еще турецкие феодальные отношения, в Боснии аграрный вопрос разрешен самими крестьянами, которые в 1919 г. отобрали у беков всю землю. Но при этой неорганизованной аграрной революции пострадали и мелкие хозяева-мусульмане. В Сербии крупного землевладения почти нет (только 6%), зато в Боснии, Бачке и Славонии 28%. В этих областях существует феодальный обычай, так называемого, «наполичарства» (испольная система): крупные и средние землевладельцы дают землю в аренду безземельным и малоземельным крестьянам, под условием, что половина урожая должна быть отдана землевладельцу, как арендная плата.

Юго-Славия богата рудами, каменного угля мало—до войны в год добывалось всего только 40.000 тонн. Зато почти всюду много лигнита,—в год до войны добывалось 3.400.000 тонн. В Сербии один из самых крупных в мире рудников красной меди; в год добывается 300.000 тонн. В Боснии большой запас хорошей железной руды; годовая добыча 300.000 тонн. В Юго-Славии в 123 горных предприятиях работает 30.000 рудокопов. Индустриальных и ремесленных предприятий всего 337.000. В них до войны работало 633.000. *Везде преобладают ремесленные и мелкие предприятия.* Было 202.000 предприятий с одним рабочим, 335.000 мелких предприятий (меньше 20 рабочих), с 441.000 рабочих. Крупных предприятий (больше 20 рабочих) было 2.579 с 194.000 рабочими; число лошадиных сил в них 431.000.

Ремесло и индустрия больше всего развиты в северо-западном углу Юго-Славии, где живут словенцы, из которых только 65% занимаются земледелием, а 35%—торговлей, индустрией и ремеслом. Больше одной трети всех рабочих живет в этой местности, но и здесь преобладает мелкая индустрия и ремесло.

Нигде война не причинила столько разрушений в народном хозяйстве, как в Юго-Славии. Ведь, почти вся территория нынешней Юго-Славии в продолжение 8 лет, с 1912 г., была местом военных действий или прифронтовой областью. Сербия, Македония и Босния с 1912 г. были на военном положении и, благодаря этому, в полном смысле разрушены. Сербия потеряла одну треть населения и 60%—80% скота. Главная железнодорожная линия совершенно разрушена и до сих пор не восстановлена. Фабрики или разрушены или опустели и превратились в развалины, вследствие отсутствия ремонта в течение восьми лет. Из 45 фабрик и заводов в Белграде осталось только 6, с очень малым производством и незначительным числом рабочих. Рудники также были разрушены или брошены в таком виде, что еще до сих пор работа в них не может быть восстановлена. Фабричное производство в некоторых отраслях не достигает даже 1/10 до-военной производительности. Деревни в целых уездах разрушены или уничтожены огнем. За отсутствием рабочей силы, рабочего скота и сельско-хозяйственных орудий, земледелие и скотоводство оправляются очень медленно.

Не лучше обстоит дело и в остальных провинциях. В областях, принадлежавших Австро-Венгрии и бывших как бы ее колониями, война выжала все соки. Земля эксплоатировалась беспощадно, продукты и скот непрестанно реквизировались в течение четырех лет. Во всей Приморской области, вследствие блокады и войны, хозяйственная жизнь замерла. Голод свирепствовал в Далмации, Боснии, Лике, Истрии и Словении, и даже в некоторых местах Хорватии и Баната, отличавшихся плодородием. Проходившие через край и стационерные войска, австро-венгерские, германские, болгарские,

Антанты и сербские грабили беспощадно. Можно сказать, что территория нынешней Юго-Славии в общем пострадала от империалистической войны больше, чем какая бы то ни было область. Это необходимо иметь в виду, чтобы правильно понять политическое и экономическое положение страны.

Юго-Славия создалась в результате крушения австро-венгерского и германского империализма и в интересах империализма Антанты. Массы, утомленные войной, держались при перевороте пассивно. Они думали, что теперь настал конец войны и голода, и надеялись, что настает время демократического режима национальной и религиозной свободы. Но юго-славская буржуазия оказалась только орудием империалистической политики и экономического грабежа Антанты. Два года ее абсолютного господства, при поддержке лже-социалистических партий, не только не улучшили общего положения, но привели, наоборот, страну к кризису, из которого она стремится теперь выйти при помощи открытой диктатуры. Но последняя вызывает новые конфликты: чем больше буржуазия силою стремится выйти из кризиса, тем больше кризис увеличивается. Помимо этого, империалистический «мир» создал такое положение, при котором кризис ни коим образом не может уменьшиться, а, наоборот, должен все больше и больше усиливаться. Благодаря стремлениям итальянского империализма, значительная часть Адриатического побережья отрезана от своего Hinterland'a. Важнейшие пристани на Адриатическом море: Фиуме, Триест, Сплит и т. д. опустели. Средне-европейская дорога к этим пристаням, как и дорога на Восток, к Салоникам и Константинополю, *эти жизненные артерии Юго-Славии*, пришли в упадок вследствие разрушений и создавшегося в центральной Европе и на Востоке положения, обусловленного империалистическим миром. Конфликт с Италией из-за Адриатического побережья, конфликт с Немецкой Австрией из-за плебесцита в Каринтии, конфликт с Венгрией и Румынией из-за Бачки и Баната, старая ненависть между болгарской и сербской буржуазией из-за Македонии,—все эти национально-империалистические конфликты чрезвычайно затрудняют внешнее положение Юго-Славии и усиливают внутренний кризис.

Самую яркую картину военной и послевоенной политики банкротства империалистической юго-славской буржуазии дают следующие цифры:

Сербия в 1912 г., с площадью в 48.000 кв. км. и с населением 2.900.000, ввезла 266.542.126 килогр. продуктов, и 241.776 штучного товара и 58.713 куб. метров разных товаров, а вывезла — 315.275.763 килгр., 73.993 штучного товара и 64.560 кубич. метров разных товаров.

Юго-Славия в 1919 г., с площадью в 252.254 кв. кл., с населением 13.000.000, ввезла 154.308.921 килогр., 81.097 штучного товара, а вывезла 263.846.987 килогр., 144.246 штучного товара.

Отсюда видно, что бедная Сербия в пять раз меньшая по площади и по числу жителей, ввозила почти вдвое больше, а вывозила на 1/3 больше, нежеле большая и богатая Юго-Славия. В 1920 г. внешняя торговля оставалась столь же парализованной, как и в 1919 г.

Дороговизна предметов первой необходимости, в том числе и пищевых продуктов, которыми Юго-Славия богата, невероятна и растет беспрерывно. Предметы первой необходимости вздорожали в Сербии с 1914 г. на 900%, а заработная плата повысилась только на 500%. В бывших австро-венгерских областях положение вещей еще хуже: предметы первой необходимости вздорожали с 1914 года на 3800%, а заработок возрос только на 1300%. Массы, отказывающие себе во всем, в одежде, обуви, не в состоянии покупать предметов первой необходимости. С другой стороны, этот же кризис побуждает торговцев ежедневно повышать и цены, и свой барыш. Большая часть налогов в стране покрывается доходами от монополий и т. п., т. е., опять-таки, падает на трудящихся.

Этому внешнему банкротству соответствует, конечно, и внутреннее. Молодая и небогатая буржуазия продолжает экономически подавлять массы населения и все тяготы войны и разрушений сваливает на плечи рабочего класса, на бедное и среднее крестьянство.

Вследствие спекуляции валютой, для которой в Юго-Славии оказалась особенно благоприятная почва, в связи с существованием различных денежных единиц (динары, кроны, леи и т. д.), сильно развился и вырос финансовый капитал. Банки увеличили свои основные капиталы в десять и больше раз Они скупили большую часть фабрик и различных владений. Синдикаты и тресты банков быстро возникают и забирают в свои руки самые важные отрасли промышленности. Главную роль, при этом, играет финансовый капитал Франции, а затем идут английский и итальянский, которые стараются вытеснить германский капитал. Таким образом, страна с каждым днем попадает все в большую и большую финансовую зависимость от французского финансового капитала, что, конечно, вызывает отпор со стороны центрально-европейских и национальных финансистов. В настоящее время еще неизвестна вся сумма государственных долгов Юго-Славии, ибо пока еще не установлено, какую часть государственных долгов Австро-Венгрии она возьмет на себя. Во всяком случае, можно сказать, что сумма эта превышает 10 миллиардов динаров, т. е. 40 миллиардов югославских крон. Сюда необходимо, кроме того, присоединить 10 миллиардов крон ежегодного дефицита по государственному бюджету. Таким образом ясно, что финансовое положение Юго-Славии быстро ухудшается, и страна стоит накануне банкротства.

За два года своего господства буржуазия не только не сумела разрешить ни одного из крупных вопросов политических, экономических и социальных, но, наоборот, за это время вопросы эти до чрезвычайности осложнились и обострились.

Аграрная реформа осталась в архиве временного народного представительства, и о ней совершенно забыли. Она была проведена лишь в двух местах, где предоставлялись земли добровольцам, что вызвало еще большее недовольство среди крестьянской бедноты.

До войны отдельные провинции в Австро-Венгрии пользовались известной автономией: там существовали, так называемые, покраинские соборы, т. е. провинциальные парламенты с провинциальным самоуправлением. Теперь же в Юго-Славии вместо этой автономии введен строгий централизм, что вызывает общее недовольство населения.

Двухлетняя полнейшая анархия в торговле, индустрии и транспорте привела хозяйственную жизнь к серьезному кризису.

Юго-Славия, относительно, самая богатая страна инвалидами и сиротами — этими жертвами войны. Для помощи им почти ничего не сделано. Повсюду царит постоянная безработица. Эмиграция рабочих сил невозможна вследствие закрытия границ, дорого стоющего проезда и общего кризиса в Европе и Америке. А в то же время десятки тысяч здоровых и работоспособных русских контрреволюционеров получают сплошь и рядом ежемесячное пособие в 400 динаров.

При столь тяжелых условиях жизни страны буржуазия заботится только об одном—об укреплении армии. Милитаризм расцвел пышно. Большинство русских офицеров нашло себе хороший приют в сербской армии. Для армии нашли и построили помещения, снабдили ее новым вооружением. Миллиарды народных денег тратятся на военные нужды. Пролетариату придется принести большие жертвы и затратить громадные усилия, чтобы и этот могучий буржуазный аппарат использовать в целях революции.

Таково, в общих чертах, экономическое положение Юго-Славии.

II.

Политическое положение страны характеризуется следующими фактами.

На Вуковарском с'езде, в конце июня 1920 г., как известно, произошла борьба между двумя течениями: центровиками и коммунистами. Чтобы понять значение Вуковарского с'езда и вызванные им изменения в партийной жизни, необходимо обратить внимание на следующее чрезвычайно важное обстоятельство. До Вуковарского с'езда, партия была в двух отношениях многоликой. Во-первых, С. Р. П. Ю. (К.) на первом с'езде своем, в апреле 1919 г. в Белграде, об'единила в своих рядах центровиков и коммунистов. Во-вторых, она возникла из соединения до того вполне независимых друг от друга областных партий: Сербии, Хорватии и Славонии, Боснии и Герцоговины, Далмации и Воеводины.

Несмотря на то, что Белградский с'езд постановил, что партия вступает в Коминтерн, она не была, однако, коммунистической. С другой стороны, хотя Белградский с'езд выработал мнимо централистский устав, партия не была централизована. Этот устав предоставлял областным комитетам в Белграде, Загребе и Сараеве широкую свободу действия. В партийных органах не было общей политики, общих точек зрения. В результате в то время, как «Родничке Новине» и Белграде и «Роднички Лист» в Новом Саде были газетами коммунистическими, «Глас Слободы» в Сараеве носил полукоммунистический характер, «Ослобождение» в Сплите уже было наполовину анархосиндикалистским органом, а «Нова Истина» в Загребе, под редакцией доктора Радошевича, держалась открыто социал-предательского направления. Такой же разброд обнаруживался во всех других отношениях. Так, например, при общинных выборах в Кроации и Славонии, в марте 1920 г., партия выступила с двумя программами: с тезисами об общинных выборах в чисто коммунистическом духе, выработанными Исполкомом партии в Белграде, и социал-патриотической выборной программой, выработанной областным комитетом в Загребе, в котором было центровистское большинство.

Еще один пример: в мае 1920 г., во время забастовки железнодорожников, центральным комитетом профсоюзов Юго-Славии в Белграде была об'явлена 48-часовая всеобщая забастовка, которая саботировалась своими же партийными организациями в некоторых отдельных областях, особенно в Загребе.

Этому разброду особенно способствовало то обстоятельство, что правительство постоянно преследовало коммунистов, и на их места попадали центровики.

Кроме того, многие, представлявшиеся на Белградском с'езде радикалами, под давлением реакции, пошли направо. Вуковарский с'езд должен был раз навсегда покончить со всем этим политическим и организационным разбродом, и он, действительно, покончил с ним. Умудренные опытом, приобретенным в борьбе с правительственной реакцией и с хаосом внутри партии, коммунисты, во главе с тов. Симой Марковичем, на Вуковарском с'езде защищали следующую позицию: полное и безусловное подчинение постановлениям I Конгресса Коминтерна и декларации Исполкома Коминтерна и полное принятие резолюции I Балканской Коммунистической конференции в Софии. Соответственно этому, они выработали и предложили с'езду: программу партии, программу действий и устав партии. В то время, как коммунисты на Вуковарском с'езде представляли собой единую сплоченную группу, центровики

были расколоты на три части. Первая часть, во главе с Драгишем Лапчевичем, защищала точку зрения старой сербской с.-д. партии, т. е. высказалась против Коминтерна, против социальной революции до осуществления программы—минимум, за демократию. Вторая, во главе с доктором Живкой Топаловичем, который особенно боролся против обращения тов. Зиновьева к балканским народам и против резолюции I Балканской конференции, требовала, чтобы старая программа действия, принятая на Белградском с'езде, осталась без изменений. Обе особенно ожесточенно боролись против предложения создать нелегальную организацию. Третья часть, во главе с доктором Радошевичем, вообще, не принимала участия в работах с'езда и его комиссии, саботировала эту работу и участвовала только в голосовании, конечно, против коммунистов. Поведение этой третьей группы об'ясняется тем, что на с'езд она пришла с заранее готовым намерением отколоться и не подчиняться его решениям.

Результатом борьбы течений было принятие предложенных коммунистами программы партии, программы действий и строго централистского устава партии 4/5 голосов всех участников с'езда. При этом с'езд постановил изменить название партии, из С. Р. П. Ю. (К.) в К. П. Ю. и избрал единый коммунистический Центральный Совет. Последний на первом своем заседании избрал председателем тов. Павла Павловича (секретаря Центрального Комитета профсоюзов), партийными секретарями т.т. Симу Марковича и Филиппа Филипповича, а техническим секретарем тов. Владимира Чотича. Ни один центровик, несмотря на то, что из партии они не вышли, не был избран ни в центральный, ни в областной, ни в какой-либо иной местный комитет. С Вуковарского с'езда К. П. Ю. решила распространить свою деятельность и на Славонию, причем приступила к изданию в Любляне своего партийного органа «Рдечи Прапора», под редакцией Лавра Клемейчича. После с'езда центровики, с Лапчевичем и Топаловичем в Сербии, с Якичем в Боснии, держались пассивно; центровики в Загребе, во главе с Радошевичем, не захотели подчиниться решениям с'езда. Они присвоили себе партийную кассу и партийный орган и начали борьбу с партией, чем и поставили себя вне ее. Они повели против К. П. Ю., с помощью «Новой Истины», в интересах демократической партии, наглую клеветническую кампанию. К. П. Ю. ответила на это изданием в Загребе газеты «Новый Свет» (3 раза в неделю), под редакцией т.т. Цвиича и Цесарица. Эта борьба окончилась полнейшим поражением предателей, которые были изгнаны из всех организаций и профсоюзов. Уже в конце августа у них не было больше возможности выступать на публичных собраниях. Между тем, партия приступила к об'единению профсоюзов (250.000 членов), бывших вначале организованными по областям, в одну централизованную для всей Юго-Славии организацию. Профсоюзы собрались на с'езды по своим профессиям, где и произошло их об'единение. При этом, за исключением трех профессий: частных служащих, железнодорожников и печатников, в Центральный Комитет профсоюзов были избраны почти всюду коммунисты.

По вопросу об Интернационале Профсоюзов все эти с'езды, за исключением вышеназванных трех профессий, громадным большинством высказались против Амстердама и безусловно за Москву. Упомянутые же три профессии постановили выждать опубликования решений и резолюций предстоящего в Москве конгресса профсоюзов.

Между тем, приближались выборы в Учредительную (Уставотворную) Скупщину—первые парламентские выборы в об'единенном Юго-Славском государстве, которое до сих пор имело временное народное представительство. Последнее бойкотировалось С. Р. П. Ю. (К.) И вот в тот момент, когда влияние коммунистов в профессиональном движении так усилилось и упрочилось; когда реорганизация партии, по принятому на Вуковарском с'езде плану, была в полном разгаре, правительство попыталось было еще перед выборами в Учредительную Скупщину нанести рабочему движению тяжелый удар. Оно хотело издать закон («о труде и порядке»), которым пролетариат был бы лишен всякой возможности протеста и права стачек. Имелось в виду милитаризировать почти все важнейшие отрасли промышленности.

Однако, ряд мощных местных забастовок и угроза всеобщей забастовкой заставили правительство отказаться от проведения этого закона.

Видя агрессивные намерения правительства, центровики, оставшиеся еще пассивными членами партии, воспрянули духом и решели использовать преследования коммунистов. И вот как раз, когда партия вела ожесточенную избирательную кампанию, они издали брошюру: «Манифест оппозиции Коммунистической партии». В первой части этого манифеста они жалуются на Центральный Комитет, обвиняя его в том, что несмотря на принадлежность к партии, они устранены от всякой активной партийной работы а также и от работы в профсоюзах. Во второй части манифеста они борются против Коминтерна, причем пользуются той же аргументацией, что и Гильфердинг и К° в Германии.

Так как, по постановлению Центрального Совета партии, никто не мог быть кандидатом на выборах, раз он заранее не принял 21 условие, то центровики и не могли быть использованы ни как кандидаты, ни в каком другом отношении.

Выборы прошли при ожесточенных преследованиях коммунистов со стороны правительства. Все партийные издания были подвергнуты цензуре; не скупились и на ко

фискации. Распоряжением совета министров, за две недели до выборов, К. П. Ю. была воспрещена всякого рода агитация.

Несколько сот коммунистических агитаторов были арестованы. Выборы были проведены К. П. Ю. в точном соответствии с принципом революционного парламентаризма.

К. П. Ю. открыто призывала массы под знамя пролетарской революции, Советской Республики Юго-Славии и коммунизма.

Это революционное использование выборов дало блестящие результаты. Несмотря на то, что много тысяч рабочих, неславянского происхождения или славян, но не со славянскими именами, не были внесены в избирательные списки или вычеркивались из последних; несмотря на то, что партия располагала относительно слабым избирательным аппаратом; несмотря на то, что К. П. Ю. в то время была лишена буквально каких бы то ни было материальных средств,—она получила на выборах 59 мандатов из общего числа 419.

Состав Учредительной Скупщины:

Коммунисты	59
Радикалы	95
Демократы	96
Сербские республиканцы	3
Крестьянская партия	48
Клерикалы	28
Социал-демократы	9
Беспартийные	2
Партия Радича	49
Мусульманская кр. партия	28

Беспримерное поражение потерпела группа центровиков, во главе которой стоял доктор Радошевич. В Загребе, единственном месте, где ей вообще удалось выставить своих кандидатов, она получила 360 голосов. К. П. Ю. собрала там же 3.800 голосов. Так как оппозиция центровиков во время выборной кампании своим «манифестом» совершенно открыто нанесла предательский удар в спину К. П. Ю., то после выборов она была исключена из партии Центральным Советом К. П. Ю. Все сочувствующие ей были привлечены к партийному суду. Этим исключением порывалась всякая связь между партией и бывшими товарищами Лапчевичем и Топаловичем. Лапчевич лично хотел, было, избежать этой участи и за несколько дней до своего исключения, в письме на имя товарища Симы Марковича, заявил о своем решении покинуть политическую деятельность. Все же, некоторые центровики в Сербии и Боснии остались на важных постах в профессиональном движении, ибо за такое короткое время не удалось еще устранить их от работы. Хорватские же центровики, после понесенного на выборах поражения, вынуждены были прекратить издание «Слобода Речь». Что касается социал-демократической партии, то в Сербии, Кроации, Славонии, Боснии, Герцоговине и Далмации она не получила ни одного мандата. Даже ее главные вожди и бывшие министры, Корач и Букшей, провалились. Социал-демократическая партия получила только 3 мандата в Воеводине и 6 в Словении.

На том же заседании, на котором было покончено с оппозицией центровиков, Центральный Совет, на основании решения II Конгресса Коминтерна, постановил: в возможно ближайшее время, а именно в феврале, созвать экстренный с'езд партии. В то же время должен был произойти юго-славский с'езд профсоюзов.

12 декабря в Белграде была открыта Учредительная Скупщина.

Чтобы понять политическое положение в Юго-Славии, при открытии Скупщины, необходимо иметь в виду следующее обстоятельство. Как было упомянуто выше, за два месяца до выборов было распущено временное народное представительство, заменявшее парламент. Оно состояло не из избранных, а из делегированных членов старой сербской скупщины, провинциальных парламентов Австро-Венгрии и национальных советов присоединенных частей бывшей Австро-Венгерской империи. Это учреждение бойкотировалось двумя партиями: С. Р. П. Ю. (К.), позже К. П. Ю., и партией Степана Радича (кроатская респ.-крестьянская партия).

В этом псевдо-парламенте имели большинство две государственные партии—демократов и радикалов. Обе они монархические и централистические. Затем шли клерикалы, особенно словенские, вступившие в блок с меньшими кроатскими мещанскими группами (условно монархические и федералистические).

По вопросу о национальном единстве юго-славского народа за полное единение стоят, кроме коммунистов и с.-д., из буржуазных партий одни только демократы. Все другие буржуазные партии, а с ними и радикалы, стоят за сохранение национальных различий.

В течение двух лет существования королевства С. Х. С. оно управлялось правительством, в которое входили представители всех буржуазных партий (в первом правительстве были представители и от с.-д.).

Полная неспособность буржуазных партий к управлению страной и постоянная политическая реакция, наряду с частыми правительственными кризисами, привели, наконец, к постоянному государственному кризису,—кризису самой идеи национального единства. Наиболее характерным показателем его было то, что на выборах партия Радича получила в Кроации и Славонии абсолютное большинство мандатов (50 из 93). Эта партия стоит за Хорватскую нейтральную республику. Подобно К. П. Ю., она постоянно преследовалась правительством. Но именно эти преследования, особенно усилившиеся после крестьянских беспорядков в Хорватии, в сентябре 1920 года (вследствие реквизиции скота), явились причиной ее роста и усиления. Сотни крестьян были избиты и посажены в тюрьмы, где они сидят и до сих пор. Против этих

преследований и за освобождение арестованных выступала одна лишь К. П. Ю. В национальном отношении партия Радича сепаратистская, в культурном—консервативная, а в социальном - псевдо-радикальная. Она ведет борьбу мелкого крестьянства против городской буржуазии. В наиболее бедных округах она выступала во время выборов с некоторыми коммунистическими лозунгами, а в более богатых усиленно боролась против К. П. Ю.

По вопросу о существующем строе Юго-Славии она стоит за переворот. Признаком кризиса идеи национального единства является также и то, что за наиболее сильные партии на выборах голосовали только сербы (радикалы получили почти 100% сербских голосов, демократы—80%). Можно, таким образом, сказать, что когда обе эти партии находятся в коалиции, Юго-Славией управляет почти одна сербская буржуазия, в то время, как хроатская и словенская буржуазия и мещанство в своем большинстве находятся в оппозиции.

Двор, военная камарилья и антантовские круги решили, в виду этого, лишить Учредительную Скупщину ее суверенных прав, между прочим, и права разрешать вопрос о монархии и республике. С этой целью совет министров выработал реакционный наказ, по которому все депутаты, под угрозой лишения мандатов, обязаны присягнуть династии Кара-Георгиевичей; свобода слова и право интерпелляции, как и возможность обструкции, сильно ограничены. Вследствие этого, парламентская фракция К. П. Ю., во главе с тов. Симой Марковичем, была вынуждена начать борьбу уже на втором заседании Учредительной Скупщины, во имя суверенности Скупщины. Она мобилизовала себе на помощь оппозиционные буржуазные партии и довела дело до того, что даже демократы держались на этом первом заседании пассивно. Перепуганные этим политическим осложнением, двор и военная камарилья употребили все усилия для создания коалиции надежных для себя партий—радикалов и демократов. Это им удалось. На следующем заседании, когда тов. Маркович выступил с речью против буржуазных партий, радикалов и демократов, последние не дали ему говорить. Он был лишен слова, и коммунистическая фракция демонстративно покинула зал с возгласом: «Да здравствует Советская Республика Юго-Славии».

Одновременно шла борьба экономическая, которую вели профсоюзы: во многих местах вспыхивали стачки местного и общего характера. 12.000 голодающих словенских углекопов и горнорабочих уже в течение четырех месяцев вели борьбу за увеличение заработной платы и за улучшение невыносимо тяжелого положения.

Правительство еще перед выборами хотело спровоцировать стачку углекопов и горнорабочих, чтобы отвлечь, таким образом, лучшие силы К. П. Ю. от выборной борьбы и иметь повод для еще больших преследований. Однако, партии удалось помешать этому. После выборов углекопам и горнорабочим ничего не оставалось, кроме об'явления общей стачки. Стачка, очень хорошо организованная, началась в середине декабря, и вот уже свыше четырех недель бастуют 12.000 рабочих. Они решили держаться, несмотря на последовавшее в течение этого времени правительственное распоряжение о милитаризации горной промышленности. Правительство ответило на забастовку не только прекращением выдачи продовольствия бастующим, но оно запретило даже частным торговцам продавать бастующим рабочим продукты первой необходимости. Спустя неделю, горнорабочие Боснии также об'явили общую забастовку. Их толкнула на этот путь провокация правительства, нарушившего существующие тарифные постановления. Во время Рождества в шахты были посланы войска, которые в ночь на 25 декабря выбрасывали рабочие семьи из рабочих квартир на улицу. После рождественских праздников войска направились во все окрестные деревни и пытались силой заставить крестьян работать в шахтах. В Боснии дело дошло до ожесточенных сражений.

Крестьяне, у которых оружие осталось еще со времени войны, оказали войскам вооруженное сопротивление. Произошли настоящие сражения. С обеих сторон были раненые и убитые. 26 декабря правительство издало указ о милитаризации горной промышленности; все горнорабочие от 18—50 лет об'явлены военнообязанными и мобилизованными; они были подчинены военному командованию и подлежали военному суду. 27 декабря, в виду грозившей забастовки железнодорожников, правительство об'явило милитаризацию и мобилизацию железнодорожников и других категорий квалифицированных рабочих. Юго-славские рабочие, видя, как их товарищи горнорабочие поставлены под расстрел, и чувствуя угрозу своему существованию, решили 30 декабря об'явить всеобщую забастовку, для начала в больших городах—Белграде, Загребе. И вот, в ночь на 30 войска заняли важнейшие площади и улицы Белграда и рабочие дома. Город производил впечатление военного лагеря. В Загребе же удалось провести забастовку вполне, и после разгона правительством собрания рабочих там в течение трех часов происходили уличные бои. Пехота и кавалерия предпринимали настоящие атаки, во время которых было ранено 60 рабочих. При этом особую стойкость обнаружили группы работниц, которые в Шаргуни не хотели отступить перед вооруженной силой. Днем позже началась всеобщая забастовка в Вуковаре, где рабочие не хотели впустить в город эвакуированные туда части врангелевских войск. При этом был убит секретарь Вуковарской коммунистической организации, Супанит. Югославская буржуазия хочет опереться на имеющихся, в Юго-Сла-

вии русских контр-революционеров, в количестве 50.000 человек. Так, правительство хотело поселить казаков в Македонии, чтобы устроить барьер против революционной пропаганды.

30 декабря оно приступило к осуществлению давно задуманного плана. Уже будучи формально в отставке, и, несмотря на то, что 12 января должна вновь собраться Скупщина, правительство, опираясь на коалицию радикалов и демократов, решилось на отчаянный удар.

В опубликованном 30 декабря указе безо всяких доказательств, об'явлено: «Правительство знает, что коммунисты готовят на-днях нападение на государство, дабы ниспровергнуть государственный строй по большевистскому образцу. Оно знает, что коммунисты заготовили бомбы, взрывчатые вещества и оружие. Оно знает, что коммунисты продолжают свою растлевающую пропаганду среди армии и жандармерии.

«На основании всех этих фактов совет министров постановляет:

«Пока Учредительное Собрание не выработало конституции, воспрещается коммунистическая, как и всякая другая, вносящая рознь пропаганда; коммунистическая организации распускаются, народные дома закрываются и опечатываются; коммунистические газеты и вся литература воспрещаются. Запрещаются всякого рода публикации, угрожающие спокойствию государства и восхваляющие диктатуру пролетариата и революцию. Всякий, кто устно или письменно будет агитировать в пользу всеобщей стачки, подлежит аресту».

Во втором пункте обязательного постановления воспрещаются также все те органы печати, которые стали бы критиковать это правительственное распоряжение.

В третьем пункте вожди Коммунистической партии Юго-Славии, находящиеся еще на свободе, об'являются юридически ответственными за всякое выступление, независимо от того, были ли они на месте этого выступления или нет.

В четвертом пункте сказано: исключаются из государственной службы все низшие и высшие служащие, профессора и учителя—коммунисты, а все коммунистические студенты лишаются стипендий.

Одновременно с об'явлением этого указа, правительство тотчас же приступило к его проведению по всей Юго-Славии. И в настоящее время в стране закрыты все организации, рабочие дома, газеты и издания. Даже буржуазно-оппозиционные газеты подлежат цензуре.

Коммунистическая литература конфискована также во всех частных книжных магазинах. Все здания партии, профсоюзов, типографий и книжных магазинов заняты войсками. Несколько сот коммунистов арестовано, оставленные на свободе считаются заложниками и ответственны за всякие выступления. Между тем буржуазные союзы начали действовать. Во многих городах запасные офицеры мобилизованы и будут организованы в буржуазные белые банды. Буржуазная пресса, подкупленная правительством, начала против К. П. Ю. кампанию, исполненную лжи и клеветы. Этой кампанией они стараются привить мещанству анти-большевистский психоз, дабы иметь возможность лишить Скупщину ее независимости. В своем указе правительство обвиняет К. П. Ю. в том, что она готовилась поднять на-днях вооруженное восстание против государственного строя. На самом же деле, у правительства нет никаких доказательств в пользу этого обвинения. Конечно, К. П. Ю. и не думала осуществлять «на-днях» того, что возможно лишь в результате ряда революционных фаз в Юго-Славии и соседних государствах.

Но буржуазия хочет с помощью этого выступления против коммунистов избавиться от своего наиболее опасного врага, чтобы навязать Скупщине конституцию, продиктованную двором, военной камарильей, Антантой и местной крупной буржуазией. Затем бужуазия хочет, устранив коммунистов, дать возможность социал-предателям и соглашателям стать во главе профессионального движения. Уже на-днях социал-предатели приступили к изданию в Белграде и Загребе газеты «Социалист» и собираются издавать таковую же в Сараеве.

С точки зрения внешней политики, это выступление правительства стоит в тесной связи с преследованием коммунистов во всей Малой Антанте. Юго-славское правительство хочет получить возможность принять участие в предполагаемом нападении на Советскую Россию с помощью врангелевских войск и Антанты. Таков ответ юго-славского правительства на мирные предложения Советской России.

Правда, «на-днях» в Юго-Славии еще не было благоприятных для провозглашения диктатуры пролетариата условий. Но именно, благодаря бессмысленной хозяйственной политике и белому террору юго-славского правительства, создается возможность для скорой пролетарской революции.

Поставленная вне закона, вынужденная работать только в подполье, К. П. Ю. и впредь посвятит все свои силы работе за достижение коммунистической идеи.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ГРЕЦИИ.

1. Экономическое положение.

По официальной статистике министерства народного хозяйства, население Греции равняется, приблизительно, 5½ милл., не считая Фракии и Малой Азии. Число наемных рабочих приблизительно достигает 150.000, а население, зависящее от них,—750.000.

Рост городского населения, с наплывом в города крестьян, значительно увеличился. 70% рабочих пришли из деревни. Этот наплыв крестьян в города и эмиграция крестьянских масс в Америку являются причиной отсталости земледельческих округов. Замечательно, что несколько лет тому назад греческие эмигранты, вернувшиеся на родину, вложили свои сбережения в мелкую торговлю, поддерживая тем самым мелкую буржуазию. После войны, которая ухудшила условия жизни в Америке, эмигранты массами стали возвращаться в Грецию, став беднее, чем были до отъезда, и, естественно, влились в ряды пролетариата.

Борьба классов в Греции обнаруживается в деревнях в виде существования аграрного вопроса, а в городах в форме борьбы рабочих с предпринимателями.

Аграрный вопрос в Греции характеризуется теми отношениями, какие сложились, с одной стороны, в Фессалийском округе, а с другой—в Пелопонесском В Фессалийском округе (в Фессалии) есть крупные земельные владения (тшифлика), которые нынешними их владельцами были отняты или куплены у турецких беев и пашей после революции 1821 года. В этих тшифликах работают крестьяне, так называемые, «коллегии,» имея свои отдельные участки и отдавая владельцу часть урожая. Это—настоящее крепостное право. Даже ныне в Фессалии имеются подобные владения, в которых живут более тысячи «коллегий». Кроме того, существует еще небольшое количество батраков, работающих на полях коллегии (кутурици).

Правительством Венизелоса издан закон об экспроприации этих владений, он является сплошным обманом и отдает землю коллегиям при условии уплаты удесятеренной ее стоимости.

В Пелопонесе положение вещей иное. Там мелкие собственники — производители изюма, они обременены долгами и всецело находятся в лапах разных ростовщиков и акционерных компаний. Таким образом, для них, обремененных тяжестью уплаты процентов и ипотек, слово «собственность» утратило всякое значение. Аграрный вопрос в Македонии носит тот же характер, что в Фессалии.

В городах образование классов находится в начальной стадии. В настоящее время можно ясно различить крупную буржуазию, состоящую преимущественно из судовладельцев Пирея и нескольких владельцев спиртных и химических заводов. Намечается также образование рабочего, чисто пролетарского класса. Но большую часть населения составляет мелкая буржуазия. Антагонизм между капиталистическим классом и пролетариатом особенно остро ощущается в крупной промышленности и в мануфактурном производстве, которое в Греции широко распространено. Вот почему рабочие электрических предприятий и рабочие-табачники лучше всего организованы и начали решительную борьбу с предпринимателями.

Промышленность находится еще в зачаточном состоянии. Согласно официальной статистике, несколько пополненной сведениями Всеобщей Конфедерации Труда, имеется:

1) 63 химических завода (из которых 45 довольно крупных); на них 3500 рабочих;
2) 15 спиртных заводов, с 1500 рабочих;
3) 35 ниточных фабрик, с 5000 рабочих;
4) 28 паровых мельниц, с 1299 рабочих;
5) 30 металлургических, заводов, с 4000 рабочих.;
6) 100 табачных предприятий с 4000 раб (20 из них имеют от 100—150 рабочих);
7) 50 кожевенных заводов с 2000 раб.;
8) 34 каменноугольные копи, с 6000 раб.;
9) 8 железнодорожных линий, с 6000 раб.;
10) 6000 транспортных рабочих;
11) 3 крупных и несколько мелких навигационных обществ, с 4000 раб.;
12) 5 трестов и 50 крупных табачных коммерсантов, с 25.000 раб.;
13) 2000 типографщиков и книгопечатников.
14) 4000 электротехников и рабочих на электрических станциях;
15) от 25.000 до 30.000 рабочих других профессий.

Развитие промышленности наблюдается почти во всех отраслях. С введением машин на папиросных фабриках тысячи рабочих были выброшены на улицу. В обувной промышленности наблюдается массовая безработица, в виду введения машин в сапожных мастерских. В особенности в навигации заметно развитие концентрации. Этот факт объясняется географическим положением Греции, благодаря которому в стране развита крупная транзитная торговля. Концентрация капиталов в греческой навигации настолько велика, что в настоящее время три крупных компании располагают ¾ всего коммерческого флота страны. Трестов еще нет, за исключением 5 табачных в Македонии, из которых 2 греческих, 2 американских и 1 международный.

В экономической жизни страны заинтересован в значительной мере иностранный капитал. Французские капиталы больше участвует в банках и промышленности. Но самую значительную роль играют английские капиталы, благодаря усиленному ввозу в Грецию английских товаров. Уголь, машины, ткань,—все это привозится оттуда.

Во время войны тесные торговые сношения установились с Америкой, откуда в Грецию ввозится большое количество сахару, хлеба и машин. Необходимо отметить, что Греция вообще не в состоянии удовлетвориться своим собственным промышленным производством. В то же время, она вынуждена ввозить большое количество зерна, не смотря на то, что половину ее населения составляют земледельцы. Этот факт об'ясняется плохим состоянием земледелия и крайне неудовлетворительными условиями жизни крестьян, которые постоянно бывают вынуждены переселяться в города и эмигрировать в Америку.

Финансы, начиная с войны 1897 г., находятся под международным контролем. Несколько времени тому назад американский министр финансов заявил, что Греция находится в числе стран, ничего не уплативших из своих долгов. Со времени своего основания греческое государство существует займами (главным образом, французский капитал). В настоящее время, по официальным данным министерства финансов, государственный долг ее достигает 3.282.986.597 драхм. Мы же имеем достоверные сведения, что он превышает 5 миллиардов драхм. Об экономическом разорении страны свидельствует тот факт, что последний внутренний заем, выпущенный правительством Венизелоса, не был покрыт полностью. Между прочим, недавно было выпущено 400 миллионов драхм бумажных денег; сумма эта не была обеспечена золотом. Согласно бюджету, представленному министерством в начале года, дефицит был исчислен в 265.180.014 драхм, но можно думать, что он гораздо выше, принимая во внимание расточительность правительства Венизелоса.

2. Политическое положение.

Политическая жизнь Греции характеризовалась до настоящего времени существованием партий отдельных личностей. Эти буржуазные по своему характеру партии отличались одна от другой только лицами, стоящими во главе каждой из них. Результатом этого факта, который об'ясняется недостаточной дифференциацией классов в Греции, явилось отсутствие программы социальной реформы, которая соответствовала бы требованиям населения. Только рабочий класс создал ныне определенную политическую и экономическую программу. Правда, Венизелос, пользуясь недостаточной сознательностью рабочего класса, издал, начиная с 1912 г., ряд законов, касающихся положения рабочих но они никогда не применялись на деле, законы же о рабочих организациях были реформированы в интересах капиталистов, как только рабочие проявили сознательность и инициативу.

В настоящее время, кроме Коммунистической партии, в Греции существуют две крупные буржуазные партии: партия Венизелоса, так называемые, либералы, и партия короля Константина, состоящая, с одной стороны, из партий Раллиса, Стратоса и Калогеропулоса и некоторых других, с другой—из партии Гунариса (народной, самой значительной из них). Крупным вопросом, из-за которого боролись эти партии была реставрация короля Константина. Вопрос этот не носит такого исключительно личного характера, как это может показаться с первого взгляда. Тут нет и борьбы между республиканской и монархической партиями.

Под давлением условий, созданных войнами—концентрация громадных барышей в руках олигархии и нищенство большинства населения,— бесконечных мобилизаций и все возрастающей дороговизны буржуазные партии начали мало-по-малу утрачивать свой личный характер и стали бороться за вопросы общественного характера. Таким образом, вокруг Венизелоса, сторонника вмешательства Греции в мировую войну в союзе с Антантой, сгруппировались все крупные капиталисты, интересы которых требовали войны, и несколько крупных государственных чиновников, которым улыбалась перспектива достигнуть, благодаря войне, более высоких чинов. С другой стороны, вокруг короля Константина,, стоявшего за нейтралитет Греции, сгруппировались народные массы, мелкая буржуазия и рабочие, которые достаточно пострадали от войны 1912—13 гг. и не хотели войны в 1915 году. Народ не хотел войны. Вот почему он любил короля Константина, с таким фанатизмом голосовал за него против Венизелоса на последних парламентских выборах и теперь требует реставрации экс-короля. Если бы в 1915 г., когда возник вопрос о вмешательстве Греции в войну, рабочий класс сорганизовался в отдельную политическую партию, положение вещей в настоящее время было бы, без сомнения, иным. Партия рабочего класса, борясь против политики вмешательства Венизелоса и в то же время, разоблачая подозрительные предложения Константина, могла бы об'единить под свом знаменем все народные массы, мелкую буржуазию и рабочих. К сожалению, нынешняя Коммунистическая партия Греции создалась спустя четыре года после взрыва мировой войны, в эпоху, когда Константин был лишен трона, а Венизелос старался задушить всякое движение, направленное против его воинственной политики, т. е. против интересов крупной буржуазии, которую представляла его партия. Для народных масс существовали только тирания Венизелоса и бедствия войны. А против партии Венизелоса был Константин, смертельный его враг, не хотевший войны. Коммунистическая партия

появилась слишком поздно и не имела возможности вести собственную политику, направленную против войны. Со своими 30-ю кандидатами она казалась неспособной, особенно в глазах крестьян победить всемогущую партию и правительство Венизелоса. Народ, хотя и выказал во время выборов благожелательное внимание к коммунистической программе, предпочел, однако, голосовать за оппозиционную буржуазию, так как в ее победе он усматривал верное падение Венизелоса и уничтожение его тирании. Таким образом Коммунистическая партия в семи округах, в которых она принимала участие в избирательной борьбе, при 230.000, приблизительно, избирателей, получила в общем итоге около 100.000 голосов, но из них только 10.000 были поданы исключительно за кандидатов Коммунистической партии, остальные же—одновременно и за оппозиционную буржуазию.

Когда Константин, дабы получить возможность вернуться в Грецию, будет вынужден взять на себя ответственность за новые обязательства по отношению к иностранным капиталистам ради новых войн; когда его партия окажется неспособной разобраться в экономическом хаосе и снова начнет обременять народ налогами и противодействовать требованиям рабочего класса; одним словом, когда политика короля рухнет,—тогда, вероятно, настанет черед Коммунистической партии потребовать от народа исключительного доверия к своей программе.

Что касается внешней политики страны, то известно, что Греция, благодаря своему географическому положению и зависимости от английского капитала, не может не следовать политике Англии. Этим об'ясняется вмешательство Греции во всемирную войну и участие в экспедиции против Советской России.

В виду того, что обстоятельства толкают Грецию на путь подобной политики, политика эта не изменилась и до настоящего времени. Константин будет вынужден вести такую же политику, что, по всей вероятности, и будет причиной его падения.

3. Рабочее движение.

Как известно, рабочее движение в Греции самое молодое на Балканах. Оно родилось вместе с войной и развилось среди ужасов военной тирании правительства Венизелоса. Правда, и до войны в Греции было несколько профессиональных организаций и социалистических групп. Но можно сказать, что эти проявления рабочего движения соответствовали его утопической фазе. Профессиональные организации, хотя и обладали уставами, подобными уставам всех профсоюзов мира, но не проявляли сознательности в классовой борьбе и всецело находились в руках буржуазных политиканов. Социалистические группы не выполняли никакой серьезной работы, так как были совершенно оторваны от рабочих масс.

В 1915 г., спустя несколько месяцев после начала мировой войны, по инициативе социалистической федерации рабочих в Салониках, которая развилась еще под турецким владычеством, социалистическое движение стало принимать определенное направление и освобождаться от разных утопических социал-патриотических элементов, как, например, от Дракулиса, Иаиоса и др. Одновременно началось движение профсоюзов в Салониках и Афинах, которые три года спустя добились созыва первого Всеэллинского конгресса рабочих (октябрь 1918 г.). На конгрессе была основана Всеобщая Конфедерация Труда Греции. Этот конгресс, в котором участвовали представители 264 профсоюзов, признал принципы классовой борьбы. Он был необходимым этапом в развитии профессионального движения. С этого времени оно стало принимать более отчетливый характер Многие члены профсоюзов, поставленные предпринимателями для проверки распределения жалования, были исключены. Стремление рабочего движения освободиться от бесполезных и желтых элементов особенно ярко выразилось при первом расколе в административной комиссии Конфедерации. Шесть ее членов бывшие орудиями в руках буржуазного правительства или же несознательными рабочими, исполняя предписание правительства, искавшего предлога изгнать из комиссии членов Социалистической Рабочей партии, протестовали против празднования 1 мая рабочими, входящими в состав Конфедерации. Произошел раскол. Шесть желтых членов увлекли за собой несознательный профсоюз железнодорожников и транспортных рабочих и несколько псевдо-профсоюзов Пирея. Они не получили, однако, одобрения со стороны большинства рабочих и были исключены из Конфедерации, которая стала управляться 5-ю оставшимися членами комиссии. Несколько времени спустя, под предлогом всеобщей забастовки 20 июля 1919 г., 4 члена комиссии Конфедерации были высланы на небольшой островок Эгейского моря. Буржуазия добилась того, что Всебщая Конфедерация Труда перестала существовать, как живой организм, рабочее движение остановилось на полпути.

Тотчас же после первого конгресса самые сознательные рабочие организации, федерации электрических и табачных предприятий, поняли необходимость совместной работы участников экономического и политического движения. За органическое сотрудничество Всеобщей Конфедерации Труда с Социалистической партией голосовали сначала рабочие табачных фабрик, затем электрических предприятий. Против этой тенденции восстал социал-патриот Иаиос. Заявляя, что он «единственный марксист» в Греции, он восхвалял теорию, по которой рабочий класс Греции должен быть левым помощником либеральной партии (венизелосцев). Последняя чистка Конфедераци была

произведена, когда были исключены два члена административной комиссии, бывшие орудиями в руках Ианиоса. Затем был созван II Всеэллинский рабочий конгресс. 90 голосами против 40 он голосовал за совместную работу Всеобщей Конфедерации Труда с Социалистической партией Греции (партия коммунистов).

На II конгрессе были представлены 173 профсоюза, из которых 100 довольно крупных. Рабочих, организованных в Конфедерации,— от 40—45.000; они распределяются по 40 профессиям и 35 городам

В Греции 3 профессиональные национальные федерации:

1) табачников, в состав которой входят 12.000 членов и 37 профсоюзов. Значение этой федерации особенно велико в восточной Македонии.

2) рабочих электрических и газовых заводов, в состав которой входят 3.500 членов и 6 профсоюзов.

3) железнодорожников, в состав которой входят 5000 членов и 6 профсоюзов.

Две первые примкнули ко Всеобщей Конфедерации Труда Греции. В федерации железнодорожников заметно брожение, благодаря пропаганде членов Социалистической партии, и можно надеяться, что на следующем конгрессе эта федерация будет голосовать за присоединение ко Всеобщей Конфедерации Труда.

Кроме того, есть еще федерация низших служащих почты, телеграфа и телефона, в состав которой входят 1500 членов и 6 профсоюзов. Хотя руководящая роль в этой федерации и принадлежит членам партии, она держится отдельно от Конфедерации, ибо недавно изданный закон воспрещает государственным служащим организоваться совместно с рабочими.

Другие профсоюзы и федерации не об'единены еще Конфедерацией. Некоторые федерации, которые значатся по статистике, как федерация служащих отелей и сапожников, фактически не существуют.

Профсоюзы связи и транспорта, которые составляют самую крупную и значительную федерацию в Греции, под влиянием агентов правительства, как, например, Машерас и Ко, почти сошли на-нет. Из них фактически существует только профсоюз моряков и шоферов, в состав которого входят около 2000 членов и который присоединился к Всеобщей Конфедерации Труда.

Имеется 17 бирж труда, распределенных по 16 городам.

Выходят 4 профессиональных органа: 1) *„Сознательный Рабочий“*, орган профсоюза рабочих электрических предприятий, в количестве 1500 экз. 2) *„Табачник“*,—4000 экз. 3) *„Пробуждение“*, орган федерации рабочих почты, телеграфа и телефона—1500 экз. 4) *„Железнодорожная Газета“*,—5000 экз. Все они кроме железнодорожного, выходят ежемесячно, а он—два раза в месяц.

Средний рабочий день равняется 9½ часам. Рабочие электрических предприятий добились своей последней забастовкой 8-часового дня.

Средняя поденная плата—14 драхм, максимум 35—40 драхм и минимум—8 драхм для мужчин и 2 драхмы для женщин. Цена на хлеб 2 драхмы за ока, мясо — 8—12 драхм за ока.

Кооперативное движение развито очень слабо. Кооперативы в Афинах и в Пирее были основаны на средства государства и находятся в руках желтых.

4. Коммунистическое движение.

Спустя несколько дней после закрытия конгресса, несколько профсоюзов созвали в Пирее I-й конгресс социалистических организаций Греции (17 ноября—2 декабря 1918 г.). На этом конгрессе было представлено 6 социалистических организаций (Салоники, Афины, Пирей, Воло, Корфу и Халкис). В них входило около 490 членов и 4 организации молодежи (Салоники, Пирей, Афины, Воло), с числом членов, около 300. На конгрессе было провозглашено основание Социалистической партии Греции. Основанная в то время, когда вильсоновские идеи внесли большое замешательство в умы некоторых лидеров международного социалистического движения, она не могла избегнуть влияния реформизма, господствовавшего в то время. Таким образом, была составлена и программа партии, поставленная на голосование на первом конгрессе. Но вскоре, под влиянием русской революции и внутренних условий рабочего движения, партия обрела свой революционный путь и стала бороться за революцию. В июне 1919 г. она откололась от II Интернационала и поручила Центральному Комитету вырешить вопрос о присоединении к III Интернационалу. II конгресс партии, который был созван в Афинах (18—25 апреля 1920 г.). , вынес почти единодушное постановление о присоединении партии к Коммунистическому Интернационалу. Против присоединения были только два члена, находившиеся под влиянием бывшего депутата Куриеля. По их мнению, партия, приняв принципы III Коминтерна, органически с ним сливаться не должна. Между прочим, конгресс отменил параграфы и программу партии, признававшую республику, как переходный этап к социализму, оборонительную войну и Лигу Наций. Конгресс поручил Центральному Комитету представить к III конгрессу новую программу, построенную на принципах Коминтерна. Наконец, он изменил название партии в Социалистическую Рабочую партию (Коммунистическую) Греции и заменил прежний устав партии новым, в основу которого была положена большая централизация.

Мы не станем говорить о перипетиях борьбы партии. Не смотря на цензуру и неустанные гонения со стороны диктаторского правительства Венизелоса, партия сумела

направить профессиональное движение Греции на верный путь классовой борьбы, очищая его от желтых элементов. Силы, которыми располагает партия в настоящее время, следующие: 7 секций (Афины, Пирей, Салоники, Воло, Кавала, Драма, Корфу) и 12 групп, в состав которых входит около 1000 членов; 8 организаций молодежи (Афины, Пирей, Салоники, Воло, Кавала, Драма, Халкис и Патрас) с 500 членами. Самые организованные и поддающиеся влиянию партии рабочие—это рабочие электрических предприятий и табачники.

Официальный центральный орган партии «*Эргатикос Агон*» выходит еженедельно в Афинах в количестве 7000 экз. Кроме того, выходит социалистический ежедневный орган «*Ризоспастис*»—10.000 экз.

Партия неоднократно пыталась основать ежедневную газету. В прошлом году была организована с этой целью подписка для «Эргатикос Агон», давшая 20.000 драхм. К сожалению, все возрастающая дороговизна бумаги и расходы на более неотложные нужды партии не позволили осуществить задуманного плана.

Салоникская секция издает еженедельный орган «*Аванти*», на еврейско-испанском языке, и еженедельный «*Голос Рабочего*», на греческом языке, который является также органом салоникской биржи труда. Первый из этих органов выходит в 3000 экз., второй в 2000 экз. В Кавале выходит еженедельный орган секции партии «*Новая Жизнь*» в 2500 экз.

На I конгрессе партия избрала своими депутатами Сидериса и Куриеля, депутатов рабочей федерации Салоник. На выборах 1 (14) ноября 1920 г. выставила кандидатуру 30 членов в 7 округах Греции. Избраны были только 2 делегата в округе Драмы, тов. Константидес и Михаилидес. Причины этого факта следующие: 1) многие рабочие голосовали одновременно и за коммунистов, и за оппозиционную буржуазию; 2) недоставало материальных средств для более энергичной пропаганды; 3) благодаря существованию куриальной выборной системе, голосование крестьян изменяет результаты выборов городского населения; 4) некоторые сознательные рабочие не были внесены в списки, благодаря произволу правительства.

Но, все же, коммунистическая программа была встречена благожелательно всюду, где имелась возможность ее представить.

После выборов организовалось около 30 новых групп, и влияние партии среди рабочих и крестьянских масс быстро растет.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АНГЛИЙСКИХ КОММУНИСТОВ ПОСЛЕ ОБ'ЕДИНЕНИЯ В ЛИДСЕ.

(ИЗ ОТЧЕТА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ).

Надежда руководителей Коминтерна видеть в Англии единую коммунистическую партию осуществилась на Лидсском соглашении 29—30 января. Благодаря этому соглашению слились в одну организацию: 1) Коммунистическая Рабочая партия (ограничивавшая свою деятельность исключительно Шотландией), Коммунистическая партия (Британская секция III Интернационала) и Коммунистическая партия Великобритании.

Социалистическая Рабочая партия (S. L. P.) попрежнему уклонилась от слияния. Но при этом необходимо иметь в виду, что упорный отказ этой организации от всяких переговоров об об'единении зависит главным образом от позиции, занятой немногочисленной группой должностных лиц. Поведение последних вызывает возмущение среди тех немногих секций, которые партии еще удалось сохранить и несомненно, что в скором времени оппозиция должна будет уступить и согласиться на слияние с Коммунистической партией Великобритании. Три наиболее крупных отдела партии уже настаивают на таком слиянии. Что касается коммунистического движения среди левого крыла Независимой Рабочей партии (I. L. P.), то здесь удалось достигнуть определенного соглашения между Исполкомом Об'единенной Коммунистической партии и намечающейся новой группировкой среди английских независимых. Исполком руководствуется в данном случае точными и заранее установленными тактическими заданиями, и благополучный ход переговоров дает возможность с полной уверенностью утверждать, что если на пасхальной конференции I. L. P. и не удастся повернуть влево всей партии, то во всяком случае значительная часть вольется в ряды коммунистов в качестве вполне желательных членов *).

На какой прирост может рассчитывать партия в случае этого своего нового успеха, трудно сказать, пока же в ее рядах числится до 5.000 членов, успевших уже примкнуть к об'единенному коммунистическому стягу. Принимаются все меры для того, чтобы пополнить эти ряды и привлечь новые группы, поскольку это позволяет обстоятельства.

На Лидсском совещании был установлен трехмесячный срок для окончательной вы-

*) На конференции в Сауспорте партия, действительно, раскололась, и левое крыло примкнуло к коммунистам. См. список присоединений к Коминтерну.

Ред.

работки и установления программы, устава и наказа партии.

Партия насчитывает в настоящее время (март 1921 г.) 150 секций (branches), об'единяющих в себе преимущественно городское население. Из этих секций составляются более крупные территориальные единицы—отделы (divisions), во главе которых стоят особые руководители, находящиеся под контролем Национального Организационного Секретариата (National Organising Secretary). Партией вовсе не оставлена мысль и о пропаганде в сельских местностях, которые ни в коем случае не остаются вне круга ее внимания.

При помощи 200 агитаторов устраиваются еженедельно около 300 митингов. Несомненно, что в летние месяца последняя цифра увеличится. От пятидесяти до шестидесяти членов партии являются муниципальными представителями, единственный коммунистический член парламента (полковник Малон) отбывает тюремное заключение.

Партия имеет ячейки почти во всех трэд-юнионах, и принимаются все меры для того, чтобы привести их в соприкосновение на основе производственного принципа, согласно тезисам Коминтерна. В связи с этим положено много сил на создание Британской секции Красного Интернационала Профсоюзов.

Всем членам партии вменяется в обязанность принимать деятельное участие в агитации среди безработных; она ведется очень интенсивно и не оставляет без внимания ничего, что может быть использовано в коммунистическом духе; уроки русской революции раз'ясняются непрерывно, и вопрос об отношении к Советскому правительству занимает важное место на каждом митинге безработных.

Лучшим доказательством значения партии служит то чрезвычайное внимание, которое оказывается ей со стороны властей. В больших городах для коммунистической партии невозможно получить достаточно обширного помещения для публичных собраний; во многих же местах коммунистам не разрешают, вопреки установившемуся обычаю, устраивать собрания на улицах и бульварах. В настоящее время 15 членов партии отбывают тюремное наказание или находятся в предварительном заключении. Принимаются все меры, чтобы затруднить коммунистам доступ к массам.

Образование Коммунистической партии Великобритании в августе 1920 г. послужило толчком для успешной коммунистической деятельности по всей стране. Центральное Управление переведено в новое помещение на одну из главных улиц Лондона, Кинг Стрит, № 16, в Ковент Гардене. В начале года все дела партии велись 8 лицами, теперь же их уже свыше 20.

При управлении партии, кроме секретариата, имеется ряд отделов.

Организационный отдел наблюдает за деятельностью членов партии, поддерживает связь между секциями и окружными советами и согласует между собой деятельность разбросанных по разным местам организаторов и пропагандистов.

Издательский отдел всецело посвящает свои силы изданию партийного органа—журнала «Коммунист».

Литературный отдел занимается выпуском брошюр, переводами с иностранных языков и т. д.

Партийная печать за последнее время сделала весьма значительные успехи. Тираж «Communist» с 10.000 увеличился до 50.000, что совпадает с превращением его в орган агитации среди широких масс. Перед всяким партийным органом стоят в качестве задач: 1) пропаганда идей среди широких масс, 2) партийное воспитание и информация внутри партии.

«Communist» до сих пор удовлетворял и обеим целям, но ясно, что он не мог преследовать той и другой задачи с одинаковым успехом. Между тем все сильнее ощущается необходимость в органе, который мог бы быть действительным подспорьем в революционном строительстве и был бы снабжен достаточным количеством информационного и всякого другого материала. Этот материал необходим для предстоящей систематической разработки партийной программы и применения ее к конкретным обстоятельствам. Между тем даже отчеты партии не могут найти себе места на страницах «Communist'a». Точно также и международная сторона коммунистического движения не освещается журналом с достаточной полнотой, между тем осведомленность в этом направлении для членов партии чрезвычайно необходима, так как всегдашним недостатком британского пролетариата была его оторванность от международного революционного движения. —

Учитывая все эти обстоятельства и идя на встречу возникающей потребности, Исполком в самом незамедлительном будущем предпринимает издание особого органа «Communist Bulletin»; выпускать его предполагается раз в месяц, а потом и чаще.

С начала августа 1920 г., когда издательский отдел партии, открыл свою деятельность и вплоть до февраля, вышли следующие книги:

1. «Советы за работой» (Soviet system at work) Роберта Вильямса . .	4.500 экз.
2. «Коммунизм» левого крыла (Left Wing Communism) Ленина	5.000 »
3. «Жизнь и деятельность Фридриха Энгельса» Зельди Каган-Котс . . .	2.000 »
4. «Экономическая организация Советской России» Милютина	2.000 »

Первая книга уже распродана и печатается новое издание.

За то же время в виде брошюр выпущены:

1. «Диктатура пролетариата» Каменева . . . . . 10.000 экз.
2. Первые четыре серии тезисов Коммунистического Интернационала . . . . . 5.000 »

Что касается двух остальных серий тезисов (по национальному и колониальному вопросам и аграрной политике), то для них были написаны специальные введения применительно к местным британским условиям; они теперь также вышли в свет.

Кроме того, было предпринято издание ряда брошюр для нужд текущей пропаганды.

Прежде всего был отпечатан в 10.000 экз. и распространен, главным образом среди левого крыла английских независимых, ответ Коминтерна на воззвание II Интернационала (Гендерсон, Томас, Гослинг и Макдональд—«за международное единство») под заголовком «Восстановление II Интернационала».

Наконец, обильный статистический материал, получаемый из России, был использован для третьей брошюры, имевшей целью показать экономическое развитие Советской России и обращенной главным образом к британским трэд-юнионистам.

Предпринято также издание и более объемистых книг. Ответ Троцкого на «Терроризм и коммунизм» Каутского находится в печати и скоро выйдет в свет.

«Развитие мировой революции» Радека уже переведено и ждет своей очереди после книги Троцкого.

Напечатана будет книга о коммунизме товарища В. Пауля.

Для бесплатной раздачи был выпущен ряд листовок. Наиболее важные из них: речь тов. Малона в Палате Общин о безработице и листовка под заглавным «Раскройте двери темницы», где выставляется требование освобождения арестованных коммунистов (число их растет с каждым днем).

В начале февраля 1921 г. в Лондоне вышло английское издание № 1 «Коммунистического Интернационала». Три последовательных выпуска дали в общей сложности 4.500 экз. Из них 1.000 экз. были розданы секциям Коммунистической партии, Независимой Рабочей партии и Социалистической Рабочей партии. В настоящее время печатается № 13 журнала, после которого наступит очередь № 2 и т. д. в порядке последовательности.

Принимаются все меры для издания, согласно планам Исполкома Коминтерна, «Мирового Обзора» коммунистического движения, где уделено будет особое место британским колониям и прежде всего Индии.

Отношение Коммунистической партии к Комитету рабочих и заводских старост.

Взаимоотношение между коммунистами и движением «заводских старост» в Великобритании требует специальных раз'яснений. Необходимо предпослать краткий исторический обзор.

Перед войной в 1914 г. развитие трэд-юнионов достигло такой степени, что стало необходимым установление особой связи между рабочими и Центральным Управлением, которое все больше удалялось от широких масс.

Когда введена была система заводских старост, обязанность их в первое время сводилась исключительно к финансовой стороне дела: к наблюдению за правильным поступлением взносов и к передаче их в соответствующие инстанции. Но затем в сферу компетенции заводских старост неизбежно вошел вопрос об отношениях между организованными и неорганизованными рабочими: старосты должны были четыре раза в год представлять отчет о числе трэд-юнионистов и неорганизованных в их предприятии. Таким образом «заводские старосты» стали причастны к агитации. Этим и ограничивалось все дело до войны. Об'единенное общество механиков (Amalgamated Society of Engineers), вступившее теперь в Об'единенный Союз Механиков—(Amalgamated Engineering Union), обладало наиболее развитой системой «заводских старост».

Наравне с этим существовал революционный союз организованных рабочих, берущий свое начало в постановлениях с'езда Индустриальных Рабочих Мира (I. W. W.) в Чикаго в 1905 г. В 1908 г. образовалась группа сторонников производственного юнионизма (Advocates of Industrial Unionism), имевшая чисто теоретическое значение.

Программа производственного юнионизма пользовалась особенным успехом на берегах Клайда в Шотландии, где и образовалась в 1910 г. первая боевая организация, принявшая наименование Промышленных Рабочих Великобритании. Активные группы были созданы в ряде провинциальных городов Англии, но действительный успех пропаганда имела только в Шотландии, где основано много крупных ячеек в различных предприятиях. Впрочем, в последнее время «Промышленные Рабочие Великобритании» утратили боевой характер и принялись за идейную пропаганду.

Когда вспыхнула война, положение рабочих стало ухудшаться в связи с растущей дороговизной. Одновременно росло и недовольство трэд-юнионами, заключившими в 1914 г. соглашение с правительством, согласно которому рабочие лишились права стачек и должностным лицам трэд-юнионов возбранялось какое-либо участие в подготовке забастовок. Тогда-то взоры рабочих и обратились к организации заводских старост.

На фабриках всегда существовало меньшинство, резко отрицательно относившееся к войне. Представители трэд-юнионов отказались стать во главе движения, и когда дело дошло до первой забастовки во время войны (в феврале 1915 г. в Шотландии), явилась на-

добность в новой организации для проведения этой забастовки и совершенно основательно было воспользоваться уже существовавшей системой заводских старост. Из забастовочной организации этой стачки вырос первый постоянный комитет, в который вошло много участников движения 1911 г., что сразу придало определенный характер всему делу. Комитет повел такую сильную агитацию, что вскоре его влияние стало ощущаться и во всей стране, и повсюду начали возникать подобные же организации. Это вызвало мысль о необходимости создания постоянного органа на обще-национальных основах, но только в 1917 году этот замысел получил осуществление, когда ряд забастовок охватил Шеффильд, Барроу, Глазго, Лондон и др. города и привел к большой стачке в торговых портах, имевшей целью установить рабочий контроль над транспортом. Был создан Национальный Административный Комитет. Хотя движение не увенчалось успехом, ход событий показал, что руководящие идеи этого движения пустили глубокие корни в мировоззрении рабочих, последние во всех критических обстоятельствах прибегают к организации, построенной по методам «заводских старост». Об этом свидетельствуют столкновения в Глазго, Бельфасте, Лимерике, Лондоне, забастовки железнодорожников и забастовки углекопов.

Сначала среди заводских старост преобладало настроение чисто синдикалистское, но постепенно, по мере того как в движении стало принимать участие все больше людей, прошедших школу социализма, и под влиянием общего хода событий, организации постепенно сблизались с Коммунистической партией, а в настоящее время все активные заводские старосты состоят членами партии, и вся организация в целом признает необходимость согласовать свою деятельность с выступлениями коммунистов.

На основании соглашения в Лидсе Временный Исполком партии должен был предпринять шаги для установления постоянной связи с Национальным Административным Комитетом (N. A. C.) заводских старост. Представители обеих организаций собрались на об'единенное совещание в Лондоне 23 февраля 1921 г.

Общее обсуждение и обмен мнений выяснили необходимость тесного сотрудничества партии и заводских старост в деле организации профессионального движения, основанного на производственном принципе, причем общий контроль и руководство движением необходимо должны были быть переданы в руки партийных работников.

Принятая резолюция: 1) указывала на необходимость «теснейшего сотрудничества между Коммунистической партией и рабочими комитетами»; 2) признавала, что «настоятельной нуждой индустриального движения становится передача контроля над ним в руки Коммунистической партии Великобритании, к чему должны быть приняты все надлежащие меры»; 3) возлагала на Коммунистическую партию Великобритании контроль над деятельностью своих членов, на обязанности которых лежит принимать участие в профессиональном движении в целях: a) проведения принципа организации по производствам, b) создания обстановки, благоприятной для революционных выступлений, c) освобождения от влияния Амстердамского Интернационала и перенесения центра тяжести на Красный Интернационал Профсоюзов.

На Коммунистическую партию возлагается забота о том, чтобы на всех ответственных постах профессионального движения стояли коммунисты и индустриальное движение в целом протекало бы в полном подчинении принципам, намеченным партией.

СЛИЯНИЕ ЛЕВЫХ СОЦИАЛИСТОВ С КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИЕЙ В ШВЕЙЦАРИИ.

ДОКЛАД ИСПОЛНИТЕЛЬНОМУ КОМИТЕТУ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА.

Дорогие товарищи!

Как вам уже известно из моего последнего доклада, работа комиссии по слиянию обеих партий была облегчена искренним желанием обеих сторон об'единить коммунистические силы в Швейцарии. Коммунистическая партия приняла всецело тезисы и постановления II Конгресса Коминтерна, и левые социалисты не могли впредь упрекать ее в синдикалистских и анти-парламентарных тенденциях. С другой стороны, у Коммунической партии не могло быть никаких возражений против слияния с левыми социалистами после того, как последние выбросили, наконец, из своих рядов оппортунистов, вроде Нобса, повели решительную борьбу с центром и, порвав с ним, вышли из Социалистической партии.

Все постановления комиссии были приняты единогласно, и мне, как представителю Исполкома, не приходилось разрешать ника-

ких конфликтов. Единственный тактический вопрос, вызвавший разногласия между Коммунистической партией и левыми социалистами, касался форм рабочих союзов. Мы решили представить этот вопрос на обсуждение с'езда, и каждый из нас заранее обязался подчиниться большинству, каков бы ни был результат голосования. С'езд был назначен на 5 и 6 марта.

Инцидент последнего момента.

Все было уже подготовлено для созыва С'езда, когда Платтен в конце февраля вышел из тюрьмы. Оторванный в течение долгого времени от швейцарского движения, он мог следить за его эволюцией лишь издалека. Он был еще сильно предубежден против направления Коммунистической партии. Выйдя из тюрьмы, он тотчас же провел в Цюрихской секции левых социалистов постановление, приглашающее Центральный Комитет левого крыла С. П. отложить вопрос о слиянии на несколько недель. Я решительно воспротивился этому предложению, находя, что вопрос о слиянии и без того слишком затянулся. Однако, я созвал оба центральных комитета (Коммунистической партии и левого крыла) для обсуждения совместно с Платтеном как его предложения, так и возможных в данном случае разногласий. Прения показали Платтену, что комиссия ликвидировала все то, что мешало слиянию; оба центральных комитета единогласно отвергли предложение Платтена, и созыв С'езда был окончательно назначен на 5 и 6 марта.

Коммунистическая партия была представлена на с'езде 28 делегатами от 21 секции, с 873 членами.

Левые социалисты имели 145 делегатов от 104 организаций, с 5.483 членами.

Часть прибывших товарищей, которые представляли на с'езде группы, еще не порвавшие с социал-демократией, не показаны в общем счете. Таким образом, на учредительном с'езде Швейцарской Коммунистической партии были представлены 125 секций, включающие около 6.500 членов

Прения.

Подробный отчет о прениях вы прочтете в швейцарской коммунистической прессе. Отмечу лишь, что с'езд отказался именовать К. П. «об'единенной», а назвал ее просто Швейцарской Коммунистической партией.

Это доказывает, что слияние носит глубокий характер, и что у левых социалистов изжиты прежние предубеждения против Коммунистической партии. Был выработан устав, который мы не замедлим прислать Исполнительному Комитету на утверждение. Была назначена комиссия для выработки программы, которая предварительно будет обсуждаться в отдельных секциях, а затем будет представлена на утверждение ближайшему Конгрессу. Принципиально с'ездом, было принято предложение о централизации прессы. Мы предполагаем издавать в Базеле центральный орган на немецком языке. Центральный орган на французском языке будет издаваться в Женеве, как только мы будем иметь необходимые для этого средства.

По вопросу о рабочих союзах одержала верх точка зрения Шнейдера, поддержанная и развитая Платтеном.

Интересно отметить, что в этом случае часть левых голосовала вместе с прежними коммунистами. Во всяком случае, вопрос этот будет еще обсуждаться в Центральном Комитете и в партийной прессе. Аргументация Платтена доказывает, что дальнейшее обсуждение вопроса необходимо, в целях устранения некоторых недоразумений. Сущность спора сводится к тому, что прежние коммунисты предлагают создавать при предприятиях советы, между тем как Платтен опасается, как бы эти советы не превратились, как в Германии и Австрии, в контр-революционные организации.

Спор о форме организации! Самое важное—это влить в наши организации революционное содержание.

Постановление о вступлении в Интернационал.

С'езд принял следующую резолюцию, высказав при этом пожелание, чтобы Коммунистическая партия была признана секцией III Интернационала:

«За последние годы швейцарские революционные рабочие постепенно стали покидать ряды социал-демократии и основали Коммунистическую партию. Но многие коммунисты продолжали еще оставаться, до декабрьского Бернского с'езда 1920 г., в Социал-Демократической партии, ведя в рядах ее борьбу за коммунизм и Коммунистический Интернационал. После того, как реформистам и центровикам удалось, всяческими правдами и неправдами, еще раз удержать большинство Швейцарской Социал-Демократической партии от вступления в Коммунистический Интернационал, а вожди социал-демократии стали вести совершенно недопустимую агитацию за вступление в II½ Интернационал, тысячи революционных товарищей стали покидать социал-демократию и образовали временно Левое Социалистическое крыло партии.

Убежденные в необходимости сплочения всех швейцарских коммунистов, Швейцарская Коммунистическая партия, уже ранее состоявшая членом Коминтерна, и Левое Социалистическое крыло партии слились на своем общем с'езде, состоявшемся 5 и 6 марта, в единую Швейцарскую Коммунистическую партию.

С'езд постановляет вступить в Коминтерн и уполномочивает Центральный Комитет войти с соответствующим ходатайством в Исполнительный Комитет.

Мы просим Исполком ответить нам в возможно кратчайший срок и сообщить, имеем ли мы право делегировать представителя в Исполком».

Центральный Комитет.

В Центральный Комитет, который имеет пребывание в г. Базеле, избраны с'ездом следующие товарищи—старые коммунисты: *Гандшин, Маат (Берн), Герцог (Цюрих), Зульцбахер;* левые социалисты: *Вельти, Кундиг, Роза Гримм, Платтен (Цюрих), Эмбер-Дроз* (Шо де Фон—Французская Швейцария). Женское представительство: *Роза Блох* (Цюрих).

Председателем избран Вельти.

Итак, мы ожидаем ответа на свою просьбу о вступлении в Коммунистический Интернационал.

С коммунистическим приветом

Жюль ЭМБЕР.

ОТЧЕТ О КОММУНИСТИЧЕСКОМ ДВИЖЕНИИ В БЕЛЬГИИ.

Начало коммунистического движения в Бельгии сравнительно недавнего происхождения.

Социал-демократическая партия к окончанию войны осталась вполне верна своим прежним реформистским воззрениям. Уход немецких войск из Бельгии и немецкая революция вызвали в бельгийском пролетариате и в возвращающейся домой армии революционное настроение. Предательство социал-демократических вождей, которые все без исключения принадлежат ко II Интернационалу, имело своим последствием образование в различных местностях оппозиции в рядах партии. Но оппозиция эта была очень слаба. К тому же во фламандских частях Бельгии движение это было сильно проникнуто фламигантистски - националистическими влияниями. Фламигантистские элементы, имевшие перевес в оппозиции, пытались использовать таковую для своих националистических стремлений. Таким образом случилось, что образовавшиеся, раньше всего во Фландрии, оппозиционные группы были совершенно пропитаны националистическими влияниями.

С основанием III Интернационала Антверпенская группа, состоявшая большей частью из активистов (фламигантистов), анархистов и толстовцев, конституировалась в качестве коммунистической партии. Но это было лишь по имени,—на деле же все осталось по-старому, и перемена названия внесла только смуту в среду рабочих, не питавших к этой группе большого доверия. Молодые товарищи, уставшие от бесплодной работы в партии, вышли из нее и образовали группу коммунистической молодежи. Они стали в оппозицию к партии и потребовали ее ликвидации. Подобное же неопределенное положение царило и в других группах Фландрии. Гентская группа состояла из анархистов и коммунистов, Лувенская — из одних только анархистов, пользовавшихся в своих целях авторитетом Коммунистического Интернационала. Эти три группы образовали Фламандскую Коммунистическую федерацию, избравшую исполнительное бюро, находившееся в Антверпене и издававшее еженедельник «Интернационал». Бюро созывало также время от времени с'езды, но оно не контролировало деятельности отдельных групп, и каждая из них действовала по своему разумению.

Связь с Валлонской Коммунистической партией, образовавшейся лишь впоследствии, была очень непрочной. Сначала я рассмотрю рост валлонской группы, развивавшейся совершенно независимо от фламандской, чтобы затем вернуться к их взаимным отношениям.

Брюссельская Коммунистическая группа возникла первой, в феврале 1920 г. Орган ее превратился в коммунистический и стал выходить под названием «L'Ouvrier Communiste» («Коммунистический Рабочий»). Несколько месяцев спустя, возникла также группа в Шарлеруа, состоявшая из меньшинства социал-демократической партии, покинувшего последнюю. В мае 1920 г. в Брюсселе состоялась конференция коммунистических групп Валлонии, приведшая к основанию Валлонской федерации Бельгийской Коммунистической партии. Газета «Коммунистический Рабочий» сделалась официальным органом этой федерации и расходилась в количестве почти 4.000 экземпл. в промышленных областях Валлонии. В Серэне образовалась еще одна группа из меньшинства социал-демократической партии; также и в Вервье. Все эти группы находятся под руководством брюссельской, во главе которой стоит тов. Ван-Оверстраатен. Они развили оживленную деятельность в промышленных областях Бельгии и приобрели большое влияние на тамошних рабочих.

По возвращении тов. Ван-Оверстраатена со II Конгресса Коммунистического Интернационала Валлонской федерацией, по почину Исполнительного Комитета Интернационала, созван был на 31 октября и 1 ноября с'езд всех коммунистических групп Бельгии в целях основания единой Бельгийской Коммунистической партии, в качестве секции III Интернационала. На с'езде присутствовало около 40 делегатов. В порядке дня значилось: обсуждение всех положений, принятых на II Конгрессе III Интернационала, и устава. При обсуждении тезисов более продолжительные дебаты возникли по поводу пунктов 12 и 13, по вопросу о централизации в коммунистической партии.

Было указано на опасность слишком строгой централизации сверху в только-что начавшейся развиваться партии, и принята в этом смысле резолюция. По вопросу о парламентаризме решено пока отказаться от участия в парламентской жизни, послать по этому вопросу меморандум Исполнительному Комитету в Москву и подчиниться его решению. Вопросу о работе в профессиональных союзах было посвящено много времени, и установлена необходимость приспособления тезисов к условиям страны. Вопрос представлял много трудностей, так как профессиональные союзы грозили исключить коммунистов.

Конгресс в Брюсселе заставил фламандскую федерацию занять определенную позицию. Для этой цели была созвана конференция фламандских групп, на которой присутствовал представитель Коммунистической партии Бельгии. Последствием этой конференции явилось заявление Лувэнской группы о ее нежелании примкнуть к Коммунистическому Интернационалу, так как она-де, не желает подчиняться диктатуре Москвы. Антверпенская группа приняла все условия и обещала произвести среди членов чистку, после чего могло бы последовать ее присоединение к Коммунистической партии Бельгии. Но чистка не была произведена как следует. Это повело к образованию второй группы.

Положение коммунистического движения в Бельгии в данное время представляется в следующем виде: группы Брюсселя, Шарлеруа, Серэна и Вервье об'единились в Валлонскую федерацию, примкнувшую к III Интернационалу. Они состоят из весьма небольшого числа членов, около 80, развивающих, однако, оживленную пропаганду. Почти все отличаются сознательностью в политическом отношении и активностью. Группы имеют большое влияние на рабочих в угольных округах, куда и направляют всю свою энергию. Они оказывают сильное давление на оппозицию бельгийской социал-демократической партии, постоянно критикуют ее и воочию показывают рабочим разницу между словом и делом ее вождей. Бельгийская Коммунистическая партия очень осторожна при приеме новых членов и не очень за ними гонится. Она принципиально стоит на той точке зрения, что партия должна развиваться снизу, и ей не представляется желательным, чтобы целые группы присоединялись, как таковые, к Коммунистической партии Бельгии, так как она опасается разжижить свои ряды. Орган Коммунистической партии Бельгии выходит, начиная с 1 марта, еженедельно.

Фламандской федерации, как таковой, более не существует. Гентская группа заняла правильную позицию и обладает хорошими силами. Но работать ей очень трудно, так как Гент можно назвать крепостью демократии. Ничто не препятствует ей примкнуть к Коммунистической партии Бельгии, но это может последовать лишь тогда, когда выяснится положение дел в других группах. В Антверпене имеются две группы, не примкнувшие к Бельгийской Коммунистической партии.

Между обеими идет упорная борьба, принявшая несколько личный характер. Гентской группе поручено Коммунистической партией Бельгии внести порядок в это запутанное положение, после чего может последовать об'единение обеих федераций в единую Коммунистическую партию Бельгии.

КОНФЕРЕНЦИЯ К. Р. П. ПОЛЬШИ.

В половине февраля в Варшаве состоялась общепартийная конференция, на которой были представлены девять окружных организаций 29-ю делегатами с решающим и 9-ю с совещательным голосом.

Единогласно была принята следующая резолюция по поводу постановлений II Конгресса Коммунистического Интернационала:

«Конференция, ознакомившись с содержанием условий, формулированных II Конгрессом III Интернационала, обязательных для партий, входящих в его состав (так называемое, 21 условие), констатирует, что программа, деятельность и тактика партии с первого момента ее возникновения соответствовали этим условиям. Конференция принимает их безоговорочно.

«Конференция постановляет дополнить название партии словами: Секция Коммунистического Интернационала».

Единственным спорным вопросом из обсуждавшихся на Конференции был вопрос об отношении партии к парламентаризму и к предстоящим, по всей вероятности, выборам в сейм.

Были представлены три проекта резолюций: одна, присоединяющаяся к тезисам II Конгресса и высказывающаяся за революционное использование выборов, и две бойкотистские. Первая была принята большинством 18 решающих голосов против 11. Участие в парламентских выборах партии, совершенно нелегальной, но располагающей, вопреки белому террору, сильнейшим влия-

нием на рабочие массы, ставит перед партией трудную, сложную, но весьма благодарную задачу.

Конференция, которая, в силу технически-конспиративных затруднений, вынуждена была закончить свои работы раньше предполагавшегося срока, не успела проголосовать предложенных докладчиками тезисов о международном положении и резолюции о положении в Польше. В виду того, что эти проекты характеризуют общую позицию партии, мы помещаем их в переводе (см. ниже).

Следует добавить, что Конференция происходила в обстановке начинающейся,—под непосредственным руководством коммунистов и вопреки сопротивлению социал-предателей из П. П. С.,—железнодорожной забастовки, которая привела впоследствии ко всеобщей забастовке и к крупному столкновению всего рабочего класса Польши с его врагами.

ПОСЛЕ ПЕРВОЙ ПРОБЫ СИЛЫ

I.

За все время существования независимой Польши буржуазия систематически и упорно укрепляла свои боевые позиции и подготовляла широкую мобилизацию сил для решительной атаки на рабочий класс. Атака эта, по плану буржуазии, должна была повергнуть рабочий класс к стопам капиталистов и помещиков, превратить рабочих в бесправных рабов, заковать их в тюремные цепи и заставить в унижении и нужде работать над восстановлением расползающегося по всем швам здания капиталистического хозяйства.

К такой расправе с рабочим классом вынуждает буржуазию в Польше, как, впрочем, и во всем капиталистическом мире, призрак собственной смерти, яснее и яснее выступающий из тьмы разрухи и хозяйственной анархии, усиливаемых все обостряющимися политическими конфликтами. Побороть и одолеть это грозное для буржуазии положение—вот главная задача правительства и капиталистов.

Однако, все до сих пор применявшиеся способы спасения тонущего корабля капиталистического строя оказались совершенно тщетными. Осталась еще последняя надежда, что удастся достигнуть этого путем крайней эксплуатации рабочего класса, первым условием чего должно быть господство белого террора, виселицы и пули. Эта новейшая и единственная программа буржуазии всего мира составляет также единственную программу польских имущих классов. Их вожди, в лице Дмовского, архиепископа Теодоровича, Дубановича и ксендза Лютославского, были издавна ретивыми апостолами этой программы и с нетерпением ждали момента, когда можно будет приступить к ее реализации.

Забастовка борющихся за хлеб железнодорожников варшавского узла, начавших свою геройскую борьбу против правительства, буржуазии, П. П. С., Центральной Комиссии и Исполнительного Комитета Профессионального Союза Железнодорожников и поддержанных единственно нашей партией, признана была капиталистами удобным поводом для начала решительной атаки.

Несмотря на мирные переговоры и на вопрос о Верхней Силезии, не взирая на общее положение страны и Европы, буржуазия поручила правительству Пилсудского-Витоса расправиться пулей и виселицей с бастующими железнодорожниками, предавая их военным судам и милитаризируя железные дороги.

Это поручение правительство попробовало привести в исполнение. Декрет о милитаризации был подписан Пилсудским и Витосом. Ивашкевичи и Лямезаны явились на зов, готовые вешать или расстреливать бастующих железнодорожников. Дмовский и Теодорович потирали от удовольствия руки. Иметь в Пилсудском или Витосе палачей рабочего класса и заставить их, вдобавок, при помощи милитаризации, разрушать фундамент «центролева»,—действительно, есть чему радоваться! Однако, радость буржуазии вскоре померкла, ее охватила глубокая тревога.

II.

Вступив в борьбу с железнодорожниками, бастующими за повышение заработной платы, правительство и буржуазия рассчитывали, что применяемая ими по отношению к рабочему классу тактика белого террора, столь гармонически дополняемого мошеннической, предательской и соглашательской политикой П. П. С., принесет свои плоды. Они рассчитывали, что рабочие отступят перед террором и кровавым призраком виселиц, что они не станут защищать своих священных прав и жизненных интересов, что они пассивно отступят перед натиском капитализма.

Но рассчеты оказались ошибочными. Когда в рабочих массах распространилось известие о милитаризации и угрозах Ивашкевичей вешать бастующих железнодорожников,—огромное большинство рабочих поняло всю суть начатой буржуазией борьбы и сознало, что этому натиску имущих классов необходимо немедленно противопоставить революционное выступление пролетариата. Мысль о всеобщей забастовке, как о могучем орудии борьбы рабочих с буржуазией, неуклонно проводимая нашей партией, но решительно отвергаемая и осмеиваемая П. П. С., предстала пред рабочими с неодолимой силой. Брошенный нашей партией на собрании Варшавского Совета Союзов и на фабричных митингах лозунг всеобщей забастовки был немедленно со стихийной силой подхвачен всей рабочей массой. Центральная комиссия, призывая пролетариат к забастовке, подчинилась принятому рабочими постановлению.

Подчинилась она, впрочем, только формально. Лозунги начинавшейся битвы были также формулированы нашей партией и поддержаны рабочими. На всех митингах и собраниях, во всех союзах раздавались наши боевые лозунги: «Долой белый террор! Долой милитаризацию! Требуем отмены военного положения и военно-полевых судов! Требуем освобождения политических заключенных! Свободы собраний и демонстраций! Свободы слова, печати и организаций!»

Для П. П. С. настал грозный час: или итти вместе с вешателями против рабочих, или публично и гласно признаться в банкротстве своего соглашательства с буржуазией, причинившей столько бедствий рабочим и столь успешно помогшей создать государственный аппарат, с помощью которого она душит, подавляет железом и заливает кровью все революционные выступления рабочих.

И тут-то каждому вдумчивому человеку стало яснее, чем когда-либо, что П. П. С. растерялась в тумане окутавших ее противоречий. Вожди П. П. С., верные своему принципу прислужников буржуазии и неуклонно подавлявшие всякую мысль о борьбе с нею и с правительством, высказались за обычную тактику П. П. С.,—за тактику покорного попрошайничества, шантажа, обещаний и мытарств. Мысль о всеобщей забастовке приводила их в бешенство, а ненависть к коммунистам с неумолимою силой влекла в об'ятия Ивашкевича.

Иначе думали рабочие П. П. С. Они хотели борьбы, хотели поражения правительства и капиталистов и требовали от своей партии, чтобы она подала сигнал ко

всеобщей забастовке и присоединилась к начатой коммунистами борьбе. Напор рабочих П. П. С. на своих предателей-вождей был настолько стремителен, ненависть к правительству и буржуазии так велика, недовольство полицикой соглашательства и измены так сильно, что вожди П. П. С., скрежеща зубами, постановили, после упорной борьбы, притворно пойти на уступки рабочим, дабы не толкнуть недовольных в коммунистический лагерь. Ц. И. К. П. П. С. решил гласно этой забастовке не противиться и даже робко и как бы стыдливо ее поддерживать.

Однако, для того, чтобы эта всеобщая забастовка не закончилась совершенным поражением правительства и буржуазии, благодаря которым П. П. С. существует, вожди ее постановили:

1) Забастовка должна исключительно иметь характер протеста и продолжаться только два дня;

2) В ней не должны принимать участия сельскохозяйственные рабочие.

Одновременно с этим П. П. С. начала «агитацию» в пользу забастовки; во Львове «Дзенник Людовы», орган П. П. С., помещал явно ложные телеграммы польского телеграфного агентства о ходе железнодорожной забастовки, без всяких комментариев, вызывая этим среди львовских рабочих фальшивые и вредные для успеха забастовки впечатления.

В Кракове орган П. П. С. «Напшод», от 28 февраля, в статье «Проба сил» так ободрял краковских рабочих к решительной борьбе: «О пробе сил польский рабочий класс совсем не думает, ибо он хорошо знает, что такая всеобщая проба сил была бы революцией, а для революции нет в настоящее время возможностей ни в Польше, ни где бы то ни было в истощенной Европе». «Пути сообщения—это дело, с которым не шутят, и правительство должно блюсти свой авторитет». Последняя фраза является фактическим оправданием и похвалою правительству за об'явленную милитаризацию и поддержкой на раз избранном пути.

В Варшаве тоже было видно, что П. П. С. поддерживает всеобщую забастовку вопреки порывам своего сердца, вопреки своей воле. В течение всех трех суток П. П. С. не сделала для забастовки ровно ничего. Она не организовала ни одного общего митинга, не посылала своих агитаторов на митинги, организованные нашей партией, не было ее и на собраниях союзов и на фабриках.

А в это время правительство и буржуазия приступили к подавлению всеобщей забастовки с необыкновенной энергией. Были мобилизованы все реакционные и контр-революционные организации, начиная с Народной Рабочей партии, Христианских Рабочих и С. С. С. *), и кончая спортивными клубами.

Были напечатаны кучи лживых воззваний, брошены горы проклятий, обвинений и лжи. В Варшаве фабриковались дюжинами телеграммы о вспышке контр-революций в России; пламенно призывали к прекращению забастовки состоящие на жаловании правительства повстанцы Горной Силезии. С амвонов гремели ксендзы. Дышали ужасной ненавистью и жаждали крови лавочники и ханжи. Чтобы ослепить в эти дни рабочих, правительство опубликовало списки арестованных спекулянтов.

Этому об'единенному лагерю виселиц, мошенничества и штрейкбрехерской измены противостояла исключительно наша партия, организуя борьбу и призывая довести ее до полной победы. И поэтому никто из рабочих не поверит в то, о чем пишет Ц. И. К. П. П. С. в изданном им после забастовки воззвании, будто коммунисты срывали где-то забастовку, ибо каждый знает, что коммунисты были ее душой, что они ее организовали, что они выдвигали лозунги и призывали к дальнейшей упорной борьбе в то время, как П. П. С. явно саботировала забастовку, срывала и, в конце-концов, таки сорвала...

Несмотря на все усилия и предательскую работу П. П. С., забастовка вспыхнула. Не помогли ложь и белый террор со стороны правительства и буржуазии. Громадное большинство рабочих бросило работу. Вся Польша разделилась на два враждующих лагеря: с одной стороны рабочие, с другой—капиталисты и их прислужники. Буржуазия и правительство увидели, вопреки своим ожиданиям, что забастовка железнодорожников и после об'явления милитаризации не ослабела, но расширилась. Правда, правительству удалось частично восстановить пассажирское движение, но товарное замерло. Мастерские всюду не работали. Количество годных паровозов начало сильно падать, а чинить их было некому. Запас угля на путях тоже был невелик.

Хотя буржуазная пресса торжествовала, но положение становилось для правительства грозным.

Навязанная рабочим проба сил могла кончиться поражением правительства и буржуазии, но для того, чтобы это случилось, забастовка должна была продолжаться. Она должна была носить характер не протеста, к чему призывала П. П. С., но выступления до победного конца, к чему и призывала наша партия.

Вначале правительство было настолько самоуверено, что не желало даже говорить со своими друзьями из «центролева», грубо отталкивая просящих снисхождения П. П. С.—цев, Морачевского и Жулавского, что заставило даже Центральную Комиссию продлить срок забастовки. Однако, по мере продолжения его, правительство и буржуазия заметили, что дело может кончиться скверно. Революционное настроение в массах, вместо того, чтобы падать, повышалось. В Варшаве на третий день забастовки на митинге присутствовало 15.000 рабочих, были первые попытки демонстрации. Здесь и там стали палками учить штрейкбрехеров и «С. С. С.». Летели стекла в трамвайных вагонах.

Одновременно с этим, правительство могло убедиться, что значит «долой милитаризацию». Об этом говорили сожженные и усиленно порченные паровозы, разворованные патриотическими штрейкбрехерами инструменты и медные части машин.

Витос понизил тон. Он начал переговоры с вождями П. П. С., и эти последние за одно только обещание, что после забастовки милитаризация будет отменена, бросили посредством Центральной Комиссии лозунг приступа к работе, срывая забастовку, изменяя рабочему классу и бросая железнодорожников на произвол самых диких репрессий, вопреки позиции нашей партии, призывавшей рабочий класс к дальнейшей борьбе до победного конца. Таким образом, забастовка была ликвидирована.

III.

Чем же она кончилась: поражением или победой рабочего класса? П. П. С. отвечает: победой! Но мы, коммунисты, говорим: поражением. Правительство и буржуазия победили, рабочие еще раз потерпели поражение.

Почему? Потому, что они еще до сих пор не поняли, что являются солдатами революционной армии, которая для того, чтобы победить своих сильных врагов, должна подчиниться всецело руководству единственной в Польше революционной партии — Коммунистической Рабочей партии Польши.

Рабочие потерпели поражение потому, что в рабочих союзах и в Центральной Комиссии распоряжаются до настоящего времени П. П. С-вцы, и рабочие их отпуда еще не прогнали.

Рабочие потерпели поражение, ибо считали, что достаточно самому забастовать, вместо того, чтобы итти с фабрики на фабрику и из мастерской в мастерскую и увлекать за собой других.

Необходимо было задерживать на улицах всякое движение. Нужно было показать на главных улицах города в гигантских манифестациях свою коллективную силу.

Но больше всего поражению рабочих способствовала измена П. П. С. и то, что рабочие сами не понимали, что необходимо бороться до капитуляции правительства и буржуазии.

Да! Правительство и буржуазия одержали победу. Но, несмотря на эту победу, они разочарованы и испуганы.

Ибо они увидели, вместо ожидаемой покорности и пассивности, революционный акт рабочего класса. Они увидели увеличение пролетарской солидарности. К своему ужасу, они поняли, что убиваемая и уничтожаемая с помощью белого террора коммунистическая идея овладевает победоносно все более и более

*) «С. С. С.» — Общество Общественной Самопомощи. *Прим. пер.*

широкими рабочими массами, врастает в сердце и мозг каждого честного рабочего.

Они увидели, наконец, что эта вступительная проба сил, несмотря на победу, привела, в конце концов, к приостановлению и задержке начатого ими натиска на рабочих.

Рабочие же, несмотря на поражение, чувствуют себя сегодня более сильными, более самоуверенными, чем до всеобщей забастовки.

Ибо раньше они не верили ни в возможность такой забастовки, ни в свою солидарность, ни в свою силу. Теперь они убедились, что всеобщая забастовка возможна, хотя против нее ополчились все буржуазные силы, хотя со стороны рабочих для подготовки ее было очень мало сделано. Несмотря на это, забастовка была могучей. Солидарность рабочих, которую штрейкбрехеры старались разбить, была настолько импонирующей, что сознание собственной силы в рабочей массе увеличилось.

В молниях этой борьбы рабочий класс увидел предательское лицо П. П. С. и с презрением отвернулся от нее. В огне сражения созрело среди них сознание, насколько правы были коммунисты, когда призывали их к выдержанной борьбе.

Да! Рабочие чувствуют себя сильнее, потому что сильнее и популярнее стала после этой борьбы Коммунистическая Рабочая Партия Польши, этот огненный столб, указывающий цель и пути рабочему классу в его борьбе, этот вождь и стойкий борец, ведущий уверенно к победе.

В переживаемом нами периоде последняя борьба составляет решительный поворот. Эта борьба только прервана. Скоро вспыхнет она опять с необыкновенной силой. Она будет упорна и неумолима, независимо от того, под какими лозунгами будет происходить.

Буржуазия захочет в этой борьбе окончательно сломить сопротивление рабочих и укрепить свою диктатуру. Рабочие же будут стараться уничтожить власть белого террора в Польше. Они захотят повергнуть к своим ногам имущие классы, они будут сражаться за власть советов рабочих депутатов, за правительство пролетарской диктатуры.

Да здравствуют солидарность и революционная борьба рабочих!

Долой П. П. С.! Да здравствует Коммунистическая Рабочая партия Польши!

Долой правительство палачей!

Да здравствует диктатура пролетариата!

Да здравствует Польская Республика Советов!

Центральный Комитет Коммунистической Рабочей партии Польши.

Варшава, 6 марта 1921 г.

УРУГВАЙ НА ПОРОГЕ РЕВОЛЮЦИИ.

ПИСЬМО ИЗ МОНТЕВИДЕО.

«Восточная республика Уругвая» представляет собою территорию с народонаселением, приблизительно, в 2 милл. человек, четвертая часть которых живет в главном городе Монтевидео. Благодаря своему географическому положению, она является превосходным связующим центром между различными странами Южной Америки, в особенности между Бразилией и Аргентиной, с которыми она связана железнодорожным и пароходным сообщением.

Главным образом вследствие указанных обстоятельств и благоприятных условий духовного развития, а также и некоторых особенностей своего политического положения, Уругвай занимает среди южно-американских государств весьма высокое место и является настоящим идейным центром для рабочего класса. Уругвай служит — как некогда Англия и Швейцария в Европе — местом убежища для политических преступников и вообще революционеров, которых буржуазия до настоящего времени еще терпит. При таких условиях представлялось возможным в течение многих лет вести из этого центра пропаганду, пробудившую в промышленном пролетариате классовое самосознание, по глубине и силе отнюдь не уступающее классовому сознанию пролетариата наиболее развитых стран Европы. За исключением незначительного меньшинства, примыкающего к конституционалистам и реформистам, и той инертной массы, самая пассивность которой составляет лучшую опору для реакции, большинство организованных рабочих, по существу, коммунисты. Будучи противниками парламентаризма, они пользуются всеми видами непосредственного действия как стачкой, бойкотом и саботажем. Их конечная цель — полное уничтожение капитализма путем революции. Перечень организаций дает некоторое представление о том, насколько значительно революционное движение в этой республике.

Центром изучения общественности служат организации:

«Кровля» (La Teja), «Свет для работницы» (Luz al Obrera), «Жерминаль» (Germinal), «Эмиль Золя» (Emilio Zola), «Квартал Польши» (Barrio la Polonia), «Редут» (Reducto), «Реформирование — это жизнь» (Reformarse es Vivir), «Земля и свобода» (Tierra y Libertad), «Свет и жизнь» (Luz y Vida), «Возрождение» (Regeneracion), «Русские работники» (Obreros Rusos), «Интернациональный кружок» (Circulo Internacional).

Федерации и союзы:

Синдикат шоферов, федерация рабочих при холодильниках, союзы для активной самозащиты: шоферов, угольщиков, рабочих по стеклу, землекопов, шапочников, каменщиков, плотников, парикмахеров, портных, булочников, металлистов, доковых возчиков, возчиков вообще, рабочих при складах, маляров, кирпичников, рабочих на фермах и об'единенных рабочих, кожевников, рабочих по мозаике, механиков и об'единенных с ними рабочих, рабочих корабельных верфей, муниципальных служащих, федерация рабочих графических искусств, поваров.

Все эти союзы — коммунистические. К ним не относятся только рабочие электрических предприятий, которые считают себя синдикалистами, и федерация матросов, примыкающая к реформистам, хотя и среди них, многие определенно высказались за большевизм.

Внутри страны имеются еще другие незначительные организации. Но те, которые мы перечислили, в действительности обнимают собою весь сознательный пролетариат.

В Уругвае имеется организованный рабочий класс, представляющий собою большую моральную и материальную силу, и на его содействие можно расчитывать при всяком выступлении, предпринимаемом в интересах дела III Интернационала. Рабочий класс Уругвая, сознает, что русская революция не есть только дело одной России, а имеет мировое значение, и что поэтому необходимо, чтобы ей была оказана немедленная помощь со стороны всех, кто стремится к осуществлению революции во всем мире.

Необходимо в то же время принять во внимание, что в этой стране сознательный пролетариат численно относительно слабее, нежели в других странах. Буржуазия очень сильна и содержит не пропорционально большую армию и флот. Не будь этого, революция была бы здесь уже совершившимся фактом. Но для тех, кто продолжает борьбу с непоколебимой верой в будущее, дело освобождения всего рабочего класса, конечная победа представляется несомненной.

ПЕРЕЧЕНЬ ОРГАНИЗАЦИЙ ВЫСКАЗАВШИХСЯ ЗА III ИНТЕРНАЦИОНАЛ.

СПИСОК № 2 (ПО 15-ое МАЯ 1921 ГОДА).

А. СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ И ГРУППЫ.

I. Великобритания.

1) На [illegible] уэльсской организации [illegible] 23/III, 1921. вынесена резолюция о присоединении к III Интернационалу.	«Дэли Херольд»,
2) Левое крыло I. L. P. на с'езде в Саутпорте 28 марта вышло из партии и вступило в Об'единенную Коммунистическую партию Великобритании.	«Дэли Херольд», 30/III, № 1613.
3) В секции Понтипуля (Pontypool) три четверти членов присоединилось к коммунистам.	«Дэли Херольд», № 1633—22/IV 21.
4) Секция I. L. P. в Клайдече (Clydach) единогласно постановила присоединиться к Коммунистической партии.	«Дэли Херольд», № 1633—22/IV 21.

II. Скандинавия.

1) Лево - социалистическая партия Швеции на IV своем с'езде 25—29/III в Стокгольме постановила переименоваться в Шведскую Коммунистическую партию и большинством 173 против 37 исключила центровиков, подтвердив свое присоединение к Коминтерну.	F. D. P. № 69, 26/III, 21.
2) Норвежская Рабоная партия на своем XXV с'езде 25 и 26 марта в гор. Христиании приняла резолюцию большинства Ц. К., против 20 центровиков и 5 правых социалистов, подтверждающую принадлежность партии к Коминтерну. Центровики остались в партии; правые социалисты исключены.	«Социал-Демократен» (Норвегия), № 70—71.

III. Швейцария.

1) 5 марта собрание левого крыла социалистической партии Швейцарии постановило слиться с Коммунистической партией Швейцарии. В тот же день открылся об'единенный с'езд этих партий, на котором присутствовало 200 делегатов, представляющих приблизительно 65.000 членов.	«Pome Фане», № 118, 11/III.

IV. Балканы и Славянские государства.

1) Остравская организация чешских левых социалистов высказалась за безусловное принятие 21 условия и за присоединение к III Интернационалу.	Венская «Р. Ф.» № 392, 21/IV.
2) Немецкие коммунисты Чехо-Словакии 12 марта, в присутствии представителей германских коммунистов, на с'езде в Рейхенберге заявили о своем безусловном присоединении к III Интернационалу и признали себя частью Коминтерна (Телеграмма из Праги от 18/III 21).	«Юманите» № 6204, 16/III.

3) Чешская социалистическая партия Моравии 21/IV безоговорочно приняла 21 условие Коминтерна. «Дэли Хероль̀д,» № 1634—21/IV 21.

4) С'езд Румынской Социалистической Партии, открывшийся 9 мая 1921 г. подавляющим бо̀льшинством голосов постановил присоединиться к Московскому КоммунистическомуИнтернационалу. Вместе с тем С'езд голосовал против предложенного коммунистами исключения из партии социалистов-унитаристов, высказавшихся за присоединение с некоторыми оговорками. «Петроградская Правда» № 107—18/V 1921

V. Испания.

1) Чрезвычайный с'езд испанской социалистической молодежи постановил 3000 голосов против 440 выйти из Социалистической партии и присоединиться к III Интернационалу. Союз молодежи принимает теперь название «Об'единение Коммунистической Молодежи Испании.» «Р. Ф.» № 187, 27/IV, 21.

2) Социалисты Бильбао высказались за присоединение к III Интернационалу. (Телеграмма из Мадрида от 5/IV). «Юманите» 7/IV 21.

3) Левое крыло Испанской Социалистической партии образовало Комм Рабочую партию в связи с голосованием на с'езде партии, состоявшемся 14 апреля и 8808 голосов против 6025 отклонившем присоединение к III Интернационалу. «Лэбор Лидед» № 16—22/IV, 21.

VI. Внеевропейские страны.

1) Мексиканская Социалистическая партия присоединилась к III Интернационалу и вынесла постановление о слиянии с Коммунистической партией Мексики. «Комюнисм» 9/IV, 21.

2) Местная организация Социалистической партии в г. Трой (С. Ш. С. А.) на собрании вынесла резолюцию о присоединении к III Интернационалу, дав делегатам на Национальный с'езд партии инструкции голосовать за это присоединение. «Нью-Йорк Ком.» № 90, от 9/IV.

3) Собственный корреспондент «De Tribune» сообщает из Рио ди Жанейро о присоединении к Коминтерну меньшинства союза анархистов, вышедшего из состава организации под предводительством Эверарло Диа́з. «De Tribune» № 140, от 16/III.

4) Внутри Американской Социалистической партии образовался комитет из 25 лиц, ставящий себе задачу пропаганду безусловного признания 21 условия. К платформе Комитета примкнул ряд членов в социалистических организациях, разбросанных по всей стране. Bенск. «Роте Фане», 6/V 21. № 605.

B. ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ.

I. Германия.

4) Берлинские [illegible] чики на своем собрании [illegible] 23/III постановили послать делегатов в Москву от Берлинской организации (бо̀льшинством 204 против 190 голосов) и предложили сделать то же самое центра̀льной организации профсоюза. [illegible] «Роте Фане», [illegible]

II. Скандинавия.

1) Датская Коммунистическая партия на своем с'езде 23—25 апреля в гор. Вейле и оппозиция в профсоюзах (синдикалисты) (Fagoppositionens Sammenslatning) на своем с'езде состоявшемся одновременно с предыдущим об'единились в единую коммунистическую федерацию, причем синдикалисты входят в Красный Интернационал профсоюзов. «Арбейдет», № 95—97 21.

2) Типографские рабочие гор. Лулео (Швеция) признали программу и тактику III Интернационала. «F. D. P.», 17/II, № 39.

III. Италия.

1) Общенациона̀льный конгресс Итальянской Конфедерации Труда в Ливорно 3/III принял резолюцию, заявляющую о безусловном присоединении к попытке создать Интернационал красных профсоюзов и о выходе из Амстердамского «Аванти», 4/III, № 35.

Интернационала профсоюзов в зависимости от решений, которые будут приняты в Москве.

IV. Балканы и славянские государства.

1) Делегаты профессиональных организаций Старой Румынии на своей конференции в Бухаресте 11/XII высказали самый резкий протест против присоединений к Амстердамскому Интернационалу. — Венск. «Рote Фане», 3/III, № 551.

2) Конгресс сельских рабочих (земледелов, лесоводов и садоводов) Чехо-Словакии, на котором присутствовало около 500 делегатов от 257.864 организованных рабочих, постановил присоединиться к Красному Интернационалу Профсоюзов. — «Аванти», 27/III 21.

V. Франция.

1) Федерация синдикатов департамента Кальвадос, большинством 46 против 11 голосов осудила политику Амстердамского Интернационала и постановила присоединиться к Москве (телеграмма из Парижа от 28/II). — Венск. «Рote Фане», 3/III, № 551.

2) Пятое областное объединение федерации кожевников в составе 8 департаментов на С'езде 13 марта в Сен-Этьене огромным большинством голосов высказалось за присоединение к Московскому Интернационалу Профсоюзов, заявив при этом о сохранении за собой полной автономии по отношению к политическим партиям. — «Ви Увриер», 18/III, № 98. Венск. «Рote Фане», № 568.

3) Конфедеральный Комитет деп. Ду (Doubs) большинством 56 голосов против 36 (при 29 воздержавшихся и 6 отсутствовавших) высказался за разрыв с Всеобщей Конфедерацией Труда и Амстердамским Интернационалом Профсоюзов, постановив присоединиться к Межсовпрофу. — «Ви Увриер», 1/IV, № 100.

4) Конфедеральный Комитет деп. Соммы большинством 91 голоса против 13 принял резолюцию Комитета революционных синдикалистов. — «Ви Увриер», 15/IV, № 102.

5) Конфедеральный Комитет деп. Шарант 27/II большинством 18 против 14 гол. высказался за присоединение В. К. Т. к Московскому Интернационалу Профсоюзов. — «Ви Увриер», 18/III, № 98.

6) Конгресс 15.000 организованных железнодорожников Эльзас-Лотарингии в Саррегемине Sarreguemine 8—9/IV большинством 8.698 гол. против 4.453 при 500 воздержавшихся высказался за присоединение к Красному Интернационалу Профсоюзов. — «Юманите», 29/IV, 1921.

VII. Австрия.

1) В Вене основана коммунистическая группа рабочих стекольного производства. — Венск. «Рote Фане», 22/IV, № 393.

VIII. Великобритания.

1) Созванная в Барроу конференция секций трэд-юнионов приняла резолюцию, призывающую Комитет трэд-юнионов порвать с Амстердамским Интернационалом и принять соответствующие меры для посылки представителей в Москву. — «Дейли Геральд» 11/IV.

2) На неофициальной конференции углекопов округа Иоркшир вынесена единогласная резолюция о присоединении к Красному Интернационалу профсоюзов. — «Солидарите» 8/IV, 1921.

3) Конгресс профессиональных организаций Шотландии в Эбердине 24/IV большинством 55 против 50 голосов постановил присоединиться к Москве. — «Рote Фане», № 185, 26/IV, 1921.

4) Федерация Файфских горнорабочих постановила непосредственно присоединиться к Красному Интернационалу профсоюзов. — «Солидарите» 8/IV 1921.

5) Число отделов (branches) профессиональных союзов, которые приняли резолюции, предлагающие соответственным центральным исполнительным комитетам предпринять необходимые меры: 1) к выходу из Амстердамского Интернационала, 2) к присоединению к Красному Интернационалу, в настоящее время далеко превышает две сотни.

По различным союзам отделы распределяются следующим образом:

Об'ед. союз механиков	80	отделов
Горнорабочие	42	»
Рабочие-экипажники	18	»
Союз рабочих	14	»
Котельщики	15	»
Союз электро-техников	6	»
Чернорабочие	3	»
Национ. союз железнодорожников	5	»
Союз железнодорожных машинистов и кочегаров	3	»
Докеры	7	»
Чугунно-литейщики	5	»
23 прочих союза	40	»
Итого	238	отделов

В числе 23-х прочих союзов вошло по 2 или по 3 отдела союзов: маляров, красильщиков, белильщиков, обойщиков, столяров, каменщиков, корабельных плотников, булочников, закройщиков, городских служащих и т. д. Не следует забывать, что список далеко неполон, так как в него вошли только те отделы, относительно которых имелись точные сведения. «Солидарити», 17/IV. 1921 г.

IX. Ближний Восток.

1) Международная Конфедерация Труда в Константинополе решила присоединиться к Московскому Интернационалу Профсоюзов. «Роста» тел. из Москвы, от 24/II.

X. Внеевропейские страны.

1) Вновь образовавшийся профессиональный союз американских металлистов на своем первом собрании в Филадельфии постановил присоединиться к Московскому Интернационалу профсоюзов. «Pome Фане» № 93, 25/II, 1921.

2) Конгресс рабочих и крестьян в гор. Мексико, на котором было представлено 40.000 рабочих, вынес резолюцию о присоединении к Мексиканской Коммунистической партии и к Московскому Интернационалу Профсоюзов. «Комюнист», 9/IV, 1921.

3) В Рабочих союзах крупных производств С. А. С. Ш. ведется обсуждение вопроса об отношении к Красному Интернационалу Профсоюзов. В самое последнее время профессиональные организации Детройта (Detroit) и Сиатле (Seattle) постановили послать представителей на конгресс Красного Интернационала Профсоюзов. В Чикаго в ближайшем будущем должно быть вынесено соответствующее решение. Венск. «Pome 24/IV 21. № 595.

Сокращение: F. D. P.—«Folkets Dagblad Politiken»

Н. К. Ульянова-Крупская.

Интернационал Коммунистической Молодежи

РАЗВИТИЕ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ СРЕДИ МОЛОДЕЖИ.

Международное движение молодежи отражает в своем развитии жизнь рабочего класса вообще — с той, однако, разницей, что в среде молодежи замечается еще более ускоренный темп роста революционной сознательности. Особенно ярко сказалось это в последнее время во Франции, Эльзас-Лотарингии, Италии, Чехо-Словакии, Румынии, Швеции, Норвегии.

В немногих странах, как, напр., в Германии и Италии, мы замечаем, правда, и среди коммунистической молодежи некоторое расхождение. Образуются наряду с подлинно-коммунистическими организациями полу-коммунистические, называющие себя коммунистическими, но не желающие окончательно порвать со старыми социалистическими партиями. Так было, например, в Италии. Это, однако, временное, хотя исторически неизбежное явление.

Об интенсивной политической жизни пролетарской молодежи и свидетельствует ряд конгрессов и конференций. Последняя (вторая) конференция Международного союза молодежи состоялась в июне (9—15) 1920 г. в Берлине. Точнее говоря, это была конференция всех членов бюро Интернационала Молодежи; были представлены 14 национальных федераций. Конференцией были приняты новые организации, заявившие о своем желании присоединиться к Интернационалу Молодежи, а именно: Союз Социалистической Молодежи Финляндии (20.000 членов), Союз Коммунистической Молодежи Болгарии (13.000 членов) и Союз Коммунистической Молодежи Литвы и Белоруссии. Предложения о вступлении социал-демократического Союза Рабочей Молодежи Австрии и Союза Пролетарской Молодежи Германии (примыкавшего к партии независимых) были отклонены конференцией, в виду непризнания ими полностью берлинской программы. Таким образом к моменту закрытия конференции Международный Союз Коммунистической Молодежи обнимал собою уже 23 организации, насчитывавшие более 500.000 членов. С тех пор, однако, число членов его значительно возросло, благодаря росту международного коммунистического движения молодежи.

Заслуживает также внимания Конгресс западноевропейской коммунистической молодежи, состоявшийся 28—29 ноября прошлого года в Эше (Люксембург). В нем, кроме Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала Молодежи, участвовали представители Франции, Эльзаса и Лотарингии, оккупированных прирейнских областей, Бельгии, Люксембурга и Голландии.

Уже в конце прошлого года обнаружились столь быстрые и новые успехи идей коммунизма и интернационализма среди рабочей молодежи всех стран, что необходимость созыва второго всемирного Конгресса Коммунистического Интернационала Молодежи для разрешения новых, ставших на очередь задач пролетарской молодежи—сделалась вполне очевидной. В начале января с. г. Исполнительный Комитет Интернационала Коммунистической Молодежи обратился ко всем организациям с приглашением на созывавшийся им к марту 1921 года II Конгресс Интернационала Молодежи. Этому Конгрессу предстояло обсудить столь важные вопросы, как вопрос об экономической борьбе молодежи, об антимилитаризме, об отношении к коммунистическим партиям и к Коммунистическому Интернационалу и т. д. Конгресс предполагалось созвать в Италии, но вследствие разыгравшихся там с 23 марта политических событий, усиления реакции, ряда фашистских выступлений и т. д.,—Исполнительный Комитет Интернационала Молодежи решил созвать его не в Италии, а в одном из германских городов. Обострение политического положения в связи с революционным движением в средней Германии вызвало, в свою очередь, отсрочку созыва Конгресса до 7 апреля, когда он, наконец, состоялся в Иене. Однако, в виду созыва Конгресса Коммунистического Интернационала на 1 июня он прервал 11 апреля свои занятия и решил собраться уже в Москве после Конгресса Коммунистического Интернационала.

Наряду с консолидированием движения в международном масштабе наблюдается развитие его в сторону большей концентрации в отдельных странах.

Очень сложно положение в *Германии*. Существовавшие в партии разногласия, естественно, проникли и в движение молодежи. Уже состоявшаяся в мае 1920 г. конференция Союза Свободной Социалистической Молодежи Германии положила начало горячей принципиальной дискуссии о путях и целях движения. Во время дискуссии ясно обнаружилась невозможность сохранить единство обоих борющихся между собой направлений. Меньшинство отказывалось подчиняться решениям большинства, вообще не признавало дисциплины и централизма. Стоящая на точке зрения Коммунистической Рабочей партии оппозиция еще до окончательного раскола создала свою собственную организацию, приступила к изданию собственных информационных листков, устраивала самостоятельно свои собрания и конференции. Она пользовалась только рамками союза, как точкой опоры и основой для пропаганды. Такое положение не могло долго продолжаться. Назрел неизбежный раскол. По сравнению с 60.000 членов, которых об'единяет социал-патриотическое «об'единение союзов рабочей молодежи» — число в 30.000 членов Коммунистического Союза Молодежи, разумеется, не представляется значительным,—но все же следует признать, что организация Коммунистической молодежи Германии является уже сейчас крепким и здоровым ядром, которое сможет собрать вокруг себя широкие массы германской пролетарской молодежи.

Под лозунгом этой важной практической задачи «завоевания масс» и был созван 28 декабря 1920 г. в Берлине V общегерманский с'езд коммунистической молодежи. Он означал собою завершение старого и начало нового периода развития. Характер его деятельности был чисто-деловой, практический. Особенно важным представляется намеченная с'ездом ясная и определенная точка зрения по вопросу о взаимоотношении между коммунистической организацией молодежи и коммунистической партией. С'езд признал, что революционная борьба ныне более, чем когда-либо, требует самого тесного единения с партией. Коммунистическая молодежь должна повсюду, как это и было до сих пор (в Норвегии, Швеции, Испании и Бельгии) играть роль пионера на революционном пути партии. С своей стороны, партия должна оказывать организации молодежи посильное содействие. При диктатуре пролетариата молодежь, разумеется, всецело подчинится революционному правительству, т. е.—коммунистической партии, но в нынешний переходный перио-

она оставляет за собою полную свободу действий, а также право критиковать деятельность партии. Организация молодежи должна будет обратить особое внимание на защиту экономических и профессиональных интересов рабочей молодежи, на самостоятельную организацию ее в предприятиях и отдельных отраслях индустрии, с целью подготовки к революционной борьбе. С'езд одобрил тезисы об организации детских групп, принятые заседавшей одновременно с ним особой конференцией детских групп.

* * *

Если мы от побежденной Германии перейдем к «победительнице» Франции, то увидим, что и там движение молодежи развивается в революционно-коммунистическом направлении. В начале это движение носило социал-реформистский характер. Основанный на Брестском с'езде 1912 года Союз Социалистической Молодежи стоял на платформе международной конференции в Штутгарте в 1907 г.: борьба против алкоголизма, против экономической эксплуатации молодых пролетариев, против милитаризма и т. д. Впрочем эта «борьба против милитаризма» носила невинный реформаторский характер. Союз вел ее под лозунгом «реформы военной службы и сокращения ее срока до 6 месяцев».

Накануне войны, в 1914 г., Союз насчитывал около 8.600 членов. Война прекратила существование Союза. Лишь в 1919 году социалистическая молодежь стала снова об'единяться, и в настоящее время Союз насчитывает 9.000 членов.

Исходным пунктом для нового течения в среде союза явился с'езд в Труа, в мае 1920 года. Предложенная Ленэ резолюция против присоединения к Коммунистическому Интернационалу Молодежи собрала 3.168 голосов. За центристскую резолюцию Оклера, предложившего высказаться за присоединение, но с некоторыми оговорками, был подан 1801 голос. От имени третьей группы выступил Лапорт с резолюцией за присоединение к Интернационалу; в этом духе голосовало 2.850 человек. Таким образом, против присоединения высказалось лишь слабое большинство. Если же принять во внимание, что голосовавшие за резолюцию Оклера полагали, что подают свой голос за присоединение к Интернационалу, то придется признать, что на деле большинство было за присоединение.

Между тем центральный комитет, как обычно, оказался более «правыми», чем руководимые им массы рабочей молодежи: в нем большинство сочувствовало Ленэ. Комитет не выполнил постановления с'езда о «вступлении в связь» с Берлинским Исполнительным Комитетом Интернационала Молодежи. Зато комитет заключил соглашение с бельгийской Молодой Гвардией.

В июне 1920 г., на конференции молодежи, ярко обнаружилось насколько оппортунистическая политика центрального комитета не соответствовала требованиям момента. Эта политика страдала двойственностью и неопределенностью: с одной стороны, комитет связывал свою деятельность с Бельгийской Молодой Гвардией, являвшейся звеном между ним и II Интернационалом; с другой стороны, он не отказывался вступить в связь с Интернационалом Молодежи, а через его посредство, следовательно, и с Коммунистическим Интернационалом.

В виду этого часть членов центрального комитета созвала на 25 июля в Пюто с'езд меньшинства союза. Этот с'езд сыграл решающую роль, ибо он дал возможность проявиться настоящей воле большинства, которое все более революционизировалось. На нем Оклер и его сторонники отказались от своей колеблющейся позиции, так что в центральном комитете образовалось революционное большинство. С'езд в своей резолюции требовал созыва чрезвычайного национального с'езда в целях создания коммунистического союза молодежи, очищенного от реформистских элементов.

Этот национальный с'езд состоялся в Париже 31 октября—1 ноября 1920 года. На нем была принята после непродолжительных прений огромным большинством голосов резолюция Лапорт-Оклера о вступлении в Коммунистический Интернационал Молодежи. Точный текст ее гласит:

«Собравшийся 30 октября — 1 ноября в Париже национальный с'езд социалистической молодежи констатирует, что III Интернационал включает всех революционных социалистов всего мира; что он отвергает военный социализм в прошлом и в будущем, с презрением ошвергает басню о защите отечества, проповедует революционную борьбу и диктатуру пролетариата в форме советской системы, в противоположность лживой буржуазно-парламентской демократии, полагая, что только советская система в состоянии организовать производство в интересах производителей и осуществить коммунизм.

С другой стороны, констатируя, что международный с'езд социалистической молодежи обанкротился, подобно II Интернационалу, с'езд самым решительным образом отказывается об'единиться с теми организациями молодежи, которые в 1914 г. отреклись от основных принципов социализма, одобряя политику «священного союза», и которые спустя два года после окончания войны продолжают оставаться верными своим заблуждениям и прямо или косвенно, сознательно или бессознательно, участвуют в политике изменников и ренегатов. С'езд осуждает также стремления желтых организаций молодежи (под эгидой Носке в Германии и Реннера в Австрии).

С'езд, верный идее классовой борьбы и не желая вести двойную игру с III Интернационалом, постановляет, без оговорок присоединиться к нему, а также и к Коммунистическому Интернационалу Молодежи, и принимает предложенные им 25 ноября, на международном конгрессе в Берлине, манифест и программу.

Далее:

принимая во внимание, что раскол Национальной Федерации Социалистической Молодежи происходит из глубокого расхождения по вопросу о целях и о доктрине;

принимая во внимание, что никакая организация не в состоянии развить серьезную и энергичную революционную деятельность, если среди ее членов нет единодушия в основных принципах борьбы,

С'езд считает, что если, с одной стороны, верно, что важнейшая задача коммунистов—это присоединение без всяких оговорок к III Интернационалу, то, с другой стороны, не менее очевидно, что в него могут быть приняты только коммунисты.

Чтобы дать поэтому возможность революционным элементам организаций молодежи Франции войти в Ком. Инт. Молодежи, окончательно выяснить положение и приступить к постоянной работе,—С'езд постановляет: переименовать Социалистическую Организацию Молодежи Франции в Национальную Федерацию Социалистической и Коммунистической Молодежи (Fédération Nationale des Jeunesses Socialistes et Communistes)».

Голосование дало 5.445 голосов против 1.958 (не считая Эльзаса) *).

Помимо борьбы между сторонниками III и II Интернационала, на с'езде обнаружился также непримиримый антагонизм между автономистами и центристами. Последние не признают за организациями молодежи права на самостоятельную политическую жизнь и желали ли бы свести их роль лишь к агитации, вербовке новых членов, устройству концертов, театральных зрелищ для молодежи и т. п. Вся деятельность молодежи, по мнению центристов, должна находиться не только под общим контролем партии, но в непосредственном ее ведении. Автономисты заявили на с'езде, что молодежь готова отказаться от своей самостоятельности лишь тогда, когда Социалистическая партия станет под знамя III Интернационала.

На с'езде был избран новый Центральный Комитет из одних коммунистов. Официальным органом союза молодежи является «Avant-garde Ouvrière et Communiste».

7 ноября, по случаю третьей годовщины русской революции, французская молодежь устроила в стране ряд митингов и собраний. Правительство Мильерана сорвало свою злобу на иностранцах, прибывших в качестве делегатов на Парижский конгресс: они были арестованы. Открытый поход против движения молодежи во Франции был предпринят правительством Бриана. В Париже, Марселе, Гавре, Лионе и других французских городах было арестовано свыше сотни юных комму-

*) Эльзас - лотарингская организация молодежи, как известно, 1.500 голосами высказалась за присоединение к III Интернационалу уже на своем конгрессе в Кольмаре (июнь 1920 г.).

стов-рабочих, среди них Лапорт, секретарь и вождь Коммунистического Союза Молодежи. Новые преследования вызваны, главным образом, решительной коммунистической и антимилитаристической пропагандой Союза. Правительство не на шутку испугалось. В революционном коммунизме молодежи оно сразу почуяло действительного врага.

В циркуляре Центрального Комитета к местным группам и ко всем активным работникам нет больше пацифистских фраз, требования международного арбитража, демобилизация армии и разоружения; в нем недвусмысленно указывается, что наряду с разложением буржуазной армии изнутри путем коммунистической пропаганды в войсковых частях, в казармах и среди новобранцев,—должна вестись моральная и, по возможности, также специально-военная подготовка рабочей молодежи к вооруженному восстанию.

В таком духе составлялись листовки и воззвания, которые распространялись юными коммунистами в количестве многих тысяч экземпляров по всей стране, а также сотни плакатов. В этом же духе говорили ораторы - коммунисты на собраниях, устраиваемых для новобранцев, а также на общих митингах.

Борьба молодежи против милитаризма не ограничивается пределами Франции, а перебросилась в ее северо - африканские колонии. Федерация Французской Коммунистической Молодежи в Тунисе развивает энергичную революционную пропаганду. В Алжире организовались три группы коммунистической молодежи, в которые входят и арабы. Как в Тунисе, так и в Алжире были арестованы туземцы за участие в антимилитаристической пропаганде.

* * *

В другой стране-победительнице—*Италии* движение молодежи развивается своеобразным и сложным путем. Борьба между революционными, оппортунистическими и «унитаристскими» элементами носила в среде молодежи—как и внутри самой Итальянской Социалистической партии—весьма обостренный, полный драматизма характер. В конце концов произошел раскол, выявивший внутреннюю силу левого, революционного крыла движения молодежи. Замечательно при этом, во-первых, что Центральный Комитет Итальянской Федерации Молодежи все время стоял на строго интернационалистской, революционно - коммунистической точке зрения—в отличие от центрального комитета Итальянской Социалистической партии,—и во-вторых, что в противоположность партии, в Федерации Молодежи после раскола подавляющее большинство оказалось на стороне коммунизма, и лишь незначительное меньшинство примкнуло к унитаристам.

Существовавшая уже с 1906 года Итальянская Социалистическая Федерация Молодежи все время, за исключением периода мировой войны, беспрерывно росла и развивалась. В 1907 году было 40 секций Федерации, с общим числом членов 1.449; в 1914 году — секций имелось 489 с числом членов 10.029; в 1920 году уже имелось 1.400 секций, с количеством членов около 60.000.

Итальянская Федерация Молодежи, стоявшая, так же, как и партия, все время на строго интернационалистской позиции, в 1919 году целиком, без раскола, стала в ряды Коммунистического Интернационала Молодежи. За свою революционность она подвергалась жестоким преследованиям со стороны правительства (высылка тов. Швейде, мученическая смерть Марионци и т. п.). Находясь все время в тесном контакте с Итальянской Социалистической партией, Исполнительный Комитет Федерации подвергал критике деятельность партии за ее недостаточную решительность и поддерживал левое коммунистическое течение, представителями которого были Мизиано и Бомбаччи. Эта политика центрального комитета находила сочувствие в массах молодежи, как показала конференция в Дженцано в июне 1920 года.

В связи с выставленными II Конгрессом III Интернационала 21 условиями присоединения, вызвавшими сильную борьбу внутри Итальянской партии, в среде Федерации Молодежи возникла оппозиция правого крыла организации, которая лозунгу центрального комитета: «с III Интернационалом — даже против партии»,—противопоставила лозунг: «с партией—даже против III Интернационала». Оппозиция устроила 9 января 1921 года свой с'езд в Болонье.

Раскол партии на с'езде в Ливорно перебросился и в организацию молодежи. На общеитальянском конгрессе молодежи, в красной Флоренции 30 января с./г. коммунизм одержал победу, но одна десятая часть (около 6.000 из общего числа членов Федерации в 60.000) оказалась на стороне унипаристов. Была принята следующая резолюция: «VIII С'езд Федерации Итальянской Социалистической Молодежи, принимая во внимание результаты XVIII С'езда Итальянской Социалистической партии и образование Итальянской Коммунистической партии — секции Коммунистического Интернационала, постановляет отказаться от дальнейшего участия в Итальянской Социалистической партии с тем, чтобы примкнуть, в соответствии с требованиями устава Коммунистического Интернационала, к Итальянской Коммунистической партии, и вместе с тем заявляет о перемене названия своей организации, которая будет называться *Федерацией Итальянской Коммунистической Молодежи*».

После ухода унитаристов, Конгресс приступил к дальнейшим деловым занятиям. Принят новый устав Федерации, а также резолюция о программе Федерации, предложенная Центральным Комитетом.

Ушедшие с Конгресса унитаристы созвали во Фьезоле свой с'езд под названием «Общеитальянский с'езд Социалистической Молодежи».

* * *

Из движения молодежи в других странах отметим лишь самое важное.

В Чехо-Словакии состоялся 23 и 24 октября 1920 г. (в Праге) второй очередной с'езд чешской социал-демократической рабочей молодежи, на котором присутствовали только левые представители организаций молодежи (165 делегатов от 300 слишком секций с общей численностью членов свыше 30.000). Постановлено было принять без оговорок программу Коммунистического Интернационала. Вместе с тем С'езд поручил бюро союза вступить в переговоры со всеми существующими в Чехо-Словакии организациями молодежи—немецкими, чешскими и словацкими для об'единения в единый для всей Чехо-Словакии союз. Аналогичные решения вынесены и с'ездом союза немецкой молодежи в Чехо-Словакии. В настоящее время это об'единение так же, как и присоединение к Интернационалу молодежи,—совершившийся факт (20 февраля 1921 года).

В *Венгрии* возникшая во время войны, организация молодежи находится сейчас в особенно тяжелых условиях, благодаря белому террору. После победы реакции руководители молодежи должны были сойти со сцены, одни бежали заграницу, другие попали в тюрьму, многие были расстреляны, кой-кто из менее сильных духом перешел в ряды реакционеров. Однако, распад организации следует считать лишь временным, — и сейчас уже ведется весьма энергичная подпольная революционная работа.

Социалистические и коммунистические организации молодежи существуют теперь во всех странах Европы, в Северной и Южной Америке. Повсюду в организациях молодежи либо назревает, либо уже наступил раскол между элементами коммунистическим и социал-соглашательским, между III и II Интернационалом. Весьма симптоматичен исход международной конференции молодежи, созванной в Вене 26 февраля с. г. для создания нового (III½-го) Интернационала Молодежи. На приглашение откликнулись 17 союзов Молодежи (Германии, Австрии, Венгрии, Франции, Дании, Бельгии, Швейцарии, Швеции, Чехо-Словакии и др.), из которых, однако, большинство (12) оказались определенно коммунистическими, и лишь пять центристскими. Центровики вынуждены были заявить, что не могут работать вместе с коммунистами; они покинули конференцию. Таким образом из попытки Венской Конференции увлечь коммунистическую молодежь на «средний» путь ничего не вышло.

* * *

ДОКУМЕНТЫ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ МОЛОДЕЖИ.

ВОЗЗВАНИЕ ИНТЕРНАЦИОНАЛА МОЛОДЕЖИ КО ВСЕМ ЧЛЕНАМ ИТАЛЬЯНСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ МОЛОДЕЖИ *).

Товарищи!

Итальянское рабочее движение переживает решительный момент. Предстоящий Конгресс Итальянской Социалистической партии покажет, какую позицию займет итальянский пролетариат по отношению к великим задачам международного рабочего движения и основным принципам международной коммунистической борьбы.

Во всех частях страны, в ожидании Конгресса, ведутся страстные споры. Партия предоставила отдельным течениям перед Конгрессом самую широкую свободу мнений, чтобы дать возможность выявиться всем оттенкам социалистической мысли.

Федерация Социалистической Молодежи принимала всегда живейшее участие в политической борьбе собственной страны. Она первая из всех организаций молодежи во время войны оказала активную поддержку политике партии и многим содействовала ее революционизированию. Федерация Молодежи всегда была в авангарде, когда наступал момент подведения итогов историческим событиям. Молодежь не могла не принять участия и в той борьбе, которая [illegible] вается внутри партии. Это было для нее тем легче, что положение Федерации коренным образом отличалось от положения, в котором оказалась партия. В то время, как эта последняя лишь формально примкнула к III Интернационалу, терпя в своей среде антикоммунистические течения, для Итальянской Федерации Молодежи, наоборот, присоединение к III Интернационалу Коммунистической Молодежи означало слияние с международным коммунизмом, что неизбежно было связано с проведением в жизнь его принципов.

Руководясь международной дисциплиной, Федерация сразу примкнула к тому течению в партии, которое в настоящий момент составляет ядро коммунистической фракции.

Такая тактика, которая вытекает из соблюдения международных обязательств, определила позицию Федерации и ее отдельных членов по отношению к конфликту в партии. *За коммунизм и против всех антикоммунистических направлений, как бы они ни назывались,* — только таков мог быть лозунг Федерации.

И этот лозунг был принят Федерацией, крупной заслугой которой является содействие образованию коммунистической фракции в партии. На последнем заседании Национального Совета громадное большинство одобрило поведение Ц. К. Постановления Национального Совета показали, что в Федерации нет места для антикоммунистических течений. Но отсюда вытекает, что для Федерации Молодежи невозможен нейтралитет по отношению к делам партии. Кто не коммунист, тот не может принадлежать к Федерации.

Но Национальный Совет высказался в том смысле, что даже унитаристы, к которым примыкает небольшое число юношей, должны рассматриваться, как антикоммунистическое течение.

И. К. Коммунистического Интернационала полностью и целиком разделяет это мнение и уверен, что весь Интернационал молодежи в этом вопросе согласен с Ц. К.

Однако, опыт различных стран побудил И. К. просить Ц. К. вновь обратиться к юношам - унитаристам, прежде чем сделать из принятых решений соответствующие выводы.

Растущее единение международного движения молодежи должно будет прежде всего привести к тому результату, что молодежь одной страны использует опыт других стран. И мы полагаем, что история движения пролетарской молодежи за последние годы должна была бы дать юношам-унитаристам большой материал для размышления и даже побудить их пересмотреть свою точку зрения, чтобы остаться верными Федерации и в особенности Интернационалу Молодежи.

Прошло только 2 месяца с тех пор, как две крупнейшие федерации молодежи—Чехо-словацкая и Французская—отделились от своих социал-демократических партий и примкнули к подлинному коммунизму. Они убедились на собственном опыте в справедливости лозунга, который наш незабвенный товарищ Либкнехт бросил немецкому пролетариату молодежи: «Сперва ясность, а затем большинство», — лозунга, который означает также: сперва ясность, а затем единство.

И разве не вы сами, юные итальянские товарищи, испытали справедливость этого лозунга? Разве вам не были ясны причины страшного поражения итальянского пролетариата в конфликте металлистов, поражения неизбежного, так как выше ясности революционного действия ставилось единение с предателями из Конфедерации Труда.

Но еще более нагляден пример движения германской молодежи. Более чем год тому назад, когда большинство «свободной социалистической молодежи» безоговорочно примкнуло к коммунистам, часть юношей не пожелала присоединиться к ним и [illegible] «нейтральную организацию социалистической пролетарской молодежи». Но не прошло и года, как товарищи сознали свою ошибку и осенью прошлого года вернулись в лоно коммунистической молодежи.

Желаете ли и вы, товарищи-унитаристы, вторично проделать опыт, проделанный уже другими? И не лучше ли было бы вам использовать урок этого опыта?

Мы можем сказать вам еще следующее: весь Ин[illegible] революционных юношей-рабочие ожидают, что вы [illegible] Коммунистического Интернационала. Если же вы нарушите международную дисциплину, продолжая пропаганду унитаризма, то это явится актом дезертирства по отношению к Интернационалу.

Если на вас не подействует ни пример наших братьев, ни призыв к дисциплине и солидарности, ни предупреждение против выступления в пользу единства с нашими будущими предателями, то вы должны сделать все вытекающие отсюда выводы и считать разорванной связь, соединявшую вас с международной революционной молодежью.

Социалистическая революционная организация Итальянской Федерации молодежи будет без колебания продолжать свой путь к коммунизму под именем Коммунистической Федерации Молодежи.

Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала Молодежи:

Вилли Мюнценберг, [illegible] Фляшен, Лукаш [illegible] Энглер

*) Издано до конгресса во Флоренции.

ВОЗЗВАНИЕ ИНТЕРНАЦИОНАЛА МОЛОДЕЖИ К МОЛОДЫМ ИТАЛЬЯНСКИМ КОММУНИСТАМ *).

Дорогие товарищи!

Мы получили известие о результате вашего Флорентинского Конгресса. Ваша проявившаяся на нем солидарность с молодой Коммунистической партией Италии и ваш определенный решительный разрыв со всеми скрытыми и явными социал-патриотами, затем преобразование вашей прежней социал-демократической программы в новую, коммунистическую, служат доказательством, что принятое вами изменение названия не есть лишь пустая формальность, а является сознательным выявлением процесса развития в направлении к большей ясности и определенности, проделанного вашей организацией так же, как всеми истинно-революционными пролетарскими организациями.

Постановления, принятые на вашем Конгрессе подавляющим большинством, доказывают, что, благодаря оживленной политической дискуссии в ваших группах и их органах, широкие слои пролетарской молодежи Италии поняли великое значение коммунистического движения для быстрого и решительного проведения пролетарской революции.

Преобразование вашей Федерации, вместе с предстоящим в Италии образованием чисто-коммунистической партии, представляет большое историческое

*) Опубликовано после Конгресса во Флоренции).

значение для дальнейшего роста партии и для всей жизни итальянского пролетариата.

Товарищи, преобразование вашей организации в коммунистическую совпадает по времени с аналогичным преобразованием Французской Социалистической Федерации Молодежи, с преобразованием английских воскресных школ, и с имевшим место 20 февраля образованием единой коммунистической организации молодежи на всей территории Чехо-словацкой Республики, а это доказывает, что пролетарская молодежь всех стран все более сознает необходимость активного участия в политической борьбе и во всех проявлениях пролетарской революции. Этот факт, действительно, служит наилучшей гарантией конечной победы, которая должна будет реорганизовать общественную жизнь на коммунистических началах.

Товарищи!

Мы поздравляем вас и себя—и все коммунистическое движение в праве поздравить себя—по поводу счастливого результата ваших дискуссий во Флоренции. Принятые вами резолюции являются достойным продолжением революционных традиций итальянской социалистической молодежи. Мы твердо убеждены, что энергичной деятельностью вам удастся привлечь не только новые массы молодежи, до сих пор оставав[illegible] индифферентными, но также и большинство [illegible] группы, отделившейся от вас во Флоренции—привлечь их к Федерации Коммунистической Молодежи Италии, к Интернационалу Коммунистической Молодежи, к делу пролетарской революции.

Наши двери всегда открыты для всех, кто признает свои ошибки и честно желает работать с нами, бок-о-бок с коммунистами-рабочими всего мира, под знаменем Коммунистического Интернационала — для [illegible] диктатуры пролетариата.

Да [illegible] Молодежи Италии!

Да здравствует Коммунистический Интернационал Молодежи!

Берлин, 1 марта 1921 года.

Исполнительный Комитет Интернационала Коммунистической Молодежи.

* * *

ПЕЧАТЬ КОММУНИСТИЧЕСКО МОЛОДЕЖИ.

I. Центральные органы Интернационала Коммунистической Молодежи.

[illegible] Internationale», немецкое издание, ежемесячник. [illegible]—Русское издание, ежемесячник. Москва.—Шведское [illegible] Стокгольм.

«Internationale Jugendkorrespondenz». Немецкое издание, выходит раз в 10 дней. Берлин. — Французское издание, выходит раз в 10 дней. Берлин.

II. Органы федераций, примыкающих к Интернационалу Молодежи.

Болгария. «Младежка Правда». Выходит два раза в месяц. София (В настоящее время закрыта).

Дания. «Fremad» (Вперед). Выходит 2 раза в месяц. Копенгаген.

Германия. «Die Junge Garde» (Молодая Гвардия). Выходит 2 раза в месяц. Берлин. Выходят также несколько областных газет.

Эльзас - Лотарингия. «Der Junge Revolutionär» (Молодой Революционер). Ежемесячник. Мюльгаузен.

Англия. «The Red Flag» (Красное Знамя). Еженедельник. Лондон.

«The Red Dawn» (Красная Заря). Ежемесячник. Глазго.

Финляндия. «Nuori Eyaläinen» (Молодой Рабочий). Выходит 2 раза в месяц. Гельсингфорс.

«Le Storms» (На приступ). Выходит на шведском языке, ежемесячник. Гельсингфорс.

«Sozialistinen Aikakausilehti» (Социалистическое Обозрение). Гельсингфорс.

Франция. «L'Avant-Garde Communiste et Ouvrière» (Коммунистический и Рабочий Авангард). Выходит 2 раза в месяц. Пюте.

Голландия. «De Jonge Kommunist» (Молодой Коммунист). Ежемесячник. Гаага.

Италия. «Avanguardia» (Авангард). Еженедельник. Венеция.

Юго-Славия. «Crvena Zastava» (Красное Знамя). Выходит 2 раза в месяц. Белград.

Латвия. «Jungspartak» (Молодой Спартак). Выходит 2 раза в месяц. (Подпольное издание).

Литва-Белоруссия. «Juni Kommunist» (Молодой Коммунист). Выходит 2 раза в месяц. (Нелегальное издание).

Люксембург. «Neue Jugend» (Новая Молодежь). Выходит 2 раза в месяц. (Издается на гектографе).

Мексика. «Iuventiud Mundial» (Мировая Молодежь). Выходит 2 раза в месяц. Мексика.

Норвегия. «Klassenkampen» (Классовая Борьба). Ежемесячник. Христиания.

Австрия. «Die Kommunistische Jugend» (Коммунистическая Молодежь). Выходит 2 раза в месяц. Вена.

Румыния. «Tineretul Socialist» (Социалистическая Молодежь). Бухарест.

Россия. «Юный Коммунист». Выходит 2 раза в месяц. Москва. «Юный Пролетарий». Выходит 2 раза в месяц. Петроград. Кроме того, 58 провинциальных периодических изданий и 70 прибавлений к газетам.

Швеция. «Stormklockan» (Набат). Стокгольм. Ежемесячник.

Швейцария. «Neue Jugend» (Новая Молодежь) Выходит 2 раза в месяц. Базель.

Словакия. «Az Ifju Garda» (Юношеская Гвардия). Выходит 2 раза в месяц. Косич.

Венгрия. «Az Ifju Proletär» (Юный Пролетарий). Выходит 2 раза в месяц. (Нелегально).

«Ertesite» (Информационный Бюллетень). Выходит 2 раза в месяц. (Нелегально).

Соединенные Штаты. «The Joung International» (Интернационал Молодежи). Выходит 2 раза в месяц. Чикаго.

* * *

ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОЕ КОММУНИСТИЧЕСКОЕ ЖЕНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

МАТЬ И ДИТЯ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ.

Три года тому назад началась в Советской России работа по охране материнства и младенчества. То, что делалось до тех пор,—консультации и молочные кухни, открывавшиеся частными благотворительными обществами, и детские приюты, существовавшие за счет государства,—было каплей в бездонном море народного горя и нужды, — каплей, которая никого не могла удовлетворить и только усиливала чувство горечи.

Отмечая принципы частной благотворительности вообще и ставя во главу угла работу в обще-государственном масштабе, Рабоче-крестьянское правительство, естественно, и в данном случае—в деле охраны матери и ребенка — пошло по тому же пути. Если частная инициатива, борясь с детской смертностью, как с таковой, приходила на помощь матери и ребенку путем продовольственных и денежных пособий, то коллективистическое государство выдвинуло на первый план коренное изменение самых условий, которые создают детскую смертность, рассматривая ее, как социальное зло

В этом и заключается основное различие методов нашей работы от методов капиталистических стран.

Два наших лозунга, самых боевых и самых ударных—восстановление народного хозяйства и право на материнство—лозунги неразрывно связанные между собой.

Среди пролетариата России, занятого ныне в производстве, 75% составляют женщины. Во многих производствах (швейные мастерские, патронные заводы) они составляют огромное, подавляющее большинство. Женщины заменяют мужчин, ушедших на фронт; они занимают покинутые ими места на фабриках, в мастерских и на заводах.

Участвуя в производстве и становясь вровень с мужчиной в смысле экономической независимости, женщина, естественно, меняет и свою психологию, и стремится принимать участие во всех отраслях жизни, во всех проявлениях борьбы и творчества своего класса.

Но женщина, все же, остается матерью, носительницей живой энергии, нового притока сил, необходимых нашему молодому коммунистическому государству более, чем кому-либо. Нам нужна смена, которая продолжит нашу борьбу, которая увенчает здание и возведет кровлю над начатой нами постройкой коммунистического коллектива.

Эту задачу сможет выполнить лишь здоровое, бодрое, работоспособное поколение, вынашенное и рожденное матерью, не с гневом и проклятием, а с радостью и надеждой.

Необходимо дать возможность женщине быть и работницей, и матерью.

Что же сделано в этом направлении Советской властью? Как фактически осуществляется право женщины на материнство?

Вся работа по организации форм и охраны труда пока временная, незаконченная, не усовершенствованная.

Среди неимоверно тяжелых, мучительных условий прокладывает путь к новой жизни пролетарская Россия; и все завоевания ее, это—пока черновая работа, которую приходится постепенно улучшать, пополнять, а иногда в корне видоизменять. Насущное, самое неотложное уже делается, уже выливается в определенные формы, требуемые жизнью. Мы имеем отпуск для трудящейся беременной и рожениицы за 8 недель до и на 8 недель после родов, с сохранением полного заработка. Домашние хозяйки, занятые только в семье, за это время получают пособие в половинном размере средней тарифной ставки.

С пятого месяца беременности женщина переводится с более тяжелых работ на более легкие с сохранением прежнего оклада и пайка.

Кормящая мать имеет право каждые три часа отлучаться домой, чтобы кормить своего ребенка.

Беременные и кормящие освобождены от командировок, передвижений по службе, ночных дежурств и сверхурочных работ.

Все беременные с восьмого месяца и кормящие имеют право на добавочное питание сравнительно со всеми трудящимися.

За весь период кормления каждая мать получает пособие в размере ½ средней та-

рифной ставки данной местности, а при рождении ребенка получает для него приданое в количестве 30 арш. ткани или в готовом виде. И все это делается, несмотря на почти полное истощение хозяйственных ресурсов страны.

Таковы основные декреты по охране матери-работницы, изданные Советской властью. Их немного, и они не исчерпывают всех заданий: они только намечают путь движения этой охраны, линию ее развития.

Но не только путем декретов, облегчающих для женщины бремя материнства, идет Советская власть к осуществлению истинной социальной охраны материнства и младенчества.

Путем создания целой сети учреждений, имеющих задачей и пропаганду рационального ухода за ребенком, и переход к социальному воспитанию детей, она фактически, реально снимает тяготы материнства с плеч матерей, делает их обязанностью всего коллектива.

Три года тому назад по всей России существовало несколько консультаций и несколько десятков приютов для подкидышей, в которых чахли и гибли дети беднейших рабочих и крестьян.

За три года, проведенных в условиях гражданской войны, блокады, хозяйственной разрухи, отсутствия многих предметов первейшей необходимости — за эти три года число наших учреждений возросло до 1500. В них матери и дети получают медицинские советы, первую помощь, указания по уходу и вскармливанию детей грудного возраста. В наших учреждениях находят приют и внимательное отношение 13.800 матерей и до 140.000 детей-сирот в возрасте до 3 лет.

Такова колоссальная, напряженная работа, проделанная за три года. Все города, имеющие соответствующим медицинским персоналом, имеют консультации для беременных и грудных детей. При фабричных предприятиях открыты ясли, где мать оставляет своего ребенка на рабочие часы. В наиболее крупных пунктах открыты Дома Матери и Ребенка, где кормящие матери живут вместе со своими детьми весь период кормления, не прерывая своей работы в предприятиях и оставляя детей на время своего отсутствия под умелым уходом специального персонала.

Таковы результаты работы.

Если подумать о том, при каких условиях они добыты, какие препятствия приходилось преодолевать при их достижении, какой дорогой ценой они оплачены, то они покажутся громадными. Нам приходилось открывать учреждения для детей самого нежного возраста в скверных, сырых, неудобных помещениях. Ибо в России вообще, за исключением столиц и крупнейших городов, нигде не было удобных, хороших жилищ. В моменты голода приходилось ценой нечеловеческих лишений доставлять малюткам диэтетическое питание, добывать для них жиры, молоко. Детей, требующих самого нежного, внимательного ухода, приходилось доверять людям иногда и преданным, но всегда малограмотным, невежественным, плохо разбирающимся в вопросах детского питания и воспитания, действующим, как бог на душу положит.

Приходилось тут же обучать этих людей, учить их грамоте, гигиене и начаткам педагогики, пробуждать в них живую душу и любовь к детям.

Но если принять во внимание количество матерей и детей, нуждающихся в государственной помощи и обеспечении; если учесть, что старые формы семьи с экономической зависимостью и порабощением женщины уступают место новым формам, когда самостоятельная мать не будет больше искать помощи у мужа, а потребует исполнения по отношению к ней долга коллектива — прийти ей на помощь в деле воспитания будущих граждан, — то станет ясным, что существующие учреждения не в состоянии охватить всего контингента матерей и детей, что предстоит еще большая и длительная организационная работа.

И не только организационная.

Первый этап нашей работы, это — непосредственная, прямая борьба с детской смертностью. Мы ведем ее путем улучшения детского питания, питания беременных и кормящих матерей, путем создания соответствующих учреждений.

Наряду с этим идет культурно-просветительная работа среди матерей и служебного персонала, ликвидация профессиональной безграмотности, организация санитарного просвещения.

Но в процессе развития работы выдвигаются все новые задания.

Что такое детская смертность? Это, независимо от невежества массы матерей, еще и результат определенных социально-экономических условий, отрывающих в процессе производства мать от детей, разрушающих семью. Отсюда новая задача — взамен разложившихся форм семьи создать новые, переходные формы, трудовые коммуны кормящих матерей; выработать формы социального воспитания, создать школу, изучить всесторонне вопрос о питании и воспитании детей раннего возраста.

Но жизнь и характер ребенка часто определяются еще до его рождения условиями жизни беременной и девушки. Отсюда вытекает необходимость вмешательства в дело воспитания молодых девушек, необходимость преподавания им науки о материнстве, наравне с понятиями о гигиене и анатомии. Когда каждая девушка, вступая в брак, будет знать, что от ее выбора, от ее поведения зависит жизнь и счастье ее будущего ребенка; когда она будет исполнена горячего убеждения, что она обязана дать миру здорового гражданина или вовсе не давать его; когда женщина, носящая плод, не будет стре-

миться к уничтожению его, когда материнство станет сознательным актом,—тогда будет положено начало действительной охране материнства.

Те, кому пришлось закладывать фундамент нашей работы, прекрасно знают, как тяжелы были первые шаги. Дело охраны материнства и младенчества было делом специалистов, одиночек, правда, преданных ему но в силу своего одиночества и изоляции не всегда придававших ему определенные социальные формы. Широкие массы организованных женщин-работниц стояли в стороне. Матери охраняемые и матери охраняющие представляли собой как бы два класса. Ясно, что при таких условиях дело сильно страдало, оно не могло развиваться в достаточной степени. Всероссийское совещание по охране материнства и младенчества и всероссийский с'езд партийных организаций по работе среди женщин, считая необходимым привлечь женщин-работниц к делу строительства в области охраны материнства и младенчества, постановили: организационно слиться и создать из охраны материнства и младенчества ударную задачу советского строительства, чтобы задания в этой области осуществлялись столь же срочно и полно, как боевые задачи, которые за истекшие три года брали целиком всю энергию Республики трудящихся.

Сложность и многогранность вопросов нашей работы говорит уже о ее серьезности и важности. Приходится отметить, что не все и не всегда учитывают эту серьезность и важность. Неизмеримо легче пойдет наша работа, когда организованные работницы возьмут дело охраны материнства и младенчества в свои руки, когда рядом с врачом-специалистом будет стоять работница-общественница.

В этом отношении кое-что уже сделано, многое еще должно быть сделано. Долог и бесконечно извилист путь, по которому пойдет развитие общества. Теми же путями, переживая различные фазисы, претерпевая видоизменения, постоянно совершенствуясь и углубляясь, пойдет охрана материнства и младенчества. От матери-наседки, хлопочущей вокруг своего гнезда,—к матери-гражданке, отдающей свое дитя человечеству; от матери, рождающей в позе страданиях,—к матери, радостно творящей, благословляющей свой плод; от матери, угнетенной и попранной,—к матери торжествующей; от матери, проклинающей свой труд—к матери-работнице, коллективно воспитывающей своих детей, коллективно создающей

Г. СЕРМАН.

КОММУНИСТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ РАБОТНИЦ В ГОЛЛАНДИИ.

В Голландии, благодаря медленному развитию ее крупной промышленности, движение работниц возникло только в конце первого десятилетия нашего века. Впервые женщины-пролетарки приняли участие в общем рабочем движении в 1910 г., когда группой их был организован в Амстердаме комитет помощи бастующим морякам. Из этого комитета впоследствии развился революционно-социалистический женский союз.

Развитие этого союза шло очень медленно. Вначале в крупных городах были устроены клубы и комитеты, по образцу амстердамского, и только долгое время спустя произошло организационное слияние этих местных клубов. Каждая более или менее значительная забастовка рабочих поддерживалась женским союзом, который собирал деньги для забастовщиков, причем жены не бастующих рабочих на время забастовки брали к себе детей бастующих.

Женский союз поддерживал тесную связь с антимилитаристской организацией, проповедывавшей отказ от военной службы. Во время империалистической войны он вошел в самую тесную связь с революционно-социалистическим комитетом, который вел в Голландии энергичную кампанию против войны и ее последствий. Во время войны работницы принимали живейшее участие в антимилитаристских [illegible] устраивавшихся как марксистскими, так и синдикалистскими и анархистскими организациями рабочего класса. Они участвовали также в уличных демонстрациях и столкновениях рабочих с полицией, которых голод и безработица толкали на улицу для протеста.

Эта деятельность тесно сблизила женский союз с революционным движением пролетариата. Однако, развитие союза шло медленно вследствие отсутствия среди голландских женщин людей с организаторскими способностями. Только за последнее время женщины, члены коммунистической партии, которые по некоторым соображениям были против работы в женских клубах, начали уделять им большое внимание. После же постановлений II конгресса III Интернационала женщины - коммунистки начали энергичную работу в женском союзе и создали повсеместно в его секциях свои ячейки.

Эта деятельность коммунисток вызвала отпор со стороны, так называемых, свободолюбивых, т. е. меньшевистски - буржуазно

настроенных женщин, которые и начали борьбу против коммунистических ячеек. Борьба эта привела к организационному расколу. На состоявшемся в ноябре 1920 г. в Гааге с'езде антикоммунистическое меньшинство (8 организаций из 20) вышло из союза и образовало независимый женский союз.

Выход из союза старых опытных руководителей создал значительные затруднения организационного, административного и финансового характера. Но выбранный на с'езде временный исполнительный комитет и редакция двухнедельной «De Voorbode» («Предвестница») оказались на высоте положения.

Для окончательного разрешения ряда вопросов, вызванных расколом, 13 февраля 1921 г. в Утрехте состоялся чрезвычайный с'езд союза. При этом выяснилось, что союз насчитывает 18 секций, из них 13 прислали делегатов.

Всего присутствовало около 50 женщин [redacted] мужчин. Этот с'езд, уже с первого взгляда, сильно отличался от предыдущего, гаагского. Здесь не чувствовалось антагонизма. Настроение делегатов было спокойное, деловое. Единичные выступления, напоминавшие недавние раздоры, успеха не имели. Лейденская секция представила на обсуждение [redacted] резолюцию: «Чрезвычайный с'[redacted] женского союза, заседающий 13 февраля 1921 года в Утрехте, учитывая, что существование двух различных революционно-социалистических организаций вредно отзывается на пропаганде революционного социализма среди женщин; что необходимо приложить все усилия, чтобы снова об'единить [redacted] ныне группы на основе общей платформы революционного социализма, что стоит же необходимо урегулировать финансовые и организационные затруднения, возникшие в связи с ноябрьским с'ездом 1920 г.,—постановляет: обратиться к Независимому революционно-социалистическому женскому союзу с предложением образовать комиссию, в которую должны войти по 2 представителя от Независимого и от Революционно-социалистического союза и беспартийный председатель (председательница), выбранный этими четырьмя представителями. Эта комиссия должна взять на себя роль примирителя, с целью: 1) об'единить ныне раздельно существующие группы на основе платформы революционного социализма; 2) урегулировать финансовые и организационные вопросы в интересах обеих групп».

Лейденская секция подчеркнула при этом, что там, где нет принципиальных разногласий, необходимо, во что бы то ни стало, прийти к соглашению. Гренингенская секция высказалась в том же смысле.

Резолюция эта была принята на с'езде 9 голосами против 3 при 1 воздержавшемся. В согласительную комиссию избраны Сторм и Менсинг; председательницей намечена Клара Викмен.

В редакцию пропагандистского журнала «Предвестница» избрана Генриетта Роланд-Голст и др. Редакции поручено выпустить ряд мелких агитационных брошюр.

Можно надеяться, что в настоящее время союз организационно окреп, и что уже ближайшие месяцы принесут нам вести о дальнейшем росте революционного движения работниц Голландии.

Р.

ВСЕМ КОММУНИСТИЧЕСКИМ ПАРТИЯМ.

[redacted]

Дорогие товарищи!

Исполком Коминтерна, совместно с секретариатом Коминтерна по работе среди женщин, созывает в Москве, в связи с III Международным Конгрессом Коминтерна, II-ую Международную Конференцию Коммунисток. Конференция должна под'итожить опыт работы, проделанной в международном масштабе среди женщин, определить задачи работниц, диктуемые международной ситуацией, в различных странах, а также методы и формы работы среди женщин применительно к новым заданиям Коминтерна, а именно: об'единить силы пролетариата, включая и женщин-работниц, для ускорения процесса завоевания диктатуры рабочим классом. Поэтому Исполнительный Комитет и Международный Секретариат по работе среди женщин просят вас, дорогие товарищи, прислать делегаток на конференцию.

Желательно, чтобы делегатки привезли письменные доклады по работе среди женщин.

Порядок дня:

1. Участие работниц в борьбе за завоевание и укрепление диктатуры рабочего класса.
2. Методы и формы работы К. П. среди женщин-работниц.
3. Участие работниц в экономической борьбе и в экономическом строительстве.
4. Международный Секретариат по работе среди женщин и его задачи.
5. Международная конференция работниц.

С коммунистическим приветом

Исполком Коминтерна.

Секретариат по работе среди женщин при Коминтерне.

КО ВТОРОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ КОММУНИСТОК.

Международный секретариат по работе среди женщин и Исполком Коминтерна утвердили нижеследующую норму представительства.

1-я группа: 5 представителей.

Россия. Коммунистическая партия.
Германия. Об'единенная Комм. партия и Комм. Рабочая партия (совещ. голос).
Франция. Французское социалистическое революционное меньшинство синдикатов.
Италия. Коммунистическая партия.
Унионе Синдакале.
Союз моряков.
Союз железнодорожников.
Социалистическая партия (с совещ. голосом).
Норвегия. Рабочая партия.
Болгария. Коммунистическая партия.
Швеция. Коммунистическая партия.
Польша и Вост. Галиция. Коммунистическая партия Польши.
Коммунистическая партия Вост. Галиции.
Союз еврейских рабочих (совещ. голос).
Чехо-Словакия. Коммунистическая партия немецкой Богемии.
Марксистская левая Чешской социал-демократии.
Словацкая социалистическая партия (совещ. голос).
Интернациональная русинская социалистическая партия (сов. голос).
Англия. Об'единенная коммунистическая партия.
Левое крыло Незав. раб. партия.
Америка. Об'единенная коммунистическая партия.
Индустриальные Рабочие Мира.

2-я группа: 3 голоса.

Австрия. Коммунистическая партия.
Венгрия. Коммунистическая партия.
Юго-Славия. Коммунистическая партия.
Соц. партия автономной области Финфкирхен (сов. голос).
Украина. Коммунистическая партия.
Финляндия. Коммунистическая партия.
Испания. Коммунистическая партия.
Конфедерация Труда.

3-я группа: 2 голоса.

Дальне-Восточная Республика. Коммунистическая партия
Япония. Коммунистические группы.
Аргентина. Коммунистическая партия.
Коммун. рабочая федерация (совещ. голос).
Азербейджан. Коммунистическая партия.
Армения. Коммунистическая партия.
Грузия. Коммунистическая партия.
Греция. Коммунистическая партия.
Бельгия. Коммунистическая партия.
Голландия. Коммунистическая партия.
Дания Коммунистическая партия.
Швейцария. Коммунистическая партия.
Рабочий союз швейцарских городов (сов. гол.).
Румыния. Коммунистическая партия.
Латвия. Коммунистическая партия.
Эстония. Коммунистическая партия.
Независимая рабочая партия.

4-я группа: Один представитель.

Персия. Коммунистическая партия Ирана.
Австралия. Коммунистическая партия.
Канада. Коммунистические группы.
Кубр. Коммунистические группы.
Мексика. Коммунистическая партия.
Центральная Америка. Коммунистические группы.
Уругвай. Социалистическая партия.
Чили. Социалистическая партия.
Ява. Коммунистическая партия.
Южная Африка. Интернациональная социалистическая Лига.
Португалия. Коммунистические группы.
Литва. Коммунистическая партия.
Люксембург. Коммунистическая партия.
Ирландия. Коммунистические группы.
Исландия. Коммунистическая партия.
Тирол. Коммунистическая партия.
Бухара. Коммунистическая партия.
Палестина. Коммунистическая партия.
Индия. Коммунистические группы.
Китай. Левое крыло социалистической партии.
Коммунистические группы.
Корея. Коммунистическая партия.
Социалистическая революционная партия.

Кроме вышеуказанных, приглашаются еще представители разных групп и организаций в качестве гостей и в целях информации.

Просим прислать представительниц:

от Финской Социалистической рабочей партии, от Конфедерации Труда в Италии, Федерации русских рабочих Южной Америки, Всеобщего профсоюза [illegible] национального рабочего Секретариата в Нидерландах, Об'единенной союзной оппозиции Дании, Левого крыла Социалистической партии Бельгии (из гор. Брюсселя) и Анархо-коммунистов Голландии.

С коммунистическим приветом

Международный Женский Секретариат по созыву II Международной Конференции Коммунисток.

Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала.

БЮРО ДЛЯ ОРГАНИЗАЦИИ II МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ЖЕНЩИН-КОММУНИСТОК.

АНКЕТА ДЛЯ ДЕЛЕГАТОК II МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ЖЕНЩИН-КОММУНИСТОК О ПОЛОЖЕНИИ РАБОТНИЦ И КРЕСТЬЯНОК В ИХ СТРАНЕ.

НАЗВАНИЕ СТРАН. ОРГАНИЗАЦИЯ. ФАМИЛИЯ.

I.

Экономическое и правовое положение женщин.

1. В каких законах и решениях наиболее проявляется неравенство полов? Основные законы о брачном и семейном праве до и после войны . . . . . .
2. Какие изменения в законах явились следствием войны. . . . . .
3. Законы о защите женщин в городах и деревне . . .
4. Законы о защите материнства и детей. Правительственные и общественные установления . .

5. В чем проявляется участие правительства в деле общественного воспитания детей (читальни, одежда, образование, медицинская помощь и т. д.)? . .
6. В чем проявляется участие правительства в деле организации общественного питания (народных кухонь, столовых и т. д.)? . . . . . .

II.

Положение женщины в промышленности.

1. Какого рода промышленность преобладает в стране? . . . . . .
2. В какой области наиболее применяется женский труд? . . . . . .
3. Положение женщины в промышленности до, во время и после войны. . . . . .
4. Минимум заработной платы рабочего . . . . . .
5. Минимум и максимум заработной платы работницы. . . . . .
6. Разница в заработной плате мужчин и женщин (в %%) . . . . . .
7. Прогулы и меры борьбы с ними. Государство и общественные организации . . . . . .
8. Участие государства и капиталистов в организации учреждений для работниц, способствующих [illegible] женщины (ясли, коммуны, кухни и т. д.) . . . . . .
9. Общие условия жизни работниц (жилищные, семейные и т. д.) в городе и деревне . . . . . .

III.

Участие работниц в профессиональном движении.

[illegible] работницы в каждой отрасли промышленности (отдельно, система организации)? . . . . . .
2. Пользуются ли они всеми правами в качестве членов профессионального союза? . . . . . .
3. Общее число женщин, организованных в профессиональные союзы каждой отрасли промышленности. . . . . .
4. Процентное отношение к общему числу работниц, занятых в той же отрасли промышленности. Аналогичное число мужчин, участвующих в профессиональном движении. . . . . .
[illegible] проявляющих деятельное участие в руководящих [illegible] союзами. . . . . .
6. Нет ли специальной [illegible] ваших каким либо профессиональным [illegible] распространения организации (публикации и т. д.) этой работы? . . . . . .
[illegible] профсоюзы, об'единяющие женщин, действительно революционны? . . . . . .
8. Какие требования предъявлены капиталистам по инициативе работниц и какие из этих требований удовлетворены? . . . . . .

IV.

Участие женщин в политической жизни страны.

1. Основные законы, обусловливающие участие женщин в политической жизни до, во время и после войны. . . . . .
2. Какое участия имеют женщины в правительственных организациях центра и провинции (активное и пассивное избирательное право, в какой мере являются они выборщиками и могут быть избираемы) . . . . . .
3. Общее число женщин, занимающих ответственные посты по выборам и по назначению в органах правительственных, муниципальных, общественных, промышленных и т. д. . . . . .
4. Инициатива, проявленная женщинами в руководящих органах в смысле выработки новых законопроектов, изменения старых и т. д. . . . . .

V.

Участие женщин в социальной жизни.

1. В чем главным образом выражается участие женщин в социальной жизни? . . . . . .
2. Разница в социальном положении работницы, крестьянки и женщины из буржуазного мира . . . .
3. Разница в социальном положении женщины замужней и незамужней . . . . . .
4. В чем сказывается перемена положения женщины в ее брачной и семейной жизни во время и после войны в области закона и быта? . . . . . .
5. Какие организации об'единяют женщин в их борьбе за изменение жилищных условий (феминистские, религиозные, их цели, задачи, методы, организация; какие слои общества они об'единяют)? . . .
6. Влияние религии на женщин различных классов (работницы, крестьянки, женщины буржуазного мира) В чем выражается это влияние? Уменьшилось ли оно после войны? . . . . . .

VI.

Участие женщин в революционном движении вашей страны.

1. Вокруг каких революционных партий об'единяются работницы, крестьянки и домашние хозяйки? . .
2. В чем выразилось их участие в пацифистском движении? . . . . . .
3. В чем проявилось их участие в политической и экономической борьбе (стачки, восстания и т. д.)? . . . . . .
4. Какие требования и революционные лозунги об'единили наибольшее число работниц, домашних хозяек и крестьянок? . . . . . .
5. Какие требования были пред'явлены исключительно работницами? . . . . . .
6. Какие изменения внесла революционая борьба в политическое и экономическое положение? . . . . .
7. Назовите имена вождей и жертв революционной борьбы среди работниц и крестьянок? . . . . . .
8. Как велико число женщин, заключенных в настоящее время в тюрьму за участие в революционной борьбе? . . . . . .
9. Какое значение имеет русская революция по отношению к революционному движению женщин в вашей стране, в чем выражается ее влияние (методы борьбы, русская литература и т. д.)? . . .
10. Торжество международного праздника женщин со времени его установления; в чем оно ежегодно проявляется, кем организуется, его лозунги, участие в нем работниц, крестьянок, домашних хозяек.? . . . . . .

VII.

Участие организаций вашей страны, примкнувших или желающих примкнуть к III Интернационалу.

1. Какие организации специально работают среди женщин (перечислить)? . . . . . .
2. Формы организации этой работы . . . . . .
3. Система пропаганды . . . . . .
4. Пресса и об'явления . . . . . .
5. Число женщин, сгруппированных в каждой из организаций, и их социальный состав. . . . . .
6. В чем выражаются результаты практической работы? . . . . . .
7. Указать имена самых популярных работниц, наиболее активно проявивших себя в рабочем и крестьянском движении вашей стран[illegible] . . . . . .
8. Методы, употребленные на [illegible] чтобы привлечь женщин различных социальных групп . . . . . .

ГЕРОИ и МУЧЕНИКИ ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

ДОКЛАД ОБ УБИЙСТВЕ ТОВ. БРУКФИЛЬДА.

Согласно телеграфным сведениям лондонских газет от 23 марта, тов. Перси Ж. Брукфильд (Persy J. Brookfield) был убит на железнодорожной станции Ривертон, в штате Южная Австралия русским уроженцем Томаевым (Tomayoff). Тов. Брукфильд, по ремеслу рудокоп, с 1917 г. был представителем одного из районов «Broken Hill», в парламенте Нового Южного Уэльса. Он был одним из прекраснейших в мире людей. Это был человек большой личной смелости, преисполненный любви к своему классу и преданности его интересам, которого не могли изменить четыре года, проведенные им в атмосфере буржуазного парламента.

- Преследуемый крайней ненавистью как со стороны буржуазии, так и со стороны реакционных элементов своей собственной партии, Брукфильд стоял во главе добровольческой рабочей армии, созданной рудокопами «Broken Hill». Армия эта имела своей задачей противодействовать попыткам австралийского федерального правительства организовать рекрутские наборы. В 1916 г. Брукфильд был заключен в тюрьму за участие в столкновении с шайкой патриотов, пытавшихся разгромить главную квартиру союза Индустриальных Рабочих Мира в «Broken Hill». Тотчас же по освобождении, он был избран в парламент. Здесь он занял непримиримую позицию, и за речи против войны не раз подвергался судебным денежным карам.

Брукфильд принимал деятельное участие в деле двенадцати членов Союза Индустриальных Рабочих Мира, приговоренных в Сиднее в 1916 г. к тюремному заключению на срок от десяти до пятнадцати лет. Он неустанно добивался их освобождения, произносил речи на митингах и собирал денежные средства. Эта его деятельность вовлекла его в конфликт с консервативными членами его собственной партии. Он настаивал на том, чтобы Рабочая партия требовала немедленного и безоговорочного освобождения осужденных. Партия, в свою очередь, потребовала, чтобы Брукфильд присоединился к ее предложению относительно нового судебного расследования дела.

Когда тов. Брукфильд отказался подписать это предложение, он был исключен из партии. Партия выдвинула нового кандидата. Но Брукфильд выступил кандидатом от имени Независимой Рабочей партии и получил на выборах подавляющее большинство голосов. Рудокопы «Broken Hill» об'единились вокруг Брукфильда и этих двенадцати заключенных, которых гноили в тюрьме в течение четырех лет за их революционную работу.

По замечательному совпадению, обе партии—Рабочая и Националистическая—имели одинаковое количество голосов. Благодаря этому, голос Брукфильда мог ретить вопрос о власти в пользу той или другой партии. Он предложил выбросившей [illegible] своих рядов Рабочей партии свою поддержку, если та согласится назначить беспристрастную королевскую комиссию для немедленного расследования дела. Рабочая партия согласилась на это и, благодаря поддержке Брукфильда, получила в свои руки власть. Королевская комиссия стала на точку зрения Брукфильда и признала невиновными шестерых из осужденных, постановив вместе с тем освободить еще четверых, которым угрожала меньшая кара. Все они были освобождены 3 августа 1920 г., после четырех лет тюремного заключения.

В письме к Тому Баркеру, от 31 июля 1920 г., тов. Брукфильд говорит об этом событии: «Я хочу в нескольких строках сообщить вам подробности этой крупной новости. Это была упорная борьба. Противники наши были сильны, но мы имели на своей стороне правду и справедливость... Достигнутый нами результат должен придать новую бодрость поборникам правды и справедливости в других странах в их борьбе за освобождение множества друзей, брошенных в тюрьмы за время ужасной войны».

И теперь этот смелый герой пал от пули убийцы.

Печать сообщила, что последний прежде проживал в «Broken Hill», и что комната его была полна фотографиями выдающихся русских революционеров. Эта версия, очевидно, была нужна для того, чтобы замаскировать это подлое политическое убийство одного из лучших деятелей рабочего движения в Австралии. Брукфильд был одним из старейших бесстрашных борцов русского рабочего класса в Австралии. Он не был политиканом, примазывающимся к рабочему движению. Это был пламенный, бесстрашный борец пролетариата, совесть которого не запятнана братанием с врагами. Кто бы ни был Томаев, он выполнил грязное дело австралийской буржуазии. Мы не сомневаемся, что вся инсценировка этого безумного убийства ясно показывает, что низкая и бессовестная банда капиталистов и белогвардейцев из среды Рабочей партии продолжает начатое ими в 1916 г. позорное дело, когда предатели, лгуны, преступные и подкупленные свидетели служили для того, чтобы душить поднимавшееся революционное движение, готовить пищу виселице и наполнять тюрьмы.

Чем Либкнехт был для Германии, тем Брукфильд был для Австралии. Чем Малон является для английской палаты общин, тем Брукфильд был для австралийских законодательных органов. Красная Россия оплакивает вместе с Австралией эту утрату. Сердце Москвы чувствует боль осиротевших революционеров «Broken Hill», оно чувствует эту великую и невозградимую утрату. Пусть же они идут вперед, вдохновляемые его боевыми лозунгами, пока австралийский пролетариат не добьется господства в своей стране.

Долой белогвардейских убийц и их агентов!

Да здравствует пролетарская революция!

Том БАРКЕР.

ДЕЛО ТОВ. БУЖОРА.

Тов. Бужор, известный старый румынский коммунист, отбывает пожизненные принудительные работы, по приговору, вынесенному 9 мая 1920 г. румынским военным судом.

В Румынской Социалистической партии тов. Бужор работает с начала XX века. С 1905 г. он, под непосредственным руководством одного из основателей и видных теоретиков Румынской Социалистической партии, тов. К. Доброджану-Гарся, энергично работает над восстановлением распавшейся партии. Будучи прекрасным оратором, он пользуется большим влиянием на массы.

Во время европейской войны его призвали в армию, как офицера запаса. В это время от сыпного тифа умер видный партийный работник, тов. Оттойи. На его похоронах т. Бужор произносит пламенную речь, за которую его привлекли к судебной ответственности. Зная отношение румынских военно-полевых судов к социалистам, Бужор бежал в Одессу, но суд над ним состоялся в его отсутствии и его заочно приговорили к смертной казни, уже не за речь, а за дезертирство.

В Одессе он работает совместно с тов. Раковским, единомышленником и сотрудником которого он был еще в Румынии. В начале 1920 г. он, однако, возвращается в Румынию, где и был арестован 18 марта. Его вновь предают военному суду и обвиняют на этот раз в: 1) дезертирстве за границу, 2) подстрекательстве к убийству румынских буржуа, бежавших в Россию, 3) подстрекательстве к активному выступлению против законного правительства Румынии, 4) пропаганде в румынской армии, с целью вызвать переход ее на сторону повстанцев (румынского революционного батальона), 5) нанесении ран начальнику стражи, 6) злостных интригах, имевших целью вызвать войну против родины и с помощью иностранной оккупации достигнуть свержения правительства и 7) покушении, при помощи ложных сообщений, на государственную безопасность и возбуждении народных масс против авторитета главы государства.

На суде, однако, выяснилось, что румынские беженцы в Одессе пользовались покровительством Бужора, и что нынешний глава правительства, генерал Авереску, совещался в 1918 г. с тов. Бужором и предлагал Социалистической партии Румынии соединиться с его (Авереску) партией для проведения в Румынии революции и свержения династии. Тем не менее, т. Бужор был признан виновным по всем пунктам обвинения и приговорен к расжалованию и пожизненным принудительным работам.

Уже после приговора он был избран делегатом в парламент от Социалистической партии Румынии, но правительство отказалось освободить его. На принудительных работах в соляных копях в Окне, да и в предварительном заключении, с ним обращаются возмутительно жестоко, что вызвало целый ряд протестов как социалистической партии, так и отдельных организаций.

N.

ГИБЕЛЬ ГРЕЧЕСКИХ ДЕЛЕГАТОВ.

Западно-европейская коммунистическая пресса сообщает, что делегаты Греческой Социалистической Рабочей партии на II Конгрессе Коммунистического Интернационала; т. т. Лигдополюс (Ligdopolus и Алексакис (Alexakis) покинули Россию на маленьком пароходе, направившемся в Болгарию, куда они должны были прибыть к первому ноября 1920 г. Теперь только власти Кемаль-паши сообщают, что ими в Зугульдаке арестованы капитан Абдуррахман и команда пиратского судна, сознавшиеся в убийстве обоих социалистов, а также двух русских и болгарина. Греческие социалисты энергично протестуют против блокады держав Антанты, повинных в убийстве товарищей.

ГИБЕЛЬ ТУРЕЦКИХ КОММУНИСТОВ.

Мною получено письмо от тов. Джевада, члена Турецкой Коммунистической партии и члена заграничного бюро той же партии, о мученической смерти товарища Субхи и его спутников. Страшные слухи, которым не хотелось верить, подтвердились. Наши товарищи безвременно погибли, побиваемые камнями, замученные, истерзанные под ударами фанатической толпы и наемных палачей, которых бросила против них турецкая буржуазия. Вот что пишет тов. Джевад об этом кошмарном деле, об этом новом [illegible] правящих классов Турции:

«Дорогой товарищ Павлович!

Я с вами должен поговорить серьезно по поводу великого несчастья, жертвами которого стали тов. Субхи, 4 члена Центрального Комитета и 12 других товарищей коммунистов. Они были зверски убиты и брошены в море около Трапезунда 28 января.

В течение двух месяцев нам ничего не было известно о судьбе пропавших товарищей, но затем выяснилось, что они погибли под ударами палачей, подкупленных трапезундской буржуазией.

Уже в Эрзеруме начались враждебные демонстрации против наших товарищей.

Народу говорили: «Коммунисты, приехавшие из России, — большевики. Они прибыли с намерением закрыть все магазины: никто не будет иметь права ни покупать, ни продавать. Затем будет приступлено к обыскам. Все имущество и деньги будут реквизированы. Коммунисты — безбожники, они бросают в тюрьмы всех тех, кто верует в Аллаха».

«Религия, собственность и торговля — вещи, запрещенные большевиками»—говорили провокаторы.

Среди демонстрантов были темные люди, подкупленные буржуазией и направленные полицией против коммунистов. Они набросились на наших товарищей, забрасывали их камнями и хотели их разорвать на клочья. По дороге нашим товарищам никто не хотел продать ни хлеба, ни фуража для их лошадей.

Правительство старается изобразить себя в роли защитника большевиков. Неверно, будто были приняты меры для защиты коммунистов. Мы знаем из достоверных источников, что сама полиция велела закрыть магазины и возбуждала толпу к забрасыванию камнями наших беззащитных товарищей. Этому истязанию наши товарищи подверглись в четырех или пяти пунктах. Но особенно зверской расправе подверглись они в Трапезунде. Здесь сейчас же после их прибытия они были оплеваны в порту при злобных криках и оскорблениях возбужденной толпы, сопровождавшей их. Там их обезоружили, отняли у них несколько револьверов, и насильно посадили их в моторную лодку, которая немедленно отчалила. За ней последовала другая, в которой находились вооруженные люди. Наших товарищей связали, заколодили штыками бросили в море.

На следующий день обе лодки стояли в трапезундском порту, а матросы рассказывали всем интересовавшимся, что турецкие большевики отправлены на дно морское....

Мы потеряли 16 или 17 товарищей из самых лучших и самых смелых. Вы должны выразить вашу солидарность с ними, требовать, чтобы их [illegible] были повешены, и чтоб это великое преступление не [illegible] лось без наказания, без отомщения.

Баку, 2 апреля 1921 года».

* * *

Могу лишь прибавить, что содержание письма [illegible] полученными [illegible] товарищей. Тов. Субхи был последовательным марксистом и самым выдающимся революционным деятелем рабочей Турции. По его инициативе, были переведены на турецкий язык «Коммунистический манифест» Маркса, «Биография Маркса», [illegible] Бухарина. «Программа Р. К. П.» и т. п. Тов. Субхи обладал выдающимся ораторским и литературным талантом и громадными организаторскими способностями. Он знал, что его ждут тяжелые испытания в родной стране, но это не могло остановить ни его самого, ни его геройских товарищей.

По полученным мною сведениям, та ненависть, которую турецкие националисты питают к коммунистической партии, дошла до пароксизма в момент прибытия тов. Субхи и его единомышленников в Турцию, благодаря тому, что приблизительно в [illegible] время на греко-турецком фронте произошло восстание Эдхема-паши,—восстание под [illegible] коммунистической партии. По данным [illegible] акта, Эдхем распространял [illegible] солдат «журнал с обложкой Коммунистического Интернационала: трудящиеся, разрывающие свои цепи». По некоторым данным, это восстание было провоцировано враждебными Коммунистической партии элементами, стремившимися в корне задавить начавшееся движение. Ядро армии Эдхема состояло из 5.000 человек. Солдаты и младшие офицеры стали на его сторону.

Турецкие капиталисты, спекулянты, паши и беи торжествуют. Восстание Эдхема задавлено. Тов. Субхи и его единомышленники, прибывшие с ним, убиты. В Турции, стране бедной интеллигентными силами, особенно бедной мужественными людьми, преданными рабоче-крестьянской массе, гибель таких борцов за народное дело, является страшным ударом для коммунистического движения. Но торжество палачей, замучивших наших дорогих товарищей, не будет долговременным.

Вечная память нашим дорогим, незабвенным товарищам, своей кровью запечатлевшим свою преданность коммунистическому идеалу. Позор всем тем, кто старался дискредитировать наших товарищей при их жизни и кто после их смерти бросал камень на их мученическую могилу. Международная коммунистическая партия, и в особенности русская, азербейджанская и турецкая, никогда не забудут имени Субхи, и, я надеюсь, скоро воздвигнут ему и его погибшим товарищам памятник в Баку, в том городе, где впервые собрался с'езд народов Востока, в том городе, откуда тов. Субхи, после прощания с русскими и азербейджанскими товарищами, отправился в свой мученический путь.

Существует древнее восточное поверие, которое гласит, что смерть одного святого может искупить грехи всего человечества, спасши его от страданий и смерти. Мы не верим подобным сказкам. Народные массы могут спастись от вековых страданий, от своих цепей только в результате кровавой и долгой борьбы против своих поработителей. Пусть же мученическая смерть тов. Субхи, который погиб на своем посту жертвой ненависти и злобы правящих классов, родит тысячи мстителей, тысячи бесстрашных бойцов, которые пойдут по стопам первого и великого турецкого коммуниста, и, смертью смерть поправ, создадут новую жизнь, где не будет ни пашей, ни беев, где не будет темной, невежественной толпы, жалкой игрушки в руках изуверов, ханжей и эксплоататоров, пользующихся фанатизмом масс для своих преступных и корыстных целей.

Мих. Павлович.

P. S. По только что полученным мною сведениям жена тов. Субхи была с лодки снята и доставлена в Трапезунд, где в течение недели о ней имели сведения. В настоящее время она бесследно исчезла и товарищи друзья Субхи беспокоятся об ее участи. Можно надеяться, что будут приняты все меры, чтобы узнать какая судьба постигла жену нашего замученного товарища и спасти ее из рук палачей.

По последним сведениям, через две недели после зверского убийства Субхи и сопровождавших его товарищей, та же участь постигла тов. Надим Агяха, прибывшего из Советской Республики в Анатолию и брошенного в воду, подобно Субхи.

Очевидно, что эта дикая расправа входит в систему и становится методом борьбы турецкой буржуазии с коммунистами.

М. П.

ПИСЬМО ИЗ ЛИТОВСКОЙ ТЮРЬМЫ.

„Воздастся сторицей".

Зашихнувший ненадолго безчеловечный произвол, зверства и издевательства Плекавичей, Микуцких и их присных над классовой сознательностью, революционностью и коммунистическими убеждениями рабочих, в последнее время проявились снова в «демократической Литовской Республике».

В конце прошлого и в начале нынешнего года начались массовые аресты рабочих и крестьянской бедноты. Были арестованы все более или менее выдающиеся представители рабочего движения: все члены правления профсоюзов (в Ковне, Кальварии, Шавлях), Литовское Центральное Бюро профсоюзов, члены рабочих фракций местных самоуправлений (Ковно), рабочие городские головы (в Кальварии). Арестовывался почти каждый десятый солдат по одному только подозрению в сочувствии большевизму или принадлежности к правительством же разрешенному профсоюзу. Ковенская тюрьма битком набита арестованными рабочими, солдатами и батраками; в одной этой тюрьме более 200 арестованных, а уездные тюрьмы переполнены еще более.

Чтобы дать предлог арестовать сразу как можно больше сознательных рабочих, солдат, малоземельных крестьян и безземельных батраков, Литовское кулацкое правительство воспользовалось гнусной провокацией, распространив слух, будто коммунисты готовят восстание. Для этой цели были мобилизованы все агенты правительства; буржуазные «стрельцы», члены христианско-демократического союза молодежи, так называемые «весенние», соревновали с профессиональными агентами «охранки». Обязанности филеров исполнялись даже членами Учредительного Сейма. Отделы контр-разведки превосходили свирепостью один другого. Чтобы добиться у арестованных необходимых «признаний», применялись самые зверские приемы инквизиции. Допрашиваемых пугали угрозой расстрела. Палачи застенка обрабатывали свои жертвы кулаками и рукоятками револьверов. Для разнообразия озверевшие охранники били арестованных прикладами, нагайками из проволоки и т. д. Характер истязаний зависел исключительно от степени изобретательности данной охранки. Одни били до собственного изнеможения, другие прикладывали мокрые мешки к ранам, чтобы увеличить боль. Били как попало и, для вящшего удовольствия озверелых палачей, избитых часто раздевали до-нага. Но были и такие виртуозы пыток, которые подвешивали свои жертвы за руки и истязали их в таком положении (Ушанская контр-разведка). Более всех отличились своими расправами: начальник поневежской контр-разведки *Рачис*, агенты купишской контр-разведки *Сарапас* и *Гурский*, начальник шавельской милиции *Яцевич* и милиционер *Мисик*, начальник кальварийской милиции *Пран Паулажек* и начальник участка милиции в Плунге—Павел (фамилия забыта). Своим зверством отличались также контр-разведки в Ковне, в Вильkomире, Купишках, Ушанах, Поневеже, Шавлях.

Ясно, что все это делалось с ведома и разрешения начальника литовской контр-разведки Липчуса, который, с своей стороны, исполнял приказы кулацкого правительства и учредилки. Вот когда партии, стоящие у власти, *христианские демократы и центр народников*, показали свое истинное лицо—истязателей рабочего и крестьянского люда!

Но в рабочих и крестьянских массах растет чувство жгучей ненависти против этих извергов. Из измученной груди вырывается страшный стон: *„вам воздастся сторицей!"*.

Сообщаем несколько характерных фактов (а это лишь капля в море!).

В Шавлях арестовали 12 ноября 1920 г. семнадцатилетнего *А. Модиса* и *А. Балвочиса*, председателя профсоюза. Оба—рабочие. При допросе начальник милиции *Яцевич* выбил у А. Модиса стволом револьвера—глаз. Милиционер *Мисикас* бил его проволочной нагайкой и ломал большими пальцами рук челюсти. *А. Балвочис* подвергался таким же истязаниям. Врача не допускали. Когда впоследствии был допущен врач Шалкауский, он отказался подписать свидетельство об обнаруженных после избиения знаках.

Винцас *Ульба*, владелец усадьбы Ж. Кальварийской волости, был арестован 12 ноября 1920 г. и обвинялся в принадлежности к Коммунистической партии. Начальник милиции в Плунге Повилас схватил его за уши и ударял его головой об стену. Кальварийский начальник милиции Пранас Паулаускас избивал его резиновой палкой, бросил на землю и, избитого до крови, топтал ногами. Раны на голове еще видны.

Без следствия все еще содержится в Ковенской тюрьме *И. Валужис*, рабочий; арестован 12 ноября 1920 года, из Ж. Кальварийской волости при обыске ничего не найдено. В Кальварии Начальник милиции В. Паулаускас и его помощник избивали его: один проволочной палкой, другой—кулаком и все спрашивали «покламаций». Спустя некоторое время оба эти чиновника привели еще четырех солдат, и все шестеро снова принялись избивать его, кто нагайкой, кто прикладом. Валужис потерял сознание и не помнит, как долго его избивали; очнулся весь в крови, на голове была большая рана, все лицо в опухолях. Раны еще и теперь видны. Содержится в Ковенской тюрьме.

22 февраля 1921 г.

ИЗ КАЛЕНДАРЯ КОМИНТЕРНА.

МАРТ—МАЙ 1921 Г.

1 марта.

Четвертый день V с'езда Всеобщей Конфедерации Труда в Ливорно. Генеральному Секретариату выражено доверие 1.435.873 голосами против 432.558 голосов коммунистов при 17.371 воздержавшемся.

Центральный Комитет революционных синдикалистов во Франции избрал в исполнительную комиссию: членами Томмаси (Tommasi), Гандо (Gandeaux), Кассани (Cassani), Беллюг (Bellugues), Гонно (Gonnot), казначеем Лабонн (Labonne) и секретарем Годоннеш (Godonnèche). В комиссию пропаганды и вербования вошли: секретарем Саролса (Saroléa) и членами Гранден (Grandin), Серп (Serpe), Шюрен (Churin) и Ракамон (Racamond). В статистическую комиссию избраны: секретарем Вуарен (Voirin) и членами Саротт (Sarotte), Брюне (Brunet), Гийу (Guillou) и Фарг (Fargues).

В Люксембурге, вследствие отказа предпринимателей в обратном приеме уволенных рабочих, горнозаводские рабочие об'явили всеобщую забастовку.

2 марта.

На последнем своем заседании V Всеукраинский С'езд Советов утвердил союзный договор между Р. С. Ф. С. Р. и У. С. Ф. С. Р.

В Люксембурге горнозаводские рабочие приступили к захвату предприятий.

Возбуждено судебное преследование против выходящей в городе Куопио газеты Финляндской Социалистической Рабочей партии «Wapaa Kansa» (Свободный Народ) за напечатание воззвания «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Воззвание призывало социалистические рабочие организации приступить к голосованию по вопросу о вступлении в III Интернационал.

3 марта.

Шестой и последний день V с'езда Всеобщей Конфедерации Труда в Ливорно. Резолюция о присоединении к Международному Совету Красных Профессиональных Союзов (при условии сохранения связи с Социалистической партией) и о выходе из Амстердамского Интернационала (в зависимости от решений, которые будут приняты на предстоящем московском с'езде профессиональных союзов) была принята 1.354.226 голосами против 418.425 при 21.347 воздержавшихся.

В Париже, по обвинению в преступлении против государственной безопасности, арестован Камилл Фежи (Camille Fégy), административный секретарь Национальной Федерации Социалистической—Коммунистической Молодежи (Fédération Nationale des Jeunesses Socialistes Communistes).

В Люксембурге против горнозаводских рабочих выступили французские войска.

В Ковентри (Coventry), по обвинению в государственной измене, арестован председатель местного комитета Коммунистической партии Великобритании Эмери (Emery).

В Глазго начался суд над членами Коммунистической партии Великобритании: Дугласом Мак-Леш и Джоном-Гамильтоном Папри, авторами инкриминируемой статьи, и Эндрью Флеминг, владельцем типографии.

Собрание членов марксистского левого крыла Социал-Демократической партии Чехии в Брюнне высказалось за присоединение к III Интернационалу и потребовало отсрочки партийного с'езда с Пасхи на Троицу в целях тщательной его подготовки.

4 марта.

Берлинская «Rote Fahne» напечатала воззвание Ц. К. Об'единенной Коммунистической партии Германии, призывающее германский пролетариат к свержению правительства и заключению союза с Советской Россией в целях отпора последним требованиям Антанты.

5 марта.

В Цюрихе открылся об'единительный с'езд левого крыла Социал-Демократической партии Швейцарии (5.483 члена) [illegible] (873 члена).

Кассельский процесс коммунистов закончился присуждением Клинкмюллера (Klinkmüller) к 9 месяцам тюремного заключения, Цайссера (Zaisser) и Шреера (Schröer) на 4 каждого, Гарбиха (Harbich) и Раббиха (Rabbich) на 2; Кюстер (Küster) и Логаген (Lohagen) оправданы.

6 марта.

С'езд в Цюрихе закрылся. Обе партии слились в единую организацию под наименованием Коммунистической партии Швейцарии (секции III Интернационала). Ц. К. избран в составе председателя Франца Вельти (Welti) и членов Кюндига (Kündig), Зульцбахнера (Sulzbachner), Розы Гримм (Rosa Grimm), Гандшина (Handschin), Герцога (Herzog), Платтена (Platten), Маага (Maag) и Эмбер-Дроза (Humbert-Droz). Заседания Ц. К. будут происходить в Базеле. Председатель контрольной комиссии, которая будет заседать в Цюрихе, избран Конрад Висс (Konrad Wyss). В третейский суд избраны: Конрад Висс, Визендангер (Wiesendanger), Трабер, Губер (Huber) и Иорди (Jordi).

На общинных выборах в Белграде коммунисты собрали 10 мандатов, социалисты—3 и буржуазные партии—32.

В Берлине открылась имперская конференция Вольного Рабочего Союза синдикалистов Германии (Freie Arbeiter-Union Deutschlands Syndikalisten).

В Берлине, по инициативе Об'единенной Коммунистической партии Германии, массовая демонстрация под лозунгом «Долой двойное иго иностранных и германских угнетателей»!

В Сент-Уан (Saint-Ouen), близ Парижа, массовая демонстрация протеста против войны.

В Каролинентале состоялась конференция марксистского левого крыла Социал-Демократической партии Чехии. Несмотря на колебания Богумила Шмераля (Bogumil Smeral), было почти единогласно постановлено вести работу в направлении создания международной коммунистической партии. По требованию брюннских товарищей, партийный с'езд отложен с Пасхи на Троицу.

7 марта.

С'езд организаций Финляндской Социалистической Рабочей партии южной части Або́ского избирательного округа обсуждал вопрос о III Интернационале. Последний признан единственной боевой организацией рабочего класса, построенной на ясной и непоколебимой

основе классовой борьбы. Решено принять за энергичную работу по ознакомлению организаций с 21 условиями III Интернационала.

В Тулоне военный суд приговорил матроса Бадина к 15 годам каторжных работ за участие в протесте черноморских моряков против войны с Советской Россией.

В Берлине закрылась имперская конференция Вольного Рабочего Союза Германии (синдикалистов).

8 марта.

Р. С. Ф. С. Р. праздновала международный день работниц.

В Москве открылся X с'езд Российской Коммунистической партии.

Ц. К. Социалистической партии (французской секции Коммунистического Интернационала) на заседании, на котором присутствовал Томмаси от Об'единения профессиональных союзов департамента Сены (Union des Syndicats de la Seine), постановил: 1) начать энергичную пропаганду протеста против опасности войны — в партийном органе, палате депутатов и на публичных собраниях; 2) создать Комитет Бдительности (Comité de Vigilance) из представителей партии, Об'единения профессиональных союзов департамента Сены и революционных организаций; 3) созвать в кратчайший срок международную конференцию для согласования действий французского, германского, английского и итальянского пролетариата. От партии делегированы в Комитет Бдительности: Фроссар (Frossard), Кашен (Cachin), Вайан-Кутюрье (Vaillant-Couturier), Трен (Treint), Картнер (Cartner) и Даниэль Рену (Daniel Renoult).

9 марта.

Об'единение профессиональных союзов департамента Сены, Социалистическая партия (французская секция Коммунистического Интернационала), Союз анархистов (Union anarchiste), Республиканская Ассоциация участников войны (Association Républicaine des Anciens Combattants), Рабочий Союз Калек (Fédération Ouvrière des Mutilés), Братский Союз Вдов Войны (Union Fraternelle des Veuves de Guerre), Национальная Федерация Коммунистической Молодежи (Fédération Nationale des Jeunesses Communistes) и Комитет Общественной Обороны (Comité de défense sociale) постановили образовать Комитет Действия для воспрепятствования войне.

Фракция Об'единенной Коммунистической партии Германии в прусском ландтаге избрала в председатели Адольфа Гофмана (Hoffmann), Эрнста Мейера (Meyer) и Оскара Руша (Rusch).

Суд над коммунистами в Брюнне (Чехо-Словакия) [illegible] осуждением редакторов «Ровност» Карла Бо[illegible] (Votava) и Буриана (Burian) к 10, трех лиц к 8, двух [illegible] годам и ряда лиц до 8 месяцев тяжелого тюремного [illegible]ключения.

В Мю[illegible]зене, Кольмаре, Страсбурге, Меце, Маркирхе (Sainte-Marie-Aux-Mines) произведены аресты руководителей коммунистических групп и организаций молодежи.

10 марта.

В Берлине, по инициативе Об'единенной Коммунистической партии Германии, массовая демонстрация под лозунгом: «Против единого национального фронта — за единый фронт пролетариата».

11 марта.

Собрание 6.000 рабочих в Доме Профессиональных Союзов в Париже, созванное по инициативе организаций, образовавших Комитет Действия, единогласно постановило: противопоставить войне революцию.

Эссенский процесс коммунистов закончился оправданием 14 подсудимых.

12 марта.

В Рейхенберге состоялась конференция чешских немецких-коммунисток. В качестве гостей присутствовали: Мейерова (Meyerova) от чешской левой и Берта Брауншталь (Berta Braunthal) от имперского секретариата по работе среди женщин Об'единенной Коммунистической партии Германии. В центральный орган по работе среди женщин избраны Иоска (Joska), Мария Шпонер (Sponer), Кета Фишер (Käthe Fischer), Шрейбер (Schreiber), Ридель (Riedel), Индра (Jindra), Франц, Мани и Вюнш (Wünsch).

В Рейхенберге открылся первый с'езд левого крыла Немецкой Социал-Демократической партии Чехо-Словакии. На с'езде присутствовали Вальтер Штеккер (Stöcker) от Германии, Иосиф Штрассер (Strasser) от Австрии, Шмерал (Smeral) и Скалак (Skalak) от чешских левых, Иосиф Гарби (Josef Garby) от Социалистической Рабочей партии Прикарпатской Руси, Венцель Гула (Hula) и Нейманн от Словакии.

13 марта.

При выборах во втором избирательном округе в Париже в палату депутатов прошли два кандидата национального блока, получившие 70.000 голосов; коммунисты Лорио и Суварин собрали всего 58.000 голосов.

Выборы в мекленбургский ландтаг. Буржуазные партии собрали 165.188 голосов (вместо 166.449 в июне 1920 г.)—34 мандата (вместо 33), Социал-Демократическая партия Германии собрала 130.291 голос (вместо 128.479) — 26 мандатов (как и прежде), Независимая Социал-Демократическая партия Германии собрала 2.438 голосов (вместо 24.576)—ни одного мандата (вместо 5), Об'единенная Коммунистическая партия Германии собрала 14.509 голосов (вместо 1.178)—3 мандата (в предыдущем составе ни одного).

Во Франции, в Сент-Этьенне (Saint-Etienne) состоялся с'езд кожевенников, на котором были представлены профессиональные союзы 8 департаментов. С'езд выразил протест против исключения революционного меньшинства и принял огромным большинством резолюцию с требованием присоединения к Международному Совету Красных Профессиональных Союзов.

14 марта.

В Праге заседала женская конференция марксистского левого крыла Социал-Демократической партии Чехии, Моравии и Словакии, представлявшая 182 женские организации. После доклада Мейеровой, делегатки женской конференции чешских немок-коммунисток в Рейхенберге, и Гриммиховой (Grimmichova), с'езд единогласно принял 21 условие III Интернационала.

С'езд в Рейхенберге единогласно, без прений, принял резолюцию о переименовании организации в Коммунистическую партию Чехо-Словакии, немецкая секция (секция III Интернационала) — Kommunistische Partei der Tschechoslowakei, Deutsche Abteilung (Sektion der III. Internationale). Отношение к чешским левым постановлено урегулировать в дружественном смысле и согласии с Исполнительным Комитетом Коммунистического Интернационала, в ожидании образования единой международной коммунистической партии в Чехо-Словакии.

Вальтер Штеккер, присутствовавший на рейхенбергском с'езде, выслан из пределов Чехо-Словакии.

15 марта.

Брюссельская полиция произвела обыск в помещении редакции «Л'Эксплуате» (L'Exploité).

Ц. К. Коммунистической партии Чехо-Словакии (немецкая секция) сконтитуировался в следующем составе. Председателями партийного представительства избраны Карл Крейбих, Бейер (Beuer) и Леглер, казначеем—Иоска, заместителем последней -Крейтц (Kreutz). В Исполнительный Комитет бюро партии вошли Карл Крейбих, Нейрат (Neurath), Иоска, Зитте (Sitte) и Креупц.

16 марта.

Закрылся X с'езд Российской Коммунистической партии. Новый Ц. К. избран в составе 25 членов: Артема, Н. Бухарина, Ворошилова, Дзержинского, Г. Зиновьева, Калинина, Каменева, Комарова, Кутузова, Н. Ленина, Михайлова, Молотова, Орджаникидзе, Петровского, К. Радека, Раковского, Рудзутака, Рыкова, Сталина, Томского, Л. Троцкого, Тунтула, Фрумзе, Шляпникова и Ярославского—и 15 кандидатов: Гусева, Залуцкого, Зеленского, Кирова, Киселева Куйбышева, Милютина,

Осинского, Пятакова, Смирнова, Сулимова, Угланова, Чубаря и Шмидта. В центральную контрольную комиссию избраны Киров, Кучменко, Седой (Литвин), Смидович, Сольц, Семен Шварц и Чельшев.

В Москве подписан договор между Р. С. Ф. С. Р. и Турцией, устанавливающий дружественные и братские отношения между обеими странами.

В Лондоне подписано торговое соглашение между Р. С. Ф. С. Р. и Великобританией.

17 марта.

Суд над членами Комитета III Интернационала—Лорио (Loriot), Монатт (Monatte), Суварином (Souvarine) и Монмусео (Monmousseau), членами Коммунистической партии—Сиграном (Sigrand), Бонтом (Bott) и Рабийю (Rabilloud) и членами Коммунистической Федерации Советов—Гано (Hanot), Лебурем (Lebourg) и Жиро (Giraud) окончился оправданием подсудимых.

Партийная конференция Об'единенной Коммунистической партии Германии, на расширенном заседании в Берлине, единогласно постановила, что затруднения, создавшиеся для правительства плебисцитом в Верхней Силезии и требованиями Антанты, а также провокация обер-президента провинции Саксонии Герзинга (Hörsing) требуют от пролетариата быть готовыми к борьбе с буржуазией.

В Берлине массовая демонстрация безработных перед ратушей.

18 марта.

Пятидесятилетие Парижской Коммуны.

В Кутаисе заключено соглашение [illegible] ским демократическим правительством [illegible] ным комитетом Грузии: военные действия немедленно прекращаются, прежнее правительство очищает занимаемую им часть территории и власть его прекращается; армия разоружается; революционный комитет гарантирует амнистию деятелям низвергнутого правительства.

В Риге подписан мирный договор между Польшей, с одной стороны, и Р. С. Ф. С. Р. и Украинской Советской Республикой, с другой.

Вступил в силу об'явленный датскими предпринимателями локаут. На улицу выброшено 50.000 рабочих, преимущественно текстильной и металлургической промышленности.

В Берлине судебными властями конфискован утренний номер «Die Rote Fahne» за статью под названием «Ясный ответ Каппу».

19 марта.

В Берлине конфискован утренний номер «Die Rote Fahne» за цитаты из вчерашней статьи «Ясный ответ Каппу».

20 марта.

В Лондоне, по инициативе Коммунистической партии, состоялась массовая демонстрация протеста против преследования коммунистов. Митинги протеста состоялись и в других городах Великобритании: Ульстомстоу, Дэндэ и др.

Мансфельдские рабочие, в виду занятия промышленного района полицией под предлогом борьбы с растущей уголовщиной, пред'явили отрядам Герзинга ультиматум. По истечении срока ультиматума коммунистическая часть рабочего класса выкинула призыв к всеобщей забастовке в ответ на начало белогвардейской кампании.

В Цюрихе состоялась конференция 24 рабочих союзов (Arbeiterunionen) Швейцарии, представляющих 90.000 профессионально организованных рабочих. Председателем собрания был избран коммунист Фр. Шнейдер (Базель). По его докладу принята резолюция об об'единении всех революционных организаций, борющихся с капитализмом вне профессиональных союзов.

В Румберге состоялась окружная конференция Немецкой Социал-Демократической партии Чехии. 39 голосов было подано за Коммунистическую партию, 49—за социал-демократическую платформу, 33 воздержавшихся. Под руководством Алоиза Нейрата (Alois Neurath) коммунисты устроили самостоятельную конференцию, на которой был сконструирован временный окружной комитет.

21 марта.

В. Ц. И. К. постановил заменить продовольственную и сырьевую разверстку натуральным налогом с оставлением всех запасов продовольствия, сырья и фуража, остающихся у земледельцев после выполнения ими налога, в полном их распоряжении.

Гамбургский комитет Об'единенной Коммунистической партии Германии призвал рабочий класс потребовать от правительства разоружения Оргеша под угрозой об'явления всеобщей забастовки; безработные призываются к захвату предприятий.

22 марта.

Восстание в средней Германии. В Мариенверадере в виду занятия бастующих предприятий полицией, об'явлена всеобщая стачка. Коммунистами захвачено предприятие Леуна (Leunawerke) близ Мерзебурга в Саксонии. Забастовочное движение захватило рабочих Эйслебена; ночью произошли стычки с полицией и штрейкбрехерами.

В Париже, после 45 дневного ареста, освобождены Амедей Дюнуа (Amédée Dunois) и О. Кер (O. Ker).

23 марта.

В городе Гамбурге и на гамбургских верфях Санкт-Паули (St. Pauli) и Гаммерброке ((Hammerbrock) произошло кровавое столкновение между коммунистами и полицией. Группа рабочих овладела верфью Блома и Фосса [illegible] к городу Гам- [illegible] явлено чрезвычайное положение. Вечером «Hamburger Volkszeitung» конфискована и временно приостановлена. В Саксонии брошены бомбы в здание ландгерихта в Дрездене, в здание суда во Фрейберге и в ратуши в гор. Родевиш и Ауэрбах. В ночь на 24-е Саксония об'явлена на чрезвычайном положении.

Эйслебен и прилегающие местности в руках рабочих. Движение распространилось на всю среднюю Германию.

24 марта.

Гамбургские верфи очищены от рабочих. В Гамбурге и окрестностях водворен «порядок».

Эйслебен, после ожесточенных уличных боев, занят полицией. Бои продолжались в окрестностях города.

Рурский орган Об'единенной Коммунистической партии Германии («Ruhr - Echo») призвал [illegible] улицу.

В Мюнхене, за [illegible] революции, арестован редактор «Neue Zeitung», Венделин Томас (Wendelin Thomas).

В. Ц. И. К. и Совнарком постановили упразднить главный и местные комитеты по всеобщей трудовой повинности, возлагая осуществление учета, распределения, и перераспределения рабочей силы в порядке всеобщей трудовой повинности на Народный Комиссариат Труда и его местные отделы. Управление охраны [illegible] и тарифный отдел из'яты из Народного Комиссариата Труда и переданы во Всероссийский Совет Профессиональных Союзов.

Суд над участниками выступления в Кралупе закончился присуждением Зюссмильха (Süssmilch) к 15, Чванкая (Cvancar), Покорного (Pokorny), Линхарда (Linhard) к 4 месяцам тяжелого тюремного заключения; остальные подсудимые оправданы.

25 марта.

Движение в средней Германии разрослось, в Дрездене брошена бомба в здание органа независимцев.

В Берлине целиком конфисковано издание утреннего выпуска «Rote Fahne».

Волнения в Вестфалии.

В Стокгольме открылся IV с'езд Левой Социал-Демократической партии Швеции. Оглашены результаты партийного голосования: 5.400 голосов подано за принятие 21 условия III Интернационала, ок. 1.500—против. С'езд, 173 голосами против 34, принял резолюцию о

безусловном присоединении к III Интернационалу; члены, голосовавшие против этой резолюции, признаны вышедшими из партии. В Ц. К. переизбраны членами Карл Чильбум (Kilbom), З. Хеглунд, К. Карлесон (C. N. Carlesson), Ф. Стрем (секретарем) и А. Свенсон (казначеем); вновь избраны Герда Линдрут (Lindruth) и С. Крузе (Sigvard Cruse). Исключенное из партии меньшинство руководимое депутатом Иваном Веннерстремом (Wennerström) Независимую Социал-Демократическую партию Швеции.

В Христиании открылся очередной с'езд Норвежской Рабочей партии.

26 марта.

Восстание в средней Германии. Мансфельд, Клостермансфельд, Гельбра и Геннигштедт взяты обратно полицией.

Отклики восстания. Мюнхенская «Neue Zeitung» конфискована и временно приостановлена за призыв к выступлению. В Берлине произошло кровавое столкновение с полицией. Волнения в Вестфалии.

Второй день IV с'езда Левой Социал-Демократической партии Швеции. 100 голосами против 64 партия приняла название Коммунистической партии Швеции (секции Коммунистического Интернационала).

Второй день с'езда Норвежской Рабочей партии. 281 голосом против 25 принята резолюция о принятии 21 условия III Интернационала. 20 делегатов (во главе с Лианом) подчинились постановлению с'езда в порядке партийной дисциплины, остальные пять исключены из партии.

В Париже, после двухнедельного ареста, освобожден Фежи (Fégy).

27 марта.

Восстание в средней Германии. Террористические акты в разных местностях. В Галле об'явлено усиленное осадное положение. Воспрещены «Klassenkampf» «Der Rote [illegible] призывающие к классовой борьбе и к сопротивлению властям.

В Саутпорте (Southport) открылся с'езд Независимой Рабочей партии (I. L. P.).

В Лиможе (Limoges) открылся XIX с'езд Национальной Федерации служащих. Всеобщей Конфедерации Труда выражено одобрение 110 голосами против 31 при 2 воздержавшихся. Исключение из Федерации союзов бухгалтеров, комми-вояжеров и вольных учителей парижского района, присоединившихся к Международному Совету Красных Профессиональных Союзов, утверждено 94 голосами против 74 при 5 воздержавшихся. Революционное меньшинство выразило протест, считая правомочным только предстоящий Лиллъский с'езд Всеобщей Конфедерации Труда.

28 марта.

Второй день с'езда в Саутпорте. 521 против 97 голосов [illegible] принято присоединение к III Интернационалу. Левое [illegible] постановило присоединиться к Коммунистической [illegible] партии.

Закончил [illegible] с'езд Норвежской Рабочей партии. Грепп (Kyrre [illegible]) избран председателем партии, Эмиль Станг (Emil [illegible]) — вице-председателем партии, Шефло делегирован в Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала. Транмэль избран редактором центрального органа партии «Социал-Демократен».

Восстание в средней Германии. В ночь на 29-е марта аресты коммунистов в Дрездене; среди арестованных два брата Левинсон (Lewinsohn), Гейнеманн (Heinemann) и др.

Выступление в Рейнланд-Вестфалии. Города Гевельсберг и Фельберт (Velbert) заняты коммунистами. Во многих местах предприятия захвачены рабочими. Забастовочное движение распространилось и на левый берег Рейна.

29 марта.

Восстание в средней Германии. Ранним утром полиция отбила заводы Лейна близ Мерзебурга.

В Праге начался судебный процесс Ярослава Гандлира (Jaroslav Handlir), Карла Рихтера, Карла Германа (Herrmann), Бретислава Гулы (Hula), Антона Запотоцкого (Zapotocky), Алоиза Муны, Франца Нарштека (Naprstek), Венцеля Стадника (Stadnik), Алеша Шунды (Alcs Sunda), Франца Павеля (Pavel), Карла Геринка (Herynk), Иосифа Бенака, Иосифа Мацака (Macak) и Микулаша Млчоха (Mikulas Mlcoch), по обвинению в государственной измене в связи с обострением коммунистического движения в декабре 1920 г.

30 марта.

Восстание в средней Германии и в Рурском районе. Шкендитц захвачен рабочими, города Греберс (Gröbers) и Делич (Delitsch) оставлены. В Берлине арестован коммунист Вильгельм Зильм (Sylt).

Собрание активных работников марксистского левого крыла Социал-Демократической партии Чехо-Словакии в Брюнне выразило свою солидарность с германским пролетариатом в его борьбе с капитализмом.

31 марта.

В Берлине при «попытке к бегству» ранен и в ночь на 1 апреля скончался коммунист Вильгельм Зюльм.

В Стокгольме, под председательством Чильбума, состоялся с'езд сторонников революционных профессиональных организаций, об'единенных в профессиональный Союз пропаганды. С'езд постановил о безусловном присоединении к Международному Совету Красных Профессиональных Союзов.

1 апреля.

В Англии началась забастовка горнорабочих.

Ц. К. Об'единенной Коммунистической партии Германии обратился с воззванием к германскому пролетариату по поводу подавления забастовочного и повстанческого движения.

Мюнхенский суд приговорил за призыв к классовой борьбе и государственной измене члена рейхстага Венделина Томаса (Thomas) и второго председателя южно-баварского комитета Об'единенной Коммунистической партии Германии Фридриха Дресселя к 2 годам и учащегося Вагерера к 1 году тюремного заключения.

2 апреля.

На итальянской Ривьере произведены аресты среди русских, венгерских и польских подданных, подозреваемых в «большевизме».

3 апреля.

Пауль Леви приступил к печатанию брошюры «Unser Weg. Wider den Putschismus» (Наш путь. Против вспышкопускательства).

В Марсели открылся с'езд революционных синдикалистских комитетов южной и восточной Франции. Вынесено постановление послать делегатов на московский конгресс Интернационала Красных Профессиональных Союзов.

С'езд федераций профессиональных союзов департамента Изер в Вуароне (Voiron) выразил протест против исключения революционных меньшинств.

4 апреля.

В Шеффильде (Sheffield) открылась конференция левого крыла профессиональных союзов: комитетов фабрично-заводских старост (Shop-Stewards), комитетов горнорабочих, шотландских рабочих советов и др. В порядке дня стояли вопросы о присоединении к Международному Совету Красных Профессиональных Союзов, социализации, безработице, мировой революции и организации левого крыла профессионального движения.

Во Флоренции открылось заседание национального совета пролетарской лиги жертв войны. Резолюция недоверия правлению Лиги, внесенная коммунистом Сеассаро (Seassaro), собрала 9. 233 голосов против 12.155.

В Париже, после семинедельного ареста, освобождены Морис Лапорт и Виллиам.

В Мюнхене, по обвинению в изготовлении листовки арестован Кебель (Köbel), бывший начальником полиции совецкого Мюнхена.

5 апреля.

В Магдебурге начался судебный процесс Фатера и других 24 лиц по обвинению в подготовке боевых выступлений.

Окончилось забастовочное движение на левом берегу Рейна.

В Дании, ввиду того, что профессиональная бюрократия пришла к соглашению с предпринимателями в целях прекращения локаута, «Arbejdet» призывает рабочих к изгнанию старых вождей и избранию новых.

6 апреля.

При похоронах Вильгельма Зильта в Берлине произошла массовая демонстрация с участием Независимой Социал-Демократической партии Германии.

В Гамбурге снят иммунитет с членов местного парламента Линдау, Бестлейна (Bästlein), Кеппена (Köppen) и Целльнера (Zöllner).

7 апреля.

Совет Народных Комиссаров Р. С. Ф. С. Р. постановил предоставить потребительской кооперации право обмена, скупки и сбыта излишков сельско-хозяйственного производства и кустарно-ремесленных изделий.

Совет Народных Комиссаров Р. С. Ф. С. Р. постановил отменить с 1 мая с. г. ограничения прирабошка при сдельно-премиальной оплате труда.

Совет Народных Комиссаров Р. С. Ф. С. Р. постановил ввести для рабочих некоторых из важнейших отраслей промышленности натурпремирование посредством выдачи рабочим части производимых ими продуктов для обмена на предметы сельско-хозяйственного производства через посредство кооперативных об'единений.

Во Флоренции член коммунистической [illegible] ской фракции стал жертвой нападения со стороны фашистов.

Центр. Комитет (Zentral-ausschuss) Об'единенной Коммунистической партии Германии одобрил 26 голосами против 14 тезисы, выставленные Центральным Комимитетом по поводу мартовского выступления. Резолюция, осуждавшая выступление, отклонена 44 голосами против 6 при 3 воздержавшихся. Сиверс, ставший на точку зрения меньшинства, вышел из Центрального Комитета. Центральный Комитет получил полномочия принять организационные меры для приведения партии в полную боевую готовность.

8 апреля.

Магдебургский процесс коммунистов окончился оправданием Фанера и 8 других лиц; Якобс (Jakobs) приговорен к 10, трое—к 6, трое—к пяти, один—к четырем и девять—к 3 месяцам тюремного заключения.

Стюард (Steward), организатор коммунистической партии в Мидланде, арестован за призыв населения к возмущению.

В Сааргемюнде (Sarreguemines) открылся с'езд Союза железнодорожников Эльза-Лотарингии.

9 апреля.

В Мадриде открылся с'езд Испанской Социалистической Рабочей партии.

10 апреля.

Закончился с'езд в Сааргемюнде. 8.698 голосами против 4.453 при 566 воздержавшихся принята резолюция, в которой выражен протест против исключения коммунистов Национальным Комитетом Всеобщей Конфедерации Труда и признана единственно правильной тактика об'единения, проводимая Международным Советом Красных Профессиональных Союзов.

12 апреля.

В Берлине конфискован выпуск «Rote Fahne» за статью против чрезвычайных судов под названием «Правосудие палачей».

На вечернем заседании мадридского с'езда Испанской Социалистической Рабочей партии, по прочтении письма председателя партии Пабло Иглезиаса (Pablo Iglesias), отклоняющего 21 условие III Интернационала, произошел беспорядок, вызвавший вмешательство полиции и преждевременное закрытие заседания.

13 апреля.

Мадридский с'езд Испанской Социалистической Рабочей партии отклонил 8.808 голосами против 6.025 присоединение к III Интернационалу. Меньшинство покинуло с'езд с целью образования самостоятельной организации под названием Коммунистической Рабочей партии.

Пражский процесс коммунистов закончился присуждением Запотоцкого к 18, Муны к 12 и Стадника Геринка и Млчоха к 8, Наншпицка к 7 и Рихтера к 6 месяцам тяжелого тюремного заключения; остальные подсудимые оправданы.

В Берлине началось судебное следствие против ответственного редактора «Rote Fahne» Шолема (Scholem) по обвинению в государственной измене.

14 апреля.

В Берлинской «Rote Fahne» помещено воззвание Центрального Комитета Об'единенной Коммунистической партии Германии, в котором причиной последнего поражения об'явлено предательство социал-демократов.

Член рейхстага и гамбургского парламента Германии Рейх исключен из Об'единенной Коммунистической партии Германии за саботаж мартовского выступления.

Вместо А. И. Емшанова народным комиссаром путей сообщения Р. С. Ф. С. Р. назначен Ф. Э. Дзержинский с оставлением его во всех занимаемых им должностях.

15 апреля.

Центральный Комитет Об'единенной Коммунистической партии Германии исключил из партии Пауля Леви [illegible] в рейхстаге за «грубое нарушение доверия и нанесение тяжкого вреда партии».

В Берлине арестован депутат ландтага Шнейдер, но вскоре выпущен. В ночь на 16 апреля арестован Макс Гельц (Max Hölz).

Обыск в помещении Центрального Комитета Коммунистической партии Италии в Милане.

Начались перевыборы Московского Совета Рабочих и Красноармейских Депутатов.

16 апреля.

Отто Брасс, Эрнст Деймиг, Курт Гейер (Geyer), Адольф Гофман (Hoffmann), Клара Цеткин, Пауль Эккерт (Eckert), Генрих Мальцан (Malzahn) и Пауль Нейманн заявили, что Центральный Комитет Об'единенной Коммунистической партии Германии отступил от принципов III Интернационала организацией мартовского «путша», и выразили свою солидарность с Паулем Леви. Центральный Комитет на [illegible] что мартовское выступление получ[illegible] Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала.

18 апреля.

Чрезвычайный с'езд Социалистической Молодежи Испании 3.026 голосами против 440 постановил примкнуть к Коммунистическому Интернационалу Молодежи, организуясь в Федерацию Коммунистической Молодежи.

Главный редактор венской «Rote Fahne» Штрассер, высказав на заседании Центрального Комитета Коммунистической партии Немецкой Австрии солидарность с Паулем Леви, подал в отставку. Последняя принята.

Павел Андре (Paul Andrae), председатель зангергаузенского комитета Об'единенной Коммунистической партии Германии, приговорен чрезвычайным судом в Галле за «нарушение мира в стране» к пожизненной каторге.

19 апреля.

Брандлер и Сиверс арестованы на своих квартирах в Берлине.

Центральный Комитет Социалистической партии (Французской секции Коммунистического Интернационала) постановил отчислить 10.000 франков в пользу бастующих английских горнорабочих.

Центральный Комитет Коммунистической партии

Чехо-Словакии единогласно одобрил, после доклада Крейбиха, линию Центрального Комитета Об'единенной Коммунистической партии Германии.

20 апреля.

На заседании рейхстага Пауль Леви отказался сложить свой мандат.

Редактор «Ruhr-Echo» Веркер приговорен к 2 годам каторжных работ.

Центральный Комитет Коммунистической партии Швейцарии обратился к Социал-Демократической партии и к профессиональным союзам с предложением образовать единый пролетарский фронт.

21 апреля.

С'езд шотландских профессиональных союзов в Эбердине (Aberdeen) 55 голосами против 50 постановил примкнуть к Международному Совету Красных Профессиональных Союзов.

В Венской «Rote Fahne» помещено сообщение Центрального Комитета Коммун. партии Немецкой Австрии о том, что редакция центрального органа, несмотря на свою солидарность с Шпрассером, будет продолжать работать в газете.

22 апреля.

10 членов рейхстага—Гартц (Hartz-Hannover), Бернеле (Berthele-Berlin), Дювель (Düwell-Halle), Фрис (Fries-Köln), Фритц Гейер (Geyer-Leipzig), Гейдеманн (Heydemann-Königsberg), Герцфельд (Herzfeld-Rostok), Плеттнер (Plettner-Hannover), Тейбнер (Teubner-Bochum) и Ваквитц (Wackwitz-Weissenfels) опубликовали в берлинской «Rote Fahne» заявление, в котором протестуют против предложения Центрального Комитета Об'единенной Коммунистической партии Германии Брассу, Эккерту, Курту Гейеру, Адольфу Гофману, Мальцану, Паулю Неймайну и Кларе Цеткин приостановить свою парламентскую деятельность впредь до созыва ближайшей партийной конференции. К этому протесту присоединился член Рейхстага Эйхгорн.

В Вейле открылись с'езды Коммунистической партии Дании и Профессиональной оппозиции.

23 апреля.

В Яффе открылся учредительный с'езд Коммунистической партии Палестины (секции Коммунистического Интернационала). Еврейская Коммунистическая партия (Поалей-Цион) будет принята в качестве еврейской секции.

В Манчестере открылся чрезвычайный с'езд Коммунистической партии Великобритании. Исключение из партии Роберта Вилльямса одобрено. Принята резолюция с выражением симпатии бастующим горнорабочим и призывом членов союзов железнодорожников и транспортных рабочих требовать отставки их исполнительных комитетов. Мак-Манус (Mac-Manus) избран первым председателем партии.

С'езд почтово-телеграфных и телефонных служащих в Париже отклонил 11.712 голосов против 2.116 присоединение к Международному Совету Красных Профессиональных Союзов.

В Берлине арестован Фризланд (Friesland), председатель берлинской организации Об'единенной Коммунистической партии Германии.

24 апреля.

В Париже открылась конференция красных профессиональных союзов департаментов Сены, Сен-э-Уаз, Сен-э-Марн, Уаз, Эр, Эр-э-Луар и Марны. Постановлено созвать накануне Лильского с'езда конференцию всех профессиональных союзов меньшинства по вопросу об отношении исключенных профессиональных союзов к Лильскому с'езду.

С'езды Коммунистической партии Дании (секции III Интернационала) и Профессиональной оппозиции (постановившей примкнуть к Международному Совету Красных Профессиональных Союзов) в Вейле постановили об'единиться в единую организацию под названием Коммунистической Федерации.

25 апреля.

Закрылся чрезвычайный с'езд Коммунистической партии Великобритании в Манчестере.

На выборах в Нижне-австрийский ландтаг Коммунистическая партия Немецкой Австрии, собрав 5.451 голос (0,7% поданных голосов), не получила ни одного мандата.

26 апреля.

В Вене открылась конференция доверенных лиц (Vertrauensmännerversammlung) Коммунистической партии Немецкой Австрии.

27 апреля.

В Вене закрылась конференция доверенных лиц Коммунистической партии Немецкой Австрии. 214 голосами против 24 одобрено по докладу доктора Фрея (Frey) выступление в Средней Германии.

На общинных выборах в Амстердаме коммунисты получили 3 мандата, социал-демократия—14 и буржуазные партии—28.

29 апреля.

Фризланд, после недельного заключения, выпущен на свободу.

1 мая.

Во всех странах мира первомайские забастовки и демонстрации.

3 мая.

В Берлине открылось заседание Ц. К. Об'единенной Коммунистической партии Германии.

4 мая.

Испанская Коммунистическая Рабочая партия предложила Испанской Коммунистической партии об'единение обеих организаций.

Залевский (Абрамович), после трехмесячного тюремного заключения, выслан из пределов Франции.

5 мая.

В Париже, в зале Федерации профессиональных союзов департамента Сены, состоялся, по инициативе Социалистической партии (Французской секции Коммунистического Интернационала), грандиозный митинг против войны.

В статье, помещенной в «L'Humanité» под заглавием «Хладнокровие и дисциплина», Л.-О. Фроссар высказался против индивидуальных отказов от явки призывных 1919 г., в виду их вреда для партии при отсутствии массового движения.

Закрылось заседание Ц. К. Об'единенной Коммунистической партии Германии. Исключение Пауля Леви из партии утверждено 36 голосами против 7. Восьми товарищам, солидаризировавшимся с Паулем Леви, выражено неодобрение 36 голосами против 8. Гейер исключен из Ц. К.

Абрамович арестован в Женеве по прибытии из Франции.

6 мая.

В ночь на 7 мая в Париже арестовано 17 членов Союза Молодежи за расклейку воззвания к призывным 1919 г. не явиться под знамена.

В Вене открылась конференция Коммунистической партии Немецкой Австрии.

В Берлине подписано торговое соглашение между Германией и Р. С. Ф. С. Р.

7 мая.

Арестован Альберт Инкпин (Albert Inkpin), секретарь Коммунистической партии Великобритании, за отданное им распоряжение об издании тезисов III Интернационала и ряда агитационных брошюр. При обыске в помещениях Ц. К. партии и редакции «The Communist» захвачены полицией все найденные там бумаги, а также урна с останками Элеоноры Маркс.

Парижский с'езд железнодорожников линий Париж—Орлеан постановил 29 голосами против 15 при 6 воздержавшихся присоединиться к Международному Совету Красных Профессиональных Союзов.

Испанская Коммунистическая партия выразила свое согласие на об'единение с Испанской Коммунистической Рабочей партией и наметила на конференцию Хуана Андраде (Juan Andrade), Эмеперио Шиккаро (Chiccaro) и Луиса Портела (Luis Portela).

В Берлине состоялась женская имперская конференция Об'единенной Коммунистической партии Германии.

В Софии состоялась женская конференция Коммунистической партии Болгарии.

В Зеннингене открылся с'езд Коммунистической партии Люксембурга.

8 мая.

На шовинистическое празднование в Париже годовщины Жанны д'Арк Социалистическая партия (Французская секция Коммунистического Интернационала) ответила массовой демонстрацией против войны, которая окончилась столкновением с полицией.

Арестован за речь, произнесенную в Кардифе (Cardiff), Роберт Стюарт (Robert Stewart).

Левые социалисты-легионеры Чехо-Словакии постановили на с'езде в Праге, после доклада д-ра Полака, присоединиться к III Интернационалу и переименовать свою организацию в Союз легионеров-коммунистов Чехо-Словакии.

Чешский Социал-демократический рабочий гимнастический союз раскололся на с'езде на две организации: социал-демократическую и коммунистическую; последняя постановила примкнуть к III Интернационалу.

Закрылась конференция Коммунистической партии Немецкой Австрии. 18 голосами против 3 при 3 воздержавшихся Штрассер освобожден от должности главного редактора «Rote Fahne», с выражением ему благодарности партии за деятельность в качестве редактора.

Началась забастовка норвежских моряков.

В Софии открылся III с'езд Коммунистической партии Болгарии.

9 мая.

Закрылся с'езд Коммунистической партии Люксембурга. Принята резолюция, одобряющая исключение Серрати и Леви из III Интернационала и требующая от Социалистической партии (Французской секции Коммунистического Интернационала) более активной политики. На III Конгресс III Интернационала избраны Рейланд, Липперт, Герене (Goerens) и Буковак (Bukowac).

В Бухаресте открылся с'езд Румынской Социалистической партии. 432 голосами против 111 безоговорочно принято 21 условие III Интернационала.

Испанская Коммунистическая Рабочая партия назначила на об'единительную конференцию Антонио Гарсиа Квехидо (Antonio Garsia Quejido), Рамона Ламонеда (Ramon Lamoneda), М. Нуньеса де Аренас (M. Nunez de Arenas) и кандидатами к ним Эдуардо Торральба Бечи (Eduardo Torralba Beci), Чезаря Р. Гонзалеса (César R. Gonzalez) и Эвариста Гиля (Evaristo Gil).

10 мая.

Норвежский Совет профессиональных союзов постановил в знак солидарности с бастующими матросами об'явить на 26 мая всеобщую забастовку.

12 мая.

Первое заседание Московского Совета Рабочих и Красноармейских Депутатов нового состава. Всего избрано в него 2.115 депутатов: 1.543 члена Р. К. П. (73%), 533 беспартийных (25,19%), 12 членов Р. С.-Д. Р. П., 6 левых социалистов - революционеров интернационалистов, 4 члена Союза социалистов-революционеров максималистов, 2 анархиста, 2 анархо-синдикалиста, 1 анархист-универсалист, 1 социалист революционного центра и 11 неизвестных. Председателем Совета избран Л. Б. Каменев.

В Бухаресте арестовано 72 коммунистов-делегатов партийного с'езда. Одновременно произведен обыск в помещении редакции «Socialismul».

13 мая.

Исполнительная Комиссия Комитета III Интернационала переизбрана в составе: Марсель Брюнне (Marcelle Brunnet), Бойе (Boyet), Карлье (Carlier), Клямюс (Clamamus), Фроманшена (Fromentin), Годоннеша (Godonnèche), Аттамберже (Hattemberger), Альсфельда (Halsfeld), Эмбердо (Humberdot), Кауфмана (Kaufmann), А. Кера (A. Ker), Фердинанда Лорио (Fernand Loriot), Пьера Монатта (Pierre Monatte), Монмусco (Monmousseau), Потиона (Pothion), Шарля Раппопорта (Ch. Rapoport), Ренэ Рейно (René Reynaud), Рошрейля (Rochereuil), Бориса Суварина (Boris Souvarine) и Трена (Treint).

14 мая.

В Стокгольме открылся VIII с'езд Союза Социал-Демократической Молодежи Швеции. Постановлено примкнуть к Коммунистическому Интернационалу Молодежи и принять название Союза Коммунистической Молодежи Швеции.

В Праге открылся с'езд марксистского левого крыла Социал-Демократической партии Чехо-Словакии. Съехалось свыше 500 делегатов, представляющих 457.474 [illegible]

15 мая.

На выборах в итальянскую палату депутатов буржуазные партии собрали 394 мандата (вместо 352 на выборах 16 ноября 1919 г.), социалисты — 120 (вместо 156 и коммунисты 16 (вместо 18).

В Париже открылся с'езд Социалистической партии (Французской секции Коммунистического Интернационала).

В Париже открылся с'езд Союза Коммунистической Молодежи.

Первое пленарное заседание пражского с'езда марксистского левого крыла Социал-Демократической партии Чехо-Словакии. От Германии присутствовал Эрнст Мейер, от Коммунистической партии Чехо-Словакии (немецкая секция) — Карл Крейбих, от Польской Социалистической партии Чехо-Словакии — Шобот, от Еврейской Коммунистической партии [illegible] последние два делегата заявили о предстоящем присоединении их партий к единой чехо-словацкой Коммунистической партии.

16 мая.

Закрылся с'езд марксистского левого крыла Социал-Демократической партии Чехо-Словакии. 21 условие III Интернационала принято 562 голосами против 7. Партия переименована в Коммунистическую партию (чехо-словацкая секция III Интернационала).

Социалистическая партия (Французская секция Коммунистического Интернационала) постановила на с'езде в Париже принять с 1 января 1922 г. название Коммунистической партии.

17 мая.

В Москве открылся IV Всероссийский С'езд профессиональных союзов.

Совет Народных Комиссаров Р. С. Ф. С. Р. принял два постановления, направленных к развитию мелкой и кустарной промышленности и кустарной и сельскохозяйственной кооперации.

18 мая.

Издателю «L'Humanité» Ван-де-Путт (Van de Putte) пред'явлено обвинение в призыве солдат к вос-

мущению, за помещение в номере от 12 мая прокламации «Мобилизация—преступление».

20 мая.

С'езд французского союза строительных рабочих в Дижоне 157 голосами против 122 при 11 воздержавшихся выразил недоверие правлению Союза.

В Берлине конфискованы вечерний выпуск от 19 мая и утренний выпуск от 20 мая «Rote Fahne» за статьи о восстании в Силезии.,

По 20-е мая за участие в мартовском выступлении чрезвычайные суды в Германии, приговорили 4 лиц к смертной казни, 7—к бессрочной каторге, 319 лиц к 1.159 годам и 4 месяцам каторжных работ и 401 лица к 574 годам и 4 месяцам тюремного заключения.

22 мая.

В Риге, в день второй годовщины падения советской власти, в разных частях города появились красные флаги с надписями в честь коммунистической партии и III Интернационала.

25 мая.

IV Всероссийский С'езд профессиональных союзов избрал президиум В. Ц. С. П. С. в составе: членов—Андреева, Антипова, Артема, Воробьева, Гольцмана, Горшкова, Догадова, Королева, Куйбышева, Калнина, Коростылева, Лозовского, Лепсе, Перепечко, Рудзутака, Рыкова, Сапронова, Уланова, Чернышева, Шмидта, Шляпникова, Ширинского, Янсона, беспартийных Удова и Николаева и кандидатов:—Мамаева, Никояна, Робинсона, Тихонова, Фигатнера, Пестуна, Томского, Владимирова, Плаксина, Павлова, Антошкина, Козелева, Садовского, Ачканова, Петрова и Юзефовича. С'езд закрылся, приняв постановление об отчислении 20.000 фунтов стерлингов в пользу бастующих углекопов в Англии.

«История всех до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов.

«Свободный и раб, патриций и плебей, помещик и крепостной, цеховой мастер и подмастерье, короче, угнетающий и угнетаемый находились в вечном антагонизме друг к другу, вели непрерывную, то скрытую, то явную борьбу, всегда кончавшуюся революционным переустройством всего общественного здания или общей [illegible]

«В более ранние исторические эпохи мы находим, почти повсюду, полное расчленение общества на различные сословия, многообразные подразделения общественных положений. В древнем Риме мы имеем патрициев, всадников, плебеев и рабов; в средние века—сюзеренов, вассалов, цеховых мастеров, подмастерьев и крепостных, и почти в каждом из этих классов, в свою очередь—особые градации.

«Вышедшее из недр погибшего феодального общества современное буржуазное общество не уничтожило классовых противоречий. Оно только поставило новые классы, новые условия угнетения и новые формы борьбы на место старых.

«Наша эпоха, эпоха буржуазии, отличается, однако, тем, что она упростила классовые противоре[illegible] общество все более и более раскалывается на два большие враждебные лагеря, на два большие, стоящие [illegible] против друга класса—буржуазию и пролетариат».

Карл Маркс и Фр. Энгельс. «Коммунистический Манифест».

«Из всех классов, которые противостоят теперь буржуазии, только пролетариат представляет собой действительно, революционный класс. Все прочие классы приходят в упадок и уничтожаются с развитием крупной промышленности; пролетариат же есть ее собственный продукт.

«Средние сословия: мелкий промышленник, мелкий купец, ремесленник и крестьянин — все они борятся с буржуазией для того, чтобы спасти свое существование от гибели, как средних сословий. Они, следовательно, не революционны, а консервативны. Даже более, они реакционны: они стремятся повернуть назад колесо истории. Если они революционны, то постольку, поскольку им предстоит переход в ряды пролетариата, поскольку они защищают не свои настоящие, но свои будущие интересы; поскольку они покидают свою собственную точку зрения, для того, чтобы встать на точку зрения пролетариата».

Карл Маркс и Фр. Энгельс. «Коммунистический Манифест».

„Призрак ходит по Европе, призрак коммунизма. Все силы старой Европы соединились для священной травли этого призрака—папа и царь, Меттерних и Гизо, французские радикалы и немецкие полицейские.

Где оппозиционная партия, которую ее властвующие противники не прокричали бы, как коммунистическую, где оппозиционная партия, которая бы не бросила клеймящего упрека в коммунизме как более передовым людям оппозиции, так и своим более реакционным поотивникам?

Коммунизм уже признается за силу всеми европейскими силами.

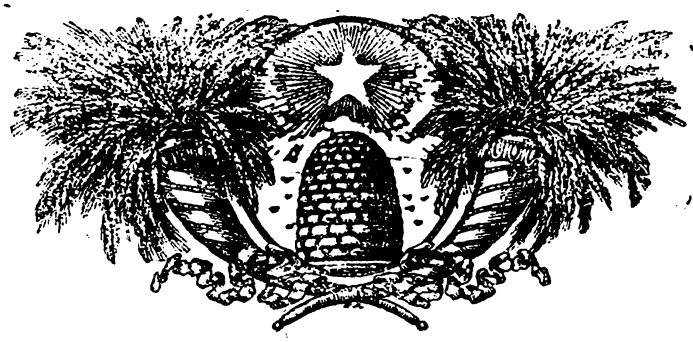
. . . . . .

Коммунисты считают позором скрывать свои взгляды и намерения, они заявляют открыто, что их цели могут быть достигнуты лишь насильственным ниспровержением всего существующего общественного порядка.

Пусть господствующие классы дрожат перед коммунистическою революцией. Пролетариям нечего в ней терять, кроме своих цепей. Им предстоит приобрести мир.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Карл Маркс и Фр. Энгельс. „Коммунистический Манифест".

Содержание 17-го номера.

СТР.

Росмер, А. III Конгресс Коммунистического Интернационала 4013

Фрипс, Д. Роль и значение III Конгресса 4025

К III Всемирному Конгрессу Коммунистического Интернационала. Письмо Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала ко всем пролетарским организациям, принадлежащим к Коминтерну и желающим вступить в Коминтерн 4031

Зиновьев, Г. Год борьбы 4039

Брандлер. Революционное положение в Германии . 4047

Радек, К. Падение Пауля Леви (послесловие к брошюре «Тактические разногласия» в О. К. П. Г.) . 4051

О выходе пяти членов из Ц. К. О. К. П Г. (обращение Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала) 4071

[illegible] Н. О продналоге (значение новой политики) 4073

Варга, Э. Экономический базис империализма Соединенных Штатов Северной Америки . 4103

Жапелюш, Ф. Мировой жилищный кризис 4123

Куусинен, О. В. Две проблемы 4131

Баркер, Том. Морской транспорт, его организация, задачи и возможности 4145

Троцкий, Л. О политике К. А. Р. D. Речь, произнесенная на заседании Исполкома Коминтерна 24 ноября 1920 г. 4155

Луначарский, А. III Интернационал и интеллигенция 4169

Хэйвуд, Вильям Д. Революционные проблемы в Америке 4177

Сал[illegible]рослав и Бреннер, Эдвард. Борьба за [illegible]изм в Чехо-Словакии 4187

Султан-Б[illegible] Новая военная гроза 4209

Павлович, М[illegible] О коммунистическом движении в Турции 4225

Цхакая, М. Меньшевики Грузии и Дашнаки Армении. Галлерея героев желтого Интернационала 4233

К[illegible] Сен. Японский рабочий 4247

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СОВЕТ КРАСНЫХ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЮЗОВ.

Лозовский, А. Профсоюзы в эпоху диктатуры пролетариата 4259

Основные черты профессионального движения в Соединенных Штатах 4267

Лосьев, Вл. Союз Индустриальных Рабочих Мира . 4271

Фабрично-заводские старосты в Англии 4281

Ганке, Антон. Профессиональное движение в Чехо-Словакии 4283

Преследование красных профсоюзов в Чили . . . 4287

ДОКУМЕНТЫ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОГО КОММУНИСТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ.

Резолюция чрезвычайной всероссийской конференции «Бунда», состоявшейся в Москве 5—11 марта с. г. 4291

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА.

ИЗ ПРОТОКОЛОВ ИСПОЛКОМА.

Резолюции Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала, принятые на заседаниях 17 марта и 29 апреля 1921 года . 4295

К III Конгрессу Коминтерна 4297

ВОЗЗВАНИЯ И ПИСЬМА.

II и II½ Интернационал, как пособники русской контр-революции 4299

Первомайское воззвание 4303

Всем коммунистическим партиям, всем коммунистическим организациям молодежи, всем профессиональным организациям, принадлежащим к Коммунистическому Интернационалу и к Интернационалу Красных Профсоюзов или сочувствующим им, всем рабочим и крестьянам всего мира 4307

К пролетариям всех стран 4311

Воззвание Исполкома Коминтерна к пролетариям всех стран 4313

Революционным рабочим Германии 4317

Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала с'езду левых Чехо-словацкой социалистической партии 4317

Коммунистической партии Чехо-Словакии 4321

Воззвание к итальянскому пролетариату 4321

Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала с'езду Болгарской Коммунистической партии 4323

Пролетариату Юго-Славии и Балкан 4325

Партийному с'езду Всеобщего Еврейского Рабочего Союза в Польше 4327

СЕКЦИИ КОМИНТЕРНА.

Совещание Балканской Коммунистической Федерации 4333

Проект устава Балканской Коммунистической Федерации 4335

Коларов, В. Коммунистическая партия и политическое положение Болгарии. 4337

Инструкция парламентской группы Болгарской Коммунистической партии (тесняков) . . . 4347

Экономическое и политическое положение Юго-Славии 4351

	СТР.
Политическое и экономическое положение Греции.	4365
Деятельность английских коммунистов после об'единения в Лидсе (из отчета Коммунистической партии Великобритании)	4373
Слияние левых социалистов с Коммунистической партией в Швейцарии. Доклад Исполнительному Комитету Коммунистического Интернационала	4379
Отчет о коммунистическом движении в Бельгии.	4383
Конференция К. Р. П. Польши	4385
После первой пробы силы	4387
Уругвай на пороге революции. Письмо из Монтевидео	4391
Перечень организаций, высказавшихся за III Интернационал. Список № 2 (по 15 мая 1921 года)	4393

ИНТЕРНАЦИОНАЛ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ.

Развитие коммунистического движения среди молодежи	4401
Документы интернационального движения молодежи	4407
Печать коммунистической молодежи	4409

ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОЕ КОММУНИСТИЧЕСКОЕ ЖЕНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ.

Серман, Г. Мать и дитя в Советской России	4411
Р. Коммунистическое движение работниц в Голландии	4415
Всем коммунистическим партиям	4417
Ко второй международной конференции коммунисток. Норма представительства	4419
Анкета для организации II международной конференции женщин- коммунисток	4419

ГЕРОИ И МУЧЕНИКИ ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

Баркер, Том. Доклад об убийстве тов. Брукфильда	4423
N. Дело тов. Бужора	4425
Гибель греческих делегатов	4427
Павлович, Мих. Гибель турецких коммунистов	4427
Письмо из литовской тюрьмы	4429
Из календаря	

ИЛЛЮСТРАЦИИ:

Портрет тов. Брандлера—между стр.	4048—4049
Похороны тов. Зильта—между стр.	4052—4053
» » » » »	4060—4061
Портрет тов. Вильяма Хэйвуда—между стр.	4180—4181

Петроград, 7 июня 1921 г.

26-ая Государственная (типография Коминтерна). Петроград, Измайловский пр., 29.

Ст. 4. Верховным органом Коммунистического Интернационала является всемирный конгресс всех партий и организаций, входящих в состав его. Всемирный конгресс собирается по правилу не реже одного раза в год. Только всемирный конгресс имеет право изменить программу Коммунистического Интернационала. Всемирный конгресс обсуждает и решает наиболее важные программные и тактические вопросы, связанные с деятельностью Коммунистического Интернационала. Число решающих голосов для каждой партии и организации на всемирном конгрессе определяется особым постановлением конгресса.

Ст. 5. Всемирный конгресс избирает Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала, который является руководящим органом Коммунистического Интернационала в периоды между всемирными конгрессами Коммунистического Интернационала и который подотчетен только всемирному конгрессу.

Ст. 6. Местопребывание Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала каждый раз определяется всемирным конгрессом Коммунистического Интернационала.

Ст. 7. Экстренный всемирный конгресс Коммунистического Интернационала может быть созван либо по постановлению Исполнительного Комитета либо по требованию половины партий, входивших в состав Коммунистического Интернационала на последнем всемирном конгрессе.

Ст. 8. Главная часть работы в Исполнительном Комитете Коммунистического Интернационала лежит на партии той страны, где по постановлению всемирного конгресса имеет местопребывание Исполнительный Комитет.

Партия этой страны вводит в Исполнительный Комитет пять своих представителей с решающим голосом. Кроме того, в Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала входят по одному представителю с решающим голосом от 10—12 наиболее крупных коммунистических партий, список которых утверждается очередным всемирным конгрессом Коммунистического Интернационала. Остальные партии и организации, принятые в Коммунистический Интернационал, имеют право послать в Исполнительный Комитет по одному представителю с совещательным голосом.

Ст. 9. Исполнительный Комитет руководит всей работой Коммунистического Интернационала от с'езда до с'езда, издает не менее чем на четырех языках центральный орган Коммунистического Интернационала (журнал «Коммунистический Интернационал»), выступает с необходимыми воззваниями от имени Коммунистического Интернационала и дает обязательные для всех директивы всем тем партиям и организациям, которые входят в Коммунистический Интернационал. Исполнительному Комитету Коммунистического Интернационала принадлежит право требовать от аффилированных партий исключения групп и лиц, нарушающих международную дисциплину, а также исключать из Коммунистического Интернационала такие партии, которые нарушают постановления всемирного конгресса. Эти партии имеют право апеллировать к всемирному конгрессу. В случаях необходимости Исполнительный Комитет организует в различных странах свои технические и иные вспомогательные бюро, целиком подчиненные Исполнительному Комитету. Представители Исполнительного Комитета выполняют свои политические задания в теснейшем контакте с центральным комитетом коммунистической партии данной страны.

Ст. 10. Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала имеет право принимать в свою среду с совещательным голосом представителей организаций и партий, не принятых в состав Коммунистического Интернационала, но являющихся организациями, *сочувствующими* коммунизму и приближающимися к нему.

Ст. 11. Органы всех партий и организаций, входящих в Коммунистический Интернационал и числящихся в составе сочувствующих Коммунистическому Интернационалу, обязаны печатать все официальные постановления Коммунистического Интернационала и его Исполнительного Комитета.

Ст. 12. Общая социально-политическая обстановка во всей Европе и Америке диктует коммунистам всего мира необходимость создавать нелегальные коммунистические организации параллельно с легальной организацией. Исполнительный Комитет обязан следить за тем, чтобы это было проведено в жизнь повсюду.

Ст. 13. По правилу, все важнейшие политические сношения между отдельными партиями, входящими в Коммунистический Интернационал, ведутся через Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала. В случаях спешных сношения ведутся непосредственно, но одновременно об этом сообщается Исполнительному Комитету Коммунистического Интернационала.

Ст. 14. Профессиональные союзы, стоящие на почве коммунизма и об'единяющиеся в международном масштабе под контролем Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала, образуют профессиональную секцию Коммунистического Интернационала. Коммунистические профессиональные союзы посылают своих представителей на всемирные конгрессы Коммунистического Интернационала через коммунистические партии данных стран. Секция профессиональных союзов Коммунистического Интернационала делегирует одного своего представителя в Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала с решающим голосом. Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала имеет право послать в секцию профессиональных союзов Коммунистического Интернационала своего представителя с решающим голосом.

Ст. 15. Международный Союз Коммунистической Молодежи является полноправным членом Коммунистического Интернационала и подчинен его Исполнительному Комитету. В Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала делегируется один представитель Исполнительного Комитета Международного Союза Коммунистической Молодежи с решающим голосом. Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала имеет право послать в исполнительный орган Международного Союза Коммунистической Молодежи своего представителя с решающим голосом.

Ст. 16. Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала утверждает Международного Секретаря Коммунистического женского движения и организует женскую секцию Коммунистического Интернационала.

Ст. 17. При переезде из одной страны в другую, каждый член Коммунистического Интернационала встречает братскую поддержку со стороны местных членов III Интернационала.

26-я Государственная типография.
Петроград, Измайловский, 29.